THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

05(М.Б.) „1903"
11(9)

Годъ XII-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

1845
Пр 56 57

СЕНТЯБРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр

1. СЛІЯНІЕ ГОРОДА СЪ ДЕРЕВНЕЙ НА ЗАПАДѢ. **Евгенія Лозинскаго.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ: I) ШОПОТЪ НОЧИ. II) ВЪ ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ. **В. Башкина.** 30
3. ОЖИЛЪ. Очеркъ изъ хроники города Пропадинска. **Тана.** 31
4. ОТЕЦЪ СОВРЕМЕННАГО АНГЛІЙСКАГО ИМПЕРІАЛИЗМА. (Лордъ Биконсфильдъ—Дизраели). **Э. П.** 60
5. ПОЛИТИКА И РЕЛИГІОЗНАЯ МЫСЛЬ НА ЗАПАДѢ. (Историческій очеркъ). **Евг. Тарле.** 79
6. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** (Окончаніе). Переводъ съ нѣмецкаго. **Л. Горбуновой.** 103
7. СТИХОТВОРЕНІЯ: I) ПИСЬМО. II) БРИЛЛІАНТЫ. **Г. Галиной.** 140
8. ЧЕЛОВѢКЪ. Повѣсть. **Семена Юшкевича.** 141
9. АНЖЕЛО СЕККИ. **К. Покровскаго.** 174
10. ДОНАТЬЕННА. Романъ **Ренэ Базэна.** Переводъ **З. Журавской.** (Окончаніе). 188
11. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ. (Второй международный женскій конгрессъ). **Татьяны Богдановичъ.** 204
12. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ. Часть II. (Продолженіе). **И. Потапенки.** 237
13. СТИХОТВОРЕНІЕ: ЭПИТАФІЯ ДЛЯ КОГО-УГОДНО. (Изъ Ришпена). **Е. В. Дегена.** 282

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Въ университетѣ», г. Бориса Гегидзе.—Двойственность настроенія автора.—Картинки изъ жизни «сытаго» студенчества.—Юношеская путаница мыслей г. Гегидзе.—Двадцатилѣтіе смерти Тургенева.—Значеніе Тургенева въ наше время.—75-лѣтіе Льва Николаевича Толстого. **А. Б.** 1

Годъ XI-й. № 9-й.

МИР Божий

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

AP50
.M67
v.12
no.3

Дозволено цензурою 27-го августа 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. СЛІЯНІЕ ГОРОДА СЪ ДЕРЕВНЕЙ НА ЗАПАДѢ. **Евгенія Лозинскаго.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ: I) ШОПОТЪ НОЧИ. II) ВЪ ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ. **В. Башкина.** 30
3. ОЖИЛЪ. Очеркъ изъ хроники города Пропадинска. **Тана.** 31
4. ОТЕЦЪ СОВРЕМЕННАГО АНГЛІЙСКАГО ИМПЕРІАЛИЗМА. (Лордъ Биконсфильдъ—Дизраели). **Э. П.** 60
5. ПОЛИТИКА И РЕЛИГІОЗНАЯ МЫСЛЬ НА ЗАПАДѢ. (Историческій очеркъ). **Евг. Тарле.** 79
6. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** (Окончаніе). Переводъ съ нѣмецкаго **Л. Горбуновой.** 103
7. СТИХОТВОРЕНІЯ: I) ПИСЬМО. II) БРИЛЛІАНТЫ. **Г. Галиной.** 140
8. ЧЕЛОВѢКЪ. Повѣсть. **Семена Юшкевича.** 141
9 АНЖЕЛО СЕККИ. **К. Покровскаго.** 174
10. ДОНАТЬЕННА. Романъ **Ренэ Базэна.** Переводъ **З. Журавской.** (Окончаніе). 188
11. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ. (Второй международный женскій конгрессъ). **Татьяны Богдановичъ.** 204
12. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ. Часть II. (Продолженіе). **И. Потапенки.** 237
13. СТИХОТВОРЕНІЕ: ЭПИТАФІЯ ДЛЯ КОГО УГОДНО. (Изъ Ришпена). **Е. В. Дегена.** 282

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Въ университетѣ», г. Бориса Гегидзе.—Двойственность настроенія автора.—Картинки изъ жизни «сытаго» студенчества.—Юношеская путаница мыслей г. Гегидзе.—Двадцатилѣтіе смерти Тургенева.—Значеніе Тургенева въ наше время.—75-лѣтіе Льва Николаевича Толстого. **А. Б.** . . . . . .

стр.

15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Къ біографіи В. Г. Короленко.—Характерный документъ.—Взаимопомощь среди рабочихъ.—Библіотека въ Балаханахъ.—Шляпный промыселъ.—За мѣсяцъ. 15
16. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Образованіе»—апрѣль-іюль. «Вѣстникъ Европы»—іюль. «Русская Мысль»—іюль). 27
17. **За границей.** Балканская смута.—Въ Англіи.—Чэмберленъ и его проектъ.—Мѣры противъ иммиграціи иностранцевъ.—Смерть лорда Салисбюри.—Въ берлинской народной школѣ.—Новыя общины.—Европа и китайскіе журналисты. 42
18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Бюро даровыхъ юридическихъ консультацій для женщинъ.—Негритянская проблема.—Президентъ Рузвельтъ. 57
19. ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА ПО ОХРАНѢ ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ ВЪ БЕРЛИНѢ. (Ständige Ausstellung für Arbeiterwohlfahrt). **П. Ш—ва.** 61
20. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Славяне и ихъ физическая эволюція. Пр.-доцента **Р. Вейнберга.** 65
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы.—Исторія русская и всеобщая.—Политическая экономія и соціологія.—Философія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва. 79
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 119
23. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ **С. Степанова.** 122

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** (Продолженіе). Перев. съ нѣмецкаго **Н. Андреева.** 17
25. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейнъ.** 17

СЛІЯНІЕ ГОРОДА СЪ ДЕРЕВНЕЙ НА ЗАПАДѢ.

„Un peu de civilisation éloigne de la vie rurale; beaucoup de civilisation y ramène...“

Emile Vandervelde.

Слова Вандервельда, приводимыя здѣсь въ эпиграфѣ и кажущіяся на первый взглядъ столь парадоксальными, формулируютъ какъ нельзя лучше тотъ основной тезисъ, развитію и обоснованію котораго посвящена настоящая статья: «немного цивилизаціи удаляетъ отъ деревенской жизни, много цивилизаціи опять возвращаетъ насъ къ ней». Другими словами, за всю ненормальную искусственность нашей жизни, отчужденность отъ природы и за всѣ проистекающія отъ этого бѣдствія мы должны винить не цивилизацію и культуру, не развитіе науки и техники и не наше непобѣдимое стремленіе въ великіе городскіе центры, манящіе насъ своимъ движеніемъ и свѣтомъ, а наоборотъ—*недостаточно быстрое развитіе цивилизаціи и культуры*, тормозимыхъ на всякомъ пути всякими отживающими факторами, *недостаточно сильное стремленіе многомилліоннаго населенія къ пріобщенію къ современной городской цивилизаціи*, вообще слишкомъ еще большую близость современныхъ обществъ къ старому, патріархальному, *натуральному* строю жизни. Не быстраго и «чрезмѣрнаго» развитія цивилизаціи должны, такимъ образомъ, бояться всѣ тѣ, кто такъ жестоко страдаетъ отъ крайней ненормальности всей нашей жизни и такъ справедливо жаждетъ ея обновленія подъ благотворнымъ вліяніемъ природы, а наоборотъ, они должны бояться задержки этой хулимой всѣми цивилизаціи на ея пути, отклоненія ея отъ того совершенно правильнаго направленія, которое она приняла въ девятнадцатомъ вѣкѣ и которое въ послѣдніе годы начинаетъ намъ открывать совершенно неожиданныя, но блестящія и радужныя перспективы. Не «назадъ» къ природѣ, къ землѣ и сохѣ должны поэтому звать насъ всѣ, желающіе блага культурному человѣчеству, но именно, какъ и во всемъ прочемъ, *впередъ* къ культурѣ и ко все болѣе утонченной цивилизаціи, впередъ къ сознательному осуществленію ея самопроизвольно или «спонтанейно» возникшихъ тенденцій, ибо лишь впереди

ожидаетъ насъ и обновленная природой культура, и усовершенствованная культурой природа, примиренія казавшихся непримиримыми, противорѣчій *органическое сліяніе города и деревни*...

Все это, въ сущности, и хочетъ сказать вышеприведенная формула Вандервельда, напоминающая намъ по своей формѣ другую, но совершенно противоположную, исходящую отъ Руссо. Чѣмъ ближе къ цивилизаціи, говорилъ женевскій мыслитель, тѣмъ дальше отъ естественности, отъ природы... Чѣмъ цивилизованнѣе, чѣмъ культурнѣе будемъ мы, тѣмъ скорѣе и тѣмъ тѣснѣе придвинемся мы къ нормальному строю жизни, тѣмъ ближе станемъ къ природѣ,—говоритъ теперь историческій матеріализмъ устами своихъ представителей, и говоритъ совершенно справедливо. Въ этомъ-то и заключается великая заслуга теоріи историческаго матеріализма, что она дала намъ надежный ключъ къ разгадыванію современныхъ, крайне сложныхъ и запутанныхъ, соціальныхъ явленій, и что подъ внѣшнимъ покровомъ болѣзненныхъ и мутныхъ процессовъ она открыла побѣги и наслоенія новой, болѣе здоровой, жизни. Гдѣ раньше мы видѣли одно лишь гніеніе, одинъ лишь патологическій процессъ всеобщаго разложенія, эта теорія указала намъ на положительную сторону этого процесса, на постепенное подготовленіе, *благодаря ему*, новыхъ, лучшихъ формъ человѣческаго существованія; она поставила вѣрный діагнозъ настоящему и дала намъ «радостный прогнозъ» будущаго, т.-е. исполнила въ одно и то же время двѣ великія задачи, неоцѣнимыя какъ въ практическомъ, такъ и теоретическомъ отношеніи. Лишь благодаря этой теоріи, мы получили возможность скоро и правильно оріентироваться въ сложномъ хаосѣ современныхъ соціальныхъ явленій; лишь благодаря ей, мы можемъ теперь поставить вполнѣ вѣрный *діагнозъ* столь, казалось, безнадежной гипертрофіи нашей городской цивилизаціи и отгадать то недалекое уже будущее, къ которому наши современные Вавилоны съ неизбѣжностью естественнаго процесса мало-по-малу приближаются*).

Итакъ, обратимся прежде всего, къ «діагнозу», т.-е., къ изслѣдованію современнаго развитія городовъ, къ характеристикѣ его темныхъ и свѣтлыхъ моментовъ.

Прежде всего, не мѣшаетъ напомнить, что гипертрофія городскихъ центровъ и параллельно сопутствующая ей *атрофія деревень* представляютъ собою явленіе, въ сущности, молодое, продуктъ быстраго развитія капиталистическаго строя и техники въ періодъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Въ 1800 г., ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не существовало города, который бы имѣлъ болѣе 1 милліона жите-

*) Чтобы быть правильно понятымъ, я считаю не лишнимъ здѣсь замѣтить, что, указывая на *заслуги* историческаго матеріализма, я отнюдь не подписываюсь подъ его *недостатками*, которые ему, безспорно, присущи.

лей. Филадельфія, тогда главный городъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣлъ всего 69.403 человѣка населенія; Нью-Іоркъ немногимъ болѣе 60 тысячъ. Чикаго не существовало вовсе. Въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка, и чѣмъ ближе къ концу его, тѣмъ съ болѣе усиленнымъ темпомъ, совершался изумительный процессъ централизаціи населенія всѣхъ культурныхъ странъ въ немногія городскія поселенія, грозящія, повидимому, поглотить въ себѣ всѣхъ жителей селъ и деревень. Въ Англіи три четверти всего населенія сконцентрировано въ городахъ; крестьянскаго или земледѣльческаго населенія въ собственномъ смыслѣ не существуетъ, села стали рѣдкостью, и внѣ городовъ виднѣются лишь безлюдные парки и пастбища лендъ-лордовъ. Зато Лондонъ втянулъ въ себя такую колоссальную массу населенія, что сталъ многолюднѣе многихъ европейскихъ *государствъ*. За Лондономъ слѣдуютъ въ томъ же направленіи и другіе европейскіе, а также американскіе города. Нижеслѣдующая таблица наглядно показываетъ тотъ громадный ростъ, который продѣлали эти города въ теченіе одного лишь минувшаго вѣка.

	Въ 1800 году		Въ 1900 году	
Берлинъ	172.000	челов.	1.888.000	челов.
Лондонъ	958.000	»	4.536.000	»
Чикаго	0	»	1.698.000	»
Нью-Іоркъ . . .	60.000	»	3.437.000	»
Филадельфія . .	69.000	»	1.293.000	»
Парижъ	548.000	»	2.714.000	» *)

Эти краснорѣчивыя цифры способны дѣйствительно навести на мысль о гибельности того направленія, которое приняла наша «городская» цивилизація за послѣднее столѣтіе, и о необходимости искусственной задержки дальнѣйшаго ея развитія. Неужели, спрашивается, и всѣ остальныя страны должны придти въ ближайшемъ будущемъ къ тому же состоянію, въ какомъ очутилась въ наше время Англія, съ ея обезлюженными полями и съ переполненными городскими центрами? Гигіенисты, моралисты, педагоги, сельскіе хозяева, наконецъ, простые ревнители патріархальнаго строя жизни и тихихъ нравовъ, всѣ общимъ хоромъ нарекаютъ на то настоящее «переселеніе народовъ» изъ деревень и селъ въ города, въ результатѣ котораго получается, по ихъ мнѣнію, не что иное, какъ лишь физическое и моральное вырожденіе современныхъ обществъ. Сельскіе хозяева приписываютъ такому прогрессирующему растворенію многихъ тысячъ деревень въ нѣсколькихъ десяткахъ городовъ современный кризисъ сельскаго хозяйства; консерваторы всѣхъ оттѣнковъ относятъ къ той же причинѣ возрастающее недовольство массъ. И если послушать ихъ, то такъ и кажется, что они во всемъ правы. Не являются ли, въ

*) E. Vandervelde: L'Exode rural et le retour aux champs, p. 16. (Paris, 1903).

самомъ дѣлѣ, наши большіе города центрами физическаго вырожденія и разврата? Не они ли главные очаги сифилиса, туберкулоза и алкоголизма? Не они ли явятся поэтому въ будущемъ главнѣйшими могильщиками нашей культуры и цивилизаціи, каковыми уже не разъ были большіе города древнихъ народовъ? Вспомнимъ Ниневію, Вавилонъ, Римъ, Карѳагенъ, стянувшіе въ свои стѣны многомилліонное населеніе,—населеніе одного Рима во времена Августа доходило до двухъ милліоновъ,—и ставшіе въ концѣ концовъ факторами соціальнаго упадка древнихъ цивилизацій *). Наши шести и восьмиэтажные дома не новое явленіе въ исторіи, равно какъ и пауперизмъ, физическое вырожденіе и деморализація городского населенія. Въ древности все это было признакомъ и факторомъ несомнѣннаго упадка, противъ котораго напрасно напрягали свои силы лучшіе люди того времени. Ни благородные проекты Гракховъ, ни даже позднѣйшіе попытки «внутренней колонизаціи»—раздача земель римскимъ бездомнымъ босякамъ, щедро производившаяся первыми императорами, не могли оздоровить цивилизацію и вдохнуть жизнь въ омертвѣвшую римскую провинцію. Большіе города какъ бы окоченѣли въ своей переполненности и стали неудержимо разлагаться. По отношенію къ древнимъ цивилизаціямъ можно было бы сказать, хотя и не безъ нѣкоторыхъ существенныхъ оговорокъ, что онѣ погибли отъ своихъ большихъ городовъ. Въ первый періодъ своего развитія они являлись центрами науки и культуры, обращавшимися, однако, затѣмъ въ очаги разнузданнаго мистическаго мракобѣсія и всяческаго декаданса.

Не удивительно, если и среди насъ возникаютъ теперь тревожные вопросы и невольныя сомнѣнія относительно будущности нашей столь гордой цивилизаціи, принявшей, повидимому, столь же зловѣщее направленіе. Если Римъ-городъ погубилъ древнюю римскую имперію, Вавилонъ-городъ все вавилонское царство и т. д., то спрашивается: не погубитъ ли въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ Парижъ Францію, Лондонъ Англію, Берлинъ Германію? Нашему самомнѣнію кажутся такіе вопросы на первый взглядъ парадоксальными, но стоитъ лишь углубиться въ статистическія данныя, относящіяся къ смертности и болѣзненности этихъ городовъ, данныя о преступности, бѣдности и развратѣ, данныя объ алкоголизмѣ, сифилисѣ и туберкулозѣ, о такъ наз. «депопулизаціи» Франціи, объ усиливающейся хилости подростающихъ поколѣній, стоитъ—говоримъ мы—погрузиться въ этотъ объективный, но грозный ко всякимъ иллюзіямъ, міръ поучительныхъ цифръ, выкладокъ и таблицъ, чтобы убѣдиться если не въ справедливости, то въ небезосновательности подобныхъ сомнѣній и вопросовъ, побуждающихъ иного вздыхать по невозвратномъ *натуральномъ* строѣ жизни и всего

*) См. объ этомъ интересное сочиненіе: R. Pöhlmann'a: „Die Uebervölkerung der antiken Gross-Städte", Leipzig 1884, стр. 33 и слѣд.

національнаго хозяйства. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ выходъ изъ такой все усиливающейся централизаціи населенія въ отдѣльныхъ пунктахъ, какъ не въ *прошломъ*, въ движеніи назадъ, къ патріархальной жизни? Вѣдь впереди насъ ждетъ еще большая централизація, все большее поглощеніе сельскаго населенія нѣсколькими большими городами, все большая индустріализація всей соціальной жизни. Если вѣрить Бертело, то, въ силу уже одного прогресса *химіи*, въ 2000-мъ году не будетъ болѣе ни сельскаго хозяйства, ни крестьянъ, ибо химія сдѣлаетъ земледѣліе излишнимъ. Великая проблема изготовленія питательныхъ веществъ химическимъ путемъ будетъ, безъ сомнѣнія, рѣшена. Въ принципѣ этотъ вопросъ можетъ считаться рѣшеннымъ и теперь уже; искусственный синтезъ жировъ и маслъ уже не новость, какъ не новость искусственное приготовленіе сахара и углеводородовъ. Пищу, такимъ образомъ, будутъ доставлять намъ химики, и притомъ не изъ земли, а изъ воздушной атмосферы. То, что теперь намъ даетъ природа, будетъ доставлять индустрія. Пахатныя поля, луга, виноградники исчезнутъ, а мѣсто ихъ займутъ химическія фабрики и лабораторіи. Правда, все это пока мечты знаменитаго французскаго ученаго, но спрашивается: развѣ вся наша дѣйствительность не развивается въ намѣченномъ имъ направленіи?

Мы уже знаемъ, что въ Англіи, наиболѣе опередившей насъ странѣ, нѣтъ уже, въ сущности, ни земледѣлія, ни земледѣльцевъ. Во Франціи сельское населеніе теряетъ въ пользу городского среднимъ числомъ 60 тысячъ человѣкъ ежегодно. Но это ничто въ сравненіи съ индустріализаціей Германіи, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ городское населеніе увеличилось на два, съ половиною милліона *). Въ Бельгіи число лицъ занимающихся земледѣліемъ, доходило въ 1880 году до 1.200.000 человѣкъ; къ концу девяностыхъ годовъ ихъ было уже не болѣе одного милліона. Принимая во вниманіе все ускоряющійся темпъ индустріализаціи современныхъ государствъ, можно полагать, что къ серединѣ настоящаго столѣтія Бельгія и Германія очутятся въ положеніи Англіи.

Какіе громадные размѣры приняло къ концу истекшаго столѣтія переселеніе сельскаго населенія въ городъ, показываетъ уже одно то обстоятельство, что во многихъ большихъ городахъ Германіи не хватаетъ для новоприбывшихъ мѣста. Такъ называемая квартирная нужда (Wohnungselend) обнаруживается, между прочимъ, въ недостаткѣ маленькихъ квартиръ въ одну и двѣ комнаты; цѣлыя семьи чернорабочаго населенія, даже способныя покрыть свои квартирные расходы, остаются среди цѣлаго океана домовъ безъ пріюта и крова, прибѣгая къ ночлежнымъ домамъ или къ особымъ баракамъ, воздвигаемымъ

*) Приведенныя здѣсь цифры относятся къ девяностымъ годамъ и заимствованы нами изъ другого сочиненія Вандервельда „Les villes tentaculaires“, Paris, 1899.

спеціально для этой цѣли городскими управленіями. Рабочія семьи съ большимъ количествомъ дѣтей съ трудомъ находятъ для себя квартиры, и то лишь на самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Квартиранты попадаютъ въ своего рода крѣпостную зависимость отъ домовладѣльцевъ, регламентирующихъ подчасъ даже тѣ или иныя индивидуальныя детали ихъ частной жизни. И все же, несмотря на все это, сельское населеніе покидаетъ насиженныя гнѣзда, оставляетъ привычный образъ жизни, чтобы искать счастья и свѣта въ этихъ колоссальныхъ центрахъ соблазна и вырожденія. «Если бы все пространство нашего королевства,—заявилъ однажды Бальфуръ въ одномъ изъ засѣданій палаты общинъ,—превратилось въ одну лишь пустыню, годную развѣ еще для охоты—и такое предположеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже осуществилось,—если бы переворотъ въ земледѣліи и индустріи сдѣлалъ ненужнымъ сельское хозяйство, то, спрашивается, могло ли бы быть такое общество, замкнутое въ стѣнахъ громадныхъ городовъ и преданное лишь занятію индустріей, названо счастливымъ и здоровымъ? Что касается меня лично, то я не могу представить себѣ подобное состояніе безъ того, чтобы не проникнуться тревогой и страхомъ за будущее...» По поводу этого заявленія знаменитаго англійскаго политика Эмиль Вандервельдъ замѣчаетъ, что и дѣйствительно судьба Англіи, съ ея 75 % городского населенія, отнюдь не является заманчивой перспективой для всѣхъ прочихъ культурныхъ націй. Положеніе всего культурнаго человѣчества было бы, такимъ образомъ, крайне безнадежно, если бы предъ нимъ не открывалось никакихъ другихъ перспективъ, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ мы уже говорили выше, т.-е. или возвращенія назадъ къ натуральному строю жизни, что, впрочемъ, является лишь несбыточной мечтой послѣднихъ могиканъ патріархальнаго романтизма, или еще большей скученности городского населенія и его физическаго и нравственнаго вырожденія.

Къ счастью, сама дѣйствительность открыла намъ въ послѣдніе годы иныя, болѣе радужныя, перспективы, намекающія на возможность *совершенно новаго рѣшенія* одной изъ важнѣйшихъ проблемъ населенія, а именно — его *децентрализаціи, при условіи сохраненія всѣхъ положительныхъ сторонъ современной городской цивилизаціи.* Дѣло въ томъ, что сама экономическая жизнь наиболѣе передовыхъ странъ Европы обнаружила въ послѣднее время, рядомъ съ возрастающей централизаціей населенія, новую тенденцію, сводящуюся къ постепенному отливу населенія изъ городовъ, къ равномѣрному разселенію его по лицу всей земли. Оказывается именно, что самъ естественный ходъ современной экономической эволюціи, создавшій многомилліонные городскіе центры и обезлюдившій провинцію, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обнаруживаетъ новое стремленіе—разсѣять городское населеніе, смѣшать его съ сельскимъ и создать, такимъ образомъ, *новый типъ человѣческихъ поселеній*, который замѣнитъ въ бу-

дущемъ какъ современные города, такъ и современныя деревни. Не растворить деревню въ городѣ стремится это новое, едва лишь зарождающееся, теченіе передовой техники и индустріи, равно какъ и не растворить городъ въ безграничномъ морѣ патріархальныхъ деревень, а именно сліять деревню съ городомъ, сохранивъ при этомъ однѣ лишь положительныя стороны этихъ двухъ, столь различныхъ типовъ, современнаго человѣческаго разселенія. Жизнь сама порождаетъ изъ себя средство исцѣленія накопившихся золъ и ненормальностей, указывая намъ на тотъ путь, въ какомъ должна двигаться наша сознательная дѣятельность, и ободряя насъ надеждой на возможность лучшаго будущаго.

Такое совершенно новое теченіе, обнаружившееся недавно въ соціальной жизни наиболѣе передовыхъ странъ запада, обратило уже на себя вниманіе нѣкоторыхъ вдумчивыхъ наблюдателей этой жизни, опубликовавшихъ по этому поводу нѣсколько крайне занимательныхъ изслѣдованій. Первымъ въ ряду ихъ было сочиненіе одного изъ ревностныхъ поборниковъ идеи націонализаціи земли въ Германіи, Ѳедора Фритча, подъ заглавіемъ *Городъ будущаго* *). Дополненіемъ къ этому сочиненію является его же брошюра: *Die neue Gemeinde* Garten-Stadt, вышедшая недавно вторымъ изданіемъ **). Два года спустя по выходѣ книги Фритча появилось въ Англіи обстоятельное изслѣдованіе Ebeneger'a Howard'a, подъ заглавіемъ: *To Morrow*, въ позднѣйшихъ изданіяхъ—*Garden City of to Morrow*, изслѣдованіе, которое вызвало большую сенсацію въ англійскомъ обществѣ и породило цѣлое движеніе въ пользу осуществленія идей автора. Тому же вопросу посвящена также цитированная уже выше книга Эмиля Вандервельда: «L'exode rural et le retour aux champs». Въ сокращенномъ видѣ это самоновѣйшее изслѣдованіе по данному вопросу появилось въ извѣстномъ брауновскомъ «Архивѣ соціальнаго законодательства и статистики ***). Почти одновременно съ книгой Вандервельда появилась въ Германіи небольшая брошюра Бернгарда Кампфмейера, подъ заглавіемъ: *Сліяніе города и деревни* ****), имѣющая въ виду популяризацію идей въ пользу новаго движенія. Мы говоримъ: въ пользу *новаго движенія*, ибо, дѣйствительно, какъ мы это увидимъ ниже, послѣдніе годы не только обнаружили возникновеніе въ современномъ экономическомъ процессѣ чисто спонтанейной тенденціи въ сторону децентрализаціи населенія на совершенно новыхъ началахъ, но и вызвали въ связи съ этимъ

*) „Die Stadt der Zukunft". Mit zwei farbigen Tafeln und 14 Text Abbildungen. Leipzig, 1896.

**) Въ Лейпцигѣ, 1903. Verlag von Theod. Fritsch

***) „Die Rückkehr nach dem Lande", von Prof. D-r Emil. Wanderwelde. Archiv für soc. Gesetzgebung und Statdet., 1903, 1—2 Heft.

****) „Die Vermählung von Stadt und Sand", ein soziales Experiment. Be 1903. Verlag von Garten-Stadt Gesellschaft.

уже цѣлое *цѣлесознательное движеніе* въ пользу ускоренія и облегченія этого процесса, между прочимъ, путемъ цѣлаго ряда соотвѣтственныхъ соціальныхъ экспериментовъ.

Замѣчательно, что еще задолго до зарожденія настоящаго движенія, когда важнѣйшіе города Европы и Америки далеко еще не достигли современнаго ихъ размѣра, хотя и обнаружили уже всѣ свои отрицательныя стороны, раздавались уже голоса въ пользу созданія новаго типа человѣческаго общежитія, который былъ бы *ни* городомъ, *ни* деревней, а ихъ разумнымъ синтезомъ, соединяющимъ всѣ положительныя качества городской и деревенской жизни и въ то же время исключающимъ ихъ недостатки. Робертъ Оуенъ мечталъ о «примиреніи» индустріи съ сельскимъ хозяйствомъ и рекомендовалъ, для исцѣленія золъ, созданныхъ городской цивилизаціей, равномѣрное раздробленіе всего населенія на небольшія сравнительно группы, въ 1.200 человѣкъ каждая, которыя бы обитали особыя, планомѣрно созданныя, населенія, такъ называемые *параллелограммы*, и занимались бы въ одно и то же время и земледѣліемъ и какой-либо отраслью индустріи. Точно также въ утопіи Фурье нѣтъ мѣста нашимъ грандіознымъ городскимъ населеніямъ; мѣсто селъ и городовъ должны были занять его пресловутые фаланстеры, съ нѣсколькими сотнями человѣкъ каждый. Такому расширенію нашихъ городовъ и деревень въ цѣломъ рядѣ новыхъ человѣческихъ поселеній должно, по мысли Фурье, соотвѣтствовать и рекомендованное уже раньше Оуеномъ сліяніе индустріи съ земледѣліемъ. Эти двѣ великія области человѣческой дѣятельности должны въ будущемъ не поглотить одна другую,—напримѣръ, индустрія сельское хозяйство,—а развиваться гармонично, давая людямъ возможность упражнять одновременно всѣ ихъ силы и способности. Никто не долженъ быть лишенъ благотворнаго вліянія, производимаго сельскохозяйственнымъ трудомъ, равно какъ и никто не долженъ быть исключительно земледѣльцемъ. Фабричный рабочій не долженъ непремѣнно «поглотить» крестьянина, ни крестьянинъ фабричнаго рабочаго. *Новый типъ человѣка* будетъ вполнѣ соотвѣтствовать и новому типу человѣческихъ поселеній.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что какъ Роберту Оуену, такъ и Фурье удалось разгадать великую загадку будущаго, которая многимъ еще и теперь представляется такой запутанной и туманной. Тѣмъ не менѣе, ихъ взглядамъ на этотъ счетъ, какъ и на многое другое, былъ въ значительной степени присущъ утопическій элементъ: ихъ положительные проекты и построенія носили черезчуръ ужъ искусственный характеръ, а осуществленіе ихъ возлагалось исключительно на добрую волю и здравый смыслъ отдѣльныхъ личностей. Вся окружающая дѣйствительность была чужда и даже враждебна ихъ планамъ; общественная жизнь кристаллизировалась въ формы, совершенно противоположныя тѣмъ, какія рисовались воображенію этихъ двухъ утопистовъ.

Какъ ни велики были уже и тогда, въ первую четверть девятнадцатаго столѣтія, крупнѣйшія города Европы, чрезмѣрный ростъ ихъ былъ еще впереди. Новый быстрый прогрессъ техники, полный расцвѣтъ индустріи, усовершенствованные пути и средства сообщенія явились могущественными факторами городской централизаціи и опустѣнія селъ и деревень. Соціально-экономическій прогрессъ былъ, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе враждебенъ разнымъ «параллелограммамъ» и идиллическимъ «фаланстерамъ», и наши благородные утописты чувствовали, вѣроятно, себя крайне безпріютно среди той дѣйствительности, которая двигалась, повидимому, въ сторону, совершенно противоположную ихъ завѣтнѣйшимъ мечтамъ и идеаламъ. Повсюду въ Европѣ наступала пора желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, явившихся однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ разрушенія патріархальнаго строя жизни. Паровая машина наносила ударъ за ударомъ домашней промышленности; распаденія натуральнаго хозяйства влекло за собою исчезновеніе общинныхъ порядковъ; аграрный кризисъ, какъ результатъ совершившагося переворота въ средствахъ транспорта, внесъ еще болѣе смуты и нужды въ деревенскій строй жизни, усиливъ въ ней тяготѣніе къ городамъ. Старыя, насиженныя гнѣзда покидались съ тѣмъ большею легкостью, чѣмъ гуще становилась желѣзнодорожная сѣть, чѣмъ легче возможность передвиженія. И въ то самое время, какъ отталкивающая сила деревни выгоняла изъ нея цѣлыя тысячи наиболѣе активныхъ элементовъ, притягательная сила городовъ достигла своей самой высокой степени. Надежда на болѣе высокій и обезпеченный заработокъ, стремленіе къ болѣе свободной жизни, жажда знанія и новыхъ впечатлѣній, все это неудержимо гнало сельское населеніе въ города, принимавшіе небывалые размѣры. Но даже и въ это время всеобщей мобилизаціи не было недостатка въ людяхъ, вѣрившихъ въ возможность и въ вѣроятность болѣе разумнаго распредѣленія населенія на землѣ и, въ отличіе отъ Фурье и Оуена, указывавшихъ даже на реальные факторы, содѣйствующіе такому распредѣленію. Въ 1838 году, когда французское правительство впервые внесло въ парламентъ свой проектъ проведенія желѣзнодорожной линіи черезъ всю страну по направленію къ границамъ, парижская академія объявила для соревнованія слѣдующую тему, явившуюся отраженіемъ тогдашней злобы дня: «Какъ отразится вліяніе моторныхъ силъ и средствъ сообщенія, распространяющихся теперь на обѣихъ половинахъ земного шара, на матеріальномъ благосостояніи, гражданской жизни, соціальныхъ условіяхъ и международныхъ отношеніяхъ?» Удостоеннымъ преміи оказалось сочиненіе одного малоизвѣстнаго идеолога того времени, С. Pequeur'a, воспитавшагося на идеяхъ вышеназванныхъ утопистовъ, но и опередившаго уже ихъ болѣе глубокимъ пониманіемъ реальныхъ общественныхъ силъ, подъ вліяніемъ которыхъ находилась въ это время окружавшая ихъ дѣйствительность. Книга Pequeur'a, опублико-

ванная въ 1839 году въ Парижѣ, носила заглавіе: «Des intérets du commerce, de l'industrie et de l'agriculture et de la civilisation, en général, dans l'influence des application de la vapeur». Въ этомъ крайне оригинальномъ изслѣдованіи, пытающемся разгадать далекіе горизонты будущаго, особенно интересны главы, посвященныя вопросамъ о будущности индустріи и сельскаго хозяйства, о желательности ихъ гармоничнаго соединенія, о будущемъ распредѣленіи населенія и новыхъ планахъ городского разселенія. Подобно Фурье и Овену, онъ отрицательно относится къ основнымъ характеристическимъ чертамъ городской цивилизаціи, но главную свою надежду на болѣе разумный строй общества онъ возлагаетъ не на внутреннюю убѣдительную силу опредѣленной общественной идеи, не на поворотъ во взглядахъ и мнѣніяхъ современниковъ, а на естественный ходъ вещей въ томъ направленіи, въ какомъ обусловили его новѣйшія измѣненія и открытія. У него находимъ мы то, чего такъ недоставало обоимъ его предшественникамъ, а именно—довѣріе къ дѣйствительности, къ ея творческой и самопроизвольной дѣятельности. Одинъ ужъ прогрессъ техники, все большее усовершенствованіе и развитіе средствъ сообщенія должны, по его мнѣнію, повлечь за собою крупныя перемѣны въ цѣломъ строѣ соціальной жизни, реформировать ее въ направленіи, соотвѣтствующемъ его идеаламъ. Это глубокое довѣріе Pequeur'a къ благотворной соціальной роли всѣхъ этихъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и другихъ чудесъ техники было столь безгранично, что послужило причиной одного его крупнаго заблужденія: онъ упустилъ именно изъ виду, что такая положительная, созидающая новыя формы жизни, миссія новыхъ техническихъ изобрѣтеній можетъ проявиться не вдругъ, при первомъ же примѣненіи ихъ къ дѣйствительности, а лишь послѣ долгихъ лѣтъ отрицательной работы и ликвидаціи послѣднихъ остатковъ стараго, натуральнаго хозяйства.

Впереди ему уже улыбались свѣтлыя перспективы «сліянія города съ деревней» и, ослѣпленный ими, онъ не замѣчалъ того долгаго и тяжкаго пути *еще болѣе сильнаго раскола между городомъ и деревней*, который лежалъ между обществомъ его времени и тѣми далекими горизонтами. Та самая техника, которая обѣщала въ будущемъ совершенное устраненіе тѣневыхъ сторонъ какъ городской, такъ и деревенской жизни, усиливала ихъ покамѣстъ въ небывалой до сихъ поръ прогрессіи. При всей своей геніальной дальнозоркости, Pequeur не постигъ всей тайны соціальной діалектики, управляющей всѣмъ ходомъ человѣческой исторіи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ первый, предугадавшій великую преобразующую силу техники въ современномъ обществѣ и ея рѣшающую роль въ предстоящемъ сліяніи города съ деревней. Ему были ненавистны всѣ тѣневыя стороны большихъ городскихъ центровъ, но онъ въ то же время не идеализировалъ и деревни. «Во многихъ отношеніяхъ,—писалъ онъ между прочимъ,—одни лишь города являются истинными основами цивилизаціи. Въ городахъ царятъ

вѣжливость и хорошій тонъ, кипитъ жизнь и движеніе, гнѣздится благосостояніе и роскошь. Здѣсь свѣтъ, великолѣпіе и блескъ искусствъ, здѣсь имѣются широкія улицы, величественныя общественныя зданія, изящные, удобные и здоровые частные дома, мощеныя дороги. Въ деревнѣ же царитъ нужда, тамъ невѣжество и вульгарныя развлеченія грубой чувственности; хижины крыты соломой, темны, безобразны и вонючи, а дороги лежатъ въ состояніи варварскаго запустѣнія. Въ городахъ находятся большія мастерскія, оживленная торговля самыми разнообразными товарами; въ деревнѣ одно лишь сельское хозяйство, уединенное, точно въ изгнаніи, умственная спячка, вообще рутина». Новые пути сообщенія все это измѣнятъ. Они возстановятъ прежній, столь естественный и благотворный союзъ между различными отраслями промышленной дѣятельности. Деревня станетъ немного городомъ, городъ—деревней. Желѣзныя дороги, каналы, пароходы, сокращающіе разстоянія между городомъ и деревней, уменьшатъ необходимо и тотъ контрастъ, какой существуетъ теперь между ними. Индустрія станетъ переселяться въ сельскія мѣстности, переманивая съ собою туда значительный контингентъ городскихъ жителей и удерживая сельскихъ обывателей отъ переселенія. Свѣтлыя стороны городской цивилизаціи распространятся равномѣрно по всей странѣ, такъ что «деревня будущаго» приметъ до извѣстной степени городской видъ. И наоборотъ, разрѣженные города покроются виллами, которыя своими безчисленными парками и садами будутъ имъ придавать видъ деревень. Скученность населенія, квартирная нужда, проникнутая міазмами атмосфера станутъ мрачнымъ преданіемъ старины, а вмѣстѣ съ ними прекратится физическое и моральное вырожденіе человѣчества...

Такія свѣтлыя мечты, хотя и были въ свое время удостоены академіей почетной преміи, но вскорѣ были забыты, вмѣстѣ съ ихъ авторомъ, ибо дѣйствительность, какъ мы уже замѣтили выше, обнаруживала по внѣшнему виду совершенно иныя намѣренія: городъ все болѣе становился городомъ, деревня—деревней, и пропасть между ними становилась непроходимѣе.

Съ тѣхъ поръ протекли многіе десятки лѣтъ, поколѣнія смѣняли поколѣнія, а мечта Pequeur'a все не осуществлялась. Сѣть желѣзныхъ дорогъ достигла необыкновенной густоты, покрывъ собою всѣ страны свѣта; возникли новыя усовершенствованія въ средствахъ и путяхъ сообщенія; появились телеграфы и телефоны, автомобили и бисиклеты, а контрастъ между городомъ и деревней все усиливался.

Такъ продолжалось вплоть до сегодняшняго дня, но именно *только* до сегодняшняго дня. Съ нѣкотораго время дѣйствительность обнаружила въ болѣе передовыхъ странахъ знаменательный поворотъ въ сторону того самаго идеала, который только что цитированному французскому ученому казался еще въ тридцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія такимъ близкимъ. Централизующее движеніе населенія, вызванное прогрессомъ техники, переходитъ въ свою противоположность,

т.-е. въ постепенную децентрализацію населенія изъ большихъ городовъ въ провинціальную периферію. Въ названномъ выше изслѣдованіи Вандервельда: «L'exode rural et le retour aux champs» мы находимъ цѣлый рядъ фактическихъ, крайне интересныхъ данныхъ, подтверждающихъ какъ нельзя лучше существованіе въ наши дни *новой эволюціи въ распредѣленіи населенія между городомъ и деревней*,— эволюціи, обѣщающей намъ исходъ изъ того критическаго состоянія всеобщей дегенераціи, въ какомъ очутились въ послѣднее время какъ городъ, такъ и деревня въ культурныхъ странахъ. То, что не было возможнымъ для древнихъ цивилизацій, погибшихъ отъ своихъ громадныхъ культурныхъ центровъ, то, благодаря современной техникѣ, оказывается возможнымъ новѣйшей цивилизаціи, находящей въ самой себѣ средства устраненія своихъ тѣневыхъ сторонъ.

Возникаетъ, такимъ образомъ, самый существенный вопросъ: въ чемъ именно состоятъ эти средства, и какова та новая эволюція, которая обѣщаетъ намъ освобожденіе отъ тѣсноты, вони и связанности городской жизни вмѣстѣ съ сохраненіемъ ея незамѣнимыхъ ничѣмъ положительныхъ сторонъ и достоинствъ?

Чтобы получить вполнѣ точный отвѣтъ на эти вопросы, необходимо обратиться прежде всего къ цифровымъ даннымъ статистики населенія современныхъ крупныхъ городскихъ центровъ. Что говорятъ намъ эти нелицепріятныя данныя? указываютъ ли они на какое-либо существенное измѣненіе въ ростѣ большихъ городовъ въ наиболѣе культурныхъ странахъ?

Да, несомнѣнно, указываютъ. Уже собственно съ давнихъ поръ статистика отмѣтила тотъ характерный процессъ въ движеніи городского населенія, который состоитъ *въ довольно быстромъ сокращеніи числа обитателей внутреннихъ городскихъ участковъ*. Центростремительное движеніе городского населенія въ прежнее время замѣняется теперь *центробѣжнымъ*. Въ Лондонѣ такое перемѣщеніе центра тяготѣнія изъ внутреннихъ частей города въ периферію началось уже сравнительно давно. Вотъ каково, напримѣръ, было движеніе населенія одиннадцати старѣйшихъ и центральныхъ дистриктовъ великобританской столицы въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка:

Годы.	Абсолют. цифры.	Процентн. отношеніе 11-ти центральныхъ дистриктовъ къ общей цифрѣ лондонскаго населенія.
1801	588.264	61,3
1851	1.129.599	48,0
1861	1.187.687	42,3
1871	1.155.462	35,5
1881	1.101.994	28,8
1891	1.022.951	24,3

Такимъ образомъ, уже съ самаго начала прошлаго столѣтія мы замѣчаемъ паденіе относительныхъ цифръ городского населенія внутреннихъ частей Лондона, а съ половины того же столѣтія паденіе и абсолютныхъ цифръ. Этотъ второй столбецъ нашихъ цифръ какъ нельзя болѣе наглядно указываетъ намъ на быстрый процессъ децентрализаціи лондонскаго населенія, усиливающійся съ каждымъ днемъ. Внутренній Лондонъ пустѣетъ, и если этотъ процессъ продолжится еще нѣсколько десятилѣтій,—въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, то, какъ шутливо замѣчаетъ Вандервельдъ, во всѣхъ одиннадцати дистриктахъ этого мірового города останутся одни лишь дворники и консьержи.

То же самое явленіе замѣчается также въ Вѣнѣ, въ Парижѣ (а именно, въ первыхъ четырехъ его округахъ) и, вѣроятно, въ другихъ европейскихъ и американскихъ городскихъ центрахъ. Несмотря, однако, на такое центробѣжное стремленіе, замѣчаемое внутри самихъ городовъ, общая цифра ихъ населенія все еще возрастаетъ. Городъ въ своемъ цѣломъ продолжаетъ еще быть центромъ, куда стекаются наиболѣе активные и подвижные элементы страны, переполняющіе его фобурги. Но и тутъ, однако, замѣчается одна довольно знаменательная перемѣна: *прогрессія роста городовъ и притока къ нему посторонних элементовъ обнаруживаетъ наклонность къ паденію.* Другими словами: города продолжаютъ еще расти теперь, какъ и прежде; постороннее населеніе продолжаетъ стекаться въ нихъ теперь, какъ и прежде, но темпъ этого движенія замедляется съ каждымъ днемъ; притягательная сила городовъ ослабляется; *внѣ* ихъ зарождаются силы съ совершенно новой тенденціей, враждебной централизаціи. Отталкивающая сила деревни постепенно переходитъ въ притягательную...

Такая глубокая и крайне знаменательная перемѣна въ распредѣленіи населенія обязана своимъ возникновеніемъ цѣлому ряду факторовъ, обнаружившихъ свое дѣйствіе лишь въ самое послѣднее время. Первымъ изъ такихъ факторовъ является прогрессирующее удешевленіе и усовершенствованіе тѣхъ самыхъ путей и средствъ сообщенія, которые до настоящаго времени были какъ разъ именно однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ городской централизаціи и опустѣнія деревень. Въ наиболѣе культурныхъ и густо населенныхъ странахъ, гдѣ разстояніе между городами и промышленными центрами не велико и гдѣ желѣзнодорожный тарифъ низокъ,—въ Бельгіи, напримѣръ, сельское населеніе получаетъ возможность работать въ городскихъ и промышленныхъ центрахъ, не перемѣняя своего мѣста жительства. Становясь городскимъ и, вообще, фабрично-заводскимъ рабочимъ, сельскій житель, вмѣстѣ со своей семьей, продолжаетъ жить на своемъ кускѣ земли, полу-крестьяниномъ, полу-рабочимъ, предпочитая городу деревню. При другихъ, болѣе тяжкихъ, условіяхъ передвиженія, десятки тысячъ такихъ рабочихъ должны бы были переселиться въ соотвѣтственные

города, способствуя тѣмъ самымъ дальнѣйшей концентраціи населенія. Теперь же они остаются на мѣстѣ, отчего выигрываютъ прежде всего семьи самихъ рабочихъ, продолжающія существовать при болѣе здоровыхъ—въ физическомъ и моральномъ отношеніи условіяхъ, и затѣмъ вся, вообще, деревня, не лишенная своихъ лучшихъ элементовъ.

Итакъ, мы видимъ, какъ уже одинъ этотъ факторъ—низкіе желѣзнодорожные тарифы—способенъ съ извѣстнаго момента и при наличности довольно высокихъ культурныхъ условій содѣйствовать децентрализаціи населенія и такъ называемому сліянію города съ деревней. Вандервельдъ полагаетъ, что переходъ желѣзнодорожныхъ дорогъ въ государственную собственность значительно содѣйствуетъ такому движенію, ибо такой переходъ сопровождается обыкновенно довольно быстрымъ пониженіемъ желѣзнодорожныхъ, особенно пассажирскихъ, тарифовъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Бельгіи, гдѣ желѣзныя дороги принадлежатъ государству, пассажирскій тарифъ для рабочихъ крайне низокъ. Бельгійское правительство, задавшееся цѣлью возможно большаго покровительства національной индустріи, приложило всѣ старанія къ тому, чтобы довести мобилизацію рабочихъ массъ до самой высокой степени. Пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы облегчить сельскому населенію доступъ на фабрики и заводы и тѣмъ самымъ усилить предложеніе рабочихъ рукъ въ сферѣ индустріи. Съ этою цѣлью и были, между прочимъ, введены такъ называемые недѣльные купоны, дающіе рабочимъ право на протяженіи 50 километровъ отправляться къ мѣсту своей работы и обратно, шесть разъ въ недѣлю, *за 2 франка 25 сантимовъ*, въ то время какъ остальной публикѣ одинъ лишь билетъ третьяго класса съ ретуромъ обходится въ 3 фр. 5 сантимовъ. Можно ли удивляться, что при такой дешевизнѣ передвиженія бельгійскіе рабочіе, имѣющіе постоянное занятіе въ городахъ, остаются на жительствѣ въ своихъ деревняхъ, предпочитая ежедневное передвиженіе по желѣзной дорогѣ переселенію въ городъ. Еще въ девяностыхъ годахъ число такихъ рабочихъ достигло въ среднемъ крупной цифры—80.000 человѣкъ, представляющихъ собою тотъ первый *плюсъ*, какой бельгійская деревня выиграла въ послѣдніе годы въ ущербъ городу *).

Тотъ же самый факторъ, т.-е. удешевленіе и усовершенствованіе путей и средствъ сообщенія, проведеніе электрическихъ трамваевъ, всеобщее распространеніе бисиклета, способствуетъ выселенію изъ городовъ въ прилегающія села и деревни также болѣе состоятельныхъ слоевъ общества. Чиновники, купцы, свободные отъ всякихъ служебныхъ обязанностей рентьеры, представители интеллигенціи начинаютъ

*) Всѣ данныя, относящіяся къ этому интересному явленію, мы заимствуемъ изъ другого, болѣе ранняго, сочиненія Э. Вандервельда: „Les villes tantaculaires“, Paris, 1899, p. 17—20. Изъ новаго его сочиненія мы узнаемъ, что число такихъ рабочихъ возросло въ 1901 г. до 100 тысячъ человѣкъ.

все болѣе переселяться изъ большихъ городовъ въ окрестныя села, превращая послѣднія въ привѣтливые городки-виллы, съ огородами и садами, со всѣми положительными сторонами деревенской жизни, безъ ея неудобствъ, и располагая при этомъ возможностью въ какіе-нибудь полъ-часа быть въ городѣ, на мѣстѣ своей службы. Вблизи Берлина, напримѣръ, находится цѣлый рядъ деревень—Mariendorf, Wilmersdorf, Schlachtensee, куда въ послѣднее время совершается настоящая эмиграція самыхъ различныхъ слоевъ берлинскаго населенія. Такую же роль по отношенію къ Парижу играютъ St.-Germain, Bois-de-Colombes, St.-Cloud и другіе окрестные города-дачи. Мы находимся пока въ самомъ началѣ такого движенія, но несомнѣнно, что въ недалекомъ будущемъ оно приметъ далеко большіе размѣры. И легко предвидѣть въ общихъ чертахъ тѣ постепенныя стадіи развитія, какія будетъ проходить такое «возвращеніе къ полямъ», retour aux champs: съ одной стороны, новые городки—дачи, достигнувъ извѣстной густоты населенія, дадутъ своимъ жителямъ цѣлыя категоріи занятій на мѣстѣ и эмансипируютъ ихъ, такимъ образомъ, совершенно отъ города-метрополіи; съ другой стороны, прогрессирующее раствореніе города-метрополіи въ массѣ новыхъ поселеній перейдетъ за границы ближайшихъ окрестностей, разбрасывая по всей далекой округѣ все новые городки дачи. Такое раствореніе большихъ городовъ въ массѣ населеній новаго типа не означаетъ еще ихъ исчезновенія; наоборотъ, исчезнутъ лишь ихъ крайняя скученность, громадные дома-казармы, вонючіе кварталы фобурговъ; всему этому наступитъ, несомнѣнно конецъ, но опустѣвшія мѣста замѣнятся парками и садами, небольшими домами съ прилегающими къ нимъ садиками и огородами, превращая, такимъ образомъ, самъ старый городъ въ совершенно новое поселеніе по послѣднему, такъ сказать, образцу. Такая метаморфоза не можетъ, однако, мѣшать старому городу-метрополіи, несмотря на всѣ совершившіяся съ нимъ перемѣны, оставаться и впредь главнымъ центромъ управленія, наукъ и искусствъ. Согласно поэтической мечтѣ Вильяма Мориса, выраженной въ его извѣстномъ утопическомъ романѣ «New from Nowhere», Лондонъ станетъ въ будущемъ лишь наиболѣе выдающимся центромъ науки, искусства, соціальныхъ интересовъ; здѣсь будутъ самые большія залы собраній; лондонское небо станетъ прозрачнымъ, очищеннымъ отъ густого дыма фабричныхъ трубъ; вода Темзы станетъ здоровой и чистой, а многоэтажные дома уступятъ свое мѣсто уютнымъ котэджамъ, съ веселыми садиками и цвѣтниками...

Таковы мечты, осуществить которыя, повидимому, призваны наши желѣзныя дороги, пароходы, электрическіе трамваи, бисиклеты, автомобили. Но, къ счастью, для этихъ свѣтлыхъ мечтаній, не одни лишь современные усовершенствованные пути и средства сообщенія являются тѣмъ факторомъ, который уже теперь, въ наши дни, работаетъ въ

направленіи децентрализаціи населенія и связаннаго съ этимъ «сліянія города съ деревней». Въ томъ же направленіи вліяютъ также и кое-какіе новые процессы въ чисто-экономической сферѣ современной общественной жизни. Къ числу ихъ принадлежитъ прежде всего замѣчаемая повсюду *индустріализація сельскаго хозяйства*. Аграрный кризисъ послѣднихъ лѣтъ вызвалъ повсюду мысль о необходимости болѣе усиленнаго развитія сельско хозяйственныхъ техническихъ производствъ, а также практическія попытки въ этомъ направленіи. Сельскіе хозяева, много теряющіе теперь въ сферѣ чисто-земледѣльческой, стремятся покрыть эти потери насажденіемъ техническихъ производствъ—свеклосахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ, маслобойнаго дѣла, выдѣлки крахмала. Эти производства, важныя сами по себѣ, даютъ сельскимъ хозяевамъ также возможность болѣе раціональной организаціи и самого земледѣлія: землѣ непосредственно возвращается въ видѣ удобренія все то, что раньше посылалось на рынокъ въ видѣ сырыхъ продуктовъ. Кромѣ такихъ чисто техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ, въ деревняхъ и селахъ, прилегающихъ къ удобнымъ и дешевымъ средствамъ транспорта, развиваются огородничество и садоводство, открывающія новый источникъ существованія и заработка мѣстнымъ жителямъ. Все это, вмѣстѣ взятое, увеличиваетъ экономическую силу провинціи, потрясенную аграрнымъ кризисомъ и другими причинами, создаетъ на мѣстѣ новыя точки приложенія труда и тѣмъ самымъ отвлекаетъ сельское населеніе отъ эмиграціи въ города и другіе индустріальные центры.

Другой интересный процессъ, замѣчаемый въ современной экономической жизни, состоитъ *въ усиливающемся переселеніи самой индустріи изъ городовъ въ деревни*. Цѣлый рядъ причинъ побуждаетъ теперь предпринимателей переносить свои фабрики и заводы въ мѣстности, лежащія подальше отъ густо населенныхъ пунктовъ. Въ городахъ дорога земельная рента, высока заработная плата, необходимы посредники для доставки сырыхъ матеріаловъ; наоборотъ, въ деревняхъ и прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ земельная рента сравнительно ничтожна, рабочіе болѣе сговорчивы, сырой матеріалъ подъ рукой. Много способствуетъ такому переселенію капитализма въ деревню также усиливающееся примѣненіе электричества къ машинному производству. Современный капиталистъ становится любителемъ горныхъ пейзажей, горныхъ рѣкъ и ручьевъ, доставляющихъ ему даровую двигательную силу. «Паровая машина,—говоритъ Вандервельдъ,—съ ея угольнымъ голодомъ, удалила фабрики отъ рѣкъ и ручьевъ; электричество опять придвигаетъ ихъ къ нимъ». И въ самомъ дѣлѣ, данныя, приводимыя имъ въ своей книгѣ, свидѣтельствуютъ о крайне знаменательномъ поворотѣ, замѣчаемомъ въ самоновѣйшемъ развитіи современной индустріи. Цѣлыя области Германіи, Австріи и сѣверной Италіи, горныя равнины Пиринеевъ, восточныя провинціи Франціи переживаютъ въ

настоящее время такое вторженіе вооруженнаго всѣми чудесами современной техники капитала въ пустынныя и скудныя дотолѣ мѣстности. Въ приальпійской французской провинціи, напримѣръ, въ Дофинэ, отдававшей до сихъ поръ наиболѣе активные элементы своего населенія городамъ, можно встрѣтить теперь довольно крупныя промышленныя предпріятія. Давно забытые и почти всѣми покинутые пустыри, жалкія убѣжища обѣднѣвшаго и вырождающагося населенія колонизуются теперь бодрымъ и предпріимчивымъ людомъ, покрываются опрятными домами, прорѣзываются полотномъ желѣзной дороги, соединяются телеграфными столбами съ культурными центрами, вообще принимаютъ совершенно обновленный видъ. Мѣстное населеніе не имѣетъ уже болѣе нужды выселять свои лучшія силы въ далекіе города,—онѣ находятъ себѣ приложеніе уже на мѣстѣ, при постройкѣ фабричныхъ зданій, помѣщеній для служащихъ, при проложеніи желѣзнодорожныхъ линій, проведеніи электрическихъ трамваевъ, да мало ли при чемъ. Работы прибываетъ съ каждымъ днемъ все болѣе, все окрестное населеніе выходитъ изъ состоянія летаргіи, жалкія лачужки превращаются въ дома,—все вообще, не исключая и самого населенія принимаетъ полугородской-полудеревенскій видъ.

Такъ мало-по-малу возникаетъ и усиливается новый, необычайно оригинальный, процессъ «сліянія города съ деревней» на Западѣ, процессъ децентрализаціи всего населенія и равномѣрнаго распредѣленія его по всему пространству земли. Центростремительное движеніе еще не прекратилось, еще цѣлые десятки тысячъ людей переселяются ежегодно въ современные Вавилоны, но въ противовѣсъ этому движенію зарождается уже новое—*центробѣжное*, усиливающееся съ каждымъ днемъ и гарантирующее, такимъ образомъ, современное культурное человѣчество отъ того конечнаго—физическаго и моральнаго—вырожденія, какое постигло древнія цивилизаціи...

Но кромѣ только что перечисленныхъ техническихъ и экономическихъ факторовъ, въ томъ же направленіи дѣйствуетъ еще цѣлый рядъ другихъ причинъ *соціально-психологическаго*, такъ сказать, характера. Всѣми овладѣваетъ теперь неудержимое стремленіе вырваться, хотя бы на самое короткое время, изъ душной и пыльной атмосферы города, могучее желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ; потребность въ дачной жизни возникаетъ теперь и въ самыхъ бѣдныхъ слояхъ общества, равно какъ и жажда къ путешествіямъ, къ перемѣнѣ внѣшней обстановки жизни. Бисиклетъ и дешевые пути сообщенія еще болѣе усиливаютъ эту тягу къ полямъ, деревенскимъ пейзажамъ, въ горы, къ морскимъ берегамъ. Благодаря все большему распространенію гигіеническихъ знаній, сознаніе вреда и опасности современнаго переутомленія и исключительной городской жизни проникаетъ въ самые глубокіе слои народа и вызываетъ повсюду реакцію въ формѣ стремленія къ природѣ, къ ея животворному вліянію и приволью. Результа-

томъ всего этого является необыкновенное оживленіе провинціи. Гостинницы и курорты растутъ, какъ грибы; тысячи странствующихъ туристовъ открываютъ сельскимъ жителямъ новые источники существованія. Дачная жизнь на Западѣ быстро демократизируется. Въ Англіи рабочіе профессіональные союзы располагаютъ обыкновенно особыми кассами, дающими возможность ихъ членамъ провести недѣлю-другую гдѣ-либо на морскомъ берегу или совершить продолжительную прогулку черезъ всю страну. Въ ланкаширскомъ промышленномъ округѣ рабочіе освобождаются съ этою цѣлью на недѣльный срокъ, такъ-называемый «wakes»; островъ Мэнъ и приморскіе берега, прилегающіе къ этому округу, покрываются во время такихъ «wakes» цѣлыми отрядами такихъ туристовъ-рабочихъ, набирающихся такимъ путемъ свѣжихъ силъ и новыхъ живыхъ впечатлѣній. По увѣренію Шульце-Геверница, въ одномъ Ольдгемѣ рабочія кассы отряжаютъ съ этой цѣлью, для такъ называемаго going of club, 65 тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно. Все это, конечно, не болѣе какъ первые шаги въ новомъ, отмѣченномъ нами, движеніи; въ недалекомъ будущемъ оно перейдетъ въ могучій потокъ цѣлыхъ массъ населенія по направленію къ благотворнымъ источникамъ физическаго возрожденія—къ полямъ, лѣсамъ, горамъ, рѣчнымъ и морскимъ берегамъ, и оживитъ, въ свою очередь, эти пустынныя мѣстности цѣлыми новыми поселеніями.

Съ другой стороны, тѣ же причины, а именно усиливающійся спросъ на чистый и свѣжій воздухъ, потребность въ болѣе здоровыхъ гигіеническихъ и санитарныхъ условіяхъ побуждаютъ городскія управленія проводить цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ тенденцію придать городу деревенскій или, вѣрнѣе, дачный видъ: узкія улицы и тѣсные переулки уступаютъ мѣсто широкимъ бульварамъ, увеличивается число парковъ и скверовъ съ пѣнящимися фонтанами; санитарныя условія улучшаются съ каждымъ днемъ: усиливающееся недовольство городскихъ квартирантовъ своей «крѣпостной зависимостью» отъ зазнавшихся домовладѣльцевъ, разнузданная спекуляція земельной рентой въ большихъ городахъ и другія причины возбуждаютъ вопросъ о муниципализаціи частныхъ земельныхъ участковъ и о другихъ крупныхъ реформахъ въ сферѣ городского хозяйства, которыя своимъ осуществленіемъ дали бы могущественный толчокъ дальнѣйшей децентрализаціи населенія.

Можно ли послѣ всего этого удивляться, что такое, почти-что стихійное, аморфное и спонтанейное, движенье «къ полямъ», къ болѣе равномѣрному разселенію населенія въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ, вызвало, наконецъ, *сознательныя усилія въ томъ же направленіи*, цѣлесознательное и планомѣрное движеніе частныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, имѣющее въ виду ускорить, на сколько возможно, отмѣченный нами процессъ—сліяніе города съ деревней. Первымъ конкретнымъ выраженіемъ такого пробуждающа-

гося сознательнаго движенія была, какъ мы уже выше сказали, небольшая книга Федора Фритча: «Городъ будущаго», вышедшая въ 1896 г. въ Лейпцигѣ. Но еще до него, въ одной, весьма популярной въ Германіи книгѣ Бебеля: «Die Frau», изслѣдующей судьбы женщины въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, вопросъ о децентрализаціи населенія былъ поставленъ и рѣшенъ съ замѣчательной *принципіальной* ясностью, несмотря на то, что авторъ коснулся этого вопроса въ своей книгѣ лишь вскользь, посвятивъ ему, въ общемъ, всего три-четыре страницы. По его мнѣнію, болѣе равномѣрное распредѣленіе населенія по всей странѣ необходимо, между прочимъ, и въ интересахъ болѣе раціональной почвенной культуры. Сохраненіе плодородія почвы и его повышеніе,—говоритъ онъ, зависятъ отъ обилія всякаго рода удобрительныхъ матеріаловъ. Почвѣ должны быть возвращаемы тѣ же химическіе элементы, которые теряются ею во время жатвы. Въ этомъ отношеніи грѣшатъ нынѣ крайне много, особенно наши большіе города и промышленные центры, получающіе извнѣ цѣлыя массы пищевыхъ продуктовъ, но возвращающіе почвѣ лишь самую незначительную часть цѣнныхъ отбросовъ и экскрементовъ. Въ результатѣ, сельскія хозяйства, болѣе отдаленныя отъ городовъ и промышленныхъ пунктовъ и отдающія имъ ежегодно большую часть своихъ продуктовъ, чувствительно страдаютъ отъ недостатка удобренія. Удобрительныя вещества, получаемыя отъ мѣстнаго сельскаго населенія съ его живымъ инвентаремъ, оказываются обыкновенно недостаточными, такъ какъ на мѣстѣ потребляется лишь часть урожая. Крайне неравномѣрное распредѣленіе населенія, хотя, разумѣется, и не одно оно, истощаетъ, такимъ образомъ, почву и понижаетъ прогрессивный урожай. Искусственное удобреніе, по своей дороговизнѣ, недоступно большинству земледѣльцевъ, и во всякомъ случаѣ, развѣ не нелѣпо доставлять удобреніе изъ-за тридевяти земель въ то время, какъ въ самой странѣ, въ ея большихъ городскихъ центрахъ, зря пропадаютъ цѣлыя массы крайне цѣнныхъ для земли матеріаловъ. Конецъ такому положенію вещей должны положить, между прочимъ, новѣйшія теченія въ современной экономической жизни, которыя, кстати сказать, были тоже впервые отмѣчены авторомъ цитируемаго сочиненія. Еще въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ онъ указалъ съ одной стороны на усиливающееся переселеніе промышленнаго капитала изъ густонаселенныхъ пунктовъ въ глубь страны, съ другой—на индустріализацію самого сельскаго хозяйства. Уже въ то время онъ писалъ:

«Какъ и въ другихъ областяхъ, такъ и въ этой, буржуазный міръ работаетъ на руку такому развитію, перенося изъ году въ годъ все большее число промышленныхъ предпріятій въ сельскія мѣстности. Къ этому вынуждаютъ предпринимателей неблагопріятныя условія жизни въ большомъ городѣ, высокія квартирныя цѣны, болѣе

дорогія рабочія руки. Съ другой стороны, крупные землевладѣльцы все болѣе становятся промышленниками: сахарными фабрикантами, винокурами, пивоварами, цементными, глиняно-посудными, кирпичными и т. д. заводчиками». Преслѣдуя свои матеріальныя цѣли, эти представители земельнаго и промышленнаго капитала не догадываются о той высокой культурной миссіи, какая осуществляется ими благодаря такому новому повороту въ ихъ дѣятельности: они являются именно, хотя и совершенно невольно, активнѣйшими агентами того сліянія города съ деревней, о которомъ идетъ рѣчь въ нашей статьѣ. Благодаря такому сліянію,—говоритъ далѣе нашъ авторъ, — удобрительныя вещества будутъ впослѣдствіи съ легкостью возвращаться земледѣлію. Сельское населеніе получитъ возможность заниматься одновременно и фабричнымъ трудомъ, равно какъ и фабричный рабочій земледѣліемъ и садоводствомъ, что не замедлитъ отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на физическомъ состояніи народа. Совершится, такимъ образомъ, примиреніе и сліяніе индустріи съ земледѣліемъ. Въ связи съ этимъ, большіе города постепенно исчезнутъ, и населеніе равномѣрно разселится по всей странѣ, чему не мало посодѣйствуютъ современныя желѣзныя дороги и другія средства передвиженія. «Пути сообщенія это жилы, черезъ которыя происходитъ обмѣнъ продуктовъ—кровообращеніе—во всемъ организмѣ общества, а также личныя и духовныя сношенія между людьми; они способны поэтому въ высокой степени содѣйствовать распространенію въ обществѣ одинаковаго уровня благосостоянія и образованія. Густое и широкое развѣтвленіе совершеннѣйшихъ средствъ сообщенія даже въ самые глухіе и отдаленные пункты является, въ силу этого, общественнымъ интересомъ. Въ то же время, такая въ высокой степени усовершенствованная и развитая система передвиженія будетъ какъ нельзя болѣе содѣйствовать децентрализаціи скученныхъ въ большихъ городахъ человѣческихъ массъ, ихъ разселенію по всей странѣ, что, въ свою очередь, окажетъ рѣшительное вліяніе какъ на улучшеніе гигіеническихъ условій жизни, такъ и на развитіе всей вообще духовной и матеріальной культуры. Останутся всѣ удобства прежней городской жизни безъ ея тѣневыхъ сторонъ. Разстраивающій нервы шумъ, бѣготня и давка нашихъ большихъ городовъ съ ихъ тысячами повозокъ и экипажей исчезнутъ, городское движеніе станетъ болѣе спокойнымъ. Тогда же можно будетъ легче осуществить такія гигіеническія мѣры, о которыхъ пока нельзя и думать, или которыя, даже при громадныхъ затратахъ, не вполнѣ достигли бы своей цѣли». Современные большіе города находятся, такимъ образомъ, наканунѣ большихъ метаморфозъ,—это не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію. Князь Бисмаркъ выразилъ однажды желаніе, чтобы большіе города исчезли; онъ хотѣлъ даже «сравнять ихъ съ землею», какъ очаги всяческаго недовольства и оппозиціи. Но ему и не снилось, что

его желанію суждено и на самомъ дѣлѣ осуществиться, хотя и нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ полагалъ. Да и «сравнивать ихъ съ землею» никто, конечно, не станетъ—сами города постепенно измѣнятся и растворятся въ океанѣ небольшихъ виллъ съ парками, огородами и садами.

Благодаря такой эксцентрализаціи населенія, читаемъ мы далѣе въ той же цитируемой нами книгѣ, исчезнетъ и существующая въ наше время крайняя противоположность по культурному уровню и по внѣшнему виду между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, фабричнымъ рабочимъ и земледѣльцемъ, между представителями физическаго и умственнаго труда. Культура овощей, фруктовъ и ягодъ всякаго рода, ухаживаніе за цвѣтами и декоративными растеніями и тому подобныя физическія работы станутъ неистощимымъ полемъ человѣческой дѣятельности; огородничество, садоводство, пріятнѣйшія изъ всѣхъ физическихъ занятій, станутъ доступными тогда всѣмъ и каждому, и врядъ ли найдется человѣкъ, который устоитъ передъ соблазномъ такой благотворной работы. Крестьянинъ, отрѣзанный дотолѣ отъ всѣхъ благъ высшей культуры, станетъ образованнымъ человѣкомъ. При натуральномъ хозяйствѣ онъ былъ не только пахаремъ-земледѣльцемъ, но и своимъ собственнымъ, такъ сказать, фабрикантомъ; свободное время онъ посвящалъ разнымъ кустарнымъ промысламъ, вообще былъ до нѣкоторой степени разносторонней личностью. Послѣдовавшая затѣмъ новая фаза экономической эволюціи или отрывала его совсѣмъ отъ обычнаго строя жизни, отъ родного гнѣзда и привычныхъ занятій, или же грозила сдѣлать его исключительно земледѣльцемъ, создавая его «кустарному» промыслу могущественную конкуренцію въ лицѣ крупной индустріи. Отмѣчаемая нами самоновѣйшая эволюція экономической жизни культурнаго Запада обѣщаетъ, однако, крестьянину возвратить его прежнюю «разносторонность», но уже на гораздо лучшихъ условіяхъ. *Уже и теперь*, благодаря указаннымъ нами выше факторамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бельгіи, Франціи и Италіи крестьянинъ теряетъ свою специфическую особенность «чистаго» земледѣльца, равно какъ и фабричный рабочій не порываетъ своихъ связей съ почвой.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что новѣйшія самопроизвольныя теченія въ современной общественной жизни были уже въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ замѣчены болѣе вдумчивыми наблюдателями и разгаданы во всемъ ихъ крупномъ регенерирующимъ значеніи. Тенденція и возможность развитія какъ города, такъ и деревни, die Entwickelungs-Tendenzen und Möglichkeiten, были открыты; оставалось еще сознательно вмѣшаться въ этотъ почти что стихійный процессъ, чтобы ускорить его и усилить планомѣрными, цѣлесознательными попытками и экспериментами. Какъ мы уже выше замѣтили, первымъ выраженіемъ такой самоновѣйшей стадіи развитія въ данномъ про-

цессѣ, а именно, дѣйственнаго вмѣшательства въ него отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, явилась книга Федора Фритча: «Городъ будущаго». Въ связи съ его позднѣе опубликованной брошюрой: «Die neue Gemeinde», книга эта представляетъ собою превосходное практическое руководство для всѣхъ, которые пожелали бы, путемъ, такъ сказать, спеціальнаго эксперимента, собственной сознательной иниціативой заложить уже теперь, среди хаоса центростремительныхъ и центробѣжныхъ процессовъ, первые камни «города будущаго». Какъ мы увидимъ сейчасъ, такіе эксперименты имѣютъ уже мѣсто въ дѣйствительности, и утопическаго въ нихъ вовсе не такъ ужъ много, какъ это a priori можетъ показаться иному читателю. Въ книгѣ Фритча мы находимъ цѣлый рядъ превосходно разработанныхъ плановъ для новыхъ поселеній, практическихъ, весьма цѣнныхъ, совѣтовъ, а также столь неизбѣжныя финансовыя соображенія и вычисленія, убѣждающія читателя если не въ легкости, то въ возможности осуществленія такихъ новыхъ колоній, которыя должны послужить матеріальнымъ «пунктомъ кристаллизаціи» для новѣйшихъ соціально-экономическихъ наслоеній. Безспорно, авторъ этихъ проектовъ и плановъ возлагаетъ черезчуръ ужъ большія надежды на такія частныя попытки реформы нашей городской жизни, игнорируя существованіе другихъ, какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ такому движенію, общественныхъ факторовъ. Но крайне ошибочно было бы, съ другой стороны, доктринерское пренебреженіе подобными экспериментами, подъ тѣмъ лишь однимъ предлогомъ, что они не въ состояніи, сами по себѣ, обновить всей современной, крайне нездоровой, личной и общественной жизни. Наша жизнь вовсе ужъ не такъ богата оригинальными и живыми идеями и теченіями, чтобы можно было пренебрегать такими порывами къ частному предвосхищенію лучшаго будущаго. Тѣмъ болѣе, что изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что совершенно безпочвенными эти порывы назвать отнюдь нельзя, особенно, если попытки основаній «городовъ будущаго» будутъ примыкать къ *уже возникающимъ* теперь повсюду, чисто спонтанейнымъ путемъ, новымъ полупромышленнымъ-полуземледѣльческимъ поселеніямъ. Не малую роль могъ бы сыграть при этомъ поучительный примѣръ существующихъ уже «сберегательно-строительныхъ товариществъ», задавшихся цѣлью снабжать своихъ членовъ дешевыми односемейными домиками съ садами, вблизи большихъ городовъ. Такихъ «Spar-Bau-Vereine» имѣется уже не малое количество въ большихъ городахъ Германіи (Ганноверѣ, Штутгартѣ, Лейпцигѣ и т. д.), и вообще это движеніе крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, захватывая все большее число участниковъ. Вся дѣятельность такихъ ферейновъ состоитъ въ томъ, что они пріобрѣтаютъ недалеко отъ города, въ здоровой мѣстности, нѣсколько десятинъ земли, которыя и застраиваютъ небольшими одноэтажными домами,

съ садомъ и огородомъ, предоставляя ихъ затѣмъ своимъ членамъ въ наемъ или въ полную собственность (на крайне льготныхъ условіяхъ). Необходимый для этого капиталъ составляется изъ сбереженій членовъ товарищества и,—что особенно важно,—банковаго кредита, которымъ такія товарищества стали пользоваться съ самаго начала ихъ возникновенія. Точно такимъ же путемъ могли бы возникнуть тутъ и тамъ небольшія колоніи, желающія послужить ядромъ, или отправнымъ пунктомъ «кристализаціи» поселенія новаго типа. Большой недостатокъ ферейновъ, о которыхъ мы только что говорили, состоитъ въ допущенной ими системѣ отчужденія пріобрѣтенныхъ участковъ въ частную собственность своихъ членовъ. Гарантіей здороваго роста такихъ новыхъ колоній могъ бы быть лишь не только товарищественный способъ *закупки* необходимыхъ для нихъ земельныхъ участковъ, но и такой же способъ *владѣнія* ими. Фритчъ, вообще, ярый сторонникъ не только такъ называемой націонализаціи, но и муниципализаціи земли и городскихъ функцій. Лишь въ исключеніи земли изъ сферы частнаго обмѣна онъ усматриваетъ средство борьбы съ крайней скученностью современныхъ городскихъ поселеній. Въ Англіи, наримѣръ, гдѣ вся земля принадлежитъ собственно коронѣ и не можетъ подлежать сдѣлкамъ купли-продажи, скученность городского населенія далеко не такъ велика, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ Лондонѣ, самомъ большомъ городѣ міра, квартиры въ три-четыре раза дешевле, чѣмъ въ другихъ столицахъ Европы; въ Лондонѣ же можно встрѣтить цѣлые большіе кварталы, состоящіе изъ небольшихъ домиковъ, съ прилегающими къ нимъ огородами и садами, напоминающіе собою проектируемые «города будущаго». Благодаря этому, въ Лондонѣ можно нанять виллу съ садомъ и огородомъ за ту же цѣну, за какую въ Берлинѣ можно имѣть одинъ лишь узкій этажъ въ нѣсколько комнатъ. И не удивительно, ибо въ этомъ послѣднемъ городѣ, въ болѣе центральныхъ его чертахъ, небольшой участокъ земли, способный вмѣстить лишь домъ съ узенькимъ дворикомъ, стоитъ какихъ-нибудь 40—50 тысячъ марокъ, т.-е. столько же, сколько постройка самого дома. Спекуляція на городскую землю, гипотечная задолженность, стремленіе извлечь изъ крохотнаго куска земли возможно большую плату, все это необходимо влечетъ къ крайней скученности, высокому коэффиціенту смертности, къ жилищной нуждѣ и тѣснотѣ, которая, въ свою очередь, связана съ деморализаціей населенія. Можно считать общимъ правиломъ, что чѣмъ болѣе переполнены дома какого-либо города, тѣмъ безнравственнѣе населеніе. У Фритча находимъ мы слѣдующія, напр., краснорѣчивыя цифры, свидѣтельствующія о тѣсной связи между густотой населенія, съ одной стороны, смертностью и нравственностью его—съ другой:

	На одинъ домъ приходится жителей.	На 1.000 жителей смертн. случаевъ ежегодно.	Незаконныхъ рожденій на сто.
Въ Лондонѣ....	8	24	4
» Берлинѣ....	32	25	16
» Парижѣ	35	28	20
» Петербургѣ .	52	41	26
» Вѣнѣ.....	55	47	51

По поводу этихъ цифръ можно было бы замѣтить лишь, что незаконнорожденность нельзя признать вполнѣ точнымъ мѣриломъ нравственности населенія, но приблизительнымъ мѣриломъ она, все-таки, служить можетъ. Такъ вотъ на основаніи такихъ и подобныхъ имъ данныхъ авторъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ проектируемыхъ имъ новыхъ городскихъ поселеній товарищественное владѣнье землею. При этомъ нѣтъ никакой необходимости, чтобы такія колоніи сразу же являлись совершенно готовымъ и многочисленнымъ городскимъ поселеніемъ; онѣ могутъ вначалѣ состоять всего изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ и затѣмъ органически развиваться довольно быстро, благодаря той притягательной силѣ, какая безъ сомнѣнія будетъ присуща такимъ спеціальнымъ экспериментамъ. Важно лишь, чтобы планъ новаго города былъ начертанъ и проведенъ заранѣе, чтобы предотвратить безсистемное и нецѣлесообразное распредѣленіе домовъ и всякихъ другихъ городскихъ зданій, столь характерное для нашего времени. Примкни новое населеніе къ какой-либо новой фабрикѣ или другому промышленному предпріятію, переселившимся изъ города или заново образовавшимся на новой, дѣвственной еще почвѣ, и успѣхъ новой колоніи обезпеченъ. Лишь бы ядро ея было спѣвшимся и солидарнымъ, а новые члены будутъ прибывать при такихъ условіяхъ съ достаточной быстротою. Первымъ иниціаторамъ выпала бы, главнымъ образомъ, руководящая роль въ развивающемся уже помимо ихъ частныхъ усилій новомъ городскомъ эмбріонѣ. Бояться столь частыхъ теперь расколовъ и распаденій не слѣдуетъ, ибо гарантіей противъ нихъ будетъ служить полная индивидуальная обособленность каждой семьи въ предоставленномъ ей участкѣ съ домомъ и садомъ, гдѣ личная свобода найдетъ несравненно большій просторъ, чѣмъ въ тѣсныхъ квартирахъ современныхъ большихъ городовъ. Индивидуальность каждаго изъ членовъ новой колоніи была бы, такимъ образомъ, обезпечена; оставалась бы лишь нейтральная область споспѣшествованія общему дѣлу, т.-е. содѣйствія дальнѣйшему процвѣтанію и росту колоніи.

Наличность вблизи новой колоніи какого-либо зарождающагося предпріятія обезпечивала бы ей быстрый приростъ населенія, находящаго въ такомъ предпріятіи одинъ изъ источниковъ существованія. Но образованіе новой колоніи могло бы быть пріурочено также къ

какой-либо новой образцовой школѣ, къ педагогическому институту или другому подобному же заведенію, какія возникаютъ теперь въ разныхъ мѣстахъ Франціи, Англіи и Германіи. Фритчъ справедливо замѣчаетъ, что наша подрастающая молодежь будетъ до тѣхъ развращаться уже въ самые юные годы, пока будутъ существовать большіе и скученные городскіе центры. Тѣснота училищъ, уличная давка и деморализація, отсутствіе обособленныхъ семейныхъ домовъ и другія, тому подобныя условія вредно вліяютъ и не на одни лишь подрастающія поколѣнія. Еще Жанъ-Жакъ Руссо писалъ въ своемъ «Эмилѣ»:

«Люди рождены не для того, чтобы существовать скученными другъ подлѣ друга, какъ въ муравейникѣ, но для того, чтобы жить разсѣянно на землѣ, которую они должны обрабатывать. Чѣмъ скученнѣе они живутъ, тѣмъ болѣе развращенными они становятся. Физическая слабость, равно какъ и нравственные пороки суть неизбѣжныя слѣдствія черезчуръ густыхъ человѣческихъ скопленій. Изъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ меньше всего годится къ тому, чобы жить подобно стадному животному. Дыханіе человѣка смертельно вліяетъ на подобныхъ ему: въ буквальномъ смыслѣ слова эти не менѣе вѣрны, чѣмъ въ фигуральномъ...»

Это знаменитое мѣсто «Эмиля» справедливо постольку, поскольку оно указываетъ на вредное воспитательное вліяніе черезчуръ густыхъ человѣческихъ поселеній. И дѣйствительно, какъ бы ни «обобществлялась» вся наша, какъ соціальная такъ и личная жизнь въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, она не будетъ имѣть ничего общаго съ современными, биткомъ набитыми, домами-казармами, гдѣ почти каждый шагъ личности связанъ близостью его сосѣдей и регламентированъ самимъ хозяиномъ-домовладѣльцемъ. Въ «городахъ будущаго» каждая семья будетъ располагать полной возможностью свободнаго *самоопредѣленія*. Молодое поколѣніе будетъ постоянно находиться, какъ у себя дома, такъ и внѣ его, въ тѣсномъ единеніи съ природой, среди безконечныхъ садовъ и парковъ. Но уже и теперь усиливается стремленіе переносить цѣлыя педагогическія учрежденія изъ городовъ въ здоровыя сельскія мѣстности, вблизи лѣсовъ и полей. Пріурочить къ такимъ педагогическимъ «экспериментамъ» соціальный экспериментъ новой колоніи было бы вполнѣ умѣстно». «Уже одна эта перспектива оздоровленія всего нашего воспитанія, физической и моральной регенераціи подростающихъ поколѣній должна бы,—говоритъ Фритчъ,—побудитъ многихъ и многихъ членовъ современнаго общества сдѣлать попытку въ указанномъ направленіи. Здѣсь игра дѣйствительно стоитъ свѣчъ, тѣмъ болѣе что въ случаѣ неудачи—что бы мы потеряли? Кромѣ разбитой иллюзіи, ничего больше: новое поселеніе продолжало бы влачить свое существованіе уже безъ всякихъ высокихъ цѣлей, и побѣдившій филистеръ имѣлъ бы опять подходя-

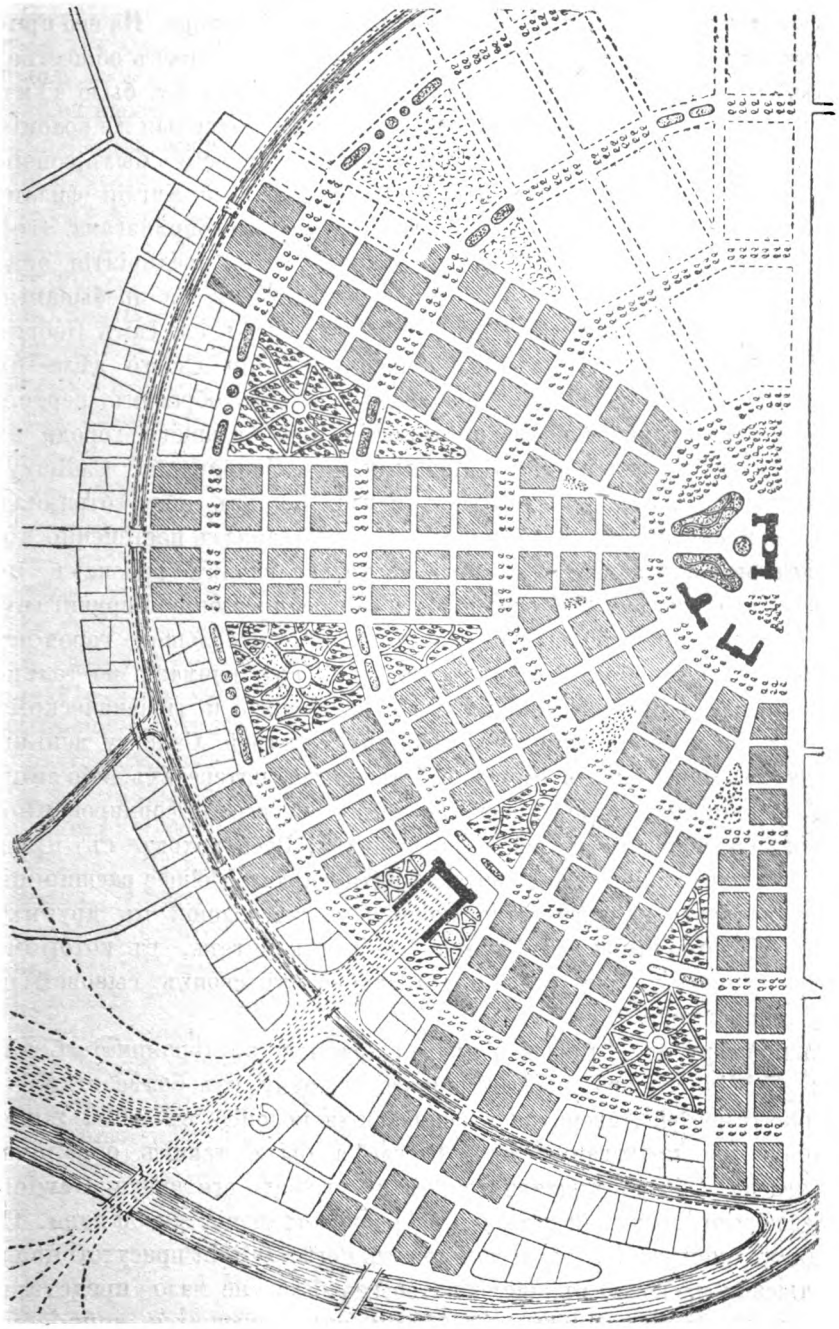
щій предлогъ резонерствовать за кружкою пива на тему о томъ, почему это должно было случиться какъ разъ именно такъ, какъ онъ это съ самаго начала предвидѣлъ...»

Но авторъ «Города будущаго» глубоко вѣритъ въ осуществленіе своего плана и горячо приглашаетъ насъ увѣровать тому же. Вся книга его полна заманчивыхъ плановъ и картинъ «городовъ будущаго», и нельзя не признать, что планы эти разработаны имъ съ удивительнымъ мастерствомъ. Подобно оуэновскимъ «параллелограммамъ», эти планы представляютъ собою своеобразныя геометрическія фигуры, отличающіяся необыкновенной симметріей частностей и гармоніей цѣлаго. Прилагаемый здѣсь рисунокъ является однимъ изъ такихъ плановъ «города будущаго», еще въ періодѣ его роста, но занявшаго уже довольно значительную часть предназначенной для него территоріи.

Здѣсь мы видимъ одну лишь половину круга, центръ котораго представляетъ собою большой общественный садъ съ разсѣянными въ немъ важнѣйшими общественными зданіями: музеями, театрами, школами, возникающими по мѣрѣ роста новаго населенія. Въ самомъ центральномъ пунктѣ долженъ, по мысли автора особенно выдаваться великолѣпіемъ своей архитектуры «храмъ будущаго», мѣсто религіознаго культа. Городъ будетъ расти не отъ центра къ периферіи, какъ это было до сихъ поръ, а наоборотъ, отъ периферіи, мѣста перваго поселенія, къ центру. Радіусами этого круга жилищныя постройки, представляющія вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ садами форму квадрата. Эти радіусы обособляются другъ отъ друга большими треугольниками-парками для общаго пользованія. Если принять во вниманіе, что все это пересѣкается еще бульварами и аллеями, что вокругъ каждаго дома имѣется садъ съ огородомъ, то окажется, что весь такой городъ будетъ утопать въ зелени и цвѣтахъ. Всякаго рода фабрики и мастерскія будутъ расположены вокругъ города и соединяться между собою, а также съ самимъ городомъ круговой желѣзной дорогой и электрическими трамваями. Весь этотъ планъ способенъ къ многоразличнымъ частичнымъ видоизмѣненіямъ, на что съ особеннымъ удареніемъ указываетъ Фритчъ. Дома, напр., могутъ быть самой различной величины и, разумѣется, самой различной архитектуры; школы и другія общественныя зданія могутъ помѣщаться не только въ самомъ центрѣ, а и среди другихъ многочисленныхъ парковъ, разсѣянныхъ по всему городу. И т. д.

Таковы мечты, планы, проекты... Авторъ ихъ не ограничился, однако, однимъ лишь изданіемъ книги и брошюры, о которыхъ была рѣчь выше. Немедленно за опубликованіемъ ихъ онъ сталъ искать единомышленниковъ и союзниковъ для практическаго проведенія своихъ плановъ. Вскорѣ образовался было съ этой цѣлью въ Берлинѣ «синдикатъ», но, не встрѣтивъ поддержки въ общественномъ мнѣніи, быстро распался.

Казалось, вмѣстѣ съ нимъ рухнула и вся надежда на осуществленіе



„Планъ города будущаго“.

новыхъ колоній. Въ дѣйствительности, однако, вышло иначе. То, что казалось неосуществимымъ въ Германіи, было, сверхъ всякаго ожи-

данія, осуществлено въ Англіи. Опубликованная въ 1898 году книга Ebenezer'a Howard'a: *Garden Cities of To-Morrow* вызвала немедленно же цѣлое движеніе въ пользу осуществленія идей автора. На его призывъ откликнулись представители самыхъ различныхъ слоевъ общества. Убѣдить ихъ въ справедливости своихъ идей Howard'у было тѣмъ легче, что уже до появленія его книги возникли подобныя же колоніи въ разныхъ частяхъ Англіи. Первый такой экспериментъ былъ совершенъ богатымъ фабрикантомъ и извѣстнымъ во всей Англіи филантропомъ George'емъ Cadbury въ Bournville'ѣ вблизи Бирмингама. Этой крупной фирмѣ, производящей какао, съ ростомъ ея предпріятія, оказалось слишкомъ тѣсно на первоначальномъ мѣстѣ ея пребыванія, т.-е. въ самомъ Бирмингамѣ, тѣмъ болѣе, что шефъ ея, самъ George Cadbury, носился съ планомъ полной реорганизаціи своего дѣла на совершенно новыхъ началахъ. Совершилось, такимъ образомъ, переселеніе крупнаго промышленнаго предпріятія изъ большого города на лоно природы, на разстояніи 6-ти килом. отъ Бирмингама. Cadburys купилъ съ этой цѣлью 250 десятинъ земли, 50 изъ нихъ отрядилъ подъ фабричныя зданія, а остальныя 200 обстраивалъ постепенно домами, которые и отдавалъ въ наемъ не только своимъ рабочимъ, но и всѣмъ, кто желалъ бы предпочесть новое поселеніе Бирмингаму. Такъ въ самое короткое время выросъ новый небольшой городокъ въ 3.000 жителей, обращающій на себя всеобщее вниманіе не только своими превосходными условіями въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніи, но и своей художественной архитектурой. Cadbury меньше всего думалъ при этомъ о своихъ собственныхъ интересахъ, ибо лишь только колонія эта окрѣпла, онъ *подарилъ* ей все реформированное предпріятіе вмѣстѣ съ землей и постройками. Весь доходъ съ предпріятія долженъ, по мысли дарителя, идти на дальнѣйшее расширеніе городка, а также на устройство подобныхъ же колоній въ другихъ мѣстахъ. Дѣломъ этимъ завѣдуетъ особый комитетъ, въ которомъ Cadbury испросилъ для себя и для одного изъ своихъ сыновей по одному лишь мѣсту.

Его примѣру послѣдовала и другая крупная предпринимательская фирма: «Sunlight Soap», переселившаяся въ одну изъ болѣе отдаленныхъ окрестностей Ливерпуля и основавшая колонію въ 2.000 жителей. Почва для пропаганды идей Howard'a была, такимъ образомъ, подготовлена. Образовавшаяся вскорѣ по выходѣ его книги Garden-City-Association энергично взялась за распространеніе живой идеи. На послѣднемъ конгрессѣ этой ассоціаціи въ Port-Sunlight присутствовало около тысячи членовъ, въ числѣ которыхъ было не мало представителей отъ городскихъ управленій Англіи, интересующихся вопросомъ о борьбѣ съ крайней централизаціей населенія. Но особенно важно для новаго дѣла было участіе въ конгрессѣ делегатовъ отъ разныхъ рабочихъ товариществъ и синдикатовъ, заявившихъ о своей рѣшимости

коллективнаго переселенія въ проектируемыя колоніи. Профессіональные союзы англійскихъ рабочихъ, а равно рабочія потребительныя ассоціаціи, съ ихъ солидными средствами, могли бы сыграть большую роль въ такой оригинальной «внутренней колонизаціи» Англіи. Но кромѣ рабочихъ, большой интересъ къ новому движенію обнаружили также педагоги, художники, политическіе дѣятели и даже крупные фабриканты, задумывающіе, вѣроятно, эмигрировать изъ тѣсныхъ уже для нихъ большихъ городовъ въ сельскія мѣстности. Изъ среды Garden-City-Association, насчитывающей уже теперь около 2.000 дѣйствительныхъ членовъ возникла недавно спеціальная организація, Garden-City-Pioneer-Company, имѣющая въ виду собраніе необходимаго капитала для заложенія «города будущаго» для 30.000 жителей. Уже съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности она заручилась содѣйствіемъ многихъ видныхъ и состоятельныхъ членовъ англійскаго общества. Число желающихъ переселяться растетъ съ каждымъ днемъ, и несмотря на то, что «піонерная компанія», выпустившая акціи, предупреждала о *возможности* потери всего капитала, собранная сумма въ нѣсколько мѣсяцевъ достигла уже двухсотъ тысячъ рублей.

Примѣръ Англіи ободрительно подѣйствовалъ и на нерѣшительныхъ нѣмцевъ. Представители самыхъ различныхъ классовъ и слоевъ общества, сочувствующіе этому дѣлу, образовали недавно въ Берлинѣ особый союзъ, такъ называемый Gartenstadt-Gesellschaft, вся задача котораго будетъ заключаться вначалѣ въ идейномъ воздѣйствіи на общественное мнѣніе и въ наборѣ союзниковъ. Имъ устраиваются публичныя лекціи, издаются брошюры, распространяются такъ называемыя Flugschriften... Общія условія жизни въ Германіи менѣе благопріятны подобнымъ проектамъ; общественное вниманіе концентрируется вокругъ разныхъ другихъ, болѣе настоятельныхъ нуждъ переживаемаго нынѣ момента. весьма возможно, что и германскимъ піонерамъ «города будущаго» удастся черезъ нѣсколько лѣтъ приступить къ практическому осуществленію своихъ цѣлей и создать нѣчто въ родѣ *образца* для новыхъ поселеній ближайшаго будущаго. Быть можетъ, они окажутся слишкомъ еще рано прилетѣвшими «ласточками» запоздавшей весны, и ихъ постигнетъ обычная въ такихъ случаяхъ участь; но даже и въ этомъ случаѣ ихъ усилія не пропадутъ напрасно, оставивъ по себѣ цѣлый рядъ весьма благотворныхъ идей и проектовъ *).

Евгеній Лозинскій.

---

*) И у насъ въ Россіи можно указать на зачатки такихъ же попытокъ. Такова колонія „Поповка“ вблизи Петербурга, попытка такой же колоніи вблизи Москвы; раздача кабинетскихъ земель около Петербурга въ аренду (99 л.) на льготныхъ условіяхъ, и т. п. Той же цѣли должны были удовлетворять и нашумѣвшія у насъ круговыя дороги въ столицахъ. *Ред.*

ШОПОТЪ НОЧИ.

Сталъ красивѣй и нѣжнѣе
Вечеръ робкій и стыдливый.
Тихо ходитъ по аллеѣ
Призракъ ночи молчаливой.

Тѣни трепетныя встали,
Садъ дрожитъ нѣмой истомой.
Полный сдержанной печали,
Слышу голосъ я знакомый:

«Обмани себя украдкой...
Полюби ночную фею.
Я баюкаю такъ сладко,
Такъ загадочно лелѣю».

«Розы яркія—срываю.
Розы блѣдныя—цѣлую.
Видишь слезы?—Я рыдаю,
Слышишь стоны?—Я тоскую».

ВЪ ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ.

Въ грустный день сѣдой туманъ клубится.
Старый дубъ печалится и дремлетъ.
Молчаливо стонамъ рѣчки внемлетъ.
Съ плачемъ рѣчка мутная струится.

И, волнуясь, трепетная нива
Тихо проситъ ласки и участья,
И въ тревогѣ смутно ждетъ ненастья,
И дрожитъ колосьями пугливо.

И въ саду поникшими листами
Сонный вѣтеръ нехотя колышетъ.
Умирая кто-то трудно дышетъ,
Кто-то плачетъ горькими слезами.

Въ грустный день я вижу образъ милый,
Слышу голосъ ласковый и нѣжный,
Утомленный битвою мятежной,
Унесенный раннею могилой.

В. Башкинъ.

ОЖИЛЪ.

Очеркъ изъ хроники города Пропадинска.

Жаркій лѣтній день загорался надъ Урочевомъ. Солнце только что взошло и роса блестѣла въ травѣ, но комары и слѣпни поднимались тучами, готовые опять напасть на скотъ, немного отдохнувшій на ночномъ пастбищѣ отъ дневного мучительства. Лошади ушли на болото, гдѣ было свѣжѣе, но пузатыя коровы, тонкія ноги которыхъ были слишкомъ слабы, чтобы пробираться по кочкамъ, не хотѣли уходить отъ деревни и жались у дымокуровъ, которые каждая семья разводила передъ своею дверью для защиты отъ насѣкомыхъ.

Изъ березовой рощи, примыкавшей къ поселку, слышалось негромкое горловое пѣніе, похожее на жужжаніе шмеля.

Это молодыя якутки, возвращаясь съ ночного осмотра рыбной верши, зашли надрать бересты для бураковъ, такъ какъ лѣто выдалось многотравное и благопріятное для скота, и для молочныхъ скоповъ нужна была новая посуда.

Урочево представляло безпорядочную группу деревянныхъ юртъ, разбросанныхъ на небольшой полянѣ, расчищенной изъ-подъ лѣса,—это было единственное сухое мѣсто на двадцать верстъ въ окружности.

Дальше, за предѣлами ближайшихъ ивовыхъ зарослей, начинались мокрые луга и совершенно непроходимая тайга, гдѣ корявыя деревья росли на верхушкахъ странныхъ зыблющихся холмиковъ и въ густомъ мху подъ буреломомъ стояли холодныя лужи, заставлявшія проваливаться по поясъ самаго опытнаго путника, который рискнулъ бы забраться въ эти непролазныя дебри.

Якутскія юрты были устроены съ небрежностью, скорѣе пригодной для тропиковъ, чѣмъ для суровыхъ урочевскихъ холодовъ.

Зимою вмѣстѣ съ людьми здѣсь помѣщался также скотъ, въ темномъ отдѣленіи по другую сторону входа. Для большей теплоты стѣны смазывались толстымъ слоемъ навоза, но лѣтомъ обмазка осыпалась и повсюду свѣтились щели, давая свободный

проходъ не только вѣтру и солнцу, но даже надоѣдливымъ насѣкомымъ.

Посреди поселка на низкомъ, но довольно широкомъ холмѣ, образовавшемся отъ столѣтнихъ наслоеній мусора и щепокъ, стояло большое зданіе, по внѣшнему виду котораго трудно было судить о его назначеніи.

Оно было по образцу якутскихъ жилищъ составлено изъ стоячихъ бревенъ, но бревна были на подборъ ровныя, толстыя и такъ плотно прилаженныя другъ къ другу, что нигдѣ не осталось мѣста для щели. Надъ бревнами было положено нѣсколько связей, срубленныхъ по-русски уголъ на уголъ и въ небольшихъ перпендикулярныхъ стѣнкахъ были прорѣзаны бойницы, заткнутыя изнутри круглыми затычками изъ оленьей шкуры. Огромная труба камина возвышалась на плоской крышѣ, какъ дупло обгорѣлаго дерева, и надъ нею нависла какая-то странная шапка, соединенная съ системой колѣнчатыхъ деревянныхъ рычаговъ, сходившихъ внизъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ были пристроены сараи, хлѣва, сѣнники, странные туземные амбары на высокихъ стойкахъ, какъ будто забравшіеся на ходули, навѣсы для сушеной рыбы и надъ всей этой кучей построекъ поднимался длинный жидкій шестъ съ громоотводомъ и анемометромъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи возвышалась сухопарая метеорологическая будка съ рѣшетчатыми стѣнками и такими прямыми деревянными ногами, какъ будто онѣ потеряли способность гнуться отъ застарѣлаго ревматизма.

Будка соединялась съ жилищемъ рѣшетчатымъ переходомъ, по которому можно было пробираться только при помощи системы кольевъ, пристроенныхъ то слѣва, то справа. Прогулка по этому переходу въ ненастную зимнюю ночь была впору развѣ для искуснаго акробата, а не для обыкновеннаго смертнаго.

Переходъ доходилъ до самой двери, въ верхней части которой была вырѣзана форточка, вродѣ слухового окна, плотно закрытаго изнутри деревяннымъ ставнемъ. Послѣднее колѣно рычага, сходившее съ крыши внизъ, тутъ же проникало сквозь дверной косякъ внутрь жилища. Форточка безшумно отворилась и длинное тощее тѣло проскользнуло наружу, съ ловкостью паука пробѣжало по утлому переходу, быстро перебирая руками и ногами по невѣрнымъ точкамъ опоры, потомъ выпрямилось на небольшой площадкѣ передъ будкой и усѣлось на перекладинѣ, замѣнявшей скамью. Это былъ человѣкъ высокаго роста и красиваго худощаваго сложенія, одѣтый въ короткую кожаную рубаху, открытую на груди и съ большимъ карманомъ у пояса, откуда торчала коричневая записная книжка.

Его скрещенныя ноги, небрежно спущенныя внизъ черезъ край доски, напоминали извѣстную статую Мефистофеля, изваянную

Антокольскимъ, но на широкихъ сухихъ плечахъ сидѣла типичная голова стараго степного татарина съ жидкой бородой, широкими скулами и глубоко впавшими темно-карими глазами; тонкія губы были плотно сжаты, высокій, немного съуженный съ боковъ черепъ былъ выточенъ округло и крѣпко.

Идеи, попадавшія подъ этотъ черепъ, не разлагались и не вывѣтривались, но медленно и упорно развивались, стараясь достигнуть зрѣлости, чтобы потомъ такъ же упрямо стремиться къ воплощенію въ дѣло.

Александръ Никитичъ Кириловъ былъ старожиломъ Урочева. Когда, десять лѣтъ тому назадъ, онъ поставилъ первое бревно своего жилища на уплотненную почву выморочнаго якутскаго сельбища, по сосѣдству было только два дома. Съ тѣхъ поръ къ жителямъ присоединились еще восемь семей, привлеченныхъ возможностью заработка вокругъ обширнаго молочнаго хозяйства, которое онъ развелъ на этихъ сочныхъ болотистыхъ лугахъ, и возникъ порядочный поселокъ. Теперь съ каждымъ годомъ прибавлялись новые дома и Урочево скоро обѣщало сдѣлаться центромъ этого малонаселеннаго околотка, гдѣ большая часть поселковъ состояла изъ одного, двухъ жилищъ. Доставъ изъ кармана книжку, Кириловъ принялся методично записывать наблюденія.

Онъ велъ станцію уже восьмой годъ, имѣлъ два хвалебные отзыва за аккуратность и даже серебряную медаль, которою втайнѣ очень гордился.

За всѣ восемь лѣтъ онъ пропустилъ только одно наблюденіе, когда внезапно налетѣвшій буранъ свалилъ и будку и мостки и угрожалъ снести съ мѣста даже крѣпко вкопанное въ землю жилище одинокаго метеоролога.

Аккуратность Кирилова, дѣйствительно, была необыкновенна; онъ такъ привыкъ три раза въ день пробѣгать на четвереньках по своимъ воздушнымъ жердочкамъ и отмѣчать цифры въ книжку, что ни болѣзнь, ни погода не могли задержать его хотя бы на одно мгновеніе; кажется, даже въ случаѣ внезапной смерти трупъ его все-таки производилъ бы наблюденія, по крайней мѣрѣ до погребенія. Записавъ температуру и влажность, Кириловъ сталъ оглядывать небо для опредѣленія облачности. Небо было совершенно чисто и сіяло блѣдной синевой, свойственной сѣвернымъ широтамъ. Только на юго-востокѣ легкія кучевыя облака пылали въ лучахъ восходящаго солнца.

Взглядъ Кирилова задержался на минуту на тонкой полоскѣ горъ, чуть выступавшей на горизонтѣ подъ этими яркими облаками.

Когда-то онъ любилъ эти отдаленныя горы, которыя начинались за двѣсти верстъ отъ Урочева и оттуда тянулись непре-

рывно до самаго моря, становясь все выше и круче и постепенно превращаясь въ зубчатыя стѣны нетающихъ бѣлковъ. Даже свой плоскій пейзажъ съ этой небольшой синей полоской на горизонтѣ онъ упорно называлъ горнымъ видомъ.

Онъ любилъ эти горы за то, что онѣ были непроходимы и уходили на югъ, Богъ знаетъ, какъ далеко.

Въ долгіе лѣтніе вечера, разглядывая ихъ съ вершины своей обсерваторіи, онъ иногда мечталъ о далекихъ тропинкахъ, пролегавшихъ сквозь дремучую тайгу, гдѣ еще никогда не ступала человѣческая нога. Такъ мечтаетъ старый бродяга, который самъ хорошенько не знаетъ, хватитъ ли у него силы въ послѣдній разъ еще попробовать дорожнаго счастья. Но въ послѣдніе годы эти мечты отошли на задній планъ.

Тучи насѣкомыхъ становились все гуще. Коровы жалобно мычали, какъ бы призывая на помощь владѣльца; толкаясь у дымокура, онѣ на половину затоптали тлѣющій навозъ. Телята упрямо лѣзли въ огонь, не обращая вниманія на запахъ горѣлой шерсти, поднимавшійся отъ ихъ обожженныхъ ногъ. Кириловъ поспѣшно вернулся въ свое жилище и черезъ минуту появился на порогѣ внизу уже въ полной лѣтней одеждѣ, состоявшей изъ той же рубахи съ прибавкою кожаныхъ штановъ и короткихъ чулокъ изъ мягкой шкуры жеребенка. Грудь его была попрежнему открыта, а шапки онъ не носилъ ни лѣтомъ, ни зимою. Комары почти не трогали его; быть можетъ, они убѣдились, что изъ такой сморщенной кожи и ссохшихся жилъ трудно добыть хоть бы каплю теплой крови.

По сторонамъ дома были устроены четыре большихъ навѣса въ строгомъ соотвѣтствіи съ четырьмя румбами компаса. Посреди каждаго навѣса было уложено нѣчто вродѣ земляныхъ жертвенниковъ, окруженныхъ деревянной оградой и назначенныхъ для дымокуровъ.

При неудобномъ выборѣ навѣса, не соотвѣтствовавшемъ направленію воздушныхъ струй, подъ низкую деревянную кровлю проникало слишкомъ мало дыма или, наоборотъ, навѣсъ наполнялся густыми клубами дыма, заставлявшими кашлять и чихать дойныхъ коровъ и обращавшими въ бѣгство нетерпѣливыхъ телятъ.

Подумавъ съ минуту, Кириловъ обошелъ кругомъ дома, намѣреваясь устроить дымокуръ съ юга. У жертвенника уже копошилась небольшая человѣческая фигура, раскладывая огонь. Очевидно, въ этомъ скотоводческомъ поселкѣ забота о благосостояніи коровъ мѣшала спать не одному только хозяину.

Новая фигура у огня была одѣта въ короткій кафтанъ изъ телячьей кожи и широкіе кожаные штаны. Голова ея была повязана пестрымъ ситцевымъ платкомъ, нахлобученнымъ до самыхъ

бровей, какъ это въ обычаѣ у мужчинъ и женщинъ на сѣверѣ, но изъ-подъ платка свѣтились большіе каріе глаза, смирные и спокойные, какъ у молодой коровы, красныя круглыя щеки горѣли смуглымъ румянцемъ отъ постоянной работы и движенія на открытомъ воздухѣ. Это была скотница Хаспо, которую Кириловъ въ рѣдкія минуты шутливости называлъ Шасспо. Она происходила изъ очень бѣдной, почти нищей семьи, постепенно вымиравшей отъ того отсутствія жизненной энергіи, какое часто поражаетъ цѣлые поселки на крайнемъ сѣверѣ. Въ концѣ концовъ, пятнадцати лѣтъ Хаспо осталась круглой сиротой, и родовичи, не знавшіе что съ ней дѣлать, были рады пристроить ее къ хозяйству Кирилова, которое въ то время только что заводилось. Съ тѣхъ поръ уже десятый годъ Хаспо вѣрой и правдой ходила за коровами и телятами Кирилова, число которыхъ постепенно возрасло до двухъ десятковъ. Она убирала хлѣвъ и задавала кормъ, топила печь въ коровникѣ, окапывала его снѣжнымъ валомъ, чтобы телята не мерзли по ночамъ. Лѣтомъ она разводила дымокуръ, гоняла скотъ на пастбище и водопой, слѣдила, чтобы ни одинъ теленокъ не застрялъ въ болотѣ. Хаспо не любила сидѣть безъ дѣла, она обладала такой силой и проворствомъ, что сосѣдніе парни, которымъ не разъ приходилось испытывать силу ея руки, дали ей прозвище: мужикъ-баба—высшая похвала, которой удостаивается изъ устъ якута только самая проворная и работящая женщина и то среднихъ лѣтъ.

Коровы со всѣхъ сторонъ сходились подъ навѣсъ къ спасительному дыму.

— Доить пора, господинъ!—сказала Хаспо, прикладывая правую руку къ груди.

Она питала къ Кирилову почти такое же чувство, какое хорошая охотничья собака питаетъ къ доброму и недрачливому хозяину. За всѣ десять лѣтъ Кириловъ ни разу не сказалъ ей грубаго слова. Она была вольна выбирать себѣ ѣду по собственному вкусу изъ разнообразныхъ запасовъ въ амбарахъ усадьбы. Каждый мѣсяцъ она получала жалованье, тканями, кирпичнымъ чаемъ и деньгами. Большую часть она отдавала сосѣдкамъ, которыя съ тѣхъ поръ, какъ Хаспо разбогатѣла, усердно начали считаться съ нею родствомъ. Въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, ибо жители одного и того же поселка обыкновенно живутъ, не считаясь между собой займами и услугами; все-таки на сто верстъ въ окружности ни у кого не было такихъ нарядовъ, какъ у Хаспо, и ея зимняя *парка* изъ чернаго мѣха, крытаго алымъ сукномъ, представляла предметъ зависти даже для дочерей князьца, которыя должны были довольствоваться дешевымъ ластикомъ.

Кириловъ сходилъ въ избу и вернулся съ большимъ кускомъ

желтаго мыла и грубымъ холщевымъ полотенцемъ въ рукахъ. Онъ строго слѣдилъ за опрятностью своего молочнаго хозяйства и его скопы отличались отъ туземныхъ именно отсутствіемъ грязи и всякаго сора. Однако, несмотря на долголѣтнюю практику, ему еще не удалось научить Хаспо мыть руки по собственной иниціативѣ. Особенно въ зимніе холода Хаспо явно отлынивала отъ горячей воды и мыла, ибо, какъ и всѣ якуты, она была убѣждена, что кожа, лишенная грязи и изнѣженная ежедневнымъ мытьемъ, потомъ трескается на морозѣ. Однако, теперь было лѣто и Хаспо довольно добросовѣстно вымыла руки по локоть и стала отводить коровъ въ подойный хлѣвъ. Кириловъ вынесъ изъ-подъ навѣса нѣсколько большихъ берестянныхъ бураковъ, которые назначались для разлива удоевъ. Онъ собственноручно вымылъ ихъ наканунѣ горячей водой, ибо наблюденіе за чистотой посуды онъ тоже не довѣрялъ скотницѣ. Послѣ этого онъ окончательно вернулся въ избу. Его трудовой день начинался и ему нужно было до обѣда передѣлать много разнообразныхъ дѣлъ.

Внутреннее убранство юрты представляло необыкновенный видъ. Огромный глиняный каминъ, занимавшій почти всю заднюю стѣну, былъ весь заставленъ какими-то сложными приспособленіями изъ деревянныхъ рычаговъ и желѣзныхъ крючьевъ и даже зубчатыхъ колесъ, искусно вырѣзанныхъ изъ старыхъ дубовыхъ клепокъ. Приспособленія имѣли цѣлью автоматически передвигать горшки и котелки сверху внизъ и справа налѣво, соотвѣтственно измѣненію температуры въ разныхъ углахъ каминнаго жерла. Вверху подъ самымъ челомъ парила огромная желѣзная сковорода, поддерживаемая навѣсу невидимыми проволоками. Немного пониже висѣлъ чугунный котелокъ странной формы, снабженный двойнымъ жестянымъ забраломъ въ защиту отъ копоти и пожога и болѣе похожій на старый шлемъ, чѣмъ на сосудъ для варки пищи. Вертикальная ручка рычага, проведеннаго на крышу къ дымовой трубѣ, торчала сбоку камина, какъ огромный восклицательный знакъ. По бокамъ камина были три подставы для дровъ, въ видѣ большихъ этажерокъ. Кириловъ подбиралъ полѣнья толстыя къ толстымъ, а тонкія къ тонкимъ, ибо такой подборъ скорѣе и равномѣрнѣе сгоралъ и давалъ больше тепла. Третья этажерка назначалась для лучины, которая запасалась въ такомъ огромномъ количествѣ, что всѣ сосѣднія хозяйки каждую зиму брали ее у Кирилова взаймы безъ отдачи.

Единственное окно было устроено подъ самымъ потолкомъ. Передъ окномъ на высотѣ полутора саженей былъ прилаженъ узкій столъ изъ грубой некрашеной доски. Передъ столомъ стоялъ необыкновенный табуретъ съ узкимъ сидѣньемъ и очень длинными ножками. Табуретъ былъ такъ высокъ и шатокъ, что, казалось, только

птица могла взлетѣть на это необыкновенное сѣдалище безъ риска сломать себѣ шею. Отъ окна тянулись полки, уставленныя книгами въ крѣпкихъ, но немного запыленныхъ переплетахъ. Кириловъ выписывалъ ихъ на деньги, вырученныя отъ молочнаго хозяйства. Почти всѣ онѣ были историческаго и философски-научнаго содержанія, и въ долгіе зимніе вечера между Дарвиномъ и Рескинымъ и передъ яркимъ пламенемъ горящаго камина Александръ Никитичъ какъ-то чувствовалъ, что онъ не одинъ въ комнатѣ. Но два года тому назадъ зрѣніе его стало портиться и, опасаясь ослѣпнуть, онъ совсѣмъ забросилъ чтеніе. Впрочемъ, онъ обладалъ хорошей памятью и еще теперь, сидя передъ каминомъ, повторялъ себѣ наизусть длинные отрывки изъ своихъ любимыхъ авторовъ, нечувствительно смѣшивая ихъ вмѣстѣ и соединяя въ одну общую философскую систему. Противъ камина въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ были устроены трое палатей различной высоты. Кириловъ спалъ только четыре часа въ сутки, но всегда при одной и той же температурѣ. Онъ ложился на самой нижней кровати, но къ утру постепенно перебирался вверхъ по мѣрѣ охлажденія своего жилища. Постели у него не было, ибо онъ съ ранней юности привыкъ спать на голыхъ доскахъ и его отвердѣвшія кости, казалось, такъ же мало нуждались въ мягкой подстилкѣ, какъ и полѣнья за каминомъ. Въ правомъ переднемъ углу были устроены большіе вѣсы, съ рычагомъ раздѣленнымъ по десятеричной системѣ, сдѣланные изъ твердаго дерева безъ малѣйшаго кусочка желѣза. Въ лѣвомъ углу пестрѣли затѣйливо выплетенныя изъ молодой ивы загородки для телятъ. Кириловъ любилъ ихъ и зимою всегда держалъ двухъ или трехъ въ избѣ. Въ декабрьской полутьмѣ, въ просторной хозяйственной лабораторіи было такъ тоскливо, что даже телята составляли общество для одинокаго человѣка. Они играли для Кирилова ту же роль, что тѣни шакаловъ въ пустынѣ для святого Антонія. Кириловъ привязался къ своимъ четвероногимъ питомцамъ, какъ къ маленькимъ дѣтямъ, кормилъ ихъ изъ собственныхъ рукъ и даже клалъ ихъ спать на свою кровать, перенося ихъ съ собой вверхъ по мѣрѣ обычнаго восхожденія. Надъ больными телятами онъ просиживалъ безсонныя ночи и усердно отыскивалъ для нихъ лекарство въ домашней аптекѣ, которую пополнялъ каждый годъ и съ одинаковымъ успѣхомъ примѣнялъ къ лошадямъ и коровамъ, и къ туземнымъ сосѣдямъ. Въ деревянномъ полу въ разныхъ мѣстахъ были врѣзаны люки, которые вели въ погреба и погребки, вырытые въ мерзлой подпочвѣ. Здѣсь хранились молочные скопы и разнообразная готовая пища въ охлажденномъ или даже замороженномъ видѣ. Всѣхъ погребовъ было пять и каждые два года Кириловъ выкапывалъ еще одинъ.

Быстро поставивъ въ каминъ охапку тонкихъ дровъ съ лѣвой этажерки, Александръ Никитичъ усѣлся на свое обычное мѣсто впереди каминнаго жерла. Со своей странной татарской головой, сухопарой фигурой и небрежной одеждой онъ походилъ на монгольскаго кудесника, который готовится при помощи таинственныхъ заклинаній привести въ движеніе окружающіе предметы и заставить ихъ исполнять свои приказанія. Взявшись за ручку большого рычага выходящаго наружу, онъ сильно потянулъ ее къ себѣ. На крышѣ послышался скрипъ и большая черная затычка поднялась надъ дымовой трубой, какъ ведро надъ колодцемъ, потомъ отошла въ сторону и спустилась внизъ. Сѣверные жители, открывая и закрывая трубу, взлѣзаютъ на крышу по особой лѣстницѣ, вырубленной изъ толстаго бревна. Кириловъ, устроивъ систему рычаговъ, пересталъ лазить на крышу и потомъ, слѣдуя обычной логикѣ изобрѣтателя, сбросилъ на землю ступенчатое бревно и велѣлъ разрубить его на дрова. Къ сожалѣнію, хитрая деревянная механика дѣйствовала не очень аккуратно, и иногда затычка, поднятая на рычагѣ, низачто не хотѣла попасть обратно въ трубу послѣ топки. Изба была такъ высока, что обыкновенный человѣкъ навѣрное бы почувствовалъ затрудненіе, но длинноногій хозяинъ взлѣзалъ вверхъ прямо по стѣнѣ, цѣпляясь за ея выступы, какъ кошка, и до сихъ поръ ни за что не хотѣлъ поставить на прежнее мѣсто другое бревно со ступеньками. Открывъ каминъ, Кириловъ двинулъ другой рычагъ. Широкій и многовѣтвистый скребокъ, искусно вырѣзанный изъ большого оленьяго рога, въ видѣ лапы съ растопыренными и очень острыми пальцами, немедленно высунулся внутрь камина и усердно сталъ выгребать загнѣту изъ-подъ дровъ, поставленныхъ для топки. Нѣсколько горячихъ углей, скрывавшихся подъ загнѣтой, вышли наружу, но огня было мало. Кириловъ отодралъ большую полосу бересты и подбросилъ ее къ дровамъ. Лучина сухая, какъ порохъ, затлѣлась, потомъ вспыхнула пламенемъ и дрова весело загорѣлись. Чайникъ еще съ вечера былъ наполненъ водой, а котелокъ различными ингредіентами, изъ которыхъ хозяинъ приготовлялъ себѣ ѣду. Съ незапамятныхъ временъ Кириловъ относился къ пищѣ почти съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и окружающіе якуты и юкагиры. Онъ считалъ преступленіемъ, если малѣйшая съѣдобная частица пропадетъ безъ пользы. Поэтому ѣду себѣ онъ обыкновенно варилъ изъ разныхъ отбросовъ молочнаго и рыбнаго хозяйства, на которые лѣтомъ никто не хотѣлъ обращать вниманія, квасилъ полуобъѣденную рыбью кожу въ молочной сывороткѣ развариваль въ рыбьемъ жиру обрѣзки конскаго потроха или телячьей головизны, приготовлялъ въ подражаніе туземцамъ ѣдкую *сору*, гдѣ въ обильной молочной кислотѣ растворяются даже рыбьи

кости и головки, брошенныя внутрь для большей питательности. Время отъ времени онъ приготовлялъ въ видѣ лакомства какой-то странный продуктъ, смѣшанный изъ коровьяго и конскаго жира вмѣстѣ съ мелкимъ сахаромъ, ягодами и кислыми сливками. Онъ называлъ его пастилой и употреблялъ преимущественно для угощенья пріѣзжающихъ, посылалъ также большое количество въ видѣ гостинца многочисленнымъ пріятелямъ въ городѣ Пропадинскѣ. Муки и вообще растительныхъ продуктовъ Кириловъ не употреблялъ по принципу, считая ихъ недостаточно питательными для этого холоднаго климата. Ихъ, впрочемъ, почти невозможно было доставать въ этомъ отдаленномъ углу, гдѣ даже въ часовнѣ, замѣнявшей церковь, по нѣскольку лѣтъ не было просфоръ для причащенія.

Обширное хозяйство давало много остатковъ и Кириловъ каждое утро собиралъ ихъ и превращалъ въ пригодную для человѣческаго потребленія пищу. Въ концѣ концовъ онъ былъ недурнымъ поваромъ и даже изъ отбросовъ могъ приготовить вкусныя блюда, но самъ онъ потреблялъ очень мало пищи. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ онъ сталъ пріучать свой организмъ къ воздержанію и съ тѣхъ поръ принималъ пищу только одинъ разъ въ день, вѣсомъ и мѣрою. Въ старые годы онъ чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ только при тюремной больничной палатѣ или въ большой пересыльной партіи, для которой онъ приготовлялъ ежедневно обѣдъ, а для себя самого собиралъ остатки изъ горшковъ и переваривалъ ихъ въ новое невиданное блюдо. Теперь въ урочевскомъ пустынножительствѣ, при его крайней умѣренности въ ѣдѣ, изо дня въ день въ погребахъ и хоронушкахъ собирались все большіе и большіе запасы, ибо многочисленныхъ голодныхъ желудковъ, готовыхъ поглощать всѣ эти дары, уже не было вмѣстѣ съ Кириловымъ. Александръ Никитичъ ощущалъ это обиліе, какъ иго, и несъ его, какъ могъ, однако не безъ нетерпѣнія. Его угнетала мысль, что вся эта совершенно готовая пища назначена для него, и для него одного, что ему приготовлены обѣды за мѣсяцъ впередъ, и избавиться отъ ихъ перспективы уже нѣтъ возможности. По мѣрѣ увеличенія готовыхъ запасовъ, Александръ Никитичъ становился все мрачнѣе, наконецъ онъ не выдерживалъ и за неимѣніемъ лучшаго средства уборки, посылалъ скотницу по юртамъ сзывать сосѣдей на пиръ. Якуты сходились съ женами и дѣтьми, какъ на уборку или помощь, и дѣйствительно, черезъ три часа всѣ погребки были чисты и Александръ Никитичъ снова становился свободенъ. Якуты такъ привыкли къ этому періодическому угощенію, что теперь разсматривали его, какъ нѣчто должное. Они предполагали даже, что «вѣра» Кирилова предписываетъ ему совершать ежемѣсячное жертвоприношеніе, конечно, съ уго-

щеніемъ работниковъ и сосѣдей и что самый успѣхъ его хозяйства связанъ съ точнымъ соблюденіемъ этого предписанія. Впрочемъ, жизнь и привычки Кирилова были до такой степени необычайны и непонятны для нихъ, что они принимали ихъ безъ объясненій, какъ явленіе природы, и даже ничему не удивлялись, какъ не удивляется суевѣрный человѣкъ причудливымъ измѣненіямъ галлюцинацій или сновидѣній. Въ ихъ первобытномъ умѣ Кириловъ помѣщался вмѣстѣ съ духами земли и природы, которыхъ было такое множество и которые тоже были способны на самыя непонятныя штуки.

Вытопивъ каминъ и убравъ приготовленную пищу, Александръ Никитичъ полѣзъ въ погребъ и досталъ порцію, приготовленную еще три дня тому назадъ. Потомъ онъ развелъ миніатюрный дымокуръ на маленькомъ жестяномъ блюдечкѣ и чрезвычайно ловко и легко взлѣзъ на высокій табуретъ и усѣлся въ вышинѣ противъ слухового окна. Обѣдъ онъ помѣстилъ передъ собой на столѣ, а изъ окна вынулъ легкую раму и въ предохраненіе отъ насѣкомыхъ помѣстилъ на подоконникъ дымящееся блюдечко. Послѣ того онъ принялся медленно и осторожно ѣсть мягкую, сильно разваренную пищу, шамкая челюстями, ибо у него не было ни одного зуба. Зубы его съѣла цынга двадцать лѣтъ тому назадъ въ одномъ укромномъ мѣстѣ и вспоминая то время, Александръ Никитичъ только удивлялся, что вмѣстѣ съ зубами не ушли и самыя челюсти.

Окончивъ ѣду, Александръ Никитичъ задержался на минуту на высокомъ помостѣ, глядя передъ собой на свой горный видъ. По мысленному росписанію, которое онъ давно составилъ для своей уединенной жизни и десять лѣтъ исполнялъ безъ малѣйшихъ отступленій, эти нѣсколько минутъ были отведены для отдыха и мирнаго наслажденія природой, но въ послѣднее время даже наслажденіе тишиной и прелестью пейзажа имѣло примѣсь горечи, которая выросла незамѣтно для него самого и мало-по-малу заполонила его душу.

Тонкая полоска хребта спокойно синѣла на краю горизонта, но обширное стадо, бродившее по полю, раздражало Кирилова.

«Зачѣмъ нужны эти стада?—думалъ Александръ Никитичъ.—«Произволъ скотовода, молочные скопы, убой?..»

— Глупо и жестоко!—сказалъ онъ вслухъ, слѣзая съ помоста на землю.

Пресловутый горный пейзажъ подъ наплывомъ злыхъ мыслей внезапно потерялъ привлекательность и онъ торопился вернуться къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ.

Эпоха, воспитавшая Кирилова, сдѣлала изъ него идеалиста, дала ему міросозерцаніе, полное самоотреченія и внушила альтруистически дѣятельное стремленіе трудиться для всеобщаго

счастья. Но въ борьбѣ съ житейскими испытаніями самоотреченіе превратилось въ суровый аскетизмъ, а стремленіе къ дѣятельности привело къ этимъ деревяннымъ мосткамъ и приготовленію молочныхъ скоповъ. Даже заброшенный въ эту пустыню, Кириловъ все старался исправить страждущій и несовершенный міръ, но мало-по-малу его созерцаніе вмѣсто страданій жизни стало направляться на ея пороки и въ послѣдніе годы онъ иногда чувствовалъ непреодолимое отвращеніе и желаніе бросить все и уйти, какъ уходили отъ жизни буддійскіе монахи или христіанскіе схимники.

Спустившись внизъ, Кириловъ быстро убралъ избу, потомъ снялъ съ себя одежду и, сунувъ ноги въ широкія странныя калоши изъ коровьей шкуры, не очищенной отъ шерсти, пошелъ на озеро купаться. Такъ поступали всѣ жители Урочева, ибо на берегу озера не было сухого мѣстечка, куда положить одежду. Кириловъ слѣдовалъ общему примѣру. Немногіе обитатели этой полярной пустыни часто поступали, какъ Адамъ и Ева до грѣхопаденія, и ему и въ голову не приходило видѣть въ этомъ соблазнъ. Этотъ вольнодумный аскетъ, умерщвлявшій свою плоть безъ надежды на будущую награду, былъ наивенъ, какъ монахиня, и несмотря на свою житейскую опытность, не понималъ соблазна, какъ пятилѣтній ребенокъ. Но изъ всѣхъ культурныхъ привычекъ онъ сохранилъ любовь къ тѣлесной чистотѣ и отказавшись отъ хлѣба и сахару, не могъ обходиться безъ мыла и свѣжей воды. Даже зимою онъ ежедневно мылся въ большомъ ушатѣ передъ горящимъ пламенемъ очага, хотя добывать и согрѣвать воду было долго и затруднительно, а рѣзкія измѣненія температуры грозили простудой даже самому закаленному здоровью.

Александръ Никитичъ Кириловъ происходилъ изъ хорошаго дворянскаго рода и въ числѣ своихъ предковъ считалъ именитаго казанскаго мурзу, черты котораго, повидимому, возродились въ его лицѣ. Воспитаніе его не имѣло ничего общаго съ аскетизмомъ или съ великодушными стремленіями и еще восемнадцати лѣтъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ ревностно занимался псовой охотой и устройствомъ домашняго оркестра. Внезапно волна подхватила его и понесла съ собой. Откуда она пришла, онъ самъ не зналъ и не могъ дать себѣ отчета. У него не было соотвѣтственныхъ знакомыхъ, онъ не читалъ ни одной наводящей на размышленіе книги; но въ воздухѣ было разлито что-то молодое и свѣтлое, какой-то электрическій токъ, тонкій и извилистый, пробѣгавшій мимо по незримому пути и внезапно вызывавшій отвѣтный трепетъ въ каждой молодой душѣ, способной къ напряженію и блеску.

Восемнадцатилѣтній мальчикъ бросилъ отца и мать, отказался отъ богатства и старыхъ привычекъ и бросился въ бездну сво-

ихъ новыхъ вѣрованій, какъ бросаются съ крутого берега въ воду. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, наполненныхъ такими наслоеніями испытаній и дѣятельности, что ихъ хватило бы на четыре обыкновенныхъ человѣческихъ жизни. Мальчикъ скоро возмужалъ и привыкъ выбирать дорогу, не подчиняясь чужому мнѣнію. Кириловъ мѣнялъ поприще за поприщемъ и на всѣхъ проявилъ необыкновенную работоспособность. Онъ постоянно поступалъ по своему и стремился примѣнять оригинальные способы дѣйствій, которые, однако, приносили неожиданно полезные плоды. Даже въ урочевской пустынѣ онъ остался вѣренъ самому себѣ и какъ бы шутя вызвалъ какъ изъ-подъ земли такія отрасли дѣятельности, самая возможность существованія которыхъ не пришла бы на умъ другому человѣку. Казна устроила въ Пропадинскѣ дешевую продажу соли, но соль эта служила объектомъ различныхъ замысловатыхъ операцій въ рукахъ соляного надзирателя, и жителямъ доставались только жалкія крупинки. Кириловъ добился того, что ему въ Урочево стали присылать сто пудовъ, и въ ближайшее лѣто посолилъ десять большихъ стоговъ сѣна пластъ за пластомъ во время уборки и сметыванія. Въ началѣ весны онъ собралъ самыхъ истощенныхъ лошадей и коровъ изъ ближайшихъ селеній, и откормивъ ихъ соленымъ сѣномъ, получилъ блестящіе результаты. Теперь соленое сѣно употреблялось изъ года въ годъ и порода скота замѣтно стала улучшаться вокругъ Урочева. Почти въ то же время Кириловъ на свои сбереженія выписалъ изъ Россіи матеріалъ для приготовленія сѣтей и упорно старался выучить своихъ сосѣдей вязать сѣти по русскому поморскому способу, чтобы онѣ выходили крѣпче и пригоднѣе для промысла. Молочное хозяйство было его третьей затѣей, но оно разрослось и поглотило все его время и силы.

Вернувшись съ купанья, Александръ Никитичъ взялъ косу и пошелъ накосить свѣжей травы для самыхъ молодыхъ телятъ. Но притащивъ домой двѣ большихъ связки, онъ почувствовалъ такую усталость, что даже присѣлъ отдохнуть на лавку. Въ послѣдніе годы силы его постепенно слабѣли; долгія лишенія, вольныя и невольныя, стали сказываться, и онъ уже ощущалъ себя старикомъ, съ ослабѣвшими членами, неспособнымъ къ работѣ и непригоднымъ къ одинокой жизни въ Урочевскомъ скиту. Все чаще и чаще приходили недуги, которые онъ побѣждалъ при помощи діэты и простыхъ лекарствъ, но потомъ они приходили снова.

Свѣжій удой стоялъ на столѣ, и его слѣдовало разлить въ бураки и убрать на мѣсто.

«Зачѣмъ эти хлопоты? — вдругъ подумалъ Кириловъ. — Нелѣпая и безцѣльная работа!» Потомъ по привычкѣ поднялся, сходилъ къ поставцу за посудой для розлива и сталъ процѣживать

густое молоко. Въ головѣ его, однако, пробѣгали все тѣ же странныя мысли.

— Зачѣмъ существуетъ все? — спросилъ онъ самого себя и внезапно почувствовалъ, что это не философское любопытство, и что вопросъ о цѣли мірозданія касается его лично еще ближе, чѣмъ вопросъ о молочномъ хозяйствѣ. Повидимому наступало время для общей ликвидаціи и подведенія всѣхъ итоговъ.

Дверь юрты отворилась, и вошелъ низенькій лохматый якутъ въ рубахѣ изъ телячьей шкуры, съ красными больными глазами и сѣрымъ сухощавымъ лицомъ.

— Чего надо?—отрывисто спросилъ Кириловъ.

— Табакъ! — лаконически сказалъ якутъ, останавливаясь у порога.

Онъ, очевидно, только что побывалъ въ болотѣ, и нижняя часть его тѣла была въ грязи.

— Чѣмъ заплатишь?—спросилъ Кириловъ суровымъ, но дѣловымъ тономъ.

— Ничѣмъ!—равнодушно отвѣтилъ якутъ.

— Въ долгъ!—прибавилъ онъ неохотно.

— А ты знаешь, сколько у тебя долгу?—спросилъ Кириловъ.

— Кто знаетъ? — неопредѣленно возразилъ якутъ. — Много, должно быть!...

Кириловъ досталъ изъ шкафа мохнатую связку табачныхъ листовъ.

— А когда ты заплатишь?—спросилъ онъ уже безразличнымъ тономъ, предвидя содержаніе отвѣта.

— А кто знаетъ?—повторилъ якутъ стереотипную фразу.— Когда будетъ, заплачу!

— Возьми косу вмѣстѣ!—вдругъ предложилъ Кириловъ.—Тоже въ долгъ!

— Не нужно!—рѣшительно сказалъ якутъ.—Только табакъ!

— Хорошее такъ вамъ не нужно!—сердито сказалъ Кириловъ.

— Не сручно!—упрямо сказалъ якутъ.—Твоя коса длинная, наши руки коротки... Вотъ смотри!...

Онъ протянулъ впередъ пару тонкихъ рукъ съ небольшими кистями, какъ у всѣхъ сѣверныхъ туземцевъ.

— Ну, ступай!—сказалъ Кириловъ, удовлетворивъ покупателя, но якутъ не уходилъ.

— Баба просила иголокъ и цвѣтного шелку! — сказалъ онъ наконецъ.

— На что ей шелкъ?—недовольно проворчалъ Кириловъ.

— Поясъ надо!—сказалъ якутъ.—Видишь, безъ пояса!..—прибавилъ онъ, указывая на свою грязную кожаную рубаху.

Кириловъ съ неодобреніемъ посмотрѣлъ на фигуру, стоявшую на его порогѣ. Мѣстные щеголи, дѣйствительно, подпоясывались вышитымъ поясомъ, но къ этимъ краснымъ глазамъ не подходило щегольство.

— Небось, у бабы тоже глаза болятъ? — спросилъ онъ съ упрекомъ.

— Болятъ!—согласился якутъ.—Еще мыла просила кусочекъ, зрачки промыть!...

Кириловъ досталъ изъ своего склада небольшой кусокъ мыла и пару толстыхъ иголъ.

— А шелку не дамъ!—объявилъ онъ.—Ступай домой!

Но якутъ не хотѣлъ уходить.

— Дай, пожалуйста! — приставалъ онъ. — Я два днища (20 верстъ) болото мѣсилъ... Ноги болятъ... Дай шелку!..

— Ступай, ступай!—повторилъ Кириловъ, запирая шкафъ.

Якутъ еще потоптался на мѣстѣ.

— Вотъ ты какой?...—съ упрекомъ протянулъ онъ.—А я бы горностаями заплатилъ. — И онъ вытащилъ изъ-за пазухи двѣ бѣленькія головки.

Кирилловъ взялъ покупателя за плечи и повернулъ къ двери.

— Ну, уходи! — сказалъ онъ ему коротко, но безъ гнѣва.— Не дамъ больше ничего!...

Съ самаго своего пріѣзда Кириловъ сталъ выписывать для раздачи сосѣдямъ разные товары, продавая ихъ по номинальной цѣнѣ. Урочево было слишкомъ далеко отъ торговой дороги; якуты жили, какъ троглодиты, и платили проѣзжему торговцу неслыханныя цѣны за каждую пару иголъ или головной платокъ. Князьцы ежегодно привозили изъ города немного чаю и табаку и распродавали сосѣдямъ небольшими частями, въ пять разъ дороже покупной цѣны. Теперь и эта торговля давно прекратилась, и сами князьцы предпочитали забирать все нужное у Кирилова, ибо его цѣны были ниже городскихъ. Молва объ урочевской дешевизнѣ шла далеко и выходила за широкіе предѣлы пропадинскихъ пустынь. Даже оленеводы съ Гижигинской тундры и горные охотники съ Омеконскаго плоскогорья приходили къ Кирилову за товаромъ, какъ будто на ярмарку. Это было, конечно, лестно, но каждый годъ Александръ Никитичъ сводилъ балансъ съ довольно значительнымъ убыткомъ. По исконному обычаю три четверти мѣстной торговли велось въ кредитъ. Раньше князьцы охотно давали товаръ безъ немедленной уплаты, накидывая еще 100% потомъ, во время путнаго промысла, взыскивали всю сумму, а у упорныхъ отнимали силой или въ крайнемъ случаѣ жаловались на нихъ исправнику во время годового объѣзда по округу.

Половина должниковъ платила и Кирилову исправно, но люди

безпечные и сутяги скоро раскусили его нежеланіе обращаться къ начальству съ жалобами и, сколько могли, затягивали уплату. Мелкіе долги постоянно пропадали. Чтобы возстановить равновѣсіе, Александръ Никитичъ уже съ перваго года собирался возвысить цѣны на 10%, но никакъ не могъ рѣшиться нарушить принципъ. Его ежегодныя потери равнялись нѣсколькимъ стамъ рублямъ, но молочное хозяйство давало хорошіе доходы и покрывало всякіе посторонніе убытки.

Вообще Кириловъ относился къ сосѣдямъ, какъ дѣтямъ, и да же за ихъ маленькіе обманы не очень сердился. Выписывая товары, онъ не соображался со вкусомъ своихъ покупателей, а выбиралъ только то, что признавалъ нужнымъ. Онъ вывелъ изъ своей округи употребленіе пестрыхъ ситцевъ и шелковыхъ лентъ, табакъ раздавалъ понемногу; бѣднымъ людямъ давалъ чай по преимуществу зимою, во время скудости молока. Онъ постоянно распространялъ среди сосѣдей болѣе усовершенствованныя орудія, русскія косы, пилы, плотничные топоры, но съ небольшимъ успѣхомъ, ибо якуты упрямо держались за орудія и навыки, унаслѣдованные отъ предковъ.

Но въ послѣднее время постоянная мелочная возня съ раздачей товаровъ и полученіемъ мелкихъ долговъ стала утомлять его и послѣ торговыхъ переговоровъ съ какой-нибудь безтолковой бабой въ немъ поднималось отвращеніе, которое не заглушалось даже сознаніемъ несомнѣнной полезности дѣла.

Въ юртѣ было прохладно и темно и Александръ Никитичъ внезапно почувствовалъ, что темнота угнетаетъ его; онъ вышелъ на дворъ и медленно отправился по главной тропѣ поселка, не для прогулки, ибо онъ попрежнему чувствовалъ себя слабымъ а для того, чтобы не сидѣть въ своемъ угрюмомъ домѣ. Ближайшая юрта была бѣднѣе всѣхъ въ поселкѣ. У небольшого дымокура двое совершенно нагихъ ребятишекъ копошились на землѣ, укрываясь отъ комаровъ, какъ телята, въ струѣ налетавшаго дыма. Но все тѣло ихъ было покрыто какъ мелкою сыпью, слѣдами отъ комариныхъ укусовъ.

Александръ Никитичъ немедленно подошелъ. Онъ любилъ маленькихъ дѣтей почти столько же, какъ телятъ, и во всякомъ случаѣ предпочиталъ ихъ взрослымъ людямъ. Рука его машинально стала шарить въ карманѣ, отыскивая завалявшійся кусокъ сахару.

Самъ онъ не употреблялъ сладкаго и даже вмѣсто чая пилъ горячую воду съ солью, но время отъ времени онъ угощалъ сахаромъ своихъ любимцевъ двуногихъ и четвероногихъ.

Хозяинъ юрты, Кузьма, показался на порогѣ. Это былъ приземистый человѣкъ, заросшій рыжими волосами и одѣтый въ ко-

жаныя лохмотья; онъ происходилъ изъ оренбургскихъ татаръ, но его прислали въ эту дикую глушь за конокрадство.

Къ работѣ онъ ощущалъ органическое отвращеніе, но якуты чувствовали отвѣтственность за каждаго человѣка, присланнаго съ юга и кое-какъ кормили Кузьму вмѣстѣ съ его семьей. Кузьма не унывалъ и сокрушался только о томъ, что здѣсь нельзя заниматься его излюбленнымъ промысломъ. Однажды, правда, онъ попробовалъ увести съ поля молодую кобылу, чтобы превратить ее въ мясо, но якуты немедленно нагрянули, отняли кобылу и не вытерпѣли, помяли Кузьмѣ бока. Тогда Кузьма понялъ, что въ этомъ уединенномъ околоткѣ всѣ люди наперечетъ и каждое движеніе его извѣстно сосѣдямъ и поневолѣ смирился.

— Отчего дѣти голыя?—спросилъ Кириловъ, погладивъ по головѣ младшаго мальчика, совсѣмъ маленькаго съ кривыми ногами и большимъ отвислымъ брюхомъ.

— А гдѣ возьму?—лѣниво отвѣтилъ Кузьма.—Развѣ ты дашь?

Онъ былъ слишкомъ безпеченъ для систематическаго выпрашиванія подачекъ, но случай самъ подвернулся подъ руку.

Кузьма въ разговорѣ смѣшивалъ якутскія слова съ татарскими, но языки эти близки и его хорошо понимали въ околоткѣ.

— Хорошо!—сказалъ Кириловъ снимая руку съ головы мальчика.—Пришли бабу: я дамъ ситцу!

— Но только себѣ не сшей!—прибавилъ онъ, уходя по тропинкѣ впередъ и оборачиваясь, чтобы еще разъ взглянуть на ухмыляющееся лицо Кузьмы.

Березовая роща стояла на ровномъ и сухомъ мѣстѣ. Земля была усыпана полуперегнившимъ листомъ прошлой осени. Деревья росли рѣдко и ровно, какъ высокія бѣлыя свѣчи. На нарядной бѣлой корѣ мѣстами, какъ черныя раны, зіяли широкіе круглые слѣды ободранной бересты и прекрасныя деревья засыхали на корню, погубленныя ради пары бураковъ. Кириловъ присѣлъ на пень и сталъ смотрѣть на болото, окаймлявшее лѣсъ, гдѣ маленькія сѣрыя лягушки весело прыгали среди низкихъ кочекъ, поросшихъ большими бѣлыми и голубыми цвѣтами съ крупными лепестками, завитыми, какъ кудри, и длинными, глянцевито-зелеными подлистниками.

«Зачѣмъ все это?» мелькнулъ въ его головѣ прежній вопросъ.

Мысли его обратились къ любимымъ философскимъ книгамъ и приняли отвлеченное направленіе. Шопенгауеръ и Гартманъ уже давно заставили его согласиться, что въ мірѣ преобладаетъ зло и жестокая природа разставляетъ западни для всѣхъ живущихъ, автоматически стремясь къ достиженію своихъ грубыхъ цѣлей; но онъ постоянно противополагалъ этому жестокому и бездушному міру самого себя, какъ сознательное и прогрессивное

начало. Онъ считалъ себя представителемъ и знаменеоосцемъ тѣхъ идеаловъ, которые должны были побѣдить царство безсознательнаго и направить его ходъ по заранѣе установленному плану, и сообразно этому идеалу онъ постоянно старался дѣйствовать даже въ урочевской пустынѣ. Но въ послѣднее время онъ такъ много думалъ о порокахъ мірозданія, что даже его идеалъ, наконецъ, сталъ тускнѣть, какъ будто бацилла міровой скверны привилась къ его великодушнымъ надеждамъ и заставила ихъ покрыться тонкой плѣсенью, угрожавшей разрушеніемъ. Среди вселенской злобы и эгоизма онъ чувствовалъ себя, какъ на небольшомъ островѣ среди огромнаго моря, и на этомъ одинокомъ утесѣ съ годами становилось все меньше мѣста.

— Зачѣмъ все?—повторялъ онъ безъ конца одинъ и тотъ же вопросъ.—Зачѣмъ бороться, благотворить, дѣлать столько усилій, чтобы добро восторжествовало?

Душа его незамѣтно ожесточилась и какъ-то потеряла вкусъ къ великодушію и любви къ ближнему; нѣкоторое время онъ жилъ старыми тридцатилѣтними привычками, но обычное безстрашіе мысли не измѣнило и не отступило передъ бездной и теперь созрѣвалъ кризисъ всѣхъ устоевъ, быть можетъ, крушеніе и конецъ.

Александръ Никитичъ перебралъ всю свою прошлую жизнь. У него были враги, съ которыми онъ боролся и которыхъ всегда ненавидѣлъ отъ всего сердца. Но теперь въ воспоминаніяхъ чувство его потеряло прежнюю остроту, ибо онъ сознавалъ въ самомъ себѣ то же злое и циническое настроеніе, которое нѣкогда составляло главную дѣйствующую силу противнаго лагеря. У него были товарищи и многіе изъ нихъ ушли изъ свѣта, но вмѣсто подвиговъ мужества и любви онъ вспоминалъ теперь ихъ мелкіе недостатки и съ удивленіемъ ощущалъ, что въ его памяти сохранилось только недоброжелательство и что вся его горечь и вражда перемѣстились съ лѣваго берега на правый.

Грѣхопаденіе его было мысленное, въ окружавшей пустынѣ не было никакого поприща для дѣйствій, а онъ уже ощущалъ себя вродѣ падшаго ангела злымъ и свободнымъ отъ убѣжденій, которыя признавалъ теперь предразсудками, порвавшимъ идейныя путы, которыя прежде связывали съ общимъ стадомъ его закаленную природу, чуждую плотскаго соблазна и всякой личной привязанности.

Несмотря на теплоту полудня Кириловъ почувствовалъ холодъ; быть можетъ, чувство злого одиночества, оледенившее его сердце распространилось холодомъ на его ослабѣвшее тѣло. Онъ поднялся съ мѣста и побрелъ домой, такъ какъ это было его единственное убѣжище.

На площадкѣ передъ избой собралась цѣлая сходка. Въ трехъ

верстахъ отъ Урочева протекала большая рѣка, по которой ежегодно проходили огромныя стада лососей, выплывавшія изъ захолустныхъ озеръ метать икру въ свѣжей проточной водѣ.

Благодаря стараніямъ Кирилова три ближайшіе поселка соединялись чтобы загораживать езомъ одинъ изъ большихъ протоковъ, служившій главной дорогой для рыбныхъ стадъ.

Сѣти, необходимыя для лова, были даны Кириловымъ, но числились за различными домохозяевами, ибо иначе по обычаю половина улова должна была бы достаться собственнику сѣтей и все предпріятіе превратилось бы въ полубатрацкую затѣю.

Промыселъ былъ обильнѣе всего въ срединѣ лѣта; высмотръ производился ежедневно, и всѣ хозяева, имѣвшіе пай въ езу, собрались къ дѣлежу. Они не довѣряли одинъ другому, но ставили больше всего въ вину другъ другу именно отсутствіе, такъ какъ оно подавало поводъ къ безконечнымъ будущимъ распрямъ. Кириловъ тѣмъ болѣе не могъ оставаться сзади. Онъ былъ основателемъ общаго лова и имѣлъ два пая и его отсутствіе на дѣлежѣ было бы навѣрное сигналомъ къ общей дракѣ и цѣлому ряду ссоръ впослѣдствіи.

Александръ Никитичъ записалъ дневное наблюденіе и переодѣлся. Всѣ пайщики были босы и засучили штаны до колѣнъ, такъ какъ дорога къ рѣкѣ по обыкновенію шла черезъ топь.

Езъ былъ сдѣланъ изъ свай забитыхъ въ дно и соединенныхъ между собой крѣпкой деревянной рѣшеткой. Нѣсколько десятковъ лиственницъ и березъ, срубленныхъ подъ корень, было погружено въ воду, вершиной внизъ, передъ рѣшеткой еза.

Сверху они были слегка привязаны къ перекладинамъ, а внизу теченіе прижимало ихъ къ езу, образуя плотный и упругій заплотъ. Десять широкихъ пролетовъ были загорожены сѣтями въ родѣ двойного коническаго мѣшка, укрѣпленнаго на жердяхъ и развернутаго по теченію. У берега стояли два челнока, сшитые волосяными веревками изъ тонкихъ досокъ, съ длиннымъ двойнымъ весломъ, изогнутымъ посединѣ.

Промыселъ былъ обиленъ, изъ каждой сѣти вываливалась въ челнокъ груда отборной рыбы и послѣ осмотра на пескѣ образовался цѣлый холмъ, блиставшій влагой и серебристой чешуей. Благодаря присутствію Кирилова дѣлежъ прошелъ безъ особенныхъ инцидентовъ. Покончивъ взаимные счеты, пайщики раскрыли на разныхъ мѣстахъ берега свои погреба, т.-е. не глубокія ямы, накрытыя хворостомъ и травой, и сложили туда рыбу. Она должна была пролежать такъ до будущей весны, подгнить и даже перебродить и превратиться въ черное и горькое мѣсиво, пригодное для употребленія только при крайнемъ голодѣ.

Александръ Никитичъ непріязненно смотрѣлъ на своихъ со-

трудниковъ. У него на берегу рѣки стояло импровизированное солильное корыто въ видѣ стараго челнока, наполненнаго крѣпкимъ растворомъ соли. Онъ вымачивалъ рыбу въ разсолѣ день или два, потомъ вывѣшивалъ ее на сушильню, гдѣ она досыхала подъ вѣтромъ безъ всякой порчи. Но Якуты упорно держались за свои ямы и не хотѣли даже пробовать его вяленой *юколы*.

Мало знакомый вкусъ соли въ этой непривычной комбинаціи казался имъ противнымъ и горькимъ. Они утверждали кромѣ того, что солить вяленую рыбу грѣшно и что такая вольность грозитъ уменьшить промыселъ. Впрочемъ насчетъ рыбной ловли у нихъ было столько предразсудковъ, что они сами подчасъ путались и нарушали установленные преданіемъ запреты. Мережи были опять спущены въ воду и вся компанія пустилась обратно. Кириловъ шелъ сзади и съ той же непріязнію смотрѣлъ на спины якутскихъ рыбаковъ, сбивавшихъ другъ друга съ узкой тропы. Ему вдругъ стало ясно, что онъ уже давно ненавидитъ этихъ дикарей, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго, которые охотно принимаютъ подарки и дешевые товары, но не обращаютъ вниманія на самые полезные совѣты и указанія. Разговаривать съ ними, даже смотрѣть на нихъ было несказанно противно. Онъ нетерпѣливо жаждалъ возможности опять уединиться отъ этихъ грубыхъ и докучливыхъ представителей жалкаго человѣческаго рода. Наконецъ поселокъ затемнѣлся впереди. Кириловъ прямо направился къ своему дому, вошелъ внутрь и плотно закрылъ за собой дверь. Якуты, не останавливаясь, разбрелись по домамъ. Они не привыкли заходить къ Кирилову безъ опредѣленнаго дѣла. Они хорошо видѣли, что онъ сердится и поводомъ къ этому считали свои рыбныя ямы. Безпокоить русскаго, когда онъ сердитъ, ни у кого не было охоты. Они твердо знали, что русскіе въ гнѣвѣ опасны, ибо нѣкоторые поселенцы запечатлѣли въ ихъ памяти припадки своего гнѣва кровавыми слѣдами.

Однако Александру Никитичу не долго пришлось просидѣть одному. Не болѣе какъ черезъ пять минутъ кто-то закопошился снаружи и дверь медленно поднялась, слегка вздрагивая и какъ будто стараясь упасть обратно. Тонкая фигура Хаспо показалась на порогѣ. Руки ея были заняты маленькимъ теленкомъ, мокрымъ и дрожащимъ отъ холода. Коровница тоже вымокла съ головы до ногъ и на полу юрты уже образовались широкіе подтеки отъ ея разбухшей обуви.

— Изъ озера вытащила!—сказала она обращаясь къ хозяину,—изъ самого омута!... Прямо съ обрыва свалился глупый!—прибавила она, обтирая мокраго теленка пучкомъ травы и протягивая его слегка впередъ.—Ушибся бѣдненькій!

Кириловъ, сидѣвшій на узкой скамьѣ въ глубинѣ юрты, помедлилъ нѣсколько секундъ, потомъ поднялся на встрѣчу. Это былъ его любимый теленокъ, пестрый съ большими ушами, не умѣвшій даже ходить, какъ слѣдуетъ. Онъ торопливо разогрѣлъ воду въ желѣзномъ котлѣ, потомъ обмылъ теленка съ головы до ногъ, вытеръ его насухо сѣномъ и положилъ на мягкое травяное ложе за загородку. Хаспо не помогала ему, однако не уходила. Стоя у порога, она пристально, но незамѣтно наблюдала за хозяиномъ и чувствовала какое-то смутное безпокойство.

— Какой онъ скучный!—сказала она мысленно самой себѣ.

Александръ Никитичъ дѣйствительно двигался, какъ во снѣ, и возился съ теленкомъ почти машинально, думая совсѣмъ о другомъ.

Стоять дольше однако было невѣжливо. Хаспо тихонько вздохнула и вышла за порогъ. Александръ Никитичъ подвинулъ скамью и усѣлся противъ теленка, дрожавшаго на своей травѣ. Онъ посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на бѣдное маленькое существо и въ то же время подумалъ, что это послѣдняя нить симпатіи, соединяющая его съ окружающимъ міромъ.

Лѣтній день кончался; въ узкое окно вверху проходило мало свѣта и въ избѣ стало темно. Кириловъ опять взлѣзъ по табурету вверхъ, закрылъ окно ставнемъ, прилаженнымъ изнутри, и, спустившись на землю, зажегъ большую плошку, наполненную рыбьимъ жиромъ, съ свѣтильней скрученной изъ тряпки и плавающей сверху; потомъ подумалъ немного и зажегъ другую плошку. Ему хотѣлось, чтобы въ комнатѣ было больше свѣта. Теленокъ въ своей ивовой корзинѣ продолжалъ дрожать и повидимому чувствовалъ себя худо. Кириловъ досталъ изъ неистощимаго шкафа небольшой ящикъ съ аптечными склянками, торчавшими изъ низкихъ деревянныхъ гнѣздъ, порылся немного на днѣ и вынулъ пакетъ съ порошками хины, смѣшанной съ морфіемъ, потомъ осторожно, но настойчиво принялся разжимать челюсти своему питомцу, стараясь улучить удобную минуту, чтобы ссыпать хину ему на языкъ. Это было зрѣлище достойное цирка. Теленокъ вырывался и моталъ головой. Онъ очевидно питалъ къ лекарству такое-же глубокое недовѣріе, какъ и его двуногіе земляки. Наконецъ Кириловъ разсердился и такъ рѣшительно придавилъ теленка за горло своими цѣпкими руками, что бѣдный паціентъ поневолѣ разинулъ ротъ и высунулъ языкъ. Медицина одержала верхъ и черезъ нѣсколько минутъ больной теленокъ успокоился и заснулъ.

Въ юртѣ было совершенно тихо; плошки сіяли яркимъ, но не ровнымъ пламенемъ.

Зачѣмъ все это?—еще разъ повторилъ Александръ Никитичъ.

Онъ съ недоумѣніемъ припомнилъ ту массу дѣятельности, которую затратилъ на этихъ пустынныхъ поляхъ, неизвѣстно для чьей славы и безъ всякаго опредѣленнаго результата. Домъ, сѣти, стадо, стали ему противны и тягостны, какъ цѣпи.

— Уйду я отъ васъ!—сказалъ онъ, внезапно ударяя кулакомъ по обрубку бревна и обращаясь къ стѣнамъ, какъ къ живымъ слушателямъ.—Уйду,—повторилъ онъ тише, чувствуя странное удовлетвореніе отъ внезапнаго наплыва рѣшимости развязаться съ постылыми обязательствами жизни. О томъ, куда уйти, Александръ Никитичъ еще не думалъ.

Правда, впереди синѣли дикія горы, но въ его ослабѣвшемъ тѣлѣ не хватило бы энергіи даже для того, чтобы дотащиться до ихъ подножія. Кромѣ того, за предѣлами горныхъ отроговъ было то же все захватывающее человѣчество, а Александръ Никитичъ жаждалъ полнаго уединенія. Въ его головѣ мелькнула не мысль, а смутный намекъ, что лучше всего было бы направиться въ путь, гораздо болѣе далекій, чѣмъ урочевскіе горные хребты. Прошло еще нѣсколько минутъ, Кириловъ поднялся съ мѣста и, вытащивъ изъ темнаго угла сундукъ, сталъ вынимать различныя части дорожной одежды, хранившіяся въ его нѣдрахъ. Тутъ были высокіе мягкіе сапоги туземнаго покроя, суконный кафтанъ, шапка съ наушниками. Все было совсѣмъ новое, только слежалось отъ пребыванія въ сундукѣ. Кириловъ собственноручно сшилъ всѣ вещи много лѣтъ тому назадъ и заботливо сохранялъ ихъ съ тѣхъ поръ съ той же смутной, но упрямой надеждой. Горы были слишкомъ близки и постоянно манили, особенно весною. Но изъ этой надежды ничего не вышло и платье такъ и осталось лежать въ сундукѣ.

Кирилову пришло въ голову, что если бы онъ умеръ въ Урочевѣ, якутскія бабы навѣрное одѣли бы его трупъ въ этотъ новый кафтанъ и сапоги.

На днѣ ящика лежала небольшая походная сумка съ широкими ремнями крестъ-на-крестъ. Въ ней Кириловъ хранилъ деньги, которыя скапливались ежегодно по разсчетамъ за масло и мясо. Денегъ было довольно много, ибо онъ почти ничего не тратилъ на себя, а каждая затрата на хозяйство тотчасъ же приносила доходъ. Александръ Никитичъ крѣпче застегнулъ сумку, потомъ досталъ съ полки небольшой нѣмецкій штуцеръ и крѣпкій походный ножъ. Мысли его странно двоились, какъ будто другой Кириловъ колебался между двумя различными путями, а онъ со стороны наблюдалъ и ему даже было любопытно, какимъ именно выборомъ разрѣшится сомнѣніе. Разложивъ приготовленныя вещи на нижнихъ полатяхъ, Кириловъ опять подумалъ, потомъ выдвинулъ на средину комнаты большой некрашеный столъ, поставилъ него обѣ плошки и досталъ изъ поставца бумаги и чернилъ. Онъ

собирался писать письмо Лукьяновскому, единственному близкому пріятелю, который одновременно съ нимъ пріѣхалъ на Пропаду, но остался жить въ городѣ Пропадинскѣ. Лукьяновскій былъ человѣкъ совсѣмъ другого типа, чувственнаго и импульсивнаго, въ противоположность идейному ригоризму Кирилова.

Вдвоемъ они исчерпывали содержаніе эпохи.

Онъ былъ разночинецъ изъ разночинцевъ, безъ диплома и даже безъ опредѣленныхъ знаній, неохотно читавшій «серьезныя» книги и лишенный книжнаго міросозерцанія, но вынесшій свои наклонности и страсти прямо изъ омута жизни. Онъ не признавалъ никакихъ стѣсненій или правилъ поведенія, не думалъ о принципахъ, жилъ, какъ вздумается, кутилъ, если были деньги, работалъ и лѣнился; каждое побужденіе хорошее или дурное онъ немедленно претворялъ въ дѣйствительность и дерзновеніе его было больше и безстрашнѣе, чѣмъ у Кирилова.

Александръ Никитичъ выработалъ свои взгляды путемъ упорной внутренней борьбы, онъ никогда не колебался проводить ихъ въ дѣйствительность, но измѣнить даже подробности разъ принятыхъ убѣжденій было для него тяжело и почти мучительно. Каждое умопостроеніе превращалось въ формулу и пускало корни и въ его душѣ и вырвать ее долой можно было только крайнимъ и болѣзненнымъ напряженіемъ воли. Въ концѣ концовъ какой-нибудь забытый корень еще оставался въ глубинѣ и неожиданно могъ пустить такіе же ростки, какъ прежде. Къ Лукьяновскому настроеніе минуты сходило, какъ наитіе свыше. Его душа была устроена, какъ манометръ и всегда выражала высшій предѣлъ давленія, и приливы и отливы ея силъ соотвѣтствовали текущей злобѣ дня.

И въ Пропадинскѣ онъ жилъ совсѣмъ не такъ, какъ Кириловъ, постоянно водился съ туземцами и ихъ женами, ѣлъ и спалъ вмѣстѣ съ ними, при случаѣ жестоко ихъ ругалъ, что не мѣшало его необыкновенной популярности, единственной на рѣкѣ Пропадѣ. Его выбирали въ посредники при спорахъ, къ нему обращались жены, измученныя побоями мужей и дѣти безъ родителей, ограбленныя опекунами, и для каждаго у него находилось слово утѣшенія и практическій совѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ жестоко хворалъ ревматизмомъ и даже ходилъ съ костылемъ, но бодрость его не уменьшалась.

Кириловъ готовъ былъ бросить безъ сожалѣнія домъ и хозяйство, но ему не хотѣлось оставить за собой недоумѣніе и онъ рѣшилъ написать Лукьяновскому письмо. Ему надоѣло бесѣдовать со стѣнами и онъ чувствовалъ потребность побесѣдовать съ живымъ человѣкомъ, хотя бы на бумагѣ, передъ тѣмъ, какъ сдѣлать послѣдній непоправимый шагъ.

«Сашка!» писалъ Кириловъ.

Лукьяновскаго звали Сашкой всѣ, даже мало знакомые.

«Я собираюсь уйти и исчезнуть съ вашего горизонта. Много поприщъ перемѣнилъ я на вѣку, но дальше этого ничего не могу придумать. Вокругъ себя я чувствую пустоту. Дѣла, которыми я занимался до сей поры, кажутся мнѣ веригами, добровольно надѣтыми на грудь. Съ ранней юности я соблюдалъ чистоту, всю жизнь бѣгалъ простого наслажденія, пріучилъ самого себя ходить по прямой и узкой дорогѣ, какъ лошадь съ завязанными глазами, а теперь мнѣ хочется сказать открыто самому себѣ: «Жалкій, жалкій слѣпецъ!» Мнѣ не жаль грубыхъ утѣхъ, которыя я могъ бы въ минувшіе годы урвать у скупой жизни, не жаль и силъ, истраченныхъ такъ щедро во славу суровыхъ идеаловъ,—все на свѣтѣ стихійно и каждая сила уходитъ, какъ приходитъ, безъ мѣры и безъ соотвѣтствія результату. Но теперь я понялъ, что на свѣтѣ высшая святыня есть свобода, ничѣмъ не обузданная готовность осуществлять каждое желаніе, мелькнувшее въ душѣ, ибо оно само себѣ составляетъ единственное оправданіе и законъ.

«Достигнувъ этого сознанія я ухожу и уношу его съ собою, ибо душевная неволя внезапно возвратила окружающей пустынѣ характеръ безвыходной тюрьмы, какъ десять лѣтъ тому назадъ.

«Ты, я знаю, поймешь! Скажу даже, что могъ бы завидовать тебѣ, какъ завидую ворону, пролетающему мимо, если бы ваша свобода не была такъ безсознательна, какъ солнце и вѣтеръ. Высшая же степень свободы означаетъ—пройти сквозь ярмо самоотреченія и свергнуть его, отвергнуть всякія внутреннія путы и признать самоопредѣленіе, какъ единственный законъ ничѣмъ не связанной души... Ты поймешь!»

Александръ Никитичъ сложилъ письмо, потомъ перешелъ къ вещамъ, разложеннымъ на лавкѣ. *Тотъ* Кириловъ все еще не выбралъ исхода; Александръ Никитичъ еще разъ перебралъ вещи, потомъ присѣлъ на лавку и сталъ неторопливо одѣваться, натянулъ сапоги, подвязалъ широкій ременный поясъ, потомъ взялъ ножъ, чтобы приладить его къ поясу, но вмѣсто того вынулъ его изъ ноженъ и сталъ пристально разсматривать лезвіе. Брови его сдвинулись, лицо стало неподвижно и сурово. Можно было подумать, что онъ задумалъ убійство и спокойно поджидаетъ намѣченную жертву.

Дверь отворилась, но вмѣсто жертвы показалась Хаспо и остановилась у порога, не рѣшаясь войти внутрь комнаты.

Это была уже не первая ночь, которую бѣдная скотница проводила у этого порога. Лѣтомъ она часто выходила изъ своей пристройки, затерянной въ глубинѣ усадьбы, садилась на широкую земляную скамью у входа и сидѣла до утра, то забываясь чут-

кой дремотой сторожевой собаки, то опять просыпаясь и утѣшая себя мечтой, что она охраняетъ покой того, кто ей былъ дороже всѣхъ на свѣтѣ. Иногда она мечтала о томъ, какъ хорошо бы было войти внутрь и лечь у порога рядомъ съ телятами, которымъ Кириловъ расточалъ столько вниманія и которыхъ она холила съ особенной заботливостью ради сочувствія его внимательности; но часто ея мечта, наивная, какъ окружающая природа, заходила дальше и она воображала себя уже не на порогѣ, а рядомъ съ хозяиномъ, страннымъ и мрачнымъ человѣкомъ, который былъ такъ не похожъ на грубыхъ якутскихъ парней и вовсе даже не думалъ о женщинахъ.

Все-таки до сихъ поръ она никакъ не могла бы рѣшиться открыть завѣтную дверь безъ повода и безъ зова. Но въ эту ночь, глядя на яркій свѣтъ, струившійся сквозь щель окна, она ощущала смутное, но повелительное безпокойство.

Былъ ли то инстинктъ первобытной бдительности или безсознательное проникновеніе любви, но дѣвушка тоже не могла сомкнуть глазъ ни на минуту. Кругомъ было тепло, тихо и темно. Лягушки слабо квакали на сосѣднемъ болотѣ. Какая-то ночная птица стрекотала въ кустахъ. А свѣтъ не угасалъ въ окнѣ и вѣчный предметъ ея мыслей тоже томился безсонницей. Хаспо встала и подошла къ двери, чтобы послушать, и услышала шаги Кирилова, потомъ попыталась заглянуть сквозь щелку, но щели не было. Тогда она внезапно вспомнила о больномъ теленкѣ и вся пылая отъ смущенія и страха, потянула къ себѣ скобу.

Одного взгляда было достаточно, чтобы увидѣть необычное переодѣваніе и замѣтить ружье и даже дорожный посохъ, лежавшій на лавкѣ. Но все это нисколько не удивило ее.

Чувство ея какъ бы отпрянуло назадъ и теперь она говорила себѣ, что все время ожидала такой развязки. Десять лѣтъ она прожила рядомъ съ загадочнымъ человѣкомъ, пришедшимъ неизвѣстно откуда въ эту бѣдную глушь, и все время сознавая, что ему здѣсь не мѣсто и, что рано или поздно онъ уйдетъ, конечно, туда, откуда пришелъ.

«На что мы ему?—говорила себѣ бѣдная якутка.—Мы бѣдные, насъ такъ мало. А тамъ далеко люди, какъ песокъ, мужчины и женщины, все его братья и сестры, такіе же, какъ онъ!»

Но когда она увидѣла широкій и блестящій ножъ въ рукѣ Кирилова, она съ крикомъ бросилась къ нему, упала передъ нимъ на колѣни и обхватила его руками.

Кириловъ положилъ на ея плечо свою изсохшую руку, никогда не касавшуюся женщины.

— Жалѣешь?—спросилъ онъ тихо, нагибаясь внизъ и съ новымъ для себя любопытствомъ вглядываясь въ ея лицо.

— Да, да!—говорила горячо дѣвушка, обливаясь слезами.

Одна плошка вспыхнула въ послѣдній разъ и погасла. Кириловъ нагнулся еще ниже. Тогда въ внезапномъ порывѣ дѣвушка обняла его шею руками и поцѣловала его въ губы. Она почувствовала, что онъ не отклонилъ ея ласки и поцѣловала его еще, потомъ еще разъ. Черезъ минуту она уже угнѣздилась на его колѣняхъ и прижавшись къ его груди, молча и торопливо цѣловала его снова и снова, безъ конца. Теперь одна рука Кирилова уже обнимала станъ молодой дѣвушки. Онъ еще стыдился искать ея поцѣлуевъ, но подставлялъ имъ свое лицо, какъ подъ весенній дождь и чувствовалъ, что въ его душѣ таетъ что-то жесткое, ледяное и злое, которое подкатывалось ему подъ самое горло и чуть не задушило его въ эту мрачную ночь.

— Жалѣешь?—спросилъ онъ ее тѣмъ же хорошимъ словомъ, которое выражаетъ въ первобытныхъ языкахъ всѣ оттѣнки любви и сочувствія.

— Да, да!—твердила дѣвушка.—Жалѣю, люблю!

— Ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ!

Онъ взялъ дѣвушку за руку и они вышли вмѣстѣ изъ избы. Ночь миновала и заря снова восходила надъ урочевскими полями.

— Туда пойдемъ!—сказалъ Кириловъ, указывая рукой на зубчатую полоску горъ, озаренную мягкимъ розовымъ свѣтомъ восходящаго утра.

— Пойдемъ!—съ готовностью согласилась дѣвушка. — Тамъ дичь и рыба, а ты хорошій промышленникъ!

Предложеніе Кирилова въ ея глазахъ не заключало ничего необычайнаго. Молодыя четы часто уходили изъ сосѣднихъ селеній въ горную глушь основывать новое жилище среди нетронутаго первобытнаго обилія. Кириловъ опять посмотрѣлъ на горы, которыя какъ будто таяли вдали въ легкихъ клубахъ утренняго тумана. Обильная роса упала на траву. Въ воздухѣ было сыро и прохладно. Александръ Никитичъ внезапно почувствовалъ, что теперь ему идти некуда и незачѣмъ. Вокругъ него завязались новыя путы и развязывать ихъ не было ни силы, ни охоты.

— Пойдемъ назадъ!—кротко сказалъ онъ, не выпуская руки Хаспо.—Сыро на дворѣ!—Дверь поднялась и опустилась. Солнце медленно всходило на небеса, скотъ разбредался по болоту. Пара гусей низко протянула надъ болотомъ и улетѣла на рѣку. Лѣтняя идиллія продолжалась въ своей спокойной простотѣ, смѣняя одинъ день другимъ столь же мирнымъ, прекраснымъ и плодотворнымъ.

Было опять лѣто. Время выдалось такое ведренное и теплое, что урочевскіе луга обсохли и даже по болотамъ повсюду за-

змѣились тропинки. Трава выросла вольно и пышно. Комара было мало, скотъ спокойно отъѣдался на пастбищѣ и коровы ежедневно приносили домой полный удой. Годъ снова обѣщалъ выйти легкій и обильный на добрую память благодарному жителю.

Александръ Никитичъ косилъ сѣно на своемъ участкѣ луга, примыкавшемъ къ усадьбѣ. Онъ вышелъ на работу съ ранняго утра и уже успѣлъ скосить цѣлое море травы, но продолжалъ свое дѣло съ тѣмъ же неослабнымъ усердіемъ. Коса плавно разсѣкала воздухъ и описывала широкій полукругъ, срѣзывая подъ корень стройные ряды зеленыхъ стеблей, которые мягко ложились другъ на друга, складываясь въ низкій валъ и обнажая прямую, словно подбритую дорожку прокоса. Косьба шла такъ быстро и успѣшно, что якуты, случайно проходившіе мимо, каждый разъ одобрительно крякали и можно было полагать, что эта энергическая работа повыситъ ихъ уваженіе къ русской долгоносой косѣ, больше чѣмъ всѣ уговоры Кирилова. Александръ Никитичъ былъ въ той же кожаной одеждѣ и безъ шапки, но лицо его загорѣло и обвѣтрилось и покрылось здоровымъ румянцемъ. Его тѣло теперь казалось свитымъ изъ крѣпкихъ и сухихъ мускуловъ и двигалось быстро и легко.

Татарское происхожденіе выступило еще яснѣе прежняго, но теперь онъ напоминалъ не кудесника, а степного пастуха, крѣпкаго, какъ корявые вязы, растущіе по глухимъ степнымъ балкамъ. Глаза его смотрѣли бодро и увѣренно. Прежнее человѣконенавистничество исчезло безъ слѣда и Александръ Никитичъ въ своемъ новомъ положеніи чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ.

Хаспо была тутъ же. Она сидѣла въ тѣни первобытнаго навѣса, устроеннаго изъ палатки, наброшенной на двѣ жерди и кормила маленькаго трехмѣсячнаго ребенка, смуглаго тѣломъ и лицомъ, но съ тонкими льняными волосами, явно свидѣтельствовавшими о русскомъ происхожденіи. Она не отставала отъ Кирилова ни на шагъ и на этотъ разъ гребла сѣно, отрываясь только для того, чтобы покормить младенца.

Минувшій годъ прошелъ спокойно и счастливо. Во избѣжаніе пересудовъ Хаспо сначала жила въ своей пристройкѣ, но Александръ Никитичъ просиживалъ тамъ большую часть своего времени и неохотно возвращался въ свой большой и пустой домъ. Впрочемъ, какъ только опредѣлилась надежда сдѣлаться отцомъ, Кириловъ рѣшилъ дѣйствовать открыто и перевелъ Хаспо къ себѣ. Это случилось осенью и черезъ мѣсяцъ Хаспо была полной хозяйкой въ домѣ Кирилова. Долгая зима, которая служитъ періодомъ спячки и смерти для сѣверной природы, была временемъ расцвѣта для простодушной якутской дѣвушки, которая неожиданно достигла вѣнца своихъ желаній. Хаспо выросла, похорошѣла. Она

работала теперь вдвое больше прежняго и время отъ времени Кириловъ внезапно замѣчалъ, что для него самого не остается никакого дѣла около его сложнаго домашняго хозяйства. Въ отличіе отъ прежняго времени молодая женщина обнаруживала искреннее желаніе приспособиться ко всѣмъ вкусамъ своего друга и между прочимъ ему уже не нужно было сторожить каждое утро, какъ она моетъ руки передъ подоемъ.

Александръ Никитичъ тоже окрѣпъ и поздоровѣлъ. Не находя работы дома, онъ постепенно сталъ дѣлать экскурсіи въ лѣсъ, рубилъ дрова, перетащилъ свои рыбные запасы съ рѣчного берега. Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что его зрѣніе исправилось и теперь при записяхъ наблюденій ему не приходилось по нѣскольку разъ нагибаться къ книжкѣ, чтобы регулировать неправильныя прыгающія очертанія своихъ письменныхъ знаковъ.

Къ срединѣ зимы, какъ обыкновенно, работа замерла. Было такъ холодно, что жители Урочева не отходили далеко отъ дому и отсиживались въ своихъ жилищахъ вмѣстѣ съ коровами и телятами, потребляя дрова, мясо и сѣно, навезенное съ осени. Кириловъ, которому стало совсѣмъ мало дѣло, невольно взялся за книги. Хаспо сначала надулась и даже чуть не расплакалась, а потомъ рѣшительнымъ тономъ объявила, что хочетъ учиться грамотѣ.

Грамота въ ея глазахъ была главнымъ признакомъ, отличающимъ культурныхъ пришельцевъ отъ полудикихъ туземцевъ.

«Научусь хоть немного!—думала она.—Небось и *тѣ* женщины не все знаютъ. Все-таки я хоть молитвы разбирать стану».

Много труда и терпѣнія вложилъ Кириловъ въ свое новое педагогическое дѣло. Хаспо не знала ни слова по-русски и все обученіе поневолѣ производилось на туземномъ нарѣчіи.

Къ несчастью у Кирилова не было даже якутскаго Евангелія и ему пришлось пустить въ ходъ одинъ изъ томовъ исторіи Гиббона, какъ наиболѣе легкую изъ книгъ его библіотеки. Онъ написалъ въ Пропадинскъ, прося прислать ему съ оказіей азбуку и «Родное Слово». Одновременно съ этой просьбой ушла другая оффиціальная, просившая о разрѣшеніи поселенцу Александру Никитичу Кирилову вступить въ бракъ съ родовичкой Мятюжскаго *наслега*, Матреной Спиридоновой Кобылиной, по мѣстному прозванію Хаспо. Черезъ два мѣсяца, когда книги, наконецъ, пришли, Хаспо уже умѣла немного разбирать буквы. Дѣтскія книги, впрочемъ, не принесли ей много пользы. Онѣ были наполнены упоминаніями о жатвѣ хлѣба и сборѣ фруктовъ, о соловьяхъ и курахъ. Все это были явленія, непонятныя для сѣверянина и знакомыя только по имени даже грамотѣямъ русскаго племени. Когда Кириловъ пробовалъ переводить русскія слова на туземное

нарѣчіе, они вносили только смятеніе въ понятія дикарки. Наконецъ, Хаспо бросила вникать въ сущность непонятныхъ описаній и, не мудрствуя лукаво, сосредоточилась на внѣшнемъ процессѣ чтенія. Мало-по-малу путемъ безчисленныхъ разочарованій и неудачъ, руководствуясь скорѣе чутьемъ, чѣмъ объясненіями Кирилова, она достигла того, что выучилась складывать короткія слова. Теперь она старалась объяснять ихъ по своему, путая и переставляя буквы, чтобы придать имъ якутскій смыслъ. *Дорога*, напримѣръ, превращалась у нея въ *догоръ*, пріятель; *соха* звучало, какъ *саха*, якутъ; *кулакъ* напоминало якутское *кулгахъ*, ухо.

Какъ только Хаспо выучилась немного читать, ея дальнѣйшее образованіе получило такъ сказать, богословскій характеръ. Она выразила твердое желаніе выучить молитвы, особенно вечернюю, которую обыкновенно читалъ передъ отходомъ ко сну каждый русскій торговецъ, заночевавшій въ туземной юртѣ. Не имѣя молитвенника подъ руками, Кириловъ терпѣливо списалъ на бумагѣ крупными печатными буквами всѣ молитвы, которыя еще помнилъ и сталъ постепенно внѣдрять ихъ въ неизощренную память своей подруги. Къ концу февраля Хаспо уже заучила наизусть «Отче», «Богородицу» и вечернюю молитву и стала набожно повторять ихъ каждое утро и вечеръ, путаясь въ незнакомыхъ звукахъ и въ критическія минуты заглядывая въ свои бумажки.

Она не дѣлала между ними различія и произносила все, что знала, иногда внезапно смѣшивая и перескакивая изъ одной молитвы въ другую. Кириловъ попробовалъ объяснить ей смыслъ молитвъ, но она не вникала въ подробности объ искупленіи и прощеніи грѣховъ. Она поняла только то, что всѣ молитвы выражаютъ упованіе и благодарность и настроеніе ихъ совпало съ ея собственнымъ настроеніемъ, ибо душа ея была полна благодарности за неожиданное счастье и постепенно прилѣплялась къ упованію, что счастье это будетъ прочно и не отнимется у нея, какъ она опасалась вначалѣ. Она дошла до того, что спросила однажды Кирилова, почему онъ не молится вмѣстѣ съ нею. Кириловъ засмѣялся и ничего не сказалъ.

— Значитъ ты молишься одинъ!—настаивала молодая якутка.—Молись со мною вмѣстѣ! Я лучше научусь!

Впрочемъ, наивная догадка Хаспо не была слишкомъ далека отъ истины, ибо настроеніе Кирилова было близко къ ея собственному. Онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, который падаетъ во снѣ въ глубокую яму и вдругъ просыпается на своей постели въ полной безопасности. Душа его какъ будто переродилась. Онъ смотрѣлъ другими глазами на окружающихъ людей и на весь міръ. По временамъ къ нему приходило радостное, нервное, немного экзальтированное настроеніе, какое бываетъ у людей, выздоравъ-

ливающихъ отъ тифа. Онъ разбилъ въ дребезги мрачную философію самоотрицанія свободной воли и изъ осколковъ ея успѣлъ сложить новую систему, кроткую и простую, какъ христіанскія мечты о милленіумѣ или какъ раннія упованія его собственнаго поколѣнія.

Кириловъ не уничтожилъ письма къ Лукьяновскому, написаннаго въ ту памятную ночь. Черезъ четыре мѣсяца съ той же зимней почтой, которая увезла его прошеніе о бракѣ, онъ отослалъ по назначенію и письмо. Въ концѣ письма былъ приложенъ новый листокъ.

«Ты видишь, я не ушелъ,—писалъ Кириловъ,—или, лучше сказать, вернулся. Одинокая тоска ударила мнѣ въ голову, какъ тяжелая болѣзнь, но природа-мать въ своей неистощимой добротѣ нашла простое, сильное и радостное средство, чтобы излечить меня и спасти меня отъ гибели. Можно идти противъ общества, нельзя безназазанно идти противъ природы. Можно отречься отъ жизни и умереть за идеалъ. Но для того, чтобы жить для идеала, нельзя оставаться чужимъ и нужно брать свою долю въ радостяхъ, надеждахъ и стремленіяхъ человѣчества. Вычеркни то, что я написалъ о безсиліи добра наканунѣ великаго перелома моей жизни. Я больше не чувствую себя одинокимъ, я ощущаю себя звеномъ въ великой цѣпи мірозданія, которая проходитъ сквозь мою жизнь и мое тѣло и которая развивается, какъ спираль и постепенно восходитъ вверхъ къ счастливому и свѣтлому будущему. Только теперь я научился сознавать себя человѣкомъ въ великомъ и маломъ и почувствовалъ, что окружающіе меня люди дѣйствительно мои братья въ своей силѣ и въ своей слабости, которые требуютъ всего моего терпѣнія и всей моей любви.

«Сознаніе бытія есть счастье; природа и человѣческая жизнь одинаково значительны и интересны, и я желалъ бы жить вѣчно, чтобы наслаждаться красотою природы и быть ненасытнымъ актеромъ и зрителемъ всемірно-человѣческой драмы, которая развивается на землѣ».

Танъ.

ОТЕЦЪ СОВРЕМЕННАГО АНГЛІЙСКАГО ИМПЕРІАЛИЗМА.

(Лордъ Биконсфильдъ—Дизраели).

19-го апрѣля 1901 года огромная толпа народа, съ букетами бѣлой буквицы въ рукахъ, направилась къ памятнику лорда Биконсфильда въ Лондонѣ, чтобы убрать его любимыми цвѣтами покойнаго англійскаго государственнаго дѣятеля, сдѣлавшимися эмблемою цѣлой политической партіи. Двадцать лѣтъ прошло со смерти Биконсфильда, однако основанная имъ политика имперіализма не только не исчезла вмѣстѣ съ нимъ, но, продолжая развиваться, достигла своего апогея въ послѣдніе годы, что и выразилось въ грандіозномъ чествованіи памяти ея основателя. Тогда еще Англія не очнулась отъ своего увлеченія «культомъ славы», и хотя тяжелое бремя южно-африканской войны уже давало себя чувствовать, но еще не наступилъ моментъ подведенія итоговъ и трезвой критики положенія вещей. Пятидесятитысячная толпа, положившая цвѣты къ подножію памятника Биконсфильда, видѣла въ немъ олицетвореніе великой патріотической идеи, человѣка, положившаго начало величію имперіи. Когда Биконсфильдъ сталъ во главѣ англійскаго правительства, имперіализмъ былъ еще пустымъ звукомъ. Въ политикѣ существовало два теченія. Либералы настаивали на отдѣленіи колоній, которыя обходились слишкомъ дорого метрополіи и только обременяли ея бюджетъ, консерваторы же стояли за цѣльность британской имперіи и укрѣпленіе связи между колоніями и Англіей. Это теченіе восторжествовало, когда Биконсфильдъ сдѣлался его руководителемъ. Королева Викторія была провозглашена императрицею Индіи въ 1877 году и этотъ титулъ далъ свое названіе цѣлому политическому теченію, новой «имперіалистской» политикѣ, отцомъ которой считаютъ Биконсфильда.

Веньяминъ Дизраели, лордъ Биконсфильдъ, происходилъ изъ еврейской семьи. Его предки бѣжали изъ Испаніи, спасаясь отъ инквизиціи и укрылись въ Венеціи, гдѣ, несмотря на совѣтъ десяти, все-таки существовали еще остатки свободы. Тамъ они занялись финансовыми операціями и заняли мѣсто среди выдающихся банкировъ венеціанской республики. Въ 1748 году одинъ изъ нихъ отправилъ своего младшаго

брата Веньямина Дизраели въ Англію, попытать счастья на берегахъ Темзы, такъ какъ Англія, по прекращеніи внутреннихъ религіозныхъ распрей, начала прилагать всѣ усилія, чтобы занять первенствующее мѣсто въ міровой торговлѣ. Веньяминъ Дизраели, прадѣдъ будущаго англійскаго перваго министра, остался вѣренъ традиціямъ своей расы. Онъ гордился своимъ именемъ и, благодаря своимъ успѣшнымъ финансовымъ операціямъ, могъ бы занять выдающееся мѣсто среди европейскихъ финансистовъ, но ему помѣшала жена. Мечтою всей ея жизни было попасть въ высшее англійское общество, сдѣлаться его признаннымъ членомъ. Но напрасно она стучалась во всѣ двери. Ее впускали, когда находили, что она можетъ быть полезна своимъ богатствомъ и положеніемъ въ финансовомъ мірѣ, но на каждомъ шагу ей давали чувствовать, что не считаютъ ее равной. Она страдала отъ этого высокомѣрія и презрѣнія англійской аристократіи, и желая во что бы то ни стало завоевать себѣ мѣсто въ ея рядахъ, отреклась отъ религіи своихъ предковъ, и думая, что банкъ служитъ препятствіемъ ея честолюбивымъ замысламъ, она заставила своего мужа прекратить банкирскую дѣятельность и реализоровать свое состояніе. Однако все было тщетно; она не могла измѣнить имени, а этого одного было достаточно, чтобы подвергнуть ее остракизму.

Ея внукъ Веньяминъ Дизраели осуществилъ ея мечту. Онъ, также какъ она, былъ проникнутъ честолюбивыми стремленіями, но мѣтилъ гораздо выше. Ему мало было того, чтобы англійская аристократія признала его своимъ равноправнымъ членомъ, онъ хотѣлъ стать ея главой, заставить ее повиноваться своей волѣ. Неустанно и неуклонно добивался онъ своей цѣли и въ концѣ концовъ достигъ ея. Въ этомъ заключался весь интересъ его жизни. Умирая, онъ могъ сказать, что достигъ апогея своихъ желаній. Крещеный еврей, но вовсе не отрекшійся отъ своей религіи, Дизраели-Биконсфильдъ сдѣлался оракуломъ и протекторомъ христіанской церкви, наиболѣе ревниво оберегающей свою независимость. Чужестранецъ, купеческаго происхожденія, онъ тѣмъ не менѣе заставилъ самую высокомѣрную расу на свѣтѣ признать созданную имъ націоналистскую формулу и училъ англичанъ, какъ надо любить свою родину. Онъ достигъ того, что лондонскій народъ съ тріумфомъ вынесъ его на своихъ плечахъ и городъ Лондонъ поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина, когда онъ вернулся въ Англію послѣ берлинскаго конгресса.

Однако на первыхъ порахъ Веньямину Дизраели, также какъ и его прабабкѣ, пришлось испытать не мало затрудненій и самолюбіе его не разъ сильно страдало отъ высокомѣрія англійскаго общества. Его отецъ, Исаакъ Дизраели, желая избавить его отъ тяготѣвшихъ въ то время надъ евреями соціальныхъ и политическихъ ограниченій, окрестилъ его, когда ему было 13 лѣтъ.

Веньяминъ Дизраели, однако, выросъ уже въ совершенно другой

обстановкѣ. Его отецъ питалъ инстинктивное отвращеніе къ любимой профессіи всѣхъ своихъ предковъ и, вернувшись изъ Голландіи, куда его послали изучать банкирское дѣло, онъ привезъ съ собою вмѣсто всякихъ финансовыхъ познаній поэму, написанную имъ и притомъ осуждающую торговыя спекуляціи, какъ занятіе, принижающее духъ человѣка; ничего подобнаго никогда еще не случалось въ старинномъ домѣ банкировъ Дизраели.

Исаакъ Дизраели посвятилъ всю свою жизнь литературѣ. Онъ проводилъ всѣ дни въ библіотекахъ или лавочкахъ букинистовъ. Но первые его шаги на литературномъ поприщѣ были неудачны, и тогда онъ бросилъ писать плохіе романы, занявшись спеціальнымъ изученіемъ исторіи литературы, преимущественно англійской. Онъ издалъ нѣсколько литературно-историческихъ изслѣдованій, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе.

Само собою разумѣется, что Исаакъ Дизраели не могъ имѣть намѣренія сдѣлать изъ своего сына финансиста, какими были всѣ его предки. Скорѣе онъ могъ мечтать для сына о литературной славѣ, такъ какъ къ практической дѣятельности онъ и самъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности. Однако, въ началѣ воспитаніе будущаго государственнаго дѣятеля было не особенно тщательнымъ и онъ росъ, предоставленный самому себѣ. Только послѣ того, какъ онъ былъ принятъ въ лоно англиканской церкви, отецъ занялся его воспитаніемъ. Онъ хотѣлъ даже опредѣлить его въ итонскую школу, а затѣмъ отправить въ Оксфордъ, но мысль, что онъ тамъ будетъ неизбѣжно подвергаться оскорбленіямъ и насмѣшкамъ своихъ аристократическихъ товарищей, благодаря имени, которое носилъ, остановила Исаака Дизраели. Бенъ—какъ его называли въ семьѣ, поступилъ въ частную школу и кромѣ того отецъ самъ занимался съ нимъ. Не разъ потомъ Бенъ сожалѣлъ, что онъ не посѣщалъ ни одной высшей школы и не прошелъ черезъ университетъ. Это обстоятельство сильно затрудняло его карьеру вначалѣ, такъ какъ въ глазахъ его соотечественниковъ ему не хватало того лоска, который придается спеціальнымъ воспитаніемъ англійскому джентльмену.

Но у Бена была своя цѣль въ жизни, къ которой онъ началъ упорно стремиться съ 18-ти лѣтъ. Онъ рѣшилъ покорить себѣ чопорное и напыщенное англійское общество, которое заставило его прабабку вынести столько униженій и его самого лишило возможности получить надлежащее воспитаніе. Онъ поступилъ клеркомъ въ контору одного адвоката и очень добросовѣстно занимался въ теченіе пяти лѣтъ, такъ что его отецъ думалъ, что онъ выберетъ адвокатуру своей профессіей. Но молодой Дизраели вовсе не стремился къ такой карьерѣ, хотя и могъ разсчитывать на успѣхъ и хорошіе доходы. Онъ мечталъ о другомъ и, находясь въ конторѣ адвоката, старался завязать знакомства въ свѣтскомъ и литературномъ кругу. Ему удалось снискать

дружбу нѣсколькихъ литераторовъ и политическихъ дѣятелей, а у своего крестнаго отца, поэта милліонера Самуэля Роджерса, онъ встрѣчалъ разныхъ выдающихся людей и прислушивался къ ихъ разговорамъ о разныхъ великихъ современныхъ проблемахъ и вопросахъ, волновавшихъ тогдашнее общество.

Велико было изумленіе не только лондонскаго общества, но и всѣхъ домашнихъ Веніамина Дизраели, когда вдругъ въ книжныхъ магазинахъ появился романъ «Вивіанъ Грей», подписанный его именемъ. Это была ѣдкая сатира на современное англійское общество, нравы и образъ мыслей котораго были изображены въ романѣ. Авторъ не поскупился на краски и даже намѣренно сгустилъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выхвативъ прямо изъ жизни своихъ дѣйствующихъ лицъ и съ необычайною смѣлостью рисуя современныя событія. Нечего и говорить, что романъ произвелъ сенсацію въ Лондонѣ и при дворѣ, гдѣ имъ зачитывались. Подъ вымышленными именами героевъ романа искали живыхъ личностей и старались угадать, гдѣ происходили разсказанныя въ романѣ событія. Однимъ словомъ, романъ имѣлъ настолько блестящій успѣхъ, что авторъ его сразу сдѣлался героемъ дня и получилъ литературную извѣстность. Въ нѣсколько дней разошлось восемь изданій.

Такимъ образомъ въ 22 года Дизраели позналъ уже всю сладость успѣха. Слава манила его и ему хотѣлось поскорѣе достигнуть ее. Лихорадочное возбужденіе, которое овладѣло имъ, вредно отразилось на его здоровьи. Съ нимъ сдѣлалось нервное разстройство и ему казалось временами, что онъ чувствуетъ движеніе круговращенія земли. Врачи посовѣтовали ему развлеченія и путешествія и онъ отправился на Востокъ, посѣтилъ Турцію, Малую Азію и Палестину. Онъ вернулся въ Англію послѣ двухлѣтняго отсутствія и сразу ринулся въ политику, не оставляя, впрочемъ, и литературныхъ занятій. Но ему хотѣлось непремѣнно проникнуть въ свѣтскіе салоны и онъ смѣло принялся форсировать двери, закрытыя для людей его расы, такъ какъ въ его время въ Англіи трудно было попасть въ аристократическое общество, нося такое имя, какое онъ носилъ. Однако ему удалось это, благодаря его первому литературному успѣху, умѣнью говорить, остроумію, ѣдкости и сарказму, которые укрѣпили за нимъ репутацію блестящаго и интереснаго человѣка. Дамы-аристократки въ особенности интересовались молодымъ писателемъ, который обладалъ прекрасными манерами и всегда былъ изысканно одѣтъ. Такимъ образомъ будущему лорду Биконсфильду удалось попасть въ самые замкнутые салоны англійской аристократіи и завоевать ея вниманіе. Первый шагъ былъ сдѣланъ и Дизраели смѣло пошелъ къ намѣченной цѣли. Чтобы достигнуть ее, ему нужна была политика, которая должна была служить для него трамплиномъ, чтобы при ея помощи онъ могъ прыгнуть на желаемую высоту; ему надо было попасть въ парламентъ. Онъ смѣло выступилъ кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ, выставивъ вполнѣ демо-

кратическую программу. Его связи въ лондонскомъ обществѣ и отношенія къ консервативной партіи еще недостаточно установились и онъ не могъ быть увѣреннымъ въ поддержкѣ консерваторовъ, поэтому онъ примкнулъ къ либеральной партіи, сблизился съ О'Коннелемъ и даже выказалъ сочувствіе рабочимъ-чартистамъ. Несмотря на это, онъ три раза потерпѣлъ неудачу на выборахъ. Но онъ уже не былъ прежнимъ пылкимъ юношей, безъ оглядки устремлявшимся впередъ, онъ научился выжидать и не сгоралъ больше лихорадкою нетерпѣнія, которая разстроила уже однажды его здоровье. Вѣря въ свою звѣзду, въ свой талантъ и въ свою твердую волю, онъ упорно добивался успѣха и получилъ его. Но раньше онъ порвалъ со своими прежними друзьями либеральной партіи, О'Коннелемъ и другими, разочаровавшись въ ихъ поддержкѣ, и сталъ искать сближенія съ противоположною партіей—торіями. Съ этою цѣлью онъ опубликовалъ открытое письмо къ лорду Ленгорсту, въ которомъ проповѣдовалъ союзъ торіевъ съ демократіей, доказывая необходимость для правительства опираться на монархію, церковь и народъ. Своего прежняго союзника О'Коннеля, котораго онъ раньше называлъ «великимъ передовымъ бойцомъ», онъ заклеймилъ въ этомъ письмѣ именемъ «измѣнника и поджигателя». О'Коннель, однако, не остался въ долгу и назвалъ Дизраели «лжецомъ» и «низкимъ созданіемъ». Между бывшими друзьями и союзниками возникла ожесточенная полемика, и Дизраели вызвалъ на дуэль О'Коннеля, но тотъ съ презрѣніемъ отнесся къ этому вызову, и такъ какъ вмѣшалась полиція, то дуэль не состоялась.

Въ это время произошла перемѣна царствованія и новые общіе выборы. Такъ или иначе, Дизраели все-таки обратилъ на себя вниманіе торіевъ и могъ разсчитывать на ихъ содѣйстіе. На помощь ему пришла женщина, внезапно полюбившая его. Это была жена вліятельнаго консервативнаго депутата Виндгэма Льюиса, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Мэдстонскомъ избирательномъ округѣ. Мистриссъ Льюисъ рѣшила во что бы то ни стало помочь молодому Дизраели сдѣлать политическую карьеру и уговорила мужа поддержать его кандидатуру. Такимъ образомъ въ іюнѣ 1837 года, въ первый годъ царствованія королевы Викторіи, Веніаминъ Дизраели попалъ, наконецъ, въ парламентъ, какъ консервативный депутатъ Мэдстона.

Парламентскіе дебюты Дизраели, однако, не ознаменовались ожидаемымъ успѣхомъ. Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ въ англійскомъ парламентѣ первая рѣчь новаго депутата, такъ называемая «Maiden speech». Это въ нѣкоторомъ родѣ академическое торжество, согласно традиціи обѣ партіи привѣтствуютъ вступленіе новаго оратора въ парламентъ и поздравляютъ его. На этотъ разъ традиція была нарушена. Дизраели не съумѣлъ попасть въ тонъ парламента. Его смѣлыя метафоры и сравненія, порою довольно рискованныя, произвели крайне невыгодное впечатлѣніе на корректныхъ джентльмен-

товъ палаты общинъ, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ джентльменовъ не могло ему простить сатиры его первыхъ романовъ. Дизраели пришлось говорить объ ирландскихъ дѣлахъ. У власти стояла либеральная партія, и первый министръ старался примѣрить либеральные принципы своей партіи съ ультрамонтанскими притязаніями ирландской клерикальной партіи, которую онъ считалъ нужнымъ щадить вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ соображеній. Это дало поводъ Дизраели сдѣлать нѣсколько ѣдкихъ замѣчаній по адресу перваго министра, который, по его словамъ, «одною рукою бряцаетъ ключами св. Петра, а другою показываетъ колпакъ свободы». Своими саркостическими выводами и рѣзкими нападками на О' Коннеля и др. Дизраели сразу вооружилъ противъ себя парламентъ. Образовалась цѣлая коалиція, поминутно прерывавшая его рѣчь, но это не смущало молодого оратора и онъ-все таки продолжалъ говорить. Однако, шумъ настолько усилился, что онъ долженъ былъ все-таки прекратить рѣчь. Онъ сѣлъ на свое мѣсто, предварительно бросивъ палатѣ слѣдующее гордое замѣчаніе: «Много разъ мнѣ приходилось начинать сначала, —сказалъ онъ, подчеркивая каждое свое слово,—но я всегда почти достигалъ цѣли. На сегодня я кончилъ, но придетъ пора, когда вы будете меня слушать».

Въ этотъ періодъ времени Дизраели пришлось много испытать затрудненій въ финансовомъ отношеніи. Путешествія, выборы, свѣтская жизнь, поглотили скромное состояніе оставленное ему отцомъ, и онъ запутался въ долгахъ. Онъ не хотѣлъ примѣшивать какія-либо финансовыя соображенія къ своей политикѣ и во всю жизнь никогда не занимался никакими финансовыми спекуляціями. Онъ однако разсчитывалъ поправить свои обстоятельства женитьбой. Это удалось ему и, кромѣ того, женитьба доставила ему возможность заплатить долгъ благодарности, такъ какъ онъ женился на вдовѣ своего парламентнаго коллеги Льюиса, той самой которая помогла ему пройти первыя ступени лѣстницы политической жизни. Мистриссъ Виндгэмъ Льюисъ было тогда уже около 50-ти лѣтъ, а Дизраели только 35, и, конечно, такой неравный бракъ вызвалъ ироническія улыбки въ англійскомъ обществѣ. Но онъ не смутился этимъ и съумѣлъ такъ поставить себя, что скоро насмѣшки умолкли. Даже враги Дизраели должны были признать, что онъ былъ прекраснымъ мужемъ и никому не давалъ повода заподозрить свою честность по отношенію къ своей женѣ. Впрочемъ Дизраели и раньше заявлялъ, что онъ никогда не женится по любви; онъ не хочетъ ставить бракъ въ зависимость отъ любовнаго каприза! Онъ мечталъ о спокойномъ домашнемъ очагѣ, гдѣ бы онъ могъ всегда найти нужные ему отдыхъ и поддержку. И дѣйствительно мистриссъ Льюисъ всегда была его неизмѣнною помощницею, и какъ послѣ тріумфа, такъ и послѣ пораженія въ палатѣ общинъ онъ

всегда спѣшилъ къ себѣ домой, гдѣ его ожидала неизмѣнная дружба и преклоненіе его жены, восхищавшейся геніемъ своего мужа.

Вначалѣ, когда Дизраели только что выступилъ на политическое поприще, его политическіе взгляды не вполнѣ опредѣлились, но затѣмъ когда онъ рѣшительно всталъ на сторону консервативной партіи, онъ выработалъ для себя программу, которая все-таки нѣсколько отличалась отъ программы консерваторовъ. Онъ объявилъ, что консервативная партія должна охранять національную церковь, неприкосновенность имперіи и заботиться объ улучшеніи положенія народа. Народъ, въ свою очередь, долженъ поддерживать церковь и престолъ и за это церковь постарается улучшить нравственныя условія его жизни, а король матеріальныя. Дизраели нападалъ на либеральную партію, обвиняя ее въ лицемѣріи. «Демократическіе аристократы,—говорилъ онъ,—расширили свои привилегіи и узурпировали власть монарха, увѣривъ народъ, что они защищаетъ его интересы». Открыто объявивъ войну либераламъ, Дизраели уже не сходилъ съ этой позиціи и упорно боролся съ ними, добиваясь власти.

Въ Англіи между тѣмъ произошли довольно важныя событія. Избирательная реформа произвела переворотъ въ учрежденіяхъ, а расширеніе промышленности вызвало глубокія перемѣны въ жизни и нравахъ англійскаго народа. Кромѣ того XVIII-й вѣкъ остался не безъ вліянія на англиканскую церковь, также какъ и на церкви европейскаго континента. Повсюду парламенты начали вмѣшиваться въ догматическіе вопросы, епископы покидали свои приходы, а церковные доходы расхищались придворными. Но во Франціи, Испаніи, Германіи, церковь имѣла защитника и опору въ лицѣ папы, въ Англіи же она занимала изолированное положеніе и въ глазахъ министровъ духовенство были такіе же чиновники, но только обязанные молиться Богу, тогда какъ другіе чиновники обязаны были заниматься другими дѣлами. И дѣйствительно огромное большинство церковныхъ прелатовъ нисколько не отличалось своимъ образомъ жизни отъ другихъ джентльменовъ англійскаго общества, также участвовало во всѣхъ увеселеніяхъ свѣтскихъ людей и только костюмъ ихъ носилъ болѣе строгій характеръ. Протестъ противъ такого положенія вещей выразился въ такъ называемомъ оксфордскомъ движеніи, во главѣ котораго находился молодой священникъ Ньюмэнъ, получившій воспитаніе въ оксфордскомъ университетѣ и сохранившій съ нимъ связь, послѣ того какъ сдѣлался священникомъ. Онъ началъ издавать церковные памфлеты, вмѣстѣ съ кружкомъ другихъ церковныхъ дѣятелей. Въ этихъ памфлетахъ онъ нападалъ на критицизмъ въ религіи и обнаруживалъ явную склонность къ римско-католической церкви. Но вначалѣ многіе этого не замѣтили и только видѣли въ этомъ движеніи пробужденіе религіознаго чувства и реакцію противъ нравовъ англиканскаго духовенства. Дизраели также обманулся насчетъ истиннаго характера

этого движенія и такъ какъ видѣлъ въ немъ нарождающуюся силу, то рѣшилъ примкнуть къ нему и сдѣлаться его руководителемъ, придавъ ему политическій характеръ. Однако вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться въ своей ошибкѣ. Ньюмэнъ сложилъ съ себя священническое званіе, потому что его привлекала къ себѣ католическая церковь и въ концѣ концовъ перешелъ въ католичество. Другіе также отпали и тогда, на обломкахъ оксфордскаго движенія, Дизраели создалъ настоящую политическую партію—«молодую Англію», принципы которой онъ изложилъ въ своихъ произведеніяхъ, проповѣдывавшихъ союзъ между престоломъ и рабочими классами народа. Церкви же Дизраели отводилъ особое мѣсто, выше государства, такъ какъ она являлась представительницею духовныхъ интересовъ человѣчества. Идеи и стремленія «молодой Англіи» Дизраели изложилъ въ трехъ романахъ, написанныхъ въ 1844—47 годахъ: «Connigsby», «Sybil» и «Tancred», въ послѣднемъ въ особенности ярко выразились его политическіе взгляды, стремленіе къ Востоку и склонность къ Турціи. Въ этомъ романѣ королева Викторія получаетъ титулъ императрицы и ей предлагается перенести свой тронъ въ Дели. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ появленія этого романа Дизраели привелъ въ исполненіе предсказаніе, которое въ немъ заключалось, и королева Викторія была провозглашена императрицею Индіи.

Занимаясь планами будущаго, Дизраели однако не упускалъ изъ виду настоящаго. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ парламентѣ, предвидя скорое измѣненіе положенія партій. Онъ предугадывалъ, что Робертъ Пиль, достигшій власти въ 1841 году вслѣдствіе довольно сильнаго реакціонернаго движенія въ обществѣ, вынужденъ будетъ пойти на уступки, тѣмъ болѣе, что партія его носила довольно сборный характеръ. Притомъ же Пиль не былъ упорнымъ консерваторомъ, что онъ доказалъ, между прочимъ, признавъ необходимость эмансипаціи католиковъ, которой онъ самъ противился вначалѣ, и открывъ доступъ католикамъ въ палату общинъ и на государственную службу. Все это вызвало противъ него сильное раздраженіе среди его прежнихъ сторонниковъ. Когда же онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ налѣво, провелъ отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ, возстановилъ подоходный налогъ и наконецъ отказался отъ прежней системы строгаго протекціонизма, вопреки ожесточенному противодѣйствію консерваторовъ,—эти послѣдніе окончательно отвернулись отъ него. Дизраели тогда выступилъ ярымъ противникомъ этихъ мѣропріятій и, защищая интересы аграріевъ и протекціонистовъ, обрушился въ парламентѣ на Пиля, обвиняя его въ томъ, что онъ не выполнилъ своихъ обязательствъ относительно своей партіи и націи и что онъ возвелъ оппортунизмъ въ правительственную систему. «Хитрость не составляетъ еще осторожности,—сказалъ онъ,—а коварство, вошедшее въ привычку, не можетъ быть названо великимъ искусствомъ управлять!»

*

Съ этого момента Дизраели привлекъ къ себѣ сердца англійскихъ сельскихъ джентльменовъ, протекціонистовъ, которыхъ въ особенности возмущала отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ. Чѣмъ рѣзче Дизраели нападалъ на Поля, тѣмъ болѣе онъ упрочивалъ свое положеніе въ консервативной партіи. Но онъ все-таки понималъ, что ему, чужестранцу, еще рано выступать главой англійскихъ аристократовъ, интересы которыхъ онъ защищалъ въ парламентѣ, и поэтому онъ присоединился къ тогдашнему лидеру протекціонистовъ, Джорджу Бентинку, сдѣлавшись его помощникомъ. Джорджъ Бентинкъ очень былъ доволенъ такимъ сотрудникомъ, какъ Дизраели, который своимъ ѣдкимъ остроуміемъ и ироніей сильно досаждалъ первому министру. Бентинкъ въ послѣднее время больше занимался своими лошадьми, нежели политикой,—у него была лучшая конюшня въ Англіи, и только то, что онъ называлъ «вѣроломствомъ Пиля», заставило его снова вступить въ парламентъ, распродать своихъ лошадей и заняться политическою дѣятельностью. Между нимъ и первымъ министромъ возникла ожесточенная борьба, и въ этой борьбѣ Дизраели былъ ему очень полезенъ. Однако, несмотря на ожесточенное сопротивленіе консерваторовъ, ненавистная для нихъ мѣра была все-таки проведена въ парламентѣ, и это привело къ совершенно неожиданному результату. Пиль видѣлъ, что его партія раздѣлилась безвозвратно, и что довольно значительная фракція тори ни за что не согласится слѣдовать за нимъ въ вопросѣ о свободѣ торговли. Въ сущности у него не было другого выбора и онъ долженъ былъ или прибѣгнуть къ распущенію парламента, или вступить въ переговоры съ оппозиціей. Онъ избралъ послѣднее, и въ парламентѣ, такимъ образомъ, произошла странная перемѣна; глава правительства, отвергнутый тѣми, кто его избралъ, сталъ управлять страной при помощи тѣхъ, противъ кого онъ торжественно обѣщалъ бороться въ парламентѣ. Тори, очутившіеся въ оппозиціи противъ избраннаго ими правительства, сгруппировались около Бентинка и Дизраели. Хотя они и составляли меньшинство въ палатѣ общинъ, но это меньшинство было настолько сплоченное, дисциплинированное и объединенное общими интересами и общею ненавистью, что подъ руководствомъ такого ловкаго парламентскаго стратега, какимъ былъ Дизраели, оно могло разсчитывать на побѣду.

Вначалѣ, однако, Пиль хорошо выдерживалъ натискъ своихъ враговъ, но тутъ на помощь имъ пришла Ирландія, которую не даромъ кто-то сравнилъ съ минотавромъ, пожирающимъ англійскихъ государственныхъ людей. Въ Ирландіи попрежнему царилъ голодъ, и обычные законы оказались недостаточными, чтобы заглушить жалобы голоднаго населенія. Пиль прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости, чтобы подавить волненіе въ Ирландіи, и предложилъ палатѣ ввести тамъ принудительные законы и осадное положеніе. Дизраели рѣшилъ, что этого нельзя допустить, и поэтому Бентинкъ, вотировавшій въ пер-

вомъ чтеніи въ пользу билля, предложеннаго Пилемъ, вдругъ объявилъ, «что хотя онъ и стоитъ въ принципѣ за принудительныя мѣры противъ ирландцевъ, но не считаетъ тѣмъ не менѣе возможнымъ возложить подобныя экстренныя полномочія на человѣка, два раза измѣнившаго своей партіи, самое присутствіе котораго во главѣ правительства подвергаетъ опасности парламентскій режимъ въ Англіи».

Благодаря такому ловкому обороту, внушенному Дизраели своему союзнику, консервативная оппозиція могла вотировать противъ принудительныхъ законовъ, предложенныхъ Пилемъ, не измѣняя въ то же время своимъ принципамъ. Когда наступило голосованіе во второмъ чтеніи, то за правительственный проектъ оказалось только 219 голосовъ противъ 292. Коалиція либераловъ съ консерваторами провалила его, и Пиль тотчасъ же подалъ въ отставку.

Смерть Бентинка, внезапно умершаго отъ апоплексическаго удара въ 1848 году, открыла Дизраели дорогу къ власти.

Мечта его жизни начала исполняться, онъ сдѣлался лидеромъ англійскихъ аристократовъ, которые волей-неволей должны были оффиціально признать его своимъ главой въ палатѣ. Карьера его была упрочена и сынъ Исаака Дизраели, внукъ той которая такъ тщетно добивалась попасть въ высшее общество, пріобрѣлъ въ этомъ обществѣ силу и вліяніе. Протекціонисты сначала относились сдержанно къ Дизраели, не имѣвшему ни имени, ни помѣстій, но со смертью Бентинка они остались безъ лидера, которому могли бы поручить свои интересы, къ тому же роль самого Дизраели въ парламентѣ достаточно выяснилась къ этому времени и тори понимали, что имъ трудно найти болѣе способнаго вождя, чѣмъ этотъ чужестранецъ, принадлежащій къ униженной расѣ. Дизраели отлично зналъ также, что, защищая интересы могущественнаго въ то время класса въ Англіи, онъ, хотя медленно, но вѣрно, прокладываетъ себѣ дорогу вверхъ. Его выдающійся проницательный умъ помогалъ ему находить именно тотъ путь, который навѣрняка велъ къ цѣли. Онъ искусно лавировалъ между препятствіями и ловко избѣгалъ подводныхъ камней. Однако, онъ видѣлъ, что консервативная партія ослаблена, благодаря возникшему въ ней расколу, вызванному политикою Пиля, и не можетъ разсчитывать на достиженіе власти въ странѣ тѣмъ болѣе, что большинство англійскаго дворянства продолжало все-таки смотрѣть на Дизраели, какъ на авантюриста, а не какъ на призваннаго главу своей партіи. Надо было не только пріучить торіевъ къ своему вліянію, но и заставить ихъ признавать его. Этимъ и занялся Дизраели. Ловкіе удары, которые они постоянно наносилъ въ парламентѣ либераламъ, сторонникамъ Пиля и министерству, возвышали его престижъ въ глазахъ консерваторовъ и когда въ 1852 году либеральное министерство Лорда Росселя распалось, то графъ Дерби увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ содѣйствію Дизраели, которому онъ предложилъ портфель канцлера

казначейства въ своемъ министерствѣ и правительственнаго лидера въ палатѣ общинъ.

Однако, какъ этотъ, такъ и другой консервативный кабинетъ въ 1859 году отличались недолговѣчностью. Дизраели, такъ нападавшій на Пиля за его измѣну партіи, самъ отказался отъ протекціонистской системы, разсчитывая такимъ образомъ удержать власть въ рукахъ консервативнаго министерства, но это не помогло. Отмѣна протекціонистской системы доставила Англіи годы безпримѣрнаго матеріальнаго благостоянія, и англійскіе политики, ученые и философы, прославляли свободу торговли, доказывая, что для Англіи наступилъ теперь золотой вѣкъ. Дизраели, убѣжденный въ томъ, что неизбѣжно должна наступить реакція, не присоединялся къ этому общему хору и выжидалъ момента, когда ему можно будетъ снова стать у власти. Этотъ моментъ наступилъ со смертью Пальмерстона. Новое либеральное министерство Росселя Гладстона внесло проектъ избирательной реформы, такъ какъ вопросъ этотъ, послѣ смерти Пальмерстона, снова выдвинулся на первый планъ. Въ парламентѣ два равныхъ противника помѣрялись между собою силами, Дизраели и Гладстонъ, и Дизраели побѣдилъ. Либеральное министерство вышло въ отставку и замѣнено было консервативнымъ министерствомъ Дерби, въ которомъ Дизраели снова получилъ портфель канцлера казначейства.

Однако, Дизраели, нападавшій на проектъ Гладстона о реформѣ со всею тяжестью своей діалектики и бичующаго сарказма, самъ воспользовался этимъ проектомъ, когда испугался грозныхъ размѣровъ агитаціи въ пользу этой реформы. Онъ увидѣлъ, что для сохраненія своего положенія ему необходимо сдѣлать широкія уступки общественному мнѣнію и онъ ихъ сдѣлалъ, не колеблясь, вопреки сопротивленію многихъ членовъ своей партіи. Опять таки онъ поступилъ, какъ Пиль, котораго онъ такъ бичевалъ за «измѣну» принципамъ консервативной партіи. Но Дизраели передѣлалъ проектъ о реформѣ въ еще болѣе радикальномъ духѣ и съ необыкновеннымъ искусствомъ провелъ эту мѣру въ парламентѣ. Реформа увеличила на 50% число избирателей въ графствахъ, на 200% въ мѣстечкахъ. Благодаря ей большая часть рабочихъ получила право голоса на выборахъ и въ Англіи воцарился демократическій порядокъ.

Изумительное искусство и настойчивость, которыя проявилъ Дизраели въ борьбѣ за реформу, настолько упрочили его положеніе въ парламентѣ, что всѣ уже видѣли въ немъ будущаго перваго министра. Ему оставалось только сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы пройти послѣднюю ступень власти и мечта его жизни была осуществлена. Тяжелая болѣзнь графа Дерби вынудила его сложить съ себя званіе перваго министра. Кто же могъ быть его преемникомъ, какъ не Дизраели? И никто не удивился, когда королева Викторія обратилась къ этому «геніальному авантюристу и иноплеменнику» и предложила ему

постъ перваго министра. По странной случайности посланнымъ королевы къ Дизраели былъ генералъ Грей, тотъ самый, который въ 1832 году выставлялъ свою кандидатуру въ Уойкомбѣ противъ Дизраели и побѣдилъ его на выборахъ.

Благодаря популярности, которую пріобрѣлъ Дизраели своею избирательною реформою, страна отнеслась сочувственно къ его возвышенію на постъ перваго министра. Отъ него ожидали дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ же духѣ. Когда, возвращаясь послѣ аудіенціи у королевы, Веніаминъ Дизраели, ставшій съ этого момента главою англійскаго правительства, появился на площади около парламента, то онъ увидѣлъ огромную толпу, привѣтствовавшую его восторженными криками. Сопровождаемый этими проявленіями народнаго энтузіазма, Дизраели прошелъ въ палату общинъ, въ ту самую залу, гдѣ за тридцать лѣтъ передъ этимъ была такъ жестоко осмѣяна его первая рѣчь и гдѣ онъ бросилъ въ лицо депутатамъ свои гордыя слова: «Придетъ время, и я заставлю васъ себя слушать», такъ блестяще подтвердившіяся теперь.

Въ парламентѣ Дизраели имѣлъ достойнаго соперника и противника въ лицѣ Гладстона. Парламентская борьба между этими двумя столь различными государственными дѣятелями Англіи представляетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ страницъ парламентской исторіи. Дизраели опередилъ Гладстона, хотя и началъ послѣ него свою карьеру, да и трудности, которыя ему пришлось преодолѣвать при этомъ, были гораздо значительнѣе. Происхожденіе Дизраели и стѣсненныя финансовыя обстоятельства затрудняли ему первые шаги. Гладстону же не пришлось вынести никакой упорной борьбы, форсировать двери парламента. На его сторонѣ были всѣ преимущества, рожденія, воспитанія, богатства, но разница между нимъ и Дизраели заключалась не въ одномъ только характерѣ. Дизраели былъ честолюбецъ, и намѣтивъ себѣ цѣль въ жизни онъ неуклонно стремился къ ея достиженію, разсчитывая каждый свой выходъ, какъ искусный и опытный игрокъ. Онъ не увлекался въ сторону никакими идеалистическими соображеніями, какъ Гладстонъ, душу котораго возмущала всякая несправедливость и который весь горѣлъ любовью къ человѣчеству. Забота объ интересахъ угнетенныхъ національностей заставляла его подчасъ забывать интересы своей собственной страны, когда онъ выступалъ ихъ защитникомъ. Само собою разумѣется, что взвѣшивающій свой каждый шагъ Дизраели, имѣвшій въ своей жизни вполнѣ опредѣленную цѣль и программу, долженъ былъ взять верхъ надъ Гладстономъ, который всегда увлекался порывами своей души и со страстностью неофита преслѣдовалъ какую-нибудь гуманитарную идею въ политикѣ и вообще ставилъ вопросы внутренняго культурнаго развитія страны впереди вопросовъ иностранной политики и культа славы.

Кромѣ избирательной реформы, которую Дизраели въ сущности заимствовалъ у противоположной партіи, его управленіе не ознаменовалось никакими прогрессивными законодательными мѣрами.

Въ своей внутренней политикѣ Дизраели придерживался скорѣе отрицательной программы, которую можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: защита старо-англійскихъ учрежденій, палаты лордовъ, королевской власти и англійской церкви. Онъ велъ войну съ радикалами, нападавшими на эти учрежденія, и энергично воспротивился предложенію либераловъ относительно уничтоженія государственной церкви въ Ирландіи. Рожденный и воспитанный въ израильской вѣрѣ до 13-тилѣтняго возраста, Дизраели выступилъ энергичнымъ защитникомъ англійской церкви. Дизраели, повидимому, почиталъ религію, но только какую?—спрашивали его противники. Въ сущности, какъ бы онъ ни относился въ глубинѣ души къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, онъ видѣлъ въ національной церкви такое учрежденіе, котораго нельзя касаться, не поколебавъ самыхъ основъ государства, поэтому онъ и былъ однимъ изъ самыхъ лойяльныхъ служителей англійской церкви. Въ этой роли Дизраели не посчастливилось на первыхъ порахъ. Положеніе въ Ирландіи настолько обострилось, что вопросъ объ отдѣленіи ирландской церкви отъ государства настоятельно требовалъ своего разрѣшенія. Ложное положеніе ирландской церкви, не имѣющей паствы и живущей на счетъ населенія, отвергающаго ея ученіе и придерживающагося другого культа, бросалось въ глаза всѣмъ и даже такіе религіозные люди, какъ Гладстонъ, находили, что церковь въ Ирландіи не выполняетъ своего соціальнаго назначенія и что такое положеніе вещей не можетъ продолжаться. Но крещеный еврей Дизраели оказался «plus anglicain que les anglicains» и своею преданностью англиканской церкви заткнулъ за поясъ своего противника Гладстона. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, онъ шелъ навстрѣчу желаніямъ королевы Викторіи, которая никакъ не могла примириться съ нанесеніемъ такого удара англиканской церкви и всячески старалась удержать кабинетъ Дизраели у власти. Министерство продержалось кое-какъ до конца 1868 года. Но Дизраели надѣялся все-таки на побѣду и поэтому, не взирая на либеральное большинство, объявилъ, что уступитъ только волѣ націи. Парламентъ былъ распущенъ и объявлены новые выборы, но на этотъ разъ политическая проницательность Дизраели измѣнила ему. Диссиденты всѣхъ оттѣнковъ, католики, квакеры, христіане и нехристіане, вѣрующіе и агностики, либералы и радикалы,—словомъ всѣ оказали поддержку Гладстону, рѣшившему покончить съ религіозною системою, которую ирландскій народъ давно уже переносилъ съ трудомъ. Получилось огромное либеральное большинство и какъ только результаты выборовъ сдѣлались извѣстны, то Дизраели, даже не дожидаясь созыва новаго парламента, сложилъ съ себя власть. Онъ вручилъ королевѣ отставку и отказался при этомъ отъ званія пэра, которое

она предложила ему въ награду за его «лойальныя и безкорыстныя» услуги государству и коронѣ. Тогда королева предложила Дизраели титулъ для его жены и онъ съ удовольствіемъ принялъ это для нея. Но мистриссъ Дизраели недолго проносила этотъ титулъ, она умерла 4 года спустя, въ 1872 году.

Гладстонъ заступилъ мѣсто Дизраели во главѣ англійскаго правительства, а Дизраели сдѣлался предводителемъ всей консервативной партіи. Онъ властвовалъ надъ всѣми англійскими аристократами, которыя признали въ немъ своего главу. Между либеральнымъ министерствомъ Гладстона и консервативною оппозиціей Дизраели завязалась ожесточенная борьба. Дизраели всю свою дѣятельность направилъ на то, чтобы противодѣйствовать великимъ преобразовательнымъ мѣрамъ, прославившимъ министерство Гладстона. Удаленный насильственнымъ образомъ отъ должности, Дизраели посвятилъ свои досуги литературѣ. Онъ написалъ новый романъ «Lothair» въ которомъ выступилъ защитникомъ англиканской церкви. Между тѣмъ Гладстонъ провелъ все-таки реформу, которую Дизраели называлъ «святотатствомъ». Государственная церковь въ Ирландіи была уничтожена, были отклонены ея судебная власть и право взимать «десятину». Она была также лишена своихъ обширныхъ владѣній, которыя были раздѣлены на три части, но наибольшая часть все же осталась въ рукахъ англиканской церкви, превратившейся въ корпорацію, не носившую оффиціальнаго характера. Двѣ другія меньшія части церковныхъ владѣній были отданы двумъ другимъ ирландскимъ церквамъ, католической и пресвитеріанской.

Наступила пора широкихъ реформъ, противъ которыхъ такъ возставалъ Дизраели. Другая ирландская реформа (поземельный билль), билль о народномъ образованіи, военная реформа (отмѣна системы продажи должностей въ арміи) и введеніе тайной подачи голосовъ— все это вызывало ожесточенныя нападки Дизраели, который въ это время всѣ свои заботы направилъ къ организаціи своей партіи. Онъ устраивалъ митинги, конференціи и всячески старался утвердить свою популярность въ народѣ. Для этого онъ рѣшилъ вступить въ непосредственныя сношенія съ рабочими въ городахъ, которые были ему обязаны тѣмъ, что получили политическія права, распространенныя на нихъ его избирательною реформою. Многіе изъ выдающихся членовъ партіи тори находили опаснымъ такое поведеніе ихъ главы, но онъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. И дѣйствительно, онъ нашелъ секретъ популярности. «Dizzy»—какъ его фамиліарно называли въ публикѣ—привлекалъ къ себѣ массы своимъ краснорѣчіемъ, умѣньемъ отгадывать ихъ настроеніе и искусно внушалъ имъ свои взгляды, заставляя ихъ служить своимъ цѣлямъ. Онъ рисовалъ имъ соблазнительныя картины власти и могущества Англіи, которая должна стать повелительницею міра, и увлеченныя имъ народныя массы видѣли въ немъ олицетвореніе національной идеи. Вездѣ онъ осуждалъ политику

своего противника Гладстона, и такъ какъ тотъ, увлеченный своею жаждою реформъ, начиналъ уже нѣсколько утомлять общество, которое не могло поспѣвать за нимъ, то Дизраели ловко воспользовался этими признаками наступавшей реакціи. Въ Манчестерѣ и Глазго, куда онъ пріѣхалъ для произнесенія рѣчей, ему оказали самый восторженный пріемъ, и овація повторялись въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Энтузіазмъ заразителенъ: дѣло дошло даже до того, что толпа выпрягла лошадей изъ его экипажа и повезла его на себѣ. Имя Дизраели было у всѣхъ на устахъ, его идеи стали проникать во всѣ слои, и торжество было обезпечено. Дѣйствительно, послѣ новыхъ выборовъ въ 1874 году Дизраели очутился во главѣ такого же громаднаго большинства, какъ и Гладстонъ за шесть лѣтъ передъ этимъ. Ирландія снова послужила подводнымъ камнемъ, о который разбилось министерство Гладстона, уже раньше оттолкнувшее отъ себя диссидентовъ тѣмъ, что создало общественныя школы, въ которыхъ преподавалась библейская исторія. Гладстонъ хотѣлъ основать въ Ирландіи свѣтскій университетъ, внесенный имъ по этому поводу билль былъ отвергнутъ большинствомъ палаты. Гладстонъ подалъ въ отставку, но такъ какъ Дизраели отказался руководить выборами, то онъ остался до объявленія результатовъ выборовъ, которые должны были происходить въ январѣ 1874 года.

Дизраели ни мало не сомнѣвался въ побѣдѣ. Не было ни одного политическаго вопроса, около котораго могли бы группироваться интересы и, слѣдовательно, не было данныхъ для образованія такихъ коалицій, которыя въ 1868 году обусловили побѣду Гладстона. Избирательная борьба должна была совершиться на почвѣ принциповъ. Дизраели ловко воспользовался настроеніемъ общества, напуганнаго реформаторскимъ рвеніемъ Гладстона. Въ манифестѣ къ своимъ избирателямъ въ Уайкомбѣ Дизраели говорилъ между прочимъ: «Разумѣется, перваго министра нельзя назвать ни врагомъ нашихъ національныхъ учрежденій, ни противникомъ неприкосновенности британской имперіи. Но, къ несчастью, среди его приверженцевъ есть такіе, которые относятся враждебно къ монархіи. Другіе изъ его сторонниковъ угрожаютъ независимости палаты лордовъ, а третьи хотѣли бы отнять у парламента право какого бы то ни было участія въ управленіи нѣкоторыми областями соединеннаго королевства. Есть и такіе, которые побуждаютъ его къ секуляризаціи англиканской церкви, какъ это онъ уже сдѣлалъ съ ирландскою церковью, которую онъ лишилъ всѣхъ ея правъ и владѣній, а рядомъ съ нимъ, въ самомъ кабинетѣ, тѣ изъ его коллегъ, которымъ онъ отдаетъ предпочтеніе, сгораютъ нетерпѣніемъ изгнать религію съ того мѣста, которое она должна занимать въ національномъ воспитаніи».

Такимъ образомъ Дизраели прямо поставилъ вопросъ избирателямъ, которымъ приходилось выбирать между консервативною и радикаль-

ною политикой. Они высказались въ пользу первой, и Дизраели увидалъ себя во главѣ прочнаго большинства въ палатѣ, совершенно независимаго отъ голосовъ ирландской партіи и либеральныхъ диссидентовъ. Это было его тріумфомъ, такъ какъ указывало на возстановленіе единства консервативной партіи, въ которой былъ произведенъ расколъ Пилемъ въ 1846 году.

Очень вѣроятно, что этотъ тріумфъ Дизраели сильно поразилъ Гладстона. Такое сплоченное, хорошо дисциплинированное большинство, какимъ располагалъ Дизраели въ палатѣ, вполнѣ обезпечивало его министерству власть, по крайней мѣрѣ, на все время существованія новаго парламента, т.-е. на шесть лѣтъ. Англійскій парламентъ выбирается на семь лѣтъ, но, согласно обычаю, онъ распускается обыкновенно раньше законнаго срока. Гладстонъ подумывалъ даже удалиться съ арены политической жизни и въ письмѣ къ лорду Гранвиллю заявилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ обязанностей лидера либеральной партіи. Онъ считалъ свою политическую карьеру законченной и говорилъ своимъ друзьямъ, что вообще послѣ 60-ти лѣтъ трудно разсчитывать совершить что-нибудь выдающееся.

До 1874 года политика Дизраели не носила рѣзко выраженнаго имперіалистскаго характера. Въ его рѣчахъ и въ его произведеніяхъ проскальзывала имперіалистская идея, которая должна была возвести его въ апогей славы, но онъ понималъ, что еще не наступило время для ея торжества. Прежде надо было упрочить свое собственное положеніе въ странѣ и тогда уже осуществить свою идею міровой имперіи, которою онъ, бывшій отверженникъ, будетъ управлять. Но въ 1874 году онъ почувствовалъ уже такую твердую почву подъ своими ногами, что могъ уже не опасаться никакихъ превратностей судьбы. Поэтому онъ не провелъ ни одной сколько-нибудь важной внутренней реформы, за исключеніемъ законовъ о рабочихъ и нѣкоторыхъ частныхъ реформъ въ области школьнаго дѣла, общественнаго здравія и призрѣнія, и все свое вниманіе сосредоточилъ на внѣшней политикѣ. Въ своей программѣ онъ заявилъ, что въ отношеніи внѣшней политики. онъ будетъ «придерживаться болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій, чтобы поднять престижъ Англіи, которому либералы нанесли ущербъ». Колоніи и восточный вопросъ, главнымъ образомъ, привлекали его вниманіе. Балканская агитація казалась ему удобнымъ случаемъ вернуть Англіи преобладающее положеніе въ восточныхъ дѣлахъ. Первыми признаками наступленія періода энергичной внѣшней политики была поѣздка въ Индію наслѣднаго принца, покупка акцій Суэзскаго канала и провозглашеніе королевы Викторіи императрицей Индіи. Дизраели достигъ тогда кульминаціоннаго пункта своей славы и популярности. Ему оставалось только одно: восторжествовать надъ предразсудками двора и вопреки своему происхожденію сдѣлаться persona grata при самомъ чопорномъ и высокомѣрномъ дворѣ, какой

только существуетъ въ Европѣ. Это было послѣднею побѣдой Дизраели. Онъ не только достигъ это, но сдѣлался приближеннымъ королевы Викторіи, которая пріѣзжала къ нему въ гости, сидѣла за его столомъ и своими собственными руками посадила кедръ подъ окнами его скромнаго рабочаго кабинета, въ его помѣстьи Гагенденѣ. По настоянію королевы, онъ принялъ титулъ, отъ котораго раньше отказывался, и сдѣлался лордомъ Биконсфильдомъ, занявъ мѣсто въ палатѣ пэровъ.

Между тѣмъ восточная политика Дизраели, теперь лорда Биконсфильда, возбудила живѣйшее негодованіе Гладстона и заставила его вернуться къ активному участію въ политической жизни. Онъ занялся организаціей широкаго общественнаго движенія противъ Биконсфильда. Онъ устроилъ въ различныхъ городахъ «митинги негодованія» и издалъ свой знаменитый памфлетъ о болгарскихъ ужасахъ, такъ что намѣреніе Биконсфильда выступить въ пользу Турціи съ оружіемъ въ рукахъ разбилось о могущественную оппозицію, организованную Гладстономъ. Тѣмъ не менѣе парламентъ все-таки одобрилъ политику Биконсфильда, сочувствующую Турціи, и съ этого момента Англія стала держаться воинственной политики и играть активную роль въ европейскихъ дѣлахъ.

Когда окончилась русско-турецкая война побѣдою Россіи и войска ея очутились подъ стѣнами Константинополя, то Биконсфильдъ выдвинулъ на сцену призракъ захвата Россіей всего Балканскаго полуострова. Это подѣйствовало на общественное мнѣніе, находившееся до этой минуты подъ обаяніемъ рѣчей Гладстона и его яркихъ картинъ болгарскихъ ужасовъ, и Биконсфильдъ могъ добиться желаемаго. Когда турки обратились къ посредничеству Англіи, то онъ, принявъ вызывающее положеніе, послалъ въ январѣ 1878 года англійскій флотъ въ Дарданеллы и началъ готовиться къ войнѣ съ Россіей, еслибъ она не пошла на предлагаемыя ей уступки: созваніе европейскаго конгресса въ Берлинѣ для обсужденія условій мирнаго договора.

Биконсфильдъ, вмѣстѣ съ лордомъ Салисбюри, который былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, отправились въ Берлинъ, и Биконсфильдъ, прямо съ поѣзда, уже поздно вечеромъ, поѣхалъ къ Бисмарку, которому категорически заявилъ: или миръ такою цѣною, или война съ Россіей! «Честный маклеръ» не медлилъ своимъ согласіемъ на предложеніе Биконсфильда, и въ четверть часа между ними все уже было рѣшено, дальнѣйшія же пренія въ конгрессѣ происходили только для публики.

Говорятъ, Бисмаркъ съ этого момента проникся величайшимъ восхищеніемъ къ Биконсфильду, въ которомъ онъ увидѣлъ равнаго себѣ по силѣ честолюбца. Онъ даже повѣсилъ въ своемъ кабинетѣ его портретъ, рядомъ съ Вильгельмомъ I и своею женою.

По возвращеніи изъ Берлина, гдѣ онъ заставилъ князя Горчакова принять свои условія, Биконсфильдъ встрѣченъ былъ въ Англіи общимъ ликованіемъ. Въ немъ видѣли спасителя англійскихъ интересовъ и британскаго престижа и гордости. Биконсфильдъ самъ увѣровалъ въ полное торжество своей политики. Свою славу онъ отожествлялъ со славою Англіи и хотѣлъ, чтобы Англія имѣла преобладающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ міра, чтобы она стала всемогущей. И чтобы упрочить ея могущество въ Центральной Азіи, гдѣ онъ опасался соперничества Россіи, онъ затѣялъ войну съ Афганистаномъ, которая, однако, не была популярной въ Англіи. Еще менѣе популярна была война съ зулусами въ Южной Африкѣ, стоившая Англіи огромныхъ жертвъ. Первое присоединеніе Трансвааля также было произведено имъ. Но несмотря на то, что воинственная политика дорого стоила Англіи, вызвала застой въ дѣлахъ и пріостановила всякія внутреннія реформы, Биконсфильдъ не сомнѣвался, что идея имперіализма пустила достаточно глубокіе корни, и полагаясь на избирателей, онъ распустилъ парламентъ въ 1880 году, чтобы упрочить за собою власть на новый законодательный періодъ. Но надежды его были обмануты. Оппозиція не дремала, и изумительная по энергіи и блеску рѣчей избирательная кампанія, организованная Гладстономъ, подготовила паденіе министерства Биконсфильда. Часть англійскаго общества, проникнутая гуманитарными чувствами, не могла все-таки простить Биконсфильду, что онъ защищалъ султана — «этого великаго убійцу болгаръ» и совсѣмъ не подумалъ о грекахъ на берлинскомъ конгрессѣ, заботясь исключительно объ оттоманской имперіи. То, что онъ при этомъ старался возвеличить престижъ Англіи, заставилъ Европу прислушиваться къ ея голосу, не оправдывало его въ глазахъ тѣхъ, кто опасался, что онъ вовлечетъ Англію въ рискованныя предпріятія, и страна выступитъ на путь политики завоеваній, престижа и имперіализма, и англійскіе солдаты будутъ отправлены въ далекія экспедиціи, исходъ которыхъ представляется все-таки крайне сомнительнымъ. Однимъ словомъ, общественное мнѣніе было напугано, а тутъ еще рядъ плохихъ урожаевъ вызвалъ еще большее недовольство избирателей, равнодушныхъ, повидимому, къ иностранной политикѣ, и обезпечилъ либераламъ блестящую побѣду на новыхъ выборахъ 1880 года. Новый парламентъ представлялъ прямую противоположность тому, который правилъ до сихъ поръ; либеральная партія получила громадное большинство — 349 либераловъ противъ 243 консерваторовъ. Биконсфильдъ тотчасъ же подалъ въ отставку, и Гладстонъ съ тріумфомъ занялъ его мѣсто.

Политическую карьеру Биконсфильда съ этого момента можно считать оконченной. Онъ уже не принималъ участія въ парламентскихъ дѣлахъ, хотя вліяніе его все-таки было довольно велико. Но онъ достигъ всего, къ чему стремился въ жизни, и въ своемъ прекрасномъ

помѣстьи Гагенденѣ принималъ представителей самыхъ старинныхъ фамилій Англіи и королевскаго дома. Не разъ онъ долженъ былъ вспоминать при этомъ свою прабабку, которая готова была принести великія жертвы, чтобы быть принятой въ этомъ обществѣ, и тѣ уколы самолюбія, которые ему самому пришлось претерпѣть въ началѣ своей карьеры. Но все это было въ прошломъ; теперь, достигнувъ зенита славы, онъ испытывалъ затрудненіе только въ одномъ — въ финансахъ. Надо отдать ему справедливость,—онъ никогда не заботился о матеріальныхъ выгодахъ, никогда не участвовалъ въ финансовыхъ операціяхъ, которыя могли бы обогатить его, и когда ему захотѣлось, по выходѣ изъ министерства, купить себѣ домъ въ Лондонѣ, близъ парламента, то оказалось, что у него нѣтъ на это денегъ. И тогда, въ 77 лѣтъ, онъ снова взялся за перо, какъ въ дни молодости, но на этотъ разъ уже не для того, чтобы стяжать литературные лавры или распространять въ обществѣ свои идеи, а чтобы получить деньги. Его послѣдній романъ «Endymion» вполнѣ оправдалъ въ этомъ отношеніи его ожиданія и принесъ ему 250.000 фр. чистаго дохода. Биконсфильдъ купилъ себѣ домъ, въ которомъ и умеръ.

Онъ недолго прожилъ послѣ паденія своего министерства, хотя навѣрное не считалъ свою карьеру оконченной, что доказываетъ, впрочемъ, и его послѣдняя рѣчь объ англійской политикѣ въ Афганистанѣ. Вскорѣ послѣ этой рѣчи онъ заболѣлъ и 19-го апрѣля 1881 года его не стало. Онъ умеръ бездѣтнымъ, вмѣстѣ съ нимъ угасло и пожалованное ему званіе пэра.

Королева, англиканская церковь и аристократія, буржуазія и народъ почтили память этого иноплеменника, въ жилахъ котораго не было ни одной капли англійской крови, но который воплотилъ въ себѣ идею англійскаго націонализма и первый положилъ начало имперіалистской политики, приведшей Англію путемъ естественной эволюціи къ трансваальской войнѣ и породившей глубокій кризисъ, отражающійся во всѣхъ проявленіяхъ національной жизни.

Э. П.

ПОЛИТИКА И РЕЛИГІОЗНАЯ МЫСЛЬ НА ЗАПАДѢ.

(Историческій очеркъ).

Въ настоящее время только что происходили важныя событія въ Ватиканѣ: смерть Папы Льва XIII и выборъ на его мѣсто новаго папы, естественно, привлекли вниманіе общества, хотя значеніе нѣкогда всемогущаго главы католической церкви, съ измѣнившимися политическими условіями западной жизни далеко не прежнее. Оглянемся назадъ и разсмотримъ болѣе внимательно, какъ складывались отношенія политической и религіозной мысли на Западѣ въ первой половинѣ минувшаго столѣтія.

Анализируя новѣйшую исторію общественныхъ теченій въ Западной Европѣ, останавливаясь при этомъ особенно внимательно на многообразныхъ отношеніяхъ религіи къ политикѣ, религіозныхъ убѣжденій къ политическимъ тенденціямъ и дѣйствіямъ, приглядываясь къ характернымъ чертамъ духовнаго облика различныхъ представителей общественныхъ партій, мы невольно должны обратить полное вниманіе на удивительную повторяемость основныхъ силуэтовъ этихъ типичныхъ фигуръ въ самыхъ разнообразныхъ географическихъ широтахъ. Прежде всего идутъ люди, искренно и благоговѣйно вѣрующіе и старающіеся по мѣрѣ силъ и разумѣнія осуществить евангельскіе принципы въ жизни; такіе на Западѣ довольно часто кончали болѣе или менѣе открытою ссорою съ оффиціальною (католическою или протестантскою) церковностью, и по большей части, хотя далеко не всегда, оставались вмѣстѣ съ тѣмъ одиноки и далеки отъ реформистскихъ партій, несмотря на многіе общіе идеалы. Таковъ былъ во Франціи аббатъ Ламеннэ, въ Германіи армейскій офицеръ Морицъ Эгиди, въ Италіи—гораздо болѣе счастливый и вовсе не одинокій патеръ Александръ Гавацци.

Ко второму разряду въ западно-европейскомъ прошломъ относятся смиренномудрые приспособители религіи ко всѣмъ безъ изъятія существующимъ въ ихъ странѣ установленіямъ и распорядкамъ. Эта классическая фигура, никогда не утрачивавшая своей елейности, была ли она одѣта въ сутану или въ глухой лютеранскій рединготъ, неизбѣжно присутствовала всегда при всякомъ побѣдителѣ, который только въ

ней нуждался, и благословляла всякій успѣхъ, который требовалъ отъ нея благословенія. Она молилась въ Италіи за революціонера и безбожника Макдональда, пока его дивизія была цѣла, она благословляла Суворова, который Макдональда разбилъ, она же пѣла «Te Deum», когда Суворовъ и его солдаты ушли послѣ нечеловѣческихъ трудовъ и страданій и «безбожники» нагрянули снова съ западныхъ Альпъ. Она доказывала изъ катехизиса, что фонъ-Роховъ, котораго считали звѣремъ даже многіе убѣжденные нѣмецкіе консерваторы 40-хъ гг., правъ въ своихъ дѣйствіяхъ до святости, и она же на другой день послѣ побѣды мартовскихъ революціонеровъ съ жаромъ называла великомучениками павшихъ баррикадныхъ бойцовъ. Она требовала во Франціи при Карлѣ X средневѣковыхъ казней (отрубленія правой руки) для святотатцевъ и она же спустя двадцать лѣтъ пѣла послѣ февраля 48 года спеціально изобрѣтенный стихъ: «Domine salvam fac rem publicam». Эта фигура не смущалась никакими внезапностями, не тревожилась никакими противорѣчіями, не пугалась самыхъ смѣшныхъ положеній, не брезгала самыми абсурдными софизмами. Какъ подсолнечникъ къ солнцу, какъ желѣзный опилокъ къ магниту, какъ домашній голубь въ кормящей рукѣ, она тянулась къ обладателямъ силы и успѣха, поворачивалась къ нимъ хронически-умиленнымъ лицомъ, сладчайше смотрѣла имъ въ глаза, а еще слаще на ихъ руки, трепеща отъ готовности, ловя приказанія, бросаясь за подачками. При всей своей характерности, эта фигура слишкомъ проста и удобопонятна, чтобы на ней подробно останавливаться, несмотря на всю ея немалую общественную роль.

Къ третьему разряду можно отнести искреннихъ, гордыхъ и безкорыстныхъ фанатиковъ церкви и церковной супрематіи, которые знали «одной лишь думы власть, одну—но пламенную страсть»,—сдѣлать римскаго первосвященника земнымъ царемъ царей, соединить въ рукахъ его свѣтскій и духовный мечи. Они хотѣли вести человѣчество назадъ, не къ среднимъ вѣкамъ, какъ почему-то выражаются часто, ибо въ средніе вѣка ихъ идея также вовсе не была осуществлена, но къ средневѣковому идеалу. Эти Петры Даміани и Бонифаціи, заблудившіеся въ новыхъ вѣкахъ, вовсе не думали о благѣ или гибели существующаго въ ихъ странѣ режима: политика интересовала ихъ лишь постолько, посколько ея перипетіи и комбинаціи обѣщали усилить матеріальную и духовную мощь римской куріи или грозили ее уменьшить. Это были люди идеала, со всѣми достоинствами и недостатками фанатиковъ; въ силѣ—они внушали противникамъ иногда ужасъ, часто негодованіе, въ несчастіи—всегда сожалѣніе и нерѣдко участіе. Въ XVIII—XIX вв. люди этого разряда, какъ сказано, принадлежали исключительно къ римскому католицизму; протестантскіе фанатики, рѣдкіе и въ прежнія времена, не выдвинули въ новѣйшую эпоху ни одного сколько-нибудь замѣтнаго представителя: послѣдній,

котораго мы знаемъ, это голландскій теологъ XVII столѣтія Гинзбертъ Воэтъ (между прочимъ, печатно называвшій Декарта дьяволомъ и предлагавшій его сжечь, какъ атеиста).

Наконецъ, къ четвертой категоріи людей, у которыхъ политическія убѣжденія тѣсно сплетались съ религіозными (или казалось, что сплетаются), относятся дѣятели весьма интереснаго психологическаго типа, встрѣчавшагося въ былыя времена рѣшительно во всѣхъ странахъ западной Европы и, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, кое гдѣ додержавшагося до настоящей эпохи. О немъ-то мы и поведемъ рѣчь въ настоящей замѣткѣ. Намѣтивши самыми общими штрихами первые три разряда, завѣдомо пропустивши при этомъ всѣ очень многочисленные переходные оттѣнки и индивидуализированныя измѣненія, мы и при характеристикѣ четвертой категоріи отнюдь не претендуемъ на исчерпывающую полноту обрисовки, на анализъ, охватывающій все разнообразіе входящихъ сюда элементовъ, на изображеніе психологической эволюціи, приводившей (или приводящей) къ созданію разбираемаго типа. Намъ только кажется своевременнымъ представить кое-какія историческія справки изъ западно-европейскихъ минувшихъ дней, когда указанная четвертая категорія довольно выпукло выступала на фонѣ общественной жизни. Величайшій сердцевѣдъ, какого только видѣлъ міръ за истекшее столѣтіе, сказалъ, что большинство людей не живетъ, а «самосочиняется». Много разъ вспоминались намъ эти слова Достоевскаго, когда мы работали надъ предлагаемымъ очеркомъ. Мы упростили и облегчили свою задачу только тѣмъ, что во всѣхъ «самосочиненіяхъ» старались прослѣдить лишь общее вліяніе соціальной среды и историческихъ условій, оставляя въ сторонѣ сложнѣйшіе, чисто индивидуальные психологическіе мотивы и всегда разнообразные пути психологической эволюціи.

II.

Фактъ, подлежащій разсмотрѣнію и могущій, дѣйствительно, вызвать очень серьезный къ себѣ интересъ, формулируется такъ: за истекшее столѣтіе въ Западной Европѣ нѣсколько разъ часть прогрессивнаго общества и въ большинствѣ случаевъ часть его авангарда, т.-е. передовой молодежи, обнаруживала явственное тяготѣніе иногда къ традиціонной религіи, иногда же, говоря болѣе обще, къ религіознымъ вѣяніямъ, къ религіознымъ интересамъ и навыкамъ мысли. Прежде всего считаемъ нужнымъ сказать, что намъ представляется фальшивымъ по тону и неосновательнымъ по существу тотъ излишекъ изумленія, съ которымъ иногда относятся (и относились) къ этому факту наблюдатели. Волею историческихъ судебъ церковныя формы религіи на Западѣ подверглись въ XVIII вѣкѣ (и до, и во время революціи) весьма сильнымъ и ожесточеннымъ нападеніямъ, ибо на нихъ и на ихъ представителей смотрѣли, какъ на силы

реакціонныя, консолидирующія ту государственность и тѣ законы, которымъ была объявлена война. Быть тогда прогрессистомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не то что церковникомъ, а просто вѣрующимъ христіаниномъ, значило представлять собою нѣкоторую рѣдкость; такимъ являлся, напримѣръ, молодой Ройе-Колларъ, чувствовавшій себя поэтому чужимъ среди сверстниковъ, несмотря на тожество общественныхъ идеаловъ. Историческія формы христіанства—и религія, какъ таковая, смѣшивались воедино въ обоихъ борющихся лагеряхъ. 24 сентября 1767 года Дидро получилъ изъ Парижа цѣлый тюкъ летучихъ листковъ и брошюръ, распространявшихся тогда, несмотря на всѣ усилія полиціи, и носившихъ модныя названія: «Les prêtres démasqués», «L'imposture sacerdotale» и т. д. Прочтя ихъ, онъ иронически писалъ *): «Я не знаю, что сдѣлается съ бѣдною церковью Іисуса Христа и съ пророчествомъ о томъ, что врата адовы никогда не одолѣютъ ее». А въ то же время вотъ что буквально услышалъ Мармонтель отъ одного епископа: «При теперешней быстротѣ хода событій религія не просуществуетъ болѣе пятидесяти лѣтъ». Это смѣшеніе понятій, общее обоимъ лагерямъ до и во время революціи, привело къ тому, что на возрожденіе религіозныхъ чувствъ въ 20-хъ и 30-хъ гг. XIX вѣка нѣкоторые историки посмотрѣли какъ на болѣзненную случайность, да съ тѣмъ и отошли отъ этой «случайности». Но съ тѣхъ поръ «случайность» еще разъ повторилась, и потому, вмѣсто одного только изумленія, представляется болѣе продуктивнымъ поставить вопросъ: насколько, въ самомъ дѣлѣ, эта чуть не ритмически возвращающаяся «случайность»—случайна?

Что потребность вѣры есть одна изъ могущественнѣйшихъ силъ человѣческой души—это уже стало едва ли не истиною изъ прописей, аксіомою, не требующею доказательствъ. Можно сказать, что удовлетвореніе этой потребности для очень многихъ есть одно изъ непремѣнныхъ условій душевнаго равновѣсія и моральнаго благосостоянія. По опредѣленію Владиміра Соловьева, вѣра означаетъ «признаніе чего-либо истиннымъ съ такою рѣшительностью, которая превышаетъ силу внѣшнихъ фактическихъ и формально-логическихъ доказательствъ». Мы и утверждаемъ, что тенденція вѣрить во что-либо съ такою рѣшительностью проявлялась неоднократно въ самой чуткой части западно-европейскаго общества, въ самой умственно-подвижной и безкорыстно настроенной. «Предосудительно» это или «похвально», мы предоставляемъ, конечно, рѣшать субъективнымъ чувствамъ и воззрѣніямъ читателя: въ нашемъ изложеніи квалификація разсматриваемаго явленія должна совершенно отойти на задній планъ.

---

*) См. Феликсъ Рокэнъ. „Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII в.“ Спб. 1902, стр. 282.

Теперь констатируемъ, что возрожденіе религіозныхъ вѣяній въ 20—40 гг. было отнюдь не случайностью именно въ указанныхъ слояхъ европейскаго общества. При наличности свойственныхъ этимъ слоямъ безкорыстныхъ порывовъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ (а иногда и безъ этой мѣры) благу и прогрессу человѣчества (du genre humain, какъ тогда говорили по традиціи Кондорсэ), при вполнѣ понятномъ психологически стремленіи обосновать эти свои порывы на твердомъ фундаментѣ вѣры, правильнѣе, при стремленіи религіозно увѣровать въ истинность своихъ общественныхъ идеаловъ, есть ли хоть какое нибудь основаніе удивляться тому, что религія снова стала овладѣвать умами? Такая огромная, единственная по размѣрамъ и области вліянія моральная сила не гибнетъ отъ бурь и непогодъ, длящихся даже столѣтія, а не какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ... Не говоря уже о религіозномъ ученіи въ его основной сущности,—даже историческія формы религіи оказались настолько выносливы, что англиканецъ Маколей черезъ сорокъ лѣтъ послѣ революціонной «отмѣны» католицизма и путешествія «богини разума» въ тріумфальной колесницѣ по улицамъ Парижа, съ полнымъ убѣжденіемъ и совершенною серьезностью говорилъ о грядущихъ вѣкахъ, когда туристамъ будутъ показывать заглохшія руины на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Лондонъ, а римская церковь останется все еще тверда и могуча. Если не все поколѣніе 20—30 гг. (а до извѣстной степени и 40-хъ гг.), то часть его, въ постоянныхъ поискахъ религіозной санкціи для своихъ общественныхъ идеаловъ, неминуемо должна была обратиться если не къ этой католической несокрушимой твердынѣ, у которой почти двѣ тысячи лѣтъ искали покоя очень и очень многіе трудящіеся и обремененные тщетной погоней за абсолютною истиною, то къ деизму или къ другимъ формамъ вѣры. Нѣкоторые приверженцы реформистскихъ ученій во Франціи, мацциніевская «молодая Италія», товянчики и другіе польскіе мессіанисты—вотъ кто были видными представителями этого своеобразнаго теченія. Вовсе не ими одними оно въ 20—40 гг. ограничивалось, но мы отмѣтимъ только нѣкоторыхъ опредѣленныхъ и характерныхъ его выразителей.

III.

Никогда за послѣднія четыреста лѣтъ, т.-е. съ предреформаціонной эпохи, Европа не жила до такой степени будущимъ, ожиданіями, надеждами и тревогами, какъ въ промежутокъ времени между паденіемъ Наполеона I и революціонными взрывами 1848 года. Всѣ главные интересы умственной жизни были направлены въ эту сторону; даже такая воплощенная тоска о прошломъ, какъ романтизмъ, вовсе не была чужда мечтаній о свѣтломъ будущемъ. Блестящій представитель романтизма въ литературѣ и совершеннѣйшій консерваторъ въ политикѣ Жуков-

скій также останавливался на неисполненіи нѣмецкими государями своихъ обѣщаній, какъ на одной изъ причинъ взрыва 1848 года. Эта атмосфера ожиданій, заданныхъ, опредѣленно поставленныхъ, но нерѣшенныхъ вопросовъ, надеждъ и угрозъ давала тонъ всей общественной жизни, захватывала всѣ лагери и покоряла всѣ темпераменты. Чувствовалось, что не договорено—не послѣднее слово, ибо такихъ словъ въ исторіи не бываетъ,—а то слово, которое начало выговариваться въ эпоху революціи и освобожденія отъ Наполеона. Это было время расцвѣта нѣмецкой философской мысли, французской поэзіи и поэзіи англійской, время появленія такихъ твореній духа, которыя, конечно, имѣютъ самодовлѣющее значеніе, независимое отъ преходящихъ политическихъ интересовъ, но царящая историческая тенденція сдѣлала то, что никому, не показались безсмысленными и мало кому обидными слова поэта, заучивавшагося тогда наизусть: «буди барабаномъ уснувшихъ, тревогу безъ устали бей,—впередъ и впередъ подвигайся вотъ смыслъ философіи всей. Весь Гегель и книжная мудрость все въ этой доктринѣ одной...»

Передовые умы XV-го вѣка, поколѣнія Марсиліо Фичино, оцѣнивали всѣ ученія, открытія, мнѣнія примѣнительно къ философіи Платона, съ точки зрѣнія согласія съ Платономъ или противорѣчія ему, такъ же, какъ ихъ предшественники пользовались въ качествѣ пробнаго камня Аристотелемъ, а ихъ потомки въ XVIII-мъ вѣкѣ теоріею естественнаго права, ученіемъ о равенствѣ и прирожденной свободѣ. Поколѣніе Гейне хотѣло свести (и сводило) вопросъ о «Гегелѣ», «книжной мудрости» и «философіи всей» къ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія лучезарнаго, освобождающаго будущаго: приближала «книжная мудрость» къ этому будущему и они благословляли ее; удаляла (или имъ казалось, что удаляетъ),—и они объявляли себя ея врагами. Слово «впередъ» само по себѣ не есть «доктрина», но для нихъ, при всей своей неопредѣленности, а быть можетъ и благодаря этому качеству, оно было полно широкаго значенія и яснаго смысла. Школа Маркса и Энгельса, сотрудники «Deutsch-französische Jahrbücher», показали, что «люди будущаго» не только на словахъ, но и на дѣлѣ сводятъ къ этой доктринѣ и «Гегеля», и «философію всю»; другіе свели къ ней всю религію, и эти-то послѣдніе насъ въ данномъ случаѣ и интересуютъ. Пьеръ Леру, Вейтлингъ, Маццини, Мицкевичъ, Товянскій пусть сами отвѣтятъ на вопросъ, была ли для нихъ религія случайностью. Снова и снова повторяемъ, они не были одиноки, и эти имена кричатъ о другихъ именахъ, также отмѣченныхъ исторіею. Но и они могутъ дать намъ пониманіе того главнаго, характернаго, типичнаго что есть во всемъ теченіи. Эти образцы уже застыли въ прошломъ; къ нимъ уже не прибавятъ и отъ нихъ не убавятъ ничего, и наслѣдіе ихъ описано и разобрано. Много въ немъ страннаго, дикаго, нелѣпаго, восторженнаго и чаднаго; много и поучительнаго. Не нѣсколько страницъ, а цѣлые томы надо было бы

писать о каждомъ изъ нихъ, если бы мы задавались цѣлью представить полную, разностороннюю ихъ характеристику; но мы хотимъ отмѣтить лишь одну черту ихъ духовнаго облика и черту слишкомъ ясную и выдающуюся...

IV.

Эта черта можетъ быть обозначена такъ: соціально-политическіе реформаторы придавали религіозный колоритъ своимъ ученіямъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ труднѣе и отдаленнѣе казалось имъ или могло казаться прозелитамъ осуществленіе этихъ ученій. Тутъ не было мелкаго лукавства, пропагандистской хитрости, одного только желанія подтвердить въ чужихъ глазахъ особою санкціею свои теоретическія построенія; нѣтъ, въ искренности никто этихъ людей заподозрить не можетъ, но упорная привязанность къ своему общественному идеалу, потребность религіозно въ него увѣровать и другихъ убѣдить въ его истинности, трудность обосновать слишкомъ грандіозную, а иногда прямо фантастическую схему на логически доказуемой философской или научной теоріи всѣ эти мотивы и условія могущественно содѣйствовали привлеченію религіи къ политикѣ у Маццини въ меньшей степени, у сенъ-симонистовъ въ нѣсколько большей, у Пьера Леру въ еще большей степени, у польскихъ мессіанистовъ въ наибольшей.

Эти дѣятели были искренни такъ же, какъ очень многіе ихъ послѣдователи, а они всѣ, кромѣ Пьера Леру, имѣли послѣдователей одни много, другіе мало. И однако слова Достоевскаго о «самосочиняющихся» людяхъ до извѣстной степени къ нимъ примѣнимы, хотя, разумѣется, далеко не такъ, какъ ко многимъ нашимъ современникамъ. У всѣхъ ихъ, кромѣ Маццини, можно кое-гдѣ замѣтить усилія и иногда довольно тугую работу фантазіи и тутъ же предвзятое желаніе въ вымученные плоды этой работы увѣровать; особенно легко сдѣлать подобныя наблюденія въ деталяхъ, въ подробностяхъ разработки представляемаго ими религіозно-политическаго идеала. Въ самой идеѣ связать политическій радикализмъ съ теодицеей была извѣстная сочиненность, придуманность, и это отзывалось на всемъ построеніи. Величайшая и таинственнѣйшая проблема, какая только можетъ представиться человѣческому духу рѣшается разными разно, но для всѣхъ, которые ею тревожатся, она, конечно, составляетъ самое затаенное, самое интимное и завѣтное во всей ихъ умственной жизни. Для тѣхъ, кто лишенъ непосредственной вѣры и не удовлетворяется ею, остается пригнетающее сознаніе страшной трудности вопроса и весьма проблематической пригодности ума человѣческаго для его разрѣшенія. Проработавъ надъ важнѣйшими вопросами жизни болѣе пятидесяти лѣтъ, Гербертъ Спенсеръ нѣсколько времени тому назадъ выпустилъ книгу («Facts and comments») которую онъ считаетъ послѣднею, ему теперь восемьдесятъ два года. Въ этой книгѣ отчасти содержится итогъ работы сильной мысли ан-

глійскаго философа надъ проблемой бытія, и мы не совѣтуемъ ее читать тѣмъ, которые полагаютъ, что, рѣзво оттолкнувъ въ сторону «западную науку», они этимъ самымъ тѣлодвиженіемъ разрѣшили или приблизились хоть на полъ-шага къ разрѣшенію великой задачи: это чтеніе можетъ внести дисгармонію въ ихъ розовое самочувствіе.

Люди, которыхъ мы назвали, и многіе ихъ послѣдователи значительно упрощали свой трудъ: они если не психологически то формально исходили изъ вѣры въ абсолютную истинность либо католицизма какъ Товянскій, либо деизма, либо особыхъ своихъ теологическихъ построеній; соціально-реформаторскія же ихъ тенденціи являлись какъ бы необходимымъ и естественнымъ придаткомъ къ теологическимъ убѣжденіямъ, какъ бы прямымъ выводомъ изъ этихъ убѣжденій. Слабость и нереальность связи между ихъ религіей и ихъ политикою и была ахиллесовою пятою этихъ теоретиковъ. Колоссальная міровая проблема рѣшалась точно какъ будто спеціально ad hoc, для того, чтобы это рѣшеніе не замедлило явиться нужнымъ фундаментомъ при построеніи общественной теоріи... Впечатлѣніе сочиненности портитъ въ нашихъ глазахъ всѣ эти построенія. Правда, не въ стройности и логичности теоріи было тутъ дѣло, а совсѣмъ въ другомъ, и, напримѣръ, Маццини могъ бы съ такимъ же раздраженіемъ отречься отъ амплуа теоретика, какъ отрекся отъ аналогичнаго (mutatis mutandis) титула его современникъ Бѣлинскій, воскликнувшій: «какой, къ чорту, я литературный критикъ!» Въ томъ то и дѣло, что условія времени скрашивали всѣ угловатости, давали плоть и кровь всѣмъ туманностямъ, окрашивали иногда въ розовый, иногда въ кровавый, но почти всегда въ многозначительный цвѣтъ всѣ неясныя, колеблющіяся перспективы. «Никто такъ виртуозно не умѣетъ трепетать», говорилъ нашъ сатирикъ о нѣкоторыхъ своихъ согражданахъ; по аналогіи скажемъ: никто такъ виртуозно не умѣлъ ожидать и фантазировать, какъ люди первой половины XIX вѣка. О чемъ только тогда не мечтали, не говорили и не писали! Даже съ «антильвами», и «анти-акулами», которыхъ появленія съ увѣренностью ожидалъ Фурье, полагавшій, что эти животныя явятся къ услугамъ грядущаго общества и будутъ съ страшной скоростью перевозить на себѣ людей, даже съ океанами, которые къ тому же времени обратятся въ «une espèce de limonade», иногда считались довольно серьезно. При царившей тогда горячкѣ ожиданій и грезъ, самыхъ гордыхъ, самыхъ безоговорочныхъ и міробъемлющихъ, великая проблема бытія рѣшалась какъ-то быстро и категорически, рѣшеніе выходило разомъ, въ законченномъ видѣ изъ головы своего творца, какъ бы для того, чтобы не только представить фундаментъ для соціально-реформаторскихъ построеній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ужъ ничто не нарушало ансамбля, общей картины грядущей гармоніи: вопросъ о Богѣ и вопросъ о хлѣбѣ должны были уже не тревожить будущаго счастливаго общества, и первый вопросъ,

какъ теоретическій по преимуществу, разрѣшался даже раньше второго... *Самыя* сильныя и популярныя общественныя теченія Франціи и Германіи оставались, впрочемъ, чужды этой тенденціи: говоря словами любимаго тогдашняго поэта, «сладкій горошекъ» интересовалъ ихъ больше всего, и они готовы были повторить за нимъ: «а страны воздушныя мы воробьямъ и силамъ нездѣшнимъ уступимъ». Но для тѣхъ, которые считали необходимымъ обосновать свои общественные взгляды на религіозной вѣрѣ, эта вѣра, повторяемъ была не только теоретическимъ фундаментомъ, но и существенно важнымъ и *уже достигнутымъ* условіемъ будущаго гармоническаго наслажденія жизнью (для увѣровавшихъ, конечно, въ ихъ теорію).

Изъ упомянутыхъ нами движеній этого послѣдняго типа, то, представителемъ котораго является Маццини, стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ,—оно было сильнѣе ихъ, имѣло больше очевидныхъ шансовъ успѣха, его сравнительная простота и опредѣленность обезпечивали за нимъ гораздо большую жизненность и популярность; религія входила въ него менѣе необходимымъ ингредіентомъ, и чѣмъ болѣе исторія приближала Аппенинскій полуостровъ къ объединенію, тѣмъ менѣе становился замѣтенъ энтузіазмъ къ мацциніевскому девизу «Dio e popolo». Чѣмъ осуществимѣе дѣлалась коренная мечта всѣхъ итальянскихъ прогрессистовъ—объединеніе,—тѣмъ прозаичнѣе, такъ сказать, она становилась, тѣмъ съ большею настоятельностью и хлопотливостью выступали впередъ важныя подробности. Быть Италіи королевствомъ или республикою? Какую избирательную систему предпочесть? Воевать ли съ Австріей изъ за Венеціи и Тріеста или не воевать? Всѣ эти и бездна другихъ важныхъ насущныхъ задачъ, которыя и подробностями, собственно, могутъ назваться лишь при сравненіи съ основнымъ грандіознымъ фактомъ объединенія, въ 50—60 гг., поглощали, главнымъ образомъ, общественное вниманіе, а впереди всѣхъ, особенно со второй половины 60-хъ гг.,—вопросъ объ уничтоженіи свѣтской власти папы. Непрерывная и слишкомъ понятная озабоченность итальянскаго общества вопросами практической жизни была совершенно несовмѣстима съ мало-мальски живымъ интересомъ къ не совсѣмъ ясной религіи стараго революціонера. Но этотъ же довольно неопредѣленный деизмъ игралъ весьма большую психологическую роль, когда Маццини былъ молодъ, когда реакція торжествовала на всемъ протяженіи полуострова, и когда апатія овладѣвала умами послѣ упадка (къ началу 30-хъ гг.) карбонарской дѣятельности. Идея о Божествѣ, какъ его понималъ Маццини, увлекала и ободряла. Жажда свободы, по мнѣнію Маццини, вложена въ человѣка самимъ Божествомъ, и Богъ, вложивъ въ родъ людской это стремленіе къ свободѣ, далъ тѣмъ самымъ, откровеніе о себѣ своимъ созданіямъ; исполненіе воли Божіей, угодное всемогущему Божеству, не можетъ въ концѣ концовъ не быть успѣшнымъ, а состоитъ оно, прежде, всего въ освобожденіи

себя и своихъ ближнихъ. Эта основная идея варіировалась приверженцами Маццини весьма разнообразно; а насколько такого рода теологія была въ національномъ духѣ, явствуетъ изъ того, напримѣръ, что Гарибальди, человѣкъ, далеко не всегда и не во всемъ сходившійся съ Маццини, во всю свою жизнь придерживался подобнаго религіозно-политическаго построенія и, даже, конкретизировалъ его,—считая Виктора-Эммануила спеціальнымъ посланникомъ неба для освобожденія Италіи. (Замѣтимъ, что это убѣжденіе Гарибальди удивительно помогало Кавуру разыгрывать хитросплетеннѣйшія дипломатическія симфоніи всякій разъ, когда приходилось имѣть дѣло съ наивнымъ и благороднымъ національнымъ героемъ).

Теоретически неопредѣленная формула мацциніевскаго credo оказала могущественное воздѣйствіе на умы молодого поколѣнія Италіи въ 30-хъ годахъ. Католицизмъ или близость къ нему такихъ представителей прогрессивной мысли какъ Манцони и Сильвіо Пеллико, а позднѣе (съ 40-хъ) гг. «папизмъ» Джоберти особенно оттѣнялъ полное отсутствіе католическихъ пристрастій у Маццини. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ «Обрученныхъ» *) Манцони—искренній, вѣрующій католикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горячій патріотъ ставилъ возрожденіе Италіи въ зависимость отъ укрѣпленія нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ. Фигура идеальнаго монаха Христофора сама по себѣ уже выдавала завѣтную мысль автора. Но романтикъ Манцони все же не стоялъ такъ близко къ молодому поколѣнію 20-хъ гг., какъ Сильвіо Пеллико современникъ его, со своею революціонною дѣятельностью и записками о тюремней жизни (Le mie prigioni). Въ полной точности мы не знаемъ, каковы были религіозныя убѣжденія Пеллико до его ареста, но по заявленіямъ автора видно что въ тюрьмѣ съ нимъ произошелъ рѣшительный поворотъ къ христіанству. Книга его была встрѣчена частью публики недоброжелательно, но тѣмъ не менѣе общій громадный успѣхъ ея не подлежитъ никакому сомнѣнію. Недоброжелатели говорили о ханжествѣ, объ излишнемъ смиреніи, чуть ли не о ренегатствѣ автора, все простившаго своимъ политическимъ врагамъ, австрійцамъ, восемь лѣтъ мучившимъ его и его товарищей въ Шпильбергѣ. Чистая душа автора, такъ явно сказывающаяся въ каждой строчкѣ «le mie prigioni», не затемнилась отъ клеветы и несправедливыхъ обвиненій въ глазахъ общества. Книга жадно читалась, переиздавалась и переводилась. Ею увлекались не въ одной только Италіи, иногда (напр., въ 1837 году въ Парижѣ) она издавалась въ одномъ томѣ на трехъ языкахъ **). Но могла ли она стать хоть въ малой

*) I promessi sposi вышли въ свѣтъ въ 1827 году. Характерно, что наша эрмитажная библіотека поторопилась пріобрѣсти уже экземпляръ изданія 1829 г.

**) „Le mie prigioni," di Silvio Pellico da Saluzzo. Mémoires de S. P. traduites de l'italien par E. Thunot. Memoirs of S. P. translated from the italian by J Roscoe: volume unico. Parigi, Bandry ed., 1837.

степени политическимъ Евангеліемъ какой бы то ни было группы итальянскаго общества? Конечно, нѣтъ.

Сильвіо Пеллико былъ чистый и великодушный страдалецъ, и тѣ, которые, какъ онъ съ горечью вспоминаетъ въ концѣ книги, утверждали, что его благочестіе есть одно только притворство, грубо ошибались. Недовѣрчивость общества въ такихъ случаяхъ видѣть больно и досадно, но она отчасти объясняется тѣмъ, что къ самому чистому, къ самому высокому, что только есть въ области теоріи, слишкомъ часто и съ слишкомъ легкимъ успѣхомъ присосѣживаются всевозможные совсѣмъ ужъ «практическіе» промышленники. Евангеліе – такъ Евангеліе, трансцендентальная философія—такъ трансцендентальная философія, буддизмъ—такъ буддизмъ,—имъ рѣшительно все равно, лишь бы достигнуть удобной позиціи—покровительствуемыхъ новаторовъ. Такіе-то юркіе и бойкіе «теоретики» и пріучаютъ обыкновенно общество съ преувеличенною подозрительностью относиться къ, дѣйствительно, чистымъ и убѣжденнымъ сторонникамъ взглядовъ, если не новыхъ, то рѣдкихъ въ той средѣ, къ которой, по общественнымъ своимъ симпатіямъ, эти чистые и убѣжденные люди принадлежатъ. Но уже когда ошибка была понята, когда шпильбергскій мученикъ занялъ въ глазахъ всей прогрессивной Италіи то мѣсто, которое ему по праву принадлежало,—все таки «Le mie prigioni» не обратили общество въ свою религію всепрощенія. Въ тогдашней Италіи, въ Италіи начала 30-хъ гг., еще оставалось подавленное движеніе, нѣкоторая скрытая энергія, еще не исчезли надежды, несмотря на неудачи карбонаріевъ, на свирѣпую реакцію австрійскаго, неаполитанскаго, пьемонтскаго и другихъ правительствъ, несмотря на видимую слабость и разрозненность боевыхъ революціонныхъ силъ. Прогрессивное общество въ критикѣ политическихъ и даже религіозныхъ взглядовъ руководилось тогда, главнымъ образомъ, соображеніемъ довольно внѣшняго, такъ сказать, характера, но весьма могущественно на многихъ дѣйствовавшимъ: критеріемъ являлось соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе этихъ взглядовъ съ жившимъ въ обществѣ духомъ протеста. Вотъ почему потрясающія страницы «Le mie prigioni», гдѣ описывается, какъ графу Марончелли въ Шпильбергѣ рѣзали ногу, или какъ тюремная администрація по небрежности забывала доставлять письма Пеллико къ роднымъ, или какъ арестанта предоставляли почти на съѣденіе комарамъ,—эти страницы, столь безыскуственныя и простыя, производили на читателей эффектъ, неизмѣримо далекій отъ грусти и прощенія врагамъ. Вотъ почему, съ другой стороны, когда началась проповѣдь Маццини,—она сразу получила такой серьезный общественный смыслъ. Она удивительно счастливо для себя явилась: въ началѣ 30-хъ годовъ прогрессивное общество было побѣждено на всѣхъ пунктахъ и многіе элементы его были близки къ совершенной апатіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ реакція не настолько раздавила оппозицію, чтобы

эта подавленность духа могла охватить, дѣйствительно, *всю* націю и длиться долгіе годы. Италія 1830-хъ годовъ не была Чехіей 1620-хъ годовъ, времени послѣ бѣлогорской битвы, не была Ирландіей послѣ усмиренія бунта 1799 года; карбонаріи были страшно обезсилены, всякая тѣнь либерализма преслѣдовалась и наказывалась, литературные и нелитературные сикофанты пользовались полнѣйшимъ раздольемъ, но раздавлена страна все-таки не была. Въ такіе-то промежуточные годы, когда дѣйствительность была печальна и казалась всесильною, когда самые, повидимому, безспорные въ моральномъ отношеніи идеалы являлись въ полномъ униженіи и посрамленіи, но когда все-таки духъ протеста окончательно искорененъ *не* былъ,—религіозная санкція общественныхъ стремленій очень часто становилась серьезною потребностью соціальной психологіи.

Та сторона мацциніевскихъ воззрѣній, которая насъ тутъ интересуетъ, выражается въ двойственной формѣ—вѣры въ божественное происхожденіе чувства любви къ свободѣ и вѣры въ посланничество итальянской націи, въ мессіанистское значеніе Италіи. Въ первомъ же нумерѣ журнала, основаннаго Мацціни, («La Giovine Italia») говорилось, что Италія должна быть республикой по всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ законамъ, по которымъ люди рождены для свободы. «Юная Италія», по словамъ Мацціни, не составляетъ секты или партіи, но она представляетъ собою вѣру и апостольскую проповѣдь; всякій, вступающій въ это общество, дѣлаетъ такъ во имя Бога, клянется работать на пользу освобожденія родины именемъ Бога, давшаго ему родину и братьевъ и, наконецъ долженъ клясться призваніемъ, даннымъ Италіи самимъ Богомъ. За нарушеніе этой клятвы измѣннику грозитъ гнѣвъ Божій, проклятіе ближнихъ и вѣчный позоръ. «Папы и короли»—таковы, по мнѣнію Мацціни, враги Италіи; деистъ, а не католикъ, онъ нигдѣ подробно не развилъ своихъ теологическихъ воззрѣній, но очень часто и довольно однообразно повторялъ и напоминалъ ихъ сущность въ своихъ прокламаціяхъ и иныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Даже природа Италіи обнаруживаетъ въ глазахъ Мацціни особую милость Божію и особое вниманіе къ его родинѣ, даже Альпы напоминаютъ о необходимости для итальянцевъ силы духа и величія. Всѣ сокровища физическія и моральныя отмѣтили Италію между народами, и всегдашнее несчастіе ея, по словамъ Мацціни, заключалось въ недостаткѣ вѣры въ призваніе націи и въ священныя права народа. Богъ разгнѣвался на Италію и въ видѣ кары за кровавыя междоусобія, наслалъ на страну рабство длящееся болѣе трехъ столѣтій (не останавливаемся на совершеннѣйшей произвольности въ опредѣленіи этого періода всего тремя столѣтіями). Иностранные властители поступили съ Италіей подобно палачамъ Христа, раздѣлившимъ одежды: они расчленили, растерзали и раздѣлили между собою итальянскій народъ. Нынѣ же

Богъ продолжаетъ гнѣваться на итальянцевъ за то, что они поддаются апатіи, усталости, трусости, не борятся съ притѣснителями, ждутъ, чтобы имъ «дали отечество», какъ нищіе ждутъ милостыни. Богъ указалъ Италіи опредѣленныя границы: Альпы и море, а посему да будетъ трижды проклятъ тотъ итальянецъ, который подумаетъ объ иныхъ болѣе узкихъ границахъ для своего отечества! Все это жадно читалось и пріобрѣтало весьма много прозелитовъ; по крайней мѣрѣ австрійское правительство (а за нимъ и остальныя) считали «юную Италію» болѣе опасною организаціею, нежели даже карбонаровъ. Эпизодъ изъ жизни самого основателя общества, происшедшій уже къ концу 30-хъ гг., какъ нельзя лучше показываетъ, нужна или не нужна была религіозная вѣра его поколѣнію. Дѣло было въ Англіи, куда Маццини переселился въ 1837 году, ибо на континентѣ ему было уже не совсѣмъ безопасно, а кое-гдѣ просто невозможно оставаться. Въ теченіе всего этого періода (т.-е. точнѣе—до 70-хъ гг. XIX вѣка) Англія была пріютомъ всѣхъ возможныхъ эмиграцій. Нужно у Герцена почитать, чѣмъ являлась эта страна для всѣхъ жертвъ политическихъ кораблекрушеній, какъ они тамъ жили и что дѣлали. Вся тоска, нищета, обостренное разстройство нервовъ, вѣчные самообманы и фантасмагоріи, частыя раздражительныя сцены между собою, сцены, болѣзненныя и обидныя, но въ которыхъ трудно искать виноватаго и еще труднѣе винить его, когда найдешь,—все это ослѣпительно ярко встаетъ со страницъ «Горныхъ вершинъ» и другихъ произведеній геніальнаго мемуариста, который былъ и жертвой, и врачомъ, и, изрѣдка, сопаціентомъ лондонской эмиграціи. Чрезъ мучительное состояніе вынужденнаго бездѣйствія, глубочайшей матеріальной нищеты, и, что хуже всего, сомнѣній въ пользѣ массы жертвъ, принесенныхъ пока на алтарѣ итальянскаго освобожденія, чрезъ всѣ эти разнообразныя физическія и духовныя пытки прошелъ и Маццини, какъ самъ онъ пишетъ въ одномъ очеркѣ, имѣющемъ автобіографическое значеніе. Одинъ разъ онъ былъ близокъ къ сумасшествію, какъ ему казалось, другой разъ собирался покончить съ собою,—религіозная вѣра въ правоту и въ конечный успѣхъ своего дѣла спасла его. Болѣе чѣмъ когда-либо религіозная нота зазвучала въ его рѣчахъ, и, напримѣръ, къ началу 40-хъ гг. онъ въ дѣлѣ пропаганды своихъ идей видитъ необходимость слѣдовать примѣру Христа и апостоловъ, учившихъ не о правахъ, но о долгѣ и воплощавшихъ въ своей жизни служеніе долгу. Въ тяжелые 30—40 гг., когда всѣ отчаянныя попытки ничѣмъ инымъ не кончались, кромѣ казней и казематовъ,—духъ общества все таки поддерживался проповѣдью Маццини, ея религіознымъ одушевленіемъ и вѣрою въ конечное торжество. Грянула гроза 1848 года, и Маццини въ обращеніи къ сицилійцамъ прямо говоритъ, что послѣ Бога любитъ больше всего свое отечество, и что Италія—«любимая Божія страна». Насту-

пила реакція, потомъ новыя событія и Маццини (въ 1861 году) повторяетъ, что «Италія есть религія», что одинъ только религіозный вопросъ первостепененъ, а политическія проблемы второстепенны, что Италіи предназначено духовно обновить все человѣчество. Значитъ, религія не была для него тѣмъ «зонтикомъ en-tout-cas», которымъ она является для одной изъ героинь Мопассана и для очень многихъ лицемѣровъ, у которыхъ она не сходитъ съ языка и которые весь свой вѣкъ нарушаютъ всѣ ея заповѣди и оправдываютъ ею всѣ свои дѣлишки; и въ счастливое время, какъ и въ несчастное. она неизмѣнно являлась для Маццини лучезарнымъ солнцемъ, откуда исходитъ все благородное, чистое и самоотверженное, что только украшаетъ человѣческую душу. Но послѣдователи Маццини и, шире говоря, все прогрессивное итальянское общество въ годину бѣдъ, въ 30-хъ и началѣ 40-хъ гг., было гораздо болѣе чутко къ религіозной сторонѣ мацциніевской доктрины, нежели въ такія времена, какъ начало 1848 года или 1859—61 гг. Очень характерно, что предъ самымъ концомъ жизни, въ 1867 году, когда уже почти все объединеніе Италіи совершилось, и только Римъ оставался въ рукахъ папы, Маццини съ горечью писалъ, что не только папство есть ложь и извращеніе истинной вѣры въ Бога, но что такая же ложь есть и матеріализмъ. Да, онъ боролся съ матеріализмомъ, владѣвшимъ тогда умами молодого поколѣнія, онъ протестовалъ противъ него, какъ противъ ложнаго, произвольнаго ученія и «источника нравственной порчи». Онъ съ горечью говорилъ объ «итальянской молодежи», увѣровавшей въ «грубый матеріализмъ», «отвергающей догматъ и Бога». Съ раздраженіемъ писалъ онъ о «брошюрѣ Фохта» или «лекціи Молешотта», проповѣдывающихъ это ученіе подъ именемъ и флагомъ науки. Онъ надѣялся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что молодежь, пойметъ неосновательность своей вѣры въ матеріализмъ, ибо на закатѣ дней своихъ именно къ молодежи и обращался. Онъ, знавшій, чѣмъ была вѣра въ Бога для него и его современниковъ въ теченіе ихъ тридцатилѣтняго кроваваго и тернистаго пути, говорилъ о матеріалистахъ и отрицателяхъ съ гнѣвомъ и болью человѣка, не только указывающаго близкимъ на ошибочность ихъ сужденій, но и какъ бы укоряющаго ихъ въ забывчивости и неблагодарности.

Отрицаніе вѣры въ Бога и въ безсмертіе души казалось ему вредной нелѣпостью, опасною въ моральномъ отношеніи, способною будто-бы превратить цѣлое поколѣніе въ трусовъ и безпринципныхъ людей. Умирая, онъ видѣлъ въ молодежи своей почти объединенной и, повидимому, почти успокоенной родины торжество отрицательныхъ доктринъ но и тутъ старый дѣятель остался послѣдователенъ въ своей вѣрѣ въ призваніе Италіи: «что для другихъ націй смерть, то для Италіи только сонъ», писалъ онъ объ этомъ тяжеломъ, съ его точки зрѣнія, моральномъ недугѣ, который охватилъ молодое поколѣніе въ 60-хъ гг.

Нельзя придумать болѣе характерной фразы для вѣрующаго итальянскаго мессіаниста...

V.

Велика и могущественна по психологическому своему воздѣйствію атмосфера историческаго успѣха, въ глазахъ огромнаго большинства людей все оправдывающая и объясняющая, и недаромъ, напримѣръ, кто-то сказалъ послѣ смерти Сесиля Родса, что онъ принадлежалъ къ числу людей, грѣхи которыхъ охотно забываетъ ихъ нація,—къ числу расширителей территоріи. Конечное торжество достигнутаго идеала всегда озаряетъ какимъ-то особымъ примиряющимъ свѣтомъ всю долгую и часто тяжелую дорогу, которую нужно было цѣлымъ поколѣніямъ пройти прежде, нежели достигнуть цѣли. Всѣ эти безпощадные (и не ждущіе пощады) враги, всѣ эти насилія, предательства, всѣ эти рептильные людишки, дѣлающіе и говорящіе безданно-безпошлинно разнообразныя гнусности, вся тупая злость съ одной стороны, всѣ промахи и необдуманности съ другой,—словомъ все, отравлявшее и губившее жизнь цѣлымъ поколѣніямъ, отходитъ куда-то въ сторону и налицо остается лишь торжествующее сознаніе, что въ данномъ мѣстѣ всего этого уже нѣтъ, вѣрнѣе, что нѣкоторыхъ формъ всего этого уже нѣтъ. Побѣда заставляетъ очень часто всѣ, самыя разнообразныя и иногда противорѣчивыя дѣйствія побѣдителей во время борьбы считать необходимыми, фатально ведшими къ побѣдѣ. «Италія нуждалась какъ въ Маццини, такъ и въ Кавурѣ», пишетъ напримѣръ, новѣйшій историкъ итальянскаго объединенія Больтонъ Кингъ въ письмѣ къ г-жѣ Кончевской, переводчицѣ его труда. Все было цѣлесообразно, все оказалось хорошо, все кстати—таковъ нерѣдко приговоръ историческаго писателя надъ побѣдителями и ихъ дѣйствіями. Изъ огромной массы разнохарактернѣйшихъ силъ, самыми разнообразными путями содѣйствовавшихъ побѣдѣ, мысль историка часто останавливается особенно обстоятельно лишь на тѣхъ силахъ, которыхъ дѣйствіе *мотивировалось* желаніемъ достигнуть намѣченной цѣли, и больше ничѣмъ инымъ, а на тѣхъ силахъ, которыя вмѣшиваясь въ борьбу, преслѣдовали другія цѣли, многіе склонны останавливаться гораздо рѣже, нежели было бы нужно. Вмѣшательство Наполеона III въ 1859 году дало объединенію Ломбардію, Бисмаркъ, воюя съ Австріей въ 1866 году, далъ тѣмъ самымъ Италіи Венецію, онъ же въ 1870 году лишилъ французовъ возможности противодѣйствовать вступленію Виктора-Эммануила въ Римъ. Очень можетъ быть, что и безъ Наполеона III и Бисмарка Венеція, Ломбардія и Римъ соединились бы съ Пьемонтомъ, но кто же будетъ отрицать, что политика этихъ государственныхъ людей, malgré eux и, во всякомъ случаѣ, безъ прямого и спеціальнаго ихъ умысла, очень сильно сократила срокъ итальянскаго объединенія? Но, обыкновенно,

и въ побѣдѣ, и въ пораженіи цѣлесообразностью или ошибочностью дѣйствій тѣхъ, которые открыто и исключительно стремились къ достиженію намѣченнаго, объясняютъ очень многое, что явилось какъ результатъ сложнѣйшей игры и столкновенія внутреннихъ и внѣшнихъ силъ, по самымъ разнообразнымъ мотивамъ вмѣшавшихся въ борьбу. Тотъ лучезарный свѣтъ, о которомъ только что была рѣчь и который въ случаяхъ побѣды, освѣщаетъ весь пройденный путь, образуетъ въ итальянской исторіи особенно блестящій ореолъ вокругъ Маццини и Гарибальди, а конечно, не вокругъ Наполеона или Бисмарка. И это не противорѣчитъ чувству справедливости, хотя опредѣленіе подлинныхъ размѣровъ исторической роли обоихъ итальянскихъ дѣятелей часто бываетъ неточно и грѣшитъ преувеличенностью.

Иначе обстоитъ тамъ, гдѣ атмосферы успѣха нѣтъ и не было, гдѣ историкъ имѣетъ дѣло съ своего рода chose perdue, съ такимъ предпріятіемъ, которое, несмотря на всѣ усилія своихъ сторонниковъ, не удалось и, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія (которые, впрочемъ, мы считаемъ вообще очень ограниченными) удастся едва-ли можетъ. Тутъ трагическій тонъ лежитъ на всѣхъ жертвахъ, оказавшихся безплодными, на всѣхъ стремленіяхъ, не приведшихъ ни къ чему, на всѣхъ воспоминаніяхъ, кончающихся горемъ и только горемъ; тутъ не только неправильно, но и глубоко несправедливо приписывать исключительно теоретическимъ или практическимъ ошибкамъ отдѣльныхъ дѣятелей также и то, что опять-таки объясняется сложными условіями почти всякой политической борьбы, вмѣшательствомъ силъ, постороннихъ по своимъ мотивамъ и внѣшнихъ по своему положенію. Если иногда цѣлыя поколѣнія повторяютъ пугливый и болѣзненный вопросъ поэта: «кто проклялъ насъ? кто проклялъ насъ?»— то несовременнику этихъ поколѣній непозволительно искать въ ихъ словахъ и дѣйствіяхъ слѣдовъ «проклятія» и на частицу причинъ сваливать объясненіе и отвѣтственность за всѣ слѣдствія.

Свѣтлая атмосфера историческаго успѣха *) въ числѣ массы другихъ явленій захватила и озарила и деизмъ Маццини, и онъ остался для исторіи одною изъ моральныхъ силъ, сыгравшихъ въ свое время благотворную для Италіи роль. Явленіе, къ которому мы теперь переходимъ, также объяснимо психологически, какъ и деизмъ Маццини, и роль его должна была быть, но не была на самомъ дѣлѣ аналогичною; оно хотѣло стать силою, и не стало ею; стремилось къ цѣли и не достигло ея, ждавшіе отъ него духовнаго обновленія не дождались ничего; на фонѣ усталости и печали оно явилось лишнимъ разочарованіемъ; въ траурѣ оно явилось на свѣтъ и въ траурѣ исчезло. Не повторять мы хотимъ несправедливыхъ и справедливыхъ обвиненій,

*) Хотя *вполнѣ* идеалъ Маццини и не былъ осуществленъ.

которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ, и отъ своихъ, и отъ чужихъ, а только напомнить въ самыхъ общихъ чертахъ его основные контуры. Есть факты, которые разсказавъ, незачѣмъ подробно объяснять, ибо рискуешь впасть въ повторенія; въ данномъ же случаѣ даже не весь фактъ, во всей своей конкретности, объяснитъ намъ себя а лишь одна характерная его особенность.

VI.

Изъ трехъ величайшихъ поэтовъ, выше которыхъ не было въ славянскомъ племени и равныхъ которымъ есть очень немного въ остальномъ человѣчествѣ, двое по характеру имѣли между собою нѣкоторыя сходныя черты, третій стоитъ одиноко. Изъ этихъ двухъ одинъ былъ русскій, другой полякъ, оба знали и любили другъ друга, оба далеко не были избалованы счастьемъ, и вотъ какъ русскій вспоминалъ о полякѣ: «онъ между нами жилъ, средь племени ему чужого; злобы — въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы его любили. Мирный, благосклонный онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ дѣлились мы и чистыми мечтами, и пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко онъ говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся...» Судьба не сберегла этихъ людей, услышали они за свою жизнь и «судъ глупца», и клевету, дѣлались жертвами злобы, мелкаго предательства, и оба оцѣнены были по достоинству, главнымъ образомъ, уже послѣ смерти. Когда рѣчь идетъ о такихъ гигантахъ поэзіи, какъ Пушкинъ или Мицкевичъ, то какъ-то представляется скучнымъ и ненужнымъ (а иногда и курьезнымъ) исключительное сужденіе ихъ по всѣмъ строгостямъ законовъ, производившееся надъ ними очень часто съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ общественныхъ убѣжденій строгихъ судей. Въ данномъ случаѣ впрочемъ, подобная работа была бы не только вполнѣ праздною, но и неумѣстною; здѣсь мы коснемся Мицкевича лишь, какъ самаго вліятельнаго послѣдователя товянизма, и единственный вопросъ, который насъ тутъ интересуетъ въ великомъ поэтѣ, заключается вотъ въ чемъ: какимъ образомъ Мицкевичъ сталъ товянчикомъ? Разрѣшеніе же этого вопроса введетъ въ сущность всего движенія.

Подобно Пушкину, Мицкевичъ влечетъ къ себѣ самою натурою своею. Было въ немъ то качество, которое авторъ «Войны и мира» называетъ душевною открытостью; былъ и широкій умъ, и широкое сердце, была веселость въ первую половину жизни, была привѣтливость, и не было той тупой педантической серьезности, которою такъ любятъ прикрываться интеллектуальныя убожества. Подобно Пушкину, онъ хотѣлъ и умѣлъ быть счастливымъ, но только судьба не дала ему счастья, а если бы не особенно неблагопріятно сложившіяся внѣшнія условія, то и онъ и Пушкинъ не остались для исторіи бы въ скорб-

номъ ореолѣ не жильцовъ на этомъ свѣтѣ. Тутъ не было чувства, такъ прекрасно выраженнаго третьимъ, отдѣльно отъ нихъ стоящимъ поэтомъ: «ужъ не жду отъ жизни ничего я, и не жаль мнѣ прошлаго ничуть»; тутъ не было погони за пулей, не было тоскливаго желанія «забыться и заснуть». Возможная для Пушкина и Мицкевича мѣра счастья не была имъ дана, но и у того, и у другого были особенно въ молодости, мгновенія, когда жизнь улыбалась имъ и манила ихъ, т.-е. такіе моменты которыхъ не было у пятнадцатилѣтняго Лермонтова писавшаго: «гляжу назадъ—прошедшее ужасно, гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной». Въ одинъ изъ такихъ немногихъ моментовъ—у Пушкина предъ женитьбой, у Мицкевича предъ несчастнымъ польскимъ возстаніемъ 1830—1831 гг.—оба поэта и встрѣтились, бродили вмѣстѣ по Петербургу и говорили о тѣхъ временахъ, когда народы соединятся въ счастливую семью и позабудутъ распри. Тогда, въ концѣ 20-хъ годовъ, предъ отъѣздомъ за границу Мицкевичъ находился въ расцвѣтѣ своего генія, въ 1828 году вышелъ въ свѣтъ «Конрадъ Валенродъ». Романтическая фигура литовскаго героя, всѣми средствами губящаго враговъ своей родины, сдѣлалась для польской молодежи какъ бы образцомъ и олицетвореніемъ политическаго борца.

Но вотъ разразилось возстаніе 1830 года съ его трагическимъ для Польши финаломъ. Это событіе застало поэта въ Римѣ, и здѣсь-то начался съ нимъ тотъ духовный поворотъ, который обратилъ свободомыслящаго Мицкевича въ мистика. Чѣмъ страшнѣе была дѣйствительность, тѣмъ настойчивѣе поэтъ хотѣлъ вѣрить въ будущее; страданія народа, по аналогіи съ страданіями Христа, должны были знаменовать посланничество этого народа между другими націями. Уже въ 1832 году, черезъ годъ послѣ взятія Варшавы Паскевичемъ начаты были «Книги польскаго народа и польскаго пилигримства», гдѣ утверждается, что Польша есть носительница христіанства, идеи всемірнаго братства и всемірной свободы, мученица и провозвѣстница этой идеи. Только въ этой гордой мысли о мессіанизмѣ и находилъ поэтъ утѣшеніе и надежду: трагизмъ настоящаго являлся аналогичнымъ крестнымъ мукамъ и трехдневной смерти,—аналогія, доведенная до конца, предполагала и воскресеніе изъ мертвыхъ. Нерадостно проходили для него тридцатые годы; глухо и мертво было все на родинѣ, ссоры и дрязги отравляли жизнь укрывшимся въ Парижѣ и другихъ городахъ Европы выходцамъ. У Некрасова есть неоконченный, брошенный отрывокъ, писанный уже въ предсмертной болѣзни; тамъ какая-то дѣвушка говоритъ, что она пришла, оставивъ близкихъ, въ лагерь: «въ бездѣйствіи застала я дружины, окончивъ день, спокойно шли ко сну и женщины, и дѣти, и мужчины, лишь межъ собой вожди вели войну». Вотъ въ подобномъ положеніи обстояло дѣло и въ разнородныхъ фракціяхъ польской эмиграціи, и это довершало печальный безпросвѣтный фонъ жизни. Къ концу 30-хъ и особенно съ начала 40-хъ

годовъ на Мицкевича обрушился ударъ уже личнаго свойства: его жена (Цецилія Шимановская) заболѣла, и болѣзнь наконецъ, стала выражаться въ возвращающихся припадкахъ помѣшательства. Мистицизмъ Мицкевича все усиливался и дошелъ до той точки, почти неизбѣжной во всякомъ мистическомъ настроеніи, когда всѣ надежды, всѣ помыслы сосредоточиваются на какомъ-либо человѣкѣ, на опредѣленной индивидуальности, долженствующей придти для осуществленія этихъ помысловъ и надеждъ. Съ 1840 года Мицкевичъ занялъ въ «Collège de France» каоедру славянскихъ литературъ, гдѣ съ первыхъ лекцій обнаружилъ самый горячій культъ Наполеона. Этотъ культъ уже давно былъ ему свойственъ, какъ и многимъ полякамъ, которые благоговѣйно относились къ памяти императора, на самомъ дѣлѣ совершенно къ нимъ равнодушнаго и смотрѣвшаго на нихъ съ чисто эгоистической точки зрѣнія. Прославленіе Наполеона, какъ свѣтлаго героя Франціи и спасителя Польши, съ начала 40-хъ гг. пріобрѣтаетъ у Мицкевича мистическую окраску вполнѣ согласно съ общимъ тогдашнимъ строемъ его умственной жизни. Но Наполеонъ былъ мертвъ, а мессіанизмъ болѣзненно нетерпѣливый и жаждущій, требуетъ живого олицетворенія. Съ Мицкевичемъ произошла галлюцинація, и это случилось въ концѣ 1840 года, когда культъ Наполеона получилъ особенную силу вслѣдствіе перенесенія останковъ съ острова св. Елены. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Мицкевичъ *): «Въ декабрѣ (дня не помню), осматривая приготовленія къ похоронамъ Наполеона, я имѣлъ среди бѣла дня видѣніе: я видѣлъ человѣка, который ѣхалъ въ одноконномъ возкѣ изъ глубины края (Литвы) въ крайней бѣдности, по грязи, въ туманѣ, и почувствовалъ, что этотъ человѣкъ везетъ великія вещи (wielkość, wielkie rzeczy). Я принялъ это не за пророческое видѣніе, а за слишкомъ живой поэтическій образъ, хотѣлъ было разсказать о немъ но, замѣчая неправдоподобіе, промолчалъ». Но прошло всего полгода, и бѣднаго поэта убѣдили, что онъ ошибался, что на самомъ дѣлѣ это было пророческое явленіе: въ іюлѣ 1841 г. къ нему въ первый разъ пришелъ въ домъ Андрей Товянскій.

Мистикъ и галлюцинатъ, эмигрировавшій потомокъ польскихъ аристократовъ, Товянскій многимъ на родинѣ казался сумасшедшимъ и, даже нѣкоторое время находился въ домѣ умалишенныхъ. Его біографы полагаютъ, что на него имѣли весьма серьезное вліяніе польскіе и западно-европейскіе мистики, особенно Вронскій, въ ученіи котораго есть ясно выраженные мессіанисткіе элементы. Вообще, мистицизмъ многихъ охватывалъ въ это тяжелое для Польши время, но ни Вронскому, ни кому другому не удалось сыграть такую роль, какъ Товян-

*) В. Макушевъ. „Андрей Товіанскій, его жизнь, ученіе и послѣдователи. По новымъ источникамъ. „Р. Вѣстн.“, 1879 г., т. 139, стр. 493.

скому. Что это былъ за человѣкъ? Онъ продѣлывалъ вещи чисто шарлатанскаго характера, но мы не рискнемъ назвать его шарлатаномъ; онъ «самосочинялся», принадлежалъ по преимуществу къ числу тѣхъ «самосочиняющихся» людей, о которыхъ мы упоминали въ началѣ этой статьи. Много безумнаго бреда было въ его проповѣди, но много и сумасшедше-горделивой убѣжденности въ своей непогрѣшимости. Замѣчательный славяновѣдъ, написавшій о Товянскомъ два изслѣдованія *), покойный проф. Макушевъ говоритъ о «штукахъ», которыя тотъ пускалъ въ ходъ въ началѣ своей пропаганды; эти «штуки» напоминали по нашему мнѣнію, скорѣе хитрость сумасшедшаго (которые, какъ давно извѣстно, бываютъ изумительно хитры и предусмотрительны въ исполненіи своихъ безумныхъ плановъ), нежели хитрость мошенника. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, у него было считанныхъ нѣсколько послѣдователей, и онъ никому не былъ извѣстенъ. Онъ рѣшилъ овладѣть всею польскою эмиграціей, и для этой цѣли прежде всего популярнѣйшимъ и самымъ виднымъ человѣкомъ парижской колоніи Мицкевичемъ. Болѣе полугода онъ готовился къ этому визиту, собиралъ справки и свѣдѣнія. Наконецъ, въ одинъ изъ іюльскихъ дней 1841 г., отправился.

VII.

Явившись къ Мицкевичу, Товянскій привѣтствовалъ его «во имя Божіе», указывая этимъ самымъ на себя, какъ на человѣка, о которомъ говоритъ ксендзъ Петръ въ третьей части «Дѣдовъ» **): «Ты поѣдешь въ далекую незнакомую дорогу; будешь въ толпѣ знатныхъ, богатыхъ и разумныхъ; ищи мужа, который знаетъ больше, чѣмъ они, и ты его узнаешь, *ибо онъ первый будетъ тебя привѣтствовать во имя Бога*; слушай, что онъ скажетъ...» Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Товянскій сообщилъ «какъ бы мимоходомъ», что изъ Литвы онъ пріѣхалъ до французской границы въ одноконной бричкѣ, а уже по Франціи путешествовалъ въ дилижансѣ; и что пріѣхалъ онъ въ Парижъ въ самый день погребенія останковъ Наполеона въ домѣ инвалидовъ! Это страшно поразило поэта, забывшаго, что онъ не держалъ въ секретѣ происшествія съ галлюцинаціей. Выходило, что Товянскій и есть этотъ пріѣхавшій «изъ глубины края» мужъ предназначенный спасти Польшу и все христіанство; подтасовки Мицкевичъ не подо-

*) Соціально-политическое ученіе А. Товіанскаго (Славянскій ежегодникъ 1882 г.); Андрей Товіанскій, его жизнь, ученіе и послѣдователи. По новымъ источникамъ. l. c. (Проф. В. Макушева † 1883 г.) съ нѣкоторыми дополненіями VII глава настоящей статьи на этихъ работахъ опирается.

**) Андрей Товіанскій, l. c. 497 и сл.

врѣвалъ, ибо не представлялъ себѣ почему-то совершенно возможности для Товянскаго узнать о видѣніи. Съ удвоеннымъ интересомъ продолжалъ онъ слушать своего страннаго гостя. Тотъ, до подробности изучившій жизнь поэта, началъ разсказывать ему о такихъ обстоятельствахъ его жизни, которыя Мицкевичъ считалъ извѣстными лишь себѣ да Богу. Онъ и вѣрилъ, и хотѣлъ вѣрить, и Товянскій хотѣлъ, чтобы онъ вѣрилъ,—результатъ не могъ не получиться именно такой, какого добивались оба собесѣдника. Товянскій затѣмъ сталъ цитировать нѣкоторыя мѣста изъ произведеній Мицкевича, давалъ имъ символистическое значеніе и уяснялъ жадно слушавшему поэту ихъ смыслъ. Обнаруживалось, что Мицкевичъ предсказалъ появленіе Товянскаго, посла Божія, который сдѣлаетъ Польшу «народомъ народовъ», спасетъ и возвеличитъ ее. По требованію Товянскаго, потрясенный поэтъ отправился въ домъ умалишенныхъ въ Ванвръ, гдѣ находилась жена его Целина, привезъ ее домой, и Товянскій немедленно ее «излечилъ», по крайней мѣрѣ къ ней тогда же вернулось сознаніе и относительное спокойствіе. (Припадки были перемежающіеся). Это довершило дѣло. Товянскій сказалъ, что самъ Богъ велѣлъ и помогъ ему вылѣчить Целину, чтобы Мицкевичъ увѣровалъ въ его миссію.

При мягкомъ, впечатлительномъ характерѣ Мицкевича, при померкшемъ для него счастьи, при безотрадной дѣйствительности, повѣрить слѣпо и безъ анализа было уже само по себѣ отрадою, а окончательно повѣрить въ то, во что онъ уже и до того вѣрилъ, но только ждалъ непосредственнаго откровенія, было еще заманчивѣе. Мессіанистъ дождался Мессіи, олицетворяющаго идею посланничества Польши между народами. Вотъ что писалъ Мицкевичъ другу своему генералу Скжинецкому въ первое время увлеченія Товянскимъ *): «моя вѣра въ слова Андрея (Товянскаго) есть результатъ всей моей жизни, всѣхъ моихъ наклонностей и трудовъ духовныхъ. Не упоминаю о мелкихъ пѣсняхъ, брошенныхъ въ свѣтъ въ молодости (Romantycznosc, oda do mlodosci), позднѣйшія произведенія, а именно «Ksiçgi pielgrzymstwa» и III часть «Dziadów» свидѣтельствуютъ, что я предчувствовалъ то, что нынѣ совершается... Выздоровленію жены моей сопутствовали чудесныя обстоятельства, описывать ихъ было бы долго. Богу извѣстно, что я пишу правду». Мицкевичъ былъ завоеванъ, чрезъ него были пріобрѣтены дальнѣйшіе послѣдователи, Товянскій произнесъ нѣсколько рѣчей-проповѣдей въ соборѣ Notre-Dame и церкви св. Северина (пока парижскій архіепископъ не запретилъ этого), и политическая секта сформировалась.

Товянскій самъ говорилъ, что онъ не принесъ *новаго* ученія, и это было совершенно справедливо, ибо въ хаосѣ мистическихъ произвольностей, составляющихъ его религію, все въ разныхъ сочетаніяхъ и

*) l. c., стр. 500 (т. 139).

дозахъ можно найти въ исторіи оккультизма и мистицизма. Ново было развѣ присвоеніе себѣ, Андрею Товянскому, посланнической роли. День воскресенія Польши близокъ, вотъ въ чемъ заключалось главное пророчество Товянскаго, а изъ этого пророчества вытекали, согласно съ вѣрою въ польскій народъ, какъ въ избранный Богомъ, всѣ остальныя пророчества о свѣтломъ будущемъ человѣчества. Дѣйствительность здѣсь была безмѣрно безнадежнѣе, нежели дѣйствительность итальянская, а поэтому центръ тяжести лежалъ въ будущемъ, мессіанизмъ поглощалъ собою все вниманіе товянчиковъ, а у Маццини, какъ мы видѣли, мессіанистскій элементъ вовсе не игралъ преобладающей роли: напротивъ, о настоящемъ, о средствахъ немедленнаго дѣйствія ни Товянскій ни Мицкевичъ не имѣли опредѣленныхъ установившихся и длящихся мнѣній, а Маццини вполнѣ категорически называлъ свои средства по имени: воспитаніе народа посредствомъ революціонной пропаганды и возстаніе, какъ дѣйствіе, пріучающее и готовящее народъ къ революціи (Маццини различалъ понятія: возстаніе и революція). Деизмъ Маццини былъ крайне простъ и по своему (хотя и искусственно) сливался съ его политическими воззрѣніями; мистицизмъ товянчиковъ былъ чрезвычайно теменъ и сложенъ, и заключалъ въ себѣ пророчества о непреложномъ будущемъ, въ несравненно большей мѣрѣ, нежели практическія указанія о дѣйствіяхъ въ настоящемъ. Мало того. Польская эмиграція, какъ сказано, дѣлилась на ссорившіяся между собою фракціи, которыя помирить еще съ начала 30-хъ годовъ очень хотѣлось доброму и чистому Мицкевичу. Въ общемъ эти фракціи дѣлились на два, отнюдь впрочемъ несплоченныхъ лагеря: въ одномъ преобладало теченіе аристократическое, въ другомъ демократическое, оба лагеря имѣли опредѣленное историческое прошлое (ихъ борьба сказалась весьма ясно въ 1830—1831 гг.) и всякій новый пришлецъ неминуемо долженъ былъ высказаться за одно изъ этихъ двухъ главныхъ дѣленій. Мицкевичъ, напримѣръ даже жаловался, что на его лекціи по исторіи славянскихъ литературъ поляки приходили какъ бы спеціально для того, чтобы узнать: аристократъ онъ или демократъ. Между тѣмъ именно по этому чрезвычайно важному пункту Товянскій отдѣлывался такими заявленіями *): «Ни аристократія, ни демократія не согласны съ духомъ Христовымъ; ни та, ни другая не знаетъ любви». Что касается до средствъ дѣйствія,—польскій пророкъ порицалъ всѣ революціи безъ изъятія, находя, что всѣ они были, есть и будутъ противны христіанству, и что единственно лишь нравственнымъ переворотомъ человѣчество можетъ произвести истинно благую «христіанскую революцію». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ училъ, что **) божествен-

*) „Слав. Ежегод." 1882, стр. 112.
**) Ibid.

ная мысль, достойно представленная предержащими властями, есть самая важная помощь, предназначенная человѣку въ его странствіи. Предержащія власти должны быть идеаломъ христіанина, вести своихъ подчиненныхъ къ исполненію воли Божіей, данной въ словѣ Божіемъ; но нынѣ онѣ вообще олицетворяютъ идею земного духа и побуждаютъ своихъ подчиненныхъ къ исполненію ея (идеи). И въ этомъ виноваты сами подчиненные». Вся сбивчивость политическихъ воззрѣній Товянскаго сказывается въ основѣ ученія, въ мессіанизмѣ. Избраннымъ народомъ оказываются то поляки, то французы и поляки, то французы, поляки и евреи. Наконецъ, почти одновременно съ культомъ Наполеона, въ товянизмѣ начали возлагать надежды на Россію, и именно на Россію Николая I. Дѣло въ томъ, что иногда Товянскій высказывался въ такомъ духѣ: поляки, а не сосѣди ихъ, виновны въ гибели Польши ибо поляки жили по земному, а не по христіанскому, и Польша была полна кривды и зла. А потому нужно теперь забыть прошлое, взаимные счеты и обвиненія. Пользуясь Божіею къ ней милостью (императора Николая I Товянскій называлъ «величайшимъ органомъ Бога на землѣ») Россія должна стать во главѣ славянскихъ племенъ, ибо славяне «народъ будущаго». Мало того, онъ даже не даетъ Россіи программы, какъ именно, какими средствами спасти славянъ и устроить «прогрессъ», въ коемъ «благо человѣчества и благо Россіи»: онъ ждетъ отъ Николая I иниціативы и только прибавляетъ, что отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ русское правительство должно будетъ отдать Господу Богу *). Такимъ образомъ, выходитъ уже, что Россія, а не Франція и не Польша начнетъ исполненіе божественной миссіи.

И во все это вѣрилъ Мицкевичъ, и почти одновременно вѣрилъ въ свои галлюцинаціи: къ нему являлся духъ Наполеона I и на французскомъ языкѣ бесѣдовалъ съ нимъ, слегка, впрочемъ, уклоняясь отъ чистоты діалекта, почему-то вмѣсто «éclaircir le globe», напримѣръ, говорилъ «illuminer le globe», что даже удивило Мицкевича. Наполеонъ намекалъ, что его духъ переселился въ Товянскаго, и совѣтовалъ французамъ слушать Товянскаго. Въ 1842 году Товянскаго выслали изъ Франціи, а въ 1843 году изъ Бельгіи; онъ много путешествовалъ и даже какъ-то во Франкфуртѣ пожелалъ, но безуспѣшно, привлечь на свою сторону Ротшильда. Въ 1844 году онъ написалъ прошеніе императору Николаю I, въ которомъ умолялъ его взять на себя продолженіе «дѣла наполеонова» для спасенія всего славянства.

Безпросвѣтный мистицимъ нависъ надъ Мицкевичемъ и товянчиками; ихъ было (кромѣ 44 главныхъ помощниковъ вѣроучителя) не особенно много. Нельзя, конечно, и сравнивать успѣха товянизма (замершаго окончательно къ концу 40-хъ гг.) съ успѣхомъ Мадцини;

*) „Славянскій Ежегодникъ“, статья проф. Макушева (1882 г.), стр. 121.

но если вспомнить общее хаотическое состояніе тогдашней польской эмиграціи, если принять во вниманіе всю дробность и поэтому незначительность ея кружковъ и отсутствіе какой бы то ни было сильной дѣйствующей организаціи,—придется товянизмъ счесть за одно изъ серьезныхъ знаменій времени. Всѣ его колебанія, противорѣчія, надежды, лихорадочно воспринимаемыя и съ раздраженіемъ покидаемыя, весь этотъ разительно противорѣчивый мистическій хаосъ мнѣній и убѣжденій, чуть не по полугодіямъ измѣняемые объекты мессіанистской вѣры,—все это владѣло умами, работающими безкорыстно надъ вопросомъ о спасеніи родины, и между ними хоть и больной, хоть и измученный жизнью, но былъ и Мицкевичъ, гордость польскаго народа и одно изъ главныхъ украшеній европейской литературы. Не только неисторично, но просто нелѣпо критиковать товянчиковъ съ точки зрѣнія послѣдовательности идей, логичности хода мысли, осуществимости идеаловъ; это почти все равно, что съ музыкальной точки зрѣнія осуждать человѣка, который въ балладѣ о епископѣ Гаттонѣ «крикомъ Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ». Товянизмъ есть крикъ сердца, не желающаго сдаться надвигающемуся на него отчаянію. Безслѣдно и грустно исчезъ съ конца 40-хъ годовъ товянизмъ; 1855 году умеръ и Мицкевичъ, движеніе лишилось самой яркой звѣзды, привлекавшей къ нему вниманіе. Дальнѣйшая исторія осѣнила прошедшее, т.-е. польскіе сороковые годы не атмосферою успѣха, а траурнымъ флеромъ; время объединенія Италіи лучезарно-освѣтившее все прошлое мацциністовъ, для Польши было одною изъ трагичнѣйшихъ эпохъ ея существованія. Поэтому и товянизму не сразу простили его мистической природы; но слишкомъ ясна была вся его незначительность, какъ живой политической силы, и еще при жизни Андрея Товянскаго (умершаго въ 1878 году) для него наступило забвеніе.

Евг. Тарле.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*

(*Окончаніе* *).

Барромео.

57.

Рано поутру сидѣла Анна Барромео въ своей неприбранной спальнѣ; локтями она уперлась въ колѣни, руки скрестила надъ головой, а лицо спрятала въ нихъ. Она до такой степени не владѣла собою, что не могла себя заставить сдѣлать нужныя распоряженія по хозяйству; одна мысль о кормежкѣ въ опредѣленные часы возбуждала въ ней въ настоящую минуту отвращеніе. Сегодня ей минуло тридцать лѣтъ, но причиной ея безграничной грусти было не безполезно прожитое прошлое, а предстоящее сѣренькое, безцвѣтное будущее. Не безъ нѣкотораго рода нѣжности къ себѣ, мысленно прослѣдила она пройденный путь, не пропустивъ даже невинно-чувственныхъ приключеній юности. Въ ея жизни не было ничего изъ ряда вонъ выходящаго. Вспомнила она также, что будучи еще ребенкомъ никогда, подобно другимъ дѣтямъ, не радовалась каждому вновь наступающему дню, но если даже ждала какого нибудь событія, все-таки всегда знала напередъ, что дѣйствительность останется далеко позади картины, нарисованной ея жадной фантазіей... Она до того твердо вѣрила въ это, что ей самой становилось непріятно въ концѣ концовъ, каждый ея поступокъ съ холодной разсудочностью сводился лишь къ тому, чтобы измѣрить пропасть между стремленіемъ и достиженіемъ и одновременно испробовать могущество своей личности. Поэтому кончилось тѣмъ, что все искреннее, все сердечное стало внушать ей что то вродѣ презрѣнія, такъ какъ для нея имѣли значеніе лишь маска, наружность, оболочка... За Барромео она вышла замужъ въ такой періодъ жизни, когда уже никакія ненадежныя мечты не могли бы заставить ее произнести хоть одно

---

*) См. „Міръ Божій“, № 8, августъ, 1903 г.

необдуманное слово. Все было ей также хорошо извѣстно, какъ актеру конецъ пьесы, которую онъ играетъ. Къ мужу она отнеслась безъ симпатіи, не задаваясь вопросомъ, что въ немъ есть и что она должна дать ему, а скорѣе какъ бы съ приказомъ: «Заслужи меня; можетъ быть и заслужишь, я же съ своей стороны постараюсь быть терпѣливой...» Съ перваго же дня она увидѣла и поняла, что можетъ воспламенить умъ этого скупого на слова человѣка лишь въ слабой степени. Что касается до свѣтскости и безбоязненнаго отношенія ко всему буднично-враждебному, то эти качества, наравнѣ съ честолюбіемъ и самоувѣренностью, казались Фридриху Барромео необходимыми для того, чтобы на новой почвѣ сызнова возвести искрошившееся зданіе своей жизни. Анна Барромео ничего не боялась, даже судьбы. И даже теперь, когда въ ней проснулась страсть, она была въ состояніи отнестись къ какому-нибудь событію міровой важности, какъ къ разсказанному анекдоту.

Поднявшись съ мѣста, она взяла ручное зеркало и мрачно стала разсматривать свое лицо. Подобно слѣпому, который, чтобы убѣдиться въ существованіи внѣшняго міра долженъ сначала долго ощупывать окружающіе предметы, такъ и она лишь въ большемъ или меньшемъ блескѣ глазъ, свѣжей влажности губъ и золотистомъ отливѣ пушка на щекахъ, умѣла распознавать неопредѣленное и въ тоже время сильное чувство сознанія своего бытія.

Наконецъ, встряхнувшись, Анна отправилась въ кухню. Едва переступивъ порогъ комнаты, она сразу преобразилась,—такъ измѣняется выраженіе лица общественнаго дѣятеля, выступающаго публично. Когда, отдавъ необходимыя распоряженія на весь день, она возвращалась по корридору къ себѣ, ей навстрѣчу попался только что вернувшійся домой Барромео. Анна пошла рядомъ съ нимъ.

— Откуда ты,—спросила она,—изъ канцеляріи или суда?

Мужъ покачалъ головой. Анна сѣла и съ безсердечной холодностью продолжала:

— Скажи на милость, гдѣ прикажешь тебя искать, когда мнѣ нужно послать за тобой? Въ шесть утра тебя уже нѣтъ дома, и никому неизвѣстно, гдѣ ты находишься. Сегодня утромъ мнѣ было необходимо полтораста гульденовъ для портнихи.

Барромео засмѣялся, т.-е. раздвинулъ губы и углы рта, и положилъ кончикъ языка между зубовъ; остальное лицо оставалось неподвижнымъ. Вынувъ изъ бумажника требуемую сумму, онъ клалъ одну кредитку за другою на столъ, причемъ разглаживалъ ихъ ладонью руки. Анна Барромео съ удивленіемъ смотрѣла на это занятіе. Потомъ опустила голову и принудивъ себя улыбнуться, сказала:

— Съ нѣкоторыхъ поръ ты исчезаешь самымъ таинственнымъ образомъ, Фридрихъ; ты что-нибудь затѣваешь?

Барромео сталъ смотрѣть въ пространство, точно его занимала ка-

кая-нибудь носящаяся въ воздухѣ пушинка, причемъ брови его сильно нахмурились.

— Да, я кое-что затѣваю—сказалъ онъ, какъ бы скандируя свои слова указательнымъ пальцемъ.

Анна была поражена; заглянувъ мужу въ лицо она быстро произнесла:

— Валескоты тебѣ кланяются; я была у нихъ вчера послѣ обѣда.

Барромео съ разсѣянной улыбкой подошелъ къ женѣ, почти любовно положилъ ей на голову руку и тихонько отогнулъ назадъ голову. Ихъ взгляды встрѣтились; Анна закрыла глаза. Потомъ она встала и съ испугомъ, хриплымъ голосомъ произнесла:

— Ты сталъ какой-то странный... Что съ тобою?

Барромео устало улыбнулся.—Часто, когда я одинъ, мнѣ кажется, что я не въ состояніи больше говорить; въ такихъ случаяхъ мнѣ приходится долго, долго разговаривать съ самимъ собой, чтобы убѣдиться, наконецъ, что языкъ пока еще повинуется мнѣ. Поэтому я думаю окончательно перестать говорить, чтобы не подвергаться болѣе подобному страху. Да и что толку въ разговорахъ?

— Фридрихъ!—воскликнула Анна, охваченная смутнымъ страхомъ.

Докторъ пожалъ плечами и принялся обѣими руками разглаживать бороду; это имѣло видъ, будто онъ опутываетъ ее невидимой паутиной.—Что съ Арнольдомъ?—спросилъ онъ, прогуливаясь по комнатѣ.—Онъ насъ избѣгаетъ. Ты не находишь, что онъ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы устранить насъ съ своего пути?

— Ахъ, что за пустяки! Онъ дѣлаетъ то же, что дѣлаютъ тысячи другихъ,—просто ему надо перебѣситься, вотъ и все,—равнодушно сказала Анна.

— Безпокоиться за него нечего,—продолжалъ Барромео и его скорбный однотонный голосъ внезапно зазвучалъ и глубже и полнѣе.

— Лѣсной звѣрь всегда найдетъ дорогу къ водопою.

— Заблуждаться насчетъ Арнольда, у тебя обратилось въ привычку,—спокойно возразила Анна.

Барромео положилъ одну руку на грудь и, глядя въ пространство, почти мечтательно улыбнулся.

— Сегодня день твоего рожденія, Анна, не такъ ли?—наконецъ произнесъ онъ.—Я думаю, мы можемъ съ спокойною совѣстью поздравлять другъ друга съ каждымъ прожитымъ годомъ. Но мнѣ хотѣлось бы сдѣлать тебѣ подарокъ... Правда, лишь пачку исписанной бумаги, находящейся въ этомъ ящикѣ. Ты прочти ихъ, но не сегодня, а... позднѣе, когда-нибудь...—Анна скривила ротъ.—Благодарю—насмѣшливо бросила она и встала съ мѣста.

— Долженъ тебѣ сообщить еще нѣчто,—продолжалъ Барромео. Я ношусь съ мыслью окончательно бросить практику.

— Этимъ ты лишь формально выполнишь то, что давнымъ давно дѣлаешь по существу—отвѣтила жена, подавляя гнѣвъ.

— Да. Я усталъ заниматься безконечнымъ крючкотворствомъ, именуемымъ правосудіемъ. Чтобы воздвигнуть плотину противъ наводненія открытыхъ злоупотребленій, нужны не мои силы. Я усталъ. Все это я окончательно уразумѣлъ не такъ еще давно, но въ тотъ день, когда уразумѣлъ, силы мои были сломлены. И все, что раньше я безсознательно предпринималъ и выполнялъ спокойно, теперь страшитъ меня. Вотъ почему я не могу долѣе продолжать своихъ занятій. Вѣдь жизнь всегда зиждется на внутренней послѣдовательности нашихъ поступковъ, и тотъ, кто всегда дѣйствовалъ скверно, не смѣетъ ни съ того ни съ сего начать стремиться къ хорошему, иначе онъ погибнетъ. Это жестокій, но непреложный міровой законъ.

— Я думаю, Фридрихъ, тебѣ слѣдовало бы какъ нибудь посовѣтоваться съ врачемъ,—серьезно и съ пренебреженіемъ замѣтила Анна и, когда Батромео отвѣтилъ на это лишь молчаніемъ, пожала плечами и вышла изъ комнаты. Въ уборной ее дожидалась парикмахерша и она разговорилась съ нею о новѣйшихъ происшествіяхъ въ свѣтѣ. Когда по окончаніи прически, она поднялась, то получилось впечатлѣніе, будто на ней надѣта корона изъ ея же собственныхъ волосъ. Потомъ Анна принялась писать пригласительные билеты на воскресенье вечеромъ. Арнольду она также заготовила карточку, но потомъ разорвала ее и на листѣ почтовой бумаги четкимъ красивымъ почеркомъ вывела: «Мой милый, можемъ ли мы надѣяться видѣть тебя у себя тринадцатаго вечеромъ? Борромео опять обижается, что ты насъ совсѣмъ забылъ, я же нахожу это вполнѣ естественнымъ. Но находя твое отсутствіе естественнымъ, я все же не могу не вспоминать о тебѣ съ бѣшенствомъ и стыдомъ. Еслибы ты самъ не забылъ, я бы умоляла тебя забыть, потому что, очевидно, ты затѣваешь игру... Но къ сожалѣнію, нельзя забавляться серьезными вещами и истиной,—иначе они отомстятъ за себя черезъ того, кто въ нихъ вѣритъ»... Анна Барромео встала и нѣсколько разъ быстрыми шагами прошлась взадъ и впередъ по устланной коврами комнатѣ; потомъ бросилась въ уголъ дивана и расплакалась, крѣпко прижимая платокъ къ лицу. Она плакала отъ бѣшенства, отъ внутренней пустоты, отъ нерѣшительности... также потому, что ея рука написала слова, въ которыя она сама не вѣрила и передъ которыми сама трусливо дрожала, когда они, точно самостоятельныя существа, какъ бы надсмѣхались надъ нею въ лицо. Наконецъ, она вытерла глаза, и не перечитывая разорвала свое письмо на сотни кусковъ, а затѣмъ написала Арнольду такой же пригласительный билетъ, какъ и всѣмъ, прибавивъ лишь въ концѣ: «сегодня послѣ обѣда я остаюсь дома одна и буду страшно скучать». Эту записку она отослала не медля и скорой почтой.

Къ завтраку она не вышла подъ предлогомъ, что ей нездоровится

и у нея нѣтъ аппетита. И въ самомъ дѣлѣ, она скушала всего два яблока. Потомъ попробовала заснуть, но взявъ итальянскій романъ около часу читала. Отъ нетерпѣнія все ея тѣло безпрестанно лихорадочно вздрагивало. Въ четыре она начала переодѣваться и выбрала темносинюю суконную юбку, съ длиннымъ шлейфомъ, такого же цвѣта тяжелую шелковую блузу и индійскій серебряный поясъ.

Пришелъ Арнольдъ; его лицо вытянулось за послѣднее время, въ глазахъ появилось выраженіе грусти, вѣки ихъ опускались гораздо рѣже, нежели у другихъ, отчего вдумчивый взглядъ казался пытливымъ и обнаруживалъ самообладаніе.

Онъ съ живостью пожалъ Аннѣ руку и тотчасъ же спросилъ какъ поживаетъ дядя Барромео.—Не былъ я у васъ не потому, что не хотѣлъ—замѣтилъ онъ—а потому что относительно людей близкихъ у меня всегда является чувство увѣренности. Мнѣ представляется, что у нихъ всегда все должно быть благополучно.

— Слѣдовательно, не былъ изъ-за самолюбія,—отвѣтила Анна.

— Да, потому что я не могу себѣ вообразить, что во мнѣ нуждаются.

Анна молча обдумывала что-то.—Какъ ты поживаешь, Арнольдъ?—спросила она.

Арнольдъ скрестилъ руки на груди и посмотрѣлъ въ сторону.—Странно: надо чтобы мнѣ сначала задали подобный вопросъ, для того чтобы я далъ себѣ отчетъ въ этомъ—съ тихой улыбкой отвѣтилъ онъ.

— Ты все еще также часто видаешься съ тѣмъ, молчаливымъ... какъ его зовутъ?

— Ханка? Нѣтъ. Онъ уѣхалъ въ Штейермаркъ и живетъ въ глухой деревушкѣ. Оттуда онъ мнѣ писалъ. Кромѣ того—Хиртлъ умеръ—вѣдь ты знаешь его?

— Да, бѣдняжка! Но его ты всегда недолюбливалъ.

— Нѣтъ, отчего же? Онъ былъ ничего себѣ... Натура нѣжная... преданный другъ... Въ общемъ, я раздумываю о своемъ будущемъ.—Арнольдъ снова улыбнулся.

— Ты хочешь сдѣлать карьеру?—со смѣхомъ спросила Анна.

— Конечно; если хочешь, можно и такъ назвать мои стремленія... Необходимо господствовать, а все остальное—пустяки, пустое...

— Но чтобы господствовать, есть иной, болѣе прекрасный путь, Арнольдъ,—сказала Анна и глаза ея засверкали.—Путь, который настолько же похожъ на твой, какъ дорожка для прогулокъ на головоломную тропинку. Развѣ ты не знаешь его? Надо быть богатымъ, вотъ что! богатымъ!—и она порывисто поднялась со стула и посмотрѣла на него... губы ея жадно смѣялись.

— У меня достаточно средствъ,—сухо отвѣтилъ Арнольдъ.

Анна насмѣшливо расхохоталась.

— Ты нищій! — воскликнула она,—да, нищій! Что у тебя есть

Нѣсколько сотъ тысячъ гульденовъ?—прекрасно. Копѣйка про черный день. Быть богатымъ, значитъ быть въ состояніи на десять миль въ окружности отъ своего жилья уничтожить все безобразное, убогое, бѣдноту, все, что мѣшаетъ... Быть богатымъ, значитъ имѣть возможность, не моргнувъ, сорвать банкъ въ Монте-Карло, еслибы даже для этого потребовалось сначала потерять нѣсколько милліоновъ... Вотъ это значитъ быть богатымъ! И еще одно: какъ можно больше дѣлать для удовлетворенія своей фантазіи, такъ чтобы даже больной забывалъ о смерти. И что въ сравненіи съ этимъ все остальное? Нищенство!

— Да, но то, что ты разсказываешь—сказки,—медленно и смущенно произнесъ Арнольдъ.

— Безъ сомнѣнія. Но полусказка содержитъ въ себѣ половину истины... И мужчина, который съумѣлъ бы понять и желать это—такого мужчину я могла бы такъ безумно полюбить, что съ наслажденіемъ, по каплѣ, пила бы его кровь... Она положила руку на голову Арнольда, ухватила клокъ его волосъ, нагнулась надъ нимъ и, вся сіяя, пристально заглянула въ глаза. Потомъ разсмѣялась и вздохнула, точно не умѣя достаточно быстро скрыть глубокую серьезность своихъ словъ.

Въ одно и то же время она отталкивала и притягивала Арнольда, и онъ чувствовалъ тоже, что чувствуетъ человѣкъ въ черезчуръ сильно натопленной комнатѣ. Печальное выраженіе въ глазахъ усилилось; онъ всталъ и сказалъ, что ему пора идти.

— Такъ ты придешь завтра вечеромъ?—спросила Анна.

Арнольдъ, подумавъ, отвѣтилъ.

— Нѣтъ; зачѣмъ? Вѣдь мы и такъ можемъ видѣться. Что я сказалъ?—тотчасъ же съ смущеніемъ спохватился онъ.

Пожимая ему руку, Анна опустила глаза, точно сторожа свои губы. И въ эту минуту она казалось высокомѣрной и безсердечной.

Невеселый и грустный вышелъ Арнольдъ изъ дому. Время близилось къ сумеркамъ. Онъ шелъ быстро, почти бѣжалъ. По лицу было замѣтно, что онъ весь ушелъ въ себя. Солнце ранней осени заставляло рдѣться окна верхнихъ этажей. Арнольда тянуло кверху, ему хотѣлось, чтобы солнце освѣщало его лобъ. За полчаса до того шелъ дождь, и когда онъ повернулъ въ другую улицу, то увидалъ на небѣ, поверхъ черныхъ облаковъ, пылающія, рѣзко разграниченныя цвѣта радуги, т.-е. увидалъ лишь крохотную часть дуги, ровно столько, сколько позволяла видѣть ширина улицы, а она было очень узка. Въ ту же минуту онъ вспомнилъ небольшую комнату въ Подолинѣ и услыхалъ слова своей матери, которыя она когда-то произнесла, указывая на цвѣтовую дугу: «Насколько твой глазъ будетъ охватывать меньшее пространство, настолько же ты утратишь и счастья». И комната, которую при этомъ нарисовало воображеніе, была не та, въ которой онъ жилъ во время своего пребыванія въ Подолинѣ. Это было разъ на-

всегда наглухо замурованное помѣщеніе, все какъ бы опутанное мирной жизнью, словно лѣсная сторожка плющемъ. Его вдругъ страшно потянуло къ деревьямъ, лѣсу, деревенской тишинѣ, потянуло вонъ изъ города. Но ѣхать въ экипажѣ, какъ богачу, которому не стоитъ никакихъ усилій приводить свои желанія въ исполненіе, ему не хотѣлось; онъ отправился на ближайшую станцію и хотѣлъ доѣхать по желѣзной дорогѣ до окраины города, а тамъ отправиться пѣшкомъ, хотя бы къ тому времени уже наступила ночь.

Поѣздъ по длинному віадуку поднимался вверхъ къ Гумпедорфу; передъ глазами Арнольда, стоявшаго у окна, въ голубовато сѣрыхъ сумеркахъ далеко раскинулся городъ; дымъ и пыль заволакивали линію горизонта, и тусклые огни лампъ въ домахъ поразительно походили на звѣзды... Безчисленныя фабричныя трубы, словно окоченѣвшіе пальцы, торчали кверху, блѣдно свѣтясь какимъ-то неяснымъ свѣтомъ. Дома рядами высились другъ надъ другомъ, сѣрые отъ пепла, времени и нищеты, и такъ же густо усѣянные окнами, какъ осиновыя гнѣзда дырами; виднѣлись дворы, въ которыхъ копошились черные люди. Одна крыша громоздилась надъ другой, и такъ до самаго неба. Тамъ, подъ голубовато-сѣрымъ, туманнымъ покровомъ ночи, ютились эти милліоны существъ, каждый вдыхая воздухъ, выдыхаемый другимъ... Но и эта картина скоро исчезла изъ виду... и Арнольдъ, не выполнивъ своего намѣренія, вернулся обратно въ городъ.

«Нельзя носу показать изъ дому, чтобы не встрѣтить цѣлую кучу знакомыхъ», подумалъ Арнольдъ. И дѣйствительно, ему же въ третій разъ приходилось останавливаться, чтобы поздороваться съ молодымъ драгунскимъ офицеромъ изъ числа знакомыхъ Валескотовъ. Но этимъ еще не ограничилось, хотя послѣдующая встрѣча была не такъ нежелательна, какъ предыдущія. Повернувъ за оперой къ центру города, Арнольдъ увидѣлъ, что кто-то съ живостью машетъ ему рукой и зоветъ по имени. Оказалось, что это Вольмутъ. Стройный, привѣтливый, изящный, какъ всегда съ розовыми щеками, поспѣшно направлялся онъ къ Арнольду и чуть не обнялъ его. Арнольдъ забылъ о своемъ дѣлѣ и, не задумываясь, пошелъ съ нимъ. Нѣсколько минутъ онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, послѣ продолжительнаго ненастья попадающій наконецъ, подъ кровъ и думающій: «ну теперь самое худшее миновало». Поэтому онъ почти испугался, когда Вольмутъ сообщилъ, что остается въ городѣ всего нѣсколько дней, но сегодня съ удовольствіемъ пообѣдаетъ и проведетъ вечеръ съ нимъ. За это время въ его жизни многое измѣнилось, онъ напечаталъ свою брошюру по политической экономіи и благодаря ей пріобрѣлъ массу друзей; затѣмъ ему предстоитъ повышеніе по службѣ; и при этихъ сообщеніяхъ чудный бѣлый лобъ Вольмута свѣтился надеждой. Очевидно, онъ наслаждался своимъ существованіемъ; благодаря тому, что предъявлялъ самому себѣ строгія требованія, онъ прекрасно умѣлъ управлять своей жизнью.

Вольмутъ не мало удивился, когда Арнольдъ ввелъ его въ свою роскошную квартиру, но ничего не сказалъ, такъ какъ никогда не тратилъ словъ на то, что уже совершилось, а на то, что имѣетъ совершиться, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ предполагать, что его выслушаютъ не только одними ушами. Разговаривая съ Вольмутомъ, Арнольдъ думалъ, какъ умѣетъ этотъ человѣкъ заранѣе устранять съ своего пути все непригодное для себя и до чего же ясны должны быть его сужденія, если онъ уже издали узнаетъ препятствія и умѣетъ избѣжать ихъ? И онъ припомнилъ слова Верены: «Я могу дать мѣсто въ своей жизни лишь тому, что мнѣ полезно». Сама она забыла свою строгую формулу и подставила лобъ бурямъ страсти. Но въ Вольмутѣ ея слова какъ бы нашли воплощеніе, и ему то онъ уже ни въ какомъ случаѣ не могъ бы возразить, какъ тогда Веренѣ: «Въ такомъ случаѣ, какъ жалка должна быть ваша жизнь!» Онъ прекрасно сознавалъ, что внутренній міръ этого прямолинейнаго человѣка былъ очень богатъ, и все, чего могъ достигнуть человѣкъ подобнаго закала, онъ достигалъ, благодаря строгой экономіи дарованныхъ ему отъ природы силъ. Онъ обладалъ холодной гармоніей натуръ лишенныхъ фантазіи; никакое оглядываніе по сторонамъ не было для него опасно, такъ какъ ни на іоту не ускоряло и не замедляло обычнаго циркулированія крови. Онъ хотѣлъ возвыситься надъ людьми, потому что между убогими ему было не мѣсто, а посредственности не находили иного средства отдѣлаться отъ него, какъ двигая его все выше. Смутно, но съ глубокой печалью, чувствовалъ Арнольдъ, что самъ онъ гдѣ-то сбился съ дороги, идя по которой могъ бы стать много выше Вольмута, ближе къ небу и жить болѣе полной, всеобъемлющей гармоніей. На лицо его легло безпокойно мечтательное выраженіе, потому что перебирая въ умѣ свое прошлое онъ очутился въ положеніи человѣка, вынужденнаго сказать себѣ: «Я прошелъ по золотымъ розсыпямъ, но не нагнулся, чтобы поднять золото, и даже никакъ не могу себѣ представить, гдѣ это было». Такимъ образомъ онъ по своему обыкновенію притягивалъ себя самого къ отвѣту, причемъ окончательно забывалъ заглядывать впередъ, въ будущее, гдѣ бы могъ найти если не золото, то хоть серебро. Среди самаго оживленнаго разговора, вошелъ человѣкъ и что-то шепнулъ Арнольду на ухо; тотъ вышелъ и корридоромъ прошелъ въ пріемную, гдѣ ждала его Анна Барромео; она встрѣтила его спокойной улыбкой.

— Мнѣ хотѣлось взглянуть, какъ ты живешь,—сказала она, причемъ ея голосъ звучалъ нѣсколько хрипловато.

Арнольдъ попросилъ извинить его на нѣсколько минутъ, пока онъ не удалитъ своего друга. Она кивнула головой и стала перелистывать альбомъ съ видами, а онъ пошелъ къ Вольмуту и откровенно признался, что не можетъ долѣе оставаться съ нимъ. Еслибы даже можно было обидѣться на подобное заявленіе, и тогда Вольмутъ не сдѣ-

лалъ бы это, такъ какъ не былъ изъ числа обидчивыхъ. Онъ относился къ людямъ почти что съ прописною прямотою.

Проводивъ друга и вернувшись въ пріемную, Арнольдъ уже не засталъ тамъ Анны: она прошла въ смежную библіотечную комнату, забилась въ уголокъ дивана, откинулась назадъ и положила голову на спинку; глаза ея неподвижно были устремлены въ пространство.

Арнольдъ притворилъ дверь и молча остановился.

— Который часъ?—Спросила Анна, не шевелясь.

— Безъ четверти пять, — отвѣтилъ Арнольдъ. Съ лица у него исчезъ малѣйшій признакъ безпечности и оно приняло очень серьезное выраженіе.

— Въ такомъ случаѣ у меня въ распоряженіи еще цѣлый часъ— сказала Анна и медленно выпрямилась. — Подойди сюда Арнольдъ, взгляни на это кольцо.

Арнольдъ подошелъ, взялъ его, повертѣлъ нѣкоторое время въ рукахъ и наконецъ замѣтилъ:

— Зачѣмъ мнѣ смотрѣть на него? Самое обыкновенное кольцо.

— Если ты будешъ носить его, то пріобрѣтешь надо мною власть— шутя отвѣтила она.

Арнольдъ поспѣшно окинулъ ее помутившимся взглядомъ, потомъ снова посмотрѣлъ на кольцо, механически улыбнулся и, возвращая, сказалъ:—Власть надъ тобою и безсиліе надъ собою. Не такъ ли?

— А ты ни о чемъ кромѣ этого не думаешь?—И Анна подняла на него глаза, они до того ярко блестѣли, что бѣлки отливали синевой.

— Ты жена Фридриха Барромео—запинаясь произнесъ Арнольдъ, засунулъ руку въ карманъ и принялся позвякивать ключами.

— Это правда,—спокойно возразила она и покосилась на полъ, причемъ ея губы казались краснѣе обыкновеннаго.—Но вотъ что, Арнольдъ,—и она протянула впередъ руку, на локоть которой до того опиралась.—Мнѣ тридцать лѣтъ, и у меня нѣтъ дѣтей.

Она произнесла все это чрезвычайно спокойно, увѣренно, почти улыбаясь. Лицо же Арнольда, наоборотъ, омрачилось и какъ-то сжалось отъ страха; сердце билось неровно; цѣлую секунду онъ, точно въ ужасномъ снѣ, боялся за свою жизнь.

— Я признаюсь тебѣ,—снова начала Анна и голосъ ея зазвучалъ равнодушно — нѣкоторое время я возилась съ Валескотомъ, но дойти до чего нибудь серіознаго у насъ не могло. Онъ слѣпъ, нѣмъ, глухъ и интересуется лишь разнаго рода приключеніями. Въ одинъ прекрасный день онъ забылъ свою роль и я выгнала его — игра становилась опасной. Но за все, что я дѣлаю, я готова держать отвѣтъ.

— Арнольдъ ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и крѣпко стиснувъ влажные пальцы. Вдругъ онъ остановился.—Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это?—Спросилъ онъ и взоръ его потухъ.

— Или... или... онъ сдѣлалъ два шага къ Аннѣ и поднялъ голову:

или тебѣ извѣстно, что я уже раньше зналъ это?—Анна удивилась, она слегка покачала головой и съ ея губъ, точно вздохъ, сорвалось разочарованное ахъ! — Потомъ оба замолчали, Анна положила голову на руки и спустя немного, будто говоря сама съ собою, сказала:

— Это вышло какъ-то некрасиво... стало быть, перейдемъ къ другой темѣ разговора.

Арнольдъ не разслышалъ ея словъ; только ихъ чистый звукъ смутилъ его; неизвѣстно почему, но неподвижный хаосъ въ душѣ его вдругъ пришелъ въ движеніе и за это онъ почувствовалъ къ ней благодарность. Его мысли были слишкомъ тяжелы, онъ былъ не въ состояніи вдуматься въ сущность чуждой силы, случайно проникшей въ его жизнь—какъ только въ немъ начинало говорить сердце, онъ не спрашивалъ, какъ и почему. Онъ жаждалъ безграничной и все охватывающей страсти, какъ заключенный жаждетъ свободы, хотя бы изъза нея ему пришлось потомъ умирать съ голоду и жажды. Онъ придумалъ странный способъ испытать себя: ходя взадъ и впередъ по комнатѣ сравнивать ощущенія, испытываемыя имъ вблизи Анны, съ тѣмъ, что чувствовалъ на противоположномъ концѣ комнаты. Отъ нея исходило что-то бурное, похожее на лѣсной пожаръ, магически освѣщающій стволы и верхушки деревьевъ, отчего ночь вокругъ кажется еще темнѣе. Арнольда охватывалъ и страхъ, и необузданная страсть. По дорогѣ, свернувшей далеко въ сторону отъ первоначальнаго пути, онъ все шелъ да шелъ впередъ, съ опущенною головою, зажмуренными глазами, не смѣя справляться съ своимъ внутреннимъ голосомъ изъ боязни, что безнадежность отвѣта еще болѣе подтолкнетъ его продолжать ложный путь. Непомѣрная фальшъ и высокомѣріе слабыхъ окончательно овладѣла имъ, и онъ сказалъ, останавливаясь передъ Анной:—Я не могу быть счастливымъ, живя во лжи. Да, Анна, я отлично сознаю, что мы должны бы быть другъ для другъ не тѣмъ, что мы теперь... Но я не могу жить во лжи.—Вотъ что.

Странно, но Анна улыбнулась, почти дѣтской, полумечтательной, полусочувственной улыбкой...—Предположимъ, что все будетъ по твоему—сказала она—предположимъ что все совершится по правдѣ...

Переходя отъ горя къ угрызеніямъ совѣсти, точно носясь между двумя высокими скалами, Арнольдъ неувѣренно отвѣтилъ:—Это... это немыслимо.

— Конечно. Ты не желаешь потерять въ мнѣніи Барромео,—сказала Анна, какъ будто ее интересовала лишь нравственная сторона всего этого.

Арнольдъ молчалъ.

— Ну теперь мнѣ пора, сказала она вставая. Слушай, Арнольдъ, завтра вечеромъ я буду одна: Фридрихъ ѣдетъ въ Пресбургъ. Хочешь придти ко мнѣ?

— Завтра вечеромъ?—Арнольдъ поколебался, словно припоминая

нѣтъ ли у него другихъ обязательствъ, потомъ обѣщалъ придти. Анна подала ему руку и ушла. Онъ же, весь охваченный внутренней дрожью, безпокойно принялся ходить взадъ и впередъ по анфиладѣ комнатъ.

59.

Послѣ двухчасового сна Фридрихъ Борромео проснулся въ пять утра. Онъ взялъ спички и зажегъ свѣчу, потому что лежать въ темнотѣ ему стало невыносимо. Онъ впередъ зналъ, что ему нечего надѣяться заснуть вторично, а потому, какъ только его слуха коснулись первые утренніе звуки и внизу въ домѣ послышалась ходьба прислуги, онъ медленно началъ умываться и одѣваться и къ шести уже былъ готовъ. Но куда дѣть свободное время? на что употребить? До того момента, когда снова можно будетъ раздѣться и лечь въ постель, какъ наканунѣ, пройдетъ девятьнадцать, а то и цѣлыхъ двадцать часовъ. И каждый-то изъ этихъ часовъ подкрадется къ нему отдѣльно и вызоветъ на своего рода поединокъ, и отъ такой безсмысленной борьбы по вечерамъ имъ овладѣвало такое утомленіе, что онъ со страхомъ ждалъ пробужденія послѣ короткаго сна. Онъ пугался звуковъ, возвѣщающихъ приближеніе дня, одинаково боялся какъ свѣтопредвѣстника солнца, такъ и мрака, а жаждалъ сумерокъ. Не любилъ жизни, но не желалъ и смерти, а хотѣлъ найти гдѣ-нибудь посединѣ, между тѣмъ и другимъ, укромное убѣжище подальше отъ всякихъ мыслей, воспоминаній, ожиданій, чувства отвѣтственности... хотѣлъ какъ нибудь заползти въ центръ вертящагося круга и укрыться тамъ на неподвижной точкѣ...

Онъ самъ не съумѣлъ бы указать, благодаря какимъ вліяніямъ его тѣло и духъ постепенно подверглись этому необыкновенному процессу разложенія и въ какое время онъ окончательно овладѣлъ имъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнилъ, въ основѣ его словъ и поступковъ замѣчалось полное отсутствіе жизнерадостности: онъ вѣчно предсказывалъ дурную погоду и плохой конецъ предпріятій, наиболѣе обѣщавшихъ успѣхъ. Съ годами онъ сталъ только еще молчаливѣе и пересталъ высказывать свои предположенія, потому что этимъ все равно не могъ помѣшать исполненію неотвратимаго. Первый бракъ съ болѣзненной и болтливой женщиной много способствовалъ тому, что онъ ушелъ въ себя и въ короткое время совершенно отучился свободно и удобопонятно общаться съ окружающими. Онъ одинаково ничего не признавалъ достойнымъ ни увлеченія, ни ненависти; былъ очень терпѣливъ и это качество проникало все его существо, а поступки, мысли и внѣшнее обращеніе, въ то же время отличались необыкновенною порядочностью. Два года спустя послѣ смерти Матильды, онъ женился на Аннѣ, потому что она внушала ему уваженіе и еще позднѣ его сердце согрѣлось первой любовью,—любовью къ Арнольду Анзорге.

Улицы были уже залиты прохладнымъ золотомъ ранняго солнца, когда Барромео вышелъ изъ дому. Онъ направился къ Верхнему рынку и боязливо протискался сквозь базарную давку. Въ кафэ онъ съ необыкновенной медлительностью напился кофе, старательно прочелъ утреннія газеты, заплатилъ и отправился въ свою канцелярію. Пришелъ онъ туда первымъ, человѣкъ еще не успѣлъ даже вымести кабинетъ и пыль, играя въ солнечныхъ лучахъ, стлалась бархатной дорожкой наискось, черезъ всю комнату. Барромео безпокойно сталъ ходить взадъ и впередъ. Одинъ за другимъ появлялись заспанные писцы, небрежной суетой стараясь прикрыть полное отсутствіе участія. Взявъ первый попавшійся судейскій актъ, Барромео принялся за чтеніе. Это занятіе прервалъ приходъ знакомаго адвоката, человѣка еще очень молодого, желавшаго получить кліентуру Барромео. Они не могли придти къ соглашенію, и послѣдній съ досадой прекратилъ разговоръ, объявивъ, что ему надо ѣхать въ Пресбургъ. Хотя въ его распоряженіи оставалось еще около часу, онъ взялъ шляпу и пальто и размѣренною, нѣсколько раскачивающеюся походкой направился къ вокзалу. Тамъ онъ занялъ третье купе, и далъ кондуктору на чай, чтобы тотъ никого не пускалъ къ нему.

Поѣздъ тронулся и Барромео закрылъ глаза, но внезапно въ немъ поднялось непреодолимое отвращеніе къ цѣли своей поѣздки. Ему показалось невыносимымъ снова увидать озабоченныя физіономіи и снова принимать участіе въ многословныхъ разсужденіяхъ. Онъ не хотѣлъ говорить, слушать, усиленно обдумывать отвѣты, улыбаться, спрашивать, кивать головой, кланяться... Не желалъ пережевывать тѣ безразличные, старомодные, суконные обороты рѣчи, съ помощью которыхъ только и возможно устанавливать взаимное пониманіе людей.

Доѣхавъ до первой станціи, онъ взялъ портфель подъ мышку и отправился гулять въ лѣсъ, что начинался сейчасъ же позади вокзала. Но гулялъ онъ недолго—одиночество и тишина внушили ему такой страхъ, что кожа на груди натянулась и подернулась конвульсивною дрожью. Но сейчасъ же вернуться обратно—онъ уже не рѣшался, а опустился на поваленный древесный стволъ, предварительно старательно раздвинувъ полы сюртука. «Что со мною?» думалъ онъ, во мнѣ возбуждаютъ одинаковый ужасъ какъ базарная и уличная толкотня, такъ и лѣсная тишина и спокойствіе». Вытащивъ перочинный ножъ, онъ до тѣхъ поръ скоблилъ имъ толстую кору ствола, на которомъ сидѣлъ, пока не обнажилась желтая, сырая древесина; тогда онъ вздохнулъ, всталъ и пошелъ обратно къ станціи, а оттуда послалъ извинительную телеграмму туда, гдѣ его напрасно поджидали.

Съ слѣдующимъ поѣздомъ, приходившимъ довольно поздно, онъ отправился обратно въ городъ. Ему не хотѣлось идти въ канцелярію, потому что и тамъ по всѣмъ вѣроятіямъ его ждали разныя дѣла; домой ему также не хотѣлось, и онъ снова пошелъ въ ближайшее

кафэ, но на этотъ разъ занялся чтеніемъ не утреннихъ, а уже вечернихъ газетъ.

Когда ему надоѣло это занятіе, онъ откинулся къ спинкѣ дивана и сталъ смотрѣть въ пространство. Одни четверть часа проходили за другими... Онъ почувствовалъ голодъ, но съѣлъ всего одинъ бутербродъ. Обширный залъ пустѣлъ; было около половины десятаго, когда онъ рѣшился встать съ мѣста. Снова взявъ портфель подъ мышку, какъ-то странно мигая глазами и ни о чемъ не думая, онъ отправился по пустыннымъ улицамъ къ себѣ.

Безпокоить онъ никого не желалъ и поэтому, стараясь не шумѣть, прошелъ въ свою комнату. Ему захотѣлось умыться, но такъ какъ его не ждали на ночь домой, то въ кувшинахъ не оказалось воды Онъ придавилъ кнопку звонка, ведущаго въ кухню, но никто не являлся. Подождавъ немного, онъ, наконецъ, зажегъ свѣчу и самъ отправился туда, не было десяти и дѣвушки врядъ ли уже легли спать. Въ кухнѣ все было темно. «Развѣ Анна отослала ихъ изъ дому?» подумалъ онъ. «Можетъ быть, и ея самой нѣтъ дома?» Онъ отворилъ дверь въ гостиную. Темно, но въ дверную щель изъ слѣдующей комнаты проникалъ свѣтъ. Со свѣчей въ рукахъ Барромео по ковру направился къ ней и услыхалъ тамъ какой-то шопотъ и бормотаніе. Нажавъ дверную ручку, онъ осторожно пріотворилъ дверь, такъ какъ изъ необычайной скромности не рѣшался открывать ее больше, чѣмъ нужно было для прохода. Сначала онъ разсмотрѣлъ только кусокъ темной портьеры, которой была занавѣшана дверь съ той стороны, а потомъ и часть комнаты. На лицѣ его изобразился величайшій ужасъ, руки опустились, ротъ раскрылся... Снова притворить двери, онъ не осмѣливался: они ничего не слыхали и не могли видѣть изъ-за портьеры, что она открыта. Дойдя до корридора, онъ выронилъ свѣчу и ощупью, по стѣнкѣ, добрался до своей комнаты, гдѣ горѣла газовая лампа. Съ его губъ непрерывно слетали какіе-то протяжные, точно воющіе звуки, и онъ ничкомъ повалился на диванъ.

60.

Анна Барромео, узнавъ поутру, что мужъ вернулся наканунѣ вечеромъ, быстро встала, отправилась къ нему и постучала въ дверь. Отвѣта не послѣдовало. Думая, что онъ еще спитъ, она тихонько ушла, окончила свой туалетъ и вышла изъ дому. Когда около полудня она вернулась, дѣвушка доложила, что баринъ еще не выходилъ, но все время прогуливается по своей комнатѣ взадъ и впередъ, такъ что она не осмѣливалась войти къ нему, чтобы убрать.

Не снимая ни шляпы, ни накидки и ничего не отвѣчая, Анна корридоромъ прошла къ мужу. Войдя въ комнату, она съ удивленіемъ замѣтила, что постель не смята. Фридрихъ стоялъ у окна къ ней спиной; услыхавъ шаги, онъ со свинцовою медленностью повернулся.

*

При его видѣ она такъ испугалась, что не то тихо вскрикнула, не то вздохнула.

— Ты нездоровъ, Фридрихъ?—спросила она, помолчавъ, отяжелѣвшимъ языкомъ. Барромео не отвѣтилъ. Онъ смотрѣлъ куда-то мимо нея, причемъ его вѣки нѣсколько разъ опустились и вновь поднялись, точно у восковой фигуры.—Фридрихъ!—вновь воскликнула Анна, охваченная страхомъ.

— Ничего, Анна,—сказалъ онъ тихимъ, тягучимъ голосомъ, ничего, успокойся.

— Развѣ ты не ложился спать?

Онъ пожалъ плечами и вдругъ обѣими руками ухватилъ свою бороду и сталъ теребить ее, точно сердясь на ея растрепанность. Анна подняла вуалетку на лобъ и, когда мужъ направился къ ней, механически отступила. Но онъ прошелъ мимо, повернулся и вновь подошелъ къ окну, гдѣ спокойно остановился. Робко и какъ бы обдумывая что-то. смотрѣла Анна въ землю, потомъ торопливо вышла изъ комнаты, позвонила человѣку и послала за домашнимъ врачомъ. Полчаса спустя докторъ явился. Это былъ серьезный, маленькій дѣловитый человѣчекъ. Въ ожиданіи того, что онъ скажетъ, Анна не дотрагивалась до поданнаго завтрака. Докторъ вышелъ изъ комнаты Барромео уже черезъ нѣсколько минутъ.

— Сударыня,—сказалъ онъ,—вашъ супругъ очень измѣнился. Но вы, конечно, пригласили меня не для констатированія этого факта. Дѣло въ томъ, что онъ не позволилъ мнѣ даже пощупать пульса, а просто-на-просто прогналъ.

— Благодарю васъ, докторъ,—ласково сказала Анна,—я сама ровно ничего не понимаю; еще вчера онъ былъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи...

Докторъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть, какая-нибудь дѣловая катастрофа, хотя къ такимъ вещамъ онъ всегда относился довольно равнодушно... Его видъ мнѣ очень подозрителенъ: чертовски похоже на психическое разстройство. Во всякомъ случаѣ, надо выждать слѣдующія сутки...

Разговоръ съ постороннимъ лицомъ нѣсколько успокоилъ Анну. Она сѣла къ столу, наскоро проглотила нѣсколько кусковъ и послала дѣвушку доложить барину, что кушанье подано. Но ей отвѣтили, что мужъ нѣсколько минутъ тому назадъ вышелъ. Она устала и хотѣла воспользоваться полуденнымъ временемъ, чтобы немного отдохнуть, но явилась модистка съ моделями осеннихъ шляпъ.

Вскорѣ затѣмъ Анна вышла, наняла закрытый экипажъ и поѣхала къ Арнольду. Его не было дома, и она осталась его дожидаться. Прошелъ часъ, она позвонила и попросила у человѣка стаканъ воды. Прошло еще съ полчаса, и, наконецъ, онъ явился; вошелъ онъ въ гостиную прямо въ пальто, держа въ повисшей точно плеть рукѣ шляпу, но лицо изобличало душевныя страданія и растерянность; взглядъ сначала

какъ бы впивался въ предметъ, потомъ почти боязливо начиналъ скользить по сторонамъ, ища на чемъ бы остановиться.

Съ досадой и торопясь сбросилъ онъ пальто.

— Я заставилъ тебя ждать? Давно?—спросилъ онъ, не спуская съ нея глазъ; потомъ сѣлъ рядомъ и взялъ обѣ ея руки; движенія его были полны доброты и ласки.

— Оставь, Арнольдъ,—отвѣтила она и, высвободивъ руку, взяла его за подбородокъ и немного приподняла голову. Онъ улыбнулся, глядя на ея шею.

— Мнѣ приходитъ кое-что въ голову,—сказалъ онъ, отстраняясь, и голосъ его зазвучалъ иначе, чѣмъ прежде, тусклѣе и глубже, точно долеталъ издалека. Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Пока Анна оставалась одна, ей пришла въ голову мысль, ужаснувшая ее; приложивъ обѣ узкія руки къ лбу, она стала раздумывать. Болѣе всего она ненавидѣла всякую неизвѣстность и поэтому рѣшила сегодня же положить конецъ своимъ сомнѣніямъ. Но за нѣсколько минутъ, что она оставалась одна, съ ея непроницаемымъ въ обычное время лицомъ произошла такая перемѣна, что Арнольдъ, возвратившись, посмотрѣлъ на нее съ нѣмымъ вопросомъ. Слова казались ему опасными, и онъ иногда по цѣлымъ часамъ молчалъ, лишь бы не выдать себя головой. Но молчали не только его уста — это бывало и въ прежнія времена, которыя онъ прекрасно помнилъ,—но теперь иногда самая его душа точно замирала.

Онъ принесъ маленькій футлярчикъ, въ которомъ на черномъ бархатѣ лежала старинная брошь въ видѣ букетика цвѣтовъ; стебельки, свободно связанныя, были сдѣланы изъ золота, а чашечки цвѣтовъ изъ тонко обдѣланныхъ драгоцѣнныхъ камней.

— Это принадлежало моей матери,—сказалъ онъ,—возьми, я дарю ее тебѣ.

Анна смотрѣла на брошь и не могла побороть въ себѣ страннаго чувства страха, медленной дрожью пробиравшагося по ея спинѣ; она даже чувствовала, какъ между платьемъ и тѣломъ у нея пробѣгаетъ холодная струя, и платье какъ бы отдѣляется отъ кожи.

— И ты полагаешь, что я смѣю носить ее? Но вѣдь я не имѣю на это никакого права,—сказала она и пристально посмотрѣла на Арнольда горящими, но безстрастными, голубовато-стальными глазами. Лобъ его нахмурился.

— Что же намъ дѣлать?—пробормоталъ онъ, точно говоря съ самимъ собою и бросилъ робкій, почти умоляющій взглядъ на небо.

— Я возьму ее,—продолжала Анна,—но, надѣвая, стану думать не о тебѣ, а о той, что даровала тебѣ жизнь. Ну, а теперь идемъ: ты долженъ сегодня поужинать со мною и Фридрихомъ.

— Съ тобою и... Не могу, Анна, — и Арнольдъ положилъ лѣвую руку на сердце и потомъ снова повторилъ:

— Нѣтъ, Анна, не могу; все что хочешь, но не это. Не теперь... не сегодня.

— Этого-то я и боялась,—серьезно произнесла она, по своей привычкѣ опираясь локтями въ колѣна и низко опуская голову.

— А я... я могла бы присутствовать при томъ, какъ ты разсказываешь ему всю правду... Не можемъ же мы пасть такъ низко, чтобы состраданіе или боязнь помѣшали намъ держать голову, какъ хотимъ? Неужели же мы позволи себѣ лишь маленькое развлеченіе въ сферѣ недозволеннаго? Подумай, Арнольдъ, можешь ли ты поступить иначе, нежели какъ я требую? Послѣ первыхъ же словъ, сказанныхъ тобою Фридриху, я буду имѣть право спокойно носить эту хорошенькую вещицу, — и она кончиками пальцевъ взяла брошь и приложила ее къ губамъ. Но все это она говорила лишь съ цѣлью позондировать почву—въ этомъ была вся суть. Она сама не ждала, что Арнольдъ сейчасъ же выступитъ передъ Барромео съ признаніемъ, но хотѣла знать, на что можно разсчитывать, когда наступитъ для этого подходящій моментъ. Ей доставляло удовольствіе танцовать у самого огня. Къ тому же хотѣлось знать, догадывается ли о чемъ-нибудь или не знаетъ ли чего-нибудь мужъ, и если да, то нѣтъ ли связи между его непомятой постелью и этимъ знаніемъ?

Арнольду стало стыдно; онъ находилъ, что Анна права. Но отъ одной мысли, что ему предстоитъ, онъ смертельно блѣднѣлъ; ему казалось даже, что эта блѣдность по языку и деснамъ проникаетъ внутрь его.

— Я думаю вотъ о чемъ,—сказалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.—Не пожелаетъ ли Барромео поселиться въ Подолинѣ? Тамошняя тишина и покой могутъ показаться ему заманчивыми.

Анна ничего не возразила и встала, такъ какъ было пора идти домой. Арнольду хотѣлось удержать ее—ея присутствіе и наружность возбуждали его. Онъ презиралъ и боялся этого чувства, но не могъ противостоять ея взгляду и улыбался, когда улыбалась она. За это онъ ненавидѣлъ и презиралъ самого себя. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ чувствовалъ себя выше ея — по уму, по образованію, по пониманію жизни, и все-таки въ ея присутствіи все замирало въ немъ, и онъ переставалъ бороться. Не потому, что становился безвольнымъ и слабосильнымъ, а потому, что и сила, и воля становились при ней ложными и вступали на путь, на который имъ не слѣдовало бы вступать. Какъ много ему нужно было забыть! И въ ея присутствіи онъ все забывалъ и думалъ, что за это долженъ благодарить ее. «Во всемъ этомъ нѣтъ и слѣда любви,—признавался онъ себѣ,—ни слѣда ослѣпляющей страсти... но что же это въ такомъ случаѣ? развѣ я слѣпо подчиняюсь ей или въ силу прихоти захотѣлъ во что бы то ни стало овладѣть ею?» Странно, онъ припоминалъ далекое прошлое, Зальцу и болѣе несложныя и болѣе невинныя любовныя наслажденія, которыя испы-

тывалъ съ нею... Но какъ только подвергалъ анализу дѣйствительность, такъ сейчасъ же начиналъ лгать себѣ относительно воспоминаній. Да, кровь въ немъ бурлила, но ее сторожило и подкарауливало что-то молчаливое и ужасное, чему трудно было подобрать названіе. Идя съ Анной по улицѣ, онъ мысленно съ дикой рѣшимостью отрѣшался отъ своего прошлаго и рѣшился жить только настоящимъ, но зато вполнѣ насладиться имъ и, не задумываясь, устранять все, что враждебно загораживало ему къ этому путь. За эту мысль онъ ухватился, чтобы хотя подобіемъ своей правоты ожесточить сердце.

— Баринъ дома? — спросила Анна, какъ только Христіанъ отперъ двери; тотъ отвѣтилъ утвердительно.—Хорошо, продолжала Анна, снимая шляпу, вуаль и жакетку.—Черезъ четверть часа мы сядемъ обѣдать. Доложите барину, что я его жду; одна я, поняли? У насъ никого нѣтъ.

Они вошли въ столовую.—Что это значитъ?—опуская глаза, тихо спросилъ Арнольдъ.—Почему онъ не долженъ знать, что я здѣсь?

Анна совсѣмъ близко подошла къ нему и внимательно разглядывая свои ногти отвѣтила:—Онъ вернулся вчера вечеромъ, неизвѣстно когда, и я боюсь...

Арнольдъ содрогнулся всѣмъ тѣломъ. Потомъ вдругъ всплеснулъ руками и отвернулся. Анна почти строго посмотрѣла на него.—Что же, Арнольдъ?—спросила она—У тебя не хватаетъ смѣлости?

Онъ повернулся, покачалъ головой и засмѣялся. Вошелъ Христіанъ и доложилъ—баринъ ничего не изволили отвѣтить.

— Сядемъ пока, — сказала Анна тономъ свѣтской женщины. И только что они сѣли къ столу, какъ дверь отворилась и на порогѣ показался Барромео.

Но при видѣ Арнольда, съ его лица исчезла обычная блѣдность и оно вспыхнуло, чего раньше съ нимъ никогда не случалось. Мутнымъ, мигающимъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ на племянника, потомъ снова вышелъ и безъ шума притворилъ за собою двери. Анна съ Арнольдомъ снова очутились вдвоемъ; они долго молчали.

— Твоя идея относительно Подолина очень хороша,—наконецъ произнесла она, улыбаясь какъ человѣкъ, которому посчастливилось разрѣшить трудную загадку.—Дальше такъ продолжать онъ не можетъ. Онъ и безъ того давно уже пересталъ жить съ людьми. Для него это самый лучшій исходъ, а для насъ самый спокойный и простой.

Арнольдъ не отвѣчалъ.

— Я не хочу откладывать дѣло въ дальній ящикъ,—продолжала она,—пойду и переговорю съ нимъ.

— Да, переговори,—глухо повторилъ Арнольдъ, и его глаза вспыхнули той обманчивой рѣшимостью, что такъ часто нападала на него за послѣднее время.

Анна встала и вышла. Въ корридорѣ она услыхала какіе-то стран

ные звуки; передняя была освѣщена, но чтобы попасть въ комнату мужа, ей надо было въ полутьмѣ завернуть за уголъ; тамъ-то она внезапно наткнулась на Борромео; онъ стоялъ неподвижно и что-то бормоталъ про себя.—Фридрихъ, Фридрихъ! — съ испугомъ воскликнула Анна. Вмѣсто отвѣта онъ продолжалъ бормотать: наконецъ ей удалось разобрать слова:—Я не могу идти дальше—тамъ темно.—Подавивъ испугъ, Анна зажгла свѣчу, стараясь не привлечъ вниманія прислуги и стала свѣтить мужу.

Въ комнатѣ Барромео было холодно. Онъ накинулъ на плечи красный, клѣтчатый плэдъ. Анна поставила свѣчу на столъ и нѣкоторое время задумчиво смотрѣла въ ея пламень.—Фридрихъ,—наконецъ начала она,—неизбѣжное совершилось... этого не могло не совершиться по многимъ причинамъ... Но ты долженъ избавить себя и насъ отъ всего излишне-мучительнаго, отъ всего, чего можно избѣжать... Я предлагаю тебѣ прожить нѣсколько лѣтъ въ тишинѣ, въ деревнѣ. Нервы твои очень потрясены и для тебя это будетъ во всѣхъ отношеніяхъ самое лучшее.

Барромео стоялъ неподвижно, прислонившись къ дверямъ; его лихорадило.—Я не могу жить въ деревнѣ—сказалъ онъ.

А въ городѣ ты себя плохо чувствуешь — съ ласковымъ укоромъ возразила Анна.—Гдѣ же ты хочешь жить?

— Нигдѣ.—Нигдѣ, совершенно вѣрно, нигдѣ—прошепталъ Барромео.

— Слѣдовательно ты желаешь скандала?—уже гораздо серьезнѣе продолжала жена,—ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я не хочу жить въ одиночествѣ, среди природы, Анна. Я погибну тамъ,—сказалъ Барромео, сразу противъ своего обыкновенія начиная волноваться.

Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Можетъ быть, ты желаешь путешествовать, Фридрихъ?—ласково предложила она.

Онъ устало покачалъ головой.

— Слушай,—снова заговорила жена.—Что, если бы ты поселился въ Подолинѣ и тамъ... За тобой былъ бы прекрасный уходъ. — Она замолчала. Барромео холодно, большими глазами поглядѣлъ на нее и потомъ медленно возразилъ:—Подолинѣ?—Я?—Онъ подошелъ къ столу и обѣими руками оперся на его доску. — Скорѣе тутъ же погибнуть—пробормоталъ онъ про себя. Анна удивилась — Арнольдъ этого желаетъ,—замѣтила она,—онъ предлагаетъ тебѣ это и считаетъ за лучшій исходъ.

При этихъ словахъ глаза Барромео засверкали и его лицо снова залила краска. — Арнольдъ?—переспросилъ онъ и судорожно кивнулъ головой.—Онъ этого хочетъ?—Неправда!—Этого Арнольдъ не можетъ хотѣть... Это ложь... ложь, говорю я!—И онъ протянулъ руку впередъ

и указательнымъ пальцемъ тыкалъ по воздуху, точно видя тамъ эту ложь; вся его наружность страшно исказилась.

Анна съ испугомъ схватила его за руку. Ея лицо, освѣщенное лишь снизу пламенемъ свѣчи, было полно тѣней. Барромео на нѣсколько секундъ закрылъ глаза, глубоко вздохнулъ и лицо его снова приняло прежній сѣровато-блѣдный оттѣнокъ.

— Это не ложь, — почти робко замѣтила Анна; она не догадывалась, что въ эту минуту происходитъ съ мужемъ. Ей было его жалко, больше ничего.

— Ну хорошо,—грустно и вдумчиво снова заговорилъ онъ.—Подолинъ это плохо, очень плохо для меня. По многимъ причинамъ, какъ ты выразилась. Но—и онъ снова возвысилъ голосъ, не слишкомъ сильный, но выражавшій безконечное горе и гнѣвъ — но, если Арнольдъ придетъ вотъ сюда, ко мнѣ, и скажетъ: дядя, я этого хочу, я считаю это за лучшее для тебя, — ну, тогда... тогда я поѣду въ Подолинъ.

Анна опустила голову, подумала немного и молча вышла изъ комнаты.

61.

— Онъ не желаетъ ѣхать въ Подолинъ, Арнольдъ, онъ боится этого какъ огня—сказала Анна входя въ столовую.—Онъ до такой степени волновался, какъ никогда еще. Я полагаю, что ему было бы не хорошо жить тамъ.

Арнольдъ удивился. — Такъ не надо его и принуждать — отвѣтилъ онъ.

— Если Арнольдъ придетъ ко мнѣ и скажетъ: «я этого хочу», хорошо, тогда я поѣду, сказалъ онъ. Вотъ его слова.—И Анна устало опустилась на диванъ.

Арнольдъ замолчалъ. Онъ начиналъ догадываться, что таилось въ этихъ словахъ. Онъ не колеблясь, въ видѣ исхода предложилъ дядѣ поселиться въ Подолинѣ и лишь теперь увидалъ, что за гадость кроется въ этомъ предложеніи. Но сдерживаемое нетерпѣніе толкало его на забвеніе всего, что соединялось съ этой поѣздкой; мысль, что дядѣ можетъ быть извѣстнымъ его связь съ Анной, повергала его въ такой ужасъ, что у него горло сжималось. Онъ не могъ удержаться, чтобы напрямки не спросить ее объ этомъ, но та дипломатически покачала головой и въ немъ поднялась цѣлая буря хотя смутныхъ, но самыхъ дикихъ ощущеній... необузданное желаніе обладанія заставило его забыть все на свѣтѣ. Онъ схватилъ ее за плечи и хотѣлъ поцѣловать, но на полъ-дорогѣ губы ихъ, не коснувшись другъ друга, остановились точно между ними встало непреодолимое препятствіе.

— Ты единственный человѣкъ, который меня заставляетъ еще оставаться самимъ собою,—загадочно сказалъ Арнольдъ уходя.

На улицѣ ему показалось, что весь міръ рушится, даже близкія и общепонятныя вещи утеряли въ его глазахъ всякую связь между собою. Что бы ни шевельнулось въ душѣ, ничто не давало желанной ясности. И несмотря ни на что, онъ все-таки смутно чувствовалъ влеченіе къ добру, хотя оно находилось, по его мнѣнію, гдѣ-то такъ высоко, что для его достиженія нужны были усилія, за которыя пришлось бы расплатиться жизнью. Онъ умышленно не хотѣлъ понимать, куда идетъ. Въ моментъ полнаго опьяненія страстью онъ сознавалъ, что живетъ, дышетъ, чувствуетъ и въ немъ искрами вспыхивали полныя страстнаго отчаянія мысли объ Аннѣ Барромео. Теперь онъ казался окружающимъ еще симпатичнѣе чѣмъ раньше, такъ какъ сталъ ближе къ нимъ и прежняя угловатость обращенія сгладилась.

На слѣдующій день Анна сообщила Арнольду, что Барромео приказалъ человѣку стелить себѣ постель въ комнатѣ смежной съ его; онъ не соглашался оставаться одинъ даже на полчаса, бродилъ по всему дому, отправлялся наверхъ къ прислугѣ и все это дѣлалъ молча. Люди начинали бояться его. Былъ докторъ, но онъ отказался отвѣчать на его вопросы и не желалъ принимать никакихъ услугъ съ его стороны. Ночью онъ открылъ окно и сталъ смотрѣть внизъ и вверхъ на улицу, потомъ подошелъ къ постелѣ Христіана, но на его боязливые вопросы ничего не отвѣтилъ. Такъ продолжалось до конца недѣли. Его обращеніе все время оставалось кроткимъ и тихимъ. Въ понедѣльникъ, когда Анна принимала визиты, въ гостиную неожиданно явился Барромео, каждому изъ посѣтителей задумчиво заглянулъ прямо въ глаза, а потомъ сѣлъ къ печкѣ и повидимому со вниманіемъ слушалъ разговоры. Когда кто-нибудь обращался къ нему, онъ то отрицательно, то утвердительно кивалъ головой. Такъ онъ просидѣлъ, пока всѣ гости до послѣдняго не ушли и не явился Арнольдъ. Онъ былъ блѣденъ, но упрямо смотрѣлъ въ землю; Барромео спокойно вышелъ нѣкоторое время расхаживалъ взадъ и впередъ по передней, потомъ вздрогнулъ, оглянулся вокругъ, надѣлъ пальто и шляпу и пошелъ на улицу, лишь бы видѣть людей, жизнь, движеніе и что-нибудь новое. Одно только это желаніе могло заставить его двигаться. Охотнѣе всего онъ день и ночь лежалъ бы на улицѣ среди шума и толкотни, но ходить самому ему было тяжко.

Подъ вліяніемъ непонятныхъ временами выплывающихъ точно изъ пропасти взглядовъ Барромео, состояніе духа Анны постепенно ухудшалось. Его близость парализовала ее; молчаніе, которое ничѣмъ нельзя было сломить, наполняло ужасомъ. Она почти не рѣшалась выходить изъ дому, а оставаясь наединѣ съ Арнольдомъ совершенно невольно начинала говорить шопотомъ. Это было невыносимо и онъ чувствовалъ, какъ внутри его, точно кипятокъ, клокочетъ гнѣвъ, неизвѣстно на кого. Оставаться въ такомъ угнетенномъ состояніи и ждать неизвѣстно чего терзало его гордость, унижало и убивало въ немъ всякую

мягкость. Въ его сердцѣ постоянно бурлила страсть и онъ всячески хотѣлъ увлечь Анну на ту дорогу, отъ которой самъ когда то старался удержать ее. Но она точно окаменѣла. «Найди исходъ», говорили ея глаза. Прежнее состояніе безсознательной неволи казалось ему теперь сущимъ блаженствомъ. Онъ не хотѣлъ доискиваться, какъ нужно поступить, да если бы и понялъ, все равно былъ бы не въ состояніи выполнить должнаго. И тутъ-то онъ снова вспомнилъ первый придуманный имъ исходъ — поѣздку Барромео въ Подолинъ. Вспомнилъ также, что въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ него и что дядя ждетъ лишь его слова. Не колеблясь поспѣшилъ онъ къ Аннѣ, подождалъ ея возвращенія и спокойно, будто съ этимъ рѣшеніемъ не было связано для нихъ никакихъ мученій, сообщилъ, что считаетъ за лучшее ѣхать въ Подолинъ. На его предложеніе Анна не отвѣтила утвердительно, а промолчала. Она видѣла, что въ послѣднее время онъ гораздо сильнѣе пылаетъ къ ней, чѣмъ раньше, но была достаточно чутка и женственна, чтобы понять, что причина этой страсти лежитъ внѣ ея самой. Она очень уважала Арнольда, но часто не понимала. И теперь какъ ни тяжко давило ее присутствіе мужа, но отъ его удаленія она не ждала ничего хорошаго. Арнольдъ угадалъ ея мысли и вспылилъ; удивленная и опечаленная, она, наконецъ, согласилась, но тутъ снова сталъ колебаться самъ Арнольдъ и заявилъ, что подождетъ, что скажетъ врачъ.

Такъ наступилъ вечеръ. Доложили, что Барромео вернулся. Арнольдъ отправился къ нему и постучавъ въ дверь, вошелъ; дядя сидѣлъ за столомъ, передъ нимъ горѣла лампа. При видѣ Арнольда на лицѣ ясно проступилъ долго сдерживаемый сильнѣйшій страхъ. Арнольдъ разглядывалъ раскиданныя по всей комнатѣ вещи, прежняя аккуратность Барромео теперь выродилась въ противоположное качество,—старался собраться съ духомъ и потомъ началъ произносить слова, не имѣющія никакого значенія, похожія на сухую листву, падающую съ дерева.

— Для тебя будетъ лучше пожить тамъ въ уединеніи,—сказалъ онъ между прочимъ. — Вѣдь Подолинъ до нѣкоторой степени сталъ нашимъ семейнымъ гнѣздомъ. Для твоего удобства будутъ приняты всѣ мѣры; тамъ ты быстро оправишься отъ своей непонятной болѣзни. Подолинъ дѣйствуетъ на душу успокоительно.

При этихъ словахъ Арнольдъ не могъ не заглянуть въ глаза дяди, онъ даже не сдѣлалъ попытки отвратить свой взоръ; но зато никогда уже болѣе не могъ забыть взгляда дяди, сохранявшаго власть надъ нимъ во снѣ и наяву. Только тутъ онъ догадался, что Барромео все извѣстно; но наряду съ тѣмъ, что онъ еще прочелъ въ его взглядѣ, это не произвело на него никакого впечатлѣнія. «Несправедливый!»— вотъ что говорилъ онъ.

Барромео тяжело поднялся съ мѣста и отрывисто произнесъ:

— Хорошо, я ѣду. Выйди изъ комнаты, Арнольдъ.—А когда тотъ

вышелъ, онъ подошелъ къ окну и заплакалъ. Но ему было стыдно своихъ слугъ, стыдно передъ лицомъ ночи, и онъ охотно съ головой зарылся бы въ землю. Прошелъ цѣлый часъ. Христіанъ внесъ обѣдъ,— Барромео не замѣтилъ этого. Выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, онъ вынулъ оттуда цѣлый ворохъ тетрадей и исписанныхъ листовъ бумаги. Впродолженіи долгихъ лѣтъ онъ заносилъ на нихъ свои взгляды на жизнь и свои мысли—плоды мучительнаго самонаблюденія. Чтобы мечтать и познавать самого себя, чтобы, несмотря на ужасный порокъ равнодушія, подхватившій его, сознавать, что онъ представляетъ изъ себя нѣчто,—онъ и удалился отъ свѣта. Сидя передъ печкой, и положивъ на колѣни всю кипу бумагъ, онъ начиная съ перваго, сталъ бросать въ огонь одинъ листъ за другимъ; ни разу не бросилъ двухъ листовъ заразъ, а всегда по одному, точно желая каждый похоронить съ уваженіемъ и благоговѣніемъ. Продолжалось это довольно долго; наконецъ бумага выпала у него изъ рукъ, голова медленно откинулась назадъ и онъ заснулъ. Скоро ему приснился сонъ, но сначала онъ какъ будто находился гдѣ-то очень, очень далеко и лишь, судя по постепенно усиливающемуся ужасу, можно было догадаться о его медленномъ приближеніи. Барромео видѣлъ себя на маленькомъ, совершенно пустынномъ островкѣ, совсѣмъ одного; море кругомъ не двигалось, а оставалось неподвижнымъ, точно свинцовое. Онъ проснулся, но ужасъ не проходилъ. Онъ боялся Подолина, какъ ребенокъ боится темноты. Но Арнольдъ хотѣлъ этого,—и онъ согласился; согласился не изъ покорности или благоразумія, но чтобы доказать ему, до какой степени онъ неправъ, такъ какъ впередъ зналъ, что его тамъ ожидаетъ. И этимъ самымъ онъ кончалъ счеты со всѣмъ, что его еще связывало съ жизнью.

Христіанъ, человѣкъ преданный, уже одиннадцать лѣтъ жившій въ домѣ, долженъ былъ сопровождать Барромео. Онъ укладывалъ въ сундукъ нужное бѣлье и платье, такъ какъ въ два часа пополудни они уѣзжали на вокзалъ. Барромео лежалъ на кровати и смотрѣлъ въ пространство; на полу еще валялись исписанные листы; онъ не замѣчалъ этого. Повидимому его взглядъ не могъ оторваться отъ предметовъ, находящихся въ непосредственной съ нимъ близости; часто онъ глубоко и протяжно вздыхалъ.

Вошла Анна, блѣдная какъ смерть. Она давало человѣку разныя приказанія, требовала, чтобы онъ ежедневно извѣщалъ ее о здоровьѣ мужа, потомъ молча подошла къ кровати. Барромео медленно поднялся и прошелъ мимо нея. Человѣкъ вынесъ сундукъ, а Барромео, немного перегнувшись впередъ, глядя прямо себѣ подъ ноги, какъ полуслѣпой, пошелъ за нимъ. Анна, глядя ему вслѣдъ, дрожала всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ она заперла комнату мужа на ключъ и положила его себѣ въ карманъ.

Полчаса спустя явился Арнольдъ. Онъ былъ удивленъ, почти обра-

дованъ тѣмъ, что дядя уже уѣхалъ. Еще наканунѣ онъ телеграммой распорядился относительно его пріема и попросилъ тамошняго молодого врача—старикъ умеръ—выѣхать за нимъ въ экипажѣ на станцію. Все это онъ сообщилъ Аннѣ, но та отнеслась къ этому довольно равнодушно.

Молча сидѣлъ онъ у нея, наконецъ въ немъ вспыхнулъ сильнѣйшій гнѣвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбь; схвативъ ее обѣими руками за голову, онъ расширенными глазами старался уловить ея полуопущенный взглядъ.

— Развѣ дѣйствительность не соотвѣтствуетъ тому, что ты ждала, Анна?—сквозь зубы спросилъ онъ.

И она шопотомъ отвѣтила:

— Нѣтъ.

Тогда Арнольдъ всталъ, засмѣялся, закрылъ глаза рукою и вышелъ. Анна охотно остановила бы его, но не могла. Ея любопытство было удовлетворено; свободы, она менѣе всего жаждала; скорѣе помирилась бы съ пребываніемъ въ исправительномъ домѣ, лишь бы тамъ было интересно. Къ тому же Арнольдъ слишкомъ хорошо выполнилъ всѣ ея требованія.

Въ канцеляріи и между знакомыми стали разсказывать, что Барромео ради отдыха на нѣсколько недѣль уѣхалъ въ моравское имѣніе племянника. Но рядомъ возникли и стали ходить среди круга ихъ знакомыхъ и другіе слухи, относившіеся къ Аннѣ. Она это чувствовала, потому что люди подобные ей, которые только и могутъ жить въ той особенной атмосферѣ, именуемой свѣтомъ, испытываютъ что-то въ родѣ смерти, когда чувствуютъ, что тамъ на нихъ перестаютъ смотрѣть какъ на равныхъ. Странно, но съ того момента, какъ Барромео покинулъ домъ, Анна и Арнольдъ точно были отрѣзаны другъ отъ друга. Внѣшность Арнольда сильно измѣнилась; онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ; всѣ его поступки носили отпечатокъ безпокойства и какой-то растерянности. Онъ такъ сильно былъ занятъ собою, что все лежащее внѣ его, потеряло для него всякое значеніе. И когда онъ мысленно добирался до точки, съ которой долженъ былъ увидѣть свѣтъ, онъ не шелъ дальше и начиналъ фантазировать. Онъ утратилъ сонъ, аппетитъ, участіе къ людямъ, которые его любили и удивлялись ему и которыми раньше онъ самъ слѣпо увлекался; требуя у себя отчета, при первомъ же отвѣтѣ, что пытались дать разумъ или сердце, съ ужасомъ отшатывался назадъ; утратилъ счетъ днямъ, не обращалъ вниманія на время... Ему чудилось, что что-то ужасное захватило его, опутало и поглотило... Онъ чувствовалъ сотрясеніе бури, но страдалъ не онъ, а существо отдѣлившееся отъ него и носящееся точно судно безъ мачты и руля, гдѣ-то въ пустомъ пространствѣ, гдѣ полное отсутствіе какихъ бы то ни было законовъ... Кафэ, театры, игра, общество—все притягивало его, но сейчасъ же затѣмъ и отталкивало. Онъ

не могъ постичь, что же, въ сущности, съ нимъ приключилось, и предавался лихорадочнымъ, несбыточнымъ мечтамъ, то желая открыть новую землю, то новую планету, чтобы тамъ сызнова начать то, что здѣсь противно всякому здоровому смыслу породило лишь несчастье и неудачу. Ему все чудилось, что онъ вдыхаетъ раскаленный воздухъ и онъ боялся думать или видѣть... Часто онъ подолгу просиживалъ одинъ и смотрѣлъ въ пространство, какъ человѣкъ потерпѣвшій крушеніе смотритъ на воду, которая постепенно успокаивается и даже перестаетъ нести далѣе бревно, на которомъ онъ плыветъ.

Разъ въ сумерки—дѣло было уже позднею осенью—онъ отправился къ Аннѣ Барромео. Она показала ему донесеніе Христіана изъ Подолина, написанное очень смѣшно, но дѣльно. Оба старались замолчать другъ передъ другомъ, что тамъ происходитъ, но, наконецъ, на девятый день было получено слѣдующее письмо: «Милостивая государыня! Нашему барину теперь постоянно мерещатся какія-то лица въ воздухѣ; имъ кажется, что кто-то собирается ихъ убить, и они отказываются кушать, потому что думаютъ, что кто-то желаетъ ихъ отравить. Они говорятъ, что слышатъ какіе-то голоса, и докторъ изъ Подолина объявилъ, что баринъ сходитъ съ ума. Они говорятъ также, нашъ баринъ то, что пойдутъ въ судъ и тамъ будутъ защищать свои права»

Анна прочла это вслухъ. Арнольдъ ухватился за спинку стула и такъ крѣпко прижалъ ее къ колѣнкамъ, что она разлетѣлась на куски. Издавъ какой-то странный звукъ, онъ вскочилъ, подошелъ къ окну; но въ него, кромѣ голубовато-бѣлаго тумана, плотно прижавшагося къ оконнымъ стекламъ, ничего не было видно. Потомъ онъ пробормоталъ что-то въ родѣ прощанія и вышелъ, кое-какъ накинулъ на себя въ передней шубу и бросился вонъ. Лицо, шея, грудь и ноги у него пылали. Онъ бѣжалъ по улицѣ, будто жизнь и смерть зависѣли отъ быстрыхъ его шаговъ; потомъ вдругъ остановился, сжалъ руки въ кулакъ, съ отчаяніемъ широко раскрылъ глаза и оглянулся вокругъ съ видомъ человѣка, сорвавшагося съ горячечной постели; потомъ прислонился къ какому-то дому и съ угрозой сталъ хватать руками туманъ, точно онъ былъ созданіемъ его фантазіи. Вдругъ онъ замѣтилъ на противоположной сторонѣ улицы отверстыя церковныя двери; пустоту храма наполнялъ какой-то торжественный, красноватый мракъ, заканчивающійся въ глубинѣ спокойнымъ пламенемъ восковыхъ свѣчей. Онъ перешелъ улицу, вошелъ въ церковь, опустился тамъ въ самомъ темномъ углу на колѣни и сталъ молиться, молиться жадно, но не возносясь къ небу, безъ вѣры, бурной душою замкнувшись въ себя и быстро катясь дальше въ пропасть...

Поднявшись съ колѣнъ, онъ устыдился; ему стало стыдно во имя тѣхъ требованій, что онъ когда-то предъявлялъ жизни. И содрогаясь отъ чувства униженія, онъ снова ушелъ въ себя.

Со дня отъѣзда мужа, Анна Барромео не входила въ его комнату. Горничной, собиравшейся прибрать въ ней, она отвѣтила уклончиво. Но потомъ, тяготясь непріятнымъ одиночествомъ, она вспомнила слова, сказанныя имъ въ день ея рожденія, и ей захотѣлось просмотрѣть бумаги, о которыхъ онъ упоминалъ тогда. Съ лампой въ рукахъ, отправилась она въ его комнату, открыла дверь, но съ отвращеніемъ, остановилась на порогѣ—ей навстрѣчу пахнуло затхлымъ и спертымъ воздухомъ. Наконецъ пересиливъ себя, она раскрыла окно и принялась искать въ ящикѣ, на который тогда ей указывалъ Барромео. Такъ какъ онъ оказался пустымъ, то ей сразу же пришло въ голову, что вѣроятно онъ самъ опросталъ его и что разбросанные по полу листы именно тѣ самые, о которыхъ тогда шла рѣчь. Повидимому, часть ихъ онъ уничтожилъ, такъ какъ въ зіяющей черной дырѣ печки виднѣлся бумажный пепелъ. Анна позвонила и приказала вошедшей дѣвушкѣ подобрать валяющіеся на полу листы и съ каждаго стереть пыль; потомъ забравъ съ собою всю пачку, приказала привести комнату въ порядокъ, а сама отправилась къ себѣ, легла на необыкновенно мягкую кушетку, отвернула кнопку электрической лампочки надъ головой и, съ невольнымъ ожиданіемъ развлечься чтеніемъ, принялась за просмотръ бумагъ. На одномъ изъ листовъ четкимъ старательнымъ почеркомъ было написано слѣдующее: «Оглядываясь на свою прошедшую жизнь, я могу сравнить ее съ тунелемъ, гдѣ не бываетъ даже малѣйшаго признака свѣта. На почвѣ моей исковерканной натуры уже не можетъ произрасти цвѣтокъ человѣчности; поле усѣяно камнями, и помощь не можетъ явиться откуда нибудь извнѣ; и нѣтъ такой силы на свѣтѣ, что могла бы уничтожить преступленія, совершаемыя каждымъ въ отдѣльности относительно самого себя. Всякій поступокъ, не возросшій на почвѣ божественной и безсознательной доброты, лишенъ правды, непосредственности и продолжительнаго значенія».

На второмъ листкѣ стояло:

«Въ чемъ же въ сущности заключается причина? Я растратилъ свое здоровье подобно милліонамъ другихъ людей. Мой трудъ есть жертва, безъ радости приносимая дѣлу, которое не составляетъ моего призванія. Природа не терпитъ фразъ, я же все сдѣлалъ, чтобы стать ходячей истрепанной фразой. Я также, какъ и всѣ, обладаю въ достаточной мѣрѣ ловкостью, чтобы скрывать свою нравственную лѣнь и постепенно съ помощью цѣлой сѣти лжи перешагивать черезъ все важное и главное. Въ основѣ моихъ стремленій къ общенію съ людьми лежитъ неустойчивость; моей любви къ искусству—слабость. Представленія, не вытекающія изъ видѣннаго и пережитаго; взгляды, не выработанные борьбой чувства; ощущенія, не коренящіяся во внутреннемъ мірѣ, но лишь заимствованныя у другихъ, но отъ которыхъ я уже болѣе не въ состояніи отдѣлаться; жизнь, лишенная простоты,

какое-то негармоничное напитываніе дней, безкровная игра воображенія; всеохватывающая, всеокрашивающая въ черный цвѣтъ горечь,— вотъ сущность моего бытія».

Анна взяла третій листокъ:

«Мы заходили такъ далеко, что душа наша, наконецъ, покрывается корой. Даже находясь въ одиночествѣ, я живу сообразно мнѣнію многихъ. Я слишкомъ поздно замѣтилъ, что за опустошенія совершили въ моемъ умѣ и сердцѣ друзья, праздность честолюбіе, партійность, разговоры и то, что я придавалъ слишкомъ большое значеніе тому, что скажутъ другіе. Давящее чувство своего безсилія, въ которомъ самъ повиненъ, я могу лишь заглушить, не давая себѣ ни минуты отдыха и пичкаясь разными лекарствами. Во что переходитъ торжественный шумъ деревьевъ, чѣмъ кончается божественная веселость лѣта? Все это превратилось въ какое-то лирическое пойло, своего рода водку. И какъ бы высоко ни поднялся человѣкъ, можетъ быть даже къ самымъ облакамъ, но неба ему все же не достать.

«Вино, табакъ, игра въ карты, культъ любви—вотъ что мѣшаетъ духу проясниться и расширится. Что до меня, то я никогда не умѣлъ отказываться отъ всего этого, никогда не понималъ, что природа и міровая душа безъ жертвъ не вѣдаютъ даже малѣйшей изъ своихъ тайнъ».

Анна была уже нѣсколько утомлена, но продолжала читать. Слѣдующій листъ былъ написанъ не карандашомъ, а чернилами, и еще старательнѣе, нежели предыдущіе.

«Молотъ судьбы разбиваетъ лишь то, что и безъ него разлетается въ куски. Здѣсь Арнольдъ; съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ его, законъ этотъ мнѣ вполнѣ уяснился. Я давно зналъ, что значитъ совмѣстная жизнь людей въ городахъ; зналъ, что не существуетъ такого общества, что жило бы чисто по-человѣчески, а то, что носитъ это названіе, лишь толпа людей, соединенныхъ общими, низменными интересами. Какъ цѣльность личности, такъ и цѣльность государства, націи и семьи исчезли. Старыя формы расшатаны, а выросшее тѣло не обрѣло пока новыхъ одѣяній. Большая часть людей погребаетъ подъ развалинами старыхъ формъ свое счастье, здоровье и жизнь. Искусства поневолѣ оказываются безсильными, такъ какъ въ художникахъ отсутствуетъ смѣлость быть правдивыми. Такимъ образомъ, религія, нравственность, дружба и бракъ превратились въ лишенные души призраки».

«Но Арнольдъ—какая загадка! Онъ обладаетъ цѣльностью натуры. У него есть тотъ внутренній голосъ, что никогда не ошибается. То, что въ болѣе дикія времена народамъ возвѣщали сивиллы и пророки, ему говоритъ внутренній голосъ, а именно, учитъ его, какъ сохранить достоинство и цѣльность человѣка, богатаго внутреннимъ содержаніемъ. И счастье, и горе имѣютъ для него лишь значеніе мимолетнаго, случайнаго, неяснаго, а потому-то его жизнь не можетъ

превратиться въ пошлое, случайное и проходящее явленіе. Онъ весь какъ бы духовно сплоченъ и потому въ каждую данную минуту является въ полнотѣ духовной красоты. Онъ съ благоговѣніемъ прислушивается къ своему внутреннему голосу и если только не станетъ заглушать его, то онъ несомнѣнно укажетъ ему вѣрный путь. Ни одинъ человѣкъ, утратившій эту первоначальную цѣльность своего «я», не можетъ имѣть значеніе; только въ этомъ случаѣ будутъ составлять одно цѣлое мысли и поступки, чувства и дѣла, вѣра и слова; только въ такомъ случаѣ міръ, въ которомъ копошатся существа одаренныя разумомъ, будетъ имѣть жизненный смыслъ и такія понятія какъ справедливость, свобода и счастье сохранятъ свое первоначально значеніе. Человѣкъ становится настолько же самъ бѣднѣе, насколько отнимаетъ силъ у другихъ. Кто грѣшитъ противъ себя самого, грѣшитъ противъ всего человѣчества, потому что всѣ люди соединены между собою неразрывною цѣпью. Внѣ меня нѣтъ судьбы, только я самъ и могу уничтожить себя. Но Арнольдъ никогда, надѣюсь,—никогда, не подпадетъ нравственной тираніи общества; никогда не подчинится его стѣсненіямъ, никогда справедливость не превратится у него въ произволъ. За это я спокойно могу прозакладывать собственную жизнь».

Анка насмѣшливо улыбнулась и пробормотала:

— Какой пророкъ!

Но прочитанное, хотя она поняла изъ него весьма немногое, все же вызвало въ ней искреннее уваженіе. Написанное вызвало въ ней неопредѣленный страхъ, что то въ родѣ чувства язычника къ христіанскому Богу. Поэтому отложивъ въ сторону листы, она поспѣшно прижала голову къ шелковой подушкѣ и повернулась лицомъ кверху. Ею овладѣла мягкое настроеніе, что-то въ родѣ тоски по болѣе чистому, нежели то, чѣмъ она жила до сихъ поръ.

Но, можетъ быть, это было лишь пресыщеніе и жалость къ себѣ самой.

Спустя немного вошла горничная и доложила: «Господинъ Арнольдъ». Анна поморщилась, но подумавъ, кивнула головой; на лицѣ дѣвушки промелькнула многозначительная улыбка.

Арнольдъ вторично приходилъ въ этотъ день и на этотъ разъ въ необычное время—было уже девять.

Арнольдъ почти бурно вошелъ въ комнату.

— Я нехорошо веду себя, Анна?—спросилъ онъ.—Извини, но со мною творится что-то неладное.

Анна небрежно пожала плечами и послѣ паузы спросила:

— Это все? Поэтому-то ты, какъ дикарь, врываешься ко мнѣ, и я должна переносить безсовѣстное хихиканье прислуги? Нѣтъ, Арнольдъ, я жду отъ тебя бо́льшаго вниманія. Намъ уже нечего терять кромѣ того, что ты такъ легкомысленно ставишь на карту.

Арнольдъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, а потомъ покорно опустилъ голову. Его темные волосы были не причесаны, сильный ротъ плотно сжатъ. Въ эти нѣсколько секундъ онъ пережилъ чувство ужаснѣйшаго униженія и позора, а между тѣмъ у него не осталось ничего, что бы онъ могъ противопоставить ему. «Не надо было допускать себя до этого», думалъ онъ съ сожалѣніемъ. Анна тотчасъ же поняла, что зашла слишкомъ далеко, и вдругъ шаловливо обхватила его шею и хотѣла прикоснуться къ ней губами. Но это показалось Арнольду такимъ чудовищнымъ притворствомъ, что онъ обѣими руками отклонилъ ея голову и зажмурилъ глаза, лишь бы не видѣть ея лица.

Она вернулась къ кушеткѣ, собрала записки мужа, небрежно свернула ихъ и такъ же небрежно протянула Арнольду.

— Такъ какъ ты все равно уже здѣсь, то прочти это, — сказала она.—Я нашла ихъ въ комнатѣ Барромео; повидимому, большую часть онъ уничтожилъ передъ своимъ отъѣздомъ.

Арнольдъ механически взялъ свертокъ, развернулъ его и, узнавъ почеркъ дяди, спокойно сѣлъ къ столу и принялся за чтеніе. Анна наблюдала за нимъ; необыкновенная перемѣна въ его лицѣ забавляла и развлекала ее; вдругъ его губы продолжительно задрожали, точно подъ вліяніемъ электрическаго тока. Онъ кончилъ чтеніе. Руки у него дрожали. Молча смотрѣлъ онъ прямо передъ собою; о присутствіи Анны онъ забылъ, ударилъ себя кулакомъ по лбу, тяжко и мучительно вздохнулъ; затѣмъ торопливо, точно боясь, чтобы мысли его не отвлеклись въ сторону, снова углубился въ чтеніе; про себя онъ бормоталъ какія-то слова, на его лицо легло глубокое, скорбное, почти боязливое выраженіе. По окончаніи чтенія, листки выпали у него изъ рукъ. Онъ перегнулся впередъ и внимательно смотрѣлъ на Анну, но не видѣлъ ее.

— Что съ тобою, Арнольдъ?—тихо спросила она.

— Покойной ночи, Анна,—пробормоталъ онъ вставая.

Очутившись на улицѣ, онъ сначала ничего не могъ разглядѣть, ни дороги, ни людей; онъ скорѣе плелся, нежели шелъ, что-то ворчалъ, шепталъ, стоналъ и какъ-то странно размахивалъ руками.

— Да, да! — остановившись, крикнулъ онъ въ догонку какому-то старику, который мирно прошелъ.—Да, да!—и поднялъ руки кверху. Старикъ повернулся, сначала растерялся, а потомъ разсмѣялся.

Дома онъ освѣтилъ всѣ комнаты, но электрическихъ лампочекъ ему показалось недостаточно и онъ зажегъ еще и свѣчи. Человѣкъ удивленно и вопросительно смотрѣлъ на эти непонятные поступки. Арнольдъ чувствовалъ такой сильный ознобъ, будто изъ сильно натопленной комнаты вышелъ на ледяное поле; глазъ ни на одномъ предметѣ не могъ остановиться, и каждый мускулъ, казалось, движется самъ по себѣ, отдѣльно, какъ-то очень непріятно... Онъ сознавалъ,

что въ немъ борется его прошлое съ будущимъ, но мракъ окутывалъ эту борьбу и броженіе, которыя теперь обязательно должны были закончиться разъ навсегда. Въ то же время его удрученное сердце незамѣтно поднималось ввысь... И вдругъ сила справедливости взяла верхъ, смотала обратно нить жизни, заставила его оглянуться на прошлое и подчинила себѣ. Первые часы ночи прошли въ совершенно безсознательномъ состояніи. Въ то время, какъ онъ быстро расхаживалъ взадъ и впередъ по анфиладѣ комнатъ, наружность постепенно утрачивала самоувѣренность: плечи опустились, голова свѣсилась. Мутный взоръ искалъ поддержки извнѣ, но потомъ, будто испытывая мучительное разочарованіе, вновь устремлялся во внутрь. Голова, обыкновенно гладко причесанная, теперь походила на поле, выбитое градомъ. Наконецъ, совершенно обезсиленный, онъ бросился на диванъ. Его мысли, окаменѣвшія за время внутренней борьбы, не шли дальше жалобъ и безконечныхъ вопросовъ, куда и почему? Но картины, одна мучительнѣе другой, носились передъ нимъ, точно сны на границѣ пробужденія. Онъ не былъ въ состояніи лежать и отправился въ смежную комнату, гдѣ находился старательно реставрированный Антиной. Арнольдъ ясно видѣлъ, что статуя уже не то, что была раньше. Склейки и поправки уничтожали впечатлѣніе жизненности статуи, нигдѣ не рожденнаго и вѣчно-гармоничнаго. Присѣвъ на мягкій табуретъ, Арнольдъ положилъ голову между рукъ и заснулъ какъ разъ въ то время, когда наружи первый солнечный лучъ пронзилъ тьму. Немного позднѣе вошелъ въ синемъ фартукѣ и съ метелкой въ рукахъ лакей. Увидавъ своего барина спящимъ на табуретѣ, словно торговка на базарѣ, онъ покачалъ головой и дотронулся до его плеча. Арнольду снилось, что онъ на жалкой телѣгѣ ѣдетъ въ Подолинъ; идетъ снѣгъ, пополамъ съ дождемъ; вдругъ ужаснѣйшая молнія прорѣзываетъ тьму и онъ видитъ, что замахнулся бичомъ на Фридриха Барромео, впряженнаго въ телѣгу; онъ изо всѣхъ силъ тащитъ ее по глубокой грязи и трясинѣ, причемъ она нестерпимо скрипитъ; при свѣтѣ молніи Арнольдъ успѣлъ даже разглядѣть напрягшуюся кожу на его шеѣ и устало наклоненную голову. Вдругъ Барромео повернулся и хотѣлъ заговорить, но въ эту же минуту Арнольдъ проснулся отъ прикосновенія лакея.

Онъ пошелъ въ ванную, смочилъ себѣ голову холодной струей воды, обтерся, причесался и вышелъ изъ дому. Медленно подвигался онъ въ утреннемъ туманѣ; черезъ полъ часа очутившись около дома Верены, онъ тяжело поднялся по лѣстницѣ. Ему казалось, что нужно заползти въ ея бывшую квартиру и тамъ найти убѣжище отъ всего свѣта. Но и здѣсь онъ не обрѣлъ покоя. Наоборотъ, вдали раздавался какой-то голосъ и звалъ, звалъ его непрерывно... Арнольдъ не могъ разобрать, что онъ говоритъ. Неужели это голосъ Верены? Но она стала ему чужда. Связь съ нею походила на недоконченное сно-

видѣніе, подобное тому, что онъ видѣлъ прошедшею ночью: непонятая страсть, убитая поднятымъ во мракѣ бичомъ. Какая тьма окутывала всѣ пути!

Голодъ и жажда заставили его вновь уйти. Ему навстрѣчу попался Валескотъ.

— Въ какомъ вы видѣ, милѣйшій!—воскликнулъ лейтенантъ.—Вы нездоровы? Не позвать ли экипажъ? Не извѣстить ли доктора?

— Ничего не надо, — и Арнольдъ ушелъ отъ него. Каждое человѣческое лицо внушало ему страхъ, потому что въ каждомъ онъ видѣлъ свое видоизмѣненное «я», лишенное всѣхъ хорошихъ побужденій,—пустое, самонадѣянное, лживое, безъ проблеска свѣта. Но развѣ можетъ такъ продолжаться?—думалъ онъ.—Не лучше ли убить себя, нежели самому топтать ногами?

Безъ всякаго предварительнаго намѣренія, онъ вдругъ очутился на вокзалѣ Сѣверной желѣзной дороги. Разсмотрѣвъ расписаніе—ему было противно спрашивать, онъ увидалъ, что черезъ часъ можетъ отправиться въ Подолинъ. Купивъ билетъ, онъ забился въ самый дальній уголъ ожидальнаго зала и просидѣлъ тамъ, окруженный гуломъ голосовъ торопящихся людей, а затѣмъ безо всякаго багажа, въ унылomъ и смутномъ состояніи духа, сѣлъ въ поѣздъ.

63.

Молочнаго цвѣта туманъ окутывалъ всѣ окрестности и заглушалъ движеніе и стукъ колесъ. Черныя деревья съ отчаяніемъ простирали въ туманную гущу свои вѣтви. Среди открытаго поля поѣздъ вдругъ остановился и поѣздная прислуга съ крикомъ засновала взадъ и впередъ. Арнольдъ вышелъ и медленно направился вдоль рельсъ къ локомотиву; передъ нимъ лежалъ трупъ лошади около него безъ толку суетясь, стояла кучка людей. Арнольдъ отвернулся; голова мертваго животнаго напоминала ему видѣнную во снѣ лошадь и у него явилось чувство, точно онъ живетъ, повинуясь уже не своей волѣ и что его намѣренія не служатъ переходомъ отъ одного поступка къ другому,—все это лишь кажется такъ. Страхъ и предчувствіе заставили его лицо сморщиться, точно губку отъ удара кулака.

Подали знакъ къ отправленію поѣзда; Арнольдъ снова забился въ свой уголъ; онъ явственно слышалъ, какъ одна минута за другой проносилась мимо его ушей и сливалась съ милліонами ей подобныхъ, уже минувшихъ мгновеній. Арнольду казалось, что будетъ не трудно выдѣлить изъ ихъ числа тѣ, въ которыя онъ такъ непонятно утратилъ самого себя. Но всѣ онѣ походили одна на другую; безмолвныя мертвыя, точно полѣнья, уплывали онѣ по гладкому потоку времени въ вѣчность.

Подъѣхали къ станціи, на которой Арнольду надо было выйти. По-

близости не оказалось ни одного экипажа; пришлось идти въ Подолинъ пѣшкомъ. Земля была твердая, хотя еще не замерзала. Господь какъ будто дулъ съ неба на землю, отчего туманъ противъ воли разлетался въ разныя стороны. Кусочекъ свѣтло-голубого неба выглядывалъ сверху, точно въ горлышко воронки. Почва то разстилалась ровно, то поднималась, то вновь опускалась; кругомъ было пустынно и тихо; туманъ какъ бы бѣжалъ передъ Арнольдомъ, пока понемногу весь не убрался къ горизонту. Солнце обдавало его золотисто-коричневымъ свѣтомъ и только вдоль рѣки онъ еще клубился въ видѣ горной цѣпи.

Два часа подъ рядъ шелъ Арнольдъ, не смѣя даже взглядомъ полюбоваться, а не то что слиться душою съ природой, оживающей и постепенно хорошѣющей. Было три часа пополудни, когда онъ за поворотомъ дороги, направо, увидалъ холмъ Подолина. Онъ повернулъ влѣво къ помѣстью Анзорге; на деревянномъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ рѣчку, онъ остановился и сталъ смотрѣть на воду. Только теперь онъ вспомнилъ, кто находится подъ его роднымъ кровомъ и имъ овладѣла мрачная нерѣшительность. Собственный внутренній міръ показался ему столь же гнилымъ, какъ и полустоячая вода подъ его ногами. Потрясенный до глубины души, онъ склонился надъ тонкими перилами, точно боясь потерять хотя бы даже темное отраженіе своего «я» на водяной поверхности; по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ хоть черты своего лица, глаза, ротъ и руки.

Наконецъ онъ пошелъ дальше и вошелъ въ домъ какъ разъ въ ту минуту, когда Урсула съ выпачканными въ мукѣ руками выходила изъ кухни. По привычкѣ, она всплеснула ими надъ головой, отчего ее окружило бѣлое облако, но, видимо, не слишкомъ-то обрадовалась. Въ домѣ уже царила не та атмосфера, въ которой она чувствовала себя какъ рыба въ водѣ; она привыкла смотрѣть на усадьбу, какъ на свое родное гнѣздо, а теперь все въ ней было уже не то.

Арнольдъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по узкимъ сѣнямъ; старуха-экономка печально и нѣсколько удивленно слѣдила за нимъ. На ея вопросъ, гдѣ онъ оставилъ багажъ, онъ промолчалъ.

— Вы можете занять заднюю комнату,—грустно продолжала старуха,—въ остальныхъ трехъ живетъ дядя съ Христіаномъ.

— А гдѣ Христіанъ?—спросилъ Арнольдъ и его лицо также сильно и быстро съежилось, какъ и поутру.

— На почтѣ—отвѣтила Урсула.—Госпожа Барромео телеграфировала, что пришлетъ врача для освидѣтельствованія больного; можетъ быть его придется помѣстить въ лечебницу.

Арнольдъ остановился на порогѣ кухни и прислонился головой къ притолкѣ, а Урсула принялась стряпать и въ тоже время разсказывать. Она пекла фруктовый пирогъ для Барромео. Онъ только его и кушалъ иногда, а отъ всякой другой пищи отказывался. Въ общемъ

онъ очень тихъ и только по ночамъ бредитъ, но никто не можетъ разобрать, что онъ говоритъ. Темноты онъ окончательно не переноситъ и комната должна быть всегда освѣщена. Раньше чѣмъ лечь, онъ разъ десять обойдетъ всѣ двери, чтобы убѣдиться крѣпко ли они заперты. Часто даже во время сна его безпокоитъ это, и тогда Христіану приходится со свѣчой осматривать всѣ уголки.

— Здѣшній докторъ утверждаетъ,—продолжала Урсула, развеселившись оттого, что можетъ отвести душу болтовней—утверждаетъ, что всему причиной одиночество и что теперь уже ничего нельзя подѣлать—онъ неизлѣчимъ. А отъ насъ, каждую недѣлю кто нибудь да уходитъ изъ прислуги—они суевѣрны и боятся добраго барина, точно самого чорта.

Арнольдъ поблѣднѣлъ, какъ мѣлъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ онъ снова вышелъ въ сѣни, подошелъ къ комнатѣ Барромео и надавилъ было ручку дверей, но войти все-таки побоялся. У него кружилась голова и онъ невѣрными шагами отправился во дворъ и оттуда посмотрѣлъ на окна дядиной комнаты. Потомъ торопливо пошелъ въ паркъ. Ему тяжело дышалось, какъ будто не хватало воздуху. Вдругъ онъ остановился и ухватился рукою за сосну. Изъ Подолина до него доносился колокольный звонъ. Онъ собралъ всѣ силы, чтобы придти къ какому нибудь рѣшенію и когда снова отправился въ домъ, то низко опустилъ голову и смотрѣлъ въ землю, но не колеблясь на этотъ разъ, отворилъ дверь къ дядѣ.

Барромео сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна; не только лицо, но и вся его фигура была совершенно неподвижна, точно высѣченная изъ камня; онъ смотрѣлъ въ окно. Его борода окончательно посѣдѣла; довольно лысая и до странности гладкая голова, съ низкимъ лбомъ напоминала восковую маску; руки пожелтѣли и были грязны; медленно повернулся онъ къ дверямъ. Шумъ отъ того, что Арнольдъ вошелъ въ комнату, давно уже замеръ; но повидимому, чтобы больной услыхалъ его, нужно было вдесятеро бо́льше времени. Онъ посмотрѣлъ Арнольду въ лицо, но съ такимъ выраженіемъ, будто видитъ какой-то непривычный предметъ, бросающійся въ глаза и нарушающій обычную обстановку комнаты. Его взглядъ не видѣлъ, а точно щупалъ... Почмокавъ губами, онъ улыбнулся, причемъ на бороду потекла слюна; грудь Арнольда ужасно стѣснилась, потомъ приподнялась...

— Дядя, ты не узнаешь меня?—наконецъ спросилъ онъ глухимъ, хриплымъ голосомъ.

— Э́-э-э?—протянулъ Барромео. Этотъ ровно ничего не выражающій звукъ сопровождался недовѣрчивымъ движеніемъ; вдругъ онъ поднялъ обѣ руки къ шеѣ и сказалъ:

— Вышвырнули... они караулятъ... надо быть о-о-сторожнымъ...

Арнольдъ зашатался и протянулъ впередъ руку, точно его ударили кулакомъ въ затылокъ. Барромео боязливо скосилъ глаза и хотѣлъ встать. Тутъ Арнольдъ собрался съ силами и вышелъ.

64.

Когда онъ очутился наружи, на него вдругъ напало непреодолимое желаніе спать. Онъ, шатаясь, прошелъ въ комнату, которую Урсула успѣла за это время кое-какъ прибрать для него, бросился на голый матрацъ и заснулъ. Нѣсколько часовъ подъ рядъ его сонъ былъ какъ свинцовый, потомъ, передъ тѣмъ какъ проснуться, ему приснился сонъ и онъ заплакалъ. Но слезы не падали изъ глазъ, а какъ-то текли во внутрь. Послѣ полуночи онъ проснулся, всталъ, хотѣлъ зажечь огонь, но не нашелъ ни спичекъ, ни свѣчи. Накинувъ пальто, онъ ощупью пробрался въ сѣни, но выходныя двери оказались запертыми. Тогда онъ сталъ раздумывать, не разбудить ли ему Урсулу? Онъ стоялъ, прислонившись лбомъ къ холодной стѣнѣ, а передъ его глазами носились огненныя видѣнія. Внутри его царила тишина, полная предчувствія. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ комнату и вылѣзъ въ окно на дворъ, на него пахнуло ледяное дыханіе ночи, и чтобы защититься отъ холода, онъ поплотнѣе запахнулъ пальто на груди; вскорѣ домъ остался далеко позади него.

Черныя и нѣмыя разстилались передъ нимъ окрестности; а онъ самъ производилъ впечатлѣніе человѣка, ищущаго что-то на землѣ и ожидающаго, что невидимая рука подастъ ему это что-то изъ нѣдръ земныхъ. Въ ушахъ стоялъ звонъ; онъ весь превратился въ ожиданіе, духъ захватывало... такъ бываетъ съ водой: самыя маленькія волны и капельки начинаютъ дрожать, когда на горизонтѣ показывается край солнца. Влажными глазами смотрѣлъ онъ въ темноту и воскликалъ:

— Искупленіе! Вотъ оно великое слово. Надо искупить!

Тамъ, гдѣ почва возвышалась въ видѣ холма, онъ остановился. На горизонтѣ, позади самой дальней лѣсной опушки, черное небо багрово рдѣлось; повидимому, тамъ бушевалъ пожаръ, но круглое, строго ограниченное огненное пятно, скорѣе походило на открытыя ворота въ иной невѣдомый міръ, куда только и слѣдовало обращать свой взоръ Арнольду. И онъ чувствовалъ, какъ будто рука Провидѣнія изгоняетъ изъ его души все нечистое, все мутное, и какъ лихорадочно бьющееся сердце постепенно расширяется и успокаивается. «Надо искупить!—думалъ Арнольдъ.—Вотъ что! Дѣло не въ томъ, чтобы еще разъ попробовать, не возобновится ли дурное... нельзя обманывать себя и думать, что возможна новая жизнь, разъ забудешь старую. А насколько я способенъ забывать—теперь ясно. Если я смѣлъ забыть все хорошее и великое, насколько же скорѣе предамъ забвенію все грязное и гадкое? Очень легко обмануться и повѣрить, что самъ сдѣлался лучше, потому что понялъ, насколько гадко плохое. Разъ я не выполнилъ того, что самъ возложилъ на себя, значитъ навсегда утратилъ мнѣ предназначенное. Несправедливо жаждать счастья послѣ того, какъ жилъ плохо. Я не смѣю жить, влача за собою свое прошедшее и въ то же время не смѣю отбросить его въ сторону—что же мнѣ остается сдѣлать, чтобы правосудіе совершилось?»

Арнольдъ шелъ впередъ. Передъ его глазами вспыхивалъ мракъ... Механически протягивалъ онъ впередъ руки, потому что ему казалось, что земля не можетъ даже нести его... Его потрясалъ ужасъ, и только что приступъ его ослабѣвалъ, какъ наступалъ новый... Вначалѣ до него доносились неясно и лихорадочно, потомъ, когда кожа на груди и лбу напряглась до послѣдней возможности, обрушились со страннымъ шумомъ похожимъ на удары крыльевъ приближающейся птицы, слова: «только когда тебя не станетъ, исчезнетъ и совершенное тобою зло, только послѣ искупленія можетъ снова народиться добро и сначала, невидимое, носиться въ пространствѣ, а потомъ найти себѣ воплощеніе».

Сначало мыслью, потомъ чувствомъ постигнувъ ихъ смыслъ, Арнольдъ упалъ на землю и раскинулъ руки; пальцы впились въ песокъ, подбородокъ и щеки царапалъ какой-то кустъ; все тѣло подергивалось судоргой. «Когда оно началось?» думалъ онъ, и глаза его горѣли «Въ какой день, какой часъ? Медленно охватывало меня какое-то чудовище и, искусно утомивъ, лишило силъ. Сначало усыпило сердце, а потомъ разодрало его пополамъ, такъ что въ немъ стали ходить рядомъ добро и зло».

Глубокое потрясеніе, словно пламя, разрушало все, что когда-то служило опорой его духу и нельзя было сомнѣваться, что онъ приметъ непроизвольно возникшую въ его умѣ заповѣдь, какъ нѣчто неотвратимое; мало того, онъ самъ не допускалъ никакихъ извиненій страстью и силой чувствъ, которыя производятъ пожаръ, словно поджигатели, не хотятъ знать, что онъ опасенъ... Судороги, вызванныя пожирающимъ, ужасомъ передъ «небытіемъ» и «ничѣмъ» становились рѣже и слабѣе; также мало-по-малу исчезала одурманивающая боязнь, которую внушаетъ необходимость смерти одной души, когда болѣзнь и постепенное умираніе чувствъ заранѣе не подготовляютъ ее къ ней. И въ то мгновеніе, когда духъ призналъ повелѣніе умереть за высшее откровеніе, исчезло и ужасное сопротивленіе смерти. Рѣшимость омыла душу. Воображеніе весело и гордо отвернулось отъ ночи, разстилающейся по ту сторону земной жизни, и съ чувствомъ блаженства золотило остающіеся до того моменты, когда нога окончательно переступить край пропасти. И будетъ ли это одинъ часъ или пятьдесятъ лѣтъ—ничто уже не могло измѣнить радостнаго и просвѣтленнаго настроенія Арнольда. Когда онъ поднялся съ земли, вмѣстѣ съ нимъ поднялось и выпрямилось, точно родившись вторично, все его существо—умиротворенное, стойкое и спокойно управляющее всѣми своими силами. Онъ даже чувствовалъ за это что-то въ родѣ благодарности къ себѣ самому... Въ противность земному періоду своей жизни, длившемуся до сегодняшняго утра, когда онъ жилъ лишь одною частью своею «я», теперь онъ чувствовалъ, и чувствовалъ ясно и глубоко, побѣдоносную силу человѣка надъ гадательными, слѣпыми и разрушительными силами судьбы. Онъ сталъ господиномъ своей души и вмѣстѣ съ тѣмъ господиномъ жизни. И смутныя ощущенія, лишенныя силъ, теперь куда-

то отодвигались; такъ и вода, сначало бушуетъ и съ гуломъ обдаетъ пѣной и брызгами утесы, а потомъ успокаивается.

Небо на востокѣ заалѣло. Съ странной, ясно-холодной и веселой улыбкой продолжалъ Арнольдъ свой путь. Онъ напряженно слѣдилъ за тѣмъ, какъ расплывались пламѣняющія облачка и какъ небо съ каждой минутой становилось яснѣе и сіяющѣе, точно невидимый источникъ обдавалъ его голубой краской. Воздухъ былъ свѣжъ и безъ всякихъ испареній. Когда Арнольдъ пришелъ въ Подолинъ, было уже довольно поздно, но дома, казалось, еще покоятся глубокимъ сномъ, какъ будто безцвѣтное осеннее солнышко не обладало достаточной силой пробудить ихъ къ жизни.

Около мастерской механика Мезерица Арнольдъ остановился и сталъ разсматривать выставленныя въ окнѣ ружья и охотничьи ножи. Окрестные помѣщики покупаютъ себѣ все нужное для охоты въ городѣ и къ Мезерицу обращались лишь съ поправками. Только изрѣдка являлся какой-нибудь крестьянскій парень, членъ общества стрѣлковъ, и съ гордостью выбиралъ себѣ ружье. Мастерская лежала на нѣсколько ступеней ниже улицы; Арнольдъ спустился и потребовалъ себѣ револьверъ. Мезерицъ узналъ его и, польщенный, выложилъ передъ нимъ весь свой товаръ, почтительно спросилъ о его драгоцѣнномъ здоровьи и почтительнѣйше же осмѣлился обратить его благосклонное вниманіе на маленькій, хорошенькій револьверъ, на дулѣ котораго была выгравирована слѣдующая надпись: «Да здравствуетъ нашъ государь!» Но Арнольдъ выбралъ самый обыкновенный и дешевенькій и, заплативъ за него, привѣтливо простился съ хозяиномъ. Онъ снова поднялся на холмъ и очутился въ полѣ; вдругъ за заборомъ крайняго домика показалось Агнеса Ханка. Она стряхивала сливы съ деревьевъ и была повидимому совершенно здорова. Какъ только она узнала Арнольда, сейчасъ же, еще издали, стала дѣлать ему радостные знаки, поспѣшно подошла къ калиткѣ и, застѣнчиво улыбаясь, протянула руку.

—Я знаю, что вы другъ Александра, слѣдовательно и мой другъ— сказала она. Арнольдъ покраснѣлъ. Въ эту минуту онъ понялъ, что собственно разъединило его съ Ханка. Покачавъ головой, онъ сказалъ:

— Ханка и я были друзьями, но теперь нѣтъ; виноватъ въ этомъ я.

Агнеса улыбнулась, какъ улыбаются женщины разнымъ причудамъ мужчинъ; она не приняла заявленія въ серьезъ. Открыто глядя въ свѣжее и внутренно сіяющее лицо Арнольда, на которомъ не было и слѣдовъ безсонной ночи, она пригласила его затѣмъ къ себѣ, чтобы выпить стаканъ вина и закусить. Она вѣчно и всѣмъ желала дѣлать что-нибудь пріятное, а такъ какъ самымъ удобнымъ и легкимъ для нея было угощать, то и превратила свою кладовую въ преддверіе къ сердцу.

Арнольдъ былъ голоденъ и принялъ приглашеніе. Агнеса моментально поставила передъ нимъ хлѣбъ, масло, сыръ, ветчину и маринованные фрукты, затѣмъ съ противоположной стороны стола придвинула себѣ стулъ и съ благодарностью, почти растроганно, стала на-

блюдать, съ какимъ аппетитомъ онъ кушаетъ; давно уже ей не приходилось принимать у себя гостей. Арнольдъ говорилъ объ Ханка крайне осторожно, такъ какъ не забылъ, что у того есть тайны, которыхъ онъ не имѣетъ права выдавать. Накушавшись, напившись и наговорившись до сыта, онъ всталъ, подалъ хозяйкѣ руку и ушелъ.

Дорога къ усадьбѣ шла довольно большой дугой. Вернувшись домой, онъ узналъ отъ Урсулы, что въ семь часовъ утра пріѣзжалъ докторъ со служителемъ и два часа тому назадъ увезъ съ собою Барромео и Христіана. Услыхавъ это, Арнольдъ вздрогнулъ, точно передъ его духовными очами снова мелькнуло давно забытое бѣдствіе, но это было послѣднимъ воспоминаніемъ. Спокойно дыша, точно предаваясь радостнымъ и горделивымъ мечтамъ о вѣчности идеала, онъ нѣкоторое время расхаживалъ взадъ и впередъ по двору. Потомъ вернувшись въ комнаты, вынулъ изъ ящика листъ бумаги, какъ можно удобнѣе сѣлъ къ столу и сталъ писать:

«Я, нижеподписавшійся, находясь въ полномъ умѣ и памяти, завѣщаю послѣ своей смерти принадлежащую мнѣ усадьбу Анзорге, со всѣми движимымъ и недвижимымъ въ ней имуществомъ нашей старой служанкѣ Урсулѣ Кеммерере. Денежныя же цѣнности, находящіяся въ венгерскихъ государственныхъ бумагахъ, положенныхъ въ банкъ, въ размѣрѣ 840 тысячъ гульденовъ вмѣстѣ съ деньгами положенными на текущій счетъ 1-го іюля с. г.,—завѣщаю моему другу, чиновнику при областномъ управленіи, Людвигу Вольмуту, живущему въ настоящее время въ Грацѣ. Писано въ мѣстечкѣ Подолинъ въ Моравіи 27-го октября.

Арнольдъ Анзорге».

Арнольдъ хорошо понималъ, что дѣлаетъ; онъ зналъ, что никто на свѣтѣ не съумѣетъ съ такой пользой и такъ обдуманно употребить эти деньги, какъ дѣятельный, рѣшительный, не колеблющійся, но въ то же время лишенный всякой фантазіи и темперамента, Вольмутъ. Его-то ужъ не могли сбить съ пути никакіе соблазны.

65.

Было два часа пополудни, когда Арнольдъ вышелъ изъ дому. Пройдя немного, онъ съ улыбкой оглянулся назадъ, на домъ, подъ защитой котораго протекло его дѣтство; вотъ крѣпость охранявшая и сохранившая въ чистотѣ его внутренній міръ, вотъ гдѣ воспитался окрѣпъ и округлился его духъ, словно одинъ изъ міровъ вселенной, которому предназначено пробѣжать значительныя наполненныя эфиромъ пространства среди созвѣздій... Онъ шелъ вдоль берега рѣки, пока не набрелъ на развалившуюся избенку. На берегу сидѣли мужчина и женщина и чинили неводы; на водѣ качалась маленькая лодочка; Арнольдъ попросилъ у хозяевъ позволенія доѣхать въ ней до лѣсу. Заплативъ мужчинѣ гульденъ, онъ, стоя, шестомъ оттолкнулся отъ берега и поплылъ внизъ по теченію; по временамъ онъ переставалъ грести, чтобы хорошенько полюбоваться сіяющимъ небомъ или

его болѣе темнымъ отраженіемъ въ водѣ. Ему казалось будто онъ блаженно скользитъ между двумя небесами. Никогда еще онъ такъ сильно не чувствовалъ жизни... Все, что разстилалось передъ нимъ, казалось блестящимъ ледянымъ полемъ, раскинувшимся высоко надъ землею и надъ живымъ покоемъ долинъ. Онъ никогда не испытывалъ чувства тѣлеснаго недомоганія, но теперь началъ догадываться, что значитъ быть здоровымъ и выздоравливать. Настроеніе его было праздничное; онъ точно безъ горечи и тоски вынималъ свое сердце изъ груди и, высоко приподнимая его на воздухъ, заставлялъ его сверкать на солнцѣ.

Около довольно уединеннаго мѣстечка, гдѣ лѣсъ на томъ и другомъ берегу близко подступалъ къ водѣ, онъ причалилъ и привязалъ лодку къ дереву. Взорами онъ ласкалъ свѣтло-зеленый мохъ, коверъ изъ листьевъ, искрящіеся кончики травъ, танецъ комаровъ въ бѣловатомъ воздухѣ, мельканіе золотыхъ и желтыхъ солнечныхъ лучей. Онъ прислушивался къ тихому шуму вѣтра въ верхушкахъ, къ разнообразнымъ соннымъ, какъ бы замершимъ звукамъ, къ треску сучьевъ, шелесту листьевъ, порханію птицъ. Большая часть кустовъ была уже безъ листьевъ; на крохотной лужайкѣ тысячами цвѣли лиловыя безвременницы. Изъ глубины сосноваго лѣса донесся радостный лай собакъ, потомъ, также издали, ударъ бича. Временами между стволовъ поднималось что-то въ родѣ тумана, а надъ самой головой Арнольда стучалъ дятелъ.

Солнце начинало садиться. Облитые красноватымъ свѣтомъ трепетали въ воздухѣ зеленыя хвои. Окраска клочка неба, виднаго съ прогалины, постепенно переходила изъ темно-синей въ зеленовато-лиловую. Арнольдъ легъ на кучу побурѣвшей хвои, наполовину закрылъ глаза и сталъ вдыхать въ себя сладкій воздухъ и ловить рукой паутину, нити ея, какъ всегда бываетъ въ бабье лѣто, носились вокругъ и напоминали потерявшіяся нити изъ одѣяній феи... Потомъ онъ внимательно сталъ слѣдить за процессіей муравьевъ около своего плеча и чувствовалъ себя такимъ же маленькимъ, какъ какой нибудь кузнечикъ... Съ любовью всматривался онъ снизу и какъ бы изнутри въ этотъ міръ муравьевъ и лѣсъ травинокъ.

Выраженіе лица стало еще спокойнѣе, но и серьезнѣе. Онъ приподнялся немного, чтобы поудобнѣе прислониться къ толстому стволу сосны, что была выше всѣхъ остальныхъ и первая окунала свою верхушку въ вечернюю зорю и одновременно привѣтствовала желтый мѣсяцъ на востокѣ. Арнольдъ сорвалъ травинку, углубленно улыбнулся и провелъ ею по губамъ, такъ что холодная влага росы освѣжила ему ротъ. Потомъ разстегнулъ сюртукъ и рубашку, вынулъ револьверъ, прижалъ его къ лѣвой половинѣ груди и спустилъ курокъ.

Конецъ.

ПИСЬМО.

Прошло два мѣсяца холоднаго молчанья...
Отчаянья и слезъ, безумной траты силъ...
Два долгихъ мѣсяца тоски и ожиданья...
И вотъ ты пишешь мнѣ: «Нѣтъ, нѣтъ, я не забылъ!..»
Но въ сердцѣ у меня не радость, а страданье...
Откликнуться тебѣ душа не въ силахъ вновь:
Въ ней чувство прежнихъ дней давно переболѣло...
Осыпались цвѣты—и сердце опустѣло...
И крѣпко спитъ тобой убитая любовь...
Какъ похоронный звонъ, безжалостно и грозно
Звучитъ послѣдній стонъ, отвѣтъ послѣдній: «поздно»...

БРИЛЛІАНТЫ.

Я боюсь драгоцѣнныхъ, блестящихъ камней,
И люблю ихъ съ болѣзненной страстью.
Въ ихъ сіяньи царитъ искушенія змѣй
Съ безпощадно холодною властью...
Въ нихъ мнѣ видится кровь—кровь и слезы людей...
И я знаю—духъ зла эти слезы собралъ,
Заключилъ въ золотую оправу
И съ проклятьемъ своимъ человѣку послалъ
Красоты дорогую отраву...

Г. Галина.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Повѣсть.

— Городъ, городъ, городъ...

Никита, перебросивъ котомку черезъ плечо, сошелъ съ поѣзда и, протолкавшись сквозь живую стѣну, которой собственная масса мѣшала разсѣяться, быстрыми шагами перешелъ широкую, немощенную площадь и сталъ взбираться на пригорокъ, лежавшій между городомъ и вокзаломъ.

Наканунѣ, раннимъ утромъ онъ взялъ билетъ до О. и, однако, до послѣдней минуты не былъ увѣренъ, что ѣдетъ наконецъ: даже занявъ мѣсто въ вагонѣ третьяго класса, все еще ждалъ помѣхи съ какой-нибудь стороны, хотя опасаться ему было рѣшительно некого. И только лишь, когда послѣ долгаго ожиданія поѣздъ, наконецъ, тронулся, тревога его улеглась, и перестало существовать все, что лежало въ прошломъ, вплоть до вчерашняго разсчета съ харчевникомъ; самъ же онъ, цѣликомъ съ своими мечтаніями и желаніями, былъ поглощенъ той серьезной, важной, какъ ему казалось, жизнью, что билась и кипѣла вокругъ него. Въ восьми вагонахъ третьяго класса уже было тѣсновато. На каждой станціи поѣздъ подбиралъ людей, отправлявшихся на заработки въ большой городъ, и шумъ, возня, споры изъ-за мѣстъ на время овладѣвали общимъ вниманіемъ. Большой паровикъ, точно онъ былъ живой и чувствовалъ, какъ тяжесть растетъ, пыхтѣлъ, ворчалъ, не спѣша подвигаясь среди бѣдныхъ, какъ бы заброшенныхъ полей, такихъ печальныхъ подъ неспокойнымъ предосеннимъ небомъ, въ гору шелъ совсѣмъ медленно и такъ жалобно свисталъ, что казалось, вотъ-вотъ, онъ надорвется и покатится назадъ.

Никита впервые совершалъ большой переѣздъ и былъ взволнованъ до крайности. На каждой большой станціи онъ торопливо, не слушая хмурыхъ кондукторовъ, переходилъ въ новый вагонъ, вѣренный, что тамъ еще лучше, и опять упивался знакомою сѣрою далью, мелькнувшею деревушкою, хижинкою сторожа, скотомъ, родившимъ по полямъ, стукомъ поѣзда, и на душѣ у него было

легко. Когда онъ отрывался отъ окна, его вниманіе поглощала жизнь, что кипѣла вокругъ него, и онъ жадно слушалъ радостные разговоры о большомъ городѣ, лежавшемъ еще далеко. Люди вокругъ него задыхались отъ упоенія и вѣры. Надежда на этотъ большой, невѣдомый городъ захватывала всѣхъ, и молодыя и старыя, насупленныя лица краснѣли, какъ у дѣтей, отъ радости, когда говорилось о фантастическихъ заработкахъ, ожидавшихъ каждаго новопріѣзжаго. Восклицанія, подобно стрѣламъ, неслись по вагонамъ. Слово разросталось въ упоительную сказку, и она дѣйствовала, какъ подавляющая правда. Разговаривали всѣ разомъ, перебивая другъ друга, мѣшали, не слушали, горѣли. Разночинный людъ, мѣщане всякихъ профессій и ремеслъ, рабочіе, мужики, бабы съ грудными дѣтьми на рукахъ, всѣ повторяли одно и то же о чудесахъ волшебнаго, большого города, гдѣ, казалось, не было бѣдныхъ, и деньги, какъ камни, валялись на улицахъ.

Подлѣ Никиты, держа чемоданчикъ на колѣняхъ и ни на одну минуту не выпуская его изъ рукъ, сидѣлъ худой человѣкъ съ косыми, бѣгающими глазами, и вполголоса, но постепенно оживляясь, разсказывалъ толстой бабѣ, кормившей грудного ребенка, какъ онъ славно устроится въ городѣ.

— Приказчиковъ,—говорилъ онъ любовно, покряхтывая какъ-то на каждомъ словѣ,—не хватаетъ тамъ, со свѣчами, слыхалъ, ищутъ. А у меня 50 рублей на рукахъ, собственныхъ 50 рублей,—повторилъ онъ, опасаясь, что баба не разслышала.—Вотъ, скажемъ, прочиталъ я въ газетѣ такое: требуется, молъ, приказчикъ православной вѣры съ залогомъ въ 50 рублей. Что-съ, тетка, съ залогомъ въ пятьдесять рубликовъ? Здѣсь, тетка,—зашепталъ онъ вдругъ,—на третьей скамейкѣ два приказчика сидятъ. Безденежные! Кто ихъ возьметъ? Человѣкъ безъ денегъ—ненадежный. А у меня 50 рублей.

— Кто же его безденежнаго знаетъ,—поддержала баба,—можетъ, онъ изъ острога бѣжалъ, а можетъ, такъ, нехорошій человѣкъ. Съ деньгами другіе разговоры.

— То-то и я говорю. Первымъ дѣломъ это я сейчасъ туда, по адресу. Прихожу. Да. Такъ и такъ. Служилъ тамъ-то, знаю то-то. Позвольте 50 рублей въ мѣсяцъ. Такъ, что-ли, тетка? А то и поднять форсъ можно. Не могу, молъ, хозяинъ, на службу къ вамъ пойти. У меня жена, дѣти, позвольте, скажу, 75 рублей? Правда, тетка? На дыбы станетъ,—позвольте 100 рублей.

Онъ остановился отъ волненія и жадно перевелъ духъ.

— У меня залогъ, у меня жена, дѣтей куча,—тихо прибавилъ онъ.

— Безпремѣнно дадутъ,—засмѣялась баба, и глаза у нея стали веселые, довольные.—Имъ безъ людей никакъ не обойтись. Я вотъ,

ожиданіи. Никита не слушалъ этихъ разговоровъ и хмуро смотрѣлъ въ окно. Когда его разспрашивали о родинѣ, глаза его становились злыми, непокорными, и вся простота и пріятность его лица моментально превращались во что-то холодное, блиставшее ненавистью.

— О родинѣ не говори,—упрямо повторялъ онъ давно приставшему къ нему мастеровому съ козлиной бородкой, у котораго не было одного уха,—нѣтъ у меня родины.

— Какъ это нѣтъ родины? — удивлялся тотъ, выговаривая высокой фистулой,—у каждой твари есть она, не то что у нашего брата.

— А у меня, братъ, нѣту; была, а теперь нѣтъ ея.

На какой-то станціи Никита съ мастеровымъ безъ уха выпили, и тогда уже подъ хмелькомъ открылась тайна его рѣчей, загадочныхъ словъ.

— Худо у меня на родинѣ, вотъ, братъ, оно что,—говорилъ Никита, вперивъ взглядъ въ мастерового, и у обоихъ лица были удивленныя, растерянныя.

— Правда,—сказалъ тотъ и почесалъ за ухомъ.—Безъ худа мѣста одного нѣтъ на землѣ,—прибавилъ онъ грустно,—а по той же самой причинѣ и я въ бѣгахъ значусь, у себя-то дома.

— Женили меня,—продолжалъ Никита шопотомъ,—на кривой дѣвкѣ Катеринѣ, богатѣйшая въ селѣ нашемъ дѣвка была, восемь десятинъ земли, кони, всякаго добра бабьяго...

— Эко ты чудакъ!—перебилъ мастеровой, вывернувъ ладони и кладя ихъ между колѣнами.

— А я Мотю любилъ, сирота одна бѣдная была,—Мотя, ну и ее вотъ любилъ.

— Вотъ какъ! Нисколько неинтересное положеніе.

— Девятнадцать лѣтъ мнѣ было, а старикъ мой крутой, старикъ—звѣрь, попросту сказать. Какъ хотѣлъ, такъ и сдѣлалъ.—Онъ помолчалъ.—Мотя за вдовца вышла...

Оба закурили и задумались.

— Четыре рубля, сказываютъ, каменная работа теперь, — убѣждалъ чей-то горячій голосъ.

— Въ настоящую минуту старикъ бы не скрутилъ,—задумчиво выговорилъ Никита, прислушавшись,—самъ кого захочу—скручу.

— Ну? А Катерина-то какъ?

— Да, ничего; баба какъ всякая — на языкъ скверная и... кривая. Я съ ней и не жилъ.

— Какъ не жилъ?

— Очень просто—не касался. Тутъ бы ужъ на ножъ пошелъ, а не сдался.

— Заставляли развѣ, милый человѣкъ?

— Пробовали,—съ злой усмѣшкой выговорилъ Никита.

— Ну... ну и что-жъ, скажи на милость?

— Ну, и ничего. Экъ ты сапогами въ душу лѣзешь...

— Сапогами!—обидѣлся мастеровой.

Опять наступило молчаніе, и сейчасъ же въ уши полѣзли слова: деньги, деньги, заработки.

— Ну, а Мотя? — вспомнилъ мастеровой и спряталъ ладони между колѣнъ.

— Мотя? Замучили... Вдовецъ-то хуже разбойника оказался. Я встрѣчалъ и то не узнавалъ ее. Худая и синяя, больше синяя,—лицо, подъ глазами... Худая и синяя. По ночамъ я плакалъ... На службѣ уже узналъ, что умерла. Озвѣрѣлъ вдовецъ и убилъ ее.

— Вотъ-то жизнь! — ужаснулся мастеровой. — А ты гдѣ служилъ?

— Какъ гдѣ? Пять лѣтъ въ солдатахъ лямку тянулъ.

— Отставной, стало быть? Братецъ ты мой!

— Полгода, какъ вышелъ.

— Что же ты, солдатъ, сразу не сказалъ?—оживился мастеровой,—я бы еще рюмочку за твое здоровье выпилъ. Люблю солдата. Значитъ, выслужился и домой не поѣхалъ. Характеръ у тебя.

— Есть довольно. Вышелъ я это,—худо было. Городокъ маленькій, бѣдный. Ничего я не знаю самъ, ни ремесла, ни грамоты,—ничего. Бился этакъ я больше двухъ мѣсяцевъ. Потомъ въ харчевню нанялся, по пяти рублей въ мѣсяцъ. Четыре мѣсяца послужилъ, а больше выдержать не могъ. Не въ состояніи. И что тамъ въ этой харчевнѣ дѣлалось, такъ того въ день не разскажешь. Одно слово—грабежъ. По карманамъ лазили, пьяный—онъ ничего не понимаетъ. Сволокутъ въ заднюю комнату, и хозяйская дочка, шельма рябая, уже насухо оберетъ. Ловкая была, убей ее громъ. Натерпѣлся душой. Пьянствую отъ тоски, а вытрезвлюсь опять въ харчевню. Некуда дѣваться мнѣ. Спасибо доброму человѣку; надоумилъ въ городъ поѣхать. Слышалъ, пьяные тутъ всѣ отъ разговоровъ? Очень хорошо о городѣ разсказываютъ.

— Кто его знаетъ? Въ городѣ будемъ — видѣть будемъ,— произнесъ мастеровой.—Больно хорошо стелятъ.

Лишь позднею ночью, когда кондукторъ перемѣнилъ свѣчи, наступила кое-какая тишина. Шушукались на скамьяхъ, подъ скамьями, и шопотъ этотъ, хотя и былъ такой же горячій, неостывающій, какъ дневные разговоры, но ночь все-таки принесла на своихъ крыльяхъ тревожное раздумье...

Поѣздъ шелъ быстрѣе, уходило время, и раннее утро, темное и холодное, началось тѣмъ же самымъ: говорили о городѣ. Никогда еще эти грязные вагоны третьяго класса, неуютные и тѣсные, не перевозили столько счастливыхъ людей. Вѣра горѣла въ груди старыхъ и молодыхъ, она побѣждала разсудокъ, потрясала сердца, и то, что всѣхъ ожидала одинаковая участь, сближало и сдружало людей, еще вчера равнодушныхъ другъ къ другу.

Никита сидѣлъ у окна и, какъ опьянѣвшій, прислушивался къ смѣшанному гулу. Кружилась его голова. Вдругъ чей-то громкій, торжествующій крикъ пронесся по вагону:

— Городъ, городъ! Я вижу...

Всѣ бросились къ окнамъ, замирая отъ волненія. Поѣздъ бѣжалъ по равнинѣ, собираясь взлетѣть на гору. Вдали, въ туманѣ, что-то прорѣзывалось огромной массой, въ которой не чувствовалось формы. Краснѣлъ востокъ. Какъ при закатѣ, густымъ, темнымъ огнемъ вспыхнули тучи вдалекѣ.

— Городъ, городъ!...

Люди стояли у каждаго оконца и тыкали пальцами въ стекло.

Никита протиснулся на площадку и тщетно пронизывалъ туманъ глазами. Но одной блеснувшей, безформенной массы было довольно. Какъ храмъ для страждущихъ, мелькнуло видѣніе. Люди крестились, благодарили Бога и глаза ихъ блистали радостью. И въ эти два безконечные часа, что оставалось переждать въ вагонѣ, ничего, кромѣ слова городъ, которое выговорилось всѣми тонами, голосами, вздохами, уже не произносилось.

— Городъ, городъ, городъ...

Взобравшись на пригорокъ, Никита остановился, чтобы оглянуться. Съ правой стороны лежалъ вокзалъ съ своими крышами, трубами и длинными строеніями мастерскихъ и депо. Застывшимъ пятномъ чернѣлъ онъ въ воздухѣ. Далеко, какъ игрушечные уходили люди. Никита съ радостью отвернулся, чтобы бросить взглядъ на разстилавшійся передъ нимъ городъ. Томительнымъ чувствомъ сверкнуло и потухло воспоминаніе о родномъ селѣ. Съ пригорка чудесный, многообѣщающій, страстно желанный—онъ открывался весь, со стѣнами своихъ домовъ, окнами, трубами, деревьями, но все же первое, что поразило Никиту былъ пирамидальный соборъ, съ сіявшимъ на главѣ золотымъ крестомъ, который, какъ бы не спѣша, поднимался въ чистое, круглое небо. Никита машинально поднялъ руку, три раза перекрестился и, крестясь, держалъ лѣвую руку съ шапкой неподвижно у колѣнъ. Впереди даль опоясалась желѣзнымъ кольцомъ моря, которое онъ видѣлъ въ первый разъ. Утренній туманъ разсѣивался, и съ нимъ уходила неясность очертаній. Чуть съ боку, налѣво, точно сбрасывая съ себя покрывало, выростала

недавно построенная церковь Аѳонскаго подворья со своими пятью могучими, грушеобразными куполами, и вмѣстѣ съ рѣдкими домами, окружавшими ее, казалось уединилась отъ жизни. Вся же суета города, съ оживавшимъ грохотомъ на мостовыхъ, который уже доходилъ сюда, сконцентрировалась вокругъ собора, и скромная, все отчетливѣе выдѣлявшаяся церковь, вмѣстѣ съ другими храмами, христіанскими и иновѣрческими, были подобны стражѣ святыхъ, оберегавшихъ огромный городъ отъ безумствъ и грѣховъ. Позади лежалъ поселокъ со своими большими стекляными, костомольными, кожевенными, чугунно-литейными заводами и фабриками, и черный дымъ отъ высокихъ трубъ траурнымъ кольцомъ подымался надъ церковкой слободы.

Никита поворачивалъ голову и все сознательнѣе крестился, различая каждый разъ новый храмъ, и шапка въ его рукѣ теперь также, какъ и онъ, низко кланялась во всѣ стороны. Освѣщенный, на пригоркѣ, одинъ, среди тишины, съ котомкой за плечами, безъ шапки, онъ и самъ казался святымъ, который своими крестами какъ бы благословлялъ городъ, можетъ быть, шелъ спасти его. Можетъ быть...

Солнце все всходило.

II.

Осенній вечеръ наступилъ. Кабацкій мальчикъ Петька, вихрастый, съ задорнымъ лицомъ и уже безъ пяти переднихъ зубовъ, вскочилъ на стулъ и, чиркнувъ спичкой, прокричалъ:

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Го-го,—раздались возгласы, и вдругъ, какъ бы по волшебству, выплылъ изъ тьмы огромный залъ кабака, скрывавшійся до сихъ поръ.

— Гдѣ гармонистъ?—послышались крики.—Гармонистъ!..

Кабацкая публика, веселая и въ духѣ, затопала ногами, требуя гармониста, который только что исчезъ куда-то. Входили новые поденщики, еще трезвые, и, степенно сбросивъ шапки, разсаживались за столиками.

— Петька, Петька!..

— Сейчасъ, сейчасъ!..—несся его звонкій голосъ, и онъ, казалось, шелъ отовсюду, и отъ дверей, и изъ-за стойки, и среди поденщиковъ.

Опять кто-то прокричалъ: «гармонистъ, гдѣ гармонистъ». Толпа крикнула: «тю-тю», и на минуту всѣ звуки смѣшались.

Дверь открылась, и кучка людей заглянула въ кабакъ.

— О, го-го!—послышалось опять изъ толпы.—Данило, христіанскій человѣкъ!

— Данило, сюда, эй, Данило!

— У-гу-гу!—продолжалось завыванье.—Данило съ Ѳедоромъ, Елизавета тоже. Ступай къ намъ, Елизавета! А это кто тамъ?

— Солдатика привелъ, голубчики мои,—скрипучимъ баскомъ и кланяясь во всѣ стороны, отвѣтилъ Данило.—На улицѣ сироту нашелъ. Вотъ онъ Божій солдатикъ. Дайте мѣсто намъ, голубчики христіане.

Никита торопливо, какъ пойманный на уду, сталъ пробираться къ столику, а Данило на ходу разсказывалъ, какъ онъ солдатика нашелъ.

Пронеслись звуки гармоники.

— Гармонистъ, гармонистъ! Петька, ты что смотришь?

Кто-то выскочилъ на середину кабака и, покачиваясь и улыбаясь, затопалъ ногами.

— Гу-гу!—загоготали въ толпѣ.—Петька, Петька!

Поденщики безпрестанно появлялись. Становилось жарко и тѣсно. Воздухъ помутнѣлъ. Компанія рыбаковъ, всегда сидѣвшая въ углу подлѣ окна, начала пѣть, и каждый пѣвшій закрывалъ глаза.

— Ну, христіанинъ, вотъ мы и дома, у себя, слѣдовательно,—произнесъ Данило, обращаясь къ Никитѣ.—Теперь разсказывай, какъ и что. Петька, полштофа. Ѳедоръ, ты что не сядешь?

Онъ положилъ руки на столъ и склонился къ Никитѣ.

Кабакъ кипѣлъ. Поденщики входили, и выходили и съ каждой минутой становилось веселѣй отъ разговоровъ, криковъ и пѣнія. Среди портовыхъ домовъ нищеты, кабакъ одинъ только говорилъ еще о жизни и счастьи. Какъ домъ свободы, возвышался онъ. Люди съ уставшими спинами, приниженные и обездоленные, люди-рабы, грубые и темные, воскресали здѣсь лучшими сторонами человѣческаго въ первыя минуты опьяненія. Они стекались сюда, привлеченные обаяніемъ угарнаго забытья, общеніемъ съ себѣ подобными, и кабакъ на мигъ дарилъ то, чего не давала страшная жизнь. У его порога кончалась свирѣпая дѣйствительность, спадали цѣпи, опускались плети, и каждый находилъ здѣсь свою долю свободы и радости. Кабакъ кипѣлъ, шумѣлъ. Поденщики появлялись и исчезали, они веселились, плясали, пѣли, упивались свободой, лобзались и обнимались, и вся ихъ неестественная жизнь здѣсь казалась олицетвореніемъ молчаливыхъ мечтаній.

Никита, охмѣлѣвъ, тихо разсказывалъ о своихъ скитаніяхъ по городу и жадными глазами смотрѣлъ на Елизавету.

— Улицы испугали меня,—повторилъ онъ, и глаза его были испуганы, когда онъ говорилъ, сытыя, злыя. Люди, какъ звѣри на цѣпи, и не подходи.

— Попробовалъ перцу-то,—разсмѣялся Ѳедоръ, высокій чело-

вѣкъ съ мрачнымъ лицомъ и горящими глазами,—погоди еще не то увидишь. Научишься...

— Я когда въ городъ вошелъ,—продолжалъ Никита, все обращаясь къ Елизаветѣ, которая не сводила съ него глазъ,—такъ думалъ, пройти не дадутъ, право. Увидятъ и сейчасъ это къ себѣ: ступай къ намъ. Двѣ недѣли даромъ бился,—хмуро прибавилъ онъ,—какъ собаку гнали.

— Бѣдный ты,—съ жалостью выговорила Елизавета.

— Чего бѣдный,—вмѣшался Данило,—ему, солдату, не привыкать-стать.

— Погоди, еще не то увидишь,—опять погрозилъ Ѳедоръ.

— Что же ты, Никита, не выпьешь со мной?—произнесла Елизавета и положила руки ему на плечи.

— Испугался я,—прошепталъ Никита, скосивъ глаза и опрокидывая рюмку въ ротъ,—думалъ, люди тутъ...

— Люди и есть,—таинственно выговорила Елизавета.

— Думалъ, люди...

Онъ все больше хмѣлѣлъ, и теперь, чѣмъ веселѣй становилось кругомъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ горечь отъ обиды. Когда онъ вошелъ въ городъ, у него была одна мысль—достать работу и устроиться. Казалось ему, и вѣра была, что здѣсь онъ отдохнетъ. Казалось, все мрачное, что было въ его жизни, уйдетъ отъ него въ этомъ огромномъ, красивомъ городѣ, среди красивыхъ, чистыхъ людей...

— Думалъ, люди тутъ...

— Невеселый ты,—выговорила Елизавета и наклонилась близко къ его лицу.—Ѳеденька, кликни гармониста. А ты, милый,—опять обратилась она къ Никитѣ,—вотъ сюда голову положи,—на грудь мою. Отдохнешь тутъ.

Она крѣпко поцѣловала его и, глядя въ глаза, шепнула:

— Пріятный ты. Борода у тебя это. золотая... хорошо.

Пронесся аккордъ гармоники и, тронувъ сердце Никиты своими жгучими тонами, замеръ гдѣ-то подлѣ него. Никита поднялъ голову. Какой-то сухой, жилистый, точно изъ бронзы отлитый человѣкъ, съ нездоровымъ лицомъ, усѣлся противъ него, поставивъ на колѣни маленькую гармонику.

— Валяй, христіанинъ,—крикнулъ Данило,—солдатскому барину угоди. Угоди,—заревѣлъ онъ, и глаза его сразу налились кровью.—И, эхъ же ты, камаринской мужикъ...

Онъ затопалъ ногами, не поднимаясь съ мѣста, защелкалъ пальцами и широко, точно тяжесть поднималъ и не могъ, раскрылъ ротъ съ мелкими истертыми зубами. Никита вздрогнулъ. Вдругъ, точно сверху откуда-то раздалось приказаніе, маленькая гармоника ожила, перевернулась, и изъ нея посыпались звуки... Твер-

дые, бронзовые пальцы гармониста покорились... Кто-то звонко проговорилъ «февраля двадцать девятаго», чей-то топотъ раздался подлѣ Никиты, и, плавно отдѣлившись отъ стола, словно лебедушка, прижавъ одну руку къ груди, а другую вытянувъ на отбросъ, не спѣша выплыла Елизавета. Забилось сердце у Никиты. Глаза его прояснѣли, и въ нихъ задрожалъ восторгъ. Лебедушка плыла противъ него, склонивъ голову на плечо, и лукаво глядѣли ея глаза теперь. Никита, крадучись, поднялся, забросилъ руки за спину, нерѣшительно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ неожидано съ крикомъ нагнулся, бросилъ шапку, ударилъ ладонью объ полъ и быстро, ловко побѣжалъ на цыпочкахъ, преслѣдуя лебедушку. Гармоника заволновалась. Точно тяжелыя оковы спадали съ нея, и звуки, задыхавшіеся въ темной клѣткѣ, торопились вырваться, чтобы рѣять въ воздухѣ, сзывать людей, кружиться съ ними. Они выбѣгали все быстрѣе, увлекая за собой танцовавшую пару, которая страстно стремилась догнать ихъ. Они выбѣгали стройно, рядами, окруженные роемъ руладъ, сопропождавшихъ каждый звукъ, какъ десятки покорныхъ рабовъ, а басы, точно больные старики, вдали сердито роптали. Елизавета, не измѣняя позы, плавала, рѣяла, трепетала и увлекала за собой Никиту, который никакъ не могъ поймать ее, хотя уже и шелъ въ присядку. А звуки все больше задирали, сердили, и онъ билъ о-полъ ладонью; потомъ какъ-бы передумавъ сердиться, опять забрасывалъ руки за спину и глядя на свои сапоги, вертѣлся и кружился, точно былъ одинъ. Елизавета любовалась имъ. Гармоника пѣла. Пьяные поденщики, образовавшіе кружокъ, вздыхали отъ восторга, гикали и отъ нетерпѣнія притопывали ногами. Нѣсколько разъ уже Никита поднималъ руки, изумительно быстро на цыпочкахъ отбѣгалъ отъ Елизаветы, чтобы съ разгона, наконецъ, поймать ее, но она была неуловима, какъ мечта, выскользала изъ его рукъ и, удаляясь, дразнила своею позою, лукавымъ взглядомъ, лаской и теплomъ, которыя приносила и уносила съ собой. Кто-то въ кругѣ заложилъ пальцы въ ротъ и рѣзкимъ пріятнымъ звукомъ сталъ лихо посвистывать, и это такъ возбудило всѣхъ, что каждый съ яростью пустился выбрасывать ногами, вскрикивать и стараться для самого себя. Люди смѣшались... Никита не выдержалъ. Внезапно онъ сталъ, подержался мигъ на носкахъ и, вдругъ подпрыгнувъ высоко, съ размаха сѣлъ на полъ.

— Ай да солдатъ!—послышался голосъ Данилы.—Дай я тебя поцѣлую, христіанинъ. Молодчина! Лизавета, ступай къ нему!..

Елизавета улыбнулась, сдалась и подняла его.

Толпа уже успокаивалась и разсаживалась на своихъ мѣстахъ.

Отлитый изъ бронзы гармонистъ опять сидѣлъ противъ дверей и недобрымъ взглядомъ оглядывалъ входящихъ.

— Ты когда уйдешь отъ насъ?—спрашивала Елизавета, запивая пиво стаканомъ водки, и дразнила Никиту взглядомъ.

— Это когда придется,—отвѣтилъ Никита, смѣясь всѣми суставами, тѣломъ, глазами.

— Такъ будешь говорить, никогда не уйдешь. Для рабочаго человѣка здѣшнее мѣсто, что яма, что клещи. Некуда, милый мой, уходить отсюда.

— Отсюда уйти,—вмѣшался Ѳедоръ, сверкнувъ глазами, такъ съ ножомъ въ рукахъ. Иначе, сдѣлай ваше одолженіе, сиди на своемъ мѣстѣ и не двигайся.

Что-то мелькнуло передъ Никитой, и онъ хмуро посмотрѣлъ на Ѳедора. Данило смѣялся. Опять, какъ въ городѣ, человѣкъ звѣремъ показался Никитѣ, и теперь звѣрь былъ разозленъ. Но Елизавета уже обвила его шею руками, прижималась къ нему и шептала:

— Жалко мнѣ тебя, Никита, уходи ты ради Бога отсюда...

Потухшая было радость ожила въ немъ отъ тепла ея, и вновь все смѣялось въ немъ, тѣло, суставы, глаза...

— Меня, Елизавета,—также шопотомъ отвѣтилъ онъ,—не жалѣть, а любить нужно. Собаку жалѣй, а меня люби но ужъ люби...

И говорилъ, и крѣпко прижимался къ ней, и когда пилъ изъ рукъ Данилы водку и пиво, не разбиралъ, и оно казалось одинаково вкуснымъ.

Теперь пѣли въ трехъ мѣстахъ разомъ, и воздухъ какъ-то жалобно гудѣлъ отъ звуковъ. Петька, какъ угорѣлый, метался среди столовъ, и даже его свистящій голосъ пересталъ быть слышнымъ. На третьемъ столѣ поденщикъ-угольщикъ, сердито ворочая глазами, билъ по столу водочнымъ стаканомъ, что-то говорилъ, грозилъ, жестикулировалъ, и нельзя было понять, чего онъ хочетъ. Петька подбѣгалъ къ нему нѣсколько разъ, но, не добившись толка, совсѣмъ оставилъ его, и это такъ разсердило угольщика, что онъ опрокинулъ столъ и, какъ помѣшанный, сначала сталъ бить его ногами, а потомъ прыгать на немъ. Поденщики повставали съ своихъ мѣстъ и окружили плясавшаго на столѣ угольщика, но сейчасъ же сами увлеклись, и пока хозяинъ кабака подошелъ, столъ разнесли въ щепки.

— Вотъ-то, черти,—раздался чей-то старческій голосъ,—прямо арестанты.

Начиналась свалка, и Ѳедоръ, долго крутившій усъ, отдѣлился, наконецъ, отъ компаніи, шумно вздохнулъ и врѣзался въ кучу.

— Ты какую работу знаешь?—спрашивала Елизавета, и голосъ ея былъ не свой, таинственный,—сама я мѣшки шью...

— Лизавета, брось,—солдатъ, онъ уставши,—перебилъ Данило.—Здорово, Ѳедоръ, молодчина!..

— Никакой я работы не знаю. Раньше мужикомъ былъ, потомъ солдатомъ. Вотъ и все мое знаніе.

— Со мной, Никита, на работу пойдешь,—произнесъ Данило, обернувшись,—такую работу отыщу тебѣ, что, окромя спины твоей да еще ногъ, ничего не потребуется. На этотъ счетъ хорошо тутъ, солдатъ. Лучшаго и не найдешь нигдѣ. Хорошо тутъ.

Онъ хлопнулъ его по плечу, а Никита хмуро сказалъ:

— Ты про солдата не вспоминай! Такое это время было, что не приведи Богъ два раза испытать.

— Худо было? Лизавета, я съ нимъ выпью. Налей въ стаканъ. А Ѳедоръ-то того?

— Не спрашивай. Всего довольно, а хорошаго мало. Не приведи Богъ два раза испытать,—повторилъ Никита.

— Должно, хорошій ты солдатъ былъ,—загорѣвшись вся, вмѣшалась Елизавета,—это въ мундирѣ-то, грудь колесомъ...

Она не отрывалась отъ него и пожирала глазами его лицо. Бѣлый, широкій, съ густой свѣтлой бородой и красными губами, онъ съ первой минуты плѣнилъ ее такъ, будто она давно его любила, а онъ ее гналъ отъ себя.

— Хорошій,—повторилъ онъ.—Куда мнѣ? Старался я, дѣйствительно, изо всѣхъ силъ,—потому тамъ, куда ни ткнись, все вѣрой и правдой. Но мужикомъ крѣпко былъ. Крѣпко сидѣлъ онъ во мнѣ.

Елизавета растрогалась и обняла его. Вернулся Ѳедоръ, съ оскаленными зубами, и, вытирая кровь около уха, налилъ себѣ водки. Въ кабакѣ было уже тише. Поденщики расходились, и громкіе голоса ихъ долго слышались по улицѣ.

— Пойдемъ, что ли,—выговорилъ Ѳедоръ,—надоѣло, да скоро запирать будутъ.

— Развѣ такъ,—отозвался Данило.

Они всѣ вышли, а Никита неохотно поднялся.

— Куда же мы пойдемъ?—спросилъ онъ.—Квартиры вѣдь нѣтъ у меня.

— Подъ эстокаду, христіанинъ, пойдемъ,—отвѣтилъ Данило,—тамъ и квартира; такое мѣсто я знаю, что за рубль не достанешь. Подъ эстокадой, братъ, и спимъ.

— На улицѣ, значитъ... Онъ поглядѣлъ на нихъ съ удивленіемъ.

— А то какъ же? На улицѣ хорошо. Не привыкъ? Привыкнешь. Это вѣрное слово говорю. Самое легкое это дѣло. Улица-то наша, собственная.

— Есть что и на квартирахъ живутъ, кто себѣ какъ хочетъ,—произнесла Елизавета, чтобы успокоить Никиту.

— Ну, а мы вотъ не хотимъ,—вмѣшался Ѳедоръ, и лицо его опять стало злымъ,—вы на квартирахъ, а мы на улицѣ, въ ночлежкѣ. Вы въ домахъ, на цѣпяхъ, и мы въ домахъ, да безъ стѣнъ. Сами за собой поглядимъ.

Они расплатились и вышли. Ночи уже были холодныя, и Елизавета, идя рядомъ съ Никитой, щелкала зубами и прижималась къ нему.

— Зарѣжу я тебя, Никита,—шепнула она ему вдругъ,—коли уйдешь. Теперь ты мой. Давно тебя поджидала.

Никита хмуро слушалъ ее и улыбался однѣми губами. Шевелились мысли въ его головѣ, шуршали въ ушахъ, какъ чей-то шопотъ, и надвигали недоброе въ душу. Сзади шелъ Данило и что-то безостановочно разсказывалъ Ѳедору, а тотъ молча слушалъ и иногда трубилъ губами.

На улицѣ было тихо и темно. Попадались пьяные навстрѣчу, но и они въ мертвыхъ улицахъ порта казались не живыми, а тѣнями.

— Ни за что, Никита, не отпущу тебя!—слышался шопотъ Елизаветы.—Пропадать будешь, здѣсь пропадешь, умирать будешь, на моей груди умрешь.

Она все болѣе влюблялась въ него, не выпускала изъ рукъ, и голосъ ея былъ добрый, молящій.

— Кабы ты зналъ,—дрожало въ воздухѣ,—кабы ты зналъ...

Потянуло холоднымъ вѣтромъ. Издали донесся плескъ воды, и было похоже на страстное рыданіе.

— Ну, вотъ мы и на мѣстѣ; пришли,—произнесъ Данило, довольный,—ты куда, Ѳедоръ?

Ѳедоръ, нахмурившись, стоялъ, крутилъ усъ и думалъ.

— Пойду еще,—рано мнѣ спать.

— Куда пойдешь, шутъ-те дери? Одиннадцать часовъ!

— Пойду я,—упрямо повторялъ онъ, не выпуская усъ.

— Тьфу ты, прямо азіатъ,—не христіанинъ. У меня водка...

Ѳедоръ уже уходилъ. Данило выругался, и всѣ трое прошли подъ эстокаду, гдѣ устроились на голой землѣ. Данило вынулъ шкаликъ водки изъ кармана и раскупорилъ его.

— Погрѣемся,—покряхтывая, выговорилъ онъ, размахивая бутылкой,—ночь теперь, чортъ ее дери, водку любитъ...

Онъ засмѣялся и приложилъ бутылку ко рту. Опять, но уже близко, раздался плескъ, и снова было похоже на рыданіе. Никита и Елизавета сидѣли рядомъ, и холодный вѣтеръ, дувшій съ моря, нагрѣвался около ихъ тѣлъ. Данило опять охмелѣлъ и, брызгая ртомъ, сталъ говорить, какъ хорошо сложится жизнь, если Никита будетъ съ нимъ работать. Никита слушалъ, и радость оттого, что къ нему все жарче прижималась Елизавета, превра-

щала брызгавшія слова Данилы въ расцвѣченную пѣснь о томъ, гдѣ есть счастье и какъ его обрѣсти. И тревога его ушла, и страхъ растаялъ, и онъ смягчился.

— Теперь,—закончилъ Данило,—выпьемъ еще по разу и на боковую. Завтра рано надо подниматься.

Онъ чокнулся съ Никитой и Елизаветой, которые пили изъ одного стакана, будто въ немъ лежало счастье, и сейчасъ же легъ поодаль отъ нихъ. Вѣтеръ далеко относилъ его шумное дыханіе.

А Никита все сидѣлъ съ Елизаветой и, растроганный, тихо разсказывалъ ей о своей жизни, все отъ начала до конца: и о несчастной любви своей, и объ отцѣ, о солдатчинѣ, а она склонившись къ нему и, кутая его въ свое тряпье, чтобы ему не было холодно, жадно слушала, любуясь его голосомъ, лицомъ въ тѣ минуты, когда оно освѣщалось огнемъ отъ папиросы. Вѣтеръ приносилъ удары воды о берегъ, и они часто покрывали слова Никиты. Елизавета не заставляла повторять, чего не разслышала, и все тѣснѣе прижималась къ нему, не зная, какъ выразить то, что чувствовала, что томило ее.

— Кабы ты зналъ,—горячо шептала она, перебивая его,—кабы ты зналъ...

Потомъ, когда Никита замолчалъ, она стала разсказывать свою жизнь, а онъ со строгимъ лицомъ слушалъ ее.

— У тебя, Никита, вотъ,—начала она,—цвѣточки, а мнѣ ягодки достались.

Она была прачкой, замужемъ за матросомъ, котораго безъ памяти любила. Жила спокойно, трудилась и жизнь вела трезвую. Но пять лѣтъ тому назадъ мужъ ея внезапно умеръ на пароходѣ по дорогѣ къ Дальнему Востоку и былъ похороненъ въ морѣ.

— Такъ это сломило меня, что мѣсяцами какъ помѣшанная ходила,—говорила Елизавета.—Все передъ глазами стояло, какъ онъ это подъ водой лежитъ зеленый и пухнетъ. И рыбъ видѣла, все рыбы да рыбы...

Раздался острый жалобный звукъ. Никита сжалъ кулаки, поглядѣлъ на Елизавету и шумно вздохнулъ.

Вспыхнула папироса, и словно изъ красной мѣди, мелькнуло ея полное, заплаканное лицо. Данило храпѣлъ, и звуки эти теперь казались странными и ненужными.

— Запивать я стала и работать бросила.

И снова потекли ея слова, обыкновенныя, разговорныя, но вызывавшія ужасъ.

Какъ-то, пьяная, она возвращалась домой. Было темно, и она сбилась съ дороги. Подъ эстокадой ее остановили два босяка, заманили въ глухое мѣсто и овладѣли. Потомъ насильно напоили и бросили.

— Злости во мнѣ много тогда было,—торопливо вдругъ заговорила она и уже не плакала,—всѣхъ бы извела, а никого подъ рукой не было. Тогда и прачешная пропала, все пропало. И еще рыбъ видѣла; я и теперь рыбы не ѣмъ. Гадость такая...

И отъ этой злости и обиды, которую не на кого было излить, она стала все больше опускаться: сама уже ходила подъ эстокаду и постепенно становилась общей любовницей.

— Меня страсть какъ поденщики любятъ,—закончила она почему-то хвастливо,—на ножахъ изъ-за меня дерутся. Теперь на мѣшкахъ работаю. А когда ѣсть нечего, я и украсть могу. Въ острогѣ сколько разъ сидѣла.

Никита мрачный слушалъ о томъ, какъ погибъ человѣкъ, и уже не думалъ о себѣ. Долго сидѣли они безъ словъ и поздняя ночь наступила, когда они легли. Оба тѣсно прижались другъ къ другу, чтобы не страдать отъ холода, и она скоро уснула, положивъ голову на его плечо мирная, радостная, тогда какъ онъ еще долго оставался испуганнымъ, потрясеннымъ тѣмъ, что услышалъ.

«Страшна жизнь», думалось ему, и онъ гладилъ руками лицо Елизаветы, но отъ этого больше не смѣялись его суставы, тѣло, глаза, слушалъ удары волнъ о берегъ, курилъ...

И всю ночь у него были тяжелые сны.

III.

Рано утромъ Никита съ Данилой вышли на работу. Данило, чтобъ опохмелиться, занялъ у Елизаветы, и изъ кабака оба вышли подрумяненные. Утренній холодъ меньше безпокоилъ ихъ.

— Вотъ ты, христіанская душа,—говорилъ Данило, поспѣвая за Никитой,—и посуди, что за сахарный человѣкъ есть баба, когда она прилѣпится. И то правду сказать надо, всякій человѣкъ—хорошій человѣкъ, но баба, когда прилѣпится...—Онъ тряхнулъ головой.—Гривенникъ дала, чтобъ ей долго жить. А ей теперь этотъ гривенникъ ногой растереть. Она христіанинъ, теперь грудь распоретъ, душу выметъ и безъ слова отдастъ: на вотъ тебѣ... Ты, сахарный человѣкъ, и посуди, что есть баба...

Никита хмурился, не отвѣчалъ, и журчавшій басомъ голосъ Данилы раздражалъ его.

— Кабы у меня были деньги,—продолжалъ Данило,—такъ я-бъ на бабъ этихъ тысячъ не пожалѣлъ, ей Богу. Баба она теплая, будто въ жилы медъ наливаетъ. А я, видишь, какой рыбацкій сынъ вышелъ. Батька рыбакъ, а я пузырь отъ рыбы вышелъ. Не любятъ меня бабы, чортъ ихъ дери.

— Будетъ Данило,—прервалъ Никита, оглядывая его кругленькую фигуру.—Скоро ли на мѣстѣ будемъ?

— Будемъ скоро, а тысячъ не пожалѣлъ бы, ей Богу. Сочная она, баба. Течетъ это сокъ въ рукахъ ея, въ ногахъ, въ груди... Кабы допустили, напился бы уже...

— Эка дряни у тебя, Данило,—процѣдилъ Никита, съ удивленіемъ оглядывая его нездоровое распухшее лицо.

— Дряни у всѣхъ не мало,—увѣренно отвѣтилъ онъ,—да, слава тебѣ Господи, христіане мы...

Никита ускорилъ шаги. Они шли вдоль морского берега и рѣзкій вѣтеръ, чистый, безъ запаха, хлесталъ имъ въ лицо. Кругомъ чуть закипала работа. Мимо нихъ торопливо съ озабоченными лицами проходили люди и ежились отъ холода. Иногда, издалека доносился грохотъ повозокъ, гдѣ-то сердито покрикивали, но все еще было тихо, и въ этомъ сѣромъ пейзажѣ утра въ порту, начиная отъ синеватаго моря, сплошь уставленнаго дремавшими судами, пароходами, баржами, и кончая улицей, совсѣмъ еще глухой, чувствовался притаившійся трудъ. Данило все шелъ прямо, пока берегъ не освободился отъ сжимавшей его эстокады. Тамъ онъ повернулъ и опять пошелъ прямо, держась здѣсь лѣвой стороны.

— Теперь напирай,—выговорилъ Данило, поискавъ глазами.— Степанъ и Антонъ пришли уже, вонъ, погляди на камняхъ сидятъ.

— Ладно,—произнесъ Никита и ускорилъ шаги.

Море волновалось, и на его глади, казалось, шли тысячи бѣлыхъ лебедей. Жужжали паруса на мачтахъ, и чайки, борясь съ вѣтромъ, тяжело и медленно улетали, странно вскрикивая. По бортамъ баржъ, стоя на грязныхъ плотишкахъ, стучали конопатчики-греки, съ оливковыми лицами и прекрасными черными глазами. Шкипера въ короткихъ теплыхъ куртkахъ, съ коротенькими трубками въ зубахъ, медленно расхаживали по палубамъ и отдавали приказанія.

Данило подошелъ къ поджидавшимъ поденщикамъ и заговорилъ съ ними. Никита сѣлъ поодаль и закурилъ. Пріѣхалъ приказчикъ, черномазый, маленькій человѣкъ, съ хитрыми глазами и сталъ торопить поденщиковъ. На одномъ изъ пароходовъ внезапно протрубилъ гудокъ, и работа въ порту началась. Совсѣмъ незамѣтно было, какъ собрался народъ, но онъ уже былъ во всѣхъ углахъ, готовый на длинный день труда. Въ одинъ мигъ началось движеніе. Загрохотали биндюги, повозки, подъѣзжавшія съ кладью неслись дрожки, привозившія хозяевъ, замелькали спины грузчиковъ, руки рабочихъ, громыхало желѣзо, стучали топоры, молотки, свистѣли отходившіе пароходы, и ожившій портъ превратился въ одну гигантскую кузницу, гдѣ сотни народа могучимъ молотомъ на огромной наковальнѣ выковывали деньги.

Данило и Никита съ двумя поденщиками работали на камняхъ, которые переносили съ берега на баржу. Никита съ мѣшкомъ на спинѣ, запыленный и желтый, упрямо и безъ остановки таскалъ камни, хотя уже чувствовалъ, какъ кровь бьетъ у него въ глазахъ и въ вискахъ, когда онъ поднимался въ гору на сходни. Усталость овладѣвала имъ. Начинало дождить и погода испортилась. Данило бодро шелъ рядомъ, согнувшись и раскарячивъ ноги, похожій на туловище лошади, училъ его, какъ ходить и носить, чтобы не повредить спины. Никита слушалъ, моталъ головой, будто слова Данилы мѣшали тому, чтобы камень не жегъ спины, не тянулъ его къ землѣ, и шаркалъ сапогами, когда передвигался. Постепенно, однако, онъ втянулся въ однообразный трудъ, и новое чувство, давно неизвѣданное имъ, захватило его цѣликомъ.

— Такъ бы кажется одинъ всю эту уйму на спинѣ перетаскалъ,—говорилъ онъ съ жадностью, обнимая взоромъ весь камень, лежавшій на берегу.—Клади, Данило еще штуку. Знай, клади, не жалѣй, говорю, меня, не бойсь донесу!..

Теперь въ немъ билась особенная радость, радость оживавшихъ отъ правильнаго и цѣлесообразнаго напряженія мускуловъ, и эта радость дѣлала его богатыремъ, крѣпкимъ и упрямымъ. Ровно шесть лѣтъ прошло, какъ онъ пересталъ работать, и часто бывали минуты горчайшаго страданія, когда тѣло его скучало и изнывало подъ тяжестью огромныхъ, неиспользованныхъ силъ, которыя мѣсяцами накоплялись въ каждомъ атомѣ его организма. Иногда, въ годы солдатства, его, случалось, отпускали въ городъ на работу, и тамъ въ опьяненіи любимымъ трудомъ, онъ истязалъ себя, радуясь, какъ ребенокъ, черной землѣ, которую нужно было раскопать, выбросить, убрать. И изъ взрыхленной, теплой земли рождались чарующія и странною грустью томящіе образы своего села, своей пашни, которую онъ не долженъ былъ больше увидѣть. Онъ пѣлъ могучими длинными звуками, билъ землю здоровеннымъ ломомъ, лихо выбрасывалъ лопатой, на которую напиралъ всѣми бродившими въ немъ силами, и это время было для него часами великаго опьяненія, какъ счастье сладостнаго. Но кончалась работа и снова тянулись до одуренія долгіе дни и мѣсяцы спячки силъ, и возвращалось страданіе по осмысленному труду, которое не удовлетворяла скучная, безцѣльная и никому, по его мнѣнію, ненужная работа на ученіи.

Теперь, таская камни и надсаживаясь нарочно, упоенный запахомъ собственнаго пота, онъ думалъ только о томъ, чтобы нашелся хоть краешекъ землицы, которую бы ему отдали раскопырять. Казалось ему, всю мощь, что онъ носилъ теперь въ своей груди и рукахъ, онъ отдалъ бы ей, какъ матери, и взялъ бы тепло и ласку, безъ которой жизнь казалась крестомъ. И думая

о землицѣ, онъ уже вдыхалъ ароматъ полей, видѣлъ скотъ, птицъ и мужиковъ. И Мотя не была синей...

— Клади, Данило, знай клади, не жалѣй меня!—раздавалось каждый разъ. И вѣтеръ уносилъ въ море его голосъ.

Наступило время завтрака. Раздался гудокъ, и портовая площадь быстро опустѣла. Данило крикнулъ Антона и Степана, еще стоявшихъ въ трюмѣ, и всѣ гурьбой, полубѣгомъ, чтобы выиграть время, отправились въ обжорку. Тамъ они смѣшались съ кучей чернаго народа, котораго было такъ много, что на улицѣ отъ него было тѣсно. Данило, стоя рядомъ съ Никитой, вкусно и смачно ѣлъ скверную, дурно пахнувшую рыбу и закусывалъ ее корявымъ, настояннымъ на мѣди и кислотѣ огурцомъ, и всю эту смѣсь обильно запивалъ водкой, которую тянулъ прямо изъ шкалика.

Отъ одного до другого края квартала обжорки стояли поденщики, и всѣ, подобно Данилѣ и Никитѣ, возмѣщали потерю мускульной силы той же гнусной, нечеловѣческой пищей изъ вонючей рыбы, требухи, гнилой колбасы, грязнаго свиного сала, червиваго хлѣба... Но отъ всей этой массы рабочаго люда шло какое-то дыханіе мощи, жизни и бодрости, и оно скрадывало то тягостное и оскорбительное для человѣка состояніе, когда его низводятъ до животнаго. Дыханіе это было живое, существующее, хотя громко не произнесенное чувство единства, невымолвленное слово общей связи, единообразнаго интереса, что дѣлало ихъ подобными и равными. Чувствовалось, что эта густая, темная, по своему думающая масса способна, какъ одинъ человѣкъ, дать отпоръ всякому, кто затронулъ бы ея члена, хотя каждый въ ней стоялъ какъ будто равнодушный другъ къ другу и бесѣдовалъ въ своемъ кружкѣ, не обращая вниманія на остальныхъ.

Никита, прислушиваясь къ смутному шуму, шедшему вокругъ него, испытывалъ теперь наростаніе особой силы въ себѣ, точно онъ ее почерпнулъ въ окружавшей массѣ. Вмѣстѣ съ физическимъ наслажденіемъ отъ труда онъ впитывалъ въ себя и проникался инстинктивно сознаніемъ общности и равности интересовъ съ чужими, но уже близкими людьми, и въ этомъ было новое наслажденіе. Онъ сталъ ихъ разсматривать.

Сейчасъ подлѣ стояли угольщики, черные и грязные, съ сверкавшими, отчетливыми бѣлками глазъ. Они ѣли жадно, и жемчугомъ сверкали ихъ бѣлые зубы. Немного поодаль шли поденщики изъ дока, странно пахнувшіе, тянулись плотники, съ золотистыми бородами и красными затылками, и нѣкоторые изъ нихъ, опершись о стѣны домовъ, ѣли изъ котелковъ, принесенныхъ женами. Еще дальше смѣшались, и ихъ нельзя было отдѣлить, грузчики, конопатчики, извозчики, а босяки, какъ черные шары между бѣ-

лыми, перекатывались съ мѣста на мѣсто, разговаривая, задирая другъ друга и переругиваясь. Въ сторонѣ стояли фабричные и заводскіе рабочіе, подростки отъ 13 лѣтъ и взрослые, съ сѣрыми отъ желѣзной пыли лицами, и какъ бы отдѣлились отъ массы. Маленькими кучками стояли женщины-поденщицы, и мужчины не подходили къ нимъ.

Никита переходилъ съ мѣста на мѣсто, прислушивался къ разговорамъ, вникалъ, и лицо его все болѣе хмурилось.

Въ средѣ грузчиковъ отъ центра шло волненіе, а задніе ряды отъ нетерпѣнія топали ногами. Никита съ трудомъ протиснулся и очутился подлѣ двухъ поденщиковъ, у которыхъ лица были серьезны и злы, и оба на перебой, съ кусками недоѣденнаго чернаго хлѣба въ рукахъ, какими-то рѣжущими отъ негодованія голосами обсуждали, что приказчикъ ободралъ сегодня партію, понизивъ вдругъ цѣну съ 70 копеекъ на 50, благодаря тому, что освободились рабочія руки, занятыя прежде выгрузкой песка.

— Чистый жидоморъ, чтобъ его разорвало!—торопился, выговаривая въ носъ, первый, приземистый, съ длинными волосами грузчикъ.—Двадцать копѣекъ! Двадцать бы болячекъ ему на языкъ!.. Это тоже совѣсть надобно имѣть.

— Совѣсть?—нараспѣвъ и зло смѣясь, подхватилъ другой.—Поговори съ нимъ. Ему одно что—карманъ нагрѣть. Знаетъ онъ, что есть совѣсть?

— Что говорить!—со вздохомъ поддержалъ кто-то.

— Эхъ, да и глупъ же народъ!—подхватилъ приземистый.—Сказывалъ, съ утра на работу не ходить—не сговоришься съ вами. Тотъ себѣ, а тотъ себѣ. Дураки!

Онъ махнулъ съ досады рукой. Подлѣ Никиты вдругъ очутился поденщикъ изъ лѣсной и громко произнесъ, бросая слова въ людей.

— И съ насъ по гривеннику содрали. Кричали мы тамъ, а работать пошли. Какъ не пойти? Сунуться некуда, а жрать нужно. Ничего съ ними подѣлать нельзя.

— Это, братъ, вѣрно, ничего не подѣлаешь. Ихъ сила.

А другой прибавилъ, и слова его были, какъ удары желѣзомъ по головѣ:

— Теперь отъ свободныхъ рукъ отбоя нѣтъ. Осень пришла.

Всѣ заговорили и задвигались. Установился гулъ, долгій и грозный, и опять на Никиту пахнуло тѣмъ живымъ духомъ единства и связи интересовъ, который дѣлалъ этихъ людей равными и подобными. Какой-то здоровенный поденщикъ, съ огромными ушами и выпяченнымъ животомъ, схватилъ Никиту за локоть и, точно брату родному, сталъ говорить о томъ, какъ трудна портовая жизнь, а Никита съ большими, испуганными глазами слушалъ его.

— Съ голоду дохнемъ, добрый человѣкъ. Какъ мыши пищимъ. Вотъ осень пришла. Погоди, зимой что еще будетъ. Дешевле двугривеннаго человѣку цѣна тогда, и то не берутъ.

И здоровенный поденщикъ, точно самъ испугался своего голоса, сталъ шопотомъ разсказывать, что зимой дѣлается въ порту.

Никита, опустивъ глаза въ землю, внимательно слушалъ, и ему казалось, что въ этомъ огромномъ ртѣ, завязли одни только слова—голодъ, кражи, убійства, смерти—и никакъ не могли выпасть оттуда.

— Погибаемъ, братъ,—шепталъ поденщикъ,—свиньямъ на кормъ идемъ...

Никита освободилъ, наконецъ, свою руку изъ желѣзной пятерни говорившаго и хмурый отошелъ отъ него. Тянуло бродить еще и еще среди живого человѣческаго кладбища, гдѣ повсюду раздавались тѣ же жалобы, то же недовольство, сознаніе невозможности измѣнить свою судьбу, помочь себѣ.

Прогудѣлъ гудокъ, созывавшій на работу. Поденщики бросились въ разсыпную, оборвавъ разговоры, и побѣжали каждый въ свою сторону. Никита тоже побѣжалъ, поддавшись общему волненію, и, придерживая рукой шапку, чтобы та не слетѣла, мчался за Данилой и двумя поденщиками. Поднялся вѣтеръ и сорвалъ съ тучъ крупныя капли воды. Никита на ходу посмотрѣлъ на небо и еще шибче побѣжалъ. Площадь быстро пустѣла. Мелькали сотни ногъ, бѣжавшихъ въ разныхъ направленіяхъ, и было такъ, будто случилось несчастье и люди убѣгали отъ него.

— Живѣе ребята,—торопилъ Данило, задыхаясь,—какъ бы приказчикъ не замѣтилъ. Вишь ты, заговорились.

Но все же они успѣли прибѣжать ко второму гудку, и когда приказчикъ явился, они уже чинно работали.

— Теперь уже недолго,—говорилъ Данило со смѣхомъ.—До вечера часовъ этакъ съ пять да 70 минутъ осталось.

Работа съ новой энергіей закипѣла. Теперь они смѣнились и стояли въ трюмѣ, а Степанъ и Антонъ носили камни. Въ трюмѣ было тѣсно и неудобно, и желтая пыль забиралась въ легкія, въ глаза, и нельзя было смотрѣть и дышать.

— Ты думалъ, тутъ лёгко,—смѣялся Данило, оскаливая коротенькіе зубы,—тутъ, христіанская душа, быка поставь, и тотъ съ непривычки повалится. Пыль эта каменная, чортъ ее дери, глотку больно любитъ. Глазъ она любитъ. Ну, баба, одно слово, чортъ ее дери.

— Не стоится что-то,—выговорилъ Никита, закашлявшись,—я работать хочу. Вишь куда загнали,—съ ненавистью выговорилъ онъ, оглядываясь.

— Постоимъ уже. Ты Ѳедора видалъ?

— Нѣтъ, не видалъ.—Онъ опять закашлялся.—Вишь, грудь рветъ.

— Увидишь, христіанинъ, Ѳедо́ра, приглядись, хорошій человѣкъ. Даромъ, что хмурый.

Время медленно передвигалось. Баржа скрипѣла, камни звонко шуршали, и опять была тишина.

— Скоро разсчетъ, скоро!—радостно возвѣщалъ Данило, суетясь около кучки.—Дай срокъ. Эй, ребята, тащи живѣй! Тащи, тащи...

Кончался долгій, рабочій день. Стемнѣло. Явился приказчикъ, провѣрилъ число камней въ трюмѣ и сталъ расплачиваться.

— Тутъ семь гривенъ,—произнесъ Никита, обращаясь къ приказчику,—а мы за 90 копеекъ сговаривались.

— То утромъ, а то вечеромъ,—разсмѣялся приказчикъ и отпустилъ Антона и Степана.

Никита вспыхнулъ и съ зловѣщимъ спокойствіемъ въ голосѣ спросилъ:

— Почему двугривенный сбавили?

— Ты, хамъ, ротъ свой закрой, слышишь,—разсердился приказчикъ.—Я другого могъ взять, да тебя, дурака, пожалѣлъ.

Данило незамѣтно дернулъ Никиту за плечо.

— Почему не взяли, коли могли?—все спокойно и сдерживая злость спрашивалъ Никита.

— Дурака пожалѣлъ,—сказалъ разъ.

— Такъ въ другой разъ смотри, не жалѣй,—скороговоркой произнесъ Никита и поднялъ руку.

Но приказчикъ замѣтилъ жестъ и быстро отскочилъ.

Данило струсилъ и, схвативъ Никиту за руку, съ силой потащилъ его, уговаривая на ходу:

— Надѣлаешь ты бѣды, азіатскій человѣкъ... Ходимъ скорѣе, чортъ тебя дери!..

Онъ не отпускалъ его, пока они не пробрались подъ эстокаду, и тамъ пошли медленнѣе.

— Ну, Никита, опасный ты человѣкъ,—еще не оправившись, говорилъ Данило,—прямо скажу—азіатъ. Какъ же это ты да на хозяина?

— Не на хозяина, а на приказчика. Потому не обдирай,—холодно возразилъ Никита.

— Поставленъ хозяиномъ,—стало быть, хозяинъ. Нанимаетъ, платитъ, значитъ хозяинъ. А хозяина трогать не моги. Не трожь хозяина. Правило тутъ такое—хозяина не трогай. Онъ и съ меня гривенникъ взялъ,—пускай беретъ. Я, вотъ, ничего. Теперь тебя, Никита, не возьметъ онъ и другимъ скажетъ. Съ огнемъ не играй. А ты такъ разсуди. Взялъ онъ двугривенный—тебѣ семь гривенъ

осталось, стало быть, ты день проживешь. Тутъ такія времена бываютъ, что и за 30 коп. цѣлый день спины не разгибаешь, и за 20 бывало. А семь гривенъ—это хорошо.

— Заплатить сполна долженъ,—хмуро возразилъ Никита.— Чужого не спрашивалъ. Мои кровныя, ихъ и отдай. Теперь я самъ къ нему не пойду, десять рублей пусть дастъ, не пойду.

Данило не выдержалъ и долго смѣялся, пока отвѣтилъ. Они уже проходили обжорку, и повсюду горѣли огни.

— За десять рублей? Да онъ тебя, глупый человѣкъ, теперь и за версту къ баржѣ не подпуститъ. Вишь, сказалъ. Тутъ, братъ, аккуратно все. Провинился человѣкъ, хоть на глазахъ его помирай руки не протянетъ. Потому онъ—все. Онъ—хозяинъ. Хозяинъ онъ,—и голосъ Данилы металлически отчеканилъ это слово.— Сила его, деньги его, матеріалъ его, портъ его: все ему принадлежитъ. А у насъ съ тобой, христіанинъ, что есть? Руки? Руки!— съ презрѣніемъ повторилъ онъ.—Руки какъ камни на улицѣ валяются и никому не нужны. Что сметье, что руки—все одно. Чувствуешь? Взялъ у тебя хозяинъ гривеникъ твой, поклонись ему да поклонись; взялъ два гривенника, еще ниже поклонись, два раза ниже поклонись, и руку его лови, чтобы дозволилъ поцѣловать. Вотъ оно какъ тутъ жить нужно.

— Чортъ знаетъ, что ты говоришь,—плюнулъ Никита,— камнемъ по человѣку бьешь, а тебѣ любо.

Они зашли въ кабакъ и въ ожиданіи Ѳедора и Елизаветы выпили. Сейчасъ же явился Ѳедоръ, и скоро за нимъ Елизавета. Данило усадилъ ихъ подлѣ Никиты, сидѣвшаго темнѣе ночи, заказалъ полъ-кварты водки, и къ ночи всѣ уже были безъ денегъ Никита пока не опьянѣлъ, не отвѣчалъ на ласки Елизаветы, но когда водка ударила ему въ голову, повеселѣлъ, потомъ заплакалъ и сталъ кричать, что готовъ даже ноги поцѣловать у хозяина, лишь бы вырѣзали у него изъ сердца то, что теперь такъ рветъ его. Данило хлопалъ его по плечу, хохоталъ растерянным смѣхомъ, а Ѳедоръ, угрюмый, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на Никиту, у котораго лицо было искажено.

Въ кабакѣ господствовало оживленіе. Опять въ углу сидѣла компанія рыбаковъ, и всѣ, пьяные, пѣли скверными, рѣзкими, непохожими на человѣческіе, голосами, и изъ ихъ пѣсни ничего понять нельзя было—ни мотива, ни словъ. Входилъ народъ, игралъ гармонистъ, Петька кричалъ: «сейчасъ, сейчасъ».

Теперь уже Никита чуть отрезвился и муки не чувствовалъ. Хотѣлось ему покоя, и онъ держалъ голову на плечѣ Елизаветы, думая, что тамъ есть онъ, и искалъ его. Ѳедоръ разговаривалъ съ Данилой объ Елизаветѣ, которая давно ему нравилась, и не ревновалъ ее къ Никитѣ.

— Хорошо, что съ Никитой,—одобрилъ онъ, узнавъ отъ Данилы исторію съ разсчетомъ.—По мѣркѣ ему. Человѣкъ это. Подожмутъ хвосты сволочь, когда мужикъ этотъ тутъ останется. Бей ихъ оглоблей. А мы, братъ, съ тобой курицы и скоты. Когда курицы,—бѣжимъ на двухъ ногахъ, когда скоты,—на четырехъ полземъ. Молодецъ мужикъ!

Дотянули до девяти часовъ, и компанія вышла, совершенно пьяная отъ послѣдней выпивки. Никита шелъ съ Елизаветой, и оба поддерживали другъ друга.

— Холодно ноньче подъ эстокадой,—выговорилъ Ѳедоръ, обращаясь къ Данилѣ,—пойдемъ въ пріютъ спать!

— Пойдемъ въ пріютъ...

И всѣ гурьбой направились въ ночлежку. У ночлежки Елизавета на прощаніе такъ долго цѣловала Никиту, что даже Данилу разозлила. И онъ безцеремонно оторвалъ ее отъ него, толкнулъ и крикнулъ:

— Пошла, кошка! Брысь! Пошла, дрянь, отъ него. Брысь, говорю!

Никита на мигъ поднялъ глаза на Данилу, на Ѳедора, но не съумѣлъ разсердиться, опять опустилъ ихъ и пошелъ за рукой, которая тащила его. Миновавъ длинный корридоръ ночлежки, едва освѣщенный фонарикомъ, они вошли въ большой, темный залъ, гдѣ на полу и на нарахъ лежали поденщики. Кто спалъ, кто тихо разговаривалъ, кто чинилъ рубаху. Воздухъ былъ невыносимый: теплый, мокрый, вонючій. Никита, Данило и Ѳедоръ, осторожно ступая, и шагая черезъ людей, прошли въ конецъ ночлежки, отыскали мѣсто и легли. Никита сейчасъ же заснулъ, какъ убитый Ѳедоръ, улегшись подлѣ Данилы, долго разговаривалъ съ нимъ а потомъ сталъ пересказывать въ тысячный разъ обиду своей жизни, т.-е., какъ онъ жилъ съ своей женой, когда работалъ на заводѣ, какъ любилъ и дрожалъ надъ ней, и какъ отбилъ ее у него старшій мастеръ. Теперь его голосъ былъ не злой, а мягкій, съ новыми нѣжными словами, которыя онъ каждый разъ находилъ, возвращаясь къ своему прошлому, онъ какъ бы наводилъ милыя и теплыя тѣни на этотъ залъ, болѣе похожій на конюшню, чѣмъ на жилище людей. И вмѣстѣ съ этимъ голосомъ и нѣжными словами любви и страданія рождалась мысль, что здѣсь лежатъ не скоты, не рабы, а живые несчастные люди, живыя, ярко чувствующія жертвы, брошенныя подъ жернова страшной мельницы, которая зовется жизнью.

А Данило, хмельной, перевернувшись, какъ жукъ, на спину, прищурилъ глаза и, вздыхая, слушалъ, не отрываясь, будто это было въ первый разъ, и обоихъ освѣщалъ блѣдный, мигавшій свѣтъ отъ лампочки.

IV.

Дни становились холоднѣе. Еще не ударили морозы, даже снѣгъ ни разу не выпалъ, но зима висѣла надъ портомъ. Туманы разсѣялись, слякоть высохла, и воздухъ сталъ чистый, синій, зловѣщій. Портъ постепенно замиралъ, окованный безработицей, какъ заковывалось его море льдомъ. Теперь Никита и его пріятели уже не находили ежедневно работы, и выходило такъ: то работалъ Данило одинъ, работалъ сподрядъ нѣсколько дней, и вдругъ кто-то какъ будто отрѣзалъ работу—не было ея. Тогда она открывалась Ѳедору, и тотъ бралъ съ собой Никиту и непремѣнно пристраивалъ его. Случалось еще и такъ, что всѣ втроемъ работали: тогда жизнь шла прежняя, какъ будто зима была за горами.

Въ это жестокое холодное утро Никита шелъ на работу съ Ѳедоромъ. Съ моря дулъ сильный вѣтеръ, и пріятели передвигались такъ, какъ будто кто-то мѣшалъ имъ пройти, а они боролись.

— Погодка, чортъ бы ее побралъ!—выругался Никита, спрятавъ голову между плечами.—Это народу прямо пропадать.

— И пропадаемъ,—процѣдилъ Ѳедоръ.—На то и портъ, чтобы пропадали. Человѣка убить, что муху растереть. А тутъ въ порту годами издыхаешь,—не сдохнешь. Эхъ, воли у меня нѣтъ!—вдругъ вырвалось у него.

Они попали въ перекрестокъ, и вѣтеръ здѣсь дулъ съ такой силой, что нельзя было дышать.

Скоро они уже входили въ огромный, заваленный желѣзомъ дворъ, гдѣ предстояло работать. Ѳедоръ забѣжалъ къ хозяину и черезъ минуту вернулся, держа въ рукѣ здоровенный молотъ, стальной клинъ и щипцы.

— Ну, что?—спросилъ Никита.

— Ладно ужо. Ступай за мной.

Они подошли къ угловому амбару, гдѣ на землѣ сложены были желѣзные листы, которые нужно было перерубить. По знаку Ѳедора Никита снялъ верхній листъ, и работа началась. Послѣ первыхъ ударовъ двадцатифунтовымъ молотомъ по стальному клину, Никита пересталъ слышать и понимать, что происходило. Желѣзо кричало, визжало, прыгало, борясь со сталью, но молотъ неумолимо дѣлалъ свое и постепенно вгонялъ клинъ пядь за пядью. Однако листъ все оставался цѣлымъ, хотя Никитѣ казалось, что такую тонкую полосу желѣза давно можно было разрубить. Начинало разсвѣтать, и Ѳедоръ, разглядѣвъ недоумѣвающее лицо Никиты, усмѣхнулся въ усъ и лукаво прищурилъ глазъ.

— Ловко вѣдь, а?—небрежно выговорилъ онъ.

— Вотъ такъ штука,—пробормоталъ Никита озадаченный.

— Да, вотъ, такъ оно. Погоди, еще не то узнаешь, когда выработаешься. Эй, держи клинъ, а то по рукѣ угожу.

— И ничего?—съ жадностью спросилъ Никита.

— Ничего, терпитъ; долженъ терпѣть. Ты не по совѣсти, а мнѣ ее гдѣ взять? Отъ работы и за гривенникъ не откажусь, но на гривенникъ и сдѣлаю. Больше вамъ, хозяинъ, на сегодняшній день не полагается.

Онъ засмѣялся и уже совсѣмъ слабо постукивалъ молотомъ. Громыханіе желѣза утихало.

— Да чтобъ я,—продолжалъ онъ, поплевывая на руки,—за семь гривенъ по совѣсти работалъ, жди не дождешься.

Онъ вдругъ началъ крѣпко стучать, и опять Никита ничего не понималъ и не слышалъ.

— Молодецъ, Ѳедоръ,—выговорилъ онъ наконецъ, когда шумъ нѣсколько утихъ,—тебѣ пальца въ ротъ не клади.

— Я и самъ говорю, не клади, откушу,—разсмѣялся онъ.— Сколько онъ ни жретъ нашего брата, а ему, хозяину, все мало. Ну, и мы тоже смекать умѣемъ. Будьте совершенно на этотъ счетъ спокойны.

Онъ сдѣлалъ видъ, что кланяется кому-то, и съ размаху бросилъ молотъ. Потомъ оттащилъ въ сторону разрубленные листы и присѣлъ закурить. Никита также присѣлъ, закурилъ, и оба беззаботно заговорили, совсѣмъ не чувствуя холода. Никита разсказывалъ о деревенской жизни, которую уже смутно помнилъ, и потому сбивался все на свое дѣтство, а когда онъ умолкалъ, говорилъ Ѳедоръ точно также о дѣтствѣ, и лица и голоса у обоихъ были дѣтски-чисты. Какъ бы по волшебству, исчезъ изъ глазъ угрюмый заваленный желѣзомъ дворъ, нарочно выдуманный, чтобы мучить людей, и на его мѣсто стало поле, по которому бродили одни только теплые дни, и въ этомъ полѣ и теплыхъ дняхъ купался счастливый мальчикъ, который теперь почему-то былъ поденщикомъ Никитой. Потомъ исчезло поле, съ бродившими по нему теплыми днями, и его замѣнило тихое море у чудеснаго, таинственнаго города, и въ этомъ тихомъ морѣ, вѣчно плескаясь и ныряя, беззаботный, какъ рыба, жилъ счастливый мальчикъ, и этотъ мальчикъ былъ теперь почему-то поденщикомъ Ѳедоромъ. И слушая, ихъ становилось страшно думать, что́ сдѣлала жизнь.

Опять они стали работать, попрежнему не спѣша, и настоящее овладѣвало ими. Желѣзо кричало, визжало, прыгало, но молотъ, неумолимый, какъ жизнь, дѣлалъ свое.

— Ловкій ты,—покачавъ головой, произнесъ Никита.

— Научишься,—подхватилъ Ѳедоръ и поставилъ молотъ между ногами.—Тутъ всѣ такъ работаютъ.

Онъ поднялъ молотъ, постучалъ раза два-три и продолжалъ, а Никита сидя на корточкахъ съ клиномъ въ щипцахъ, опустивъ голову, внимательно слушалъ.

— Въ этой работѣ еще ничего. Только всего, что меньше сработаешь, а въ другой не такъ еще наказываемъ. Матеріалъ это портимъ, такъ чортъ его сосчитаетъ сколько. Ты вотъ у Антона, у Данилы спроси, сколько они камня въ трюмахъ перепортили на своемъ вѣку. Хоть и не въ свою пользу, а все наказаніе. Другіе воруютъ матеріалъ и продаютъ, и такъ живемъ, что всѣ, гдѣ можемъ, крадемъ. Вотъ я, къ примѣру. Вотъ сегодня ты меня хотя ста глазами стереги, а я фунтиковъ двадцать желѣза унесу. И не нужно было бы, а унесу... Нѣтъ разсчета жить иначе.

Онъ опять постучалъ и, видимо, разлакомился своими мыслями.

— Обижены мы очень. Тутъ скорѣй бѣлаго воробья найдешь, чѣмъ сытаго. Нѣту человѣческой жизни. Теперь зима приходитъ, и каждый думаетъ, дай Богъ до весны дотянуть. Голодовка такая пойдетъ, что человѣку совѣстно будетъ кусокъ съѣсть, чтобы не подѣлиться. Помощи не жди, потому нашего брата зимой само время душитъ.

Онъ поплевалъ на руки и сталъ бить молотомъ, а Никита, послѣ раздумья, сказалъ:

— Толкомъ не живете, оттого все. Пей, да не пропивайся,— вотъ и пособіе на зиму. Безъ разсчета живете,—опять повторилъ онъ.

Ѳедоръ усмѣхнулся, но продолжалъ работать. Теперь онъ разминалъ свои силы и славно, искусно стучалъ, а воздухъ, какъ оса, жужжалъ отъ его размаховъ. Желѣзо ужъ не прыгало, меньше кричало и, покорно отдѣлившись, летѣло въ кучу отрѣзковъ. Никита старательно держалъ щипцы и не мигалъ больше глазами, когда молотъ падалъ на клинъ.

— Безъ разсчета живемъ,—произнесъ Ѳедоръ, вдругъ поставивъ молотъ на землю.—Не понимаешь ты и глупыя рѣчи говоришь. Куда къ чорту разсчетъ тутъ? Пьемъ-то хотя и съ привычки, но больше отъ жизни поганой. Безъ водки давно бы портъ въ щепки разнесли. А возьмемъ хоть и такъ. Скажемъ, пересталъ я пить. Да вѣдь изъ моихъ денегъ и мухѣ платья не сдѣлаешь. А съ водкой спокойнѣе живешь, не брыкаешься. Самое лучшее средство оно въ нашей жизни.

Никита слушалъ, и хотя не былъ согласенъ съ Ѳедоромъ, но не могъ сказать почему. И если бы онъ нашелъ слова для своей мысли, то вышло бы такъ: сильные люди взяли и нарочно выдумали портъ. Потомъ собрали народъ и стали имъ командовать.

Но чтобы народъ покорился и послушался, выдумали водку. И вотъ народомъ командуютъ не сильные люди, а водка, и если бы отнять ее, то все пошло бы хорошо.

Наступило время обѣда, и пріятели отправились въ обжорку. Не дожидаясь Данилы, они одни поѣли и разбрелись потолкаться среди народа. Никита медленно передвигался, останавливаясь то здѣсь, то тамъ. Съ того времени, какъ Никита въ первый разъ былъ въ обжоркѣ, произошла перемѣна. Теперь уже образовалось большое количество безработныхъ и голодные поденщики, привлеченные запахомъ кушанья, молча и насупившись, бродили среди счастливыхъ, еще не тронутыхъ бѣдой. Удивительно было наблюдать, какъ эта могучая масса, жившая одной жизнью, не выработала отношеній другъ къ другу въ дни несчастья. Готовые всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встать противъ чужого, даже близкіе между собой, ворчали, если одинъ часто просилъ. И голодные ходили среди сытыхъ, какъ грѣшники среди святыхъ, и Никитѣ они казались отверженными.

Въ кучкѣ поденщиковъ, распущенныхъ изъ лѣсной, кто-то разсказывалъ, что нѣсколько босяковъ нарочно попались этой ночью въ кражѣ, чтобы пойти въ острогъ зимовать. И разсказывавшій говорилъ съ завистью, не чувствуя въ себѣ еще смѣлости сдѣлать то же, и грозился попасться. Рядомъ стояли плотники съ серьезными лицами и жаловались, что цѣны упали уже съ рубля на 80 копѣекъ. Лишь теперь, вспоминая, что говорилъ Ѳедоръ, Никита сталъ ясно понимать смыслъ услышанныхъ жалобъ, и каждое слово доходило до его сознанія краснорѣчивымъ, ужасающимъ, огненнымъ. Поодаль стояла компанія босяковъ, и одинъ передавалъ подробности о ночномъ нападеніи на двухъ матросовъ съ англійскаго парохода, которыхъ оглушили желѣзнымъ болтомъ и обобрали до-чиста. И опъ это такъ разсказывалъ, что было какъ день ясно, кто это сдѣлалъ. Все и отовсюду, что доносилось до него было скверно, необезпеченно, гнусно и порочно. Никита двигался задумчивый, не вступалъ въ разговоры, и лицо его становилось все мрачнѣе. Случайно онъ набрелъ на Елизавету, которая только что пришла, и онъ подошелъ къ ней. Елизавета была вся синяя отъ холода, и лицо ея не понравилось ему. Но еще больше не понравилась и показалось ненужной и лишней связь съ ней теперь, подъ вліяніемъ этихъ яркихъ, невыносимыхъ и жгучихъ впечатлѣній.

— Что ты такъ поздно?—съ усиліемъ спросилъ онъ, избѣгая ея взгляда.

Холодъ и то, что она перемерзла, манило Елизавету къ теплу, къ Никитѣ, къ горячимъ ласкамъ его, поцѣлуямъ. Она зажглась, грубовато толкнула его и, стуча челюстями, сказала:

— Нельзя было,—много работы набѣжало. Я тебѣ одно слово скажу, Никита.

— Какое слово, Елизавета?

Она такъ близко подошла къ нему, что онъ покачнулся, и шопотомъ произнесла:

— Сегодня, Никита, въ ночлежку не ходи. Не хочу я. Я одно мѣсто знаю, хорошее... Я и шаль для тебя купила—оттого и опоздала,—вдругъ призналась она.

Никита нахмурился и, совсѣмъ далекій отъ нея, пробормоталъ:

— Этого нельзя, Елизавета: мы замерзнемъ ночью. И вотъ что, Елизавета...

Онъ оборвался, взглянувъ на ея лицо, показавшееся ему такимъ несчастнымъ.

— Что ты хотѣлъ сказать?—произнесла Елизавета, впившись въ него глазами.

— Нѣтъ, ничего. Время еще не пришло сказать. А придетъ—скажу.

— Ну, то-то. И со мной ночью пойдешь. Ты себѣ какъ хочешь, а пойдешь. Это я вѣрно говорю.

— Не пойду я, Елизавета...

— Пойдешь, Никита,—просить меня будешь. Мѣсто теплое; тихо тамъ. Кабы ты не упрямый былъ, давно бы квартиру снялъ. Поденщики зимой на квартирахъ живутъ. Упрямый ты... А тамъ, Никитушка, я тебя шалью укрою, обѣ шали дамъ тебѣ—небось не замерзнешь. Сама и такъ лягу, я привычная.

Въ голосѣ у нея были такіе славные, преданные звуки, что Никита пожалѣлъ ее.

— Ну, ужъ посмотримъ,— улыбнулся онъ, и его лицо показалось ей такимъ лучезарнымъ отъ этой улыбки, что она забыла про голодъ и холодъ.

— Мой ты,—выговорила она и опять вытянулась, какъ стрѣла, и прижалась къ нему тѣломъ.

Онъ ничего ей не отвѣтилъ, а вечеромъ они встрѣтились въ кабакѣ, гдѣ съ полудня пьянствовалъ Данило, разжившись деньгами. Ѳедоръ, разставшись съ Никитой послѣ разсчета, немедленно попалъ въ руки пріятеля, который управлялъ пьянствомъ. Тутъ же за столомъ, уставленнымъ закусками, сидѣлъ бронзовый гармонистъ и мутными, трезвыми глазами оглядывалъ компанію, примазавшуюся къ Данилѣ. Самъ Данило съ вдохновленнымъ лицомъ, весь въ поту, сидѣлъ подлѣ пьянаго Ѳедора и громкимъ, дикимъ голосомъ приглашалъ компанію пить. Первой явилась Елизавета. Данило, увидѣвъ ее, бросилъ Ѳедора и замахалъ руками. Нравилась она ему теперь чрезвычайно.

— Здравствуй, барыня, кралечка!—крикнулъ онъ.—Барина

солдата не видала? Нѣтъ? Ну, садись, моей гостьей будешь. Гей, ты, пугало,—крикнулъ онъ гармонисту,—развесели барыню.

Гармонистъ заигралъ. Данило дрожащими руками и, уже думая о другомъ, налилъ ей водки.

— И эхъ ты, Елизавета, Елизаветушка!—выговорилъ онъ, выпивъ съ ней.—За мужика, за нашего люблю тебя. Кровушку твою христіанскую люблю...

Другая мысль бѣгала въ его пьяной головѣ, но она не давала овладѣть собой, и онъ терялъ ее.

— Опять ты укралъ,—удивилась Елизавета:—правду говорятъ, повадился кувшинъ по воду...

— Правда давно въ водкѣ утонула,—пробурчалъ Ѳедоръ.

— Не твое, Лизка, это дѣло,—разсердился Данило.—Твоего не бралъ. Мнѣ Богъ подарилъ. Любитъ меня Богъ, сироту бѣднаго...

Онъ засмѣялся, взялъ ея руку, но, подумавъ, выпустилъ. Гармонистъ игралъ, и компанія вокругъ горланила, поддерживая его. Вдругъ въ эти ужасающіе звуки ворвались другіе, но въ другомъ тонѣ, и въ воздухѣ зажужжало, точно захлопали бичами. То запѣла компанія рыбаковъ, сидѣвшая въ другомъ концѣ. Вошелъ Никита. Елизавета, увидѣвъ его, толкнула Данилу, а сама поманила его руками. Данило вскочилъ и, надрывая голосъ, чтобы пробить ему мѣсто въ этомъ шумѣ, крикнулъ:

— Сюда, Никита; эй, къ намъ, барскій мужикъ, мужичоночекъ, христіанскій азіатъ нашъ!

И наливъ водки въ стаканъ, онъ подошелъ къ Никитѣ.

— Ну-ка, христіанинъ, разокъ одинъ, для храбрости. Господи благослови! Сочная Лизка-то,—шепнулъ онъ, скосивъ глаза.

Мысль какъ будто начинала ему даваться.

— Да, постой, чудакъ ты,—дай сяду.

— Не пущу, голубеночекъ,—не отставалъ Данило,—изъ моихъ рукъ, Богъ твою душу люби, выпей. Лизавета не разсердится,—опять зашепталъ онъ,—ты это какъ думаешь?

Одинъ мигъ Никита, держа стаканъ, какъ бы колебался, выпить ли ему. Мелькалъ страхъ въ его глазахъ.

— Ты это какъ думаешь?—повторилъ Данило.

Никита посмотрѣлъ ему глубоко въ глаза, плюнулъ и залпомъ выпилъ.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ,—засуетился Данило,—пойдемъ, голубеночекъ, къ твоей кралечкѣ...

Они подошли къ столу, гдѣ, разгорѣвшись и въ нетерпѣніи, ждала Елизавета.

— Садись, садись,—волновалась Елизавета, каждый мигъ обливая Никиту жаркимъ взглядомъ.—Гдѣ былъ?

— Послѣ скажу. У человѣка одного сидѣлъ...

— О человѣкѣ не говори,—вмѣшался Ѳедоръ и чокнулся съ Елизаветой.—Тутъ въ порту человѣка нѣтъ.—Онъ злобно заигралъ глазами, больше, чѣмъ всегда, увлеченный Елизаветой.

Пѣніе уже утихло. Гармоника опять защебетала и поглотила разговоры. Данило какъ стоялъ, такъ и пустился кружить на одномъ мѣстѣ, притопывая ногами, потомъ подбѣжалъ къ Никитѣ, какъ слабый сильнаго обнялъ его, поцѣловалъ, и пьянство съ новой силой началось.

Никита скоро опьянѣлъ и танцовалъ съ Елизаветой подъ пѣніе, игру, свистъ и одобреніе поденщиковъ.

— Мой ты, мой—говорила Елизавета, уплывая отъ него.

Изъ рыбацкой комнаты отдѣлился молодой парень-рыбакъ, въ красной рубашкѣ. Разнявъ толпу, онъ врѣзался въ присядку, встряхивая волосами. Опять запѣли съ двухъ концовъ, и пѣніе обѣихъ компаній, дикое, дисгармоничное, демоническое, какъ бы спустилось внизъ и заплясало съ людьми.

Въ Никитѣ точно прорвалось что-то. Откинувъ голову назадъ, онъ, какъ упрямый слѣпой, рвался все впередъ, подталкиваемый мощнымъ и могучимъ, что такъ потрясало его. Силы прибывали въ немъ, гдѣ-то внутри его въ мигъ вырастая, и теперь ему хотѣлось поднять портъ, перевернуть его, какъ чашу съ отбросами, чтобы ушла вся дрянь, и осталось одно—это хорошее чувство любви ко всѣмъ, къ лебедушкѣ, которую онъ тщетно, какъ счастье человѣческое, силился поймать.

Елизавета, упоенная пляской и любовью, чуть-чуть увлеченная парнемъ въ красной рубашкѣ, разгулялась во всю и, едва касаясь пола, уплывала отъ мужчинъ, бросая, какъ богачъ, обоимъ лукавые взгляды любви, страсти, радости. И рыбакъ старался. Положивъ руку на грудь, онъ, сколько было силъ, вытягивалъ изъ косоворотки длинную свою шею и, ловко поддерживая на согнутомъ локтѣ пальто, мастерски плясалъ, разсыпая мелкое и быстрое притопываніе такъ, что оно отзывалось въ душѣ милой музыкой.

Пляска, какъ всегда, внезапно оборвалась.

— Еще, еще!—требовали поденщики, замкнувъ въ своемъ кругѣ Никиту, рыбака и Елизавету.—Гармонистъ, играй! Жги его! Жарь, надавай!..

Но Никита выдохся весь и, блѣдный, съ сжатыми челюстями, раздувая ноздри, сталъ прочищать себѣ дорогу. А толпа ворчала ему вслѣдъ, обманутая въ своемъ ожиданіи, и гнѣвный голосъ ея, рѣдко способный подняться тамъ, гдѣ она работала, здѣсь, какъ голосъ трубы, раздавался все громче и громче.

Странно было видѣть этихъ людей. Подобно павшимъ Проме-

теямъ, они были прикованы къ портовой скалѣ, и жили такъ, будто въ мірѣ не было другихъ людей, другихъ интересовъ. У порога города и моря поденщики никогда не знали, не интересовались и не спрашивали себя, что тамъ за этимъ моремъ, въ этомъ городѣ. Они не спрашивали себя, кто населяетъ эти страны, откуда привозится хлѣбъ, дерево, камень, соль, желѣзо, все, чѣмъ питается городъ, и которое позже они же обрабатывали своими топорами, ломали, пилили вездѣ, на улицахъ, въ мастерскихъ, въ трюмахъ. Никогда они не бывали въ городѣ, который стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ, не интересовались имъ и проходили мимо всей сложной жизни его, которая невѣдомо отражалась и на нихъ! Они жили въ своемъ порту, какъ въ заколдованномъ царствѣ, влюбленные въ каждую пядь земли его, и не промѣняли бы его на землю райскаго сада. Они жили въ порту, какъ въ своемъ отечествѣ или какъ загнанные въ самую глухую деревушку страны, и люди съ головами, въ которыхъ находился подлинный человѣческій мозгъ, люди съ грудью, въ которой билось подлинное человѣческое сердце, оставались здѣсь годами, десятилѣтіями, не мѣняя своихъ симпатій, не повышаясь въ привычкахъ. Безымянные работники, они создавали страшныя богатства городу, и никому, однако, неизвѣстно было, какъ они приходили въ портъ, какъ оставались, уходили или умирали. Отравляясь водкой, нечистотой, развратомъ, они молча мучились, никогда не жалуясь. Каждый изъ поденщиковъ чѣмъ-нибудь страдалъ, и можно было стонать отъ жалости, какъ эти темные люди, стыдясь, старались облегчить свои мученія гдѣ-нибудь ночью, въ ночлежкѣ, въ пустомъ вагонѣ на глазахъ товарищей, какъ-нибудь небрежно, чтобы не подать и вида. Они лечили себя острой водкой, огнемъ, скипидаромъ, свѣжей землей, либо шли къ старухамъ, которыя отравляли ихъ всевозможными ядами. Страданія внутреннія, душевныя бывали ужаснѣе, но ихъ легче было скрыть, затопить водкой. Всѣ почти были заражены сифилисомъ, ибо женщины, съ которыми они жили, стояли на послѣдней, ниже которой нѣтъ среди людей, ступени...

Становилось поздно. Шумъ медленно, неохотно прекращался. Елизавета поднялась, потянула Никиту за рукавъ, и онъ покорно послѣдовалъ за ней. Данило и Ѳедоръ сдѣлали движеніе подняться, но она погрозила имъ и, взявъ за руку Никиту, вышла. На улицѣ стоялъ сухой морозъ, и было пріятно послѣ кабацкаго воздуха. Луна свѣтила ярко, и качавшіяся фигуры Никиты и Елизаветы, вмѣстѣ съ длинными кланявшимися тѣнями, отчетливо вырисовывались среди пустынной улицы. Елизавета отрезвлялась и какъ бы тайно вела своего возлюбленнаго, и онъ, не спѣша, шелъ за ней, думая, какъ это скверно напиваться пьянымъ.

— Сюда, Никита,—раздался ея голосъ,—держись ближе стѣны. Сейчасъ на мѣстѣ будемъ.

Родился Секки 29 іюня 1818 года въ небольшомъ городѣ провинціи Эмиліи—Реджіо, отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его былъ столяръ. Первоначальное воспитаніе ребенокъ получилъ въ мѣстной іезуитской коллегіи, вліяніе которой особенно сильно сказалось вслѣдствіе преждевременной кончины отца. Пятнадцати лѣтъ Секки рѣшается вступить въ орденъ іезуитовъ (3-го ноября 1833 года) и проходитъ рядъ наукъ въ установленномъ порядкѣ. Сначала онъ изучаетъ литературу итальянскую, греческую и латинскую, послѣ двухгодового искуса продолжаетъ эти занятія уже въ Римской коллегіи, гдѣ знакомится также съ философіей, математикой и физикой. Два послѣднихъ предмета привлекаютъ особенное вниманіе молодого Секки, скоро онъ назначается преподавателемъ ихъ въ дворянскомъ пансіонѣ (Convitto dei nobili) и въ Римской коллегіи, гдѣ впродолженіи года читаетъ также курсъ грамматики. Потомъ ему даютъ каѳедру физики въ коллегіи Лоретто. Въ 1844 году Секки приступаетъ къ изученію богословскихъ наукъ, но не успѣваетъ окончить установленнаго цикла, потому что въ 1847 іезуиты были изгнаны изъ Рима. Генераломъ ордена ему было приказано отправиться въ Англію въ Стонихерстъ, гдѣ онъ и былъ послѣ посвященъ въ духовный санъ. Отсюда его вмѣстѣ съ 20 собратіями по ордену посылаютъ въ Америку. 24-го октября 1878 года отплываетъ онъ изъ Ливерпуля, 19 ноября вступаетъ на твердую землю Новаго Свѣта. Секки занимаетъ мѣсто преподавателя элементарной математики въ Джорджтоунъ-Колледжѣ близъ Вашингтона. Здѣсь начинаетъ онъ заниматься болѣе спеціально астрономіей и становится ассистентомъ на астрономической обсерваторіи колледжа, директоромъ которой былъ въ то время Курлей. Любовь къ астрономіи Секки питалъ и раньше. Она заложена была въ его душу его славными учителями графомъ Піорчіани и астрономомъ Франческо де-Вико, директоромъ обсерваторіи въ Римской коллегіи. Назначеніе въ Джорджтаунъ, открывшее возможность заниматься любимымъ предметомъ, Секки считалъ поэтому большимъ счастіемъ для себя. «Съ мощной энергіей,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ (Cacciatore)—переплылъ Секки черезъ океанъ, полный радости, что можетъ отдаться всецѣло изученію любимаго предмета. Когда онъ достигъ Америки, его душа расширилась какъ эта великая страна. Онъ весь отдался изученію чудесъ творенія, неизмѣримаго пространства и всѣхъ вообще частей вселенной». Въ это же время Секки знакомится съ знаменитымъ метеорологомъ и гидрографомъ Мори, директоромъ морской обсерваторіи въ Вашингтонѣ, извѣстнымъ особенно своими изслѣдованіями движеній въ атмосферѣ. Мори былъ пораженъ высокимъ развитіемъ и способностями итальянскаго астронома. Между ними завязалась дружба, результатомъ которой явились цѣнныя изслѣдованія Секки по метеорологіи.

Недолго оставался Секки въ Джорджтоунѣ. Волненія въ Римѣ скоро улеглись. Іезуиты получили возможность вернуться. Между тѣмъ въ 1848 году Де-Вико, претерпѣвшій изгнаніе вмѣстѣ съ Секки,

умираетъ въ Лондонѣ. Въ качествѣ своего преемника по управленію обсерваторіей Римской коллегіи въ случаѣ, если она опять будетъ возвращена іезуитамъ, онъ рекомендуетъ Секки. И эта рекомендація была принята во вниманіе. Въ 1850 году Секки былъ отозванъ изъ Америки и назначенъ директоромъ обсерваторіи и профессоромъ астрономіи въ Римской коллегіи. Открывается широкое поле для дѣятельности молодого ученаго, начинается и новая эра для обсерваторіи.

Секки получилъ въ управленіе старую и очень бѣдную обсерваторію. Правда предшествующими директорами Дюмушелемъ и Де-Вико въ ней были сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, но все это были палліативы. Обсерваторія совершенно не отвѣчала задачамъ времени.

Живой, энергичный Секки не могъ удовлетвориться ея состояніемъ и прилагаетъ все стараніе, чтобы создать новую обсерваторію, на новомъ болѣе подходящемъ мѣстѣ, съ новыми прекрасными инструментами.

Онъ обращается за помощью къ богатымъ собратіямъ по ордену и получаетъ значительныя пожертвованія. Обсерваторія устраивается на крышѣ церкви св. Игнатія, принадлежащей Римской коллегіи Эта крыша была плоская и въ то же время очень прочная, такъ какъ сначала, при постройкѣ церкви, предполагалось, что надъ ней будетъ выведенъ огромный тяжелый куполъ. Въ 1852 году обсерваторія была готова. Ея главнымъ украшеніемъ явился прекрасный девятидюймовый рефракторъ Мерца, двойникъ по силѣ знаменитаго дерптскаго рефрактора, на которомъ В. Струве производилъ свои замѣчательныя измѣренія двойныхъ звѣздъ. Съ помощью этой трубы при ясномъ итальянскомъ небѣ Секки могъ разглядѣть не мало. Онъ предназначилъ ее для детальныхъ изслѣдованій поверхности планетъ и строенія солнца. Но не пренебрегъ онъ и старой трубой, шестидюймовымъ рефракторомъ Кошуа, съ которымъ наблюдалъ Де-Вико. Ее Секки поставилъ въ особой башнѣ, люки которой затягивались чернымъ сукномъ, такъ что только объективъ трубы высовывался наружу. Онъ направлялся на солнце, изображеніе котораго получалось позади трубы на бѣломъ экранѣ. Это наилучшій способъ для общаго изученія явленій на солнечной поверхности. Солнце, наиважнѣйшее для насъ изъ всѣхъ свѣтилъ небесныхъ, источникъ всей жизни нашей, привлекало особенное вниманіе Секки. Его интересовала природа свѣтила. Для уясненія ея онъ прибѣгалъ къ всевозможнымъ средствамъ, даже совершенно необычнымъ въ рукахъ астронома. Въ 1851 году 28-го іюня случилось полное солнечное затменіе. Кромѣ обыкновенной астрономической задачи—опредѣленія моментовъ соприкосновеній дисковъ луны и солнца—Секки ставитъ себѣ другія новыя. Онъ организуетъ фотографическія, метеорелогическія наблюденія и съ помощью физическаго прибора—термоэлектрической батареи, соединенной съ гальванометромъ, изслѣдуетъ напряженность въ тепловомъ отношеніи солнечныхъ лучей на различныхъ разстояніяхъ отъ центра солнца. Въ слѣдующемъ году онъ повторяетъ свои наблюденія прямо на изображеніи солнца, безъ затменія.

Онъ устанавливаетъ наглядно и строго въ цифрахъ замѣчательный фактъ, что солнце въ серединѣ своего диска горячѣе, къ краямъ холоднѣе, откуда слѣдуетъ, что оно окружено густой атмосферой. Центральные лучи пронизываютъ болѣе тонкій слой атмосферы и теряютъ вслѣдствіе поглощенія менѣе тепла. Еще Галилей предполагалъ, что солнце въ серединѣ видимаго диска ярче, по краямъ темнѣе. Секки подтвердилъ и это съ помощью простого остроумнаго приспособленія. Позднѣе детальными изслѣдованіями Фогеля, Ланглея и др. установлено постепенное ослабленіе напряженности отъ центра къ краямъ солнечнаго диска для различныхъ лучей: тепловыхъ красныхъ, зеленыхъ, фіолетовыхъ. На каждомъ фотографическомъ снимкѣ солнечнаго диска мы видимъ теперь непосредственно потемнѣніе къ краямъ. Но за Секки остается заслуга современной оцѣнки вопроса объ атмосферѣ солнца и изящнаго опредѣленнаго его разрѣшенія.

Онъ устанавливаетъ фактъ первой важности, фактъ новый, противорѣчащій воззрѣніямъ большихъ авторитетовъ, во главѣ которыхъ стоитъ физикъ и астрономъ Араго.

Чрезвычайно интересны наблюденія Секки солнечной поверхности непосредственно въ трубу. Они такъ живы, такъ богаты новыми, совершенно неожиданными результатами! Они рисуютъ намъ солнце, какъ огромный огненный океанъ, на поверхности котораго вѣчно бушуютъ громадныя волны, по временамъ образуются различной величины вихри, въ формѣ земныхъ водоворотовъ въ быстрой рѣкѣ съ порогами; въ эти пучины льется свѣтлая, огненная масса съ поверхности и пропадаетъ въ пропасти, иногда надъ пропастью стоитъ накаленная масса газовъ толстымъ слоемъ. Секки установилъ строеніе полутѣни солнечныхъ пятенъ въ видѣ узкихъ свѣтлыхъ листьевъ ивы на черномъ фонѣ, существованія свѣтлой каймы между ядромъ пятна, и полутѣнью, какъ скопленіе свѣтлой матеріи, слившейся внутрь пятна, онъ измѣрялъ глубину солнечныхъ пятенъ, отмѣтилъ появленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ розоваго покрова на внутреннихъ частяхъ пятна, вращательныя движеніе полутѣни, поглощеніе большими пятнами малыхъ. Онъ показалъ намъ, что солнце рябое, что поверхность его вся состоитъ какъ бы изъ рисовыхъ зеренъ, плавающихъ въ молокѣ. Онъ оцѣнилъ и размѣры этихъ волнъ, постоянно набѣгающихъ другъ на друга и перепутывающихся. Эти маленькія зернышки, оказывается, достигаютъ въ поперечникѣ 1.500 и 2.000 верстъ, а въ нихъ выдѣляются еще меньшія свѣтлыя точки, по 200—300 верстъ въ діаметрѣ. Почти все, что мы знаемъ теперь о внѣшнемъ видѣ солнечной поверхности указано Секки. Другіе наблюдатели подтвердили его открытія.

Съ 1842 года астрономовъ очень интригуютъ красные выступы, такъ называемые протуберансы, которые видимы по краямъ чернаго диска луны во время полнаго солнечнаго затменія. Спеціальная экспедиція, снаряженная гринвичской обсерваторіей въ Швецію во время затменія 1851 года разъяснила нѣкоторые вопросы о ихъ природѣ. Но

результаты ея не имѣли характера объективности. Между тѣмъ къ слѣдующему затменію 1860 года дѣлаетъ большіе успѣхи фотографія. Секки рѣшается воспользоваться этимъ могучимъ въ настоящее время орудіемъ естествоиспытателя и отправляется для наблюденія затменія въ Испанію.

Кромѣ него фотографированіемъ солнца во время затменія занимался Делярю. По сравненію ихъ результатовъ стало ясно, что протуберансы—вполнѣ реальное явленіе, а не представляютъ собой свѣтовые эффекты, какъ заподозрили было нѣкоторые ученые, что они несомнѣнно принадлежатъ солнцу и своимъ свѣтомъ очень сильно дѣйствуютъ на фотографическую пластинку.

На снимкахъ Секки получилось и прекрасное изображеніе короны. Тотъ способъ фотографированія, который онъ употребилъ при этомъ,—непосредственно объективомъ, безъ окуляра, сдѣлался теперь общеупотребительнымъ. Делярю, который фотографировалъ увеличенное изображеніе солнца, данное окуляромъ, въ отношеніи короны имѣлъ худшіе результаты, такъ какъ при его способѣ и свѣта мало и поле получается меньшее. Въ то время еще не знали различія между оптическимъ и фотографическимъ фокусомъ объектива. Путемъ длиннаго ряда опытовъ Секки находитъ эту разницу практически. Онъ преодолѣваетъ массу и другихъ затрудненій и недоумѣній, напримѣръ, относительно времени экспозиціи при фотографированіи совершенно невѣдомыхъ объектовъ—солнечной короны и протуберансовъ. Онъ является мастеромъ, создателемъ новаго метода, которому мы обязаны важными результатами.

Въ исторіи астрономіи весьма памятнымъ является день 18-го августа 1868 года, когда французскій астрономъ Жансенъ, отправившійся наблюдать полное солнечное затменіе въ Индію, увидѣлъ впервые спектръ протуберансовъ. Вопросъ о природѣ этихъ чудныхъ образованій былъ рѣшенъ. Это массы раскаленнаго водорода, но вмѣстѣ съ тѣмъ у Жансена явилась надежда, благодаря тому, что линіи спектра протуберансовъ оказались очень яркими, видѣть ихъ и безъ затменія при полномъ солнечномъ блескѣ. Въ тотъ же день онъ провѣрить этого не могъ, но на другой небо было ясно. Поставивъ щель спектроскопа на то мѣсто, гдѣ наканунѣ стоялъ громадный протуберансъ, онъ дѣйствительно увидѣлъ вполнѣ отчетливо линіи его спектра. Является такимъ образомъ возможность изслѣдовать загадочные выступы на солнцѣ не только въ теченіе 2—3 минутъ во время полнаго затменія, а всегда, когда только видно солнце. Самому Секки не пришлось наблюдать затменіе 1868 года, но въ тотъ же день, какъ только было получено въ Европѣ извѣстіе объ открытіи Жансена, онъ направляетъ спектроскопъ на солнце и разсматриваетъ красную кайму вокругъ его диска, такъ называемую хромосферу, и протуберансы. Изо дня въ день потомъ почти до самой своей смерти онъ продолжалъ спектральныя наблюденія. Никому въ большей степени мы не обязаны нашими свѣдѣніями о явленіяхъ въ окрестностяхъ видимаго яркаго диска солнца, какъ ему. Изслѣдованія протуберансовъ является главной задачей

Секки. На нихъ онъ затратилъ массу энергіи, онъ попортилъ даже наблюденіями свои глаза. Въ 1869 году Гёггилсъ даетъ способъ наблюдать не только линіи спектра протуберансовъ, но видѣть даже въ расширенной щели спектроскопа непосредственно и самые протуберансы. Секки зарисовывалъ то, что являлось предъ его глазами въ спектроскопѣ. Нѣкоторые изъ его рисунковъ были послѣ отпечатаны въ краскахъ. Глядя на нихъ, не знаешь, чему больше дивиться: интереснымъ ли формамъ этихъ удивительныхъ фонтановъ раскаленныхъ газовъ, которые выбрасываются изъ нѣдръ солнца на огромную высоту съ громадною скоростью, или искусству наблюдателя схватить и передать на рисункѣ существенныя характерныя черты явленія. Чувствуется прямо, что передъ вами горящее пламя, легкій накаленный газъ, вихремъ поднимающійся вверхъ и разсѣивающійся въ пространствѣ. Съ художественными рисунками Секки нельзя и сравнивать грубые схематическіе контуры, которые вышли изъ подъ карандаша другихъ наблюдателей, ихъ мертвые, безжизненные рисунки, которые даже будучи напечатаны въ краскахъ передаютъ протуберансы въ какомъ-то неподвижномъ видѣ, какъ будто они высѣчены изъ камня или слѣплены изъ гипса, свернуты изъ ваты.

Къ рисункамъ Секки прибавляетъ поэтическія описанія наблюдаемыхъ явленій. Описанія эти просты, безъ какихъ-либо прикрасъ, но они такъ живы, полны такого непосредственнаго увлеченія наблюдателя, такъ интересны, что совершенно нельзя оторваться, читая ихъ.

Между прочимъ Секки вырабатываетъ и классификацію протуберансовъ.

Онъ различаетъ волокнистую, облачную и лучеобразную структуру. Что касается формъ, то ихъ онъ указываетъ весьма много самыхъ разнообразныхъ, какъ простыхъ такъ и сложныхъ. Онъ даетъ имъ образныя названія: куча, пламя, снопъ, султанъ, вѣеръ, лучи, облака.

Куча—скопленіе матеріи на подобіе нашихъ облаковъ *cumulus*. Эта форма, въ общемъ, очень живая, блестящая, съ массой интересныхъ подробностей, какъ и въ нашихъ облакахъ.

Кучевые протуберансы рѣдко остаются долго. Обыкновенно они предшествуютъ большимъ изверженіямъ, высота ихъ не большая, maximum 30—40 секундъ дуги, что соотвѣтствуетъ 21.000—28.000 километровъ. Встрѣчаются формы менѣе опредѣленныя, на подобіе нашихъ облаковъ *stratus*, онѣ часто попадаются на верху волокнистыхъ массъ.

Пламя—наиболѣе распространенная форма протуберансовъ Въ рѣдкихъ случаяхъ эти образованія прямыя, иногда они имѣютъ двойную кривизну. Въ дѣйствительности это пламя поднимается винтомъ, въ видѣ спирали, мы видимъ его въ проекціи.

Иногда протуберансъ является въ формѣ цвѣтка,—легкое, раскинутое, блестящее образованіе.

Снопы и вѣера достигаютъ громадныхъ размѣровъ, они грандіозны и красивы, горятъ обыкновенно холоднымъ, покойнымъ блескомъ.

Лучи очень подвижны, это предвѣстники сильныхъ изверженій.

Облака, какъ наши земныя облака, являются оторванными отъ солнца, они плавають на нѣкоторой высотѣ надъ его поверхностью, часто они образуются, какъ и наши облака прямо на глазахъ наблюдателя.

Но особенно замѣчательны такъ называемыя изверженія, которыя отличаются отъ предшествующихъ формъ огромными скоростями распространенія матеріи, яркимъ живымъ блескомъ и присутствіемъ паровъ тяжелыхъ металловъ. Измѣненія въ нихъ такъ быстры, что не хватаетъ иногда времени, чтобы зарисовать.

Большинство изверженій происходитъ надъ пятнами въ моменты наибольшихъ измѣненій въ нихъ, они никогда не наблюдаются близь полюсовъ. Высота ихъ небольшая, обыкновенно не превышаетъ 30.000—50.000 километровъ. Встрѣчаются вихревыя формы, циклоны.

Нерѣдки скорости въ 600, 700 и 800 километровъ въ секунду.

Секки старался выяснить связь между солнечными пятнами, протуберансами и факелами. Пытался дать объясненіе этимъ явленіямъ, создать ихъ теорію. Его взгляды раздѣляются не всѣми учеными нашего времени, нѣкоторые дѣлаютъ ему упрекъ въ излишней смѣлости обобщеній, недостаточной осторожности въ положеніяхъ, но всѣ отдаютъ честь его остроумію, богатству идей, изобрѣтательности и умѣнію комбинировать данныя, искреннему полному увлеченію вопросомъ.

Между прочимъ Секки занимался также опредѣленіемъ температуры солнца.

Свои результаты вмѣстѣ съ результатами другихъ изслѣдователей онъ собралъ въ спеціальномъ сочиненіи «Le Soleil», представляющемъ два большіе, прекрасно изданные тома. Второе изданіе этого сочиненія вышло въ 1875—1877 годахъ, т.-е. болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. За это время новая наука сдѣлала большіе успѣхи, увеличились и наши свѣдѣнія о солнцѣ. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ трудъ Секки является основнымъ источникомъ для всякаго, кто занимается изученіемъ солнца практически и теоретически.

Книга написана легко, читается, какъ интересный романъ. Она рисуетъ намъ солнце совершенно въ новомъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, какъ смотрѣли на него до Секки. Еще въ пятидесятыхъ годахъ въ «Популярной астрономіи» Араго повторялись старыя, отжившія теперь сказки о нашемъ дневномъ свѣтилѣ, по воззрѣніямъ В. Гершеля. У Араго есть глава, носящая заглавіе: «Обитаемо ли солнце?» Она начинается словами: «Если мнѣ предложатъ просто вопросъ: обитаемо ли солнце, я отвѣчу, что я не знаю, но если меня спросятъ, можетъ ли солнце быть обитаемо живыми существами, подобными тѣмъ, которыя населяютъ нашу землю, я, не колеблясь, отвѣчу утвердительно. Араго принималъ за доказанное, что солнце состоитъ изъ чернаго, холоднаго ядра, которое окружено блестящей и горячей оболочкой. Между ядромъ и этой оболочкой пустое пространство. По временамъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ оболочки происходятъ разрывы, мы видимъ сквозь нихъ черное ядро—это пятно. Наоборотъ жители солнца, живущіе на

ядрѣ, черезъ отверстія оболочки видятъ землю, планеты, любуются клочками звѣзднаго неба...

Совсѣмъ другое солнце въ трудѣ Секки. Это то солнце, какимъ мы представляемъ его теперь. Позднѣйшія изслѣдованія вносятъ частичныя измѣненія и дополненія. Основа дана Секки въ его «Le Soleil». Солнце это огромное, мало уплотненное—но все накаленное тѣло, поверхность котораго кипитъ и бушуетъ. Оно окружено атмосферой, состоящей изъ легкихъ накаленныхъ газовъ и паровъ тяжелыхъ металловъ, намъ извѣстныхъ на землѣ. Страшные вихри поднимаются съ поверхности солнца, съ необыкновенною яростью бьютъ изверженія. О жизни на солнцѣ въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ мы жизнь на землѣ, не можетъ быть и рѣчи, но оно само является источникомъ жизни для всей земли, для всѣхъ планетъ, и его энергіи хватитъ еще на много-много милліоновъ лѣтъ!

Говоря объ изслѣдованіяхъ Секки солнца, нельзя не упомянуть о томъ, что имъ были придуманы также спеціальные приборы какъ для наблюденія поверхности, такъ и для измѣренія протуберансовъ. Эти приборы оказались во многихъ отношеніяхъ весьма полезными и вошли въ употребленіе у многихъ позднѣйшихъ наблюдателей.

Не оставилъ безъ вниманія Секки и луну. Наблюдая ея поверхность, онъ дѣлалъ рисунки, пробовалъ и фотографировать. Рисунки были сдѣланы съ цѣлью отмѣтить особенности нѣкоторыхъ большихъ кратеровъ, главнымъ образомъ кратера Коперника. Рисунокъ послѣдняго кратера выполненъ съ большею точностью и особенно удачно. Когда онъ былъ переснятъ фотографіей, королевское астрономическое общество въ Лондонѣ обратилось къ Секки съ просьбой уступить большое число экземпляровъ для распространенія, въ Швеціи по нему былъ изготовленъ рельефный слѣпокъ. Фотографическіе снимки луны, сдѣланные Секки въ 1858 году, являются одними изъ первыхъ. Онъ вырабатывалъ методъ, съ помощью котораго теперь получены удивительные атласы лунной поверхности на Парижской и Ликской обсерваторіяхъ. При этихъ-то опытахъ Секки и открылъ что оптическій фокусъ не совпадаетъ съ химическимъ. Для его объектива разстояніе между этими фокусами оказалось равнымъ 22 миллиметрамъ.

Еще съ помощью старой трубы Кошуа Секки началъ изучать поверхность планетъ. Въ 1850 году онъ по тѣни кольца Сатурна на дискѣ планеты заключаетъ, что кольцо не можетъ быть признано совершенно плоскимъ, онъ усматриваетъ внутренне-туманное кольцо, независимо отъ забытаго, оставшагося безъ вниманія, открытія Галле. Де-Вико и де-Кирпи утверждали, что кромѣ извѣстнаго дѣленія Кассини въ кольцѣ Сатурна есть еще другія. Но этому астрономы не вѣрили, считали это иллюзіей. Съ помощью рефрактора Мерца, Секки вполнѣ опредѣленно разглядѣлъ тонкія темныя линіи въ кольцѣ, о которыхъ говорили его предшественники по обсерваторіи Римской коллегіи. Онъ обстоятельно слѣдилъ за исчезновеніемъ кольца въ 1861 г.

и подмѣтилъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, указывающихъ на внутреннее строеніе кольца.

Изъ большого числа измѣреній Секки пришелъ къ заключенію, что кольцо не вполнѣ круглое, но нѣсколько эксцентричное, что оно сохраняетъ равновѣсіе вслѣдствіе вращенія, время оборота котораго равняется 14,233 звѣздныхъ часовъ. Какъ разъ въ такое же время обошелъ бы по своей орбитѣ спутникъ, находящійся на томъ же разстояніи отъ планеты. Это чрезвычайно интересный и важный результатъ, дѣлающій весьма вѣроятнымъ предположенія Гирна и Максвела, что кольца Сатурна представляютъ собой группу мелкихъ спутниковъ, движущихся вокругъ планеты. Онъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ новѣйшихъ спектрографическихъ наблюденіяхъ.

При изученіи системы Юпитера, Секки отмѣтилъ на поверхности спутниковъ такія подробности, которыя только теперь начинаютъ обращать на себя болѣе опредѣленное вниманіе астрономовъ, работающихъ при наилучшихъ условіяхъ. На Марсѣ имъ открыто два канала, указано эксцентричное положеніе полярныхъ пятенъ по отношенію къ полюсамъ вращенія. Но въ объясненіе этихъ пятенъ Секки высказалъ предположеніе, которое является наименѣе вѣроятнымъ. Вслѣдствіе большой измѣнчивости, онъ готовъ былъ признать ихъ скорѣе за облака, чѣмъ за скопленія снѣга и льда. Марсъ по отношенію къ землѣ бываетъ въ наиболѣе выгодномъ для наблюденій положеніи черезъ каждыя 15 лѣтъ. Въ августѣ 1877 года имѣло мѣсто такъ называемое великое противостояніе, съ котораго начинается третій, наиболѣе важный періодъ въ исторіи изученія планеты. Открыты два спутника Марса, приступаетъ къ своимъ замѣчательнымъ наблюденіямъ другой знаменитый итальянскій астрономъ Скіапарелли. Но Секки уже не суждено было на этотъ разъ принять участіе въ изслѣдованіяхъ планеты. Въ томъ же августѣ явились зловѣщіе симптомы болѣзни, которая свела его въ могилу.

По наблюденіямъ въ 1857 году, Секки писалъ, что Венера окружена чрезвычайно густой атмосферой, которая обусловливаетъ рефракцію, гораздо болѣе сильную, чѣмъ на землѣ. Во время прохожденія планеты по диску солнца въ 1874 году это заключеніе было подтверждено наблюденіями многихъ астрономовъ. Секки наблюдалъ пятна на Венерѣ, старательно ихъ зарисовывая. Онъ понялъ, что планету лучше наблюдать днемъ. Ночью необычайная яркость ея только вредитъ дѣлу.

Испробовалъ Секки и спектроскопъ въ примѣненіи къ планетамъ. По спектрамъ онъ судилъ о составѣ атмосферъ на Марсѣ, Венерѣ, Юпитерѣ, Сатурнѣ, отмѣчая, что послѣднія двѣ планеты несомнѣнно находятся еще въ состояніи хаоса. Онъ первый указалъ на присутствіе широкихъ темныхъ полосъ въ спектрахъ Урана и Нептуна, свидѣтельствующихъ, что атмосферы этихъ планетъ очень плотны.

Въ ясную черную ночь все небо наше усыпано звѣздами. Въ трубѣ ихъ насчитываютъ сотни тысячъ. В. Гершель въ концѣ XVIII-го ст. разложилъ на отдѣльныя звѣзды даже бѣлесоватую полосу на небѣ—Млеч-

ный Путь. Пытались опредѣлить разстояніе различныхъ звѣздъ до насъ, но въ общемъ задача осталась и до сихъ поръ неразрѣшенной. Даже смѣщеніе наблюдателя на 300.000.000 верстъ при движеніи земли около солнца не оказываетъ вліянія на измѣненіе направленія, въ которомъ мы видѣли звѣзду. Разстоянія звѣздъ отъ нашего солнца и другъ отъ друга приходится признать безконечно большими. Отсюда естественно заключеніе, что звѣзды свѣтятъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, имъ неоткуда заимствовать такой блескъ, который замѣтенъ для насъ на огромномъ разстояніи. Очевидно, эта тѣла накаленныя, подобныя нашему солнцу. Но больше ничего не знаетъ астрономія о звѣздахъ до шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Только новое орудіе,— спектральный анализъ, можетъ проникнуть въ природу далекихъ міровъ, разсказать намъ, что они въ общемъ представляютъ.

И Секки одинъ изъ первыхъ принимается за изслѣдованіе глубинъ мірового пространства въ физическомъ отношеніи. Онъ хотѣлъ использовать новый методъ, открытый Кирхгофомъ и Бунзеномъ, на всемъ, гдѣ только возможно. Но раньше еще онъ отдаетъ свое вниманіе звѣздному міру, измѣряя микрометромъ двойныя звѣзды, звѣздныя скопленія и туманности. Его новый рефракторъ какъ разъ такой же силы, какъ дерптскій. Поэтому онъ ставитъ себѣ задачу перемѣрить всѣ звѣзды, которыя измѣрялъ раньше В. Струве въ Дерптѣ. На это потребовалось семь лѣтъ. Въ 1859 Секки выпускаетъ первый каталогъ содержащій 10.321 измѣреній двойныхъ звѣздъ Струве. Послѣ были опубликованы два другіе ряда, а раньше отдѣльно были обработаны измѣренія звѣздныхъ скопленій.

Примѣненіе спектроскопа къ звѣздамъ было осложнено цѣлымъ рядомъ затрудненій, источникомъ которыхъ является недостатокъ свѣта. Звѣзда точка, а спектръ ея линія. При растяженіи пучка лучей въ спектрѣ, интенсивность его такимъ образомъ меньшая, часть свѣта теряется и при прохожденіи черезъ призму. Но на тонкой линіи никакихъ поперечныхъ линій, характеризующихъ спектръ, не разглядишь. Надо расширить спектръ съ помощью цилиндрической линзы, интенсивность спектра еще понижается, какъ отъ новаго поглощенія, такъ и отъ расширенія того же пучка свѣта на большую площадь. Потребовалось много остроумія въ конструированіи прибора, съ помощью котораго можно было бы наблюдать спектры слабыхъ звѣздъ. Секки, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ пробъ въ постройкѣ спектроскопа, заказалъ просто одну большую призму, которую и помѣщалъ передъ объективомъ своего рефрактора. При этомъ получилась еще та выгода, что въ полѣ зрѣнія трубы были видны сразу нѣсколько спектровъ, сравненіе ихъ между собой значительно облегчалось, а это было очень важно при массовой работѣ изученія спектровъ всѣхъ звѣздъ. Такой методъ употребляетъ теперь Пикерингъ въ Америкѣ при фотографированіи звѣздныхъ спектровъ. Секки изучилъ спектры 4.000 звѣздъ. Результаты, полученные имъ оказались поразительными. Спектръ звѣзды по

общему своему виду такой же, какъ спектръ солнечный, только, конечно, гораздо слабѣе. Это цвѣтная полоса, пересѣченная поперекъ цѣлымъ рядомъ темныхъ линій. Наблюдая спектры звѣздъ, мы имѣемъ непосредственное подтвержденіе тому предположенію, что звѣзды такія же солнца, какъ наше. Это огромныя накаленныя тѣла, которыя кажутся намъ болѣе или менѣе свѣтлыми точками только потому, что они находятся отъ насъ на громадныхъ разстояніяхъ. Вѣроятно и они являются центрами цѣлыхъ системъ, подобныхъ, въ общемъ, нашей солнечной системѣ. Было бы слишкомъ узко выдѣлять наше солнце въ этомъ отношеніи изъ общей массы міровъ, подобныхъ ему. Конечно, тѣхъ планетъ, которыя, быть можетъ, ходятъ около той или другой звѣзды мы не видимъ. Планеты малы по размѣрамъ и свѣтятъ отраженнымъ свѣтомъ. Послѣдній до насъ не доходитъ.

Но спектры звѣздъ оказались въ подробностяхъ не совсѣмъ одинаковы. Въ однихъ темныхъ линій больше, въ другихъ меньше. По толкованію Кирхгофа темныя линіи въ спектрѣ обусловливаются поглощеніями въ газовой средѣ, черезъ которую проходятъ лучи отъ накаленнаго тѣла. Каждая линія обусловливается опредѣленнымъ газомъ. Наблюдая темныя линіи въ спектрѣ солнца, мы имѣемъ возможность судить о составѣ его атмосферы. Точно также и по спектрамъ звѣздъ является возможность узнать какъ составъ отдаленныхъ міровъ, такъ и то состояніе, въ которомъ находится каждая изъ нихъ.

Секки по собранному имъ матеріалу устанавливаетъ классификацію звѣздныхъ спектровъ, выдѣляя пять главныхъ типовъ.

Къ первому типу онъ относитъ звѣзды бѣлыя, примѣромъ которыхъ можетъ служить главная звѣзда въ созвѣздіи Лиры-Вега и яркій Сиріусъ. Спектры ихъ характеризуются малымъ числомъ темныхъ линій, которыя всѣ принадлежатъ водороду. Очевидно, это тѣла въ высшей степени накаленныя, въ атмосферѣ которыхъ нѣтъ сгущенныхъ паровъ. Это первая стадія сформировавшейся звѣзды.

Второй классъ составляютъ звѣзды желтыя, какъ Капелла, Поллуксъ. Ихъ спектры подобны спектру нашего солнца, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно констатировать почти полное тожество. Въ нихъ также много темныхъ линій, принадлежащихъ металламъ. Ясно, что у всѣхъ этихъ тѣлъ атмосферы холоднѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Начали сгущаться пары даже тяжелыхъ металловъ. И наше солнце, слѣдовательно, въ настоящее время спустилось на вторую ступень въ своемъ пути къ кончинѣ. Удивительный, въ высшей степени интересный для нашего міровоззрѣнія фактъ!

Къ третьему классу принадлежатъ звѣзды оранжевыя и слегка красноватыя, какъ альфа Оріона, альфа Геркулеса, бета Пегаса. Въ ихъ спектрахъ еще больше темныхъ линій, встрѣчаются и цѣлыя полосы въ видѣ колоннъ. Въ атмосферахъ этихъ звѣздъ поглощеній еще больше. Онѣ сравнительно еще старѣе.

Четвертый классъ красныя звѣзды, спектры которыхъ характеризу-

ются широкими поперечными полосами. Онѣ совсѣмъ близки къ потуханію, кончаютъ свое существованіе, какъ центры, оживляющіе возможныя около нихъ системы. Естественно сдѣлать допущеніе, что во вселенной не мало и потухшихъ уже звѣздъ, которыя остаются невидимыми для насъ. Не будутъ ли такъ называемыя новыя, временныя звѣзды вспышками газовъ, вырвавшихся изъ-подъ коры такихъ охладившихся солнцъ?! Въ ихъ спектрахъ выступаютъ свѣтлыя водородныя линіи, которыя встрѣчаются также въ спектрахъ нѣкоторыхъ перемѣнныхъ звѣздахъ. Всѣ звѣзды съ свѣтлыми линіями въ спектрѣ Секки выдѣляетъ въ пятый классъ.

Туманности Секки также изслѣдовалъ въ двухъ отношеніяхъ. Сначала, до открытія спектральнаго анализа, онъ наблюдалъ въ свой прекрасный рефракторъ ихъ общую форму и подробности строенія, измѣрялъ протяженіе ихъ въ различныхъ частяхъ. Позднѣе онъ направлялъ на нихъ свой спектроскопъ. Интересно измѣненіе взгляда его на природу туманностей. Въ первое время онъ считалъ ихъ всѣ отдаленными скопленіями звѣздъ, хотя уже В. Гершель отказался отъ такого воззрѣнія, допуская, что нѣкоторыя туманности представляютъ собой дѣйствительно неуплотненныя массы первобытной матеріи.

Спектроскопъ рѣшилъ вопросъ. Нѣкоторыя туманности, какъ оказалось, имѣютъ несомнѣнно спектръ газовый, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ линій. Это туманности въ собственномъ смыслѣ слова.

Съ большимъ интересомъ останавливался Секки на вопросѣ, что представляютъ собой черныя пустоты въ нѣкоторыхъ частяхъ неба, которыя еще Гершель назвалъ «окошками». Секки настаивалъ на томъ, что это массы темныхъ газовъ, проектирующихся на свѣтлый фонъ пространства. Въ этомъ взглядѣ заключена маловѣроятная гипотеза объ освѣщеніи общаго фона. Новѣйшія изслѣдованія не дали намъ никакого повода предпочесть это воззрѣніе. Взглядъ Гершеля представляетъ вполнѣ удовлетворительную основу для теоріи проф. Вольфа, который съ помощью фотографіи открылъ огромное числотакихъ «пустотъ».

Кометы еще при де-Вико являлись обычными предметами наблюденій на обсерваторіи Римской коллегіи. Секки, конечно, не игнорировалъ эти интересныя тѣла, обращая, вслѣдствіе своей склонности, главное вниманіе на изученіе внутренняго строенія ихъ и тѣхъ измѣненій, которыя они претерпѣваютъ. Раздѣлившаяся комета Біелы при появленіи ея въ 1852 году, кометы 1861, 1862 и 1874 годовъ были наблюдены и описаны имъ подробно. Блестящую комету Донати въ 1858 г. рисовалъ его помощникъ Каппеллети, потому что самъ Секки временно отлучался изъ Рима.

Комета Темпеля 1866 года является первой, у которой изслѣдованъ былъ спектръ. Устанавливается опредѣленный взглядъ и на природу этихъ случайныхъ гостей въ нашей солнечной системѣ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія еще многими раздѣлялось мнѣніе,

что падающія звѣзды есть явленія атмосферныя, въ противоположность новому взгляду на нихъ, какъ на тѣла, идущія изъ безконечнаго пространства, и Секки, понимая значеніе вопроса, спеціальными наблюденіями старался рѣшить его. Еще въ пятидесятыхъ годахъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что метеоры—тѣла космическія. Въ 1862 году онъ организовалъ наблюденія съ двухъ пунктовъ, что дало возможность вычислить высоту возгоранія метеора надъ поверхностью земли. Въ 1868 году, 14-го ноября, и во время звѣзднаго дождя 27-го ноября 1872 года, онъ изслѣдовалъ спектръ метеоровъ, показавшій ему присутствіе тѣхъ же элементовъ, которые находятся на землѣ: желѣза, магнія, натрія.

Въ такой полнотѣ и цѣльности проявилась дѣятельность пытливаго естествоиспытателя. Онъ жилъ въ счастливое время открытія новыхъ методовъ—фотографіи и спектральнаго анализа, которые ввели насъ въ совершенно невѣдомыя области. Стремясь и самъ раньше разгадать природу небесныхъ тѣлъ, онъ оцѣнилъ значеніе этихъ могучихъ помощниковъ и смѣло, съ неослабной энергіей организовалъ изслѣдованія за изслѣдованіями. Все, что онъ наблюдалъ, было ново, чрезвычайно интересно и важно въ отношеніи выработки нашего общаго міровоззрѣнія. Можно удивляться только, какимъ образомъ Секки, оставаясь членомъ іезуитскаго ордена, былъ такъ смѣлъ и независимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ. Въ 1633 г. святая инквизиція судила въ Римѣ Галилея за повтореніе ереси, что земля движется вокругъ солнца, а 230 лѣтъ спустя монахъ благочестивый, въ томъ же Римѣ съ благословенія самого святѣйшаго отца, срываетъ завѣсу за завѣсой, скрывающія отъ насъ тайны мірозданія, и смѣло обобщаетъ результаты своихъ изслѣдованій въ положенія, которыя совершенно измѣняютъ наше міровоззрѣніе.

Но изученіемъ природы небесныхъ тѣлъ не ограничивается дѣятельность Секки. Между прочимъ онъ опредѣляетъ географическое положеніе новой обсерваторіи, ея долготу и широту. Измѣрялъ длину древней via Appia, когда начались раскопки. Въ интересахъ исторіи и археологіи было очень важно возстановить длину римской мили. Онъ подготовилъ сѣть для градусныхъ измѣреній Средней Италіи, но уничтоженіе папской области заставило его прекратить работы. Впослѣдствіи главный штабъ итальянскаго правительства воспользовался его подготовкой. Наконецъ, какъ было упомянуто, на обсерваторіи Римской коллегіи производились метеорологическія и магнитныя наблюденія. Секки опубликовалъ большое число различныхъ изслѣдованій, напримѣръ, о дождяхъ, за промежутокъ времени въ 50 лѣтъ, о температурѣ на основаніи 40-лѣтнихъ наблюденій, о скорости вѣтровъ дневной и часовой по наблюденіямъ за 16 лѣтъ. Онъ откликнулся на новое теченіе въ метеорологіи, которое занималось не только климатологіей, но и общимъ состояніемъ атмосферы, теченіями въ ней, бурями. Познакомившись съ новыми идеями непосредственно у автора

ихъ Мори въ Америкѣ, онъ перенесъ ихъ въ Италію и скоро успѣлъ организовать ежедневное телеграфное сообщеніе между нѣсколькими главными городами.

Имъ были опредѣлены абсолютные элементы земного магнитизма въ Римѣ и окрестностяхъ, а также ихъ варіаціи, изучалось атмосферное электричество съ помощью спеціальныхъ аппаратовъ высокой чувствительности, указано, на основаніи изслѣдованія за многіе годы, соотношеніе, которое существуетъ между вихрями и магнитными возмущеніями, опредѣлялась радіація солнца и поглощеніе солнечныхъ лучей въ нашей атмосферѣ. Секки организовалъ спеціальное изслѣдованіе, откуда берется красная пыль, которая приносится нѣкоторыми вѣтрами, и устанавливаетъ, что идетъ она изъ пустынь африканскихъ.

Въ неусыпной работѣ Секки оставался директоромъ обсерваторіи Римской коллегіи безпрерывно 28 лѣтъ. Только въ 1870 году онъ чуть не оставилъ своего поста. Республиканцы вторгнулись въ Римъ и объявили Римскую коллегію собственностью національною. Іезуиты должны были выселиться и перенести свой университетъ въ другое помѣщеніе. Секки, въ виду его громадныхъ заслугъ, было предложено оставаться директоромъ обсерваторіи, но послѣдняя переставала быть папской, а сдѣлалась національной. Секки, несмотря на свою любовь къ астрономіи, къ своей обсерваторіи, не могъ согласиться на это предложеніе и предпочелъ изгнаніе. Новое правительство уступило. Обсерваторія со всей обстановкой, инструментами, директоромъ и его помощниками осталась въ распоряженіи папы, и высокая стѣна отдѣлила ее отъ остальной части института.

Секки напечаталъ болѣе 600 мемуаровъ въ различныхъ изданіяхъ и 6 отдѣльныхъ сочиненій. Между ними, кромѣ упомянутаго выше «Le Soleil», весьма извѣстны книжки: «Единство физическихъ силъ» и «Звѣзды».

Аббатъ Муаньо выставляетъ Секки, какъ чрезвычайно благочестиваго монаха, каждый день много времени посвящавшаго молитвѣ и съ увлеченіемъ служившаго мессу.

Повидимому, въ Секки, дѣйствительно, органически слилось благоговѣніе предъ величіемъ вселенной и святостью церкви, и онъ былъ искрененъ, говоря предъ смертью: «Впродолженіе всей моей жизни, всей научной дѣятельности я не имѣлъ другой цѣли, какъ возвеличеніе святой католической церкви, доказывая съ очевидностью, какъ можно согласить результаты знанія съ христіанскимъ благочестіемъ». Во всякомъ случаѣ, со стороны науки онъ заслужилъ глубокое признаніе, вѣчную благодарность за то, что съумѣлъ съ пользой употребить свои способности, силы и свое вдохновеніе.

К. Покровскій.

ДОНАТЬЕННА.

Романъ **Ренэ Базэна.**

Переводъ **З. Журавской.**

*(Окончаніе *).*

V.

Лѣто вернулось.

Дѣйствительно прохожій на всѣхъ парахъ мчался въ Парижъ. Онъ тоже не могъ уснуть. Растянувшись на скамьѣ вагона третьяго класса, онъ раздумывалъ о томъ, какъ ему теперь поступить. Въ памяти его то и дѣло вставалъ образъ Ноэми по другую сторону изгороди, юное личико, сначало недовѣрчивое, потомъ глубоко взволнованное. Онъ сравнивалъ это личико съ лицомъ Донатьенны и говорилъ себѣ: «Несомнѣнно онѣ мать и дочь!» Онъ спрашивалъ себя, что будетъ, если онъ на обратномъ пути снова зайдетъ въ кафэ Донатьенны. Вѣдь она чего добраго все броситъ и помчится къ дѣтямъ,—она такъ, взволновалась тогда, такъ горячо просила его! Ее ничто не удержитъ. Тогда въ домѣ каменьщика разыграется страшная драма въ родѣ тѣхъ «драмъ ревности», которыя описываютъ въ газетахъ. Малютка права: Донатьеннѣ не слѣдуетъ возвращаться. Нѣтъ, нѣтъ, этакъ будетъ вѣрнѣе. Но чтобы предупредить столкновеніе ему самое лучшее молчать? Во всякомъ случаѣ торопиться некуда. Вѣдь мать и теперь уже наполовину увѣрена, что ея дѣти живы. Разъ ей нельзя вернуться къ мужу и дѣтямъ, не лучше ли ей на томъ и остаться? «Ей-Богу, не пойду я туда—заключилъ онъ мысленно.—Чѣмъ я рискую? Не обязанъ же я идти. И ее оберегу отъ непріятностей. Не пойду, да и все тутъ».

Каменьщикъ былъ человѣкъ осторожный. Онъ и то уже сожалѣлъ, что впутался въ эту исторію, грозившую ссорой. Въ Парижѣ онъ взялся за работу и забылъ о Донатьеннѣ...

Лѣто раскинуло свой золотой шатеръ надо всей французской землей. Согрѣло оно и рабочій кварталъ, гдѣ Донатьенна уже ничего не ждетъ отъ жизни, стараясь увѣрить себя, что случайный посѣтитель все вы-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 8, августъ, 1903 г.

думалъ, что онъ никогда и не видѣлъ ея дѣтей. «Онъ просто на просто обманулъ меня или же оказалось, что это чей-нибудь другой Жоэль, а не мой, оттого онъ и не зашелъ сюда на обратномъ пути». Она сознаетъ, что ради дѣтей она способна была бы переломить себя и уйти, если бы она только знала, гдѣ они, но теперь уже ничего не узнаешь и она суждена состариться въ этой лачугѣ, гдѣ ей все до смерти опостылѣло.

Пригрѣваетъ солнышко и поля Ро-Гриньона, гдѣ даже имя Луарна не сохранилось въ памяти сосѣдей. Пригрѣваетъ оно и огромный зеленый шатеръ Плекскаго лѣса, волнующійся, какъ море. Въ этотъ лѣсъ залетаютъ сбившіяся съ дороги чайки и по шуму и волненію принимаютъ его за море, и не знаютъ, къ какому берегу имъ направить свой полетъ.

Пригрѣваетъ оно и равнину, гдѣ живутъ бѣдняки - переселенцы изъ Бретани, и холмъ съ каменоломней. Луарнъ работаетъ у самой вершины, уйдя ногами въ груду осыпавшейся рыхлой земли и обломковъ камня, у подножія совершенно отвѣсной скалы, высокой и желтой, которую онъ долбитъ своей киркой. Желѣзо звонко ударяется о камень и отскакиваетъ назадъ. Въ этомъ каменномъ чанѣ такъ жарко, что собаки, пришедшія съ рабочими, поминутно отряхиваютъ лапы, которымъ отъ накалившагося камня больно и идутъ искать тѣни на большую дорогу. А люди остаются, они работаютъ изъ-за куска хлѣба. Они стоятъ далеко другъ отъ друга и кажутся совсѣмъ маленькими въ сравненіи съ утесами, отъ которыхъ они откалываютъ ломоть за ломтемъ. Въ своемъ каменномъ замкѣ они господствуютъ надо всей равниной, гдѣ и люди, и вещи безмолвствуютъ подъ гнетомъ нависшаго зноя. Равнина почти такъ же нѣма, какъ зимою подъ снѣгомъ. Лязгъ желѣза о камень, монотонный и пронзительный, какъ трещанье кузнечика, несется внизъ...

Было три часа пополудни, когда этотъ монотонный шумъ былъ внезапно прерванъ страшнымъ человѣческимъ крикомъ. Люди, работавшіе на поляхъ у подножья холма, моментально повернулись лицомъ къ вершинѣ и увидали облако пыли, какъ на гумнѣ, гдѣ молотятъ пшеницу. Затѣмъ на дорогѣ, проходившей черезъ каменоломню и спускавшейся къ деревнѣ, показалось шесть человѣкъ. Они дѣлали какіе-то знаки и что-то кричали по-двое по-трое разомъ, такъ что трудно было разобрать слова. Они несли на носилкахъ человѣка безъ чувствъ и въ крови.

Они хотѣли, чтобы имъ принесли свѣжей воды и бѣлья.

Но никто не пришелъ. Тогда они стали спускаться съ горы. Лицо раненаго, все на свѣту, было бѣло, какъ мѣлъ; одинъ изъ носильщиковъ прикрывалъ его отъ солнца двумя листами папоротника, сорванными на краю канавы. Они качались на ходу. Всѣ шли молча. Другіе рабочіе, товарищи раненаго, стоя на вершинѣ откоса, смотрѣли, какъ

горе спускалось внизъ, въ долину. Носильщики плакали, не мѣняя окаменѣвшаго выраженія лицъ, и слезы катились по ихъ щекамъ вмѣстѣ съ потомъ.

Дойдя до конца ската, гдѣ уже начиналась тѣнь, они повернули направо, отодвинули перекладину и вошли въ садикъ Луарна. Два женскихъ крика раздались одновременно въ двухъ разныхъ концахъ сада; Ноэми съ поднятыми руками, Луарша съ проклятіемъ на устахъ, кинулись къ носилкамъ.

— Что съ нимъ? Да говорите же! Онъ умеръ?

— Оставьте, Ноэми... Идите, откройте ему постель!

— Онъ не отвѣчаетъ! Не смотритъ! О! О! Кровь! Отецъ! Отецъ!

Оттолкнувъ и дѣвочку, и женщину, кричавшую: «Это только съ нами случаются подобныя вещи! Только на насъ валится всякое горе!»,—каменьщики обогнули капустную грядку и, войдя въ домъ, положили безчувственнаго товарища въ первой комнатѣ на кровать возлѣ окна. Отъ зеленаго отсвѣта занавѣски лицо Луарна казалось еще блѣднѣе.

— Онъ умеръ? Да?—допытывалась Ноэми.

Двое старыхъ рабочихъ, словно приросшихъ къ мѣсту отъ усталости и тупого горя, оторвали взоръ отъ раненаго и отвѣтили:

— Не должно быть; онъ еще дышетъ.

Третій, молодой, съ блѣднымъ острымъ лицомъ и закрученными вверхъ усиками, посторонившись, чтобы пропустить Ноэми, сказалъ:

— У меня тутъ недалеко телѣжка, мамзель Ноэми. Я съѣзжу за докторомъ. Онъ скажетъ, есть ли надежда. Туда и обратно не больше трехъ четвертей часа. А ужъ въ дорогѣ я не задержусь нигдѣ, будьте покойны!

Дѣвочка нагнулась, прислушиваясь къ дыханію раненаго. Рабочій продолжалъ.

— Вотъ какъ оно было: отъ сильной жары камень иной разъ даетъ трещины. Луарнъ не успѣлъ отскочить; ему и свалился огромный кусокъ прямо на ноги, съ самаго верху, съ высоты четырехъ метровъ. Я его и подымалъ. Его почти всего завалило. Онъ только разъ и вскрикнулъ, и глаза стали вдругъ такіе большіе-большіе; а потомъ онъ ужъ больше и не открывалъ ихъ, и не шевелился, какъ мертвый. Такъ я говорю, братцы?

Онъ кивнулъ головой на прощанье, нахлобучилъ на голову шляпу и пошелъ искать доктора. Другіе рабочіе подтвердили его разсказъ; они кусали губы, слушая плачъ Ноэми, Люсьенны и мальчиковъ, которые съ порога другой горницы звали отца. И одинъ за другимъ они повторяли, словно въ объясненіе и утѣшеніе:

— Ужъ такое у насъ ремесло. Какъ кому повезетъ... Бѣдняга Луарнъ!

Скоро они ушли, кромѣ одного, самаго стараго, который помогъ женщинѣ раздѣть безчувственнаго Луарна. Кровь текла изъ двадцати

мѣстъ заразъ; начиная отъ живота и кончая пониже колѣнъ зіяли огромныя раны, разрывы, разрѣзы, вездѣ, гдѣ кожа и мясо лопнули отъ страшнаго удара, покрытыя осколками, пылью и кусочками матеріи...

Уже ночью у домика остановился экипажъ. Луарнъ, очнувшись отъ долгаго обморока, уже два часа безъ перерыва кричалъ...

Около него сидѣли двѣ женщины, и той, которая прожила съ нимъ семь лѣтъ, не было между ними. Это были двѣ женщины изъ города, пришедшія навѣстить раненаго, прослышавъ о несчастьи. Растерявшаяся Луарнша, которую раздражали эти непрерывные стоны, сидѣла въ саду, изобрѣтала предлоги, чтобы сходить въ городъ, появлялась въ дверяхъ только для того, чтобы вскрикнуть, прижимая кулаки къ вискамъ: «Не могу я этого слышать!»—и сейчасъ же опять убѣгала.

Она отодвинула перекладину, чтобы пропустить доктора, приземистаго толстяка, быстраго въ рѣчахъ и движеніяхъ. Онъ никогда еще не бывалъ въ этихъ мѣстахъ и сбился съ дороги.

— Не легко, однако, васъ найти, тетка! Экая трущоба! Гдѣ онъ?

— Тамъ! Неужто вы не слышите?

Докторъ вошелъ въ горницу, освѣщенную пламенемъ очага, гдѣ варился картофель на ужинъ. Вспышки огня хватали до половины стѣны и при свѣтѣ ихъ врачъ увидалъ худое, бритое, конвульсивно передергивавшееся лицо и два глаза, освѣщенныхъ до самаго дна, какъ фонарики, и пристально смотрѣвшихъ на него съ невыразимой мукой во взорѣ, между тѣмъ, какъ открытый ротъ, состоявшій какъ бы изъ двухъ дугъ, повторялъ одно и то же жалобное однообразное «А! А!» и губы кривились при особенно острой боли.

— Посмотримъ ноги!

Быстрымъ движеніемъ докторъ поднялъ одѣяло и простыню и откинулъ ихъ къ стѣнѣ. Ужъ не стонъ, а ревъ вырвался изъ устъ раненаго. Дѣти, жавшіяся другъ къ дружкѣ на порогѣ сосѣдней комнаты, убѣжали въ сарай, не будучи въ состояніи смотрѣть на эту муку, терзавшую имъ нервы.

Окровавленное бѣлье, блуза, пожертвованная однимъ изъ товарищей, чтобы обвернуть его колѣно, и вся пропитанная черной кровью, были поспѣшно удалены. Одна изъ добровольныхъ сидѣлокъ свѣтила, другая держала тазъ. Голова и плечи врача склонились надъ серединой кровати, и капли пота падали на лицо Луарна, у котораго зрачки иногда совсѣмъ уходили вверхъ, а непрерывная жалоба, лившаяся изъ его устъ, наполняла всю комнату и разносилась далеко окрестъ по полямъ, нагрѣтымъ на день и пахнувшимъ спѣлымъ хлѣбомъ.

Луарнша входила и уходила, вполголоса спрашивая:

— Неужто онъ помретъ, господинъ докторъ?

Тотъ не обращалъ на нее никакого вниманія. Только черезъ часъ онъ выпрямился, разогнулъ спину и, какъ бы впервые услыхавъ этотъ вопросъ, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я думаю, что онъ будетъ жить, только ногъ ужъ не вернуть.

Женщина наступала на него, подавшись корпусомъ впередъ, угрюмая, свирѣпая въ своемъ горѣ, какъ всегда сказывается человѣкъ въ часъ испытанія.

— Что ты говоришь? Ты не съумѣешь починить его?

— Не вполнѣ,—отвѣтилъ докторъ, смущенно глядя на свои руки и отыскивая глазами тазъ и мыло.

— Ахъ ты, продажная душа! Кто-жъ намъ теперь будетъ добывать на семью и хозяйство? Знаешь ли ты, что у насъ четверо ребятъ? Продажная душа! Еслибъ онъ былъ богатый, ты бы его вылечилъ. Что же я стану дѣлать съ калѣкой?

Докторъ схватилъ полотенце, протянутое ему одной изъ женщинъ, и не отвѣтилъ.

Затѣмъ, не удостоивъ и взглядомъ Луарншу, онъ далъ нѣсколько указаній двумъ другимъ и обѣщалъ заѣхать, не назначая времени, какъ дѣлаютъ врачи, когда предвидятъ долгій и неизлечимый недугъ.

Онъ одинъ прошелъ черезъ садикъ; никто не провожалъ его. Но у перелаза передъ нимъ словно выросла изъ темноты маленькая фигурка. Нѣжный голосъ спрашивалъ.

— Докторъ, правда ли, что онъ больше не въ состояніи будетъ работать?

Толстякъ докторъ, шарикомъ катившійся по дорожкѣ, утомленный и трудовымъ днемъ и этимъ часомъ, проведеннымъ у постели больного, чувствовавшій, что отвратительный запахъ, которымъ пропиталось все его платье въ комнатѣ больного, только теперь начинаетъ разсѣиваться, вздрогнулъ и остановился, готовый обругать того, кто задержалъ его. Но по голосу и очертаніямъ фигуры, по тонкому профилю онъ узналъ Ноэми, старшую дочку несчастнаго.

— Дитя мое, боюсь, что теперь вамъ придется работать для него.

— Я уже думала объ этомъ. Мнѣ скоро исполнится четырнадцать лѣтъ. Я поступлю на мѣсто. А жалованье свое буду посылать домой. Я сильна, я могу работать.

Докторъ вглядывался въ ея тщедушную фигурку.

— А младшіе какъ же?

— За ними присмотритъ Люсьенна. Мы уже обо всемъ сговорились съ ней.

— Я завтра непремѣнно заѣду,—сказалъ докторъ, перешагнувъ на ту сторону изгороди,—такъ около двѣнадцати.

Докторъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. На дорогѣ паслась его лошадь, нарочно слабо привязанная. Между дубовъ минутъ пять блестѣлъ огонекъ фонаря, потомъ исчезъ.

На другое утро Ноэми, едва вздремнувшая ночью, поднялась чуть свѣтъ и просунула голову въ дверь. Стоны, ночью смолкшіе на нѣ-

сколько часовъ, раздавались снова, но уже слабѣе и съ перерывами; больной, видимо, былъ истощенъ. Дѣвочка поняла, что отецъ проситъ пить. Старухи изъ города часовъ въ одиннадцать вечера наканунѣ ушли, пообѣщавъ вернуться, но еще не вернулись. Ноэми вскочила, накинула на себя юбочку и дала выпить молока раненому, у котораго уже началась лихорадка. Онъ, можетъ быть, и узналъ дочь, но не улыбнулся ей.

Она почувствовала, что опасность возросла. Но тѣмъ не менѣе надо было развести огонь, чтобы сварить супъ, хотя въ комнатѣ и безъ того было тепло, и свѣтъ больно ударялъ въ глаза несчастному.

Ноэми пошла набрать торфу, который горитъ не такъ ярко; кстати его былъ порядочный запасъ возлѣ кроличьихъ норъ. По всей вѣроятности, Луарншѣ пришла въ голову та же мысль, потому что въ комнатахъ ея не было.

Но и на дворѣ дѣвочка ея не встрѣтила. Она принесла нѣсколько кирпичей и развела огонь.

Уже запѣли пѣтухи. Пришли сосѣдки изъ города.

— Гдѣ твоя мать, дѣвчурка?—спрашивали онѣ.

— Можетъ быть, она въ городъ пошла; я давно уже встала, а ея и не видать и не слыхать.

— Нѣтъ, въ городъ ей незачѣмъ идти,—возразила одна изъ женщинъ,—вѣдь лавки еще не открыты.

— Ну, значитъ она пошла въ каменоломню, тамъ отцовскій инструментъ остался, а она бережливая, не дастъ пропасть ничему.

Пріѣхалъ докторъ и наложилъ перевязки, но вышелъ, качая головой; его бормотанье подъ носъ не предвѣщало ничего добраго. А Луарнша не пришла ни къ обѣду, ни къ двумъ часамъ, ни къ тремъ. Больной бредилъ и замѣтно ослабѣвалъ. Жоэль и Люсьенна побывали и въ каменоломнѣ и въ городѣ, но оказалось, что никто не видѣлъ Луарнши.

Одна изъ женщинъ, взявшихся ходить за больнымъ, толстая старуха съ усами сказала:

— Можетъ быть, она руки на себя наложила?

— Ну нѣтъ,—замѣтила другая.—Когда она узнала, что ему такъ худо, она совсѣмъ голову потеряла, но я отлично видѣла, что она думаетъ не о немъ, а о себѣ... Не хочется мнѣ тебя огорчать, моя дѣвочка, но я, право, думаю, что она не вернется.

— Не говорите этого дѣтямъ,—просто сказала Ноэми.

И не заплакала. Женщины изумились. Но подъ вечеръ дѣтишки заволновались. Люсьенна и Жоэль, считавшіе себя дѣтьми этой женщины, со слезами спрашивали: «Гдѣ мама?» Батистъ, видя, что они плачутъ, плакалъ за компанію и бѣгалъ вокругъ дома крича: «Мамаша гдѣ ты? Мамаша, гдѣ ты?» И пока сонъ не сморилъ ихъ, они горевали, насколько могутъ горевать дѣти одиннадцати лѣтъ, восьми и шести.

Эту ночь, отъ двѣнадцати до разсвѣта при больномъ дежурила Ноэми. Она чувствовала себя совсѣмъ одинокой, во мракѣ, полномъ грезъ, страховъ и плановъ будущаго. Рой этихъ грезъ завладѣвалъ ея душой, какъ бывало душой другой женщины, похожей на нее въ молодости, на поляхъ ржи и среди тростниковъ, и пугалъ и тѣшилъ, и баюкалъ ее, какъ бывало баюкалъ и утѣшалъ ея мать, когда та подолгу склонялась надъ дѣтскими колыбельками, и даже этого исхудалаго человѣка, горѣвшаго въ лихорадкѣ, разбитаго, дважды покинутаго, но тоже знавшаго когда-то и молодость, и мечты въ безсонныя ночи. Онъ забывался тревожнымъ сномъ, прерываемымъ стонами и горячечными видѣніями. По временамъ онъ содрогался всѣмъ тѣломъ и что-то бормоталъ. Ноэми думала, что онъ говоритъ съ нею, но тотчасъ же убѣждалась, что онъ бредитъ. Когда она не смотрѣла на него, она думала о завтрашнемъ днѣ, а когда смотрѣла, думала о своемъ дѣтствѣ, о далекомъ прошломъ. И, быть можетъ, оба они, сами того не зная, думали объ одномъ и томъ же, и этотъ несчастный, бредившій въ жару, и эта дѣвочка, задумавшаяся, положивъ голову на руки, по другую сторону свѣчи, отдѣлявшей ее отъ отца. Время отъ времени, она вполголоса произносила какую-нибудь фразу, чтобы разбить тяготившее ее одиночество и стоны вѣтра, свиставшаго вокругъ дома и, казалось, осмѣлѣвшаго отъ этого безмолвія.

Бѣдный отецъ! Ноэми не могла припомнить его лица, когда онъ былъ молодымъ, но она помнила домикъ на вершинѣ холма, и яркій свѣтъ вокругъ и полумракъ внутри, и корову, просовывавшую въ комнату свою добрую морду, когда отворялась дверь, и колыбель Жоэля, которую она, Ноэми, совсѣмъ маленькая, качала на веревкѣ.

Всѣ эти образы и нѣкоторые другіе, воплощавшіе для нея счастье прежнихъ дней, она тщательно подбирала и комбинировала. Она спрашивала себя, помнитъ ли отецъ это счастливое время, и не сомнѣвалась, что помнитъ. И, словно ей хотѣлось послать вѣсточку этой узницѣ душѣ, скрытой подъ непроницаемой маской, скованной физической болью и кошмаромъ чувствъ, она нервно повела губами и въ тишинѣ комнаты раздалось почти беззвучно, но отчетливо:

— Донатьенна!

Она ждала отклика, но покраснѣвшее отъ жара лицо не выразило при этомъ необычномъ словѣ ни радости, ни боли.

И вторично въ ночной тишинѣ прозвучало имя матери, которую она любила, не зная ея, женщины, которая когда-то была дорога ему. Вѣки раненаго чуть приподнялись и снова опустились, но дѣвочка успѣла уловить взглядъ, выраженіе смятенной и больной души. Ей почудилось что этотъ взглядъ полонъ укора, и что губы раненаго беззвучно шепчутъ: «Молчи! Не называй имени моей самой тяжкой муки!»

Мигъ, и она опять видѣла передъ собой лицо, не выражавшее ни-

чего, кромѣ физическаго страданія—закрытые глаза, ввалившіяся щеки, блѣднѣющія по угламъ гримасничающаго рта.

Ноэми опять ушла въ свои думы. Подъ утро, когда сквозь щели ставенъ сталъ уже проникать слабый свѣтъ, она подошла къ окну выходившему на тополи и поля, и нагнулась на деревянной полочкой у подоконника, повернувшись спиной къ кровати, чтобъ отецъ не угадалъ тайны.

Она рѣшила написать письмо.

Медленно, не потому, чтобы ей приходилось искать словъ, но потому, что ей трудно было составлять ихъ, старшая дочка Луарна вывела на конвертѣ: «Мадамъ Донатьеннѣ» и поставила адресъ, данный прохожимъ.

Ноэми дождалась, пока совсѣмъ разсвѣло, и, подкарауливъ проходившаго мимо торговца яйцами, дала ему письмо, чтобы онъ опустилъ его въ почтовый ящикъ на вокзалѣ, тамъ на плато. Торговецъ придержалъ свою тощую, пущенную въ галопъ, лошаденку.

— Будетъ исполнено, моя красавица!

Онъ прочелъ по складамъ адресъ и ничуть не удивился, ибо онъ былъ не здѣшній и мало интересовался Луарнами. Что ему было до этихъ бѣдняковъ? Онъ только и зналъ о нихъ, что у нихъ есть садикъ, выдѣлявшійся маленькимъ пятнышкомъ на его обычномъ пути. Но дѣвочка покраснѣла, отдавая ему письмо, какъ будто оно было любовное. Всѣ ея надежды и мечты были заключены въ этомъ маленькомъ конвертикѣ, и когда телѣжка торговца, постепенно уменьшаясь, скрылась вдали, она стала представлять себѣ, что будетъ дальше. Сколько времени нужно для того, чтобы письмо дошло по назначенію? Безъ сомнѣнія, немного. Сама Ноэми никогда еще не ѣздила по желѣзной дорогѣ, но она видѣла проходящіе мимо поѣзда и знала, что всѣ они идутъ въ Парижъ, выпуская клубы бѣлаго дыма, такъ скоро-скоро... Гдѣ это письмо найдетъ ея мать? Въ какомъ домѣ она живетъ? Ноэми представляла себѣ домъ въ родѣ тѣхъ, какіе она видѣла въ городѣ... Донатьенна стоитъ на порогѣ и вяжетъ чулокъ, какъ это дѣлаютъ городскія женщины; вотъ она распечатываетъ письмо, читаетъ... «Это отъ моей дѣвочки, отъ Ноэми! Надъ нами стряслось несчастье!» Но дальнѣйшаго Ноэми не могла себѣ представить и только чувствовала, что ея тоска и безпокойство съ каждымъ часомъ растутъ.

Дошло до того, что вечеромъ, уставъ страдать молча и еще больше уставъ слушать стоны раненаго, Ноэми оставила отца на попеченіе его добровольныхъ сидѣлокъ и вышла, сдѣлавъ знакъ Люсьеннѣ и Жоэлю слѣдовать за ней. Уже на порогѣ Люсьенна пристала къ ней:

— Куда мы пойдемъ?

Но старшая только приложила палецъ къ губамъ. Онѣ шли гусь-

комъ черезъ дворъ: впереди Ноэми, за ней Люсьенна, бѣлокурая, розовая, менѣе изящная и живая въ движеніяхъ, чѣмъ старшая, и сзади Жоэль, кудрявый, какъ юнга, въ штанишкахъ, которые держались на одной только подтяжкѣ. Одинъ за другимъ дѣти вышли на дорогу и свернули налѣво, гдѣ мѣстность уже начинала повышаться.

Всѣ трое молча поднимались по склону холма; старшая несла въ душѣ, какъ взрослая, настоящее горе; младшіе были по дѣтски немножко грустны. Жоэль рвалъ съ изгороди пыльныя ягоды шелковицы и ѣлъ ихъ. Сверху доносились удары кирки; каменьщики работали, какъ всегда, несмотря на недавнюю катастрофу. Дубы стали тщедушны и рѣдки; здѣсь на скатѣ, хорошо и привольно было только камнямъ. Идти становилось трудно. Ноэми прошла черезъ всю каменоломню, съ одного конца до другого. Нѣкоторые изъ рабочихъ, стоя на невидимомъ выступѣ скалы, словно врѣзанные въ камень, еще издалека кричали ей:

— А! Малютка Ноэми!.. Что твой отецъ? Поправляется?

Она качала хорошенькой головкой съ немного вздернутымъ, будто надменнымъ подбородкомъ и, не останавливаясь, шла дальше. Говорить она не могла; сердце ея было слишкомъ полно. Она миновала ущелье, съ тропинкой высѣченной въ скалѣ; дальше дорога опять начинала спускаться; это былъ сѣверный склонъ, поросшій папоротникомъ и шильникомъ. Здѣсь уже никто не могъ ее видѣть, кромѣ Жоэля и Люсьенны, которые продолжали удивляться и спрашивать, куда они идутъ. Но она шла все дальше, пока не добралась до выступа скалы, откуда открывался широкій видъ на всю окрестность. Не разъ отсюда Ноэми бросала камушки во вторую долину, глубокую и словно усѣянную дрожащими верхушками деревьевъ. Не разъ она, гуляя, заходила сюда посмотрѣть на нескончаемый рядъ убѣгавшихъ вдаль луговъ и нивъ, полей пшеницы и люцерны и небо надъ ними, какъ будто все время движущееся. Но сегодня она видѣла только плато, высящееся на сѣверѣ, за узкой лощиной и ленту дороги, которая тянется, то исчезая, то вновь появляясь, вплоть до того мѣста, гдѣ все смѣшивается и сливается, какъ въ облакѣ пыли. Это большая дорога, которая ведетъ отъ невидимаго вокзала, построеннаго въ безплодной степи въ глубь страны, дорога, по которой идутъ со станціи рѣдко попадающіе сюда путники. Младшія дѣти едва вскарабкались на этотъ мысъ. Косые лучи солнца заливали окрестность какимъ-то особенно мягкимъ свѣтомъ.

— Видишь ты кого-нибудь на дорогѣ?—спрашивала Ноэми.

— Стадо барановъ и пастуха, но только они далеко. А кто придетъ по этой дорогѣ,—докторъ?

— Придетъ наша мать!

— Ну да! Какъ же! Начхать ей на насъ!—возразила Люсьенна,

приблизивъ свое веснушчатое личико и всклокоченные волосы, на солнцѣ совсѣмъ золотые, къ тонкому взволнованному лицу старшей сестры.

— Та, которая придетъ, настоящая.

Голосъ Ноэми звучалъ тихо и нѣжно; взоръ былъ устремленъ вдаль; она говорила съ такой серьезностью, что младшіе братъ и сестра повѣрили ей съ перваго слова и сами стали искать на дорогѣ фигуры идущей къ нимъ матери.

— Она не старая?—спросила Люсьенна, какъ раньше спрашивала Ноэми.

— Вовсе не старая. Надо, чтобъ она пришла. Иначе, дѣтки мои, мы пропали...

Дѣтки не понимали хорошенько, почему пропали, но слова Ноэми растрогали ихъ, и глаза ихъ наполнились слезами. Ночь была уже недалеко. Дорога стала вся сѣрая. Никто не шелъ по ней. Матери не было видно.

Дѣти устали смотрѣть въ одну точку. Они начали играть травой и камнями.

Одна Ноэми подавшись впередъ, съ лицомъ, наполовину освѣщеннымъ блѣднѣвшимъ отблескомъ заката, заломивъ руки подъ передникомъ, шептала вѣтру: «Вернись! вернись!»

Вечернія тѣни совсѣмъ окутали вторую долину; дорога, даже и на плато, слилась съ ландами. Тогда только Ноэми отвернулась. Она была такъ печальна, что дѣти, посмотрѣвъ на нее, притихли и поспѣшили каждый уцѣпиться за ея руку, ради успокоенія. Такъ, держась за руки, они и вернулись домой. Рабочіе уже ушли изъ каменоломни. Трудовой день былъ оконченъ. Луарнъ попрежнему лежалъ въ забытьи. Женщины, ходившія за нимъ, говорили, что онъ не выживетъ...

На другой день Ноэми съ Люсьенной и Жоэлемъ снова поднялись на вершину холма и на третій тоже. Но никто не пришелъ къ нимъ. На четвертый день маленькая Ноэми потеряла надежду и перестала ждать...

VI.

Мать.

Итакъ на четвертый день дѣти Луарна уже не пошли на холмъ.

А между тѣмъ именно въ этотъ, день такого они ждали, приближалась къ нимъ.

Она получила письмо только въ этотъ день утромъ, ибо торговецъ яйцами забылъ о немъ, и оно провалялось нѣсколько дней въ карманѣ его блузы. Никому неизвѣстная, мимо невѣдомыхъ ей городовъ и селеній, согнувшись вдвое и опустивъ голову на руки или же при-

жавшись въ уголокъ купэ третьяго класса, она ѣхала къ своимъ дѣтямъ. Одна мысль поглощала ее, одна забота: какъ посмотрѣть имъ въ глаза, что сказать, когда они спросятъ: «Мама, гдѣ ты была все это время?» Развѣ они ей повѣрятъ, если она скажетъ: «Я все-таки любила васъ!» Мысль, что ей не повѣрятъ, что рано или поздно ее будутъ презирать тѣ, кого она породила на свѣтъ, что она внесетъ съ собою въ домъ свой семилѣтній грѣхъ и будетъ чувствовать себя недостойной, когда дѣти будутъ цѣловать ее, была ужасна. Жить съ этими угрызеніями въ душѣ и перспективой возможной мести и ужъ навѣрное попрековъ мужа! Вернуться къ прежней нищетѣ съ болѣзнью въ придачу,—къ прежнимъ обязанностямъ, еще выросшимъ, ставшимъ еще тяжелѣе, и безъ прежней молодости, которая придаетъ столько бодрости, такъ помогаетъ жить!.. Какое будущее! И она сама идетъ навстрѣчу этому будущему?.. Зачѣмъ она поѣхала?.. Она сама себя не понимала. «Какъ я могла это сдѣлать? Вѣдь это же будетъ мое несчастье!.. Все ближе! все ближе!..»

Поѣздъ былъ въ пути уже нѣсколько часовъ. Солнце жгло тотъ уголъ, гдѣ пріютилась Донатьенна. Оно уже спускалось къ западу и лучи его стали косыми, какъ налившаяся рожь. Донатьенна ничего не видѣла и не чувствовала, кромѣ своего горя.

Какъ она могла рѣшиться такъ внезапно? Она смутно перебирала въ умѣ всѣ подробности... Въ которомъ это было часу? Въ половинѣ восьмого... Да... пожалуй, безъ четверти восемь... Она собиралась идти за провизіей... Противъ обыкновенія она надѣла свою соломенную шляпу—обыкновенно она ходила за покупками безъ шляпы. Въ это время входитъ почтальонъ. Письмо... Почеркъ незнакомый... Она распечатываетъ, читаетъ... Къ счастью въ кафэ ни одного посѣтителя! Она можетъ поцѣловать листокъ десять, двадцать разъ.. Это письмо отъ Ноэми! Она зоветъ на помощь... Развѣ тутъ можно колебаться, разсуждать?.. Она зоветъ на помощь: значитъ надо ѣхать, увидѣть снова старшую дочку, Ноэми, которая, говорятъ, вылитый ея портретъ, обнять всѣхъ троихъ, прижать ихъ къ груди, чувствовать біеніе сердечекъ своихъ дѣтей, ихъ ручки вокругъ своей шеи...

И картина этой материнской радости такъ захватила ее, что она поспѣшно поднялась въ свою комнату, отворила шкафъ и достала съ верхней полки зашитый въ салфетку пакетъ, весь сѣрый отъ насѣвшей на него пыли.

— Что ты тамъ ищешь, Донатьенна? Почему ты вернулась?— спрашивалъ ее полусонный Бастинъ Ларэй.

— Ничего; спи,—отвѣчала Донатьенна,—я иду къ бѣлошвейкѣ.

Она быстро спустилась внизъ, отперла кассу и высыпала себѣ въ карманъ все, что тамъ было... Вѣдь остальное все его будетъ. О, она не ограбила его,—напротивъ!.. Она оставляетъ ему больше, чѣмъ онъ имѣетъ право требовать. Полубезумная отъ радости и страха, черезъ

десять минутъ она уже ѣхала по круговой желѣзной дорогѣ на центральный вокзалъ.

А теперь ей все больше и больше хотѣлось остановиться на полъдорогѣ. Ей казалось, что поѣздъ мчитъ ее въ бездну. По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ цѣли своего путешествія, страхъ ея все росъ, и порой она возмущалась противъ своего первоначальнаго рѣшенія, какъ человѣкъ, который идетъ виниться, зная что, его посадятъ въ тюрьму, и борется съ собой, и въ послѣднюю минуту сворачиваетъ съ дороги... Вернуться въ Парижъ ей не приходило въ голову. *Это* кончено. Она освободилась отъ ярма... Но зачѣмъ надѣвать на себя другое?.. Такъ легко выйти на этой станціи—или на слѣдующей, вонъ въ той деревушкѣ... Она всегда съумѣетъ заработать себѣ кусокъ хлѣба...

Донатьенна знала, что остановокъ осталось уже немного, такъ какъ день близился къ вечеру. Воздухъ былъ золотой, пронизанный лучами заката. Межъ сухихъ пучковъ златоцвѣта на плато, покрытомъ пастбищами и верескомъ, золотою рябью блестѣли пруды; тамъ и сямъ на поверхности воды качался сломанный тростникъ, былъ, часъ заката,—для нея часъ прибытія...Три раза наша путешественница, когда поѣздъ останавливался, бралась за свой пакетъ, лежавшій около нея на скамьѣ, и подымалась, готовая выйти. Не все ли равно, на какой станціи? Въ этихъ деревняхъ ей нечего бояться, кромѣ незнакомыхъ мѣстъ и людей. Но что-то, пересиливавшее страхъ, заставило ее отказаться отъ бѣгства; всѣ три раза ей чудились, будто голосъ моря въ невидимыхъ пещерахъ, доносившіяся до ея слуха имена Ноэми, Люсьенны и Жоэля. Ей вспоминалось письмо спрятанное у нея за корсажемъ: «Съ нами случилось несчастье; отцу раздавило ноги; онъ кричитъ; онъ можетъ быть умретъ и уже навѣрное не въ состояніи будетъ работать въ каменоломнѣ. Ахъ, мама! если это письмо дойдетъ до тебя, вернись для него, вернись для Ноэми!»

И Донатьенна снова садилась и находила въ себѣ силы доѣхать до слѣдующей станціи.

Солнце садилось... Поѣздъ остановился; кондукторъ выкрикнулъ названіе деревни, которымъ помѣчено было письмо Ноэми.

Пріѣхала.

Станція была маленькая. Вышла одна только женщина, съ узелкомъ въ рукѣ. Вагоны уже катились дальше. Когда они скрылись изъ виду, спутница спросила, куда ей идти, но, получивъ отвѣтъ, осталась на мѣстѣ. Она была такъ блѣдна, что начальникъ станціи спросилъ ее:

— Вы больны?

Она покачала головой.

Она просто не въ силахъ была нести дальше свое горе, сдѣлать хотя бы движеніе.

Не понимая, въ чемъ дѣло, служащій оставилъ ее въ покоѣ.

Такъ она простояла нѣсколько минутъ. Потомъ, не разсуждая, не передумывая заново своего рѣшенія, безъ всякихъ признаковъ борьбы и побѣды въ душѣ, она сдѣлала первый шагъ, означавшій покорность судьбѣ. Словно чужая воля толкала ее; это былъ актъ, въ настоящемъ почти безсознательный; причины его коренились въ далекомъ прошломъ... Но самая ничтожная жертва, хотя бы принесенная неохотно, хотя бы поздняя, обновляетъ душу.

Не успѣла Донатьенна дойти до конца платформы, какъ она уже почувствовала себя сильнѣе. Она прошла еще нѣсколько шаговъ, затѣмъ повернула налѣво, повторяя: «Это для васъ, мои крошки!» И сердце ея билось почти радостно при мысли, что она будетъ страдать за нихъ. Она ускорила шаги. Впереди виднѣлся край плато и ниже, въ красной пыли заката, огромная равнина, куда ей нужно было спуститься.

Нужно.

Отойдя отъ вокзала—на дорогѣ не было ни души,—Донатьенна вскрыла зашитый въ салфетку пакетъ, вынула оттуда черное платье въ мелкую складочку, обшитое бархатной тесьмой,—то самое, въ которомъ она когда-то пріѣхала въ Парижъ, вынула также три кисейныхъ чепца, какіе носятъ въ Плёкѣ, похожіе на цвѣты цикламена, и выбрала одинъ изъ нихъ, хотя кисея пожелтѣла и смялась. Затѣмъ она перелѣзла черезъ изгородь и на сосѣднемъ полѣ переодѣлась, и городское платье завязала въ узелокъ.

«Такъ имъ легче будетъ узнать меня», думала она.

Она пошла дальше, чувствуя на вискахъ нѣжное прикосновеніе бившейся отъ вѣтра кисейной оборки.

Она пересѣкла плато и спустилась на равнину, гдѣ она недавно, проѣзжая мимо, испуганно отыскивала глазами домъ, куда ей нужно войти, стараясь угадать его. Она рѣшила войти

Она взобралась на первый холмъ, съ каменоломней на вершинѣ, за которымъ у подножія склона, былъ домъ Луарна. Но она этого не знала. Все вокругъ было ей незнакомо: она никогда не бывала въ здѣшнихъ мѣстахъ. Чтобы подбодрить себя, она себя спрашивала, узнаютъ ли ее дѣти и который изъ трехъ узнаетъ ее первый.

При свѣтѣ догоравшаго дня рабочіе еще долбили мраморную стѣну.

Донатьенна еще издали слышала стукъ ихъ кирокъ. На краю дороги игралъ камешками ребенокъ, складывая изъ нихъ пирамиду. Это былъ Батистъ, со времени катастрофы взятый въ дѣти каменьщиками. Они заходили за нимъ утромъ, брали его съ собой въ каменоломню и за тарелку супу посылали его въ городъ съ разными порученіями.

— Здраствуй, мальчикъ!—сказала Донатьенна, проходя мимо.

— Здравствуйте, сударыня.

— Скажи-ка мнѣ, далеко отсюда до дома Луарна?

Ребенокъ повернулъ къ ней свое четырехъугольное личико и блестящіе живые глаза, не знавшіе грезъ о бретонскихъ моряхъ.

— Нѣтъ, недалеко. Первый домъ отъ спуска внизу.

И видя, что она нерѣшительно смотритъ внизъ, на сгущавшіяся сумерки, онъ прибавилъ:

— Да если хотите, я васъ провожу. Вѣдь это мой домъ; я самъ Луарновъ.

— Ты? Неправда!

— Какъ неправда! Скажите-ка братцы, развѣ я не Луарновъ сынъ, я,—Батистъ Луарнъ? А *она* мнѣ не вѣритъ!

Нѣсколько грубыхъ голосовъ, повторенныхъ эхомъ утесовъ, откликнулись:

— Онъ правду говоритъ. Вы можете ему довѣриться. Это сынъ нашего товарища.

И мальчикъ гордо ждалъ, что *она* скажетъ на это, но *она* вдругъ такъ поблѣднѣла, что ему вспомнилось лицо раненаго отца. Донатьенна поняла. Ее привѣтствовалъ первымъ сынъ другой!

И тутъ сказалось прошлое ея расы и ея собственное прошлое — душа ея воззвала къ Богу. Въ своей сердечной тоскѣ она напрасно искала въ зелени распятія, чтобы склонить предъ нимъ колѣни съ робкой мольбой—креста, какой въ Бретани найдешь на каждомъ перекресткѣ. Но здѣсь его не было.

Она на мигъ ушла въ себя и, собравшись съ силами, снова посмотрѣла на мальчика.

— Батистъ Луарнъ, твоя мать дома?

— Нѣтъ, сударыня. Говорятъ, она ужъ не вернется.

— Кто это говоритъ?

— Мои сестры и старухи изъ города тоже.

Донатьенна взяла его за руку.

— Веди меня, дитя. Онѣ ошиблись. Твоя мать уже вернулась—я здѣсь.

Онъ не понялъ ее. Они объ руку спускались съ горы. Ребенокъ указалъ ей пальцемъ на крышу ихъ дома, темнѣвшую между срубленныхъ тополей. Но она ничего не видѣла. Глаза ея были широко раскрыты, посмотрѣли вверхъ, губы впивали воздухъ и шевелились шепча: «Я хотѣла бы умереть! Боже мой, помоги мнѣ нести жизнь!»

Батистъ не разслышалъ хорошенько—она говорила такъ тихо. Ему показалось, что она произнесла имя Ноэми. И онъ сказалъ:

— Она сейчасъ придетъ. Когда моя старшая сестра видитъ меня на дорогѣ, она всегда выходитъ мнѣ навстрѣчу.

Они уже спустились съ холма. Невдалекѣ виднѣлась живая изгородь Луарновъ и трепетавшіе надъ нею листья тополей. Былъ часъ, когда въ поляхъ все затихаетъ, впивая въ себя первую вечернюю прохладу. Батистъ свистнулъ дважды. Въ пепельномъ сумракѣ на концѣ сада звонкій голосъ отвѣтилъ и надъ изгородью показалось молоденькое личико Ноэми. Она хотѣла улыбнуться, что-то сказать, но вдругъ вздрогнула, отшатнулась. Глаза ея раскрылись шире. Она только те-

перь увидала рядомъ съ Батистомъ женщину, опиравшуюся на изгородь; эта женщина была худощава, еще молода, блѣдна и чепецъ у нея на головѣ былъ не такой, какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Ноэми колебалась одну секунду, потомъ нашла въ себѣ силу не вскрикнуть и выбѣжала на улицу, безмолвная, мужественная, простирая руки къ своей радости. Она не сомнѣвалась. Она сердцемъ узнала свою мать.

Та видѣла, что она подходитъ, но не трогалась съ мѣста.

Она только закрыла глаза отъ счастья и муки, чувствуя, что ее обнимаютъ худенькія ручки, слыша слова, которыя она такъ жаждала услышать:

— Мама! мама Донатьенна!

Но она сознавала себя недостойной, и радость, приливавшая въ ея сердце, мгновенно исчезала.

— Мама Донатьенна, папочкѣ лучше сегодня, онъ съ утра всѣхъ узнаетъ; и жаръ меньше... Ахъ! мама, мама, а я ужъ и ждать перестала!

Никто, не слышалъ—какъ плакала одна, и что шептала другая.

Уже почти совсѣмъ стемнѣло, садъ затихъ. Но кто-нибудь могъ подойти. Мать разняла руки, обнимавшія ее, отстранила отъ себя дѣвочку, которой хотѣлось еще и еще цѣловать и шептать, и нервно приложила пальцы къ губамъ Ноэми, чтобы предупредить вопросъ, котораго она страшилась.

— Не спрашивай меня ни о чемъ. Я всегда носила васъ въ своемъ сердцѣ, родные мои... Я возвращаюсь для васъ... Веди меня!..

Взволнованная и гордая, едва касаясь земли, дѣвочка взяла за руку мать, съ высоко поднятой головой прошла мимо капустной гряды, мимо пруда и вошла въ домъ.

Въ комнатѣ больного не было лампы, только слабый свѣтъ, падавшій изъ окна, ложился косой полосой на постель больного, разсѣиваясь въ сгущавшихся сумеркахъ.

У окна сидѣли двѣ женщины; Жоэль и Люсьенна играли въ темнотѣ на голомъ глиняномъ полу. Больной дремалъ.

На Донатьенну, вошедшую вслѣдъ за Ноэми, никто не обратилъ вниманія. Она незамѣченной подошла къ кровати. Голова спящаго Луарна была вся въ тѣни. Лицо его жены было слабо освѣщено. Сосѣдки шопотомъ спрашивали одна другую: «Кто это?» Кисейныя оборки чепца почти касались груди раненаго. И ангелы Божьи видѣли, что эта женщина, которая грѣшила и страдала, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, чувствовала жалость къ мужу. Она смотрѣла на это исхудалое, измученное, постарѣвшее лицо, истомленное горемъ и трудомъ; прежде оно было иное; это она сдѣлала его такимъ своимъ уходомъ. И губы ея дрожали.

Ноэми, которая отстранилась и держалась поодаль, но не выпуская изъ рукъ черной юбки въ складочку, прошептала одно только слово, внятно раздавшееся среди безмолвія комнаты:

— Мама!

Вѣки больного дрогнули; изъ глубины сна и забытья душа его медленно поднялась къ глазамъ и вдругъ испуганно забилась, увидавъ передъ собой неожиданное видѣніе—бретонскій чепецъ. Глаза раненаго закатились, потомъ опять взглянули на Донатьенну; рѣсницы затрепетали; въ уголкахъ глазъ выступили двѣ слезы и покатились по щекамъ.

Сколько ихъ уже пролилось! Но тѣ падали быстрѣе.

— Ты ли это, Донатьенна?

— Да, это я.

Голоса обоихъ были слабы, какъ догоравшій свѣтъ. Взоръ Луарна какъ бы обратился внутрь. Казалось, онъ нашелъ путь къ затаенному горю своей души.

— Какъ поздно ты пришла!—прошепталъ онъ.—Сейчасъ я не могу дать тебѣ ничего, кромѣ нищеты.

Она хотѣла отвѣтить, но глаза раненаго закрылись, и лицо его опять легло профилемъ на подушку, недвижное, отягощенное сномъ.

Донатьенна повернулась лицомъ къ остальнымъ. Она дышала часто, какъ человѣкъ, готовый разрыдаться. Обѣ женщины приблизились. Ноэми подвела къ ней Люсьенну и Жоэля; тѣ упирались и не хотѣли идти; напрасно она говорила имъ:—«Это наша мама, настоящая, родная, увѣряю васъ!» Гостья была имъ незнакома. Они боялись ея. Позволивъ Донатьеннѣ поцѣловать себя, они сейчасъ же убѣжали и спрятались въ тѣни.

Не отходя отъ кровати, она попросила:

— Дайте свѣту, дѣтки.

Когда на столъ по серединѣ комнаты поставили свѣчу, всѣ увидали, что бретонка не могла удержать слезъ, но и не хотѣла дать имъ надъ собой полной воли. Стоя рядомъ съ Ноэми, она казалась ея старшей сестрой, только болѣе печальной. Съ тяжелымъ вздохомъ она ласково спросила:

— Ноэми, пора вѣдь готовить ужинъ?

— Да, мамочка.

Донатьенна помедлила, какъ будто ей трудно было выговорить остальное.

— Дай мнѣ башмаки той, которая ушла.

— Да, мамочка.

— Я пойду принесу воды и сварю вамъ супъ, всѣмъ четверымъ.

И, надѣвъ деревянные башмаки своей предшественницы, она принялась за работу.

Конецъ.

Женское движеніе за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

(Второй международный женскій конгрессъ).

Въ текущемъ году появился въ печати отчетъ о трудахъ второго международнаго женскаго конгресса, засѣдавшаго въ Парижѣ въ іюнѣ 1900 года *). Конгрессъ этотъ задался цѣлью подвести нѣкоторые итоги женскому движенію за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Ему удалось собрать довольно значительный матеріалъ почти по всѣмъ странамъ цивилизованнаго міра. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ представленные на конгрессъ доклады исчерпываютъ съ достаточной фактической полнотой затрагиваемые ими вопросы, вслѣдствіе чего въ общей картинѣ женскаго движенія чувствуются замѣтные пробѣлы. Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ работы конгресса даютъ возможность судить хотя бы въ общихъ чертахъ о томъ, чего удалось достичь женщинѣ въ тѣхъ областяхъ, какія ей были до сихъ поръ открыты.

Работы конгресса распадаются на слѣдующія пять главныхъ отдѣловъ: 1) филантропія и общественныя отношенія; 2) законодательство и нравственность; 3) частное и общественное воспитаніе. Педагогика; 4) трудъ; 5) искусство, литература, науки **).

I.

Въ громадной области филантропіи, которой занималась 1-я секція конгресса, женщина съ давнихъ поръ играла и играетъ очень значительную роль, и далеко не исключительно какъ объектъ попеченій. Во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя представили свои доклады на конгрессъ, женщины принимаютъ участіе въ огромномъ большинствѣ благотворительныхъ обществъ и предпріятій, а сплошь и рядомъ являются и ихъ

*) Первый женскій конгрессъ засѣдалъ въ Лондонѣ въ іюлѣ 1899 года, см. „Міръ Божій“, августъ 1899 г. статья Л. Давыдовой „На международномъ женскомъ конгрессѣ“.

**) Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ былъ исключенъ изъ программы 2-го конгресса, ввиду того, что одновременно съ нимъ въ Парижѣ засѣдалъ другой конгрессъ, посвященный спеціально вопросу о правахъ женщинъ.

иниціаторами и организаторами. Къ сожалѣнію, не многія страны представили по этому вопросу сводные доклады, дающіе возможность судить объ общихъ размѣрахъ благотворительной дѣятельности въ нихъ и о степени участія въ ней женщинъ. Такого рода общіе доклады были представлены только по Россіи, Польшѣ и Швейцаріи. Изъ другихъ странъ были главнымъ образомъ прочитаны отчеты отдѣльныхъ благотворительныхъ обществъ и предпріятій, не дающіе никакихъ общихъ итоговъ, но зато больше конкретныхъ чертъ и больше возможности судить о дѣйствительныхъ жизненныхъ результатахъ ихъ дѣятельности. Изъ одной Франціи на конгрессъ явились представительницы болѣе ста благотворительныхъ обществъ, главнымъ образомъ, конечно парижскихъ. Не надо забывать, что это только тѣ общества, которыя организованы исключительно или главнымъ образомъ женщинами. Большая часть этихъ обществъ ставятъ своею цѣлью разнаго вида помощь женщинамъ, молодымъ дѣвушкамъ и дѣтямъ, и лишь немногія имѣютъ въ виду цѣлыя семьи или однихъ мужчинъ (солдатъ, матросовъ и т. п.).

Дѣти, конечно, прежде всего, имѣютъ право на самую широкую, самую щедрую помощь. И въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы Франція не жалѣла ни силъ, ни затратъ. Ежегодно тамъ возникаютъ все новыя и новыя предпріятія, стремящіяся оказывать дѣтямъ самую разнообразную помощь и вносить хоть слабый лучъ радости туда, гдѣ она такъ необходима и гдѣ такъ часто отсутствуетъ. Ясли и безплатные дѣтскіе сады покрываютъ сѣтью весь Парижъ, и каждая мать, вынужденная изъ-за работы бросать дѣтей, иногда только что рожденныхъ, можетъ легко найти для нихъ хорошій пріютъ и уходъ на весь день. Въ настоящее время на организацію яслей тамъ обращено очень серьезное вниманіе. Это учрежденіе, само по себѣ крайне необходимое, какъ оказывается, далеко не всегда даетъ вполнѣ благопріятные результаты. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ясляхъ дѣтская смертность бывала настолько велика, что поднимался даже вопросъ о закрытіи ихъ. Множество собранныхъ вмѣстѣ дѣтей, особенно грудныхъ, требуютъ болѣе тщательнаго, можно сказать педантичнаго ухода, чѣмъ каждый ребенокъ въ отдѣльности. Они легко заражаютъ другъ друга малѣйшими заболѣваніями, а борьба съ болѣзнями въ этомъ возрастѣ чрезвычайно трудна. Зато при соблюденіи необходимой осторожности результаты получаются блестящіе. Въ виду этого въ послѣдніе годы парижскія ясли подчинены особенно строгому медицинскому и санитарному надзору. Вслѣдствіе этого количество заболѣваній дѣтей въ ясляхъ значительно сократилось, и они приносятъ дѣйствительно существенную пользу парижскому рабочему населенію.

Дѣтямъ болѣе старшаго возраста, посѣщающимъ дѣтскіе сады и школы, приходятъ на помощь разныя другія общества. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ такъ называемыя школьныя кассы отдѣль-

ныхъ округовъ Парижа. Эти кассы задаются цѣлью доставлять школьникамъ и школьницамъ здоровую и питательную пищу за самую ничтожную плату, а въ случаѣ необходимости и даромъ. На конгрессъ былъ представленъ отчетъ одного изъ такихъ обществъ: «Школьной кассы XVIII-го округа Парижа», которое функціонируетъ уже 26 лѣтъ, и комитетъ, завѣдующій его дѣлами, состоитъ исключительно изъ женщинъ. Средства его составляются изъ членскихъ взносовъ (6 франковъ въ годъ), добровольныхъ пожертвованій и ежегодной субсидіи города. Всѣмъ школьникамъ своего округа, заявившимъ желаніе пользоваться его услугами, оно доставляетъ утромъ по приходѣ въ школу горячій супъ молочный или мясной съ хлѣбомъ, въ 12 часовъ обѣдъ, состоящій изъ супа, мяса и овощей, и въ 4 часа хлѣбъ. Для многихъ изъ школьниковъ то, что они получаютъ здѣсь, составляетъ все ихъ дневное пропитаніе, такъ какъ многіе рабочіе дома не готовятъ, и дѣти принуждены питаться въ сухомятку. Легко себѣ представить поэтому, какое значеніе пріобрѣтаетъ для нихъ здоровая и вкусная пища, раздаваемая почти, а сплошь и рядомъ совсѣмъ даромъ. Кто можетъ платить, платитъ за обѣдъ 15 сантимовъ, т.-е. не многимъ болѣе 5 коп. Но и такихъ въ сущности меньшинство. За 1899 годъ «Касса XVIII округа» роздала 3.825.235 обѣдовъ и столько же завтраковъ, изъ нихъ 2.957.664 безплатно. По этимъ цифрамъ, относящимся только къ одному округу Парижа, можно судить, какое количество дѣтей охраняется такимъ образомъ отъ хроническаго недоѣданья или даже голоданія. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, обученіе всеобщее и обязательное, и дѣти всѣхъ постоянныхъ жителей его въ школьномъ возрастѣ посѣщаютъ тѣ или другія школы и могутъ такимъ образомъ разсчитывать на помощь школьныхъ кассъ.

Но кромѣ постояннаго, осѣдлаго, если можно такъ выразиться, населенія, тамъ есть еще одинъ классъ людей, принадлежащихъ по своей профессіи скорѣе къ категоріи бродячихъ, чѣмъ осѣдлыхъ племенъ. Это разнаго рода фокусники, акробаты, гимнасты, странствующіе со своими кибитками изъ конца въ конецъ Парижа и раскидывающіе свои временныя жилища на разныхъ площадяхъ города и пригородовъ. Дѣти этихъ вѣчныхъ кочевниковъ, тоже по мѣрѣ возможности участвующія въ ихъ ремеслѣ, самыя жалкія дѣти, какихъ только можно себѣ представить, заброшенныя и безпомощныя. Ни ясли, ни дѣтскіе сады, ни школы со своими «кассами» не существуютъ для нихъ, такъ какъ родители ихъ постоянно бродятъ съ мѣста на мѣсто и не могутъ никуда пристроить ихъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ одна женщина, m-lle Боннефуа, рѣшила попытаться сдѣлать что-нибудь для этихъ несчастныхъ дѣтей. Средствъ у нея не было никакихъ. Но она не остановилась передъ этимъ. На площади, посреди ярмарочныхъ балагановъ, она поставила маленькую палатку и стала сзывать туда дѣтей, у которыхъ было желаніе поучиться. Въ началѣ

ихъ было всего 10—15 человѣкъ. Стульями для нихъ служили ящики, а двѣ доски изображали столъ. Понемногу «палатка гдѣ учатъ» становилась все болѣе популярной. Къ концу года учениковъ набралось уже больше сотни, и пришлось открывать еще вторую «школу». Но вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшее столкновеніе съ этимъ бродячимъ міромъ показало, что дѣтскія школы это далеко не единственный видъ помощи, въ которомъ онъ нуждается.

Поставленные какъ бы внѣ обычныхъ условій культурной жизни, эти странствующіе артисты не умѣютъ приспособиться къ ея формамъ и требованіямъ и вслѣдствіе этого оказываются какъ бы внѣ законовъ. Они не оформливаютъ свохъ семейныхъ отношеній, не заключаютъ ни гражданскихъ, ни церковныхъ браковъ, не вписываютъ и не крестятъ дѣтей и поэтому и семьи, и дѣти ихъ оказываются незаконными. Г-жа Боннефуа устроила рядомъ со своими кочующими школами нѣчто въ родѣ консультаціи и взялась помогать имъ въ устойствѣ ихъ семейныхъ дѣлъ.

Кромѣ того, она позаботилась и объ организаціи медицинской помощи имъ. Въ каждомъ округѣ Парижа, куда заѣзжаютъ странствующіе актеры, она заручилась согласіемъ одного изъ докторовъ оказывать имъ безплатную помощь. Съ бланкомъ «кочующей школы» больной является на пріемъ къ опредѣленному доктору и получаетъ отъ него совѣтъ и лѣкарство изъ опредѣленной аптеки, которая представляетъ по истеченіи года счетъ г-жѣ Боннефуа. Тяжело больныхъ доктора посѣщаютъ въ ихъ кибиткахъ. Наконецъ, для помощи особенно бѣдствующихъ семьямъ, главнымъ образомъ въ случаѣ разныхъ несчастій, столь частыхъ въ этой профессіи, г-жа Боннефуа устроила благотворительную кассу, раздающую временныя пособія деньгами и вещами. Но и теперь она еще не считаетъ дѣла своего вполнѣ законченнымъ. Она мечтаетъ объ устройствѣ такихъ же кочующихъ библіотекъ, школьныхъ кассъ для раздачи безплатныхъ обѣдовъ дѣтямъ и, наконецъ, объ открытіи профессіональной школы для облегченія дѣтямъ занятій ихъ ремесломъ. Въ этихъ школахъ дѣтей будутъ обучать шитью, рисованію, писанію красками и другимъ предметамъ, необходимымъ для устройства ихъ несложныхъ сценъ и костюмовъ. Можно сказать съ увѣренностью, что всѣ эти планы осуществятся въ непродолжительномъ времени. Дѣло г-жи Боннефуа стоитъ на твердой почвѣ. Кромѣ многочисленныхъ частныхъ взносовъ, министерство народнаго просвѣщенія ассигнуетъ ей 600 фр. ежегоднаго пособія, а французская академія присудила ей монтіоновскую премію. Предпріятіе г-жи Боннефуа, конечно, далеко не изъ числа самыхъ крупныхъ въ ряду различныхъ благотворительныхъ учрежденій, районъ его дѣйствій не очень обширенъ, но зато та группа тружениковъ, на которую оно разсчитано, находитъ тамъ самую разнообразную помощь и полную готовность во всякій моментъ отозваться на всѣ его многочисленныя нужды. Мы нѣсколько

дольше остановились на немъ, чтобы показать, чего можетъ достичь въ этой области энергія одного человѣка, исполненнаго доброй воли и смѣло прокладывающаго свои пути тамъ, гдѣ еще нѣтъ проторенныхъ.

Другое гораздо болѣе обширное благотворительное предпріятіе обязано своимъ существованіемъ тоже иниціативѣ энергичной и предпріимчивой женщины. Это организація, извѣстная теперь подъ именемъ «Reconstitution de la famille» (возстановленіе семьи). Возникла она въ Седанѣ въ 1891 году. Основательница ея, г-жа Фелиція Эрвьё, нѣсколько лѣтъ поддерживала своею помощью многочисленную и сильно нуждающуюся семью рабочаго, заработка котораго не хватало на покрытія всѣхъ семейныхъ нуждъ,—и при всемъ желаніи не могла добиться для нея хотя бы нѣкотораго благосостоянія. Наконецъ, она напала на мысль употребить тѣ нѣсколько десятковъ франковъ, которыя она на нее затрачивала ежегодно, на покупку клочка земли подъ городомъ,—годнаго для огорода,—орудій удобренія и сѣмянъ и предоставить опекаемой ею семьѣ обработку этой земли и пользованіе вырученнымъ съ нея доходомъ. Опытъ оказался очень удачнымъ и послужилъ началомъ для основанія общества «Возстановленія семьи». Г-жа Эрвьё выработала уставъ, привлекла нѣсколько членовъ и съ 1891 года новое общество стало функціонировать въ Седанѣ. Цѣль его—оказывать помощь наиболѣе нуждающимся семьямъ городского населенія Седана, не оскорбляя достоинства подачей милостыни и отвлекая при помощи здороваго труда отъ трактировъ и кофеенъ, куда рабочій такъ охотно несетъ въ свободное время свой небольшой заработокъ. Въ первый годъ обществомъ пріобрѣтено было въ аренду 4.000 метровъ земли за 297 фр. 50 сантимовъ. На удобреніе было затрачено 84 фр. и на сѣмена 150 фр. 30 сантимовъ. Всего обществомъ было израсходовано 531 фр. 85 сантимовъ. Пріобрѣтенная земля была раздѣлена на участки отъ 200 до 300 метровъ на семью и роздана 21 семьѣ, состоящей вмѣстѣ изъ 145 человѣкъ. Такимъ образомъ весь расходъ общества на одного человѣка въ годъ составитъ 3 фр. 67 сантимовъ, т.-е. 30 с. (11½ коп.) въ мѣсяцъ. Эта сумма, переданная изъ рукъ въ руки, не имѣла бы ни малѣйшаго значенія, а при такомъ употребленіи она все-таки создаетъ нѣчто. Конечно, такой огородикъ не можетъ прокормить цѣльную семью, но въ качествѣ подспорья семьѣ рабочаго, имѣющаго другой основной заработокъ, онъ можетъ играть довольно существенную роль. Обработка его не составляетъ тяжелаго труда, она дѣлается въ свободное время, отчасти даже дѣтьми, а между тѣмъ онъ можетъ обезпечить на цѣлый годъ все необходимое количество овощей, составляющихъ главную пищу французскихъ рабочихъ, или при продажѣ дать по меньшей мѣрѣ въ 5,6 разъ больше того, что на него затрачено, т.-е. франковъ 100 на среднюю семью въ 5 человѣкъ.

Мысль г-жи Эрвьё вызвала большое сочувствіе не въ одномъ только Седанѣ. Почти во всѣхъ городахъ Франціи стали возникать другъ за другомъ подобныя же общества «Возстановленія семьи». Во многихъ мѣстахъ имъ сдѣланы были крупныя пожертвованія деньгами или землей, а въ большинствѣ случаевъ на помощь имъ пришли городскія управленія. Нѣкоторые города взяли это дѣло цѣликомъ въ свои руки. Такіе города дѣлятъ на участки часть своихъ свободныхъ земель и раздаютъ ихъ семьямъ нуждающихся рабочихъ, имѣющимъ не менѣе двухъ человѣкъ дѣтей. Въ настоящее время «огороды рабочихъ» существуютъ кромѣ Седана въ слѣдующихъ городахъ: Сентъ-Этьенѣ, Безансонѣ, Бовэ, Булонѣ, Реймсѣ, Лилѣ, Арра, Газебургѣ, Розенделѣ, Валансьенѣ, Ленсѣ, Нанси, Дуэ, Альби, Нантѣ, Дижонѣ, Пуатьѣ, Орлеанѣ, Бривѣ и многихъ другихъ. Въ послѣдніе годы это предпріятіе стало распространяться и за границами Франціи. Общество «Возстановленія семьи» функціонируетъ теперь въ Берлинѣ и нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ Англіи и Америки.

Докладъ о дѣятельности этого общества вызвалъ большое сочувствіе конгресса, постановившаго ходатайствовать передъ городскимъ управленіемъ Парижа объ уступкѣ принадлежащихъ ему необработанныхъ земель для раздачи по участкамъ нуждающимся семьямъ рабочихъ. Не можемъ не отмѣтить нѣсколько черезчуръ громкое названіе этихъ обществъ. При всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ, одушевляющихъ его членовъ, трудно допустить, чтобы цѣною столь скромныхъ пожертвованій имъ удалось достичь такой крупной цѣли.

Мы не можемъ, конечно, описать всѣхъ формъ, въ какія выливается благотворительная дѣятельность женщинъ во Франціи. Онѣ слишкомъ многочисленны и разнообразны. Кромѣ того, типы ея, за исключеніемъ описанныхъ выше, болѣе или менѣе общи во всѣхъ странахъ, извѣстны также и у насъ въ Россіи. Упомянемъ только о постоянномъ дѣятельномъ стремленіи придти на помощь женщинѣ въ тотъ моментъ, когда она становится матерью. Кромѣ нѣсколькихъ чисто благотворительныхъ обществъ, оказывающихъ безвозмездно помощь нуждающимся женщинамъ и дѣвушкамъ въ періодъ беременности, во время родовъ и первое время послѣ, въ Парижѣ существуетъ еще очень большое общество «Взаимопомощи матерей» (Mutualité maternelle), основанное въ 1892 году. Это общество не можетъ быть причислено къ благотворительнымъ, такъ какъ оно оказываетъ помощь только своимъ членамъ. Но членомъ его можетъ быть всякая парижская работница, не моложе 16-ти лѣтъ, вносящая ежегодно 3 франка или 25 сантимовъ ежемѣсячно. Девять мѣсяцевъ правильныхъ взносовъ даютъ ей право на помощь общества во время родовъ и первыя недѣли послѣ. При родахъ и во время беременности она можетъ пользоваться медицинскою помощью лучшихъ парижскихъ докторовъ за самую умѣренную плату и получать безплатно лекарства. Послѣ родовъ она

въ теченіе 4-хъ недѣль получаетъ по 12 франковъ еженедѣльнаго пособія, при условіи не ходить это время на работу. Если же она при томъ сама кормитъ своего ребенка, то получаетъ еще 10 франковъ лишнихъ. Съ 1892 по 1899 годъ обществомъ «Взаимопощи матерей» была оказана поддержка 3.400 женщинамъ. И вотъ ея результаты. Изъ 3.083 дѣтей рожденныхъ живыми умерло за это время 218, т.-е. менѣе 7%, между тѣмъ какъ обычный процентъ дѣтской смертности въ рабочемъ населеніи Парижа отъ 30 до 40%. Процентъ смертности матерей совершенно незначительный. При этомъ болѣе 77% дѣтей были выкормлены грудью.

Подобныя же общества существуютъ еще въ Туринѣ, въ Лилѣ, въ Вьеннѣ и въ Дамари-ле-Ли. Но при всей пользѣ, какую приносятъ подобныя общества, они, конечно, не могутъ достичь вполнѣ намѣченной цѣли,—оградить здоровье женщинъ, обезпечить имъ необходимый отдыхъ послѣ родовъ. Районъ ихъ дѣйствія все-таки очень невеликъ сравнительно со всей массой рабочихъ женщинъ. И, конечно, они никогда не добьются того, чтобы всѣ женщины работницы вступили въ ихъ члены. Зло отъ чрезмѣрнаго истощенія женщинъ не можетъ быть въ корнѣ устранено ими. Они и сами вполнѣ сознаютъ недостаточность своихъ усилій. Предсѣдатель парижскаго общества «Взаимопомощи матерей» закончилъ свой докладъ словами, что они съ удовольствіемъ закроютъ свое общество, какъ только правительство возьметъ въ свои руки правильную организацію ихъ дѣла, такъ какъ по ихъ мнѣнію это дѣло въ сущности государственное.

Выслушавъ отчеты этихъ обществъ конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы: 1) французскій парламентъ вотировалъ законъ, воспрещающій женщинамъ работать въ теченіе мѣсяца по разрѣшеніи отъ бремени, и 2) чтобы родильницамъ были тѣмъ или инымъ способомъ возмѣщаемы убытки, причиняемые этимъ запрещеніемъ.

Къ сожалѣнію, какъ мы уже говорили, конгрессъ не даетъ намъ данныхъ, чтобы подвести какіе бы то ни было общіе итоги женской благотворительной дѣятельности во Франціи и другихъ европейскихъ странахъ. Нѣкоторые общіе итоги подводятся лишь въ докладѣ о благотворительности въ Россіи. Но внушительныя цифры расходовъ благотворительныхъ обществъ Россіи*) включаютъ въ себя итоги не однихъ только женскихъ благотворительныхъ обществъ и кромѣ того говорятъ недостаточно о реальной дѣятельности, стоящей за этими цифрами. Красный крестъ, которому отводится самое крупное мѣсто въ данномъ докладѣ, слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы на немъ стоило подробнѣе останавливаться.

Въ заключеніе разсужденій о благотворительной дѣятельности женщинъ, конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы женщины были пригла-

*) 1.164.754 за одинъ годъ въ Петербургѣ, напр.

шаемы наравнѣ съ мужчинами въ управленія всѣми оффиціальными благотворительными и исправительными учрежденіями.

На эти послѣднія учрежденія конгрессъ тоже обратилъ серьезное вниманіе, особенно на такъ называемыя колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Эти учрежденія, которыя по мысли своей должны были быть предназначены дѣйствительно къ исправленію дѣтей, совершившихъ какое-либо преступленіе, превратились съ теченіемъ времени почти повсемѣстно въ настоящія тюрьмы. Могутъ ли быть дѣти преступники?—задаетъ себѣ вопросъ докладчица по устройству исправительныхъ учрежденій во Франціи и отвѣчаетъ,—конечно, нѣтъ. Смотрѣть, какъ на преступниковъ, на несчастныхъ дѣтей, доведенныхъ голодомъ или полнымъ отсутствіемъ попеченій до такого поступка, которые люди взрослые и сознательные называютъ преступленіемъ, и жестоко, и нелѣпо. Для нихъ вѣдь не существуютъ еще и самыя понятія о добрѣ и злѣ, о правѣ и его нарушеніи. Наказывать ихъ это совершать преступленіе въ тысячу разъ большее, чѣмъ совершили они сами, преступленіе надъ существомъ беззащитнымъ и безсознательнымъ. А между тѣмъ весь режимъ учрежденій для малолѣтнихъ преступниковъ, именно, и разсчитанъ на ихъ наказаніе, а никакъ не на исправленіе. Тюремное заключеніе, безусловно вредно отражающееся и на взрослыхъ, на дѣтей дѣйствуетъ положительно губительно. Въ нихъ живетъ одно только страстное желаніе бѣжать. Оно не удается, и въ концѣ концовъ къ полу-безсознательной дѣтской испорченности присоединяется глубокая озлобленность на людей, подвергшихъ ихъ величайшей несправедливости—лишенію свободы.

Выслушавъ всѣ доклады по этому отдѣлу, конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобъ изъ тюремныхъ учрежденій дѣтскія колоніи были превращены дѣйствительно въ учебно-воспитательныя. На учебную часть въ нихъ, образовательную и практическую надо обратить самое серьезное вниманіе, чтобы они давали своимъ воспитанникамъ возможность имѣть по выходѣ обезпеченный заработокъ. Воспитательная же часть должна по возможности поручаться женщинамъ. Только при терпѣливомъ, гуманномъ, истинно материнскомъ отношеніи воспитательницъ, теперешнія тюрьмы могутъ стать дѣйствительно исправительными заведеніями и превращать безъ вины виноватыхъ преступниковъ-дѣтей въ людей способныхъ къ труду, съ пробужденнымъ чувствомъ человѣческаго достоинства и самоуваженія. При теперешней же постановкѣ дѣла такъ называемыя исправительныя колоніи для малолѣтнихъ гораздо проще и правильнѣе было бы называть тюрьмами.

II.

Современныя государства вообще чувствуютъ большое тяготѣніе къ тюрьмамъ. Характеръ тюремъ пріобрѣтаютъ не только исправитель-

ныя учрежденія, но даже и лѣчебныя заведенія. Тюремному заключенію подвергаютъ не только преступниковъ, хотя бы и малолѣтнихъ, но и людей, виновныхъ исключительно въ заболѣваніи тяжелой болѣзнью —не всѣхъ, конечно, а только женщинъ. На этотъ фактъ женскій конгрессъ не могъ не обратить самаго серьезнаго вниманія. Женщина, окрещенная именемъ проститутки, оказывается какъ бы внѣ закона. Во всѣхъ самыхъ просвѣщенныхъ, самыхъ свободолюбивыхъ странахъ по отношенію къ ней считаются допустимыми всякія мѣры. Болѣзнь, считающаяся для мужчины несчастіемъ, у нея является преступленіемъ, влекущимъ за собой мѣсяцы и годы тюремнаго заключенія. Вторая секція конгресса удѣлила этому вопросу очень много времени и разсмотрѣла его и съ моральной, и съ правовой, и съ санитарной точки зрѣнія. Во всѣхъ почти Европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи, проституція въ настоящее время легализирована и регламентирована. Основаніемъ къ такому абсурду, какъ упорядоченіе этого по существу безнравственнаго и вреднаго явленія, послужила якобы забота объ охраненіи общественнаго здравія... Мѣры, какими достигается это упорядоченіе во всѣхъ безъ исключенія странахъ, лишены тѣни законности и идутъ въ разрѣзъ съ самыми элементарными понятіями о гуманности, но все это приносится въ жертву ради ихъ будто бы санитарнаго значенія. Конгрессъ попытался освѣтить оба эти вопроса. Т.-е., во первыхъ, допустимо ли во имя чего бы то ни было нарушать общіе законы страны и, что еще важнѣе, основныя и неотъемлемыя права человѣка: и, во-вторыхъ, достигается ли путемъ всѣхъ этихъ злоупотребленій реальная польза, т.-е. огражденіе народнаго здоровья.

Наиболѣе обстоятельный докладъ по этому предмету представилъ Ивъ Гюйо, редакторъ газеты «Siècle» и бывшій министръ общественныхъ работъ. Онъ подробнымъ образомъ разсказываетъ правила, которымъ подчинены во Франціи женщины, занимающіяся проституціей, и описываетъ пріемы, практикующіеся по отношенію къ нимъ полиціей. Всякая женщина, промышляющая собой, должна добровольно подчиняться извѣстнымъ спеціальнымъ правиламъ поведенія и подвергаться въ опредѣленные сроки обязательному медицинскому осмотру. Установленія самыхъ правилъ поведенія зависитъ отъ мѣстной полиціи и потому различны въ различныхъ городахъ. Гюйо не приводитъ спеціальнаго Парижскаго кодекса, но зато въ докладѣ по Германіи мы находимъ подробные регламенты различныхъ нѣмецкихъ городовъ. Въ Берлинѣ регламентъ этотъ состоитъ изъ 13 параграфовъ, обнимающихъ буквально всю жизнь заподозрѣнной женщины. Мы приведемъ изъ нихъ нѣкоторые наиболѣе характерные:

«Женщина, промышляющая своимъ тѣломъ и находящаяся по причинѣ этого подъ надзоромъ полиціи, должна соблюдать слѣдующія постановленія:

«1. Она должна подвергаться медицинскому осмотру и являться для этой цѣли черезъ извѣстные промежутки въ полицію.

«2. Заболѣвшая одною изъ спеціальныхъ болѣзней или какою-либо другою, она должна предоставить помѣстить себя въ указанный полиціею госпиталь и оставаться тамъ впредь до излеченія.

«3. Она должна носить одежду простую и приличную.

«5. Запрещается ей: проходить по нѣкоторымъ улицамъ*), стоять вблизи церквей, школъ, университетовъ, общественныхъ памятниковъ, казармъ, посѣщать театры и принадлежащіе къ нимъ сады, концерты, цирки, зоологическіе и ботаническіе сады и кататься въ открытомъ экипажѣ по запрещенымъ улицамъ.

«11. Ей запрещается жить вблизи церквей, школъ, университетовъ, общественныхъ учрежденій, казармъ и всѣхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ § 5, а также жить въ первомъ и подвальномъ этажахъ домовъ, выходящихъ на улицу. Запрещается ей также жить въ отеляхъ, гостинницахъ, меблированныхъ комнатахъ и входить туда. Ей запрещается жить у лицъ, уличенныхъ въ сводничествѣ и посѣщать ихъ».

Въ Бреславлѣ къ этимъ правиламъ присоединяется еще запрещеніе пользоваться трамваями.

Въ Бременѣ для проститутокъ отведенъ особый глухой переулокъ, гдѣ онѣ всѣ обязаны жить.

Разумѣется, трудно ожидать, чтобы такого рода правиламъ кто-нибудь подчинялся добровольно... Полиція, очевидно, и не ожидаетъ этого, судя по тѣмъ пріемамъ, какими она приводитъ къ повиновенію своихъ жертвъ.

Вотъ какъ описывалъ въ засѣданіи сената способъ уловленія проститутокъ въ Парижѣ префектъ парижской полиціи г. Лепинъ. Онъ отнесся съ осужденіемъ къ практиковавшимся при его предшественникахъ пріемамъ, заключавшимся въ томъ, что цѣлая банда полицейскихъ окружала около часа ночи сплошною цѣпью извѣстный участокъ бульваровъ и, смыкаясь все тѣснѣе, забирала всѣхъ попавшихся въ кругъ женщинъ, уповая на то, что «тамъ (т.-е. въ полиціи) разберутъ», кто правъ, кто виноватъ. Г. Лепинъ справедливо разсуждалъ, что при такомъ порядкѣ вещей могла случайно попасться и честная женщина, и ей ждать «пока разберутъ» не могло быть особенно пріятно. И дѣйствительно такой случай произошелъ въ томъ самомъ году (1900) въ Парижѣ. Во время одной изъ экспедицій была захвачена въ числѣ другихъ женщинъ г-жа Себастіани, пробывшая 22 часа въ полиціи, пока было разъяснено, что она вполнѣ порядочная и уважаемая женщина. Все это время она провела безъ пищи и испытала самое грубое обращеніе. Освобожденная, наконецъ, она описала весь этотъ случай въ газетахъ и подала жалобу на дѣйствія по-

*) Указываемымъ спеціально полиціей.

лиціи. Конечно, послѣ такого скандала г. Лепину пришлось оставить ночныя экспедиціи, и онъ изобрѣлъ собственный остроумный способъ уловленія однѣхъ только виновныхъ.

«Я образовалъ въ каждомъ округѣ небольшую бригаду своихъ агентовъ, человѣкъ восемнадцать, двадцать, *отцовъ семействъ*, *почтенныхъ людей*, знающихъ въ лицо всѣхъ публичныхъ женщинъ, посѣщающихъ ихъ кварталъ, и не могущихъ впасть въ ошибку при опознаваніи ихъ».

Какъ и слѣдовало ожидать, «почтенные отцы семействъ», оказались тоже не безъ грѣха, и въ текущемъ году въ Парижѣ надѣлало большого шума дѣло, совершенно аналогичное случаю съ г-жею Себастіани, но еще болѣе возмутительное. Однажды вечеромъ по бульварамъ Парижа шелъ извѣстный французскій писатель съ двумя дамами. Почтенные агенты г-на Лепина безошибочно узнали въ нихъ мѣстныхъ проститутокъ и, несмотря на протесты ихъ спутника, арестовали ихъ. По удостовѣренію ихъ личности въ полиціи оказалось, что одна изъ нихъ сестра, а другая невѣста писателя, объ безусловно порядочныя дѣвушки. Братъ тотчасъ же подалъ жалобу на агентовъ г-на Лепина, но на судѣ они показали, что дѣйствовали по указаніи самого г-на префекта. Обвиненіе перенесено на него, и если ихъ показанія подтвердятся, г-ну Лепину придется, вѣроятно, изощрять свое остроуміе на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ чувствовалъ себя еще въ зенитѣ славы и спокойно докладывалъ сенату о внушительныхъ размѣрахъ своей полезной дѣятельности.

Ежедневный уловъ его добровольческихъ бригадъ достигаетъ 60, 70 женщинъ и болѣе. Въ общемъ въ годъ отъ 25 до 26 тысячъ.

Приведенныя въ полицію, женщины распредѣляются на нѣсколько категорій. Прежде всего на попавшихся первый разъ или вторично. Попавшіяся первый разъ свидѣтельствуются и, если онѣ здоровы и совершеннолѣтни, выпускаются на свободу съ предупрежденіемъ, что будутъ подвергнуты наказанію, если попадутся вторично. Несовершеннолѣтнія или отправляются въ какое-либо частное исправительное учрежденіе, или, если не пожелаютъ, получаютъ карту, т.-е. то, что у насъ называется желтымъ биметомъ. Въ отношеніи этихъ послѣднихъ г. Лепинъ является прямо въ роли совратителя несовершеннолѣтнихъ, облегчая имъ занятіе развратомъ, т.-е. совершаетъ преступленіе, влекущее за собой по французскимъ законамъ строгое наказаніе. Попавшіяся вторично подвергаются имъ аресту срокомъ отъ недѣли до мѣсяца или тоже получаютъ карту. Наконецъ больныя безъ согласія съ ихъ стороны, отправляются въ больницу св. Лазаря (Saint Lazare). Эта больница, или, правильнѣе говоря, тюрьма пользуется во Франціи широкою и печальною извѣстностью. Какъ это ни странно, «больница» является самой страшной угрозой, какимъ-то пугаломъ для больныхъ. Каждая, не задумываясь, предпочтетъ свою

ужасную болѣзнь заключенію въ этомъ мрачномъ мѣстѣ, гдѣ съ паціентками обращаются не какъ съ несчастными больными, а какъ съ арестантами-преступниками *). Въ Парижѣ, какъ и въ другихъ странахъ, въ эту тюрьму заключаютъ тѣхъ, кто по французскимъ законамъ не совершилъ никакого преступленія и даже не былъ подъ судомъ **). Сажаютъ по опредѣленію полиціи съ благословенія полицейскаго врача.

Нечего и говорить, что всѣ эти порядки составляютъ полнѣйшій произволъ, практикующійся полиціей надъ беззащитной частью населенія съ молчаливаго одобренія высшихъ учрежденій страны. Во Франціи въ основу законодательства положена декларація правъ человѣка, 1-й параграфъ которой гласитъ: «Всѣ граждане равны передъ закономъ». А 7-й: «Никто не можетъ быть обвиненъ, арестованъ и заключенъ иначе, какъ по формамъ опредѣленнымъ закономъ и въ случаяхъ указанныхъ закономъ». Между тѣмъ префектъ полиціи устраиваетъ цѣлыя облавы на женщинъ, уличенныхъ только въ томъ, что онѣ заговариваютъ на улицахъ съ мужчинами, что не составляетъ еще по французскимъ законамъ преступленія, какъ и самый фактъ проституціи,—безъ всякаго суда и слѣдствія приговариваетъ ихъ къ аресту или, если онѣ больны, отправляетъ ихъ въ больницу - тюрьму Saint Lazare. И сенатъ, выслушавъ его сообщеніе о подвигахъ его «почтенныхъ» агентовъ, выражаетъ ему одобреніе.

Причиной такого полнаго господства произвола въ этой области было, конечно, то, что этотъ уголокъ жизни долгое время оставался въ глубокой тѣни. Тѣ, кто были заинтересованы въ сохраненіи этого института, менѣе всего задумывались о человѣческихъ правахъ своихъ жертвъ и стремились только къ тому, чтобы какою угодно цѣною обезопасить самихъ себя. Послѣднія десятилѣтія и въ Европѣ, и въ Америкѣ началось очень сильное аболюціонистское движеніе, задавшееся цѣлью добиться уничтоженія всѣхъ исключительныхъ законовъ въ отношеніи проституціи. Женскій конгрессъ съумѣлъ побѣдить малодушный страхъ большинства женщинъ касаться этого вопроса и опредѣленно всталъ на сторону аболюціонистовъ. Онъ рѣшительно высказался за то, что человѣкъ, на какой бы степени униженія онъ не находился, не можетъ тѣмъ не менѣе утратить своихъ человѣческихъ правъ. Всякій, кто бы онъ ни былъ, мужчина или женщина, добродѣтельный или порочный, долженъ находиться подъ охраной однихъ и тѣхъ же зако-

*) По французскимъ законамъ проституція не считается преступленіемъ.

**) Впрочемъ порядки, практикующіеся въ больницѣ Saint Lazare, не составляютъ исключенія. Они, повидимому, обычны въ большинствѣ подобнаго рода учрежденій. Недавно въ газетахъ было извѣтіе о бунтѣ, произведенномъ въ одесской городской больницѣ находящимися тамъ на излѣченіи проститутками. На разслѣдованіи онѣ заявили, что хотѣли только обратить вниманіе властей на то, что ихъ, не совершившихъ никакихъ преступленій, содержатъ какъ тяжкихъ арестантокъ.

новъ. Въ виду этого конгрессъ постановилъ: «Въ области нравственности исключительные законы по отношенію къ женщинѣ должны быть отмѣнены».

Это рѣшеніе безусловно правильно и справедливо, независимо отъ того, къ какимъ послѣдствіямъ оно могло бы повести. Нельзя подыскать справедливыхъ основаній для того, чтобы женщина несла тяжелыя наказанія за тотъ самый актъ, за который мужчина не несетъ никакихъ послѣдствій.

Но конгрессъ взглянулъ на этотъ вопросъ и съ другой стороны. Онъ обратилъ вниманіе и на то, достигается ли дѣйствительно та польза, ради которой существуютъ эти исключительные законы или, лучше сказать, эти обычныя злоупотребленія. Всѣ докладчики, касавшіеся этого вопроса, единогласно утверждали, что никакія исключительныя мѣры, никакая регистрація и регламентація не обезпечиваютъ того, ради чего онѣ существуютъ, т.-е. невозможности зараженія. Въ Германіи и Франціи случаевъ зараженія не менѣе, чѣмъ въ Англіи, гдѣ исключительныя мѣры отмѣнены въ 1886 году.

И теорія, и практика сходятся въ томъ, что эти мѣры нисколько не уменьшаютъ и не могутъ уменьшить зла, съ которымъ хотятъ бороться. Напротивъ, онѣ только ухудшаютъ положеніе своей жестокостью и нелогичностью. Съ одной стороны, признавая законнымъ самый фактъ существованія проституціи, они тѣмъ самымъ какъ бы молчаливо одобряютъ ее, а съ другой—самихъ несчастныхъ жертвъ этого общественнаго зла считаютъ какими-то преступницами, въ отношеніи которыхъ допустимы всѣ мѣры. Получается положеніе прямо противоположное справедливости. Вмѣсто того, чтобы бороться со зломъ, борются съ его жертвами.

Естественно, что женскій конгрессъ долженъ былъ встать на защиту этихъ наиболѣе несчастныхъ женщинъ. Но, защищая ихъ отъ жестокаго произвола, онъ, конечно, ни на минуту не упускалъ изъ вида, какого страшнаго соціальнаго зла онѣ являются представительницами. Съ этимъ зломъ самимъ по себѣ нельзя уставать бороться. Наибольшее вниманіе конгрессъ обратилъ на устраненіе условій, толкающихъ молодыхъ дѣвушекъ на этотъ тяжелый путь. Чаще всего причиною является нужда и невозможность или неумѣнье прокормить себя честнымъ трудомъ. Этому способствуетъ полная беззащитность и неопытность молодыхъ дѣвушекъ, являющихся откуда-нибудь изъ глухихъ угловъ искать работы въ большіе города. Наконецъ, сплошь и рядомъ причиной гибели служитъ первое совершенно искреннее увлеченіе, незаконный ребенокъ, страшно затрудняющій возможность жить своимъ трудомъ. Цѣлый рядъ благотворительныхъ обществъ задается цѣлью помогать дѣвушкѣ въ различные трудные моменты ея жизни. Въ Парижѣ существуетъ, напр., общество Сенъ-Рафаэль, цѣль котораго спеціально оказывать помощь дѣвушкамъ, ожидающимъ перваго незакон-

наго ребенка. Единственнымъ условіемъ для поступленія въ общежитіе этого общества служитъ обѣщаніе не бросать своего ребенка. Если мать можетъ сама кормить его, ей облегчаютъ возможность найти работу, не препятствующую этому. Если же нѣтъ, его отдаютъ кормилицѣ и мать уплачиваетъ изъ своего заработка за его содержаніе. Въ 1900 году общество Сенъ-Рафаэль имѣло для безплатныхъ кліентокъ помѣщеніе съ 30-ю кроватями, которыя, конечно, никогда не пустовали. Общество доставляетъ всѣмъ поступающимъ безплатную медицинскую помощь, а по выздоровленіи помогаетъ имъ устроиться и старается не терять ихъ и потомъ изъ вида.

Самое большое и самое значительное изъ всѣхъ обществъ этого рода это «Международный союзъ друзей молодой дѣвушки» («Union internationale des amies de la jeune fille»). Оно насчитывало въ 1900 году 8.170 дѣйствительныхъ членовъ, отдѣленія его были во Франціи, Англіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи, Нидерландахъ и Аргентинской республикѣ. Примыкать къ нему могутъ лица и не живущія ни въ одной изъ названныхъ странъ, такъ что члены его есть въ 41-мъ государствѣ. Общество это основало 60 конторъ для пріисканія работы и 100 домовъ для общежитія молодыхъ дѣвушекъ. Оно имѣетъ собственные журналы и газеты. Но главную заслугу его составляетъ изобрѣтеніе совершенно новаго вида помощи, такъ называемой *Oevre des arrivante* («Помощь пріѣзжающимъ»). Предпріятіе это, какъ и само общество, возникло прежде всего и всего шире развилось въ Швейцаріи. Но теперь оно распространилось и на всѣ почти сосѣднія страны и покрыло сѣтью почти всю Западную Европу. Въ каждомъ большомъ городѣ, куда наѣзжаетъ много дѣвушекъ искать заработка и гдѣ есть члены этого общества, образуется небольшой женскій комитетъ, ставящій себѣ цѣлью заботу объ этихъ пріѣзжихъ. Нѣсколько членовъ общества распредѣляютъ между собой обязанность встрѣчать всѣ приходящіе въ данный городъ пассажирскіе поѣзда, съ тѣмъ, чтобы оказывать помощь тѣмъ изъ пассажирокъ, которыхъ никто не встрѣчаетъ и которыя не знаютъ, куда дѣваться. Прежде такія неопытныя провинціалки сплошь и рядомъ попадали въ руки ловкихъ агентовъ тѣхъ домовъ, куда легче попасть, чѣмъ выбраться оттуда. Теперь во всѣхъ почти вагонахъ третьяго класса европейскихъ дорогъ можно увидѣть печатное предостереженіе молодымъ дѣвушкамъ не довѣрять неизвѣстнымъ лицамъ и не полагаться на данные кѣмъ-нибудь изъ попутчиковъ адреса. Имъ указываются дома, гдѣ онѣ могутъ найти пріютъ и содержаніе за самую скромную плату или даже совсѣмъ безплатно и сверхъ того получить помощь въ пріисканіи заработка. На дебаркадерѣ онѣ могутъ увидѣть даму, у которой приколота брошка съ надписью: «Попеченіе о молодой дѣвушкѣ». Такія общества есть въ Женевѣ, Цюрихѣ, Люцернѣ, Лозаннѣ, Бернѣ, Невшателѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ и мн. др. въ Германіи, въ Вѣнѣ, Будапештѣ

и другихъ городахъ Австріи, въ Ліонѣ, Марсели и Бордо во Франціи и еще во многихъ другихъ странахъ и городахъ.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности подобныхъ обществъ мы находимъ въ отчетѣ женевской секціи.

Въ Женевѣ устроено постоянное дежурство на дебаркадерѣ желѣзной дороги и на пароходной пристани. Ежегодно агентки общества оказываютъ помощь въ среднемъ отъ 1.000 до 1.200 дѣвушекъ, пріѣзжающихъ по желѣзной дорогѣ и отъ 300 до 400 пароходныхъ пассажирокъ. Изъ нихъ отъ трехсотъ до четырехсотъ остаются вплоть до пріисканія мѣста жить въ общежитіи общества, остальныя пользуются только совѣтами, указаніями и случайною помощью. Если въ одной Женевѣ, благодаря этому обществу, ежегодно избѣгаетъ опасности до 1.500 и болѣе дѣвушекъ, то можно себѣ представить, сколькимъ нуждающимся оказываютъ помощь его многочисленныя отдѣленія во многихъ десяткахъ европейскихъ городовъ.

Этой же цѣли служатъ и разнаго рода женскія просвѣтительныя общества. Изъ нихъ мы упомянемъ только петербургское общество попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ, основанное въ 1897 году. За короткій срокъ своего существованія оно развило уже довольно широкую дѣятельность. Нѣкоторыя городскія школы въ фабричныхъ районахъ Петербурга предоставили ему въ свободное время свои помѣщенія. Каждое воскресенье туда собираются женщины и молодыя дѣвушки, не моложе 14 лѣтъ и проводятъ тамъ цѣлый день. Утромъ съ ними занимаются элементарными предметами и рукодѣліями, а по вечерамъ устраиваютъ чтенія, туманныя картины, пѣніе и танцы. Въ обществѣ имѣется порядочная библіотека, которой посѣтительницы могутъ пользоваться и на мѣстѣ и на дому. Громадное большинство посѣщающихъ составляютъ фабричныя работницы, остальныя—прислуга и дѣвочки-подростки, не имѣющія еще опредѣленной работы *).

Доклады всѣхъ этихъ обществъ встрѣчены были съ выраженіемъ большого одобренія конгрессомъ, привѣтствовавшимъ всякую попытку внести больше свѣта и сознательности въ женскую рабочую среду.

Въ юридическомъ отношеніи когрессъ, какъ и надо было ожидать, высказался за полное уравненіе имущественныхъ правъ мужчины и женщины. До сихъ поръ во Франціи женщина была поставлена въ подчиненное положеніе. Вступая въ бракъ, она теряла права на свое имущество, что въ случаѣ какихъ-либо несогласій между супругами вело къ тяжелымъ затрудненіямъ для нея. Конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы женщина сохраняла и въ бракѣ всѣ права надъ своимъ имуществомъ и заработкомъ. Это едва ли не единственная область, въ которой Россія не отстала отъ Западной Европы, такъ какъ

*) Подробности см. „Міръ Божій“, 1899 г., статья г-жи Покровской „Петербургскія воскресныя собранія для работницъ“.

у насъ имущественныя права женщины сохраняются неприкосновенными и въ бракѣ. Но далѣе въ еще болѣе важномъ вопросѣ о правахъ мужа и жены на дѣтей мы уже не имѣемъ никакихъ преимуществъ. У насъ, также какъ и во Франціи, въ случаѣ раздѣльнаго жительства мужа и жены права на дѣтей сохраняетъ мужъ, такъ какъ по закону жена, не получивъ развода, не можетъ жить отдѣльно отъ мужа, и онъ во всякое время можетъ вытребовать и ее, и дѣтей къ себѣ. Конгрессъ разсмотрѣлъ этотъ вопросъ и выразилъ пожеланіе, чтобы въ въ случаѣ разногласія между мужемъ и женою, не желающими жить вмѣстѣ и не могущими придти къ соглашенію въ отношеніи къ дѣтямъ, недовольная сторона могла приносить жалобу мировому судьѣ, который и постановляетъ, кто изъ родителей имѣетъ право сохранить у себя дѣтей. Въ случаѣ же развода это рѣшеніе постановляется судомъ. Женщина должна быть одинаково вооружена юридически, чтобы отецъ не могъ, пользуясь своими юридическими привилегіями, лишить мать ея естественныхъ правъ на дѣтей.

Совершенно обратное положеніе получается въ большинствѣ случаевъ въ отношеніи отца къ незаконнымъ дѣтямъ. Тамъ онъ по большей части съ полной охотой готовъ предоставить матери всѣ ея естественныя права на дѣтей, конечно и обязанности тоже, нисколько не настаивая не только на ихъ присвоеніи, но даже и на раздѣленіи. Тутъ законъ долженъ заставить отца выполнять свои родительскія обязанности, хотя бы въ матеріальномъ только отношеніи. Иначе и тутъ сохраняется такое же несправедливое положеніе, какъ въ отношеніи къ проституціи—всѣ тяжелыя послѣдствія совмѣстнаго поступка несетъ на себѣ одна лишь сторона.

Конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы мать имѣла право добиваться признанія и обезпеченія ребенка отцомъ. Обезпеченіемъ конгрессъ призналъ не только средства на содержаніе его, но и на подготовленіе къ какой либо дающей заработокъ профессіи, по выбору матери. Такимъ образомъ, въ области юридическихъ отношеній конгрессъ цѣликомъ всталъ на защиту женщины. Современное законодательство далеко не всегда отвѣчаетъ своему назначенію — защитѣ слабѣйшаго. Наоборотъ, оно, какъ мы видѣли, часто всею своею тяжестью обрушивается именно на этого слабѣйшаго. Женскій конгрессъ совершенно справедливо отмѣтилъ эту его тенденцію и въ области нравственности, и въ области юридическихъ основъ семейныхъ отношеній и потребовалъ измѣненія ея.

III.

Основной точкой зрѣнія конгресса было стремленіе къ достиженію женщинами абсолютной равноправности съ мужчинами. Это стремленіе, по существу своему вполнѣ законное, не всегда отвѣчаетъ сложнымъ отношеніямъ, созданнымъ современною жизнью. Въ экономической

области, которой занималась четвертая секція конгресса, узко феминистское направленіе большинства его членовъ сказалось черезчуръ ярко и привело къ очень одностороннему рѣшенію поставленнаго вопроса.

Феминизмъ—это движеніе, развивающееся главнымъ образомъ среди буржуазныхъ классовъ. Несмотря на самыя искреннія усилія большинства его участницъ лишить его всякаго классоваго характера и привлекать къ нему всѣхъ по возможности всѣхъ женщинъ, женщины-работницы до сихъ поръ еще не принимаютъ въ немъ никакого участія. И это отсутствіе представительницъ рабочаго класса сильно сказалось на обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые имѣли непосредственное отношеніе именно къ нимъ. Къ вопросамъ труда въ рабочихъ массахъ члены конгресса прилагали тѣ же мѣрки, какъ и къ вопросу труда въ верхнихъ классахъ общества. Женщина изъ болѣе или менѣе достаточной среды начинаетъ теперь принимать активное участіе въ общественной жизни. Она добивается признанія своихъ человѣческихъ правъ, въ которыхъ ей такъ долго отказывали, и прежде всего права на трудъ. Это право даетъ ей независимость и самостоятельность, поднимаетъ ее въ собственныхъ глазахъ, превращаетъ въ человѣка. Въ рабочей средѣ такого вопроса не существуетъ. Тамъ ужъ поздно говорить о правѣ, оно давно превратилось въ фактъ. Тамъ никто не отстраняетъ женщину отъ работы, напротивъ, на нее стремятся навалить ея слишкомъ много. Ей не надо завоевывать труда, ее надо *защищать отъ излишняго труда*. Въ крестьянскомъ быту женщина всегда несла и несетъ не меньшую, если не большую долю труда, чѣмъ мужчина. Теперь усложнившіяся условія жизни заставляютъ женщину искать работы и внѣ дома, въ промышленныхъ заведеніяхъ, на фабрикахъ и заводахъ. И это она дѣлаетъ вовсе не изъ желанія добиться равенства съ мужчиной, а изъ тяжелой необходимости. Одинокая женщина, вдова, взрослая дочь въ многодѣтной семьѣ, а часто также жена и мать вынуждены зарабатывать свой хлѣбъ, также какъ и любой мужчина. Число женщинъ-ремесленницъ и женщинъ, работающихъ на фабрикѣ, постоянно растетъ. Въ 1895 г. количество рабочихъ женщинъ въ Германіи достигало полутора милліоновъ (1.521.133). Въ Англіи той же приблизительно суммѣ (1.508.406) равнялось въ 1898 г. количество исключительно фабричныхъ работницъ. Почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, почти на всякой фабрикѣ и во всякомъ промышленномъ заведеніи, начиная отъ модной мастерской и кончая рудникомъ, женщина работаетъ теперь на ряду съ мужчиной, исполняя почти всѣ тѣ же работы, какъ и онъ, кромѣ требующихъ слишкомъ большой физической силы или слишкомъ большихъ техническихъ знаній и ловкости. На конгрессъ былъ представленъ цѣлый рядъ докладовъ, характеризующихъ тяжелое положеніе женщины-работницы и намѣчающихъ способы облегченія его. Вотъ на этихъ-то практическихъ

программахъ и сказался буржуазный духъ конгресса, проявившійся, быть можетъ, совершенно невольно.

Прежде всего всѣ докладчицы обращали вниманіе конгресса на тотъ фактъ, что, исполняя одинаковыя съ мужчиной работы, женщина пользуется далеко не одинаковыми съ нимъ результатами труда. Заработокъ ея при равенствѣ всѣхъ условій почти никогда не достигаетъ высоты мужского заработка. Въ большинствѣ странъ и въ большинствѣ случаевъ средній женскій заработокъ не перевышаетъ половины мужского заработка, причемъ максимальный заработокъ женщины, работающей на фабрикѣ, за рѣдкими исключеніями достигаетъ минимальнаго заработка рабочаго той же фабрики. Вотъ напр. средній заработокъ чернорабочаго мужчины и женщины по главнымъ городамъ Германіи въ 1892 г.

	мужчина	женщина
Берлинъ.	2 м. 70	1 м. 50
Альтона.	3 » —	2 » —
Бременъ.	2 » —	1 » 10
Франкфуртъ . . .	2 » 50	1 » 80
Штеттинъ . . .	2 » 25	1 » —

Въ Дармштадтѣ типографскіе рабочіе получаютъ отъ 18—28 марокъ въ недѣлю. Женщины, исполняющія ту же самую работу и за такое же количество часовъ, зарабатываютъ отъ 6—12 марокъ. Литографскіе рабочіе получаютъ отъ 12—40 марокъ, женщины—отъ 5—11 марокъ. На позументныхъ фабрикахъ мужчина получаетъ отъ 15 до 25 марокъ, женщина отъ 4—12.

Въ Англіи разница между мужскимъ и женскимъ заработкомъ нѣсколько менѣе значительна. Средній мужской фабричный заработокъ въ большинствѣ случаевъ выше женскаго на 20%—30%. Но тамъ бываютъ случаи, когда заработная плата мужчинъ и женщинъ за равное количество работы почти сравнялась. Подобное же явленіе встрѣчается иногда и въ Германіи. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это уравненіе получается за счетъ уменьшенія мужского заработка, иногда же за счетъ увеличенія женскаго. Такъ, рудниковый рабочій въ Силезіи получаетъ значительно меньше, чѣмъ въ Вестфаліи или Пруссіи, и почти столько же, сколько работающая съ нимъ рядомъ женщина. На волокнообрабатывающихъ фабрикахъ въ Саксоніи и Силезіи мужской заработокъ также ниже средняго и почти равняется женскому. И тутъ и тамъ громадный наплывъ ищущихъ работы женщинъ, готовыхъ на какія угодно условія, лишь бы заработать хоть что нибудь, сбилъ цѣну на работу вообще, въ томъ числѣ и на мужскую. Совершенно иную картину мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи въ волокнообрабатывающей промышленности. Тамъ женскій заработокъ поднялся почти до уровня мужского. Причины этого явленія, конечно, очень сложны и усчитать ихъ всѣхъ не такъ легко. Но болѣе всего поражаетъ съ

перваго взгляда поднятіе женскаго заработка въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ женщины принимаютъ дѣятельное участіе въ рабочихъ организаціяхъ, входя на равныхъ правахъ въ мужскія или основывая свои. Такъ въ Силезіи и Саксоніи женщины почти не участвуютъ ни въ какихъ организаціяхъ, и тамъ онѣ не только не подняли своего заработка, но даже сбили мужской. Въ волокнообрабатывающей промышленности въ Англіи, напротивъ, женщины входятъ въ рабочія организаціи и тамъ ихъ заработокъ повысился почти до уровня мужского. И то же самое наблюдается всякій разъ, когда та или другая рабочая организація охватываетъ по возможности всѣхъ или по крайней мѣрѣ значительное большинство рабочихъ какого-либо производства и мужчинъ, и женщинъ. Во Франціи въ послѣдніе годы возникло нѣсколько попытокъ подобнаго рода организацій, и всѣ онѣ уже дали болѣе или менѣе значительные положительные результаты.

«Союзъ работниковъ и работницъ портняжнаго ремесла» добился нѣкотораго повышенія заработной платы для своихъ членовъ, положимъ, еще незначительнаго, на $^1/_2$ франка въ день, но и это много, если принять во вниманіе, что онъ существуетъ только съ 1899 года, т.-е. ровно годъ до того времени, къ которому относится его отчетъ. Нѣсколько старше «Синдикатъ цвѣточницъ и работницъ, выдѣлывающихъ перья». Онъ основанъ въ 1896-мъ году и уже въ 1899-мъ насчитывалъ болѣе 22.000 членовъ. Такого рода союзъ представляетъ уже довольно внушительную силу, съ которою хозяевамъ промышленныхъ заведеній волей-неволей приходится считаться. Какая-нибудь пріѣзжая изъ провинціи дѣвушка, попадавшая прежде въ полную зависимость отъ хозяина, къ которому случайно закидывала ее судьба, теперь,— вступивъ въ такую организацію, чувствуетъ за собой серьезную поддержку и уже съ своей стороны можетъ ставить тѣ или иныя условія хозяину.

Къ сожалѣнію, женщины еще съ большимъ трудомъ и далеко не вездѣ доходятъ до сознанія важности и необходимости подобнаго рода организацій. Всего выше процентъ организованныхъ работницъ по отношенію ко всѣмъ женщинамъ работницамъ въ Америкѣ. Поэтому и положеніе работницъ тамъ несравненно лучше, чѣмъ въ Европѣ, гдѣ онъ въ настоящее время еще очень низокъ. Въ Англіи изъ $1^1/_2$ милліоновъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, всего 116 тысячъ, т.-е. около 8% принадлежатъ къ разнаго рода организаціямъ. Въ Австріи процентъ организованныхъ работницъ приблизительно такой же. Въ Германіи онъ еще ниже. Изъ 664 тысячъ фабричныхъ работницъ въ 1895-мъ году всего 6.697, т.-е. 1% принимали участіе въ различныхъ организаціяхъ. Всего печальнѣе въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что это незначительное количество женщинъ, входящихъ въ разныя организаціи, не имѣетъ, повидимому, тенденціи правильно повышаться. Всѣ докладчики единогласно отмѣчаютъ

тотъ фактъ, что количество организованныхъ работницъ колеблется очень сильно, то повышаясь, то понижаясь, но въ конечномъ итогѣ не даетъ замѣтнаго увеличенія. Увеличеніе слѣдуетъ всегда непосредственно за рядомъ болѣе или менѣе крупныхъ стачекъ рабочихъ того или иного производства. Но по истеченіе нѣкотораго времени снова наступаетъ убыль, уносящая иногда и часть прежнихъ членовъ. Такъ, напримѣръ, въ Германіи послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стачекъ 1896-го года число участвующихъ въ организаціяхъ швей поднялось сразу съ 498 до 3.601. Но въ слѣдующемъ же году началась убыль, и изъ 3.600 осталось всего 788, а въ 1898 году отливъ увлекъ за собой и старыхъ членовъ, и въ организаціи осталось всего 438 человѣкъ. То же самое наблюдалось и въ волокнообрабатывающей промышленности. Въ 1896 году количество организованныхъ работницъ тамъ достигало 1.429 чел. Въ 1897-мъ оно поднялось до 3.314, а въ 1898-мъ снова пало до 1.328. Въ Англіи женскія ассоціаціи и смѣшанныя, гдѣ наряду съ мужчинами могутъ принимать участіе и женщины, ведутъ свою исторію съ начала XIX-го вѣка. И тѣмъ не менѣе составительницы обстоятельнаго доклада, представленнаго конгрессу,—м-ссъ Маргаретъ и м-ссъ Макъ-Дональдъ,—отмѣчаютъ, что «женщины, какъ члены ассоціацій приводили всегда въ отчаяніе организаторовъ, вслѣдствіе своей легкомысленной манеры присоединяться сотнями во время стачекъ и отказываться отъ всякаго участія и всякой помощи, какъ только работа входитъ въ свое обычное русло».

Конгрессъ горячо привѣтствовалъ всѣ виды рабочихъ организацій, образуемыхъ женщинами. Въ нихъ онъ видѣлъ единственный залогъ постепеннаго улучшенія положенія женщинъ работницъ, рѣшительно отвергая всякую помощь извнѣ. Совершенно справедливо,—разсуждало большинство докладчицъ,—что особенности физической организаціи и соціальной роли женщины дѣлаютъ для нея часто непосильнымъ и вреднымъ выполненіе равной съ мужчиной доли не только физическаго, а быть можетъ, и умственнаго труда, но никакія теоретическія разсужденія, никакія великодушныя рѣшенія не помѣшаютъ женщинѣ выступать на путь конкуренціи съ мужчинами, разъ ее гонитъ туда нужда. А ставъ на тотъ же самый путь, она можетъ бороться только тѣми же самыми орудіями. Она должна стремиться сравняться съ ними въ той области, гдѣ она работаетъ, и добиться признанія равныхъ правъ на равное положеніе не путемъ подачекъ извнѣ, а путемъ собственныхъ сознательныхъ и совмѣстныхъ усилій.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, конгрессъ пришелъ однако къ совершенно неправильному выводу, отнесясь отрицательно къ фабричному законодательству, поскольку оно ограждаетъ исключительно женщину. Всякаго рода ограничительные, исключительные законы, — говорили защитники женской равноправности,—могутъ только повредить

ей, съуживая поле ея дѣятельности, ограничивая свободу ея выбора, внося неравенство въ ея отношенія съ товарищами и вызывая предубѣжденіе къ ней со стороны хозяевъ. Только свобода дастъ ей возможность достигнуть равенства.

«Всякій разъ, когда посягаютъ на свободу,—патетически закончилъ свою рѣчь г. Фредерикъ Пасси,—съ какими бы добрыми намѣреніями это ни дѣлалось, поступаютъ дурно, дѣлаютъ нѣчто худшее, чѣмъ то зло, которое желаютъ исправить, наносятъ ущербъ самому святому что есть въ человѣкѣ—его волѣ, его личности, его отвѣтственности. И мужчинъ, и женщинъ желаютъ взять подъ опеку: съ насъ довольно опеки, довольно заставъ, довольно преградъ. Соединяйтесь. Соединимся. И будьте увѣрены, когда вы сможете потребовать свободы съ тою мощью, которую создаютъ соединенныя силы и соединенный умъ,—вамъ дадутъ ее, не во имя закона, а во имя выгоды и во имя правды!»

Увлеченный этими красивыми словами, конгрессъ рѣшительно возсталъ противъ всѣхъ законовъ, ограждающихъ трудъ женщины, и вотировалъ слѣдующее предложеніе:

«Принимая во вниманіе, что при современномъ положеніи общества всякій покровительственный законъ, имѣющій въ виду исключительно женщину, превращается роковымъ образомъ въ угнетающій ее законъ, конгрессъ требуетъ для нея полной свободы труда.

«И, принимая во вниманіе современное положеніе женщины въ обществѣ, требуетъ полной отмѣны всякаго закона, который, подъ предлогомъ покровительства женщинѣ, стѣсняетъ свободу ея труда».

Свобода труда—это звучитъ очень хорошо, но тамъ, гдѣ господствуетъ тяжелая необходимость, свободу можно понимать лишь въ очень относительномъ значеніи. Между рабочимъ, ищущимъ труда, и хозяиномъ, дающимъ работу, нѣтъ равенства, а потому нѣтъ и свободы въ ихъ взаимномъ договорѣ. Условіями своей организаціи и своею семейною ролью женщина-работница поставлена въ еще болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ мужчина, и поэтому законъ обязанъ ограждать ее, какъ слабѣйшую. Женщина берется за непосильныя для себя работы, губитъ свое здоровье, бросаетъ по ночамъ дѣтей не потому, что такова ея *свободная воля*, а потому, что она *не можетъ отказываться* отъ тѣхъ условій, какія ей ставитъ хозяинъ, если не хочетъ потерять работы. Когда всѣ женщины-работницы будутъ организованы въ союзы, достаточно сильные, чтобы ставить хозяевамъ условія, тогда, конечно, она не будетъ нуждаться ни въ какой исключительной охранѣ, а пока этого, къ сожалѣнію, еще нѣтъ, вмѣсто нея хозяину долженъ ставить условія законъ. Законъ долженъ запрещать употреблять женщинъ на тяжелыя и опасныя для ея здоровья работы, не допускать къ тяжелымъ работамъ беременныхъ и только что родившихъ, долженъ ограждать ее отъ всѣхъ тѣхъ гибельныхъ условій труда, въ которыя ставитъ ее не свободный выборъ, а крайняя нужда. Конечно, могутъ быть от-

дѣльные случаи, когда для женщины все-таки лучше работать хотя бы и при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, чѣмъ вовсе лишиться работы, но это исключенія, которыя ничего не говорятъ противъ общаго правила. Остальнымъ рабочимъ законы, ограждающіе трудъ женщины, не только не вредятъ, но, наоборотъ, приносятъ пользу. Опираясь на облегченія, полученныя женщинами, рабочіе требуютъ и легче достигаютъ тѣхъ же облегченій и для себя. Такъ, въ Англіи рабочій день былъ сокращенъ вообще послѣ того, какъ время работы женщинъ было ограничено закономъ. Огражденіе труда женщинъ является первымъ шагомъ на пути введенія рабочаго законодательства. И рабочіе прекрасно сознаютъ это. Они не только не противятся спеціальной охранѣ женскаго труда, но, напротивъ, сами ея требуютъ. Такъ, международный рабочій конгрессъ въ Цюрихѣ въ 1897 г. принялъ, между прочимъ, слѣдующія постановленія:

1. Интернаціональный конгрессъ въ Цюрихѣ требуетъ полной и дѣйствительной охраны труда всѣхъ работницъ въ мелкой и крупной промышленности, въ различныхъ ремеслахъ и т. д.

2. Основой этой охраны конгрессъ считаетъ восьмичасовой рабочій день (44 часа въ недѣлю) для всѣхъ работницъ и служащихъ. Работа должна кончаться въ субботу въ двѣнадцать часовъ.

3. Запрещается пускать на работу беременныхъ за восемь недѣль до родовъ и родившихъ шесть недѣль послѣ. Нѣкоторые опасные виды труда должны быть запрещены женщинамъ.

Женщины-работницы съ своей стороны вездѣ, гдѣ онѣ относятся сколько-нибудь сознательно къ своему положенію, тоже стоятъ цѣликомъ за охрану своего труда. Въ Англіи, гдѣ фабричное законодательство, ограждающее трудъ женщинъ и дѣтей, функціонируетъ уже 50 лѣтъ, результаты его вполнѣ подтвердили ожиданія его сторонниковъ. Количество женщинъ-работницъ увеличилось съ 463.600 въ 1841 году до 1.447.500 въ 1891-мъ г., т.-е. болѣе чѣмъ втрое, тогда какъ общее количество женскаго населенія возросло всего на 30%. Считать ли этотъ послѣдній фактъ положительнымъ или отрицательнымъ, во всякомъ случаѣ онъ доказываетъ, что фабричное законодательство не уменьшаетъ шансовъ женщины найти работу. Женскій заработокъ тамъ тоже значительно поднялся за послѣднія десятилѣтія.

На прямой вопросъ, предложенный м-ссъ Макъ-Дональдъ различнымъ смѣшаннымъ и чисто женскимъ рабочимъ организаціямъ Англіи, повредили ли женщинамъ ограничительные законы, отъ всѣхъ былъ полученъ отрицательный отвѣтъ. «Уменьшеніе рабочаго дня,—заявляли они,—даетъ возможность большему числу женщинъ получать работу. Въ то же время сокращеніе рабочаго дня поднимаетъ цѣнность работы женщинъ, такъ какъ онѣ исполняютъ ее лучше, когда менѣе утомляются».

Если бы на конгрессѣ присутствовали и женщины-работницы, предложеніе объ уничтоженіи всѣхъ законовъ, ограждающихъ ихъ трудъ, врядъ ли было бы принято съ такимъ единодушіемъ *).

Высказываясь такъ рѣшительно противъ исключительныхъ законовъ, имѣющихъ цѣлью огражденіе женщины, конгрессъ не возражалъ ничего противъ законовъ, ограждающихъ трудъ вообще. Напротивъ, онъ находилъ, что, поскольку фабричное законодательство имѣетъ въ виду оба пола одинаково, оно имѣетъ полное право на существованіе, и строгое соблюденіе фабричныхъ законовъ должно быть обезпечено какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Между тѣмъ, въ настоящее время законы эти, весьма несовершенные и по буквѣ, на дѣлѣ еще дальше отъ совершенства, такъ какъ не вездѣ и не въ полной мѣрѣ выполняются. И женщина въ этомъ отношеніи поставлена хуже, чѣмъ мужчина, такъ какъ фабричная инспекція, наблюдающая за исполненіемъ этихъ законовъ, въ большей части европейскихъ странъ находится почти исключительно въ рукахъ мужчинъ. Только Франція и Соединенные Штаты имѣютъ фабричныхъ инспектрисъ на ряду съ инспекторами. Въ Англіи ихъ еще очень недостаточно, въ 1898 г. правительственныхъ фабричныхъ инспектрисъ было всего семь. Въ Германіи въ томъ же году ихъ было только четыре, двѣ въ Баваріи и двѣ въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ. Въ 1900 году въ Пруссіи, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, были назначены тоже двѣ фабричныя инспектрисы, но съ меньшими правами, чѣмъ ихъ товарищи мужчины. Между тѣмъ, для фабричныхъ работницъ во многихъ случаяхъ несравненно удобнѣе имѣть дѣло съ женщинами, и при томъ хорошо знакомыми съ тѣми производствами, которыя входятъ въ районъ ихъ дѣятельности. «Синдикатъ цвѣточницъ», представившій конгрессу рядъ своихъ пожеланій, настаивалъ, между про-

*) На первомъ женскомъ конгрессѣ, проявившемъ совершенно такое же отношеніе къ женскому фабричному труду, присутствовала одна фабричная работница м-съ Гиксъ. Вотъ ея слова по этому поводу: „Здѣсь много говорили о томъ, что фабричное законодательство приноситъ работницамъ одинъ вредъ, и что онѣ возстаютъ противъ него. Я сама работница и могу сказать вамъ, леди и джентльмены, что это все неправда. Мы, работницы, доказали свое отношеніе къ фабричному законодательству во время проведенія фабричнаго закона 1895 г., когда всѣ женскіе рабочіе союзы и женская кооперативная гильдія агитировали на митингахъ въ пользу этого закона и посылали петиціи въ парламентъ... Вмѣсто того, чтобы заниматься спасеніемъ падшихъ дѣвушекъ, вы лучше помогли бы имъ добиться лучшаго экономическаго положенія, тогда эти паденія прекратятся сами собой, а однимъ изъ главныхъ средствъ этого является фабричное законодательство“. Къ сожалѣнію, эти ясныя и сильныя слова не произвели должнаго впечатлѣнія на конгрессъ и не измѣнили его отношенія къ вопросу. (См. „Міръ Божій“, 1899 г., авг., отд. II. „На женскомъ международномъ конгрессѣ“, Л. Давыдовой).

чимъ, на томъ, чтобы инспектора и инспектрисы выбирались всегда изъ числа рабочихъ или работницъ того производства, за которымъ имъ придется наблюдать. Конгрессъ вполнѣ присоединился къ этому пожеланію. Рядомъ съ этимъ конгрессъ высказался за цѣлый рядъ частныхъ мѣропріятій, могущихъ до нѣкоторой степени улучшить положеніе женщинъ-работницъ: открытіе разнаго рода техническихъ и сельскохозяйственныхъ школъ, устройство публичныхъ чтеній и т. п.

Съ особеннымъ вниманіемъ остановился конгрессъ на обсужденіи положенія громаднаго класса прислуги *) и тѣхъ улучшеній, которыя необходимо внести въ него теперь же, до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено само по существу своему фальшивое слово «прислуга». Женщинамъ, конечно, болѣе чѣмъ кому-либо слѣдуетъ задумываться надъ ненормальнымъ положеніемъ этого класса работницъ. Въ ихъ рукахъ въ большинствѣ случаевъ лежитъ возможность устранять наиболѣе грубыя нарушенія въ отношеніяхъ между хозяевами и прислугой. Г-жа Винссентъ, представившая подробный докладъ по этому вопросу, предложила конгрессу вотировать рядъ пожеланій, клонящихся къ улучшенію теперешняго положенія прислуги. По ея мысли, отношенія между хозяевами и прислугой должны бы быть точно такъ же подчинены надзору инспекціи, какъ и отношенія между рабочими и работодателями. Но большинство конгресса высказалось противъ этого, находя, что въ настоящее время эти отношенія еще не настолько твердо установлены закономъ, чтобы наблюденіе фабричной инспекціи могло быть возможно и полезно. Конгрессъ ограничился пожеланіемъ, чтобы повсемѣстно были устроены безплатныя общественныя конторы для пріисканія мѣстъ и чтобы хозяева при наймѣ прислуги точнѣе опредѣляли ея права и обязанности, предоставляли ей порядочное помѣщеніе и право на отдыхъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ.

Въ этой области конгрессъ высказалъ то же самое положеніе, что улучшенія своей участи домашняя прислуга, какъ и остальные рабочіе, должна ожидать не отъ доброй воли хозяевъ, а отъ собственныхъ сознательныхъ и совмѣстныхъ усилій. Только тамъ, гдѣ этотъ классъ съумѣлъ объединиться и отстаивать свои права, онъ добился, иного болѣе человѣческаго положенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ какъ, извѣстно домашняя прислуга поставлена совершенно иначе чѣмъ въ Европѣ. И этому она обязана исключительно самой себѣ **).

Мнѣніе это само по себѣ безусловно правильное, но не можемъ не сознаться, что оно звучитъ нѣсколько лучше въ устахъ рабочихъ,

*) Въ одномъ Парижѣ считается 104 тысячи женской прислуги.

**) Иллюстраціей можетъ служить разсказъ Тана „Авдотья и Ривка“ „Міръ Б.“ ноябрь 1902 г.

чѣмъ въ устахъ работодателей. За этимъ нежеланіемъ—теперь же оформить закономъ по существу ненормальныя отношенія—невольно чувствуется нѣкоторый страхъ затронуть привычныя, удобныя, хотя и не совсѣмъ справедливыя формы жизни. А самостоятельная организація всей прислуги—это, во всякомъ случаѣ, вопросъ отдаленнаго будущаго.

IV.

И не въ одномъ только этомъ вопросѣ женскій конгрессъ проявилъ боязнь посягать на привычныя формы. Къ сожалѣнію, она сказалась далѣе на одномъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію конгресса—на вопросѣ объ образованіи. Казалось бы, именно этотъ вопросъ женскій конгрессъ долженъ былъ и поставить, и рѣшить всего шире, такъ какъ несомнѣнно онъ лежитъ въ основѣ всего феминистскаго движенія. Безъ равенства въ образованіи какая же можетъ быть рѣчь о полной равноправности.

Дѣйствительно, во вступительной рѣчи г-жи Кергомаръ, предсѣдательницы 3-й секціи конгресса, вопросъ о женскомъ образованіи былъ поставленъ, повидимому, и правильно, и очень широко. «Вопросъ, стоящій во главѣ нашей программы,—говоритъ она,—это вопросъ о тожественномъ образованіи мужчины и женщины. Его намъ предстоитъ разрѣшить прежде всего». Профессоръ Діэцъ, преподаватель лицея Бюфонъ, дѣлавшій докладъ по этому вопросу, считалъ вполнѣ возможнымъ вести преподаваніе въ женскихъ школахъ совершенно параллельно съ мужскими и даже вводить совмѣстное обученіе. Но при обсужденіи этого доклада мнѣнія сильно раздѣлились. Возраженія раздавались и относительно возможности, и относительно пригодности для женщинъ такого же образованія, какъ для мужчинъ. Выполняя въ значительной степени иную соціальную функцію, чѣмъ мужчины, женщины должны получать и иную предварительную подготовку,—такъ говорили оппоненты. Кромѣ того, дѣвушки въ извѣстный періодъ своего развитія не могутъ такъ много заниматься, какъ мальчики. Ихъ надо щадить и ни въ какомъ случаѣ нельзя утруждать излишней умственной работой. Очень много говорилось и о томъ, что физическія упражненія, принятыя въ средне-учебныхъ заведеніяхъ для мальчиковъ, не могутъ быть одинаковы и для дѣвочекъ, какъ будто физическія упражненія составляютъ суть средней школы и какъ будто для дѣвочекъ ихъ нельзя замѣнить иными, болѣе подходящими, не нарушая образовательной программы. Послѣ долгихъ преній секція, а вслѣдъ за нею и общее собраніе конгресса приняло слѣдующее постановленіе: конгрессъ выражаетъ пожеланіе—

1. Чтобы въ начальной школѣ и преподаваніе и воспитаніе было

поставлено совершенно одинаково какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ; допускается даже полная тожественность программъ.

2. Чтобы при среднемъ образованіи дѣвочекъ главное вниманіе обращалось на развитіе личности и программы подгонялись бы къ этой цѣли при помощи необходимыхъ урѣзокъ или дополненій.

3. Чтобы всѣ высшія учебныя заведенія и всѣ конкурсные экзамены, къ которымъ подготовляетъ высшее образованіе, были доступны женщинамъ.

Съ перваго взгляда представляется, что ничего нельзя возразить противъ такой идеальной постановки воспитанія и образованія женщинъ. Общая первоначальная подготовка, потомъ развитіе личности и наконецъ высшее образованіе—чего же больше желать? Но если мы присмотримся повнимательнѣе и вскроемъ, что собственно подразумѣвается подъ «развитіемъ личности», ради котораго необходимы нѣкоторыя дополненія и урѣзки общихъ программъ, то получимъ нѣчто далеко не вполнѣ идеальное и весьма близкое къ современному положенію женскаго образованія во Франціи. Начальныя школы, кажется вездѣ, гдѣ онѣ существуютъ, не только вполнѣ одинаковы для мальчиковъ и дѣвочекъ, но даже сплошь и рядомъ смѣшанныя. То же самое конечно, и во Франціи, — въ 20.000 коммунъ тамъ школы эти смѣшанныя. Высшее образованіе, какъ извѣстно, почти все, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, вполнѣ доступно женщинамъ. А между тѣмъ во французскихъ университетахъ всего меньше можно встрѣтить француженокъ. Они какъ будто бы главнымъ образомъ открыты для иностранокъ. Почему это? Нельзя ли видѣть причину этого въ спеціальной постановкѣ средняго женскаго образованія, пріуроченнаго главнымъ образомъ къ практическимъ цѣлямъ? Оно создаетъ прекрасную хозяйку, недурную мать для дѣтей до-школьнаго возраста, но менѣе всего способно пробудить стремленіе къ болѣе широкому образованію. Оно слишкомъ хорошо помнитъ, что передъ нимъ женщина, и слишкомъ часто забываетъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ. Судя по тѣмъ возраженіямъ, которыя раздавались противъ полной общности образованія, намъ кажется, что и новый проектъ грѣшитъ совершенно тѣмъ же недостаткомъ. Подъ красивыми словами развитія личности женщины надо понимать развитіе ея спеціально женскихъ чертъ, подготовляющихъ ее къ исполненію узко женской функціи. При этомъ условіи между низшимъ и высшимъ образованіемъ останется все такая же пропасть и доступность университетовъ для женщинъ останется попрежнему болѣе на словахъ. А между тѣмъ мы имѣемъ примѣръ полнаго равенства образованія на всѣхъ его ступеняхъ въ Америкѣ, да въ значительной части и въ Россіи *). Женскія

*) Всѣ министерскія 8-ми-классныя гимназіи имѣютъ программы мужскихъ гимназій, за исключеніемъ древнихъ языковъ.

гимназіи совершенно равны тамъ по программамъ съ мужскими и онѣ оказываются нисколько не труднѣе для дѣвочекъ, чѣмъ для мальчиковъ, и нисколько не препятствуютъ развитію въ дѣвочкѣ пресловутыхъ женскихъ чертъ. Говоря такъ много о высокомъ призваніи женщины-матери, очень часто забываютъ, что женщина прекрасно умѣющая хозяйничать, прекрасно знающая уходъ за дѣтьми, обладающая идеальною женственностью, еще далеко не всегда будетъ идеальной воспитательницей своихъ дѣтей. Для этого она прежде всего должна быть въ состояніи идти въ уровень со своими дѣтьми до тѣхъ поръ, пока они перестанутъ нуждаться въ ней, умѣть отвѣтить на ихъ запросы и послѣ того, какъ они выйдутъ изъ пеленокъ, а, главное своимъ примѣромъ внушить имъ уваженіе къ труду. А такая мать должна получить не спеціально женское, а общечеловѣческое образованіе. Конечно, все это нисколько не препятствуетъ существованію разнаго рода профессіональныхъ женскихъ школъ для желающихъ, точно такъ какъ есть профессіональныя училища для мальчиковъ. Но общеобразовательная средняя школа и можетъ, и должна быть одинаковой для мальчиковъ и дѣвочекъ, чтобы одинаково открывать передъ тѣми и другими возможность высшаго образованія. До нѣкоторой степени конгрессъ почувствовалъ этотъ недостатокъ своей программы и принялъ слѣдующее дополнительное предложеніе: «Чтобы во всѣхъ государствахъ и особенно во Франціи частная иниціатива слѣдовала благому примѣру русской иниціативы въ устройствѣ частныхъ гимназій *) подготовляющихъ къ университету».

Но частныя школы это совсѣмъ иное дѣло, онѣ по необходимости должны быть дороги и вслѣдствіе этого доступны лишь для немногихъ. Среднее же общее образованіе должно быть доступно всѣмъ, чтобы ничто не мѣшало свободному выбору жизненнаго поприща. Общее образованіе не помѣшаетъ потомъ спеціализироваться ни на какой чисто женской работѣ, между тѣмъ какъ узко-женская спеціальная подготовка убиваетъ или, во всякомъ случаѣ страшно затрудняетъ возможность перехода къ какому угодно высшему общему или спеціальному образованію.

Дальнѣйшія постановленія конгресса еще болѣе вскрываютъ тотъ узко-практическій характеръ, который онъ желалъ придать женскому образованію.

---

*) Не надо забывать, что въ Россіи частныя гимназіи имѣютъ совершенно тѣ же программы и даютъ тѣ же права, какъ и казенныя министерскія. Онѣ открываются главнымъ образомъ тамъ, гдѣ не хватаетъ казенныхъ восьмикласныхъ, такъ напр., въ Петербургѣ, гдѣ только одна казенная гимназія вѣдомства министерства—Покровская (и та весьма плохо поставлена), всѣ же остальныя такъ называемыя Маріинскія, т.-е. семиклассныя. Поэтому только въ Петербургѣ является необходимость въ частныхъ гимназіяхъ.

Конгрессъ выражаетъ пожеланіе:

«Чтобы преподаваніе домашняго хозяйства и кулинарнаго искусства было введено въ программы всѣхъ нормальныхъ школъ и высшихъ классовъ первоначальныхъ школъ.

«Чтобы въ образованіи женщинъ больше мѣста было отведено женскимъ работамъ, чтобы дѣвочекъ больше поощряли къ занятію рукодѣльями.

«Обратиться для этого къ управленіямъ всѣхъ низшихъ и среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній».

Наконецъ, послѣднее постановленіе конгресса содержитъ въ себѣ квинтъ-эссенцію всѣхъ его взглядовъ на подобающее для женщины образованіе. Приводимъ его цѣликомъ:

«1. Образованіе женщины должно соотвѣтствовать ея природнымъ свойствамъ и ея назначенію. Равная мужчинѣ, но отличная отъ него, она вмѣстѣ съ особой природой имѣетъ и особую роль.

«Созданная, главнымъ образомъ, для домашней жизни, воспитательница по преимуществу, она должна тѣмъ не менѣе иногда, не выйдя замужъ, овдовѣвъ или даже въ замужествѣ содержать себя и семью.

«2. Подходящее для нея образованіе, образованіе преимущественно нравственное и практическое, должно на первой ступени носить элементарный и общій характеръ. На второй ступени оно должно быть приспособено къ средѣ и условіямъ жизни и носить, главнымъ образомъ, *профессіональный* характеръ. Въ немъ должно быть отведено большое мѣсто домашнему хозяйству, педагогикѣ, гигіенѣ, домашней медицинѣ, кулинарному искусству и женскимъ рукодѣльямъ.

«3. Что касается высшаго образованія, подготовляющаго къ занятіямъ литературой, науками, искусствами и медициной, то оно годится только для избранныхъ».

На этомъ исповѣданіи вѣры, съ которымъ даже спорить скучно, особенно въ Россіи, видна ясная печать хозяйки конгресса—Франціи. Тамъ и до сихъ поръ, несмотря на все такъ называемое феминистское движеніе, женщина-буржуазка сохраняетъ свои исконные два типа — очаровательной француженки или хозяйки-скопидомки. Впрочемъ, оба эти типа часто прекрасно сочетаются, т.-е. очаровательная хозяйка салона—у себя на кухнѣ является тоже великолѣпной хозяйкой, умѣющей, что называется, на обухѣ рожь молотить. Конечно, это счастливое сочетаніе незамѣнимое для мужа и ради него стоитъ потрудиться надъ превращеніемъ всѣхъ школъ въ кухонные университеты. Но трудно сказать, выиграютъ ли дѣти отъ всего этого торжества кухонныхъ добродѣтелей. «Можетъ ли женщина, получившая ограниченное, узкое, мелочное образованіе воспитывать свободныхъ людей?»—сказалъ пасторъ Вагнеръ на томъ же конгрессѣ. Врядъ ли выиграетъ отъ

этого и сама женщина, отъ которой все усложняющаяся жизнь требуетъ далеко не однихъ хозяйственныхъ знаній. А съ требованіями жизни ей волей неволей приходится считаться. Она должна быть такъ же вооружена, какъ мужчина, если не хочетъ всегда быть побѣжденной на аренѣ жизненной борьбы. Намъ нѣсколько странно не то, что подобныя слова могли быть сказаны во Франціи, а то, что ихъ допустили сказать представительницы другихъ странъ, тѣхъ странъ, гдѣ кухонные идеалы стоятъ не на такой уже недосягаемой высотѣ.

Быть можетъ, тутъ сказался страхъ передъ вѣчнымъ упрекомъ феминизму, что онъ стремится превратить женщину въ мужчину, лишить ее все той же женственности, упрекомъ, который до сихъ поръ можно услышать на западѣ отъ вполнѣ интеллигентныхъ мужчинъ. Кажется, опытъ послѣднихъ десятилѣтій могъ бы доказать, что превращеніе это вовсе не такъ легко совершается и что высшее образованіе не имѣетъ на него рѣшительно никакихъ поползновеній. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, какая масса женщинъ занимается теперь интеллигентнымъ трудомъ во всѣхъ странахъ даже и въ самой Франціи по даннымъ того же самаго конгресса, и едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что все это исключительныя натуры съ вытравленными искусственно женскими и материнскими инстинктами. Изъ всѣхъ женщинъ, занимающихся умственнымъ трудомъ, самый многочисленный безъ сомнѣнія классъ женщинъ-учительницъ. Этотъ видъ труда женскій конгрессъ не счелъ привилегіей избранныхъ, такъ какъ уже испоконъ вѣка принято считать женщинъ прирожденными воспитательницами. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ женщины играли замѣтную роль въ дѣлѣ общественнаго образованія во Франціи. Онѣ являются исключительно преподавательницами въ женскихъ начальныхъ школахъ и въ разнаго рода профессіональныхъ женскихъ училищахъ. Это и неудивительно, конечно, такъ какъ для преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, не говоря уже о высшихъ, требуется то широкое общее образованіе, котораго именно и недостаетъ женщинамъ во Франціи. И совершенно нелогичнымъ является требованіе конгресса, чтобы женщины были допущены къ преподаванію и въ женскихъ, и въ мужскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ на равныхъ правахъ и за равное вознагражденіе съ мужчинами. Равное положеніе, какъ много разъ говорилъ конгрессъ по другимъ поводамъ, достигается только равными правами на него. И область педагогической дѣятельности не составляетъ, конечно, исключенія. Г. Годаръ, директоръ мужской средней школы въ Монжѣ, совершенно справедливо замѣтилъ, что для мальчиковъ было бы очень полезно, чтобы наряду съ учителями у нихъ были и учительницы, точно такъ же какъ для дѣвочекъ лучше, чтобы не всѣ преподаваніе

было сосредоточено въ женскихъ рукахъ. Но для того, чтобы получить доступъ къ преподаванію тамъ, женщины безусловно должны имѣть широкую общеобразовательную подготовку. Въ Россіи женское движеніе въ этомъ отношеніи развивалось правильнѣе. Женщины прежде стали добиваться и добились одинаковаго образованія, а уже потомъ стали стремиться къ одинаковымъ правамъ преподаванія. Зато теперь въ Россіи женщины играютъ, дѣйствительно, крупную роль въ народномъ образованіи. Начальное образованіе находится главнымъ образомъ въ рукахъ женщинъ. Въ Петербургѣ изъ 435 городскихъ учителей только 19 мужчинъ, остальныя же всѣ женщины. Въ Москвѣ тоже громадный процентъ городскихъ учительницъ женщины. Въ сельскихъ школахъ то же самое. И очень часто общественныя учрежденія, отъ которыхъ зависитъ назначеніе на эти мѣста, даже предпочитаютъ женщинъ. Причина этого въ томъ, что женщины, ищущія этихъ мѣстъ, подготовлены не хуже, а лучше мужчинъ. Въ послѣднее время женщины получили доступъ и въ средне-учебныя заведенія, и это благодаря тому, что онѣ получаютъ такое же высшее образованіе, какъ мужчины. Юридическихъ правъ онѣ начинаютъ добиваться уже когда чувствуютъ за собой реальныя.

V.

Несмотря на утвержденіе конгресса, будто занятіе «медициной, науками, искусствами и литературой составляетъ удѣлъ немногихъ избранныхъ изъ числа женщинъ», количество этихъ интеллигентныхъ работницъ растетъ съ поражающей быстротой. Полвѣка тому назадъ женщины-писательницы считались единицами, женщины-ученыя составляли рѣдчайшее исключеніе, женщинъ-врачей не было совсѣмъ. Не велико было число и случайныхъ представительницъ другихъ интеллигентныхъ профессій. Результаты, достигнутые женщинами за этотъ короткій сравнительно періодъ, поистинѣ изумительны. Часто можно услышать мнѣніе, что на всѣхъ тѣхъ поприщахъ, на которыхъ работаютъ теперь женщины, онѣ не дали еще великихъ именъ, не обнаружили крупнаго творческаго генія. Быть можетъ, и дѣйствительно женщины менѣе одарены творческими способностями. Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ можетъ рѣшить только будущее, пока мы имѣемъ для него слишкомъ мало данныхъ. Великія имена и среди мужчинъ не считаются дюжинами, быть можетъ, будущее внесетъ въ ихъ списокъ и нѣсколько женскихъ. А пока мы можемъ усчитывать только ту долю полезной работы, которую вносятъ женщины въ разныя области труда, отмѣчая недюжинныя дарованія, обнаруживаемыя нѣкоторыми изъ нихъ.

Особенно великъ приливъ женскаго труда въ литературѣ. Во всѣхъ странахъ докладчики единогласно отмѣчаютъ этотъ фактъ. Правда,

въ періодической печати женщины играютъ по большей части второстепенную роль, являясь главнымъ образомъ въ качествѣ переводчицъ и компиляторшъ. Впрочемъ, и женщинъ-беллетристокъ теперь не мало. Среди нихъ почти каждая страна можетъ назвать нѣсколько довольно крупныхъ именъ. Припомнимъ хотя бы Гёмпфри Уордъ—въ Англіи, Елену Бёлау—въ Германіи, Жипъ—во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ. Г-жа Бентзонъ, сама извѣстная писательница, въ своемъ докладѣ о французской литературѣ, выражала даже мнѣніе, что въ послѣднее время замѣчается преизбытокъ женщинъ-писательницъ. Громадное большинство изъ нихъ по ея мнѣнію не только не выше, а даже ниже посредственности. Сравнивая наше время съ той эпохой, когда писали Сталь и Жоржъ Зандъ, она пришла къ выводамъ очень неблагопріятнымъ для нашей эпохи. Количественный ростъ какъ будто повелъ за собой качественный упадокъ. Докладчица проектировала даже основаніе во Франціи женскаго литературнаго общества, въ которомъ преуспѣвшія будутъ оказывать помощь начинающимъ. Главная ихъ роль будетъ заключаться въ томъ, чтобы отличать подающіе надежды таланты отъ полныхъ бездарностей, облегчать доступъ къ литературѣ первымъ и отвлекать отъ нея вторыхъ, указывая имъ по возможности иные виды труда и заработка. Само по себѣ такое общество, пожалуй, могло бы принести кому-нибудь пользу, но намъ кажется, что опасенія г-жи Бентзонъ преувеличены, и зло не такъ велико, какъ ей кажется. Бездарныя писательницы исчезаютъ также быстро, какъ появляются, принося вредъ только самимъ себѣ. Литература же нисколько не страдаетъ отъ нихъ, и если въ настоящее время въ ней нѣтъ крупныхъ женскихъ именъ, то причины этого надобно искать въ чемъ-нибудь другомъ, а никакъ не въ излишнемъ обиліи женщинъ-писательницъ.

Пластическія искусства и музыка, требующія болѣе спеціальной подготовки, чѣмъ литература, позже стали доступны для женщинъ, хотя отдѣльные сильные таланты изъ нихъ умѣли пробивать себѣ дорогу и въ тѣ времена, когда самая мысль о самостоятельномъ трудѣ не зарождалась въ умѣ женщинъ. Теперь во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ техническая подготовка къ искусствамъ широко доступна и женщинамъ. Школы живописи и ваянія, консерваторіи и драматическіе курсы вездѣ почти открыты для женщинъ, также какъ и для мужчинъ. Облегчая доступъ къ искусству болѣе или менѣе значительнымъ талантамъ, всѣ эти школы открываютъ передъ остальными и другія, вполнѣ подходящія для женщинъ профессіи. Разнаго рода иллюстрированіе, рисованіе по фарфору и атласу, выжиганіе по дереву и т. п. даютъ многимъ женщинамъ порядочный заработокъ.

Желаніе женщинъ заниматься разными видами искусства не встрѣчало вообще сколько-нибудь сильнаго сопротивленія со стороны об-

щественнаго мнѣнія. Этотъ трудъ казался большинству и подходящимъ, и доступнымъ для женщины. Другое дѣло наука. Тутъ она какъ будто одновременно и науку унижала, посягая на нее, и себя пачкала прикосновеніемъ къ ней. Возникали вопросы о томъ, въ какія отрасли науки можно позволить ей заглянуть безъ вреда все для той же ея женственности, и какія представляютъ въ этомъ отношеніи серьезную опасность. Намъ уже нѣсколько странно слышать теперь подобнаго рода сомнѣнія, но лѣтъ тридцать тому назадъ съ ними приходилось считаться. А на Западѣ, въ Германіи, напримѣръ, или во Франціи они и въ наше время не рѣдкость. Женщинъ ученыхъ тамъ, конечно, не меньше, чѣмъ въ Россіи, но съ ними широкіе слои общества почти не сталкиваются и имѣютъ о нихъ очень смутное представленіе. Тѣхъ же женщинъ, которыя и у насъ, и въ Англіи, и въ Америкѣ заставили массу убѣдиться въ пользѣ науки для женщинъ,—женщинъ-врачей тамъ еще слишкомъ мало. Въ Германіи онѣ считаются единицами, во Франціи ихъ нѣсколько десятковъ на всю страну. Конечно, это дѣло, вѣроятно, самаго близкаго будущаго. Всѣ почти европейскіе университеты и медицинскія школы широко открываютъ свои двери женщинамъ. Имъ остается побѣдить лишь остатки общественныхъ предразсудковъ. Но этому способствуетъ съ одной стороны все растущая волна феминистскаго движенія внутри этихъ странъ, а съ другой—внушительный примѣръ Англіи и Америки.

Чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое представленіе о томъ, какое важное значеніе имѣютъ теперь женщины-врачи въ Англіи, обратимъ вниманіе на одинъ только уголокъ ихъ дѣятельности, на ихъ роль въ отдаленнѣйшей колоніи Англіи—въ Индіи. Быть можетъ, нигдѣ имъ не было такъ трудно побѣдить предубѣжденіе населенія, но зато врядъ-ли гдѣ-нибудь ихъ роль была болѣе плодотворна. Общество, задавшееся цѣлью доставить индіанкамъ женскую медицинскую помощь, было основано всего въ 1894 году. До тѣхъ поръ женщины—индіанки не лѣчились совсѣмъ, такъ какъ къ мужчинѣ-врачу онѣ не обращаются ни при какихъ условіяхъ. Въ настоящее время это общество имѣетъ 12 развѣтвленій въ разныхъ провинціяхъ Индіи, распадающихся на 130 мѣстныхъ отдѣленій. Оно имѣетъ 180 больницъ для женщинъ, гдѣ больныя пользуются исключительно женскою помощью и уходомъ. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своего существованія оно израсходовало на постановку дѣла 2.300.000 рупій. Больныхъ женщинъ, пользовавшихся его услугами, было 1.377.000. Женщинъ-врачей, постоянно работающихъ тамъ, 330; 70—лекарскихъ помощницъ и 17 практикантокъ. Въ то же время при нѣкоторыхъ изъ больницъ общества учреждены высшіе медицинскіе курсы для туземокъ, на которыхъ въ 1900 году училось 292 человѣка. Во время чумы 1898 года женщины-врачи проявили особенно героическую дѣятельность,

ими была оказана помощь болѣе чѣмъ милліону туземныхъ женщинъ. Голыя цифры этого доклада говорятъ достаточно краснорѣчиво и лучше всякихъ разсужденій доказываютъ право и обязанность женщины учиться и работать на ряду съ мужчиной вездѣ, гдѣ ея помощь нужна, гдѣ ея трудъ полезенъ людямъ.

Въ области женскаго движенія, такимъ образомъ, за послѣднія десятилѣтія сдѣлано, очень и очень много. Почти всѣ отрасли человѣческой дѣятельности за исключеніемъ лишь немногихъ, доступны теперь женщинѣ. И вездѣ, гдѣ она работаетъ на ряду съ мужчиной, она проявляетъ достаточную степень способностей энергіи и предпріимчивости, она заставляетъ признавать въ себѣ человѣка. Для освѣщенія современной роли женщины въ обществѣ конгрессъ собралъ много данныхъ. Фактическая сторона его работъ представляетъ несомнѣнный интересъ. Но что касается самой постановки вопроса, его принципіальной стороны, то тутъ приходится дѣлать серьезныя оговорки. Только въ области нравственности конгрессъ сумѣлъ стать на безусловно правильную, глубоко человѣчную точку зрѣнія. Его отношеніе къ важнымъ вопросамъ образованія и женскаго фабричнаго труда показало, что тотъ феминизмъ который онъ отражаетъ въ себѣ, далеко не охватываетъ всего женскаго движенія. Громадная масса женскаго фабричнаго населенія осталась совершенно въ сторонѣ отъ него, онъ не сумѣлъ понять его существенныхъ жизненныхъ интересовъ. Женщины, работающія на поприщѣ умственнаго труда, тоже не нашли въ немъ удовлетворенія. Феминизмъ остался, какъ и былъ, по преимуществу представителемъ женщины буржуазныхъ классовъ.

Татьяна Богдановичъ.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть II.

(*Продолженіе* *).

IV

Черезъ два дня послѣ этого событія, часовъ въ одиннадцать утра, Крученіновъ получилъ отъ Людмилы тревожную записку:

«Эти два дня я мучаюсь, выбиваюсь изъ силъ... Я не могу одна, мнѣ нужна чья-нибудь помощь... Нѣтъ, не чья-нибудь, а ваша. Будьте дома сегодня въ двѣнадцать часовъ, чтобы я напрасно не ѣздила въ такую даль. Я пріѣду. Если отецъ будетъ дома, тѣмъ лучше, но это не необходимо».

Крученіновъ былъ одинъ, когда получилъ эту записку. Онъ не понималъ, въ чемъ дѣло, но догадки его больше всего склонялись къ мысли, что произошло какое-нибудь столкновеніе съ Ириной Васильевной.

Рокотовъ ушелъ съ утра и не обѣщалъ вернуться раньше, чѣмъ къ обѣду. Крученіновъ зналъ, гдѣ его искать и въ первую минуту онъ хотѣлъ послать за нимъ, но затѣмъ вдругъ ему почему-то показалось, что безъ него будетъ лучше.

Ему давно уже хотѣлось побыть вдвоемъ съ Людмилой. Они встрѣчались давно, между ними образовались какія-то очень крѣпкія нити, которыя и связывали ихъ и притягивали ихъ другъ къ другу, но всѣ ихъ сношенія ограничивались этой почвой примиренія между Рокотовымъ и Ириной Васильевной. Они все время возились, какъ онъ въ мысляхъ называлъ это, съ «чужимъ дѣломъ». Ему очень хотѣлось примирить ихъ, но не могъ же онъ настолько предаться имъ, чтобы совсѣмъ забыть о себѣ. Между тѣмъ Людмилѣ онъ могъ сказать кой-что и отъ себя и о себѣ.

И онъ рѣшилъ не посылать за Рокотовымъ, тѣмъ больше, что и Людмила въ своей запискѣ давала ему на это право. Въ промежутокъ времени между одиннадцатью и двѣнадцатью часами

---

*) См. „Міръ Божій“, № 8, августъ, 1903 г.

кой-кто забѣгалъ по дѣлу, но онъ безцеремонно спроваживалъ: ему было некогда.

Людмила немного опоздала. Только въ половинѣ перваго она вошла во флигель.

— Вы одинъ?—прежде всего спросила она.

— Да, я не послалъ за Сергѣемъ Николаевичемъ. Мнѣ почему-то подумалось, что мы безъ него обойдемся,—отвѣтилъ Крученинов и улыбнулся.—Что это васъ такъ встревожило?

— Я тоже думаю, что безъ него мы это лучше обсудимъ,— сказала Людмила, снимая верхнюю одежду въ передней.

— Пойдемте въ его кабинетъ... затопить каминъ? Сегодня подмораживаетъ...

— Да, затопите... Такъ будетъ уютнѣе.

Они пришли въ кабинетъ. Крученинов зажегъ растопку и дрова въ каминѣ затрещали. Людмила усѣлась на диванѣ.

— Такъ въ чемъ же дѣло, Людмила?—спросилъ Крученинов.

— А вы развѣ ждали отъ меня чего-нибудь оригинальнаго?— сказала Людмила.—У меня всегда одно и то же,—все мама... Когда я вернулась съ диспута, она была больна или сказалась больной, можетъ быть не желая говорить со мной объ этомъ. На другой день она встала только чтобы одѣться, а затѣмъ опять легла и пролежала цѣлый день. Вчера опять то же самое. Щеки впалыя, блѣдныя... Я пыталась заговорить съ нею, она почти не отвѣчаетъ. Вамъ не говорилъ отецъ. что между ними произошло на лѣстницѣ?

— Онъ подошелъ къ ней и протянулъ руку. Она тоже протянула ему свою.

— Она сама протянула?

— Да, но это было почти противъ воли. У нея было въ это время безумное застывшее лицо. Онъ говоритъ, что рука ея была холодна, какъ ледъ... Я думаю, что она дѣйствительно больна теперь, потому что въ тотъ моментъ пережила глубокое потрясеніе. Онъ теперь жалѣетъ, что подошелъ къ ней.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Ничего, пока она не оправится.

— А когда оправится, опять уложить ее въ постель чѣмъ-нибудь такимъ же?.. Вѣдь я не могу оставить ее такъ. Я непремѣнно заговорю о томъ... Вы понимаете, что это просто противоестественно жить намъ въ этомъ домѣ, у этого человѣка... Вѣдь это дойдетъ до того, что я не выдержу и уйду, не дождавшись ея... Это былъ бы послѣдній ударъ, котораго она не заслужила... Вы понимаете мое состояніе?

— Я думаю, что есть одно средство... но оно героическое...

— Говорите же его.

— Вѣдь собственно на чемъ основана непримиримость вашей мамы? Я понимаю такъ: на оскорбленіи величества... женскаго величества. Она отдала ему себя, она, которая пренебрегла всѣми, и онъ посмѣлъ предпочесть ее, ну, хотя бы своей идеѣ, своему дѣлу... Вашъ отецъ много говорилъ мнѣ объ этомъ... Онъ говорилъ: «видишь, Крученинов, я тогда былъ плохимъ психологомъ, а въ особенности по части женской души... Женщина, какъ это ни странно, придаетъ огромное значеніе словамъ... Если бы я тогда сказалъ ей: «о, да, ты для меня выше идеи, выше моего дѣла, но я считаю себя недостойнымъ тебя, пока не совершу чего-нибудь огромнаго... Я хочу совершить подвигъ, чтобы быть достойнымъ тебя», и, повѣрь мнѣ, Крученинов, что если бы я сказалъ это съ достаточнымъ чувствомъ, такъ какъ принято было говорить тогда, она отпустила бы меня съ довѣріемъ и терпѣливо ждала бы, пока я, совершивъ подвигъ, вернулся бы къ ней. Женщинѣ врожденъ романтизмъ, а романтизмъ весь состоитъ изъ красивыхъ и огромныхъ словъ». Да, такъ я говорю, тутъ было единственное: оскорбленіе женскаго величества. И если бы оскорбитель—я тоже выражаюсь романтическимъ языкомъ—пришелъ самъ къ ней и, признавъ свою вину, попросилъ бы прощенія...

— Но это немыслимо... при нашихъ условіяхъ. Развѣ онъ можетъ придти въ домъ Балясова?

— Можетъ. Онъ все можетъ. Онъ такъ просто и ясно смотритъ на жизнь, что для него не существуетъ никакихъ условныхъ преградъ. Но вопросъ въ томъ, сочтетъ ли онъ это нужнымъ.

— Развѣ онъ ничего не захочетъ сдѣлать для меня? Мнѣ казалось...

— О, да... Для васъ онъ многое сдѣлаетъ, потому что онъ любитъ васъ. Но, кажется, онъ не считаетъ это для васъ полезнымъ.

— Какъ? Онъ предпочитаетъ, чтобъ я оставалась въ этомъ домѣ?

— Нѣтъ... Я вамъ скажу правду. Онъ собственно хотѣлъ бы, чтобы вы ушли изъ этого дома одна... Онъ думаетъ, что Ирина Васильевна никогда не откажется отъ своихъ взглядовъ и всегда будетъ тянуть васъ назадъ.

— Да хотя бы и такъ... Пусть и такъ. Но неужели же онъ думаетъ, что я могу по какимъ бы то ни было соображеніямъ разойтись съ нею? Никогда. Скажите ему, что никогда, никогда!— воскликнула Людмила и въ ея голосѣ слышалось раздраженіе, почти гнѣвъ.—Не понимаю, какъ отецъ могъ это подумать...

— А вы не гнѣвайтесь. Вашъ отецъ человѣкъ другого времени и другого склада, чѣмъ мы съ вами. Я расхожусь съ нимъ

въ трехъ четвертяхъ нашихъ взглядовъ. И намъ съ вами еще во многомъ придется разойтись съ нимъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ преклоняться передъ его личностью...

— Значитъ, вы-то, вы этого мнѣнія съ нимъ не раздѣляете?

— Нѣтъ, если это можетъ утишить вашъ гнѣвъ...—съ улыбкой сказалъ Крученинов.

— Да, иначе я очень ошиблась бы, такъ какъ искала у васъ поддержки.

— Но вы не ошиблись, увѣряю васъ... И я буду изъ всѣхъ силъ хлопотать у Сергѣя Николаевича, чтобы онъ сдѣлалъ этотъ шагъ. Вы успокоились?

— Насколько это возможно въ моемъ мучительномъ положеніи!—отвѣтила Людмила и по голосу ея было слышно, что гнѣвъ ея прошелъ.

— Ну, вотъ и хорошо,—слегка шутливымъ тономъ сказалъ Крученинов,—а можетъ быть васъ еще больше успокоитъ, если я скажу, что я самъ заинтересованъ въ томъ, чтобы это произошло скорѣе.

Людмила подняла голову и посмотрѣла на него вопросительно.

— Вы не понимаете?—продолжалъ Крученинов:—ну, да просто... какъ вамъ сказать? Я тутъ являюсь, уже чистымъ эгоистомъ... Теперь вы съ головой погрузились въ это, а тогда, можетъ быть, и мнѣ окажете капельку вниманія.

— Вы думаете, что объяснили мнѣ что-нибудь?—промолвила Людмила, удивленіе которой возросло еще оттого, что онъ вдругъ покраснѣлъ.

— Развѣ нѣтъ? Значитъ, надо еще объяснять... Ну, какъ вы думаете, если представить, что все это уладилось такъ, какъ вы хотите и вамъ не надо уже было бы посвящать все ваше вниманіе этому дѣлу... имѣлъ ли бы я право на нѣсколько минутъ сосредоточить ваше вниманіе на себѣ?

— Вы находите, что я къ вамъ невнимательна?

— Ну, я выбиваюсь изъ силъ... Скажите, Людмила, вы искренно не понимаете меня?

— А вы зачѣмъ идете не прямо?—промолвила Людмила и очень смутила этимъ вопросомъ Крученинова.

Онъ замялся.

— Ну, какъ же прямо? Я самолюбивъ... Мало ли что могутъ отвѣтить на мою прямоту... А впрочемъ, я ловлю васъ на словѣ. Вотъ и отвѣчайте прямо.

Людмила на минуту задумалась, потомъ повернула къ нему лицо и посмотрѣла на него безъ всякаго замѣшательства.

— Я могу отвѣтить вамъ вполнѣ прямо. Мнѣ нечего таить отъ васъ. Вы вѣроятно спрашиваете о моемъ отношеніи къ вамъ?

Ну, да, я такъ поняла васъ. Но вы, конечно, не ждете отъ меня признанія въ любви... Я даже думаю, что, еслибъ я сказала вамъ: я васъ люблю, то это вовсе не было бы доказательствомъ того, что я васъ дѣйствительно люблю. Мы слишкомъ часто употребляемъ слова въ произвольномъ смыслѣ. А вотъ еслибъ я сдѣлала для васъ что-нибудь такое, что страшно дорого стоитъ мнѣ, тогда вы и сами поймете... Вѣдь правда?

— По моему, правда... Вотъ Сергѣй Николаевичъ смѣется... «Удивительно, говоритъ, вы съ Людмилой часто видитесь, оба молоды, оба привлекательны, что касается меня, то это только его мнѣніе, и ни въ одномъ изъ васъ нѣтъ настолько огня, чтобы отъ него зажегся другой. Будь это другая пара, она давно уже горѣла бы въ пожарѣ. Въ наше время, говоритъ онъ, было не до любви, намъ было что дѣлать. А вамъ дѣлать нечего, вамъ только и остается любить». Я возразилъ ему: почему вы думаете, что мы не любимъ? (я, однако, ничего не предрѣшалъ). Да потому, что не горите. Когда любятъ, горятъ, тогда пламя видно, огненные языки... А у васъ въ глазахъ я ничего не видѣлъ, кромѣ глубокаго почтенія и преданности... А я думаю... Людмила, что горѣть не штука. Дай только волю себѣ и загоришься и сгоришь... Когда есть двѣ молодости и двѣ симпатіи, такъ это вѣдь само собой предполагается... Можетъ быть, на этомъ основана любовь, но не эта любовь... Я думаю, что для любви надо искать другіе, болѣе человѣческіе источники.,. И вотъ объ нихъ-то я и хочу поразспросить васъ, когда у васъ не будетъ этой одной всепоглощающей заботы; а пока, знайте Людмила, что если вамъ отъ меня понадобится что-нибудь такое, что стоило бы мнѣ очень, очень дорого, то я этого только и ищу, чтобы сдѣлать для васъ... Ну, вотъ тамъ кто-то звонитъ...

Людмила не успѣла отвѣтить ему. Звонокъ настойчиво повторился. Уже щелкнулъ ключъ у входной двери и кто-то вошелъ.

— Можетъ быть онъ вернулся?—сказалъ Крученіновъ и вышелъ изъ кабинета.

Но это былъ не Рокотовъ. Людмила прислушалась. Въ передней раздавался женскій голосъ. Въ первый моментъ она не распознала его, но вотъ они вошли въ первую комнату, потомъ въ слѣдующую.

— Я знала, что она здѣсь... Я была увѣрена въ этомъ,—произнесъ женскій голосъ.

Людмила соскочила съ дивана. Это былъ голосъ Любочки. Что-то тревожное почуялось ей въ этомъ посѣщеніи. Любочка никогда одна не пріѣзжала сюда. Людмила быстро вышла къ нимъ.

— Что случилось?—спросила она, встрѣчая подругу полнымъ тревоги взглядомъ, но она сейчасъ же успокоилась.

Любочка звонко разсмѣялась.

— О, ничего, клянусь тебѣ всѣми моими коронными ролями! Рѣшительно ничего. Я зашла къ тебѣ, говорятъ: уѣхала и давно. Ну, гдѣ же ты можешь быть долго, если не у меня и не здѣсь? А такъ какъ ты не у меня, то значитъ здѣсь. А у меня есть многое множество пустяковъ, которые хочется разсказать тебѣ. Сегодня у меня былъ съ визитомъ господинъ Лихаревъ...

— Кто это Лихаревъ?—спросила Людмила, совсѣмъ не знавшая фамиліи новаго знакомаго Любочки.

— Какъ? Ты не знаешь? Индіецъ или индѣецъ, право не знаю какъ вѣрнѣе сказать... Онъ просто колдунъ. Знаетъ всю подноготную всякаго, кого встрѣчаетъ на улицѣ. Но когда онъ говоритъ, его нельзя не слушать, даже если не хочешь. Въ немъ есть какая-то таинственная сила.

Оказалось, что Любочка дѣйствительно пріѣхала безъ всякой важной причины. Просто хотѣлось прокатиться и найти Людмилу. Она была въ бѣломъ жакетѣ и въ бѣлой шляпкѣ, совсѣмъ по весеннему, такая веселая, радостная и пріятная. Ея появленіе сразу перемѣнило ихъ слишкомъ серьезное настроеніе, не соотвѣтствовавшее даже тому вопросу, о которомъ они говорили. Любочка болтала и смѣялась, изображала въ смѣшномъ видѣ Лихарева, открывавшаго подноготную и кончила тѣмъ, что объявила себя смертельно голодной и попросила хоть «кусокъ хлѣба».

Въ домѣ нашлись кой-какія закуски, колбаса и ветчина. И тогда всѣ вдругъ тоже захотѣли ѣсть и устроилось пиршество.

Еще съ полчаса Любочка развлекала ихъ своей милой болтовней, а затѣмъ увезла съ собою Людмилу. Крученинов, прощаясь, повторилъ, что будетъ усиленно хлопотать у Рокотова объ извѣстномъ рѣшительномъ шагѣ. Любочка была заинтригована этимъ туманнымъ сообщеніемъ и это дало ей тему для разговора на обратномъ пути.

V.

Поршневъ богатѣлъ. Съ одной стороны, ему помогало сильное покровительство Балясова, и недавно еще при помощи какихъ-то канцелярскихъ плутней онъ предоставилъ своему пріятелю такой выгодный подрядъ, который тотъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ перепродалъ съ полумилліоннымъ барышемъ. Безъ сомнѣнія, въ этихъ барышахъ хорошая доля попадала Балясову.

Съ другой стороны, Поршневу просто-таки везло. За что ни брался онъ, все въ его рукахъ мгновенно начинало процвѣтать и притомъ безъ всякаго усилія съ его стороны. Самъ онъ слиш-

комъ стремительно жилъ и слишкомъ много времени отдавалъ наслажденіямъ, чтобы исправно заниматься дѣлами.

Въ дѣловыхъ сферахъ у него составилась репутація счастливца, и если его приглашали директоромъ то въ одно, то въ другое промышленное предпріятіе, то единственно въ качествѣ «маскоты».

Но «счастливецъ» не былъ счастливъ. Онъ давно уже потерялъ вкусъ къ кутежамъ и къ женщинамъ, которыя въ нихъ участвовали, и прибѣгалъ къ тѣмъ и другимъ только ради забвенія. Съ нимъ случилось нѣчто необычайное и непонятное ему самому.

Всегда онъ былъ холоднымъ человѣкомъ, всегда былъ способенъ увлекаться только самимъ собой и преклоняться передъ своей особой. Почти до сорокалѣтняго возраста въ немъ не проявилось ни капли настоящаго темперамента. Зналъ онъ многихъ женщинъ, съ иными сходился близко, но никогда не любилъ ни одной изъ нихъ.

Женился онъ тоже по чисто дѣловымъ соображеніямъ. Казалось, этотъ человѣкъ былъ созданъ природой спеціально для того, чтобы изъ ничего сдѣлать состояніе, создавать вокругъ себя мало кому полезныя, но для него выгодныя дѣла и ворочать ими не только безстрастно, но даже безчеловѣчно.

Есть люди, которыхъ нельзя назвать ни добрыми, ни злыми. Совершая жизненный путь, они никогда не думаютъ ни о добрѣ, ни о злѣ, какъ слѣпорожденный не знаетъ разницы между чернымъ и бѣлымъ. Они слѣпые.

Поршневъ часто дѣлалъ колоссальное зло, но не потому, чтобы хотѣлъ его сдѣлать, какъ, напримѣръ, Балясовъ, которому самое зло доставляло удовольствіе, а просто потому, что это требовалось для устройства его дѣлъ, для расширенія его вліянія, для его финансовой карьеры.

Но ему случалось дѣлать добро, и не маленькое. Въ нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ онъ считался благодѣтелемъ, были даже созданныя на его средства.

Случалось, что къ нему, какъ къ богатому человѣку, обращался какой-нибудь осмѣлившійся бѣднякъ, и, если попадалъ въ счастливую минуту, когда Поршневъ ощущалъ вдохновеніе, бѣднякъ выходилъ отъ благодѣтеля богачемъ. Поршневъ считалъ ниже своего достоинства давать нищенскія подачки. Онъ помогалъ сотнями.

Но въ другую минуту ему ничего не стоило грубо оскорбить бѣдняка и спустить его съ лѣстницы.

И выполняя роль благодѣтеля, онъ дѣлалъ это не для карьеры и не для выслуги, а просто такъ, въ силу настроенія, по тому же

широкому размаху, который заставлялъ его при кутежахъ брать непремѣнно самыя дорогія вина и кушанья и швырять пригоршнями деньги женщинамъ и всякимъ румынамъ, цыганамъ и венгерцамъ.

И вотъ нежданно-негаданно съ нимъ случилась катастрофа: онъ впалъ въ любовное безуміе. Онъ влюбился въ Людмилу Модестовну и желалъ ее неотступно вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Несмотря на то, что Людмила рѣшительно ничѣмъ не отвѣчала на его исканія, надежда въ немъ не погасала. Она явно избѣгала встрѣчи съ нимъ; когда онъ являлся къ нимъ, уходила, когда же по необходимости приходилось оставаться въ его присутствіи, она и словами, и молчаніемъ выражала презрѣніе къ нему. Это его дразнило, бѣсило и въ то же время привязывало къ ней еще больше.

А съ тѣхъ поръ, какъ Ирина Васильевна отсовѣтывала ему бывать у нихъ, послѣ того, какъ Людмила при новыхъ обстоятельствахъ, казалось, совсѣмъ ускользнула отъ него, его любовь превратилась въ безуміе.

Если онъ узнавалъ, что на какомъ-нибудь вечерѣ будетъ Людмила, онъ непремѣнно появлялся тамъ и, не рѣшаясь подойти къ ней, слѣдилъ за нею издали. Если такая встрѣча долго не выпадала, онъ старался встрѣтить ее на улицѣ, хоть промелькнуть мимо нея.

Словомъ, не владѣлъ собою и велъ себя, какъ влюбленный мальчикъ. Балясовъ, который смотрѣлъ на вещи до послѣдней степени просто и совершенно вычеркивалъ изъ жизни всякую поэзію, издѣвался надъ нимъ.

— Ужъ это даже не вторая и не третья, а какая-то двѣнадцатая молодость, — говорилъ онъ, разумѣя, впрочемъ, не годы Поршнева, а ту огромную чашу наслажденій, которую онъ выпилъ.—И удивляюсь я вотъ чему: ну, положимъ, пріѣлось тебѣ грязное и захотѣлось для разнообразія чистаго: это бываетъ, что мнѣ, напримѣръ, надоѣстъ водка и я начинаю пить коньякъ... Но почему же именно та, а не эта? Почему тебя тянетъ именно къ тому, что тебѣ не дается? Вѣдь чистоты этой самой по землѣ разбросано сколько хочешь. Всѣ дѣвушки чисты до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются грязными...

Но Поршнева это не колебало.

— Ты этого не понимаешь и понять не можешь, — говорилъ онъ.—Ты родился чиновникомъ, у тебя въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть душа, все выгнило еще до твоего рожденія.

Но онъ и самъ не понималъ и даже не старался понимать, а только чувствовалъ, что его куда-то влечетъ неудержимо.

Съ разводомъ онъ уже покончилъ. Этотъ разводъ произошелъ

чрезвычайно мирно. Жена не предъявляла на него никакихъ претензій. Онъ для нея давно не существовалъ. На обезпеченіе ея онъ не скупился. И вотъ дѣло пришло къ концу.

Онъ самъ отыскалъ для своей бывшей жены огромную квартиру и великолѣпно отдѣлалъ ее, и она туда переѣхала. Онъ оставался въ своей квартирѣ одинъ.

И съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ себя въ положеніи человѣка свободнаго, имѣющаго право вновь жениться, его желаніе сдѣлалось нетерпѣливымъ и онъ больше не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Онъ написалъ Иринѣ Васильевнѣ записку, въ которой просилъ принять его во что бы то ни стало, чтобы поговорить о дѣлѣ, отъ котораго, по его словамъ, зависѣла его жизнь.

Ирина Васильевна не придала большого значенія этимъ словамъ, тѣмъ не менѣе сочла возможнымъ принять его, но предупредила объ этомъ Людмилу.

— Поршневъ настаиваетъ, чтобы я приняла его. Онъ ссылается на какое-то важное дѣло, отъ котораго зависитъ вся его жизнь. Такъ какъ онъ тебѣ непріятенъ, то ты, вѣроятно, на это время уйдешь изъ дому. Я назначила ему завтра въ два часа.

— Я уйду въ половинѣ второго! — отвѣтила Людмила.

И на другой день тотчасъ послѣ завтрака она ушла изъ дому.

Ирина Васильевна чувствовала себя слабой и разбитой. Вотъ уже около трехъ недѣль послѣ магистерской диссертаціи она никакъ не могла привести себя въ порядокъ. Нервы ея были въ конецъ разстроены, чрезмѣрная впечатлительность, заставлявшая ее вздрагивать отъ малѣйшаго шума, изнуряла ее.

Кромѣ того — и это самое худшее — явилась какая-то дряблость воли. Она не могла заставить себя выйти на улицу, пройтись и подышать свѣжимъ воздухомъ. Цѣлые дни она проводила въ своей комнатѣ, лежа на кушеткѣ. Даже въ столовую почти не выходила. Балясовъ не видалъ ее всѣ эти три недѣли и уже началъ пожимать плечами.

— Что она, больна?—спрашивалъ онъ у Антонины Петровны.

— Нѣтъ, такъ, лежитъ... Не видно, чтобы болѣзнь какая была...—отвѣчала Антонина.

«А коли такъ лежитъ, значитъ что-нибудь замышляетъ».

И Балясовъ гадалъ о томъ, что замышляетъ Ирина Васильевна. Хотя онъ во время той неудержимой вспышки злобы и сказалъ ей, что будетъ радъ, если она съ дочерью уѣдетъ отъ него и даже обѣщалъ дать на извозчика, но, въ сущности, онъ не только не желалъ этого, а даже боялся.

Въ служебной іерархіи онъ занималъ уже довольно выдающійся постъ, онъ стоялъ на такомъ возвышенномъ пунктѣ, съ котораго человѣкъ видѣнъ если не всѣмъ, то многимъ, по край-

ней мѣрѣ, въ канцелярскомъ кругу, и малѣйшій шумъ вокругъ этого человѣка слышенъ многимъ.

Кромѣ того, его нравственная репутація была не изъ завидныхъ, а въ такомъ случаѣ люди стараются устраивать около своей особы какъ можно меньше поводовъ для разговоровъ, чтобы не было крючковъ, за которые можно цѣпляться.

Несмотря на глубокую ненависть къ женѣ, которая гнѣздилась въ его душѣ и грызла его, онъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ, чтобы она покинула его. Всякому неудобству онъ предпочиталъ status quo.

Поэтому странное поведеніе Ирины Васильевны послѣдніе три недѣли тревожило его. Раньше онъ вѣрилъ въ непримиримость ея по отношенію къ Рокотову. Онъ зналъ, какъ глубоко она была оскорблена имъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и зналъ также, что женская гордость у нея была господствующимъ чувствомъ. Поэтому онъ довольно спокойно отнесся даже къ тому обстоятельству, что въ Петербургѣ появился Рокотовъ и сталъ постоянно проживать здѣсь.

Но въ этомъ году событія какъ-то сгустились, и, наконецъ, Рокотовъ, до сихъ поръ остававшійся въ тѣни, вдругъ выплылъ на поверхность и занялъ собой даже большую публику. Его диссертація, диспутъ, магистерство, все это сильно раздражало Балясова. «Съ какой стати скрывался человѣкъ около двухъ десятковъ лѣтъ и вдругъ проявился... Съ какой стати?»

Когда онъ сидѣлъ на диспутѣ, его печень усиленно производила желчь, и ему неудержимо хотѣлось или крикнуть на всю залу какое-нибудь грубое оскорбительное слово или подскочить къ каѳедрѣ и хватить кулакомъ по сѣдой головѣ этого ненавистнаго человѣка.

Ненавидѣлъ онъ Рокотова отъ всей души, и эта ненависть вытекала изъ самаго низкаго животнаго источника: онъ ненавидѣлъ человѣка, который швырнулъ ему остатки отъ своего пиршества, и—что хуже всего—онъ, Балясовъ, эти остатки принялъ съ восторгомъ. И теперь онъ явился, чтобы своимъ присутствіемъ въ городѣ напоминать ему объ этомъ позорномъ событіи въ его жизни.

Поршневъ явился въ два часа.

— Вы еще больше похудѣли, хотя это казалось уже невозможнымъ,—сказалъ онъ Иринѣ Васильевнѣ.

— Ну, это въ порядкѣ вещей, а гораздо удивительнѣе, что вы похудѣли. Кажется, къ этому у васъ никогда не было склонности,—замѣтила Ирина Васильевна.

— Многія склонности открываются внезапно, когда не вѣдаютъ ни дня, ни часа... Вы однѣ дома?

— Совершенно. По крайней мѣрѣ, изъ словесныхъ дѣйствующихъ лицъ.

— Такъ что можно передъ вами исповѣдываться?

— Съ нѣкоторою осторожностью, однако.

— Да?

Поршневъ съ любопытствомъ оглядѣлся по сторонамъ и затѣмъ со свойственнымъ ему чутьемъ понялъ.

— А, родственныя услуги,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ.— Ну, мое дѣло явное. Вы видите, оно даже написано на лицѣ.

— Все то же?

— А вы, Ирина Васильевна, кажется, лишили уже меня вашего покровительства?

Ирина Васильевна усмѣхнулась.—Вы называете это покровительствомъ? Ужъ не думаете ли вы, что я ваша доброжелательница и поклонница вашихъ добродѣтелей?

— Не думаю. Но хотѣлъ бы научить васъ вѣрить, что я, дѣйствительно способенъ сдѣлаться добродѣтельнымъ. По крайней мѣрѣ я это глубоко чувствую и для этого мнѣ недостаетъ только одного.

— Такъ думаетъ воръ всякій разъ, когда рѣшается на новую кражу. «Мнѣ не хватаетъ вотъ этого куша. Я его добуду и мнѣ не къ чему будетъ воровать и я проживу честною жизнью». Но вотъ онъ укралъ кушъ, прокутилъ его и ему нуженъ новый, и опять надо воровать, и такъ безъ конца всю жизнь...

— Пусть будетъ такъ. Васъ я не разувѣрю... Но научите же меня, что мнѣ дѣлать? Если нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ это могло назваться блажью, то теперь это сумасшествіе. Я безъ этого жить не могу.

— Но будете жить, не правда ли?—съ иронической усмѣшкой сказала Ирина Васильевна.

— Не знаю... Мнѣ кажется, что не буду... Вы вѣдь думаете, что это слова, но клянусь, я такъ чувствую. Я не могу безъ трепета вспомнить ея имя, я безумствую, если нѣсколько дней не вижу ее. Я готовъ на всякія жертвы... Скажите, какія жертвы я долженъ принести, и я принесу ихъ не задумываясь... Развѣ это еще не любовь?

— Не знаю, любовь это или нѣтъ, и думаю, что разбирать это безполезно. Пусть рѣшено, что это любовь, развѣ отъ этого ваше дѣло подвигается хоть на шагъ? Вы сами виноваты во всемъ этомъ.

— Я? Какимъ образомъ?

— Вы знали, давно знали о пріѣздѣ сюда Рокотова и мнѣ не сказали объ этомъ. Вы должны были сказать...

— Чѣмъ это помогло бы?

— О, помогло бы. Я уѣхала бы, я бѣжала бы отсюда куда-нибудь, все-равно куда, и увезла бы съ собой Людмилу... А, да? Вы этого не сообразили... Вы тогда были искреннимъ союзникомъ Модеста Петровича... Я уѣхала бы за границу, и она никогда не узнала бы о его существованіи. Вы вѣдь охотно дали бы средства на эту поѣздку... Хоть это противорѣчило бы всѣмъ моимъ взглядамъ, я взяла бы эти средства.

— Да, да... Знаете, въ моихъ ушахъ это звучитъ такъ, какъ будто вы меня похоронили и сыплете мерзлую землю надъ моей могилой,—воскликнулъ Поршневъ, съ экспрессіей ударяя себя по лбу. Далъ ли бы я средства? Да я понесъ бы васъ обѣихъ на своей спинѣ, если бы это понадобилось... Но вѣдь теперь это ужъ невозможно...

— О, теперь... Я не знаю, что теперь... Я вообще живу въ невѣдѣніи того, что произойдетъ черезъ минуту.

— Но все-таки, Ирина Васильевна, вы сами остались тѣмъ же, чѣмъ были?

— Вашего вопроса я не понимаю,—сурово нахмуривъ брови, сказала Ирина Васильевна.

— Я хочу сказать—вы не подвинулись въ ту сторону ни на шагъ?

— Я никакихъ шаговъ не дѣлала и не допускала, чтобъ ихъ дѣлали другіе,—неопредѣленно и, видимо, уклоняясь отвѣтила Ирина Васильевна и тотчасъ прибавила, почему-то даже разсердившись: —впрочемъ, оставимте меня въ покоѣ... Если я согласилась принять васъ, Владиміръ Ивановичъ, то только чтобы сказать вамъ, что я въ моемъ настоящемъ положеніи ничего для васъ сдѣлать не могу. Видите ли... мнѣ часто приходитъ въ голову это сравненіе: этимъ занимаются дѣти. Если взять камешекъ, привязать къ нему веревочку и веревочку къ пальцу и заставить камешекъ описывать кругъ. Пока камень на веревкѣ онъ все тутъ около васъ, какъ бы долго и сильно вы ни вертѣли его. Вы можете остановить движеніе, взять камень въ руки, дѣлать съ нимъ все, что хотите. Но вотъ, можетъ быть отъ слишкомъ быстраго движенія, камень нечаянно отвязался и отлетѣлъ далеко-далеко и зарылся гдѣ-то въ травѣ... Можетъ быть, вы его найдете, а можетъ быть онъ потерянъ для васъ навсегда... И если это камень драгоцѣнный или дорогой вамъ по воспоминаніямъ, то вы дѣлаетесь несчастнымъ... Поняли?..

— Я понялъ... Я вѣдь все понимаю, Ирина Васильевна; это—ваше положеніе. А мое хуже, потому что я могу сойти съ ума.

— Всякому своя боль кажется больнѣе...

— Итакъ, вы не даете мнѣ никакой надежды?—спросилъ Поршневъ, поднявшись, чтобы идти.

— Никакой...

— Но если-бъ оказалась благопріятная почва, вы не отнимаете отъ меня вашего покровительства?

Ирина Васильевна покачала головой:—я сама теперь нуждаюсь въ покровительствѣ... Я присматриваюсь и прислушиваюсь, и жду, что вотъ-вотъ придутъ ко мнѣ и скажутъ: «благодарю за все, а теперь ты мнѣ больше не нужна».

— Я ухожу отъ васъ въ отчаяніи...

Ирина Васильевна развела руками: Что дѣлать? Вы не съумѣли во-время поднять паруса, когда вѣтеръ былъ благопріятный. А теперь дуетъ въ другую сторону...

— Лучше сказать: съ другой стороны... Прощайте.

Поршневъ ушелъ, но столь безотрадныя свѣдѣнія нисколько не убили въ немъ энергію. Напротивъ, онъ почувствовалъ, что обстоятельства заставляютъ его искать какого-то рѣшительнаго, крайняго пути, о которомъ онъ еще ничего не зналъ и даже не предчувствовалъ его. Но примириться съ необходимостью у него не было силъ. Онъ былъ въ такомъ состояніи, что если бы его душу изслѣдовалъ психіатръ, то принялъ бы его за сумасшедшаго.

Точно онъ подошелъ къ краю пропасти и въ этотъ самый моментъ за спиной его выросла отвѣсная скала, и ему осталось одно: перескочить пропасть или броситься въ нее.

Поршневъ отослалъ своего кучера домой и шелъ пѣшкомъ. Вдругъ ему показалось, что кто-то, ѣдущій на извозчикѣ машетъ ему шляпой. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ Модеста Петровича. Тотъ остановилъ извозчика, соскочилъ на мостовую и побѣжалъ къ нему на панель. Видъ у него былъ необыкновенно оживленный.

— Ты развѣ не на службѣ?—спросилъ Поршневъ, такъ какъ это былъ служебный часъ.

— Да, да... Но я ѣздилъ по дѣлу... Интересная новость!—оживленно говорилъ Балясовъ:—сейчасъ встрѣтилъ одного университетскаго... Вообрази, этого-то героя... прокатили на вороныхъ...

— Какого героя? и куда прокатили?—спросилъ Поршневъ, ничего не понимая.

— Да Рокотова... Его покровитель-профессоръ пожелалъ оставить его ассистентомъ у себя... А совѣтъ, понимаешь ли, совѣтъ нашелъ, что, во-первыхъ, онъ для этого слишкомъ старъ, а есть болѣе молодые и энергичные, ну, да и способные... А во-вторыхъ, во-вторыхъ... У него темное прошлое, ха... ха... И вотъ нашъ герой остался при пиковомъ интересѣ... Синица-то, значитъ, надѣлала шуму, а море не зажгла.. ха... ха...

Балясовъ съ наслажденіемъ потиралъ руки, и голосъ его отъ времени до времени заѣзжалъ въ какія-то дискантовыя ноты, и весь онъ дышалъ злорадствомъ. Поршневъ, который въ глубинѣ души всегда былъ чуждъ его интересамъ и чувствамъ, пожалъ плечами.

— Не пойму я, почему это такъ тебя трогаетъ!—сказалъ онъ.—Развѣ тебѣ не все равно?

— Мнѣ все равно. Мнѣ рѣшительно все равно... Но, однако-жъ, все-таки... пріятно. Вѣдь онъ думалъ, что, какъ въ былыя времена, можно всѣхъ покорить фразой... Анъ нѣтъ, братъ! тутъ подавай работу... ха!.. ха!.. Да!

Балясовъ кивнулъ головой, сѣлъ въ дрожки и уѣхалъ. Поршневъ замѣтилъ, что его всего пошатывало отъ волненія. До чего глубоко засѣла въ немъ ненависть къ тому человѣку, а главное, какъ онъ самъ подавался съ каждымъ днемъ! Когда-нибудь въ минуту непосильнаго злорадства, чего добраго, его хватитъ ударъ.

Сама новость не произвела на него никакого впечатлѣнія. Ему было рѣшительно все равно, сдѣлается ли Рокотовъ ассистентомъ своего профессора или не сдѣлается, онъ былъ равнодушенъ къ Рокотову. А вотъ изъ Петербурга онъ съ наслажденіемъ убралъ бы его, этого человѣка, ставшаго ему на дорогѣ. Но гдѣ средства для этого? Если бы ему указали на средство, самое непозволительное, самое чудовищное, онъ ни на минуту не остановился бы передъ нимъ.

VI.

Пасха подарила столичнымъ жителямъ настоящую весну. Правда, впереди предстояли безконечные ледоходы, и весна должна была испортиться. Но каждый день свѣтило яркое и теплое солнце. О зимнемъ снѣгѣ, недавно еще лежавшемъ на улицахъ, не было и помину. Нѣкоторыя деревья въ садахъ поторопились выбросить почки, а обыватели смѣло нарядились въ лѣтнія платья.

Крученинов зашелъ къ Балясовымъ на четвертый день и имѣлъ видъ человѣка, пришедшаго съ праздничнымъ визитомъ. Его приняла Людмила, но все время вертѣлся здѣсь Михаилъ, который давно уже заподозрилъ между ними романъ, и ему доставляло удовольствіе всячески мѣшать имъ говорить наединѣ.

Людмила по лицу своего гостя видѣла, что у него есть что сказать ей, но не было никакой возможности отдѣлаться отъ молодого Балясова. Она не могла пригласить Крученинова въ свою комнату, потому что тогда пришлось бы пройти черезъ спальню

Ирины Васильевны. А Ирина Васильевна именно въ эти пасхальные дни страдала сплиномъ. Ей никого не хотѣлось видѣть, въ особенности Крученинов не могъ доставить ей удовольствія.

Наконецъ, Крученинов, видя безвыходность положенія, рѣшился на крайнее средство: онъ заговорилъ о погодѣ. На улицѣ такое чудное солнце. Неужели она сидитъ въ комнатѣ? Людмила тотчасъ поняла его намекъ: она любитъ солнце, но терпѣть не можетъ гулять одна, особенно теперь, когда на улицѣ много пьяныхъ, а Любочка что-то къ ней не заходитъ.

— Такъ не хотите ли прогуляться со мной?—предложилъ Крученинов.

— Если мама посмотритъ на это благосклонно,—отвѣтила Людмила и сейчасъ же пошла узнать на счетъ благосклонности Ирины Васильевны.

— У тебя осталась дѣтская привычка,—какъ-то насильно улыбаясь, сказала ей Ирина Васильевна:—ты спрашиваешься у меня гулять, все же остальное ты дѣлаешь безъ спросу.

Людмила хотѣла было возразить, но Ирина Васильевна поспѣшила заявить, что она шутитъ. Противъ прогулки съ Крученинов она ничего не имѣла.

Михаилъ какъ-то двусмысленно насвистывалъ имъ вслѣдъ, когда они уходили.

На улицѣ дѣйствительно была толпа и не мало попадалось пьяныхъ, тѣмъ не менѣе они шли пѣшкомъ.

— Я угадала, что вы хотѣли что-то сказать мнѣ?—промолвила Людмила.

— Конечно... Это легко было угадать... Важное не скроешь, оно играетъ въ глазахъ... Я уговаривалъ его... Онъ согласенъ.

— О!—вырвался у Людмилы радостный крикъ.

— Однако, есть условіе. Мнѣ стоило большихъ усилій подвинуть его на это. Знаете, Людмила, я убѣдился, что онъ, несмотря на свои сѣдины и такъ необыкновенно прожитую жизнь, совсѣмъ не знаетъ жизни и людей... Онъ чистый теоретикъ... Самъ онъ всегда дѣйствовалъ на точномъ основаніи своихъ принциповъ и думаетъ, что всѣ люди могутъ руководиться одними принципами. А о чувствахъ онъ совсѣмъ забываетъ.

— Какъ вы долго подходите къ главному,—нетерпѣливо заявила Людмила.

— А вы потерпите. Онъ говорилъ: если она, т.-е. вы, сознала, что правда не тамъ, то этого достаточно, чтобы она оставила тотъ домъ. Если же она не находитъ въ себѣ силы для этого, значитъ она еще колеблется. Я возражалъ ему, напомнилъ о вашемъ чувствѣ къ матери, о двадцатилѣтней тѣсной связи съ нею, но это не убѣдило его. Онъ указалъ на себя: у него тоже были и

годы, совмѣстно прожитые съ родными, и связи, однако же онъ, какъ только увѣровалъ въ новые принципы, сейчасъ же оставилъ и домъ и родныхъ. Да, знаете, — продолжалъ Крученіновъ, — то время, о которомъ онъ съ такимъ восторгомъ вспоминаетъ, его время было, конечно, интересное, важное, захватывающее, но въ немъ была какая-то жестокость, сухость... Принципы, принципы и принципы. За ними человѣкъ не былъ видѣнъ... Вѣдь изъ-за этого и вся ваша семейная драма вышла. Сергѣй Николаевичъ былъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ. Но онъ изъ-за своихъ принциповъ не видѣлъ и не понималъ женщины съ ея чувствомъ. Такъ дѣло, видите ли, въ чемъ: я все-таки поборолъ его.

— Ну, это опять что-то загадочное. Вообще вы сегодня какой-то неясный.

— Это потому, что вы нетерпѣливы. Я сказалъ ему: можетъ быть, все то, что вы говорите и вѣрно, но Людмила такая, какая она есть и вы должны съ этимъ считаться. Пусть это слабость, неустойчивость, по вашему, по вашему... Но иначе она не можетъ поступить и это нужно для ея счастья.

— Ты думаешь, что въ зависимости отъ этого ея счастье?— спросилъ онъ.

— Я это знаю навѣрное. Безъ этого, т.-е. безъ того, чтобы Ирина Васильевна вмѣстѣ съ нею покинула домъ Балясова, она не можетъ быть счастлива.

Онъ долго думалъ надъ этимъ, потомъ сталъ разсуждать вслухъ.

— Да, онъ дѣйствительно часто встрѣчалъ въ жизни очень хорошихъ людей съ самыми лучшими намѣреніями, изъ которыхъ ничего не выходило только потому, что они не были сильными людьми. Сильные люди очень рѣдки и мы не имѣемъ права требовать, чтобы всѣ были сильны. Ну, понимаете, ему необходимо было найти оправданіе передъ своими принципами... Вотъ, видите ли, я преклоняюсь передъ нимъ: онъ большой, величественный характеръ. Но эта черта его охлаждаетъ меня... Онъ точно наложилъ повязку на свои чувства, забинтовалъ ихъ... Ну, однимъ словомъ, въ концѣ концовъ онъ сказалъ: если это нужно для счастья Людмилы, то я сдѣлаю.

— А, значитъ, не такъ ужъ забинтовалъ онъ свои чувства!— промолвила Людмила.

— Да, открылась щелочка для васъ... Васъ онъ любитъ какъ-то по-человѣчески... Во всемъ остальномъ онъ холоденъ, какъ сталь...

— Какое же условіе?

— Условіе вполнѣ необходимое. Вы должны приготовить Ирину Васильевну къ этому визиту, иначе или она его не приметъ, или, если даже приметъ, будетъ такъ сбита съ толку, что съ нею

нельзя будетъ говорить. Онъ даже началъ хитроумничать и далъ вамъ совѣтъ. Вы назначьте день и часъ, самые удобные по вашему, и въ тотъ день, ну, скажемъ, за полчаса, начните говорить съ нею объ этомъ. Онъ придетъ, и все равно какъ бы она его ни встрѣтила, но она уже будетъ знать объ этомъ. Если даже она не захочетъ принять его, вы примете. А ужъ этотъ человѣкъ такъ настойчивъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что не уйдетъ изъ дома, не выполнивъ своего намѣренія.

— Для меня это ужасная задача,—печально сказала Людмила.

Разговоръ съ матерью, который ей поручали, пугалъ ее. Она такъ отвыкла говорить съ нею и такъ мало надѣялась на себя. Ирина Васильевна въ послѣднее время отдѣлывалась односложными словами и все какъ-то въ категорической формѣ, не допускающей возраженій. Но она разумѣется отказаться не могла.

— Когда же?—спросилъ Крученинов.

— Когда онъ хочетъ. Ну, хоть завтра въ два часа, самое удобное время. Балясовъ завтра ѣдетъ на службу, а Михаилъ, я знаю, участвуетъ въ какой-то товарищеской экскурсіи за городъ.

— Ну, вотъ и отлично. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Они уже вернулись къ квартирѣ Людмилы. Крученинов крѣпко пожалъ ея руку и ушелъ.

Людмила питала къ Крученинову самое опредѣленное чувство, не пробуждавшее въ ней никакихъ сомнѣній. Тутъ было все, изъ чего составляется любовь молодой дѣвушки къ молодому человѣку: и безконечное довѣріе, и дружба, и нѣжность. Но все это какъ бы было завалено въ душѣ ея тяжелымъ пластомъ сомнѣній и колебаній, относившихся не къ ея чувству, а къ чему-то, ему постороннему. Она чувствовала себя точно въ траурѣ, когда не идутъ на умъ отрадныя и радостныя мысли, а все хочется думать о грустномъ, когда смѣхъ и веселье вызываютъ даже какое-то чувство неловкости. Все это должно пройти, должна наступить новая пора, въ которой чуется что-то радостное и все это зависитъ отъ одного...

А Ирина Васильевна всѣмъ своимъ поведеніемъ отнимала у нея всякую надежду. Вотъ теперь предстоитъ рѣшительный шагъ. На ней лежитъ обязанность подготовить ее, но къ чему? Страшно сказать: къ тому, что она отрицаетъ всей своей жизнью, отъ чего сторонится съ ужасомъ... И отказаться отъ этого нельзя. Можетъ быть, этотъ шагъ рѣшитъ все ея будущее.

Она думала о томъ, что будетъ, если попытка Рокотова не удастся, и въ головѣ ея мелькали рѣшительныя мысли, которыя повергали ее въ ужасъ. Вѣдь жить такъ она не можетъ. Такъ неужели же она рѣшится на то, что считаетъ возможнымъ и справедливымъ ея отецъ: уйти изъ этого дома, оставивъ въ немъ

мать. Но вѣдь это значило бы: придавить ее такой тяжестью, изъ-подъ которой она, даже эта сильная женщина, не будетъ въ силахъ высвободиться... Способна ли она это? Объ этомъ лучше не думать.

Она провела ужасную ночь. Ни на одну секунду не сомкнула она глазъ, а съ утра, какъ только встала съ постели, начала мучительно слѣдить за временемъ, считая минуты и дожидаясь, когда наступитъ половина второго.

И вотъ пробилъ часъ, начался второй. Съ томительнымъ волненіемъ Людмила начала ходить по своей комнатѣ, шаги ея раздавались громко и бурно; она испытывала состояніе, какое бываетъ передъ непосильнымъ, невозможнымъ, невыполнимымъ и тѣмъ не менѣе неизбѣжнымъ дѣломъ. Нельзя отказаться, нельзя отложить, даже перемѣнить часы. Тамъ, въ другомъ концѣ города, тоже вѣдь готовятся, сбираются, можетъ быть ѣдутъ, приближаются... Она не одна въ этомъ дѣлѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ тишина и вотъ эта-то тишина приводитъ ее въ отчаяніе. Потому что самое трудное начать, произнести первое слово. Если бы что-нибудь случилось, хотя бы нелѣпое, глупое, ну, пусть упало бы что-нибудь, сломалось, разбилось... Но ничего не случается.

А шаги ея все дѣлаются чаще и громче и она этого не замѣчаетъ. Вдругъ она услышала голосъ изъ комнаты Ирины Васильевны.

— Чго ты такъ бѣгаешь тамъ, Людмила? Это такъ нужно?— спросила Ирина Васильевна и въ голосѣ ея была слышна даже ласковость, отъ которой Людмила отвыкла.

И этотъ вопросъ доставилъ ей радость. Она почувствовала, какъ будто ей, безпокойно барахтавшейся въ водѣ, бросили спасательный канатъ. И она ухватилась за него обѣими руками. Что она будетъ говорить сейчасъ, она не могла представить. Но все равно непремѣнно скажетъ то, что нужно.

— Это—настроеніе, мама... Такое настроеніе...

— Бурное?—спросила Ирина Васильевна.

— Да, бурное...

Людмила подошла къ двери и остановилась на порогѣ.

Ее охватилъ ужасъ при мысли, что̀ она скажетъ матери. Она представила себѣ лицо Ирины Васильевны послѣ того, какъ она узнаетъ, и слова не повиновались ей.

— Я знала тебя рѣшительнѣе, Людмила... Ты никогда такъ не колебалась... Я начинаю бояться, — промолвила Ирина Васильевна.

Людмилу вдругъ схватила слабость, она почувствовала себя безпомощнымъ ребенкомъ, неспособнымъ довести до конца нача-

тое дѣло. Она чувствовала, точно на нее надвигается какая-то страшная громада — обязанности—и вотъ-вотъ раздавитъ ее, и, словно прося защиты, она вдругъ придвинулась къ матери и обняла ее дрожащими руками.

— Слушай, мама, дорогая, родная...—говорила она голосомъ, въ которомъ уже дрожали слезы:—ты много дѣлала для меня, но ты дѣлала это сама, по своей волѣ, а это... Это я прошу тебя сдѣлать... Пусть это будетъ тебѣ тяжело, противно твоей душѣ, твоимъ взглядамъ, всей твоей жизни, но для меня это все... Согласись, согласись...

Ирина Васильевна, изумленная этимъ необычнымъ порывомъ, старалась успокоить ее нѣжностью, но не могла скрыть страха, который ясно былъ видѣнъ въ ея глазахъ.

— Что это? О чемъ ты? О чемъ, Людмила? Я ничего не понимаю... Что должна я сдѣлать?

Людмила не отвѣтила. Изъ столовой слышны были шаги, кажется, и въ передней былъ какой-то шумъ. Она подняла голову и насторожилась; вошла горничная, держа въ рукѣ карточку.

— Кто это?—спросила Ирина Васильевна.

Горничная подошла къ ней и подала карточку.

Ирина Васильевна прочитала, и выраженіе ее глазъ мгновенно измѣнилось.

— Это къ тебѣ, Людмила,—сказала она сухимъ и жесткимъ, какимъ-то безсердечнымъ голосомъ и стремительно поднялась съ мѣста.

— Нѣтъ, мама, это... это къ тебѣ... Это то, о чемъ я сейчасъ просила,—промолвила Людмила.—Неужели ты не сдѣлаешь этого для меня, мама?

Ирина Васильевна усмѣхнулась какой-то безжизненной улыбкой.

— Кажется, этому придаютъ слишкомъ большое значеніе,—сказала она, видимо стараясь сохранить видъ полнаго равнодушія и спокойствія:—я могу принять кого угодно и говорить съ кѣмъ угодно... Но не слѣдуетъ возлагать на это несбыточныхъ надеждъ... Попросите этого господина въ столовую, прибавила она, обращаясь къ горничной.

Горничная ушла, а Людмила встала, подошла къ матери, взяла ея голову обѣими руками и поцѣловала ее такимъ долгимъ, глубокимъ поцѣлуемъ, какого никогда еще въ жизни не получала отъ нея Ирина Васильевна, и, не промолвивъ ни слова, ушла въ свою комнату.

Ирина Васильевна осталась одна, и въ тотъ же мигъ каменное выраженіе исчезло съ ея лица, не было въ немъ ни равнодушія, ни презрѣнія, а только слабость и растерянность. Лицо ея было страшно блѣдно.

Она подошла къ зеркалу и ея собственный видъ привелъ ее въ негодованіе. Такой она не можетъ туда выйти. Она не виноватая и не покоренная, ей нечего дрожать передъ этимъ человѣкомъ.

Всю нравственную силу, какая только была въ ней, она призвала на помощь, и когда взялась за ручку двери, чтобы нажать ее, казалось, она уже владѣла всѣми своими чувствами. Когда она отворила дверь и вошла въ столовую, лицо ея было безстрастно.

Рокотовъ былъ уже здѣсь. У него далеко не былъ видъ человѣка, первый разъ посѣщающаго домъ. На немъ была сѣрая пиджачная пара, воротникъ былъ не крахмальный, въ рукахъ онъ держалъ черную, мягкую, сильно измятую шляпу.

— Вотъ это хорошо, что вы меня приняли... Здравствуйте!..— какъ-то необыкновенно просто, безъ малѣйшаго смущенія сказалъ Рокотовъ и безъ всякаго колебанія приблизился къ ней и подалъ ей руку.

Ирина Васильевна смотрѣла на него какими-то прозрачными глазами, въ которыхъ не было никакого опредѣленнаго выраженія. Она машинально подняла руку и протянула къ нему. Она смутно наблюдала его непринужденность и простоту, потому что всѣ силы своего вниманія расходовала на себя, на то, чтобы какъ-нибудь не прорвалась наружу ея слабость, которую она сейчасъ ощущала тамъ, за дверью, и не уронила ея достоинство.

— Можно сѣсть? — спросилъ Рокотовъ. — Я немного усталъ. Шелъ пѣшкомъ съ Васильевскаго Острова. Вѣдь васъ предупредили, что я приду?

— Нн... не совсѣмъ... Впрочемъ, это все равно, — сказала Ирина Васильевна, прислушиваясь къ собственному голосу. Она была недовольна имъ. Интонаціи его были неувѣренныя.

Рокотовъ сѣлъ, не дождавшись разрѣшенія. Тогда и Ирина Васильевна взяла стулъ и сѣла противъ него, по другую сторону стола.

— Какъ не совсѣмъ? А Людмила обѣщала...—промолвилъ Рокотовъ.—Ну, да это не важно... важно то, что вы меня приняли, вотъ что важно...

— Почему вы считаете это важнымъ? — спросила Ирина Васильевна и на этотъ разъ была больше довольна своими интонаціями, въ нихъ слышалась почти иронія.

— Почему я считаю это важнымъ?—молвилъ Рокотовъ:—а я думалъ, что и вы такъ считаете... вѣдь не съ визитомъ же я къ вамъ пришелъ. Я думаю, этого не требовалось.

— О, да... этого не требовалось... И вообще я не знаю, что требовалось.

Рокотовъ вдругъ рѣзкимъ движеніемъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на нее.

— А вы измѣнились,—сказалъ онъ.—Я не о внѣшности говорю. Для этого двадцать лѣтъ хорошее оправданіе; но вы прежде были прямѣе...

— Прямѣе?—переспросила Ирина Васильевна.

— Да... Вы не хотите сейчасъ быть простой, такой, какая вы есть... вы хотите зачѣмъ-то показать, что вы... ну, какъ бы это выразить... что вамъ все равно—присутствую я здѣсь или нѣтъ.. зачѣмъ это?

— Это странно, — промолвила Ирина Васильевна, пожавъ плечами: — вы, кажется, ожидали отъ меня смущенія... почему я должна быть смущена, тогда какъ для васъ это не обязательно? Вы точно зашли въ мой домъ по старой привычкѣ...

— А потому что я нападающій, а вы защищающаяся...

— А! Вы такъ это понимаете...

Рокотовъ нетерпѣливо поднялся, но остался на прежнемъ мѣстѣ.

— Да это такъ и есть... и право... бросимте всякіе счеты и будемъ говорить только о томъ, что обоимъ намъ одинаково важно... Постойте. Чтобы разъ навсегда кончить съ этимъ, я скажу то, что вамъ надо: какъ человѣкъ, я виноватъ передъ вами. По моимъ взглядамъ, я долженъ былъ сдѣлаться виноватымъ, я иначе не могъ; но все же я виноватъ. Ну, вотъ и все. Довольно съ васъ?

— Для чего довольно? Мнѣ и этого вовсе не надо, — ни на іоту не мѣняя прежняго тона, сказала Ирина Васильевна.

— А для того, чтобы вы сняли съ вашего лица эту маску, которую надѣла на него ваша повелительница — гордость. Слушайте: то, къ чему я рѣшился подвинуть васъ, я самъ считаю, ну не то чтобы безполезнымъ, но безразличнымъ... Но иначе думаетъ, а главное иначе чувствуетъ Людмила. А тамъ, гдѣ вопросъ касается ея жизни, я добровольно отказываюсь дѣйствовать по своимъ взглядамъ и чувствамъ и вполнѣ принимаю ея взгляды и чувства. Вы сейчасъ сказали: въ мой домъ. А я знаю, что вы не считаете этотъ домъ вашимъ, и это не вашъ домъ...

— Ужъ не думаете ли вы, что онъ у васъ?—уже явно саркастически произнесла Ирина Васильевна.

— Избави Богъ... я не осмѣлился бы такъ думать. Вашъ домъ—у васъ. Но даже и не въ этомъ дѣло. Важнѣе, что Людмила живетъ въ этомъ домѣ насильственно, и эта пытка ей почти невыносима.

— Пусть она уйдетъ изъ него,—жесткимъ голосомъ откликнулась Ирина Васильевна.

— Я такъ и сказалъ ей: «уйди». Но она отвѣтила: «я могу уйти только съ матерью. Я никогда не уйду безъ нея... Я съ нею связана двадцатью годами жизни ея заботъ обо мнѣ, ея любви ко мнѣ».

— Она это сказала?

— Да, съ тѣмъ безповоротнымъ убѣжденіемъ, противъ котораго безполезно спорить.

И опять Иринѣ Васильевнѣ надо было употребить страшное усиліе, чтобы не испортить маску своего лица. Это сообщеніе вызвало въ ней страшную радость, которую надо было скрыть, потому что отъ него надо скрыть все настоящее.

Въ эти послѣднія недѣли она только и дѣлала, что сомнѣвалась въ Людмилѣ. Иногда ей казалось, что всѣ нити между нею и дочерью порваны, и вотъ она узнаетъ, что нити эти крѣпки, и узнаетъ отъ него, которому не для чего лгать такимъ образомъ, да и не умѣетъ онъ лгать, она это знаетъ. И это подняло ея духъ и дало ей силы лучше владѣть собой.

Рокотовъ продолжалъ:

— Я могъ не сказать вамъ этого, но зачѣмъ намъ играть? И вы знаете, что я этого не умѣю... Я пришелъ только ходатайствовать за нее. Она имѣетъ право жить и искать для себя счастья, а здѣсь это невозможно, она здѣсь задыхается... И вы и я прожили уже главную часть своей жизни. То, что осталось, не стоитъ серьезнаго вниманія. Такъ или иначе, тамъ или здѣсь, не все ли равно? Ни большой пользы, ни большого вреда мы уже не сдѣлаемъ. А ей все еще улыбается, ее манитъ жизнь, ей нужна воля для развитія ея человѣческой личности, она имѣетъ на это право. Неужели справедливо ей томиться потому, что я когда-то былъ передъ вами виноватъ или даже—по вашей версіи—оскорбилъ васъ? Ну, если это нужно, будемъ считаться и сосчитаемся, кстати у насъ теперь у обоихъ достаточно свободнаго времени... но при этихъ счетахъ она не должна ничего потерять... Неужели вы не согласны со мною?

— Вы меня извините,—отвѣтила Ирина Васильевна съ глубоко безстрастнымъ лицомъ:—вы хотѣли что что-то высказать мнѣ, я и предоставила вамъ это; увѣряю васъ, что я слушала васъ внимательно. Но я не чувствовала никакой потребности высказываться передъ вами, и вашъ приходъ нисколько не измѣнилъ этого. Если вы хотите еще говорить, я буду слушать...

Рокотовъ взглянулъ на нее и покачалъ головой.

— Эхъ, эхъ... Ирина Васильевна... Все никакъ не можете вы возвыситься надъ личными счетами, все боитесь вы, чтобы я не приписалъ себѣ какое-нибудь вліяніе на ваши дѣйствія и не возгордился... Изъ-за этого вы не видите другой живой души, кото-

рая томится... Ну, значитъ, приходится надѣяться на время...— произнесъ онъ и, выйдя изъ-за стола, подошелъ къ Иринѣ Васильевнѣ.—Я прощаюсь,—сказалъ онъ.

Въ это время въ передней раздался сильный увѣренный звонокъ, повторившійся подрядъ три раза и вдругъ на лицѣ Ирины Васильевны появилось выраженіе смятенія, глаза ея какъ-то заметались. Такимъ образомъ звонилъ только Модестъ Петровичъ.

Въ это же время на порогѣ появилась Людмила со встревоженнымъ лицомъ. Рокотовъ смотрѣлъ на обѣихъ и въ первое мгновеніе недоумѣвалъ, но очень быстро понялъ. Всѣ трое стояли, но никто не произнесъ ни слова.

Между тѣмъ въ передней кто-то торопливо раздѣвался и оттуда слышался чей-то шопотъ. Недаромъ Антонина Петровна сама побѣжала отпирать дверь. Прошло всего нѣсколько секундъ и уже въ гостиной раздавались шаги, направлявшіеся къ полуотворенной двери столовой.

Модестъ Петровичъ, по случаю еще продолжавшихся праздниковъ вернулся со службы раньше. Антонина, когда пришелъ Рокотовъ, почувствовала въ немъ «что-то подозрительное» и тотчасъ же заняла свой постъ за дверью, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ. Шопотъ въ передней былъ ея быстрымъ сжатымъ докладомъ.

Получивъ свѣдѣнія отъ сестры, Балясовъ собственно хотѣлъ выразить презрѣніе и направиться прямо въ свой кабинетъ, но какая-то непреодолимая сила направила его шаги въ столовую. Очевидно, въ немъ взяло верхъ любопытство. Онъ никакъ не могъ представить себѣ Ирину Васильевну, принимающую Рокотова послѣ двадцатилѣтней разлуки.

И вотъ онъ появился на порогѣ съ своимъ круглымъ лицомъ, на которомъ жалкими кустиками росли жидкіе волосы, съ обрюзглыми одутловатыми щеками рыхлаго нездороваго цвѣта, съ опухшими вѣками и замѣтнымъ брюшкомъ.

— Ахъ, извините!—сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу тонъ насмѣшливаго пренебреженія:—я не зналъ, что у васъ гости... Ба...—прибавилъ онъ, сильно ломаясь,—да, это господинъ... господинъ... вотъ фамилію-то и не припомню.

Рокотовъ стоялъ, повернувшись спиной къ окну, держа въ рукахъ свою шляпу и смотрѣлъ на него скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ враждой. Балясова онъ ни разу не видалъ въ Петербургѣ и, значитъ, съ самыхъ студенческихъ временъ. Встрѣтившись на улицѣ, онъ, можетъ быть, остановился бы и долго глядѣлъ бы ему вслѣдъ, смутно припоминая что-то знакомое, но не узналъ бы его; но теперь онъ его призналъ и былъ пораженъ тѣмъ, до какой степени извѣстнаго рода жизнь можетъ испортить

человѣческое лицо и какъ мало походило это рыхлое, опухшее, обезкровленное лицо на то молодое, цвѣтущее и сильное, какое было у Балясова въ тѣ времена.

Людмила стояла на своемъ мѣстѣ съ видомъ человѣка, готоваго каждую минуту совершить что-то неожиданное. Всѣ мускулы ея лица были напряжены, брови сдвинуты, глаза ея горѣли.

Только у Ирины Васильевны лицо было холодное и замкнутое. Она и отвѣтила Балясову сдержанно, однотонно и съ виду спокойно:

— Вамъ надо уйти къ себѣ, Модестъ Петровичъ.

— А мнѣ кажется, что я и такъ у себя... Правда, квартира казенная, но она мнѣ полагается по должности!—отвѣтилъ Балясовъ.

Онъ видимо старался шутить, но при той обстановкѣ шутка его выходила жалкой и его дряблый осипшій теноръ звучалъ какъ-то противно.

— Это вѣрно,—сказала Ирина Васильевна.—Но имѣю же я право принимать въ этой квартирѣ своихъ... знакомыхъ и требовать, чтобы въ это время ко мнѣ никто не врывался.

— Тогда зачѣмъ же въ столовой?—настойчиво продолжалъ паясничать Балясовъ:—въ столовой я могу захотѣть чай пить... Мало ли что! Пригласите вашего знакомаго въ вашу спальню и запритесь на ключъ и можете дѣлать тамъ съ нимъ, что вамъ нравится...

И говоря это, Балясовъ уже вздрагивалъ, и голосъ его срывался: въ послѣднее время онъ часто и внезапно впадалъ въ раздраженіе, его было легко заставить выйти изъ себя.

Рокотовъ все молчалъ, а Ирина Васильевна, не подымая тона и выдерживая прежнее холодное спокойствіе въ лицѣ, отвѣтила:

— Даже въ своемъ домѣ не слѣдуетъ доходить до пошлости... А вы это дѣлаете...

Это замѣчаніе привело Балясова въ бурное раздраженіе. Онъ весь какъ-то запрыгалъ на мѣстѣ, затопалъ ногами и вообще сталъ дѣлать несообразныя движенія. На его дрожащихъ губахъ появилась слюна. Онъ не говорилъ, а выкрикивалъ.

— Я не хочу этого ничего слышать... и этого вашего гостя я не желаю видѣть... разныхъ проходимцевъ въ мой домъ я не хочу впускать... я не желаю... я позову дворниковъ... въ шею, съ лѣстницы этихъ фальшивыхъ ученыхъ, непризнанныхъ ассистентовъ! Вонъ его, вонъ...

Тогда Рокотовъ сдѣлалъ два крупныхъ шага и, приблизившись къ нему, положилъ свою тяжелую руку на его плечо и, схвативъ ею верхнюю часть его руки, крѣпко сжалъ ею и надавилъ книзу. Балясовъ согнулъ колѣни и слегка присѣлъ. Совершенно огоро-

шенный этимъ неожиданнымъ пріемомъ, онъ вдругъ замолкъ, какъ-то съежился и присмирѣлъ. Его злоба мгновенно превратилась въ трусость.

— Что же это? Что же это такое?—залепеталъ онъ скороговоркой.—Это же невозможно... Это насиліе... разбой...

— Другого средства для такихъ случаевъ я не знаю, а прекратить это необходимо!—резоннымъ тономъ сказалъ Рокотовъ и снялъ свою руку съ его плеча, какъ бы удовольствовавшись тѣмъ, что показалъ ему, что́ онъ можетъ съ нимъ сдѣлать.

— Чортъ знаетъ... чортъ знаетъ, что такое...—трусливо воскликнулъ Балясовъ,—это, дѣйствительно, нужно позвать дворниковъ.

Тѣмъ не менѣе онъ счелъ за лучшее больше не продолжать эту глупую сцену и почти побѣжалъ черезъ гостиную въ свой кабинетъ. Онъ съ шумомъ отворилъ тамъ дверь и съ трескомъ захлопнулъ ее за собой.

Съ минуту въ столовой было глубокое молчаніе. Всѣмъ было стыдно за впечатлѣніе, произведенное поведеніемъ не кстати явившагося человѣка; всѣ это переживали.

Рокотовъ вдругъ круто нарушилъ молчаніе.

— Я все же представлялъ его себѣ привлекательнѣе,—сказалъ онъ и затѣмъ подошелъ къ Иринѣ Васильевнѣ и прибавилъ:—должно быть, страшно сильна ваша оскорбленная гордость, когда вы принесли для нея такую жертву, Ирина Васильевна. Прощайте.—Онъ протянулъ ей руку.—Остальное вы безъ меня ужъ додумаете... Вотъ, Людмила,—добавилъ онъ, обращаясь къ дочери:—я сегодня принесъ твоей матери повинную, какъ ты хотѣла. Если ты думаешь, что я могу сдѣлать что-нибудь большее, то скажи, я сдѣлаю. До свиданія...

Онъ подошелъ къ ней близко и поцѣловалъ ее въ лобъ, потомъ повернулся и вышелъ. Ирина Васильевна не промолвила ни слова, а Людмила пошла за нимъ въ переднюю.

Тамъ уже вертѣлась Антонина, которая очевидно была свидѣтельницей всего и хотѣла знать, чѣмъ это кончится.

Людмила помогла Рокотову надѣть пальто и сама отворила передъ нимъ дверь.

— Приходи къ намъ, да поскорѣе!—сказалъ онъ и ушелъ.

Когда Людмила вернулась въ столовую, тамъ уже не было Ирины Васильевны. Она прошла въ спальню и увидѣла ее стоящей у окна, прислонивъ голову къ самому стеклу.

— Мама,—тихо произнесла Людмила.

Ирина Васильевна вдругъ обернулась къ ней. Лицо ея было чрезвычайно блѣдно, глаза пылали, плечи были высоко приподняты.

— Зачѣмъ ты сдѣлала это? Зачѣмъ заставила меня вынести

это послѣднее униженіе? Зачѣмъ?—произнесла Ирина Васильевна, съ видомъ отчаянія ломая руки.

— Униженіе? Какое же, мама? Онъ пришелъ къ тебѣ, чтобы признать свою вину...

— Ахъ, не то, не то...—говорила Ирина Васильевна какимъ-то надорваннымъ голосомъ:—повѣрь, это мнѣ все равно, признаетъ онъ или не признаетъ; я вѣдь знаю, что это слова, что въ душѣ онъ считаетъ себя непогрѣшимымъ и безгрѣшнымъ. Но эта сцена, пойми ты... Вѣдь онъ видѣлъ насъ обѣихъ въ ямѣ, въ самой глубинѣ этой гнойной ямы... Онъ не долженъ былъ видѣть этого... Никому нѣтъ дѣла до нашихъ мукъ... А ему меньше всякаго другого. Да, да... не качай головой... я знаю, что ты отъ него безъ ума... О! онъ всегда умѣлъ какими-то чарами приковывать къ себѣ людей... Но онъ сухъ и черствъ, какъ эта рама... Онъ гордъ, своими принципами, ради которыхъ способенъ распять человѣка на крестѣ. Ты думаешь, что онъ для тебя что-нибудь сдѣлаетъ? Я, только я одна сдѣлаю для тебя то, въ чемъ ты нуждаешься.,. Я одна, слышишь ли... одна во всемъ свѣтѣ... Что нужно тебѣ? Мою жизнь? Я должна умереть? Хорошо, я умру... Или нѣтъ, хуже: я должна унизиться передъ нимъ, пасть во прахъ, покориться... хорошо, хорошо, я и это сдѣлаю, но только сперва докажи мнѣ, что ты будешь счастлива отъ этого.

— Мама, успокойся,—промолвила Людмила, видя ея чрезвычайное волненіе:—успокойся, я не потребую отъ тебя ничего страшнаго; ты хочешь задыхаться здѣсь, въ этомъ домѣ, вѣдь я же знаю, что ты задыхаешься... Ну, и я съ тобой задохнусь. Что бы ни было, я съ тобой... Ну, довольно тебѣ?

— О, этого мнѣ слишкомъ довольно!—воскликнула Ирина Васильевна и, взявъ ее за обѣ руки, повела къ дивану и усадила, а сама сѣла рядомъ съ ней и обняла ее одной рукой. Въ ея лицѣ какъ будто появилось выраженіе какого-то умиротворенія и голосъ сталъ звучать мягче. Чувствовалось, что отъ ея души отлегла волна, только что грозившая захлестнуть ее.

— Слушай, дѣвочка моя любимая... Я много уже потеряла въ тебѣ... Можетъ быть, бо́льшую долю, но сегодня я тебя вернула всю... Развѣ не такъ? Если безъ меня ты не сдѣлаешь этого шага, то значитъ это такъ... Ты сказала: задохнешься со мной. О, нѣтъ, дѣтка, задохнуться я тебѣ не дамъ... Я только хочу спасти тебя отъ того пути, на которомъ гибнетъ женщина, гибнетъ ея человѣческая личность... Ты видишь, какой онъ человѣкъ, не бойся, не бойся... Я не буду говорить о немъ дурно... Нѣтъ, я говорю: вотъ я женщина... среди женщинъ я сильная. Кто противъ этого будетъ спорить? Я выдержала такія двадцать лѣтъ, какія не многія женщины выдержатъ. И что же? Слушай, Люд-

мила, потому что это признаніе... И что же? Стоило ему только придти, чтобы подо мной заколыхалась почва, та почва, которую я дьявольскимъ терпѣніемъ, невѣроятной выдержкой и отказомъ отъ всѣхъ благъ, отъ личнаго чувства, отъ счастья, отъ жизни, настилала и утаптывала въ теченіе двадцати лѣтъ... Да, мой другъ, женщинѣ стоитъ только одинъ разъ полюбить всѣмъ своимъ существомъ, чтобы потомъ во всю жизнь, что бы ни случилось, какъ бы ни оскорбили ее, каждое ея дыханіе зависѣло отъ этого чувства... А, да... мы умѣемъ владѣть собой, прикидываться равнодушными, разыгрывать гордость, а на самомъ дѣлѣ мы, тѣ, которыя однажды по настоящему полюбили—побѣждены разъ навсегда и закованы въ цѣпи... Мнѣ сорокъ два года, Людмила, а если бы я не сопротивлялась самой себѣ, а дѣйствовала по тому побужденію, которое я всѣми силами стараюсь задавить въ себѣ, знаешь ли ты, я пошла бы за нимъ по первому его слову и была бы его покорной рабой.

— Мама,—воскликнула Людмила, и въ голосѣ ея слышалась радость.

— Постой... Чему ты радуешься?.. Ты думаешь, что это было бы для меня счастье? Никогда, оно невозможно. Слишкомъ поздно это для него и слишкомъ сильный у него врагъ—та незабываемая обида, которую нанесъ онъ мнѣ.

— Онъ призналъ свою вину...

— Нѣтъ, онъ не призналъ ее... Онъ только сказалъ, что признаетъ и это для тебя. Я все понимаю, да и не въ этомъ дѣло. Пусть бы онъ и не сказалъ этого... Это ничего не прибавило, потому что мой врагъ не онъ, а я сама; не его я боюсь, а себя самой... Пойми... Ты пойми, о чемъ я хлопочу: не о себѣ. Мое уже прошло. Ну, пусть даже я пошла бы туда, куда меня поведетъ старое чувство, пусть я покорилась бы и моя личность погибла бы... Но ты... Мнѣ больно, что тебя я, несмотря на всѣ старанія и жертвы, не защитила отъ той страшной ошибки, которую сдѣлала сама. Боюсь, боюсь, Людмила, что теперь уже совсѣмъ поздно. Боюсь, что ты уже полюбила.

— Да, мама...—чрезвычайно вдумчиво и убѣжденно отвѣтила Людмила:—я еще никому не признавалась въ этомъ, даже ему... Тебѣ признаюсь: я полюбила.

— А... вотъ чего я не могу простить себѣ... Вела я тебя къ одной цѣли, а пришла ты совсѣмъ къ другой..

— Съ этимъ нельзя спорить... Ты знаешь это по себѣ...

— Да, и потому-то я боролась, всѣми силами боролась... Людмила, право, еще не поздно, отойди отъ этого. Заглуши въ себѣ это проклятое чувство, которое создано для нашего рабства... Не люби, когда ты можешь презирать. Не покорствуй, когда ты мо-

жешь повелѣвать... Мужчина, котораго любитъ женщина, онъ идетъ къ своей цѣли, и она за нимъ; если же та цѣль ей противна, онъ все-таки пойдетъ, а она или должна слѣдовать за нимъ противъ себя, или останется на полпути... и тогда она ничто, потому что лучшую часть ея души онъ унесетъ съ собой... Поршневъ съ ума сходитъ по тебѣ...

— Оставь, мама, не говори о немъ,—нервно и рѣзко перебила ее Людмила.

— Нѣтъ, буду говорить... буду. Я не могу такъ легко уступить въ этомъ вопросѣ, я слишкомъ много страдала надъ этимъ... Ты думаешь, я не содрогалась при мысли о томъ, что ты, чистая душой и тѣломъ, можешь быть близка съ этимъ развратнымъ загрязненнымъ человѣкомъ? Я все пережила въ себѣ... И это, и отвращеніе къ его деньгамъ, нажитымъ всѣми нечистыми дѣлами, все, все... и я все-таки толкала тебя на это. Ради моей цѣли толкала, а моя цѣль—свобода твоей личности. Ты будешь всегда выше его, ты никогда не полюбишь его, не привяжешься и, значитъ, не упадешь, не унизишься; ты будешь свободна, ты будешь царствовать... Ты перешагнешь черезъ этотъ проклятый законъ, навязанный природой женщинѣ быть нравственной рабой мужчины—рабой, несмотря на отчаянную борьбу, какую столько лѣтъ уже ведетъ женщина, несмотря на энергію, упорство, каторжные труды и лишенія... О, если бы онѣ захотѣли услышать меня, я крикнула бы имъ, на весь міръ крикнула бы: напрасны ваши усилія! До тѣхъ поръ, пока вы будете любить, отдавая мужчинѣ лучшую часть своей души, вы будете рабами. И только тогда вы станете свободными и будете даже повелѣвать, когда научитесь презирать...

Вдругъ она слегка пошатнулась и склонила голову на подушку.

— Что съ тобой, мама?—тревожно спросила Людмила.

— Нѣтъ, ничего, мой другъ, какъ-то вдругъ ослабѣвшимъ голосомъ отвѣтила Ирина Васильевна.—Я просто слишкомъ утомлена. Все это меня потрясло... Иди себѣ, оставь меня одну... Поди на улицу, подыши свѣжимъ воздухомъ, освѣжись... подумай еще много, много и, когда дойдешь до безповоротнаго, когда ни одной капли сомнѣнія не будетъ, тогда скажи мнѣ... Мы поступимъ такъ, чтобы тебѣ не задохнуться...

Людмила нагнулась къ ней и поцѣловала ее въ голову.—Будь спокойна, мама, будь спокойна... Я никогда, никогда съ тобой не разстанусь...—съ какимъ-то глубокимъ мистическимъ убѣжденіемъ сказала Людмила.

Ирина Васильевна тихо прижала ея голову къ своему лицу и отпустила.

VII.

Прошло еще нѣсколько дней страннаго состоянія нерѣшительности, въ которое впала Ирина Васильевна послѣ свиданія съ Рокотовымъ. Если до этого въ ея настроеніи преобладали вялость и подавленность, то теперь во всѣхъ ея дѣйствіяхъ сквозила какая-то тревожность.

Ей не сидѣлось на мѣстѣ, ее все тянуло изъ дому, и она выѣзжала, но если бы кто-нибудь въ эти дни слѣдилъ за всѣми ея поѣздками и прогулками, то заподозрилъ бы тутъ что-то нездоровое: она брала извозчика куда-нибудь на набережную, пріѣзжала туда и начинала энергично шагать по панели или просто пѣшкомъ проходила весь Невскій и возвращалась домой. Но, придя домой, она не могла оставаться тамъ больше четверти часа, опять ее влекло на улицу.

Это безпокойное состояніе утомляло ее, вечеромъ она была уже безъ ногъ, падала въ постель не раздѣваясь и засыпала тяжелымъ сномъ. Поздно ночью она просыпалась, чтобы раздѣться, снова ложилась, но уже не могла заснуть.

Людмила тревожилась и однажды спросила ее.—Что это тебя такъ безпокоитъ? Ты вѣчно въ движеніи...

Ирина Васильевна улыбнулась.—Это ничего... Это у меня всегда бываетъ, когда въ головѣ бродятъ важныя мысли.

— Этого никогда съ тобой не было.

— Потому что не было важныхъ мыслей, мой другъ. А ты? Ты думала?

— Мнѣ думать нечего... Я—такъ, какъ сказала тебѣ...

Ирина Васильевна на это не отозвалась.

Однажды она, вставъ рано съ постели, послѣ безсонной ночи, накинула капотъ и сѣла у письменнаго стола. Она взяла бумагу и безъ колебаній написала четкимъ, опредѣленнымъ, яснымъ почеркомъ.

«Я хочу сегодня говорить съ вами и для этого быть у васъ, и непремѣнно сегодня, и непремѣнно наединѣ. Назначьте мнѣ часъ, и я пріѣду. Ирина...»

Она подписала это имя и остановилась. Рука ея машинально расчеркнулась было, чтобы написать фамилію, но она этого не сдѣлала сразу. Съ минуту она подумала, опять взяла перо и еще болѣе твердымъ почеркомъ приписала: «Балясова».

Затѣмъ она запечатала письмо и надписала на конвертѣ адресъ Рокотова. Послѣ этого она одѣлась, вышла на улицу, отдала письмо посыльному и сейчасъ же вернулась.

Съ этой минуты она какъ-то вдругъ успокоилась. Съ лица ея

исчезло выраженіе тревожности, и въ глазахъ явились ясность и миръ.

Скоро встала Людмила, онѣ вмѣстѣ пили кофе, и Людмила съ нѣкоторымъ удивленіемъ увидѣла, что мать никуда не собирается изъ дому. А еще больше удивила ее Ирина Васильевна, когда взяла книгу, усѣлась въ кресло и начала читать, и читала часа полтора безъ перерыва.

Раздался звонокъ, посыльный принесъ письмо, которое передала ей горничная. Людмила выглянула изъ своей комнаты и спросила:

— Отъ кого письмо?

Ирина Васильевна мелькомъ взглянула на нее и сказала:

— Это... дѣловое.

И начала неторопливо распечатывать письмо. Въ содержаніи его она была увѣрена, ей не могли отказать. Вопросъ былъ только въ томъ, въ какихъ выраженіяхъ ее пригласятъ.

О, да, конечно, иначе и не могло быть: въ самыхъ вѣжливыхъ, но зато и въ самыхъ сухихъ.

«Буду очень радъ видѣть васъ и говорить съ вами. Въ двѣнадцать часовъ я дома, и до четырехъ у меня никого не будетъ Жду васъ въ эти часы. Рокотовъ».

Ирина Васильевна спрятала письмо въ карманъ, отложила книгу и медленно поднялась. Шелъ двѣнадцатый часъ. Она начала переодѣваться для выхода на улицу.

Опять выглянула изъ своей комнаты Людмила. Въ глазахъ ея явно сквозило подозрѣніе. Она знала, что у Ирины Васильевны не было никакихъ дѣлъ и уже поэтому одному «дѣловое письмо» представлялось ей чѣмъ-то необыкновеннымъ. Но на этотъ разъ она ничего не спросила. Она не хотѣла быть навязчивой.

Ирина Васильевна одѣлась и вышла, не сказавъ ей ни слова, она только молча цѣловала ее въ щеку.

Людмила начала гадать: куда она могла уйти послѣ «дѣлового письма»? И вдругъ увидѣла на полу около кресла нѣсколько обрывковъ отъ конверта. Она подняла ихъ. Тамъ было два слова изъ адреса, и когда Людмила разглядѣла ихъ, кровь ударила ей въ голову. Она узнала почеркъ Рокотова.

Итакъ, сегодня совершается что-то необыкновенно важное. Между ними была переписка. Можетъ быть, онъ позвалъ ее къ себѣ, и она согласилась поѣхать. Ей представлялось это почти невѣроятнымъ. Но когда она припоминала поведеніе Ирины Васильевны въ эти послѣдніе дни и сличала его съ сегодняшнимъ спокойствіемъ, она начинала допускать все.

Да, именно сегодня долженъ былъ произойти у нея какой-то

кризисъ, должно было случиться что-то такое, что прекратило ея безумную тревогу. Она думала объ этомъ и никакъ не могла остановиться на какой-нибудь мысли.

Въ это время она услышала въ передней говоръ. Быстро вошла горничная и сказала ей, что ее спрашиваетъ какой-то господинъ, который ждетъ ее на улицѣ.

Она ни одной секунды не колебалась, сейчасъ же пошла въ переднюю, надѣла осеннюю кофточку и шляпу. Въ передней уже присутствовала Антонина Петровна и во всѣ глаза смотрѣла на нее, но Людмила не обратила на это вниманія. Черезъ полминуты она уже сбѣгала по лѣстницѣ внизъ.

На улицѣ, у самаго подъѣзда ждалъ ее Крученинов, котораго она не сразу узнала, потому что онъ былъ въ партикулярномъ платьѣ.

— Я была увѣрена, что это вы,—сказала Людмила, пожимая его руку:—именно вы должны были придти...

— Пойдемте по улицѣ,—сказалъ Крученинов,—я не поднялся къ вамъ, потому что у васъ подслушиваютъ. Вы знаете что-нибудь?

— Мама поѣхала туда? Я только догадываюсь,—сказала Людмила.

— Да, представьте... это было такъ неожиданно. Разбудилъ меня, прямо ворвался ко мнѣ съ какимъ торжествующимъ видомъ...

— Смотри, говоритъ, съ какимъ я трофеемъ! И показалъ письмо вашей мамы.

— Что она писала?

— Ничего особеннаго, никакихъ изліяній: «нужно видѣть и говорить, и непремѣнно сегодня, и наединѣ». Онъ сейчасъ же отвѣтилъ, что ждетъ, и выгналъ меня.

— Что же это значитъ?

— Да ужъ что-нибудь доброе. Иначе она пошла бы совѣтоваться къ кѣмъ-нибудь другимъ, а не съ нимъ. Но къ чему мы будемъ гадать, когда черезъ два-три часа узнаемъ навѣрное! Слушайте, Людмила, вы не читаете газетъ?

— Я не умѣю читать ихъ. Мнѣ онѣ скучны...

— Я умѣю, но эти нѣсколько недѣль я такъ былъ занятъ вашими дѣлами, что совсѣмъ ничего не читалъ, а сегодня случайно развернулъ нѣсколько газетъ и узналъ, что въ приволжскихъ губерніяхъ почти уже голодовка.

Людмила съ величайшимъ недоумѣніемъ смотрѣла на него.

— Почему вы говорите мнѣ это?

— Развѣ васъ это не интересуетъ?

— Я въ этомъ ничего не понимаю.

— Да... впрочемъ, я это зналъ... васъ не интересуетъ общественная жизнь; я это зналъ и, идя къ вамъ, думалъ объ этомъ...

— Именно объ этомъ? Вы думали о моихъ недостаткахъ?..

— Да, потому что я думалъ о васъ. Человѣкъ, у котораго живая душа, не можетъ не интересоваться общественною жизнью. У васъ живая душа, я это знаю, а вотъ этого у васъ нѣтъ. Вотъ я и думалъ: почему это? и мнѣ кажется, я это сообразилъ: въ этомъ виноватъ господинъ Балясовъ.

— Вы, кажется, думаете, что на него можно ужъ взвалить всѣ вины!—съ усмѣшкой отвѣтила Людмила.

— Не знаю, всѣ ли, но эту во всякомъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что онъ любитъ играть гражданскими словами, за которыми не скрываются ни чувства, ни убѣжденія, онъ любитъ говорить о бѣдствіяхъ народа и объ обязанностяхъ всякаго обезпеченнаго человѣка придти ему на помощь. И говоря это, онъ беретъ взятки и складываетъ ихъ въ банкѣ, а на чужой счетъ пьянствуетъ, объѣдается и развратничаетъ. Вы съ дѣтства слышали отъ него эти слова и въ то же время наблюдали его жизнь, и когда вы увидѣли, что слова эти выходятъ изъ грязныхъ устъ этого грязнаго человѣка, у васъ незамѣтно являлось отвращеніе не только къ этому человѣку, но и къ этимъ словамъ. И я замѣтилъ, что когда вы слышите подобныя «гражданскія слова» отъ кого бы то ни было, даже отъ Рокотова, у васъ на губахъ является недовѣрчивая и насмѣшливая улыбка. Развѣ это неправда?

— Это почти такъ. Балясовъ часто заговариваетъ о страданіяхъ народа, о невѣжествѣ его, о «недоѣданіи»... И онъ всегда дѣлалъ это во время обѣда и притомъ ѣлъ такъ жадно, такъ животно... онъ всегда такъ ѣстъ,—и мнѣ становилось непріятно.

— Ну, вотъ видите, какой я великій психологъ!.. И несмотря на это, я рѣшился говорить о голодовкѣ. Сегодня я прочиталъ, что въ Симбирской губерніи уже не хватило хлѣба, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ даже начались болѣзни отъ недоѣданія. Что это васъ такъ передернуло?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего,—неискренне отвѣтила Людмила.

— Вы не хотите сказать правду, но вамъ непріятно, что я продолжаю на эту тему...

— Ахъ, Александръ Максимовичъ... Право... ну да... разумѣется, непріятно...

— Вамъ слишкомъ далеки симбирскіе жители?

— Вовсе нѣтъ... Я совсѣмъ не такая черствая... И когда человѣкъ голодаетъ и болѣетъ отъ голода, мнѣ его жаль; но вѣдь мы съ вами не голодаемъ и не болѣемъ, а, напротивъ, сыты и здоровы... и поговоривъ объ этомъ, будемъ попрежнему обѣдать

и гулять по Невскому и на островахъ... Зачѣмъ же говорить объ этомъ?

— Да вотъ именно объ этомъ я и думалъ... Я думалъ, что мы съ вами,—сказалъ Крученинovъ, подчеркивая эти слова,—поступимъ болѣе дѣятельно...

— Не знаю, какъ...

— Да вотъ какъ: поѣдемте туда и будемъ кормить голодныхъ. Мы будемъ не одни, многіе ѣдутъ туда. Очень много женщинъ посвящаютъ себя этому дѣлу; вотъ я и думалъ, что мы съ вами займемся этимъ... Я высказалъ вамъ мысль, которая пришла мнѣ въ голову, когда я читалъ сегодня газету. Мысль эта для меня не новая. Два года тому назадъ я уже провелъ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Казанской губерніи, гдѣ тоже было плохо. Впрочемъ, вамъ теперь не до этого, не правда ли? Я хотѣлъ только, чтобы вы замѣтили это: мнѣ пришла мысль, и я не могъ представить себя ѣдущимъ туда одиноко, а непремѣнно съ вами... Это прямое доказательство того, что я... что я хочу быть съ вами... Вамъ не пора ли вернуться домой?—спросилъ онъ:—скоро пріѣдетъ Ирина Васильевна, и вы, вѣроятно, будете свидѣтельницей важныхъ вещей.

— Постойте: вѣдь это Любочка ѣдетъ... Она ѣдетъ ко мнѣ...—воскликнула Людмила, увидѣвъ Любочку, подъѣзжавшую на извозчикѣ; она прибавила:—и посмотрите, какое у нея блѣдное лицо.

Любочка уже видѣла ихъ и толкалъ въ спину извозчика, приказывая ему остановиться. Она соскочила на мостовую и подбѣжала къ нимъ.

— Ты сегодня свободна? Можно къ тебѣ? Тамъ никого нѣтъ?—спросила она съ видомъ крайняго волненія и даже забыла поздороваться съ ними. Людмила отвѣтила на всѣ ея вопросы.

— Такъ пойдмъ къ тебѣ, мнѣ нужно разсказать... Нѣтъ, нѣтъ, и вамъ можно... вы даже должны все это знать...—прибавила она Крученинову, который хотѣлъ проститься.

— Ты взволнована?

— Да, очень... Ты сейчасъ узнаешь... пойдемте скорѣй.

И они всѣ трое пошли въ квартиру. Тамъ Любочка потребовала, чтобы забраться въ комнату Людмилы, которая была отдалена отъ всѣхъ и наиболѣе гарантирована отъ любопытства Антонины. Они прошли туда и притворили дверь.

Ирина Васильевна не возвращалась домой, хотя уже было больше двухъ часовъ.

Рокотовъ, назначая ей часы, не думалъ, что она пріѣдетъ такъ рано. Она явилась даже раньше, чѣмъ пробило двѣнадцать.

— Вы, дѣйствительно, одинъ?—еще въ передней спросила она Рокотова, который самъ отперъ ей дверь.

— Совершенно. Я обѣщалъ вамъ это...

Она вошла въ комнату и продолжала начатую рѣчь.

— Да, потому что дѣло, о которомъ я хочу говорить, только наше дѣло...

— Я такъ и понялъ васъ... пойдемте сюда, здѣсь удобнѣе.

Онъ повелъ ее въ кабинетъ, и она, проходя черезъ почти пустыя комнаты, разсѣянно осматривала ихъ.

— Сядемте,—говорилъ Рокотовъ,—видимо стараясь смягчить присущую ему нѣкоторую грубоватость тона, которая многихъ вводила въ заблужденіе и при первой встрѣчѣ вооружала противъ него. Во всѣхъ его пріемахъ была видна старательная внимательность. Онъ боялся оттолкнуть Ирину Васильевну, самолюбіе которой было такъ чувствительно, и потому устранялъ всякія шероховатости.

— Да, да, — говорилъ онъ, — я такъ и думалъ... вѣроятно, произошли какія-нибудь новыя обстоятельства?

— Нѣтъ, ничего не произошло, по крайней мѣрѣ, во внѣшнемъ мірѣ, но... я приняла одно рѣшеніе, осуществленіе котораго зависитъ отъ васъ. Мотивы—это вамъ все равно, вамъ важенъ результатъ... впрочемъ, если хотите, я могу сказать мотивы... Такъ какъ отъ васъ требуется существенное участіе, то вы имѣете право знать ихъ.

Она волновалась и напряженно старалась скрыть это волненіе, но ея рѣчь выдавала ее. Она говорила порывисто, съ многоточіями, повторяясь, возвращаясь къ уже сказанному.

— Вы скажите только то, что вамъ не трудно сказать, — промолвилъ Рокотовъ:—въ томъ, чего вы не доскажете, я вамъ повѣрю...

— Дѣло касается не меня, а Людмилы... вообще меня тутъ ничто не касается... замѣтьте это. Я здѣсь — только спутникъ вашей дочери. Я приставлена къ ней судьбой и сопровождаю ее... Ваша дочь...

— Будемъ ужъ говорить: наша дочь, Ирина Васильевна, потому что вѣдь это фактъ, — осторожно, мягко поправилъ ее Рокотовъ.

— Да, наша дочь...—повторила Ирина Васильевна и не продолжала, какъ будто въ этихъ двухъ словахъ заключалось все, что она хотѣла сказать и зачѣмъ пріѣхала.

Затѣмъ она быстро подняла голову и опять заговорила:

— Да, конечно, было бы совсѣмъ безсмысленно отрицать это. Я готовила ее для другой жизни. Я готовила ее для того, чтобы она была счастлива, просто счастлива... можетъ быть, глупо, можетъ быть даже подло счастлива, но счастлива. Я старалась, чтобы душѣ ея были чужды понятія, которыя отравляютъ глупое счастье

и не даютъ никакого другого... Была я права, или нѣтъ, это вопросъ праздный. Но мнѣ внушила это моя собственная жизнь... Ваше появленіе здѣсь, ваша встрѣча съ нею уничтожили всѣ мои усилія. Волей или неволей, вы внесли въ ея душу разложеніе...' Она усомнилась въ моей правдивости, она выскользнула изъ моего вліянія... Теперь она можетъ требовать, я только должна исполнять. Итакъ, она желаетъ, чтобы мы ушли изъ дома, въ которомъ живемъ. Она желаетъ, и, значитъ, я должна исполнить это...

— Я хочу задать вамъ одинъ вопросъ, — перебилъ ее Рокотовъ:—а для васъ это будетъ жертвой?

— Рѣчь совсѣмъ не будетъ обо мнѣ,—нѣсколько рѣзкимъ тономъ отвѣтила Ирина Васильевна: — я уже сказала, что меня здѣсь, во всей этой исторіи, нѣтъ. Я провожатый... добровольный провожатый, но все равно взявшій на себя извѣстныя обязанности. Я должна ихъ исполнить, вотъ и все. Я рѣшилась, я хочу исполнить желаніе Людмилы... Но какимъ образомъ и куда мы можемъ дѣваться? Вы понимаете, что я не могу ее вывести на улицу и сказать: вотъ нашъ домъ...

— Вашимъ домомъ могъ бы быть вотъ этотъ, — осторожно промолвилъ Рокотовъ;—но я знаю, что вы это отвергнете...

— Хорошо, что вы это знаете... и вы, конечно, не подскажете эту мысль дочери, потому что все-таки найдутся такія вещи, въ которыхъ я принуждена буду отказать ей... Можетъ быть, вы думаете, что мы съ нею могли бы воспользоваться средствами того человѣка, чей домъ мы покидаемъ?

Рокотовъ всталъ и началъ медленно ходить по комнатѣ. Онъ сказалъ:

— Не дѣлайте предположеній, въ которыя вы не можете вѣрить. Мы оба—вы и я—слишкомъ хорошо знаемъ, что это за человѣкъ, и слишкомъ презираемъ его, вы навѣрно еще больше, чѣмъ я, потому что были поставлены къ нему ближе... Вашъ уходъ изъ его дома былъ бы до послѣдней степени жалкимъ актомъ, если бы вы допустили что-нибудь подобное... Но, Ирина Васильевна, вопросъ этотъ не такъ сложенъ, какъ кажется. Я разрѣшаю его просто, какъ вообще все разрѣшаю. У меня есть около двадцати тысячъ рублей, я передамъ ихъ вамъ. Это не много, но вы съ Людмилой не будете нуждаться.

— Но тогда вы будете нуждаться.

— Не думаю... Я теперь много работаю... я помѣщаю статейки въ ученыхъ журналахъ. У меня есть даже маленькое имя. Вы, вѣроятно, слышали, что у насъ съ Крученинымъ, котораго вы знаете, здѣсь кормится десятка два молодыхъ людей, оставленныхъ судьбой безъ обѣда. Это придется сократить—пока, на первое время, то-есть пока я не стану зарабатывать больше.

— Вы дѣлаете это по убѣжденію или по принужденію?

— Я ничего не дѣлаю по принужденію. Я считаю это своею обязанностью, и если вы примете это, то буду вамъ благодаренъ. Согласитесь, что это самый легкій способъ платить нравственный долгъ...

— Да... вы, вѣроятно, удивляетесь, что я не возражаю и не отказываюсь... Но я много думала надъ этимъ. Я и пришла къ заключенію, что это будетъ справедливо. Вы—единственный виновникъ того, что жизнь Людмилы складывается не такъ, какъ я хотѣла для нея. Для той жизни я готовила ее девятнадцать лѣтъ, и вы мѣняете ея жизнь, не я. Мое самолюбіе возражало мнѣ, но я его переспорила... Я сказала себѣ: я тутъ ни при чемъ, и, дѣйствительно, вы не сомнѣваетесь же въ томъ, что для меня въ этомъ не будетъ никакого выигрыша... Я только сопровождаю Людмилу... Ну, вотъ такъ, какъ если бы у нея была старая нянька, которая привязалась къ ней и не можетъ разстаться съ нею... Правда, я думала и о томъ, чтобы работать, но поняла, что это невозможно. Я не училась ничему такому, за что платятъ деньги; а начинать учиться мнѣ теперь поздно. Если бы вы не предложили мнѣ этого, я не измѣнила бы своего рѣшенія, я ушла бы... но это прибавило бы мнѣ слишкомъ много новыхъ страданій. Я въ третій разъ начинаю жить сначала...

Она поднялась и прибавила:

— Я сейчасъ отыщу двѣ меблированныя комнаты; не знаю, успѣемъ ли переѣхать сегодня... Какъ найду, вы сейчасъ же узнаете...

И она сдѣлала движеніе, чтобы уйти. Рокотовъ остановилъ ее.

— Постойте... Послушайте, Ирина... — промолвилъ онъ чрезвычайно мягкимъ и глубоко примирительнымъ голосомъ:—я хочу сказать вамъ: я искренно радъ даже и этому маленькому сближенію, какое произошло между нами. Но я хотѣлъ бы... нѣтъ, нѣтъ, не многаго, но все-таки бо́льшаго... Можетъ быть, я былъ неправъ тогда... не могу судить объ этомъ. Но все равно, меня такого, какимъ я былъ, создало время... Оно требовало напряженной справедливости по отношенію къ общественному дѣлу, и, можетъ быть, отъ этого увеличивалась несправедливость по отношенію къ личному... Не знаю, не знаю... говорю: не могу правильно судить объ этомъ; но то время прошло, и тѣ двигатели, которые направляли нашу волю, замолкли, изсякли.. Мы, то-есть я и мнѣ подобные, похожи на машину устарѣвшей конструкціи, когда вышли въ свѣтъ уже новыя—болѣе дешевыя и во много разъ быстрѣе и лучше работающія, стало быть, болѣе выгодныя... и вотъ въ этой старой машинѣ все цѣло, все на мѣстѣ, а тѣмъ не менѣе ее отставили и предоставили вліянію стихій... И стоитъ

она десятки лѣтъ со всѣми своими поршнями и винтами и не работаетъ... То время, говорю я, прошло, но мы-то съ вами помнимъ, какое было оно... Вы отрицаете его, но вы это дѣлаете изъ личной вражды... а если бы вы отбросили эту вражду, сняли этотъ верхній слой, который, можетъ быть, слишкомъ тяжелъ и давитъ на всѣ другіе, тогда, можетъ быть, мы съ вами нашли бы нѣчто общее, чѣмъ могли бы жить. И это общее — наше время, воспоминанія о немъ...

— Ваши воспоминанія? — спросила Ирина Васильевна, и на губахъ ея появилась чуть сквозившая саркастическая усмѣшка.— Вы хотѣли бы, чтобы я жила вашими воспоминаніями...

— Почему же и не вашими?

— Моими... Вы очень хорошо знаете, что они были прерваны «на самомъ интересномъ мѣстѣ»... Такъ я попути домой поищу комнату,—вдругъ прибавила она, видимо отказываясь продолжать этотъ разговоръ.

— Да, да... а завтра я доставлю вамъ деньги, — сказалъ Рокотовъ, вполнѣ понявшій ея настроеніе.

Ирина Васильевна быстро пошла черезъ комнаты въ переднюю. Она одѣвалась молча, хотя Рокотовъ былъ здѣсь и помогалъ ей. Онъ замѣтилъ, что послѣдняя затронутая имъ тема привела ее въ сильное волненіе. Она нервно торопилась, не попадала въ рукава и даже какъ будто сердилась. Онъ отворилъ передъ нею дверь, она выскочила во дворъ и преувеличенно быстро пошла.

На улицѣ она остановилась, на минуту закрыла глаза и сдѣлала глубокое дыханіе, потомъ медленно пошла по тротуару. Пройдя такимъ образомъ минутъ пять, она оглянулась и замѣтила, что ей сопутствуетъ ожидавшій ее извозчикъ, о которомъ она забыла. Но она не подозвала его, а продолжала идти дальше, а онъ слѣдовалъ за нею.

Она старалась разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, но никакъ не могла этого сдѣлать. Страшно злило ее это волненіе, которое она обнаружила тамъ и не могла скрыть. Что это было? Ахъ, да, да: «найти общее, чѣмъ могли бы жить»... Это теперь, когда у нея въ груди остались какія-то жалкіе обрывки души, а вся душа ушла на что-то нелѣпое, безсмысленное... Прошла жизнь, была напряженная борьба, были непосильныя старанія, она отдавала душу, почти отказалась отъ своего личнаго, и вотъ все перевернулось, и жизнь складывается помимо ея, сама по себѣ и совсѣмъ иначе. На это ушло все и ничего не осталось. Чѣмъ же это жить? Какимъ такимъ общимъ? Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ не надо думать. «Я приставлена къ дочери... Буду исполнять свою обязанность... не разсуждать, не протестовать, не мудрствовать».

— Барыня, можетъ поѣдете? — услышала она предложеніе своего извозчика.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ нею былъ Дворцовый мостъ, пора было сѣсть и ѣхать. И часовъ, должно быть, уже много; придется заѣхать въ нѣсколько мѣстъ, чтобы отыскать комнату. Особенно разборчивой быть не слѣдуетъ, вѣдь это пока. А потомъ они устроятся своей квартирой. Но ей почему-то хотѣлось непременно сегодня найти и сегодня же переѣхать. У нея въ рукахъ было важное преимущество: еще двадцать лѣтъ тому назадъ она, привыкшая къ самостоятельности, какъ только сдѣлалась женой Балясова, сейчасъ же потребовала отъ него отдѣльный паспортъ, въ которомъ была вписана и Людмила, только что родившаяся. Теперь Балясовъ такого паспорта, конечно, не выдалъ бы. Онъ добровольно не отказался бы отъ этого своего права... Но тогда онъ былъ влюбленъ и не смѣлъ противиться. Правда, тамъ написано: «до востребованія мужа». Но съ этимъ «востребованіемъ» можно еще бороться.

Она велѣла извозчику съ Невскаго завернуть въ нѣкоторыя ближнія улицы. Раза три она поднималась на лѣстницы напрасно. Очень ужъ было грязно и непривлекательно.

Но на Владимірскомъ ей повезло. Двѣ небольшія комнаты, совсѣмъ готовыя, точно для ихъ надобности приспособленныя, даже съ самостоятельнымъ ходомъ, были къ ея услугамъ. Она поторопилась дать задатокъ и обѣщала сегодня же занять ихъ... Отсюда она поѣхала домой.

VIII.

То, что разсказала Любочка, казалось страннымъ только съ перваго взгляда. Когда же разобрали дѣло по косточкамъ, оказалось, что все это въ порядкѣ вещей и иначе быть не могло.

Дѣло въ томъ, что Лихаревъ со дня рокотовскаго диспута не прерывалъ сношеній съ Любочкой. Такъ или иначе онъ находилъ способъ видѣть ее каждый день. Сперва онъ пользовался для этого театромъ. Вообще онъ не былъ театраломъ и посѣщалъ театръ лишь тогда, когда уже всѣми было удостовѣрено, что пьеса этого заслуживаетъ. И если передъ нимъ разыгрывалось произведеніе дѣйствительно интересное, онъ все время злился и ворчалъ.

— Рѣшительно не понимаю, зачѣмъ это инымъ авторамъ надобится прибѣгать къ помощи постороннихъ людей, чтобы выразить свои образы и взгляды,—говорилъ онъ.—Развѣ не проще написать книгу и предоставить мнѣ, сидя въ креслѣ у себя въ кабинетѣ, наслаждаться его созданіемъ?..

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ взять пьесу и прочитать у себя дома?—возражали ему.

— Да мѣшаетъ самъ авторъ. Заставляя говорить и дѣйствовать своихъ Ивановыхъ и Петровыхъ, онъ создаетъ не образы, а лишь полуобразы, предоставляя актерамъ додѣлывать ихъ въ образы. Актеръ дѣлаетъ, что можетъ. Въ одномъ театрѣ Ивановъ является такимъ, а въ другомъ у другого актера, инымъ. А какой настоящій, этого никто не знаетъ. Я же не обладаю настолько художественнымъ воображеніемъ, чтобы правильно создать себѣ своего Иванова...

Такъ онъ смотрѣлъ на театръ, признавая его годнымъ только для зрѣлища безъ словъ. Многіе очень удивлялись, видя такого ученаго мужа усердно посѣщающимъ балетъ. Но, поговоривъ съ нимъ, приходили къ заключенію, что онъ во всякомъ случаѣ послѣдователенъ.

Теперь онъ сдѣлалъ уступку и сталъ каждый вечеръ ходить въ театръ, гдѣ играла Любочка. Онъ являлся за кулисы, стучался къ ней въ уборную и она его принимала. Здѣсь онъ постоянно встрѣчалъ господина съ очень смуглымъ лицомъ, съ темными огненными глазами, которыми онъ ревниво смотрѣлъ на новаго поклонника. Это былъ одинъ изъ директоровъ театра, Ахвердовъ, сильно покровительствовавшій Любочкѣ, но пока не добившійся ея благосклонности въ той мѣрѣ, какъ хотѣлъ.

Любочка познакомила ихъ.

— Вотъ Лихаревъ, спеціалистъ по востоку, а это Ахвердовъ, самъ съ востока; очевидно, вы, господа, сейчасъ же поймете другъ друга,—предсказала при этомъ Любочка.

— Но я спеціалистъ совсѣмъ по другому востоку,—нѣсколько свысока замѣтилъ Лихаревъ.

— А развѣ ихъ два? Я до сихъ поръ думала, что это тамъ, гдѣ солнце восходитъ.

— Въ Петербургѣ зимой солнце восходитъ почти что на западѣ...—сказалъ Ахвердовъ и въ его голосѣ можно было разслышать досаду. Онъ почему-то не любилъ, когда его называли «восточнымъ человѣкомъ».

— Вотъ, вотъ,—подхватилъ его слова Лихаревъ.—И этотъ востокъ, который вы имѣете въ виду, онъ тоже «почти что на западѣ»... Но безъ шутокъ, есть ближній востокъ и есть дальній такъ я занимаюсь дальнимъ...

— Ближе всегда лучше, чѣмъ дальше,—попытался съострить Ахвердовъ, но его совсѣмъ не поддержали и онъ «замолчалъ навѣки», какъ говорили его выразительные глаза.

Но выпадали дни, когда Любочка не играла и на эти случаи Лихаревъ избралъ другое средство. Во время его перваго визита къ Любочкѣ онъ видѣлъ только ее. Теперь онъ явился къ ней вторично и потребовалъ, чтобы она представила его своей матери.

Мать Любочки была женщина простая, влюбленная въ свою

*

дочь и считавшая добромъ все, что она придумаетъ. Наружность Лихарева въ первую минуту произвела на нее подавляющее впечатлѣніе, но званіе профессора, сопровождаемое примѣчаніемъ Любочки о необыкновенной учености, смягчило это впечатлѣніе и она начала принимать Максима Никодимовича охотно.

Разсуждала она такъ: «сколько бы Любочка ни дурила, а все замужъ выходить надо. А онъ, этотъ профессоръ, кажется тово... по уши».

Таковы были ея наблюденія. Что касается Любочки, то она наблюденій не дѣлала, а сама незамѣтно подчинялась вліянію Лихарева. Ни одной минуту она не думала, что влюблена въ него, но явственно чувствовала, что онъ сдѣлался чѣмъ-то значительнымъ въ ея жизни. Не видя его больше 24-хъ часовъ она скучала и чувствовала, что надо увидѣть его и послушать его интересныхъ, слегка загадочныхъ рѣчей.

И вотъ онъ пришелъ къ ней однажды утромъ, когда она была дома одна и устроилъ ей неожиданное объясненіе.

— Послушайте, не замѣчаете ли вы, что наши отношенія не совсѣмъ такія, какія бываютъ между добрыми знакомыми,—сказалъ онъ.

Любочка сначала спросила его взглядомъ, подумала и отвѣтила:

— Замѣчаю.

— Не можете ли вы опредѣлить это?—продолжалъ Лихаревъ.

— Нѣтъ, господинъ профессоръ,—чуть-чуть шутливо отвѣтила Любочка,—не могу.

— Такъ попробуемъ вмѣстѣ. Сперва возьмемъ меня...

— Какъ болѣе важное...—съ улыбкой замѣтила Любочка.

— Нѣтъ, какъ болѣе ярко выраженное. Въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной мужчина всегда бываетъ ярче выраженъ, потому что онъ активнѣе. Мужчина ищетъ женщину, а женщина только предоставляетъ ему найти ее. Итакъ возьмемъ меня. Съ самого перваго дня нашего знакомства я непремѣнно ищу васъ. Вы должны были замѣтить это. Если бы вы спросили меня: почему? я отвѣтилъ бы: не знаю. Эти видимые признаки, какъ ваша милая наружность,—скажу, даже красота, живой характеръ, доброкачественный умъ, они ничего не объясняютъ. Я въ своей жизни встрѣчалъ не мало красивыхъ женщинъ съ пріятнымъ характеромъ, съ большимъ умомъ, съ острымъ, но не глубокимъ, съ глубокимъ умомъ женщинъ я не встрѣчалъ, съ иными даже бывалъ близокъ, но онѣ меня не задѣвали и я ихъ не искалъ...

— Значитъ не искали, но находили...—замѣтила Любочка.

— Пожалуй... И такъ бывало. Но васъ я ищу усердно, непрестанно и сознательно, какъ назвать это? Есть готовое слово: любовь...

— Любовь, это мое имя...—съ очаровательной улыбкой сказала Любочка.

— Да, какъ имя это красиво и вамъ его дали удачно. Но какъ понятіе оно слишкомъ обще и подъ него подводили такъ много совершенно противоположныхъ вещей, что оно утратило свой первоначальный смыслъ. Во всякомъ случаѣ любовь заключаетъ въ себѣ много моментовъ положительныхъ, а у меня имѣется только одно: стремленіе...

— Куда?—глядя на него прищуренными глазами спросила Любочка.

— Къ вамъ... Стремленіе найти васъ, всегда найти васъ... Вотъ все, что касается меня... Одинъ вопросъ: вы противъ этого ничего не имѣете?

— Противъ стремленія? Ничего...

— Теперь вы. Ваше отношеніе ко мнѣ слагается изъ трехъ моментовъ: во-первыхъ, вы принимаете нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы поддержать во мнѣ стремленіе...

— О, я протестую!..—воскликнула Любочка:—я никакихъ мѣръ не принимаю.

— Но позвольте... Я и не говорю, что вы это знаете... Вы дѣлаете это безсознательно...

— А, безсознательно... Это другое дѣло. Продолжайте,—очевидно, играя съ нимъ, разрѣшила Любочка.

— Ну, да, вы дѣлаете то, что называется кокетничаніемъ. Вы кокетничаете и вашимъ умомъ и вашими глазами, которые прекрасны. Во-вторыхъ, вы меня терпите и притомъ съ той широкой снисходительностью, которая поощряетъ. И, въ-третьихъ, этимъ путемъ можетъ быть установлено лишь послѣ того, какъ будетъ признано вами... Въ-третьихъ, мое присутствіе, кажется, доставляетъ вамъ нѣкоторое удовольствіе. На это вы должны отвѣтить, да или нѣтъ?

— Непремѣнно должна отвѣтить?—спросила Любочка, въ это время обдумывая свой отвѣтъ.

— Непремѣнно, потому что безъ этого у меня не будетъ опоры для продолженія...

— Ну, хорошо, я отвѣчу: да,

— Это очень удачно,—съ явно оживившимися глазами воскликнулъ Лихаревъ.—Такимъ образомъ ваше отношеніе ко мнѣ также обладаетъ опредѣленной окраской. Если свое я могу выразить словами: «я васъ ищу, и найти васъ для меня будетъ счастье», то ваше приходится формулировать такъ: «пусть ищетъ меня и мнѣ быть найденной имъ будетъ... ну, возьмемъ minimum будетъ пріятно.

— Это какъ-то ужъ по-восточному,—сказала, улыбаясь, Любочка.

— О, нѣтъ, на востокѣ совсѣмъ не такъ говорятъ. На востокѣ говорятъ пышно, а это только точно и логично. Теперь мнѣ остается

самое главное. Итакъ, съ обѣихъ сторонъ имѣются данныя, которыхъ для всякаго другого было бы достаточно, чтобы сдѣлать вамъ предложеніе. Но я...

— Воздерживаетесь?—съ чуть сквозящей ироніей спросила Любочка.

— Не то. Но у меня есть одно обстоятельство, которое мѣшаетъ мнѣ сдѣлать это предложеніе въ той формѣ, въ какой его обычно дѣлаютъ...

— У васъ вѣроятно есть другая форма?

— Это требуетъ объясненія и я заранѣе долженъ извиниться, если мнѣ придется коснуться нѣкоторыхъ реальныхъ сторонъ отношеній между мужчиной и женщиной.

— Я тоже должна извиниться: я этого терпѣть не могу... Такъ что вамъ придется прервать ваше интересное объясненіе,— сказала Любочка и щеки ея слегка вспыхнули румянцемъ.

— Это невозможно,—очень серьезно возразилъ Лихаревъ:—мое объясненіе для меня слишкомъ важно, а можетъ быть и для васъ... Притомъ же вы можете быть увѣрены, что не услышите отъ меня ничего шокирующаго. Видите ли, я убѣжденный противникъ брака.

— А...—произнесла Любочка и подняла на него глаза съ выраженіемъ чрезвычайнаго любопытства.

— Да, я противникъ брака и, повторяю, убѣжденный. Тутъ тоже есть во-первыхъ и во-вторыхъ, а можетъ быть найдется что-нибудь и въ-третьихъ... Но самое главное все-таки во-первыхъ. Это сложно, это требуетъ вдумчивости. Видите ли, бракъ есть учрежденіе общественное, публичное. Отдѣльные люди для того, чтобы осуществить свое взаимное влеченіе, не нуждаются ни въ какомъ установленіи. Но съ точки зрѣнія общественной организаціи это необходимо, или, лучше сказать, было необходимо въ эпоху организаціи общества. Общество ради своихъ цѣлей покорило себѣ отдѣльную личность и сдѣлало предметомъ регистраціи самыя затаенныя ея проявленія.

Я признаю право общества требовать отъ отдѣльной личности извѣстныхъ жертвъ, такъ какъ общественная организація даетъ личности множество удобствъ для жизни; но я полагаю, что это право не должно распространяться на интимнѣйшія проявленія личности. Взаимное влеченіе между мужчиной и женщиной принадлежитъ къ самымъ интимнымъ проявленіямъ личности. Можно даже сказать, что въ этомъ моментѣ единственное отличіе человѣка отъ низшихъ животныхъ заключается въ интимности. Только человѣкъ ищетъ уединенія для осуществленія этого взаимнаго влеченія; животные въ уединеніи не нуждаются. И это исканіе уединенія, сокрытія, притомъ абсолютнаго безъ малѣйшихъ ограниченій, представляетъ собою тотъ, выработанный для себя человѣкомъ, плюсъ, который является нравственнымъ эле-

ментомъ въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной. Понимаете ли мою мысль? Если бы не было этого стремленія къ тайнѣ, эти отношенія были бы сплошною обнаженною матеріальною грубостью. Влюбленные, какъ бы они ни пылали страстью, если они не пьяны, не обнимаются на улицѣ, въ омнибусахъ, въ театрѣ. И не только это: не принято даже говорить о своей любви въ присутствіи третьяго лица. Если двое говорили о своей взаимной любви и вошелъ третій, они въ тотъ же мигъ замолкаютъ или перемѣняютъ тему. Вы меня слушаете?

— Я всегда внимательно слушаю ваши лекціи!—съ скрытой усмѣшкой отвѣтила Любочка.

— Теперь взгляните, что же дѣлаетъ бракъ? Цѣлымъ рядомъ общепринятыхъ, заранѣе изготовленныхъ формъ, предшествующихъ ему и сопровождающихъ его, подчеркивается и объявляется во всеуслышаніе то, что человѣкъ по своимъ нравственнымъ требованіямъ стремится во что бы то ни стало держать въ тайнѣ. Мужчина приходитъ къ женщинѣ, дѣлаетъ ей предложеніе и, получивъ ея согласіе, отправляется къ ея роднымъ, чтобы узнать ихъ волю или мнѣніе по этому вопросу. Всѣ начинаютъ смотрѣть на нихъ какъ на жениха и невѣсту, т.-е. какъ на пару, которая готовится осуществить свое взаимное влеченіе. Затѣмъ ихъ начинаютъ всюду встрѣчать вмѣстѣ, про нихъ говорятъ: вотъ женихъ и невѣста, они скоро будутъ мужъ и жена. Если они влюблены другъ въ друга, то въ ихъ глазахъ невольно, безсознательно выражается нетерпѣніе страсти. Если бы они не были подчеркнуты, этого никто не замѣтилъ бы, но теперь всѣ замѣчаютъ даже и тогда, когда этого нѣтъ. Они любятъ публично, ихъ желаніе другъ друга является общимъ достояніемъ. Та тайна, про которую сказано, что она «велика есть», шагъ за шагомъ разоблачается. И вотъ наступаетъ желанный день. Разсылаются приглашенія, собираются въ праздничныхъ одеждахъ родственники и знакомые, всенародно совершается обрядъ, тайна, которая «велика есть», становится для всѣхъ явной, треплется въ большомъ залѣ, на улицѣ. Всѣ устремляются къ молодой парѣ и поздравляютъ... Съ чѣмъ? Что бы ни говорили моралисты о нравственномъ значеніи формъ, а вся эта торжественность сводится къ присутствію постороннихъ почти при осуществленіи взаимнаго влеченія между мужчиной и женщиной. Брачный обрядъ фиксируетъ моментъ, когда стремленіе брачущихся, до сихъ поръ сдерживаемое, можетъ осуществиться, и оно осуществляется. Но тайны больше нѣтъ. Если благосклонные друзья и родственники не сопровождаютъ ихъ въ спальню (а въ прежнія времена они и передъ этимъ не останавливались), то этого имъ и не нужно. Они уже раньше, поздравляя ихъ, мысленно заглянули въ ихъ спальню и видѣли тамъ все... Но и это еще не конецъ. Начи-

нается семейная жизнь. Появляются термины: «мой мужъ», «моя жена», «наша спальня»... Это и тысяча мелочей дѣлаютъ то, что интимнѣйшія отношенія двухъ существъ происходятъ на глазахъ у всѣхъ настолько, что любопытное общество можетъ контролировать ихъ, если хочетъ, и контролируетъ. Малѣйшія перемѣны въ семейномъ барометрѣ ему тотчасъ дѣлаются извѣстны и обсуждаются въ гостиныхъ. Но куда же, куда дѣвается выработанный человѣкомъ для себя «плюсъ», это исканіе уединенія, сокрытія, тайны, абсолютной тайны осуществленія взаимнаго влеченія? Его нѣтъ, ради соціальной пользы онъ превратился въ минусъ... Я же на первомъ планѣ ставлю право личности и требую для нея возможности полнаго соблюденія тайны въ осуществленіи взаимнаго влеченія... Вотъ почему я противникъ брака...

— Очень интересно!—почти серьезно сказала Любочка:—но мнѣ тоже, господинъ профессоръ, пришли въ голову кой-какія мысли... Такъ какъ это диспутъ свободный, то позвольте высказать ихъ вашей скромной слушательницѣ,—прибавила она, стараясь сдѣлать очень ученое лицо.

— О, пожалуйста! Мнѣ это крайне интересно,—рѣшилъ Лихаревъ.

— Вотъ видите ли, я не знаю, когда и зачѣмъ учредился бракъ и для кого онъ тогда былъ нужнѣе,—для мужчины или для женщины; но знаю, что теперь, въ наше время онъ существуетъ для женщины. Неправда ли, я это довольно гладко сказала?

— Весьма... Но это надо на чемъ-нибудь обосновать...

— А вотъ сейчасъ... Я не профессоръ и не могу однимъ духомъ прочитать цѣлую лекцію. Вѣдь бракъ существуетъ для того, чтобы связать людей на всю жизнь, а въ этомъ въ наше время мужчина не только не нуждается, а даже бѣжитъ отъ этого, потому что ему и такъ хорошо; а нуждается женщина, потому что ей безъ этого, если она не имѣетъ средствъ или хорошо оплачиваемаго занятія,—плохо... Развѣ это не правда?

— Можетъ быть. Но какой же выводъ?

— А выводъ, господинъ профессоръ, вотъ какой: есть у меня знакомый Ахвердовъ, вы его знаете. Онъ влюбленъ въ меня бѣшено. Вы видѣли, какъ онъ ворочаетъ своими бѣлками и раздуваетъ ноздри. Это у нихъ на Кавказѣ означаетъ любовь. Такъ этотъ Ахвердовъ давно уже дѣлалъ мнѣ предложеніе... какъ это у васъ: «осуществить съ нимъ взаимное влеченіе», но жениться не предлагаетъ. Онъ не говоритъ, что онъ противникъ брака и тоже не предлагаетъ жениться...

— Сравненіе это мнѣ не нравится,—сказалъ Лихаревъ.

— Да вѣдь оно само напросилось, я не виновата...

— Вы вотъ что скажите: вы любите этого Ахвердова?—съ нѣкоторой рѣшительностью спросилъ Лихаревъ.

— Нѣтъ,—очень увѣренно отвѣтила Любочка.

— А меня?

— Васъ?..—Она заколебалась и съ минуту подумала.

— Не знаю,—сказала она:—я еще этого не рѣшила...

— Такъ что, еслибъ я предложилъ вамъ бракъ, то вы...

— Теперь-то я, во всякомъ случаѣ, отвергла бы. Не могла же бы я вовлечь въ бракъ человѣка, который противъ брака... Это все-равно, что непьющаго насильно заливать виномъ...

— Значитъ дѣло испорчено?.. Ни такъ, ни этакъ?..

— А вы развѣ согласны и такъ, и этакъ?

— Да знаете, если говорить правду—я на все согласенъ...

Любочка, наконецъ, не выдержала своей серьезности и звонко разсмѣялась. До чего смѣшно мы объясняемся,—воскликнула она.— Точно въ шутку... А вѣдь дѣло-то серьезное, Максимъ Никодимовичъ...А? Какъ вы думаете?

— Очень серьезное, Любовь Михайловна... Со мной это случается въ первый разъ въ жизни.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать четыре года.. Мои отношенія къ женщинамъ были основаны на случайности, а тутъ... Видите, совсѣмъ съ рельсовъ сошелъ...

— Да, бѣдняжка.. Ну, я вамъ отвѣчу, какъ отвѣчаютъ серьезныя дѣвушки: дайте мнѣ недѣльки двѣ на размышленіе и съ условіемъ: эти двѣ недѣли не попадайтесь мнѣ на глаза...

— Это что же такое?—съ видомъ протеста воскликнулъ Лихаревъ.

— Хочу рѣшить свободно, безъ вашего вліянія. Да кстати и вы обсудите свободно. Можетъ быть, мы, встрѣтившись черезъ двѣ недѣли, разсмѣемся другъ другу въ глаза и въ одинъ голосъ скажемъ, что это было недоразумѣніе...

— Положимъ... Это мѣра предосторожности... Я не очень склоненъ терпѣть, но потерплю... Итакъ,—прибавилъ онъ, вставая,—до свиданія черезъ двѣ недѣли...—И онъ ушелъ.

Это странное предложеніе заставило Любочку побѣжать къ Людмилѣ, чтобы подѣлиться впечатлѣніемъ. Но тамъ не могли внимательно отнестись къ ея разсказу, потому что какъ разъ въ это время у Людмилы разрѣшался капитальный вопросъ всей ея жизни.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЭПИТАФІЯ ДЛЯ КОГО УГОДНО.

(Изъ Риппена).

Невѣдомо, зачѣмъ онъ былъ рожденъ.
Зачѣмъ онъ умеръ, неизвѣстно тоже.
Нагимъ онъ свѣтъ узрѣлъ, такимъ же онъ
Легъ въ гробовое ложе.

То радость, то печаль, то страхъ, то грѣхъ
Въ душѣ его царили перемѣнно.
Изъ устъ его звучалъ то вздохъ, то смѣхъ
То добродушно, то надменно.

Онъ ѣлъ, онъ пилъ, онъ спалъ; и снова спалъ,
И пилъ, и ѣлъ,—его брала зѣвота:
Все то же каждый день! Онъ такъ и зналъ,—
Все то же безъ конца и счета!

Добро творилъ онъ: тщетная мечта!
Онъ дѣлалъ зло, не зная угрызеній.
Имѣлъ друзей... ахъ, дружба—суета!..
Враговъ... исчезли всѣ, какъ тѣни.

Любилъ онъ разъ, другой разъ, третій разъ...
До тошноты дошелъ,—не стало мочи.
Онъ прожилъ жизнь, какъ всѣ живутъ у насъ.
Пришелъ, ушелъ... и доброй ночи!

Е. В. Дегенъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Въ университетѣ“, г. Бориса Гегидзе.—Двойственность настроенія автора.—Картинки изъ жизни „сытаго“ студенчества.—Юношеская путаница мыслей г. Гегидзе.—Двадцатилѣтіе смерти Тургенева.—Значеніе Тургенева въ наше время.—75-лѣтіе Льва Николаевича Толстого.

Крайности сходятся, какъ извѣстно давнымъ давно всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи. Отчего это такъ, Аллаху извѣстно, но сплошь и рядомъ жизнерадостная юность мечтаетъ о смерти, въ мрачномъ видѣ рисуетъ себѣ міръ и жизнь и, впадая въ тонъ Экклезіаста, уныло твердитъ: «лучше человѣку не родиться, а родившись умереть поскорѣе». Такое «каценямерное» настроеніе разрѣшается обыкновенно очень мило, стоитъ только сдѣлать хорошую прогулку или попасть въ веселый кругъ добрыхъ товарищей,—и жизнь, глядишь, вновь заблеститъ всѣми цвѣтами радуги. Ибо, какъ сказалъ старый поэтъ, «сѣра теорія, мой другъ, а древо жизни цвѣтами вѣчно блещетъ». И потому, когда юность впадаетъ въ элегически-пессимистическое настроеніе, отнюдь не слѣдуетъ мѣшать этому. Тутъ полнота жизни сказывается, «то кровь кипитъ, то силъ избытокъ», мятущійся безъ приложенія и требующій выхода. Такъ бродитъ молодое вино, пока еще кислое, терпкое, мутное, но дайте срокъ—и благородный напитокъ удивитъ знатока своею крѣпостью, чистотою и тонкимъ ароматомъ.

Вотъ почему безъ малѣйшаго чувства скорби, а, напротивъ, съ живѣйшимъ интересомъ и удовольствіемъ прочитали мы прелюбопытную книжечку г. Бориса Гегидзе «Въ университетѣ», въ которой много пессимизма, лирики, наивности, откровеній, высокаго полета думъ въ невѣдомую область, гдѣ молодой авторомъ «несытымъ нѣкакимъ летаетъ всегда пареніемъ высоты», хотя тутъ же совершаетъ и всякаго рода не совсѣмъ чистыя дѣлишки по амурной больше части. Рисуемыя имъ картинки университетской и студенческой жизни, набросанныя небрежной, но талантливой рукой, не лишены значенія сами по себѣ, какъ живой матеріалъ, дающій возможность судить, чѣмъ и какъ живетъ современная университетская среда, если далеко не вся, то все же извѣстная часть. Самъ авторъ придаетъ своимъ наброскамъ преувеличенное значеніе и изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса, но намъ, читателямъ, его ошибка вполнѣ понятна и ясна и не умаляетъ интереса его бытописаній.

Кстати, г. Борисъ Гегидзе не новичокъ въ литературѣ, и если не измѣняетъ намъ память, ему принадлежитъ недурная повѣсть, напечатанная въ

«Русскомъ Богатствѣ» года три тому назадъ. Въ ней авторъ обнаружилъ большую подчиненность Толстому, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи, совсѣмъ по-толстовски раздѣлавъ любовь, семейную жизнь и взаимныя отношенія между мужчинами и женщинами. Въ повѣсти было много того же юношескаго отрицанія, юношеской скоропалительности и мизантропіи, какъ и въ новой его книгѣ. Тамъ г. Гегидзе выступалъ подъ чужимъ флагомъ, скрывавшимъ его индивидуальность, что не такъ сильно проявлялось въ новомъ произведеніи, хотя пристрастіе къ толстовскому духу сказывается и здѣсь, главнымъ образомъ въ чрезмѣрномъ сгущеніи отрицательныхъ картинъ и односторонности выводовъ. Отъ первой повѣсти, однако, авторъ далеко шагнулъ въ сторону, подпавъ не менѣе сильному вліянію Ничше, какъ увидимъ далѣе. Во всемъ, что не есть непосредственное наблюденіе, г. Гегидзе еще не свободенъ, и какъ прежде толстовскій флагъ, такъ теперь флагъ ничшеанскій мѣшаетъ ему проявить свою личность. Авторъ все еще ищетъ настоящей самобытной дороги, и то, что онъ не стоитъ на мѣстѣ и жадно устремляется туда, гдѣ ему брезжится просвѣтъ, вмѣстѣ съ его несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, дѣлаетъ его интереснымъ литературнымъ явленіемъ. Самое его стремленіе къ широкимъ всеобъемлющимъ картинамъ рѣзко выдѣляетъ его писанія изъ безконечнаго ряда «очерковъ», «разсказовъ» и «этюдовъ», затопившихъ нашу беллетристику. Пусть это пока неудачныя картины въ цѣломъ, но мѣстами уже чувствуется искусная рука, умѣнье двумя-тремями штрихами очертить живое лицо, данное положеніе или настроеніе героя.

Итакъ, вотъ онъ передъ нами, этотъ милый юноша, только что торжественнымъ аутодафе всѣхъ учебниковъ распрощавшійся съ долгими годами нудной гимназической учебы. И чѣмъ послѣдняя представляется въ прошломъ томительнѣе, невыносимѣе и гнуснѣе, тѣмъ восторженнѣе мечты о грядущей жизни въ университетѣ, жизни невѣдомой, но осіянной сверкающими лучами «любви, надежды, гордой славы». Сердце трепещетъ при видѣ перспективъ, рисуемыхъ воображеніемъ, готовое разорваться отъ переполняющей его огромной, радости, и требуетъ излиться передъ другомъ. «Дорогой Александръ», пишетъ герой, «поздравь меня съ самымъ лучшимъ днемъ моей жизни. Сегодня я кончилъ гимназію и совершенно наконецъ-то свободенъ... Ура!»—«Что-то возбуждающее и хорошее подступило къ моему горлу и сжало его. Слезы счастья и волненія брызнули изъ глазъ и заиграли при свѣтѣ свѣчки бриллiантиками на рѣсницахъ. Я улыбнулся невольно этимъ слезамъ, и мнѣ стало стыдно этой слабости, и странно, и молодечески хорошо. «Глупо», сказалъ я себѣ. «Что глупо? Слезы глупо? Нѣтъ, хорошо». Я сладко зажмурился и, словно окунаясь въ ароматную ванну, продолжалъ»... свои изліянія предъ тѣмъ «великимъ и всеобъемлющимъ», какимъ рисуется юношѣ жизнь, свободная, гордая, сознательная. И начинающееся утро заглядывало въ окно, «особая предразсвѣтная легкость, чистота и тишь» какъ бы сливались съ мечтами, составляя фонъ для той будущей студенческой жизни, которая «представлялась мнѣ такой же свѣтлой и прекрасной, какъ все ярче и ярче, чище и чище разгоравшееся золотистое сіяніе востока».

Кто не переживалъ этого настроенія на зарѣ своей юности, когда «и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко»? Оно не можетъ быть длительнымъ, и разумъ скоро вступаетъ въ суровыя права. Но какъ ни кратки эти мгновенія, воспоминанія о нихъ остаются навсегда, какъ лучшія сокровища жизни, скрытыя въ глубочайшихъ тайникахъ души, и долго долго спустя они внезапно, подчасъ очень не кстати, встаютъ въ памяти съ необычайною живостью и мучатъ и волнуютъ. Съ нашимъ героемъ происходитъ то же. Вслѣдъ за восторженною мечтательностью является на смѣну анализъ дѣйствительности, которая при постепенномъ знакомствѣ стираетъ мало по малу радужную окраску мечтаній, замѣняя ихъ сухой и дѣйствительно невыносимой иногда прозой. Университетъ, товарищи, наука теряютъ свое обаяніе для него не сразу, конечно, но безвозвратно, и черезъ три года мы видимъ его на третьемъ курсѣ уже не только разочарованнымъ, но глубокимъ пессимистомъ, въ полномъ отчаяніи восклицающимъ въ письмѣ къ тому же другу, которому онъ посвятилъ свои восторженныя строки послѣ окончанія гимназіи. «Я трупъ и медленно разлагаюсь. Но мнѣ больно это живое разложеніе. Я не хочу его. Я страстно желалъ бы прожить жизнь хорошо, ярко и свѣтло. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ выходъ изъ этого мучительнаго положенія? Гдѣ идеалъ, въ которой можно бы повѣрить и проводить его въ жизнь? Я не вижу этого выхода. Мнѣ противно и надоѣло все, и моя студенческая жизнь, и люди, и самъ я больше всего себѣ противенъ. Кругомъ все сѣро, скучно и пошло, а на душѣ такъ безотрадно темно и такъ мучительно грустно».

Какъ же произошло такое быстрое перерожденіе, такой переходъ изъ свѣтлаго въ столь невыносимо мрачное настроеніе? Полной картины авторъ не даетъ намъ для отвѣта, и изъ его набросковъ можно уловить, что общія причины недовольства у него перемѣшались съ чисто личными. Для насъ, конечно, интереснѣе первыя.

Прежде всего онъ упрекаетъ университетъ, который въ его изображеніи выступаетъ въ очень темной окраскѣ. «Всякій разъ, когда я подхожу къ этому длинному розовому, растянувшемуся, какъ ящерица, Петровскому зданію,—а это бываетъ, правда, не особенно часто,—я не только не испытываю и слабой тѣни того радостнаго волнующаго трепета, но никакъ не могу подавить въ себѣ тѣ чувства безпричиннаго раздраженія, омерзѣнія и тупого отвращенія, которыя мною овладѣваютъ всегда при видѣ этихъ до тошноты пріѣвшихся розовыхъ стѣнъ съ садикомъ впереди, защищеннымъ желѣзною рѣшеткою. Мнѣ всегда кажется, когда я отворяю эту тяжелую дверь, что то, что я тамъ внутри увижу и услышу, будетъ такъ же пошло, скучно и сѣро, какъ видъ этого длиннаго некрасиваго, словно придавленнаго зданія». И это чувство отвращенія вызывается какъ профессорами, такъ и ихъ наукой. Нужно признать, что въ рисуемыхъ имъ портретахъ мало привлекательнаго и, къ сожалѣнію, много вѣрнаго.

Реформа 84-го года наложила на университетъ такую печать мертвенности въ наукѣ и въ отношеніяхъ между профессорами и студентами, что чувства нашего героя становятся вполнѣ понятными. Оскудѣніе профессорской корпо-

раціи яркими талантами и научными силами и формализмъ, вотъ что воцарилось въ стѣнахъ университета. И не нужно быть такимъ чувствительнымъ, какъ нашъ авторъ, чтобы перестать слушать ту якобы науку, которую преподносятъ съ каѳедры чиновники профессорскаго званія. Почти два десятилѣтія прошли со временъ реформы, и современному поколѣнію приходится пожинать плоды ея. И какіе плоды!.. Вотъ для образчика «профессоръ, извѣстный тѣмъ, что совѣтовалъ рабочимъ воздерживаться отъ дѣторожденія и сваливавшій на ихъ плодовитость всѣ бѣдствія ихъ существованія». Или профессоръ Груздинскій, по просту окрещенный Груздемъ, «въ первое время, когда его положеніе было не твердо, билъ на популярность среди студентовъ, говорилъ пышныя фразы о пользѣ науки, о положительномъ мышленіи и, разсыпая на экзаменахъ пятерками легко, какъ горохомъ, привлекалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто, ничего не зная, желалъ пройти съ курса на курсъ легко и спокойно съ наивысшимъ баломъ. Но потомъ, обосновавшись уже прочно въ университетѣ и какимъ-то образомъ ухитрившись получить степень доктора, профессоръ измѣнилъ свою политику, какъ ненужную, и сталъ на экзаменахъ строгъ и безпощаденъ. Научнаго значенія у этого человѣка совершенно нѣтъ и онъ служитъ предметомъ насмѣшекъ и шутокъ всѣхъ мало-мальски разумныхъ студентовъ». А такими «груздями» переполненъ кузовъ современнаго университета, откуда систематически вытѣснялось все самостоятельное, талантливое, не желавшее безропотно укладываться на прокрустовомъ ложѣ новаго устава. Карьеризмъ и бюрократизмъ убили душу университета. «Чинуши, формалисты», говорятъ въ очеркахъ г. Гегидзе студенты и нечего возразить на эти жестокія слова...

Соотвѣтственно духу бюрократіи, воцарившемуся въ университетѣ, сложились и взаимныя отношенія между профессорами и студентами. «Вы думаете здѣсь человѣческаго отношенія добиться», сказалъ бородатый студентъ съ спокойной и презрительной улыбкой надъ тѣми, о комъ онъ говорилъ. «Нѣтъ, вы скорѣе въ тюрьмѣ его найдете, но никакъ ужъ не здѣсь. Раболѣпство заѣло». Иначе оно и быть не можетъ. Бюрократизмъ, превративъ университетскую ученую корпорацію въ канцелярію по части ученыхъ дипломовъ (какъ есть соотвѣтственныя канцеляріи для выдачи паспортовъ), не могъ не изгнать и живой духъ взаимныхъ добрыхъ отношеній, когда студентъ видѣлъ въ профессорѣ не начальство, а старшаго товарища, умудреннаго наукой и опытомъ, къ которому свободно шелъ съ своими заботами, нуждами, запросами и недоумѣніями, зная, что встрѣтитъ поддержку и защиту. И какимъ озлобленіемъ дышатъ страницы, посвященныя этимъ отношеніямъ! «Говорятъ, будто у насъ съ профессорами есть какое-то общеніе. А между тѣмъ, какой это нелѣпый вздоръ. Не понимаютъ, что у насъ нѣтъ ровно ничего общаго. Мы живемъ, какъ два лагеря... Не только нѣтъ общенія, но даже взаимное непониманіе... Вы читали письмо нашихъ студентовъ, выпущенное въ прошломъ году?» говоритъ студентъ Долговъ и начинаетъ читать автору выдержки. «Вотъ тутъ одни слова очень характерны для характеристики нашихъ отношеній къ профессорамъ. Слушайте: «Не смѣйте позорить насъ своей дружбой.

Вы наши враги. Не слушаться, не идти съ вами, а презирать васъ нашъ долгъ... Мы, слушатели высшихъ курсовъ, чужды вамъ по духу и стремленіямъ... Поймите, что ни ваши знанія, ни вашъ опытъ, ни ваши годы не могутъ заставить насъ прислушиваться къ словамъ вашимъ, такъ какъ въ нихъ сквозитъ такое фарисейское отношеніе къ духовнымъ запросамъ жизни человѣка, такія фальшивыя ноты, такая грубая неискренность, что намъ хотѣлось бы, чтобы вы насъ лучше ненавидѣли, чѣмъ любили», читаетъ Долговъ слегка дрожащимъ голосомъ. И нужно, чтобы много-много накипѣло на душѣ, прежде чѣмъ бросить въ лицо своимъ учителямъ такія слова... «Ерунда вся эта автономія,—продолжаютъ разсуждать студенты у г. Гегидзе...—Будутъ-ли ректора выборные или по назначенію, курсовыя сходки или нѣтъ—не въ этомъ дѣло...»

Если даже отбросить все то чувство злобы, какъ нѣчто временное, привходящее, остается несомнѣннѣйшій фактъ, ярко выдвинутый авторомъ,—отчужденность профессуры и студенчества, которую ничѣмъ не замаскируешь. Послѣдствіемъ ея является вначалѣ охлажденіе къ наукѣ и университету, а затѣмъ и глухая враждебность, какъ въ героѣ г. Гегидзе, который имѣетъ смѣлость не скрывать ея. Почему университетъ не поддержалъ и не укрѣпилъ въ немъ того благоговѣйнаго отношенія, съ какимъ онъ явился сюда въ первый разъ? Молодость чутка и безкорыстна и ею легко руководить тому, кто самъ чутокъ и искренъ, кто служитъ наукѣ не за чины и деньги, а изъ чистаго къ ней влеченія. И никто не умѣетъ такъ хорошо понять это, какъ молодежь, готовая преклониться предъ чистымъ ученымъ, хотя бы и не понимала всего значенія его спеціальности. Скептицизмъ не свойственъ молодости, а если въ героѣ разсказа и его товарищахъ онъ является преобладающимъ, то въ этомъ вся вина лежитъ на профессорахъ, у которыхъ эти юноши не нашли ни поддержки, ни указаній, ни идеальныхъ стремленій, ни чистаго научнаго духа, не считающагося ни съ какими предписаніями и отношеніями за номеромъ такимъ-то.

Если бы авторъ ограничился своей ядовитой критикой современнаго университета, его наброски много выиграли бы. Но тутъ-то и сказался его прежній толстовскій духъ, толкающій его къ общимъ заключеніямъ о негодности университета и науки вообще. Онъ дѣлаетъ общій выводъ о всѣхъ наукахъ внѣ отношенія къ современной ихъ постановкѣ въ университетѣ. «Боже мой,—думалъ я,—какая ерунда и мелочь! Неужели нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе полезнаго, нужнаго людямъ, чѣмъ эта китайская исторія или грузинская нумизматика и морскія водоросли?» И рѣшаетъ, что все это «не то». А университетъ? Какъ можно убивать лучшую пору жизни за учебниками и изученіемъ разныхъ сухихъ спеціальностей? Развѣ не глупо тратить столько времени жизни на сухую и мертвую учебу, когда жизнь разъ дана, уходитъ, и упущеннаго не воротишь?

И нашъ герой бросаетъ науку и ловитъ жизнь съ компаніей такихъ же какъ онъ, отчаявшихся шалопаевъ, занимаясь самымъ низменнымъ прожиганіемъ жизни, въ обществѣ соблазненныхъ ими «свѣженькихъ» модистокъ, не-

приличныхъ и «полуприличныхъ» дѣвицъ. Герой очень искрененъ и, не стѣсняясь, описываетъ свои похожденія, не щадя ни себя, ни товарищей. Онъ дѣлаетъ и здѣсь большую ошибку,—постоянно смѣшивая воедино себя и своихъ компаньоновъ со всѣмъ студенчествомъ. «Студенты это какая-то банда тупицъ и невѣждъ», съ отчаяннымъ озлобленіемъ восклицаетъ товарищъ героя. «А главное, какая самоувѣренность. Воображаютъ, что они нужны обществу... Самое дармоѣдское племя!» Авторъ, какъ видимъ, отнюдь не склоненъ превозносить студенчество за счетъ профессоровъ и съ рѣдкою въ литературѣ откровенностью описываетъ бытъ той студенческой среды, въ которой онъ вращался. И его герой, и всѣ его товарищи ничего не дѣлаютъ, только развратничаютъ да вздыхаютъ подъ вліяніемъ «каценяммера» о идеальной и чистой жизни, гдѣ бы все было ярко, гармонично и хорошо, но сами рѣшительно ничего не дѣлаютъ, чтобы хоть сколько-нибудь подняться надъ пошлой низиной жизни, хотя они прекрасно ее понимаютъ и видятъ. Они не скрываютъ отъ себя и того, что въ будущемъ у нихъ также нѣтъ ничего высокаго. «Служба судебная, административная... вѣдь не можешь не видѣть, что все это ужасъ. И знаешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что пойдешь куда-нибудь служить. Вотъ что ужасно!» Чувствуется, что тутъ нѣтъ никакой рисовки. Всѣ эти юноши дѣйствительно сознаютъ всю пошлость своей жизни, и все-таки пойдутъ по начертанной дорогѣ, безсильно сознавая всю безнадежность и безотрадность такого существованія. И въ этомъ заключается большая доля и правды, и общественнаго интереса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обобщеніяхъ автора, въ отношеніи его къ герою и остальному студенчеству все время чувствуется глубокій разладъ, какая-то неискренность и двойственность. Авторъ не щадитъ своего героя, это правда, но онъ какъ бы любуется имъ тайкомъ и даже гордится имъ.

Герою все время мерещится нѣчто весьма далекое отъ его пустой и распутной жизни; то онъ чувствуетъ какую-то отвѣтственность, какъ бы долгъ предъ чѣмъ-то, то ощущаетъ въ себѣ порывы къ правдѣ, которые онъ не въ силахъ облечь въ плоть и кровь. Съ одной стороны наука не удовлетворяетъ его своею отвлеченностью. «Нѣтъ... не то. Пусть всѣ эти науки о пальцахъ лягушки имѣютъ свое значеніе и связаны съ другими и отъ незнанія ихъ могутъ пострадать другія науки. Пусть такъ, но мнѣ кажется, что теперь не время ими заниматься, и что есть другіе болѣе важные вопросы, которые нужно изучить скорѣе. Большинство человѣчества грубо, невѣжественно и голодно, какъ звѣри. Вся человѣческая мысль должна заниматься тѣмъ, чтобы вывести ихъ изъ этого звѣрскаго положенія и чтобы они хоть не голодали и не работали непосильно, какъ машины». А съ другой стороны: «Что изъ того, что тысячи людей не понимаютъ своего положенія, а сотни учатъ ихъ ненужнымъ вещамъ и получаютъ за это деньги. Развѣ это то, что должно? Развѣ это человѣческая жизнь и въ этомъ счастье... Надо прожить какъ-нибудь иначе... ярко, сильно, свѣтло... не испытывая той скуки... И я мечтаю о томъ, что гдѣ-то, на благодатномъ югѣ, на берегу лазурно-голубого неба, гдѣ растутъ пальмы подъ горячимъ лучомъ солнца, я совершаю какое-то великое, свѣтлое, захватывающее меня дѣло». Но мысль скоро возвращается къ дѣйствительности,

и герой видитъ сѣрое настоящее и такое же долгое сѣрое, скучное будущее. «Что же дѣлать?—мелькаетъ въ моей головѣ. Чѣмъ же заняться?.. Наука... Къ чему? Зачѣмъ? Я хочу жить, а не закопаться въ книги, какъ кротъ, и стоять внѣ жизни... Можетъ быть, заняться общественною дѣятельностью, какъ дѣлаютъ другіе... Пойти въ земство, просвѣщать народъ, бороться съ произволомъ... Но если не вилять, а идти прямо къ цѣли, то вѣдь меня быстро прогонятъ со службы. Бороться съ произволами, а за это тюрьма, Сибирь, съ нечистотой, съ клопами, съ грязными арестантами... Холодно. А я привыкъ къ комфорту, къ чистому бѣлью, къ удобствамъ, къ домашнимъ привычкамъ.. Нѣтъ, не могу... больно это... И точно ли я такъ люблю народъ, чтобы жертвовать для него своимъ счастьемъ... Народъ—это грубые, грязные какіе-нибудь Сидоръ или Марья, какой-нибудь пьяный, противный фабричный... Отдавать счастье для блага грубой, грязной, невѣдомой Марьи?.. Не однѣ ли это пышныя фразы?»

Знакомая фигура,—можно сказать,—приходилось не разъ слышать подобныя ламентаціи. И кажется, еще г. Михайловскій мѣтко окрестилъ одного изъ такихъ хнычущихъ героевъ «гамлетизирующимъ поросенкомъ». Интересъ не въ новизнѣ типа. Онъ всегда былъ, есть и будетъ. А въ его современной модификаціи, въ этихъ его порываніяхъ къ красивой, гармоничной, цѣльной жизни, или какъ выражается родственная по настроенію нашему героя дѣвушка желаніе «огромнаго—огромнаго, почти недостижимаго...» «Знаете эту фразу у Ничше, что нѣтъ дѣла болѣе прекраснаго, чѣмъ погибнуть на великомъ и невозможномъ». Въ то же время къ этому примѣшивается еще отрицательное отношеніе къ прогрессу и къ культурѣ съ оттѣнкомъ толстовства. Такое оригинальное сочетаніе представляетъ въ изображенія г. Гегидзе современный «гамлетизирующій поросенокъ», котораго онъ и не щадитъ.

Онъ неспособенъ ни къ какому дѣйствію, и его даже возмущаетъ та часть его товарищей, которая на вечеринкахъ и въ другихъ мѣстахъ разсуждаетъ о какихъ-то планахъ, о какой-то борьбѣ и проч. Въ немъ сейчасъ же просыпается глухой протестъ и даже почти злоба къ нимъ. «Потому эти люди кричатъ смѣло и поютъ здѣсь, что это легко, потому что они ничтожны и мало думаютъ, что такое правда и не стремятся къ ней», говоритъ онъ. Но въ чемъ выражается стремленіе къ ней самого героя, мы не видимъ нигдѣ, на протяженіи всей книги, и въ этомъ, пожалуй, съ особенной силой сказывается типичность героя. Всѣ свои недостатки—склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, инертность, трусоватость и полнѣйшую бездѣятельность онъ быстро и рѣшительно возводитъ въ общее правило. Всѣ таковы, и этимъ какъ бы втайнѣ себя оправдываетъ. По крайней мѣрѣ, въ безчисленныхъ описаніяхъ амурно-пьянственныхъ похожденій своихъ и своей компаніи, все такихъ же развратныхъ мальчишекъ, есть нѣкое самолюбованіе и скрытое самодовольство, нѣчто въ родѣ молодого ухарства. Но свою способность къ анализу, желаніе лучшей жизни и стремленіе къ правдѣ онъ считаетъ какъ бы своей монополіей, и съ запальчивостью, вообще ему не свойственной, обрушивается на всѣхъ, кто не раздѣляетъ его образа поведенія. Попадаетъ

онъ, напр., на вечеринку, гдѣ говорятся рѣчи на текущія темы и разбираются вопросы чисто теоретическіе и практическіе, и все время злится. Наконецъ, не выдерживаетъ и въ кружкѣ товарищей разражается ядовитой рѣчью по поводу всего видѣннаго и слышаннаго. Къ чему эти рѣчи о добрѣ и правдѣ? «Если я что-либо дѣйствительно глубоко люблю, такъ, что могу пожертвовать за это если не жизнью, то многимъ, то я буду таить это стыдливо въ глубинѣ души. Никто не кричитъ о любви къ матери. Можно жизнью пожертвовать за любимое существо, идею, но кричать, что я это люблю, и приглашать другихъ дѣлать это, по моему значитъ неискренно любить, а только играть въ любовь и любить аплодисменты... Я противъ того, чтобы люди обманывали себя этими вечеринками, криками и хлопаньемъ, думая, что они что-то дѣлаютъ большое и хорошее, и потомъ, отбывъ эту повинность, замазываютъ этимъ въ себѣ голосъ исканія и борьбы... Я потому противъ этого глупаго ломанья, что хотѣлъ бы, чтобы они всю жизнь стремились къ правдѣ и боролись за то, что они добромъ считаютъ...»

Озлобленіе, проникающее эти рѣчи, выдаетъ головой нашего злополучнаго героя. Если бы стремленіе къ добру и правдѣ дѣйствительно было ему присуще, онъ очень легко разглядѣлъ бы, что разными путями люди стремятся къ этой высокой цѣли, и что, во всякомъ случаѣ, посѣтители вечеринокъ и ораторы скорѣе смогутъ найти свою дорогу, чѣмъ онъ и его компаньоны, кутилы и развратники, оправдывающіеся тѣмъ, что нѣтъ у нихъ впереди высокой цѣли. Вѣдь это пустая фраза «о великомъ и невозможномъ», которою очень удобно прикрывать пустоту и ничтожество собственной особы. «Но гдѣ это великое?»—съ отчаяніемъ вопрошаетъ герой. Увы! Кто задаетъ этотъ вопросъ, тѣмъ самымъ уже осужденъ на сѣрое и безцвѣтное существованіе, сколько бы громкихъ и красивыхъ фразъ онъ еще ни наговорилъ. Ибо «великое и невозможное» скрыто въ *нашей* душѣ, а не внѣ насъ, и кто ощущаетъ его присутствіе въ себѣ, тотъ не хнычетъ, не гипнотизируетъ себя звонкими словами, не топитъ въ развратѣ яко бы неудовлетворенныхъ стремленій. Онъ бодро и радостно отдается жизни и вездѣ находитъ живыя цѣли и задачи, отъ всего умѣетъ вызвать отвѣтъ на властный голосъ своего «великаго и невозможнаго», бьющаго въ немъ яркой и живительной струей на радость всему окружающему.

«Собачьей старостью» отзывается и заключительная сцена, особенно расцвѣченная авторомъ, когда нашъ «гамлетизирующій поросенокъ» сталкивается съ страстнымъ чувствомъ дѣвушки, влекущимъ ее на свободу изъ душной и растлѣнной атмосферы родного угла. Люба, къ которой герой больше чѣмъ неравнодушенъ, говоритъ объ угрожающемъ ей насильственномъ бракѣ, о желаніи во что бы то ни стало бросить родной уголъ и вырваться на курсы въ Петербургъ, чтобы добиться самостоятельной жизни. Она вся жизнь, энергія и сила, для которой все возможно. На ея несчастье у нашего героя въ душѣ одна гниль и труха, которою онъ и пытается отравить это жизнерадостное существо. И вотъ онъ начинаетъ свое нытье. «Къ чему все это? Зачѣмъ? Ну, допустимъ, она добьется цѣли, кончитъ курсы. А дальше что? Какое-нибудь

мѣсто учительницы съ жалкимъ жалованіемъ въ 70—80 р. (у нашего героя все какъ-то сводится къ этому «мѣсту съ жалованіемъ» и внѣ его онъ нигдѣ и ничего не видитъ), жалкое существованіе». «Мнѣ многаго и не нужно», отвѣчаетъ Люба. «Неправда,—воскликнулъ я горячо,—дѣло, конечно, не въ деньгахъ... но въ осуществленіи всѣхъ возможностей жизни. Человѣкъ долженъ все видѣть, весь міръ съ одного конца до другого, долженъ все испытать, все перечувствовать... Онъ долженъ не прозябать, а прожечь великую, блестящую, полную всего жизнь. Онъ долженъ и страдать въ нуждѣ, и топить себя въ высшей нѣгѣ и роскоши. Нужно выпить жадными губами всю жизнь до капли... а чтобы влачить сѣрое, скучное, монотонное существованіе по моему жить не стоитъ... Вы кончите,—продолжалъ я горячо,—но какая будетъ ваша жизнь? Самая обыденная, сѣрая, день изо дня, какъ у всѣхъ. Что вы ожидаете и перечувствуете, сидя десятки лѣтъ гдѣ-нибудь въ губернскомъ городишкѣ въ родѣ нашего? Чѣмъ ваша жизнь будетъ отличаться отъ жизни обыкновеннаго чиновника, котораго вы такъ презираете? Только тѣмъ, что вы будете знать хорошо исторію французской революціи или кислоты и щелочи. Вѣдь оттого, что вы кончите курсы, ничего яркаго, незаурядnаго къ ней не прибавится. Будетъ также мелко, какъ и раньше... А потомъ или вы сдѣлаетесь старой дѣвой, и будете киснуть безъ счастья и свѣта, смотря, какъ убѣгаетъ отъ васъ жизнь, или выйдете замужъ за средняго, обыкновеннаго человѣка, будете родить, жить, варить супъ... вся эта мелкая проза, мелкіе интересы, и такъ вся жизнь... Объ этомъ ли вы мечтаете, Люба?.. Другими я посовѣтовалъ бы курсы. Но вамъ, Люба, не могу. Знаете почему? Потому что вы не такая, какъ другія. Въ васъ слишкомъ *идеала* много. Вы слишкомъ ненавидите прозу и пошлость. Знаете лермонтовское: «По небу полуночи». Вы такая же томящаяся по идеалу души. А чтобы мѣнять одну пошлость на другую, не стоитъ по моему идти на курсы».

Люба молча уходитъ отъ печальнаго героя, и это единственное, что она можетъ сдѣлать. И ужъ, конечно, обдумавъ его іереміады, все-таки уйдетъ изъ дому и поступитъ на курсы. На курсахъ нѣтъ особой науки о идеалахъ, какъ нѣтъ ея вообще, но если она дѣйствительно—душа, томящаяся по идеалу, то съ курсовъ она унесетъ не только знаніе исторіи или кислотъ и щелочей,—хотя и эти знанія весьма почтенны и нужны и никакому идеалу не мѣшаютъ. Тамъ она скорѣе найдетъ себѣ настоящую *дорогу* къ идеалу, чѣмъ въ промозгломъ углу, гдѣ ее хотѣлъ бы удержать герой. Какова эта дорога, никто не можетъ указать заранѣе человѣку,—только онъ самъ можетъ ее найти для себя. Другіе, общество, учрежденія, товарищи, наука и литература только могутъ помогать въ нашихъ стремленіяхъ къ идеалу, но главное и прежде всего—это наша иниціатива, наша энергія. Избранныя души, къ которымъ причисляетъ герой и Любу, только счастливѣе другихъ и легче находятъ свою дорогу. Гдѣ другіе скользятъ и падаютъ, онѣ растутъ и подымаются и становятся свѣточами, поставляемыми на горѣ, чтобы свѣтить остальнымъ, болѣе бѣднымъ и слабымъ. Но никогда избранныя души не остаются на мѣстѣ сидѣть и ныть, и только потому, что идеалъ есть нѣчто недостижимое, никогда безвольно не

поддаются окружающему мраку, отказываясь отъ борьбы. Конечно, не только и свѣту въ окнѣ, что курсы да курсы. У Господа путей много, по которымъ онъ ведетъ своихъ избранниковъ... Главное, надо бороться, бороться и еще бороться, и кто претерпитъ до конца, тотъ спасется...

Каждую осень тысячи юношей и дѣвушекъ устремляются въ наши научные и общественные центры, движимые тѣмъ же восторженнымъ чувствомъ, что и нашъ герой, когда онъ вступалъ въ университетъ. И многіе изъ нихъ покончатъ такимъ же жалкимъ образомъ, какъ герой г. Гегидзе, но не всѣ. И эти, конечно, идутъ не тѣмъ путемъ, какимъ шелъ нашъ герой. Его ошибка въ томъ и состояла, что онъ всего ожидалъ отъ *другихъ*. Въ университетѣ профессора плохи (да и то не всѣ же),—значитъ, надо добиваться знаній и свѣта безъ нихъ, брать собственнымъ усиліемъ и трудомъ. Такъ и дѣлаютъ тѣ, что наполняютъ лабораторіи, библіотеки и ученые кабинеты, поглощаютъ массу книгъ и работаютъ на свой страхъ и рискъ, не покладаючи рукъ, вовсе не приходя въ отчаяніе и уныніе отъ того, что глупый профессоръ политической экономіи говоритъ глупости. Очень жаль, конечно, что дуракъ занимаетъ мѣсто, которое долженъ и могъ бы занимать умница и талантливый профессоръ, и противъ этого зла надо бороться всѣми силами. Но лучшая и, къ счастью, далеко не малая часть студенчества не теряетъ духа и упорнымъ трудомъ добивается знанія. Кутящее студенчество, мозолящее глаза у Доминика и въ другихъ злачныхъ мѣстахъ, такъ хорошо изученныхъ героемъ г. Гегидзе, далеко не большинство учащейся молодежи. Не такъ давно, по поводу очерковъ г. Иванова, рисующихъ жизнь московскаго студенчества, мы указывали, какая поражающая бѣдность царитъ въ средѣ учащихся, что уже одно не дозволяетъ дѣлать такихъ обобщеній, на какихъ нашъ герой строитъ свои выводы о духѣ студенчества вообще. Огромная часть студенчества слишкомъ бѣдна, чтобы вести такой распущенный образъ жизни, какъ герой и его компаніоны, всѣ эти Долговы, Рыси, Николаевы и проч. Трудъ спасаетъ ихъ прежде всего отъ разврата тѣла и души, и онъ же облагораживаетъ ихъ привычки, закаляя въ борьбѣ съ нуждой и вырабатывая крѣпкіе, стойкіе типы лучшей части нашей интеллигенціи. Мы не говоримъ уже о женской части учащейся молодежи, которой не рѣшился коснуться и нашъ герой, только въ одномъ мѣстѣ позволивъ себѣ сожалѣніе, что «весну своей жизни» онѣ проводятъ такъ аскетически. «Бѣдныя дѣвушки! — восклицаетъ онъ.— Сколько тайныхъ, стыдливо скрываемыхъ отъ постороннихъ взглядовъ мученій происходитъ отъ этого неестественнаго мучительнаго аскетизма, на который онѣ нехотя обречены нашими пошлыми, глупыми предразсудками...» Къ счастью, это вовсе не такъ, какъ представляется нашему герою, который всѣхъ мѣритъ на свой аршинъ. Онѣ, какъ и большинство ихъ товарищей-студентовъ, слишкомъ преданы работѣ, слишкомъ заняты другими интересами, и времени не остается для «тайныхъ мученій», которыя являются въ огромномъ большинствѣ случаевъ плодомъ пустой, распущенной, ничѣмъ серьезнымъ не занятой жизни.

«Наброски» г. Гегидзе, безспорно, интересны, но не слѣдуетъ придавать

имъ больше значенія, чѣмъ они имѣютъ. Нечего поэтому впадать въ трагическій тонъ и ставить крестъ надъ всей учащейся молодежью оттого, что и среди нея есть не мало пошляковъ, нытиковъ и прямыхъ развратниковъ. Не они придаютъ окраску цѣлому и даже не составляютъ значительной его части. Въ общемъ это цѣлое живетъ, какъ жило и прежде и будетъ жить всегда, здоровой и нормальной жизнью, увлекаясь, мечтая, трудясь и совершенствуясь въ поискахъ лучшаго будущаго, которое достанется не нытикамъ и хнычущимъ, а смѣлымъ борцамъ. Для этихъ послѣднихъ сказаны и слова Ницше о томъ, что «нѣтъ дѣла болѣе прокраснаго, чѣмъ погибнуть на великомъ и невозможномъ», ибо это великое живетъ у нихъ въ душѣ и движетъ ихъ впередъ и впередъ, не давая погрязнуть въ мелкой будничной, сѣрой и скучной дѣйствительности.

Двадцать лѣтъ исполнилось въ августѣ со дня смерти Тургенева, скончавшагося 22-го августа 1883 г. въ Буживалѣ послѣ долгой мучительной болѣзни. Это, глубоко потрясшее тогда русское общество, событіе совпало съ началомъ общественной реакціи и имѣло для многихъ какъ бы символическій смыслъ,—ушелъ великій писатель, отразившій въ своихъ произведеніяхъ все, чѣмъ жила передовая и лучшая часть общества освободительной эпохи. Его смерть явилась словно заключеніемъ этого времени, съ нимъ общество какъ бы хоронило всѣ несбывшіяся обѣтованія и надежды, хоронило весну своей только что начавшейся жизни. Наступало новое время, несшее тяжелыя заботы и мало свѣтлыхъ чаяній...

Двадцать лѣтъ—что значитъ такой ничтожный промежутокъ времени въ жизни общественной? А между тѣмъ, какъ-будто вѣковая эпоха отдѣляетъ насъ отъ той минуты. Такъ много произошло событій съ тѣхъ поръ, столько накопилось всякихъ новыхъ наслоеній, теченій и настроеній за это время въ литературѣ, отодвинувшихъ Тургенева и интересъ къ нему. Изъ писателей его современниковъ выдвинулось двое, Достоевскій и Толстой, получившіе огромное значеніе не столько какъ художники, сколько какъ учителя жизни, чѣмъ Тургеневъ не былъ и не стремился быть. Въ цѣлой плеядѣ новыхъ писателей, выступившихъ за эти двадцать лѣтъ, трудно было бы прослѣдить вліяніе Тургенева, даже отмѣтить сходственныя черты въ манерѣ письма. Въ одномъ развѣ Чеховѣ можно видѣть ту же тонкость и кристальную ясность въ описаніяхъ, какую-то прозрачную чистоту образовъ, столь характерную для Тургенева. И тѣмъ не менѣе чувствуется уже, что мы скоро вернемся къ Тургеневу, какъ уже вернулись къ Пушкину.

Едва ли нужно говорить о томъ неумирающемъ значеніи, какое имѣетъ Тургеневъ, какъ великій художникъ и творецъ русскаго романа. Въ этомъ отношеніи его мѣсто въ исторіи русской литературы рядомъ съ Пушкинымъ, непосредственнымъ продолжателемъ котораго въ романѣ является именно онъ. Какъ Пушкинъ создалъ русскій стихъ, такъ Тургеневъ создалъ русскую прозу, выработавъ чудный русскій языкъ до недосягаемаго совершенства. Вся послѣдующая литература не дала ничего выше «тургеневскаго языка», выше его

чистоты, ясности и музыкальности. Какъ творецъ формы, онъ не превзойденъ никѣмъ ни изъ его современниковъ, ни изъ послѣдующихъ писателей. Недаромъ онъ такъ любилъ «чудный русскій языкъ» и возлагалъ на него такія надежды, видѣлъ въ немъ свое высшее утѣшеніе и гордость, что и выразилъ незадолго до смерти въ извѣстномъ стихотвореніи въ прозѣ. Страстный, порывистый, нервный языкъ Достоевскаго, грубый, поразительно сильный языкъ Толстого — это какъ бы сама противоположность тургеневскому стилю, царственно-спокойному, удивительно простому и естественному, какъ сама природа. Послѣдующая литература слишкомъ удалилась отъ него, пріучила насъ къ грубости, напыщенности или вычурности, и начинающаяся теперь реакція, стремленіе къ бо̀льшей простотѣ и чистотѣ языка—это первый признакъ поворота къ Тургеневу, къ его здоровому, какъ воздухъ родныхъ полей, языку. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше почувствуемъ мы всю огромность значенія этого языка для литературы. Въ этомъ отношеніи вліяніе Тургенева только еще начинается. Мы еще будемъ его изучать, вчитываться въ него и безконечно наслаждаться имъ, какъ теперь изучаемъ и наслаждаемся Пушкинымъ, открывая въ немъ все новыя и новыя красоты.

Но что такое языкъ писателя? Онъ не только форма, онъ въ огромной степени и душа его, что давно уже запечатлѣно въ извѣстномъ изреченіи: «стиль—это человѣкъ». Такъ и въ языкѣ Тургенева отразилось, какъ въ зеркалѣ, его міросозерцаніе—возвышенное служеніе правдѣ и красотѣ, благородное, недо́сягаемо высокое отношеніе къ любви, къ женщинѣ, къ человѣку, пониманіе и близость къ народу, неутомимое и спокойное стремленіе къ основнымъ начала̀мъ всякаго человѣческаго общежитія—къ свободѣ и культурѣ. И поворотъ къ Тургеневу—это жажда простой, незыблемой человѣческой правды, которую онъ увѣковѣчилъ въ безсмертныхъ образахъ Рудина, Лаврецкаго, Лизы, Елены, Базарова, Нежданова, Маріанны, въ типахъ изъ «Записокъ охотника», въ стихотвореніяхъ въ прозѣ. Въ нихъ выкована не только Россія сороковыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, — что уже одно придаетъ имъ огромное историческое значеніе,—но и неумирающія черты русской женщины, русскаго интеллигента и русскаго мужика, словомъ — русскаго народа. У Тургенева нѣтъ только русскаго рабочаго, потому что его еще не было въ то время, онъ явился послѣ Тургенева, въ послѣднее время промышленнаго роста Россіи.

Въ особенности велико значеніе Тургенева въ изображеніи и пониманіи русской дѣвушки и общественнаго движенія. Ни у одного писателя мы не находимъ такой богатой галлереи русскихъ дѣвушекъ, — это безспорно ихъ поэтъ, съумѣвшій подслушать тончайшіе оттѣнки біенія ихъ сердецъ и создавшій вѣчный памятникъ ихъ благородству, нѣжности, самоотверженію и любви, въ лицѣ Лизы, Елены, Маріанны и той безымянной, которой онъ посвятилъ знаменитое стихотвореніе въ прозѣ. Послѣдующая литература не прибавила ни одного новаго образа къ этой чудной галлереѣ, какъ бы признавъ молчаливо, что послѣ Тургенева ей нечего дѣлать въ этой области. И въ этомъ отношеніи поворотъ къ Тургеневу равносиленъ благородному и возвы-

шенному, истинно рыцарственному преклоненію предъ женщиной, которымъ запечатлѣны его произведенія. Онъ поднялъ русскую женщину на недосягаемую высоту идеала и этимъ, быть можетъ, больше содѣйствовалъ ея развитію и всему, что связано съ женскимъ движеніемъ въ Россіи, чѣмъ вся русская публицистика, ратовавшая за женскую свободу.

А въ исторіи русскаго общественнаго движенія значеніе Тургенева совершенно исключительное, такъ какъ въ художественной литературѣ никто ни до, ни послѣ него не посвятилъ ему столько вниманія и силъ. Эпоха сороковыхъ годовъ въ лицѣ Рудина, Лаврецкаго, лишняго человѣка, шестидесятые года въ «Отцахъ и дѣтяхъ» и «Дымѣ», и семидесятые въ «Нови» получили почти законченное изображеніе. Въ Базаровѣ творческій геній Тургенева проявился съ истинно пророческой силой, возсоздавъ типъ, который надолго явился самымъ яркимъ представителемъ опредѣленнаго общественно-философскаго настроенія. И теперь еще Базаровъ не умеръ, онъ только состарился и по временамъ брюзжитъ по-стариковски на разныя увлеченія молодежи поэзіей, философіей (особенно за ея идеалистическій оттѣнокъ), безпринципнымъ искусствомъ и проч. И намъ кажется, что современное настроеніе, столь чуждое базаровскому, не мало должно способствовать къ сближенію съ Тургеневымъ и оживленію интереса къ нему въ цѣломъ.

Мы можемъ только отъ души привѣтствовать это оживленіе, такъ какъ именно теперь оно имѣетъ особое значеніе. Тургеневъ—это символъ западничества, т.-е. тѣхъ общихъ всему культурному человѣчеству началъ, которыя составляютъ основу истинно человѣческаго общества, началъ свободы, правды и справедливости, проводимыхъ Тургеневымъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Въ нашемъ сближеніи съ Западомъ Тургеневъ сыгралъ двойную роль, съ одной стороны, проводя въ сознаніе русскаго общества осново-начала западно-европейской культуры, съ другой—введя русскую литературу въ обиходъ западно-европейской. До него на Западѣ знали нашу литературу только по имени. Его начали переводить перваго и черезъ него заинтересовались и всей русской литературой. Онъ проложилъ ей дорогу въ общечеловѣческую художественную сокровищницу, гдѣ съ тѣхъ поръ, благодаря ему, Достоевскому и Толстому, она упрочилась навсегда. Усилія нашихъ націоналистовъ послѣдняго времени задержать это сближеніе съ Западомъ осуждены всей нашей исторіей на безплодіе, но тѣмъ большее значеніе можетъ получить возвратъ къ Тургеневу, этому геніальному борцу за западно-европейскія вліянія въ нашей жизни. Русскій націонализмъ не имѣлъ врага болѣе страшнаго, чѣмъ Тургеневъ, который со временъ «Записокъ охотника», нанесшихъ сильнѣйшій ударъ главному устою нашей самобытности, крѣпостному праву, и до послѣдней строчки, написанной его холодѣющей рукой, оставался вѣрнымъ своей юношеской «аннибаловой клятвѣ»...

Двадцать лѣтъ прошло со дня смерти великаго писателя, и пора бы русскому обществу подумать о достойномъ Тургенева памятникѣ. Мѣсто для такого памятника само напрашивается—противъ Пушкина въ Москвѣ, такъ какъ Тургеневъ не только прямой его продолжатель въ литературѣ, но вмѣ-

стѣ съ нимъ и вполнѣ національный русскій писатель, отразившій въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ и русскую природу, и душу русскаго народа. Онъ любилъ и зналъ и ту и другую, воздвигнувъ имъ безсмертный памятникъ въ своихъ твореніяхъ. Было бы вполнѣ своевременно поэтому, если бы къ предстоящему двадцатипятилѣтію смерти Тургенева благодарное потомство воздвигло ему памятникъ, достойный благороднѣйшаго борца за свободу и свѣтлое будущее его народа.

Въ августѣ же исполнилось 75 лѣтъ со дня рожденія другого великана нашей литературы, Л. Н. Толстого, который, къ счастью для всего человѣчества, такъ же бодръ, свѣжъ и полонъ рабочей энергіи, какъ и раньше. Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, великій старецъ работаетъ очень много надъ новымъ философскимъ произведеніемъ и надъ своей повѣстью «Хаджи-Муратъ», давно уже имъ начатой. Эта бодрость и свѣжесть мысли могучаго писателя трогаютъ, восхищаютъ и ободряюще дѣйствуютъ на душу. Знаешь, что живъ живъ и бодръ этотъ неутомимый искатель правды и борецъ за нее,—и оживаетъ въ душѣ надежда на свѣтлые дни, бодрое чувство смѣняетъ уныніе, для котораго довольно пищи въ текущей дѣйствительности. Ибо велика сила примѣра, въ особенности, когда видишь его въ лицѣ свѣточа, который свѣтитъ всему міру. Въ буквальномъ смыслѣ исполняются на немъ слова: «свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ, а тьма не можетъ поглотить его».

Пожелаемъ же ему еще долго-долго свѣтить, трудиться такъ же энергично и плодотворно, какъ до сихъ поръ, сохраняя свою неизмѣнную, чисто юношескую чуткость и отзывчивость на все, что происходитъ въ жизни. Каждое слово его становится достояніемъ всего міра, который въ благоговѣйномъ молчаніи воспринимаетъ его, ибо въ немъ онъ слышитъ отголосокъ вѣчной правды, призывъ къ братству, любви, единенію, труду и миру. И какъ ни одиноко звучитъ этотъ голосъ въ наши суровые дни,—онъ тѣмъ не менѣе будитъ совѣсть и напоминаетъ о возмездіи...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Къ біографіи В. Г. Короленко. Въ «Южной Россіи» находимъ очеркъ о дѣтскихъ годахъ В. Г. Короленко, прочитанный въ Полтавѣ М. И. Сосновскимъ на «Короленковскомъ» вечерѣ 15-го іюля. Очеркъ этотъ представляетъ только попытку собрать нѣкоторые матеріалы для разработки ихъ будущими біографами талантливаго писателя. Очеркъ составленъ по разсказамъ ближайшихъ родственниковъ Влад. Галакт.

Вл. Г. К—о росъ въ большой дѣтской компаніи своей семьи. Его очень увлекала товарищеская жизнь дѣтей своей семьи и сосѣдей, что такъ ярко обрисовано самимъ К—о въ его разсказѣ «Въ дурномъ обществѣ». Старше его былъ братъ Юліанъ, послѣ него, Владиміра, шелъ Илларіонъ (въ 55 году), сестра Марія (родилась въ 1856 году), Ева (62 г.). и Александръ (въ 65 г.). Мать ихъ Эвелина Іосифовна, очень кроткая женщина, всегда старалась соблюсти равенство въ семьѣ, и Владиміръ особыхъ преимуществъ не имѣлъ.

Теплыми штрихами очерчиваетъ авторъ очерка душевный обликъ отца К—о, Галактіона Аѳанасьевича. Неподкупному судьѣ большихъ хлопотъ стоило отбиваться отъ «благодарности». Сынъ вспоминаетъ, что одинъ разъ отецъ его такъ и не смогъ отбиться. Какая-то помѣщица, въ пользу которой онъ рѣшилъ дѣло, въ отсутствіи судьи, доставила въ домъ его цѣлый возъ «благодарности», всякой деревенской снѣди и всевозможныхъ гостинцевъ. Судья приказалъ разыскать помѣщицу и вернуть этотъ возъ къ ней обратно. На другой день повторилось то же, но въ числѣ подарковъ оказалась большая кукла, которую уже успѣли передать его 4-лѣтней дочери. Когда судья вновь приказалъ все это вернуть, куклу невозможно было отобрать у дѣвочки, она такъ расплакалась, что отецъ велѣлъ куклу оставить. Кукла эта фигурируетъ потомъ въ судьбѣ дѣтей подземелья въ разсказѣ Кор—ко «Въ дурномъ обществѣ».

Честный судья и какъ глава семьи былъ человѣкомъ твердыхъ правилъ и многочисленную семью свою держалъ въ большой дисциплинѣ. Онъ не былъ человѣкомъ широкаго образованія, но всегда къ нему тяготѣлъ. Любилъ и медицинскія книжки и по нимъ составлялъ разныя системы леченія членовъ семьи. Мальчики одѣты были всегда хорошо, но всегда были босые; это была отцовская система закаливанія здоровья. Кромѣ того, ихъ закаливали утрен-

ними холодными ваннами во всѣ времена года, и лѣтомъ, и зимой. Зимой дѣтишки пытались уклоняться отъ этого «удовольствія». Въ однѣхъ рубашкахъ утромъ дѣти удирали изъ дому, прятались въ каретномъ сараѣ, пережидали, пока отецъ уйдетъ на службу, тогда они полузамерзшіе возвращались домой. Самъ Галактіонъ Аѳанасьевичъ купался въ рѣкѣ до наступленія морозовъ.

Съ благодарностью вспоминаетъ теперь это закаливаніе Вл. Гал—чъ, ему оно оказало большую услугу во время его послѣдующихъ скитаній въ разныхъ климатахъ и полюсахъ Россіи. Медицинскіе эксперименты отца надъ членами семьи у всѣхъ сохранились въ памяти, какъ довольно непріятное впечатлѣніе: ихъ пичкали какими-то отвратительными пилюлями, зимой всѣ пили рыбій жиръ, а лѣтомъ какой-то отвратительный настой «Анютиныхъ глазокъ».

Учиться В. Г. началъ съ 6—7 лѣтъ, у тетокъ. Съ 8 лѣтъ приглашались уже настоящіе учителя. Сестры вспоминаютъ, что въ это время мальчикъ, перенесши тяжелую лихорадку, сдѣлался слезливымъ. Онъ могъ расплакаться при одномъ напоминаніи о боли, причиненной ему нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Когда однажды стали вспоминать за столомъ о поѣздкѣ всей семьи къ дѣду въ Кишиневъ, бывшему тамъ директоромъ таможни, то маленькій Володя неожиданно расплакался. Оказалось, онъ вспомнилъ, какъ отецъ ожегъ его окуркомъ. Ребенокъ живо представилъ себѣ испытанную боль, хотя это и было годъ тому назадъ.

Второй періодъ такой слезливости возобновился при возвратѣ лихорадки, уже въ пансіонѣ, куда его отдали 8 лѣтъ. Когда брата его повели сѣчь—съ нимъ приключилась истерика.

Очень слабо характеризуется въ очеркѣ г. Сосновскаго и пансіонскій бытъ. Содержатель пансіона, родичъ матери К—о, былъ по своему добръ, но онъ былъ хворъ, не могъ ходить и дѣти раздражали его шалостями. Въ большомъ употребленіи въ пансіонѣ была линейка. Ею наказывали и за шалости, и за то, что дѣти говорили по-польски или по-русски, а не на обязательномъ французскомъ. У дѣтей вырабатывалось какое-то молодечество. Проявлять чувство боли считалось позоромъ. Мальчики сами подходили къ стулу педагога, подавали руку и, не моргнувъ глазомъ, выдерживали положенную порцію ударовъ линейкой.

Авторъ очерка утверждаетъ даже, что дѣти такъ привыкли къ линейкѣ, что она у нихъ обратилась въ игру и они будто сами доносили и наказывали провинившихся противъ французскаго языка. Всякіе другіе доносы не терпѣлись и наказывались, ученики сами должны были улаживать свои ссоры.

Были среди педагоговъ и лица, мучившія дѣтей своей грубостью и жестокостью. Коснувшись вліянія духа товарищества и братства въ школѣ, на взаимныя отношенія дѣтей дома, въ семьѣ, г. Сосновскій замѣтилъ, что отношенія эти приняли характеръ воинскаго дружества, рыцарства.

Польское возстаніе, бывшее тогда въ разгарѣ, давало матеріалъ для игръ. Дѣти установили цѣлый рядъ почестей и наградъ, зато и дисциплина была чисто воинская и наказанія были суровыя. Запираніе въ сырой погребъ играло видную роль въ градаціи взысканій. Пониманія событій у дѣтей не было,

Вл. Гал—чъ вспоминаетъ только, что онъ испытывалъ чувство жалости къ гонимымъ полякамъ и къ жившимъ въ ихъ дворѣ больнымъ и раненымъ русскимъ солдатамъ.

Своимъ временемъ дѣтямъ предоставлялось распоряжаться свободно и они цѣлые дни проводили на рѣкѣ и въ лѣсу, стараясь только во-время являться къ обѣду. Эта свобода развивала въ дѣтяхъ мужество и предпріимчивость. У Вл. Гал—ча рано развилась любовь къ мастерству: его издѣлія для дѣтскихъ игръ отличались изяществомъ. Также рано К—о пристрастился къ рисованію.

Чтеніе книгъ у К—о носило случайный характеръ. Пошлетъ его старшій братъ мѣнять книгу въ библіотеку, притулится мальчикъ къ забору и читаетъ украдкой страницу за страницей, памятуя, что слишкомъ запаздывать нельзя, можетъ влетѣть отъ брата. Первыми прочитанными имъ цѣликомъ книгами были: «Робинзонъ-Крузо» и «Ѳома изъ Сандоміра» Крашевскаго (на польскомъ языкѣ). Особенно большое впечатлѣніе произвелъ на впечатлительнаго отрока К—о самоучка Ѳома, добившійся большихъ знаній и посвятившій себя служенію родному народу. Національный вопросъ зародился въ головѣ К—о впервые также въ пансіонѣ. Польское возстаніе заставляло сильно работать голову отрока. Въ это же время явился въ пансіонъ новый учитель хохолъ и сталъ выдѣлять дѣтей малороссовъ. Онъ уяснилъ Короленко, что онъ не полякъ и не русскій, а хохолъ. Прочитавъ малорусско-патріотическое произведеніе малороссійской литературы «Чупрына и Чортоусъ», К—о сталъ украинцемъ. Такъ шло до прочтенія Добролюбова, «Здѣсь моя настоящая родина»,—заявилъ всѣмъ Вл. Гл—чъ, но это было уже въ послѣднихъ классахъ гимназіи. Старшій братъ К—о Юліанъ издавалъ въ пансіонѣ ученическій журналъ, въ видѣ отдѣльныхъ листковъ, посвященныхъ пансіонскимъ злобамъ. Юліанъ писалъ стихотворенія, Владиміръ рисовалъ каррикатуры.

Въ 1865 г. В. Г. К—о отдали во II-й классъ житомірской гимназіи. Изъ древнихъ языковъ въ этой гимназіи былъ только латинскій. Кругъ товарищей расширился. К—о учился ровно и хорошо. Слабъ онъ былъ только въ ариѳметикѣ, еще въ пансіонѣ не въ мѣру строгій учитель убѣдилъ К—въ его неспособности къ математикѣ. Въ III-мъ классѣ его порѣзали на экзаменѣ.

Отца часто переводили. И теперь его перевели изъ Житоміра въ Дубно слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, а потомъ вскорѣ его перевели въ Ровно. Отецъ и мать уѣхали, а семья оставалась еще долго на попеченіи тетушки Елизаветы Іосифовны. Въ Ровно переѣхали всѣ въ 1867 году. Дѣтей перевели въ ровенскую реальную гимназію. Такъ тогда именовались реальныя училища. В. Г. приняли въ III-й классъ. Здѣсь учителемъ ариѳметики оказался болѣе знающій человѣкъ, и К—о сталъ быстро поправляться по этому предмету.

Домашняя жизнь дѣтей шла попрежнему, такъ, какъ она обрисовывается въ разсказѣ К—о «Въ дурномъ обществѣ». Рѣка по прежнему играла большую роль. Лѣтомъ на лодкѣ, зимой на конькахъ. Часто проваливались сквозь ледъ, но безъ худыхъ послѣдствій, отцовскій «закалъ» сказался. Предпріимчивость мальчиковъ заводила ихъ иногда къ довольно крупнымъ непріятностямъ. Разъ

на В. Г. обвалился довольно тяжелый заборъ. Другой разъ, на каруселяхъ, ему захотѣлось посмотрѣть съ земли, какъ подымаются качалки, онъ легъ подъ карусель и былъ чуть не до смерти разбитъ качалкой. Разбито было все лицо, носъ своротенъ на сторону. К—о удалось скрыть это отъ матери. Позвали врача, стали лѣчить, но носъ все-таки сильно пострадалъ, пришлось удалить кусочекъ раздробленой кости.

Хотя большинство педагоговъ ровенской реальной гимназіи и были порядочные рутинеры, но были и молодые, прогрессивные преподаватели, и съ IV—V-го класса для К—о начинается новая жизнь. Среди умныхъ и образованныхъ учителей выдѣлялся учитель русскаго языка и словесности Авдіевъ. Онъ очень любилъ свое дѣло и къ ученикамъ относился не казенно. Онъ читалъ съ учениками Тургенева, Некрасова, Островскаго. Онъ говорилъ содержательно, и ученики увлекались имъ. Пробудилось сознаніе долга передъ родиной, работы на пользу народа и пр. У Авдіева собирались ученики, образовался кружокъ, читали прогрессивныхъ писателей: Бѣлинскаго, Добролюбова и др. К—о весь погрузился въ интересы кружка.

Когда В. Г. былъ въ V-мъ классѣ, умеръ его отецъ, и семья осталась безъ всякихъ средствъ. Вл. Гал. уже мечталъ о славѣ писателя. Хотѣлось ему быть хорошимъ адвокатомъ, чтобы защищать всѣхъ слабыхъ. Но нужно было поддерживать семью. Мать открыла ученическую квартиру. В. Г. былъ назначенъ въ этой квартирѣ старшимъ репетиторомъ Пришлось давать частные уроки. По воспоминаніямъ Вл. Гал—ча объ этомъ періодѣ времени, онъ не умѣлъ особенно ладить со своими подчиненными—квартирантами матери.

Въ цѣляхъ болѣе вѣрнаго заработка возникалъ даже проектъ поступленія В. Г. на военную службу. Но авдіевское вліяніе и чтеніе Добролюбова не дали этому проекту на долго задерживать вниманіе К—о.

Саморазвитіе подъ вліяніемъ чтенія русскихъ боевыхъ писателей въ послѣднихъ классахъ реальной гимназіи быстро двигалось, и внутренній міръ Короленко быстро принималъ опредѣленную окраску, необходимость же поддерживать семью также все больше давала себя знать.

Реальную гимназію В Г. окончилъ въ 1871 г. съ серебряной медалью. Готовиться въ университетъ нужно было время и средства, и юноша рѣшилъ поступить туда, куда примутъ сейчасъ, и въ августѣ 1871 г. былъ принятъ въ технологическій институтъ въ Петербургѣ.

Дорисовывая портретъ Вл. Гал—а уже взрослымъ, М. И. Сосновскій дальнѣйшихъ событій его жизни (извѣстныхъ намъ и по другимъ источникамъ) коснулся какъ бы вскользь и оговорился, что ихъ въ настоящее время касаться детальнѣе трудно, такъ какъ и время, въ которое росъ Вл. Гал—ъ, и та эпоха, въ которую онъ развивался и складывался духовно, еще слишкомъ близки къ намъ, живы еще почти всѣ его современники, да и дѣйствовавшія на нихъ общественныя условія и для насъ сохранили почти всю еще свою силу.

Характерный документъ. Въ «Зак. Об.» напечатанъ любопытный документъ, ярко иллюстрирующій своеобразныя отношенія мѣстной окраинной интеллигенціи къ закону и правамъ личности. Документъ этотъ — письмо одного интеллигента Бійскаго уѣзда, адресованное къ становому приставу г. Андроникову. Мировой судья 2-го участка Бійскаго уѣзда разбиралъ въ публичномъ засѣданіи уголовное дѣло по обвиненію крестьянина с. Смоленскаго Ивана Рохлина въ тайной продажѣ вина и огласилъ этотъ любопытный документъ, который приводимъ полностью:

«Добрѣйшій Александръ Александровичъ! Усиленная и покорная просьба вынудила меня написать вамъ настоящее посланіе. Предъявитель сего кр-нъ с. Смоленскаго Иванъ Кузьминъ Рохлинъ, тотъ самый, который обвиняется въ безпатентной продажѣ вина. Рохлинъ вполнѣ убѣдился, что за свой поступокъ онъ подлежитъ строгому наказанію. Сознавая свою вину, онъ горько раскаивается и готовъ хотя чѣмъ-нибудь загладить ее. Неоднократно приходилъ Иванъ Рохлинъ ко мнѣ со слезной просьбой помочь ему въ его горѣ и насколько возможно защитить его, но я все отказывался; наконецъ, хныканье и стенанье его мнѣ надоѣли, и, дабы отвязаться отъ него, я посылаю его къ вамъ съ покорной головой. Насколько возможно, глубокочтимый Александръ Александровичъ, смягчите наказаніе Рохлину; если бы возможно, то лучше бы за это не предавать Рохлина на судъ мирового судьи. Раздѣлайтесь съ Рохлинымъ вы сами, какъ хотите. Я говорилъ относительно его, Рохлина, съ продавцомъ винной лавки Василіемъ Михайловичемъ Татарниковымъ, и что же оказывается, что и онъ весьма былъ бы радъ, если бы Рохлинъ не былъ преданъ мировому судьѣ, такъ какъ Рохлинъ своими докучными просьбами сильно надоѣлъ Василію Михайловичу. Оказывается, Рохлинъ болѣе всего страшится высидки за свой поступокъ и полнаго штрафа. Половину же штрафа и даже до ста рублей онъ готовъ сейчасъ же уплатить, но лишь бы его не предавали на мировой судъ и освободили отъ высидки. Многоуважаемый Александръ Александровичъ, по глубокой привязанности къ вамъ и по нашей искренней и чистой службѣ, я стараюсь дать вамъ возможность получить съ сего моншера (?) до ста рублей, но лишь бы его не предавать на судъ. Данныя должны быть тайной только между нами, да и Рохлинъ не имѣетъ ничего сказать. Освободивъ Рохлина отъ наказанія за продажу вина, онъ не минуетъ нашихъ рукъ и принажать его можно будетъ, такъ какъ онъ сильный конокрадъ.

Взаимопомощь среди рабочихъ. Въ «Бакинскихъ Извѣстіяхъ» находимъ интересныя свѣдѣнія о взаимопомощи рабочихъ, существующей въ г. Харьковѣ. Мысль объ учрежденіи подобной организаціи возникла здѣсь лѣтъ 10—12 тому назадъ среди рабочихъ машиностроительнаго завода «Гельферихъ Саде и К°», причемъ по уставу правленіе новаго общества должно было состоять *исключительно* изъ дѣйствительныхъ членовъ общества, а таковыми могли быть лишь рабочіе слесарнаго, токарнаго, кузнечнаго, столярнаго, литейнаго цеховъ, постоянно работающіе при заводахъ. Послѣ не малыхъ проволочекъ и за-

трудненій на этомъ тернистомъ пути хлопоты рабочихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. и общество начало функціонировать въ 1898 году при 30 членахъ и 90 рубляхъ капитала.

Какъ самая иниціатива рабочихъ, такъ равно и ихъ разумно-дѣятельная настойчивость и энергія въ достиженіи поставленной цѣли говорятъ слишкомъ много, но еще большаго общественнаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность и характеръ дѣятельности учрежденнаго общества въ области поставленныхъ задачъ и высокая степень пониманія своихъ нуждъ какъ членами общества, такъ его правленіемъ.

Намъ лично, да думаемъ, что каждому фанатично непредубѣжденному, дѣятельность всякаго такого общества говоритъ не мало на тему общегражданскихъ мотивовъ, говоритъ, что нашъ рабочій элементъ, стоящій у болѣе или менѣе культурно организованнаго дѣла, довольно значительно прогрессируетъ по пути самосознанія и при всякомъ удачномъ случаѣ разумно проявляетъ духъ общественности и солидарности въ области улучшенія своего положенія.

Для нашего горно и заводско-промышленнаго района дѣятельность харьковскихъ рабочихъ весьма интересна и поучительна, тѣмъ болѣе, что въ этомъ обществѣ состоятъ членами нѣкоторые рабочіе изъ Екатеринослава, Николаева, Петербурга и др. городовъ, причемъ екатеринославскіе рабочіе въ этомъ году возбудили предъ обществомъ ходатайство объ открытіи въ Екатеринославѣ филіальнаго отдѣленія, такъ какъ здѣсь проживаетъ до 80 членовъ общества.

Мы уже сказали, что общество начало функціонировать въ 1898 году въ маѣ мѣсяцѣ при 30 членахъ и капиталѣ въ 90 руб., къ началу 1899 года членовъ было 160, а капиталъ: основной—747 руб., оборотный—1.342 руб. и библіотечный—7 руб. Къ 1-му января 1903 года членовъ уже было 9.072 при капиталахъ: основной—1.773 руб., оборотный 21.038 руб., библіотечный 770 руб., на постройку дома 102 руб. За истекшій 1902 г. приходъ общества заключался въ 8.521 р. членскихъ ежемѣсячныхъ взносовъ, сборъ со спектаклей 1.122 руб., и харьковская городская управа пожертвовала обществу для постройки дома участокъ земли стоимостью 3.720 руб. Въ томъ же году обществомъ выдано безвозвратныхъ пособій вдовамъ и сиротамъ 559 руб., на погребеніе 65 руб., больнымъ 9 членамъ общества 464 руб., 29 безработнымъ членамъ 449 руб., бухгалтеру общество платитъ 300 руб. въ годъ и за помѣщеніе 252 руб.

На поднятіе умственнаго уровня членовъ общества обращается очень серьезное вниманіе,—въ истекшемъ году библіотека имѣла уже 854 тома книгъ, не считая получаемыхъ журналовъ.

Съ мая 1902 года при обществѣ открыто бюро для пріисканія работы своимъ безработнымъ членамъ. Этимъ бюро были выработаны бланки для рабочихъ и работодателей, а также заведены книги для записи заявленій тѣхъ и другихъ. Бюро общества пользуется заслуженною извѣстностью далеко за предѣлами Харькова,—къ нему обращались уже и съ манчжурской дороги, и съ заводовъ городовъ Полтавы, Петербурга, Воронежа, отъ казеннаго виннаго склада, отъ машиностроительнаго завода и т. д.

Возникновеніе бюро отразилось отлично и на финансовыхъ дѣлахъ общества: уменьшило высоту безвозвратныхъ пособій и увеличило притокъ вступающихъ въ дѣйствительные члены общества. Сейчасъ при обществѣ организована коммиссія по изысканіи средствъ на постройку своего дома, по приблизительной смѣтѣ стоимость котораго обойдется около 50 тысячъ рублей; общество обратилось съ просьбой о пособіи въ 35 тысячъ рублей на постройку дома къ министру финансовъ. Въ предполагаемомъ къ постройкѣ домѣ должны быть помѣщенія: для правленія и библіотеки; для ремесленной школы (дѣтей членовъ); для вечернихъ курсовъ; для общихъ собраній; для клуба общества; пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей умершихъ членовъ общества; пріютъ для престарѣлыхъ членовъ общества; помѣщеніе для механической и столярной мастерской, для безработныхъ членовъ общества, а также для учебной мастерской для дѣтей членовъ общества.

Однимъ словомъ, задачи общества и широки. и симпатичны, а считаясь съ правильнымъ ростомъ капитала, съ энергіей общества и вмѣстѣ съ тѣмъ съ разумной, дѣловитой осторожностью правленія общества въ осуществленіи плановъ, нужно предполагать, что все задуманное будетъ выполнено, а вся дѣятельность общества послужитъ живымъ и яркимъ примѣромъ для подражанія.

Въ настоящее время членами общества по преимуществу состоятъ рабочіе завода «Гельферихъ Саде», харьковскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, харьковскаго паровозо-строительнаго завода и др.

Этому примѣру послѣдовали табачники, уже имѣющіе общество, а портные возбудили ходатайство объ открытіи.

Все это говоритъ, что потребность во взаимопомощи велика среди рабочихъ

Въ январѣ настоящаго года общее собраніе общества поручило списаться съ другими такими же обществами о возбужденіи совмѣстнаго ходатайства предъ правительствомъ о разрѣшеніи съѣзда представителей трудовыхъ обществъ взаимопомощи для обсужденія нуждъ.

Библіотека въ Балаханахъ. Бакинскіе нефтяные промыслы съ ихъ своеобразнымъ разноплеменнымъ рабочимъ населеніемъ представляютъ еще почти нетронутую почву для всякаго рода просвѣтительныхъ начинаній. Поднятіе культурнаго уровня своихъ рабочихъ не особенно безпокоитъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ, которые въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ совершенно равнодушны къ умственнымъ запросамъ своихъ рабочихъ. Поэтому, съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы дѣятельность библіотеки-читальни имени Дорошенко въ Балаханахъ, краткій отчетъ о дѣятельности которой за 1902 годъ помѣщенъ въ газетѣ «Баку». Эта библіотека-читальня открыта въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1897 года въ память А. С. Дорошенко бакинскимъ отдѣленіемъ Императорскаго техническаго общества на средства и въ помѣщеніи торговаго дома «Бенкендорфъ и К°». Отчетный годъ является первымъ послѣ пожара, случившагося весной въ 1900 году, когда сгорѣли всѣ книги и вся обстановка библіотеки-читальни.

Приходъ библіотеки отъ торговаго дома «Бенкендорфъ и К°» 1.737 р.

65 к., членскихъ взносовъ 24 р., оставалось въ кассѣ 45 р., всего 1.806 р. 65 к. Расходъ: жалованья 360 р., книги 836 р. 3 к., періодическія изданія 216 р. 52 к., мелкій расходъ, покупка и ремонтъ мебели 395 р. 10 к., всего 1.806 р. 65 к.

Читателей въ отчетномъ году было всего 1.139, изъ которыхъ 752 мужчинъ, 98 женщинъ, 333 мальчика, 66 дѣвочекъ; такимъ образомъ, мужчинъ 86, 5 проц., женщинъ 13,5 проц., взрослыхъ 74,6 проц., дѣтей 25,4 проц.

По національностямъ читатели распредѣляются слѣдующимъ образомъ: русскихъ—882 ч., или 77,4 проц., остальные—инородцы.

Между читателями находимъ людей всевозможныхъ профессій, но большинство составляютъ мастеровые и ихъ дѣти.

Съ желающихъ читать не требуютъ ни залога, ни удостовѣренія личности, а по его словамъ записываютъ за текущимъ № его фамилію и имя, родъ занятій, мѣстожительство и національность. Есть нѣсколько случаевъ, что книги не возвращены, но, въ общемъ, читатели относятся къ книгамъ довольно аккуратно.

Въ теченіе года выдано на домъ—16.654 книги, въ среднемъ на каждаго читателя по 14,6 книгъ въ годъ. Самое меньшее число посѣтителей библіотеки-читальни въ день наблюдалось 8 человѣкъ, а самое большее доходило до 316 человѣкъ въ день. Преобладаетъ спросъ на книги беллетристическаго содержанія—74,2 проц., потомъ на историческія и географическія—8 проц., научныя книги выдавались въ размѣрѣ 6,7 проц., географія и путешествія—6,3 проц. и духовно-нравственнаго содержанія—4,8 пр. Между дѣтьми и начинающими читать взрослыми большою популярностью пользуются русскія народныя и переводныя сказки, а также «Кавказскій плѣнникъ» Л. Н. Толстого, «Зарницы» Мамина-Сибиряка, «Поднебесный аулъ» Немировича-Данченко, «Робинзонъ Крузо» Де-Фо, «Хижина дяди Тома» Бичеръ Стоу. «Тарасъ Бульба» Гоголя, «Принцъ и нищій» Марка Твена, «Исторія маленькаго лорда» Бернета, «Большакъ» Круглова, «Дневникъ школьника» Де-Амичиса, «Князь Серебряный» А. К. Толстого, «Князь Илико» Желиховской и «Веселое лѣто» Гейфштамма. Эти книги почти никогда не находились дома, а при сдачѣ передавались изъ рукъ въ руки. Такимъ же образомъ болѣе интеллигентные читатели не выпускаютъ изъ рукъ въ полномъ смыслѣ слова сочиненій Л. Н. Толстого, Достоевскаго, Гончарова, Тургенева, Гоголя, Сенкевича, Загоскина, Квитки, Короленко, Потапенко; часто приходится отказывать читателямъ въ просьбѣ дать имъ сочиненія Чехова и Горькаго. Но самая популярная изъ книгъ между читателями сочиненія Некрасова. Нѣтъ почти ни одного взрослаго читателя, который, записываясь, не спросилъ бы Некрасова. Къ сожалѣнію, всѣмъ приходится отказывать.

Шляпный промыселъ. Сотруднику «Русск. Сл.» г. Шебуеву пришлось на-дняхъ присутствовать на засѣданіи коммиссіи московскаго губ. земства, работающей надъ оздоровленіемъ шляпнаго промысла. Въ коммиссіи прочитано было сообщеніе д-ра Левицкаго, изучившаго во всѣхъ подробностяхъ страшную болѣзнь, создаваемую этимъ промысломъ.

Изъ осмотрѣнныхъ д-ромъ Левицкимъ деревенскихъ мастеровъ-шляпниковъ 71,69% оказались душевно-больными, 96,29%—больными слизистой оболочкой рта, 48,03%—больными органами дыханія, 41,53%—артеріосклерозомъ.

21 селеніе Кленовской волости сплошь подвергнуто этой болѣзни, потому что здѣсь въ избахъ изготовляются посредствомъ раствора азотно-кислой ртути новыя шляпы.

Начинаютъ работу женщины-«стригальщицы». Онѣ состригаютъ съ заячьей шкурки грубые волосики, мелкій стриженый волосъ носится по воздуху, и имъ дышатъ скученныя въ избѣ женщины. Затѣмъ шкурки промазываются зеленою «отравой»,—такъ коротко и ясно называетъ населеніе растворъ азотно-кислой ртути.

Смазанныя шкурки кладутъ въ простую русскую печь и нагрѣваютъ, чтобы «азотная кислота въ присутствіи ртути раскислилась въ азотистую».

Парами ртути дышатъ часами бѣдныя «стригальщицы», не смѣя растворить дверь на улицу, чтобы вѣтеръ пухъ не сдунулъ. Вокругъ избы, на дворѣ, всюду въ деревнѣ отравлена сама земля отбросами шкурокъ, «песикой», срѣзаннымъ волосомъ, который гніетъ и смердитъ.

Но вотъ «отравленныя» шкурки вынуты изъ печи, и съ нихъ сощипывается пухъ. Отравленный пухъ переходитъ въ мужскія руки. Его «пушатъ». Взбиваютъ струной. Мнутъ руками.

Но вотъ пухъ готовъ. Его вспрыскиваютъ водой, уминаютъ, подогрѣваютъ; сажаютъ на болванъ, и отравленный колпакъ готовъ. Теперь остается только смыть отраву. Въ котлѣ кипитъ вода, подкисленная сѣрною кислотой, и въ ней въ теченіе нѣсколькихъ часовъ кряду шляпникъ стираетъ отравленный колпакъ. Мастеръ уже надышался ртутью, наглотался отравленнаго пуха. Теперь дышитъ парами сѣрной кислоты. Но и нѣсколько часовъ стирки не вымываютъ изъ колпака всей ртути. Даже старая черная касторовая шляпа вѣсомъ въ 80 граммовъ, содержитъ въ себѣ 5—6 дециграммовъ ртути.

Колпакъ готовъ, и дальнѣйшее превращеніе его въ «заграничную» шляпу совершается въ Москвѣ. Вотъ какое ремесло представляетъ изъ себя шляпное дѣло.

Можно подумать, что мастера этого дѣла зарабатываютъ золотыя горы; но оказывается, что хорошій мастеръ можетъ выработать въ день всего лишь 60—80 коп. Земство надѣется излечить отъ шляпной болѣзни населеніе.

«Я,—въ засѣданіи разсказываетъ г. Шебуевъ,—видѣлъ подольскихъ и московскихъ шляпниковъ-хозяевъ. Они приглашены земской управой для того, чтобы познакомиться съ безртутнымъ способомъ приготовленія фетра, который вывезъ д-ръ Левицкій изъ командировки за границу. Имъ было показано 135 колпаковъ, сработанныхъ въ земской шляпной мастерской беръ ртути и такъ, что нѣкоторая часть работы производилась подъ открытымъ небомъ. Всѣ они нашли колпаки превосходными, и, повидимому, убѣждены въ дешевизнѣ и практичности новаго дѣла.

«Но всѣ они производятъ впечатлѣніе... по крайней мѣрѣ, какой на меня...

то психической подавленности. Они говорятъ, соглашаются, обѣщаютъ взять рецепты новаго средства... Но у нихъ—tremor души. Вы не вѣрьте имъ. И подумать, что отъ этого десятка мужиковъ-хозяевъ зависитъ судьба десятка тысячъ человѣкъ!..»

За мѣсяцъ. Высочайшими указами отъ 16-го авг. назначены—бывшій министръ фин. статсъ-секретарь С. Ю. Витте предсѣдателемъ комитета министровъ, и управляющій Государствен. банкомъ 'Плеске—управляющимъ министерствомъ финансовъ.

— Въ Балаханахъ за подписью и. д. балахано-сабунчинскаго полицеймейстера вывѣшено слѣдующія объявленіе: 1) «симъ объявляется, что никому, кромѣ военныхъ и полицейскихъ, безъ особаго разрѣшенія не дозволяется ѣздить верхомъ въ районѣ промысловъ Балахано-Сабунчинскаго полицеймейстерства и всякій, проѣзжающій безъ разрѣшенія, будетъ немедленно задерживаемъ и доставляемъ въ участокъ».

2) Въ виду случающихся въ районѣ балахано-сабучинскаго полицеймейстерства разнаго рода насилій со стороны неблагонадежныхъ лицъ, симъ объявляется, что послѣ 9 час. вечера во всемъ районѣ всѣ лица, проходящія или проѣзжающія, будутъ забираться военными патрулями и задерживаться при полицейскомъ управленіи для выясненія личности и дознанія; всѣ же, кто имѣетъ дѣйствительную надобность ходить или ѣздить послѣ 9 час. вечера, какъ напримѣръ управляющіе фирмами, чиновники разныхъ вѣдомствъ, надсмотрщики за электрическими проводами и проч., въ районѣ полицеймейстерства должны имѣть отъ полиціи о томъ удостовѣреніе.

— Одесскій градоначальникъ издалъ слѣдующее объявленіе.

«Вслѣдствіе возникшихъ въ городѣ уличныхъ безпорядковъ, сопровождающихся сборищами и насиліями, объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что, при неподчиненіи требованіямъ полиціи или административной власти, я обязанъ буду, на основаніи закона, возстановить порядокъ силою оружія».

Во всѣхъ кіевскихъ газетахъ напечатано извѣщеніе г. начальника края.

«Желѣзнодорожные рабочіе, собравшись 23 іюля въ мастерскія, къ работамъ не приступали, вслѣдствіе чего администраціей дороги вывѣшены были приглашенія нежелающимъ работать явиться къ разсчету. Когда послѣ обѣда рабочіе снова явились къ мастерскимъ и нашли ихъ закрытыми, то стали группироваться на путяхъ; къ нимъ присоединились рабочіе сосѣдняго южнорусскаго машиностроительнаго завода, и образовавшаяся толпа тысячи въ двѣ заняла всю ширину пути. Всѣ уговоры очистить путь не привели къ желаемымъ результатамъ. Приказано было войскамъ разогнать толпу, что было исполнено безъ выстрѣла; но когда изъ одной группы рабочихъ стали бросать въ войска камнями, которыми ушиблены помощникъ исправника Завадскій-Краснопольскій, одинъ офицеръ и нѣсколько рядовыхъ, то сдѣлано была два залпа. Пока обнаружено убитыхъ трое, раненыхъ двадцать четыре. Всѣхъ заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній, прекратившихъ работы вслѣдствіе забастовки, 15».

Въ Кіевѣ, по словамъ «Кіевл.», 24 іюля на большинствѣ линій городской желѣзной дороги движеніе было прекращено. Вагоны ходили лишь на Подолѣ. Кромѣ того, нѣсколько вагоновъ курсировали на Печерской и Лукьяновской линіяхъ. 25 іюля на всей сѣти городской желѣзной дороги не ходило ни одного вагона. Движеніе вагоновъ по Святошинской линіи также пріостановлено.

— Въ «Приднѣпр. Краѣ» напечатано слѣдующее объявленіе отъ и. д. екатеринославскаго губернатора:

«Мною было объявлено рабочимъ всѣхъ находящихся въ городѣ Екатеринославѣ и въ поселкѣ Амуръ-Нижнеднѣпровскъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, что работы начнутся повсюду въ понедѣльникъ, 11-го августа, съ утра. Къ этому времени почти во всѣхъ заводахъ и мастерскихъ, находящихся въ городѣ Екатеринославлѣ, работы возобновились, но значительная часть рабочихъ не явилась на работы, въ заводы же, находящіеся въ поселкахъ Амуръ и Нижнеднѣпровскъ, явилось такое незначительное число рабочихъ, что работы не могли быть начаты. Имѣя въ виду, что для огражденія не только личности желающихъ работать, но и ихъ семей и имущества отъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій лицъ неблагонамѣренныхъ, приняты надлежащія мѣры—причина неявки на работу къ объявленному времени не можетъ быть принята уважительной. На этомъ основаніи, назначаю всѣмъ неявившимся рабочимъ послѣдній срокъ стать на работу не позже среды, 13-го августа, въ установленные для каждой смѣны часы. Всѣ рабочіе, которые не явятся къ этому сроку на работу, получатъ разсчетъ и будутъ высланы изъ города».

— Въ «Южн. Россіи» напечатанъ слѣдующій приказъ николаевскаго градоначальника отъ іюля 21-го дня 1903 г., № 8897.

Въ виду появленія въ городѣ Николаевѣ уличныхъ безпорядковъ, объявляю для всеобщаго свѣдѣнія:

1) Сборища народа на улицахъ, тротуарахъ и площадяхъ воспрещаются:

2) ворота и двери на улицу должны быть заперты и открываемы лишь въ случаяхъ крайней надобности;

3) магазины, лавки и погреба, въ которыхъ продаются вино и водка, а также трактиры со спиртными напитками должны быть заперты, и

4) Виновные въ неисполненіи вышеозначеннаго будутъ подвергнуты мною отвѣтственности на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Въ той же газетѣ находимъ постановленіе николаевскаго градоначальника отъ 23-го и 28-го іюля. На основаніи перваго постановленія, 52 лица, задержанныя во время безпорядковъ 21-го и 22-го іюля среди уличной толпы, не разошедшейся по требованію полиціи, за нарушеніе отдѣла V дѣйствующаго въ николаевскомъ градоначальствѣ обязательнаго постановленія, изданнаго 8-го октября 1901 г. въ порядкѣ положенія усиленной охраны, подвергнуты въ административномъ порядкѣ, на основаніи § 1 отд. XI тѣхъ же постановленій, независимо отъ той отвѣтственности, какой они могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, аресту на три мѣсяца.

— Въ «Кавказѣ» напечатано постановленіе тифлисскаго губернатора, кото-

рымъ онъ, согласно обязательному постановленію по городу Тифлису, изданному главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ 18-го января 1902 года, на основаніи ст. 15-й положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, за неисполненіе требованія чиновъ полиціи не устраивать сборища на улицахъ, подвергъ аресту: срокомъ на три мѣсяца—33 чел., на два мѣсяца — 10 чел., на полтора мѣсяца—10 чел., на одинъ мѣсяцъ—1 чел. и на двѣ недѣли—5 чел.

— Въ той же газетѣ напечатано второе постановленіе тифлисскаго губернатора, въ силу котораго и согласно обязательному постановленію по городу Тифлису, изданному главнокомандующимъ гражданскою частью въ Кавказѣ 18-го января 1902 года, на основаніи ст. 15-й положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка, подвергнуты аресту за неисполненіе требованія чиновъ полиціи не устраивать сборища на улицахъ: срокомъ на три мѣсяца—12 чел.; срокомъ на два мѣсяца — 2 чел. и срокомъ на полтора мѣсяца—4 челов.

— 15-го и 16-го іюля газеты «Новое Обозрѣніе» и «Тифл. Листокъ» не могли выйти въ свѣтъ.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано:

«Утромъ, 15-го іюля, рабочіе депо при станціи Михайлово, закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ (въ 112-ти верстахъ отъ Тифлиса по направленію къ Батуму), самовольно прекратили работы и произвели безпорядки, остановивъ товарный поѣздъ. Предъявленнымъ желѣзнодорожнымъ начальствомъ, полиціей и, наконецъ, начальникомъ прибывшей изъ Сурама мѣстной воинской команды требованіямъ разойтись толпа не подчинялась, вслѣдствіе чего, при новой попыткѣ съ ея стороны остановить изъ Боржома поссажирскій поѣздъ, воинская команда въ числѣ 40 человѣкъ, послѣ неоднократныхъ предупрежденій, двинулась на толпу съ ружьями на-перевѣсъ, но была встрѣчена градомъ камней и нѣсколькими револьверными выстрѣлами, вынудившими начальника команды приказать стрѣлять по толпѣ. Произведенными командой выстрѣлами десятеро рабочихъ убиты и восемнадцать ранены. Вслѣдъ за симъ порядокъ возстановился, и движеніе поѣздовъ производится безпрепятственно».

— Въ Батумской области, какъ сообщаютъ кавказскія газеты, на видныхъ мѣстахъ расклеены слѣдующія объявленія:

«Въ силу ст. 218 уст. о предупр. и пресѣч. преступленій, томъ XIV свода закон. Росс. имперіи, запрещается всѣмъ и каждому: 1) носить оружіе, кромѣ тѣхъ, кому законъ то дозволяетъ или предписываетъ; 2) носить трости со вдѣланными въ нихъ потаенными кинжалами, клинками и другими орудіями; 3) стрѣлять въ домахъ, дворахъ, на улицахъ и площадяхъ. Въ виду участившихся случаевъ смертоубійствъ и тѣлесныхъ поврежденій въ округѣ, начальникъ батумскаго округа напоминаетъ для всеобщаго свѣдѣнія проживающихъ въ округѣ, что носить оружіе безусловно воспрещается и что виновные въ нарушеніи сего закона будутъ привлекаться къ законной отвѣтственности, а оружіе конфисковаться».

— Тифлисскія газеты сообщаютъ, что въ Батумѣ 30-го іюля, въ 8 часовъ

вечера, на площади убитъ редакторъ-издатель издаваемаго въ Тифлисѣ на армянскомъ языкѣ журнала «Театръ», Александръ Тарханянцъ. Покойный занималъ въ новѣйшей исторіи армянской сцены видное мѣсто, занимался какъ переводами извѣстныхъ пьесъ, такъ и изданіемъ армянскихъ произведеній.

— Уфимскимъ губернаторомъ предложено предсѣдателямъ земскихъ управъ губерніи на будущее время непремѣнно испрашивать его разрѣшенія не только при опредѣленіи вольнонаемныхъ лицъ на земскую службу, но и при раздачѣ не состоящимъ на земской службѣ лицамъ сдѣльныхъ работъ.

— Собранія елисаветградскаго общества грамотности, закрытыя бывшимъ губернаторомъ кн. Оболенскимъ, вновь разрѣшены министерствомъ народнаго просвѣщенія.

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ (31-го іюля 1903 года). Имѣя въ виду статьи о высшихъ должностныхъ лицахъ мѣстнаго управленія, помѣщенныя подъ рубрикою «Дневники» въ № 61 газеты журнала «Гражданинъ», отъ 31-го іюля, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ-журналу «Гражданинъ» первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора князя Владиміра Мещерскаго.

— На основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ (9-го августа 1903 года), опредѣлилъ: въ виду продолжающагося вреднаго направленія журнала «Хозяинъ», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «Къ вопросу о земскомъ представительствѣ», напечатанной въ № 31 этого изданія, — объявить журналу «Хозяинъ» третье предостереженіе въ лицѣ издателя потомственнаго почетнаго гражданина Машковцева и редактора дворянина Мертваго, съ пріостановленіемъ изданія журнала «Хозяинъ» на одинъ мѣсяцъ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Образованіе“—апрѣль-іюль. „Вѣстникъ Европы“—іюль. „Русская Мысль“—іюль).

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ кавказскіе духоборы переселились въ Новый Свѣтъ. Какъ живутъ они тамъ? Какъ справляются съ совершенно новыми и непривычными для нихъ условіями культурной, общественной и политической жизни? Сохранили ли они и въ Америкѣ свой бытъ, обычаи и религіозныя воззрѣнія или властный натискъ американской культуры сдѣлалъ въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ то, чего не могли сдѣлать самыя суровыя репрессіи въ покинутомъ ими навсегда отечествѣ? Если основываться на попадающихся время отъ времени сообщеніяхъ нашей реакціонной печати, то можно подумать, что духоборы попали, что называется, изъ огня да въ полымя, что Новый Свѣтъ хорошъ только издалека, и что поселившіеся тамъ русскіе иммигранты горько раскаиваются въ сдѣланномъ ложномъ шагѣ. Впрочемъ, положеніе духоборовъ въ Америкѣ рисуетъ мрачными красками не одна

только реакціонная печать, ибо въ этомъ же родѣ описываетъ житье-бытовье духоборовъ въ Новомъ Свѣтѣ въ своемъ, напечатанномъ въ декабрской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1902 годъ, письмѣ и г. Тверской. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ въ цѣломъ рядѣ печатающихся въ «Образованіи» на данную тему въ высшей степени обстоятельныхъ статей жившій лично долгое время въ Америкѣ съ духоборами г. Владиміръ Ольховскій. Съ этими-то статьями г. Ольховскаго мы и хотимъ познакомить читателей «Міра Божія».

Г. Ольховскій сопровождалъ одну изъ партій переселенцевъ и вступилъ вмѣстѣ съ ними на американскій материкъ. Вотъ первыя впечатлѣнія, которыми была встрѣчена прибывшая огромная партія духоборовъ: «переселенческіе чиновники и переводчики встрѣчали у пристани Квебека каждую партію и отправляли ее въ помѣщеніе для переселенцевъ, напоминающее своимъ устройствомъ большой вокзалъ. Огромное двухъэтажное зданіе примыкало къ вокзалу желѣзной дороги. Нижній этажъ состоялъ изъ очень большой свѣтлой залы, гдѣ и располагались переселенцы. Въ этомъ же этажѣ помѣщалось управленіе эмигрантскимъ домомъ, комнаты для служащихъ и ресторанъ.

«Это роскошное помѣщеніе нѣтъ никакой возможности сравнить съ нашими отечественными «бараками для переселенцевъ», такъ все здѣсь хорошо, разумно и предусмотрительно устроено.

«Всѣ помѣщенія обильно освѣщались электричествомъ; для обѣда—по стѣнамъ стояли большіе столы, за чистотой которыхъ наблюдали сторожа зданія. Асфальтовый полъ нѣсколько разъ въ день выметался и вымывался, и вообще, чистота вездѣ поддерживалась образцовая, такъ что, несмотря на то, что въ этомъ зданіи *единовременно жило около полуторы тысячи человѣкъ*, ни грязи, ни спертаго воздуха нигдѣ не было.

«Тутъ же, внутри нижней залы, также находилась лавка, гдѣ всѣ продукты—съѣстные, галантерейные и пр.—продавались по оптовымъ цѣнамъ.

«Каждый день на нѣсколько часовъ открывалась тутъ же правительственная мѣняльная контора, а почта, телеграфъ и телефонъ работали весь день. Въ разныхъ мѣстахъ зданія были раскинуты удобныя конторки, снабженныя всѣми письменными принадлежностями, гдѣ можно было писать письма, дѣлать справки о тарифахъ, поѣздахъ, цѣнахъ на товаръ и пр.

«Когда наша партія прибыла въ Квебекъ и сошла на берегъ, то прежде всего духоборовъ повели ознакомиться съ помѣщеніемъ, а въ это время сто человѣкъ рабочихъ принялись выгружать багажъ съ парохода.

«Осмотрѣвъ помѣщеніе, мужчины вернулись на пристань за своимъ ручнымъ багажемъ, а женщины и дѣти были оставлены въ залѣ. Ни тѣмъ, ни другимъ не было позволено таскать багажъ, такъ какъ англичане заявляли, что «леди духоборки и дѣти могутъ устать и надорваться» и что «для нихъ это слишкомъ тяжелая работа».

«Когда духоборки узнали, почему ихъ не пускаютъ, онѣ, весело смѣясь, говорили, что и имъ, бабамъ, пришелъ праздникъ. «Хотятъ изъ насъ барынь сдѣлать,—говорили нѣкоторыя изъ нихъ,—да мы къ этому непривычны». Но,

несмотря на то, что онѣ «къ этому непривычны», духоборки съ видимымъ удовольствіемъ исполнили желаніе англичанъ».

Отсюда переселенцы партіями человѣкъ по 400 отправлялись на Дальній Западъ въ особыхъ поѣздахъ, состоявшихъ каждый изъ 8 большихъ спальныхъ вагоновъ со всѣми необходимыми удобствами для дальняго путешествія. Передъ отправленіемъ третьей партіи духоборовъ посѣтилъ президентъ квебекскаго парламента. Эта сценка такъ интересна, что мы передадимъ и ее словами самого г. Ольховскаго.

«Готовя къ отправкѣ третью партію на Дальній Западъ, мы размѣщали духоборовъ по спальнымъ вагонамъ и грузили багажъ. Поѣздъ былъ уже почти готовъ къ отъѣзду, какъ вдругъ прибѣжалъ духоборъ и таинственно заявилъ намъ:

«— Министеръ пріѣхалъ, сестрицу *) кличатъ...

«Мы отправилиеь въ эмигрантское помѣщеніе и сейчасъ же натолкнулись на небольшую группу людей. Это былъ президентъ квебекскаго парламента, котораго сопровождали секретари, мѣстное городское начальство, переводчики, завѣдующій эмигрантскимъ домомъ, начальникъ станціи и пр.

«Любезно поздоровавшись съ нами, президентъ заявилъ, что онъ пріѣхалъ съ оффиціальнымъ визитомъ къ духоборамъ и что онъ желалъ бы поближе познакомиться съ ними.

«Мы дали знать объ этомъ одному изъ духоборовъ, именно Павлу Васильевичу Планидину, который былъ за старшаго у жившихъ въ то время въ Квебекѣ духоборовъ. Онъ быстро принялся организовывать встрѣчу «министеру».

«Въ одну изъ верхнихъ залъ эмигрантскаго дома сейчасъ же сошлись всѣ духоборы, расположились красивымъ, пестрымъ полукругомъ, впереди котораго расположились дѣти.

«Президентъ медленно поднимался по лѣстницѣ, разговаривая съ лицами, сопровождавшими эту партію духоборовъ. Лишь только мы отворили дверь въ большую залу, какъ духоборческій хоръ запѣлъ привѣтственный псаломъ. Канадскія власти, очевидно, не ожидали этой быстро организованной встрѣчи и почтительно остановились посреди залы.

«Кончилось пѣніе псалма, одинъ изъ духоборовъ, по обычаю, прочелъ тотъ же псаломъ, и всѣ духоборцы привѣтствовали канадцевъ глубокимъ поклономъ.

«Духоборъ Павелъ Планидинъ выступилъ впередъ и сказалъ привѣтственное слово президенту, подчеркивая ту мысль, что они—духоборы—новые пришельцы въ этой странѣ—болѣе всего желаютъ жить въ мирѣ и спокойствіи съ мѣстными «народами», которыхъ считаютъ за «братьевъ». «Въ трудѣ хлѣбопашцевъ мы находимъ свое счастье и въ немъ прославляемъ имя Господа Бога нашего», такъ красиво закончилъ онъ свое краткое, но сильное привѣтственное слово.

«Вся эта торжественность и оригинальность встрѣчи, дышавшая созна-

---

*) „Сетрицами“ духоборы называли нѣсколькихъ, сопровождавшихъ ихъ партіи, интеллигентныхъ женщинъ.

ніемъ собственнаго достоинства, видимо, чрезвычайно удивила квебекскаго президента. Выслушавъ переводъ рѣчи духобора, онъ немедленно отвѣтилъ теплымъ привѣтствіемъ, сказавъ, что гордится тѣмъ, что именно въ тѣ годы, когда мѣстное населеніе довѣрило ему отвѣтственный постъ президента мѣстнаго парламента, случилось такъ, что духоборы переселились съ своей далекой родины въ эту свободную страну.

«Обмѣнявшись такими привѣтствіями, духоборы и президентъ квебекскаго парламента разстались.

«Вся простая манера президента въ разговорахъ съ духоборцами очень понравилась имъ.

«Это посѣщеніе канадскихъ властей породило много толковъ среди духоборовъ.

«— Одѣтъ-то онъ,—говорили они,—такъ же, какъ и всѣ, не то, что у насъ. Сіятельныхъ пуговицъ и позумента здѣсь нѣтъ, братъ,—не полагается...

«— Вотъ такъ страна!—прибавляли многіе изъ духоборовъ, въ недоумѣніи покачивая головами...»

Но, вотъ, духоборы двинулись на Дальный Западъ. На каждой станціи, гдѣ останавливается поѣздъ, ихъ встрѣчали толпы народа шумными привѣтствіями. Черезъ три дня пути поѣздъ примчалъ духоборовъ къ небольшой станціи Селькиркъ, гдѣ имъ предстояло пробыть значительное время, пока ходоки партіи не отыскали подходящую землю въ области принца Альберта и въ провинціи Соскечеванъ. Тамъ уже жило много духоборовъ, прибывшихъ въ эти мѣста раньше, и, въ концѣ концовъ, всѣ пріѣхавшіе въ Канаду духоборы поселились въ двухъ районахъ: бо́льшая часть, около 5.800 человѣкъ осѣла въ провинціи Assiniboia, въ стоверстномъ пространствѣ между городами Iorkton и Swan-River и меньшая часть, около 1.400 человѣкъ, проѣхала еще далѣе на сѣверо-западъ и поселились по рѣкѣ Сѣверный Саскечеванъ въ округѣ принца Альберта.

Городъ Іорктонъ скоро сдѣлался весьма оживленнымъ пунктомъ. До пріѣзда духоборовъ это былъ небольшой городишко не болѣе, какъ съ восемью стами жителей. Мѣстные жители быстро поняли, какую пользу могутъ они извлечъ изъ прибывшаго къ нимъ изъ дальней Россіи честнаго и трудолюбиваго народа. Сдѣлавъ нѣсколько опытовъ коммерческаго довѣрія и убѣдившись въ безусловной честности духоборовъ, главнѣйшіе мѣстные торговцы открыли имъ большой кредитъ. Такъ какъ духоборы, разумѣется, не понимала вначалѣ ни слова по-англійски, то приказчики магазиновъ стали усиленно брать уроки русскаго языка у одного юноши, пріѣхавшаго въ Америку вмѣстѣ съ духоборами и окончившаго въ Россіи городское училище. Въ скоромъ времени на окнахъ магазиновъ появились названія товаровъ на русскомъ языкѣ, причемъ цѣны тоже обозначались по-русски: долларъ назывался рублемъ, а центъ—копейкой. На аптекѣ появилась русская вывѣска, а въ одинъ изъ магазиновъ былъ выписанъ приказчикъ нѣмецъ-менонитъ, немножко говорившій по-русски. Черезъ нѣсколько времени въ Іорктонѣ выросъ цѣлый русскій городокъ. Почти каждая деревня купила въ городѣ небольшой

участокъ земли и возвела избу, конюшню и помѣщеніе для склада. Кромѣ того и прежде всего, была выстроена общественная конюшня на двадцать паръ лошадей, гдѣ ставились лошади тѣхъ деревень, которыя еще не успѣли выстроить своей конюшни, а также и лошади духоборовъ сѣвернаго участка которые иногда имѣли надобность пріѣзжать въ Іорктонъ.

Конечно, первый годъ жизни на новыхъ мѣстахъ поселенія пришелся духоборамъ очень тяжело. Да какъ могло это и быть иначе, если принять во вниманіе, что около 5.000 духоборовъ пріѣхало въ Канаду безъ копейки денегъ. Какъ ни трудились духоборы, а къ осени обнаружилось, что безъ посторонней помощи зиму имъ не перебиться, и лицамъ, ихъ сопровождавшимъ, пришлось озаботиться о привлеченіи такой помощи, что имъ и удалось сдѣлать вполнѣ успѣшно. Особенно горячо откликались на нужды духоборовъ квакеры, а одинъ изъ нихъ, Артуръ Синжонъ, отставной капитанъ индійскихъ войскъ, проживавшій еще на Кипрѣ все время съ духоборами и оказывавшій имъ тамъ самую разнообразную помощь, переѣхалъ съ ними въ Америку, много облегчая своимъ знаніемъ мѣстныхъ условій положеніе переселенцевъ. (Этотъ Синжонъ,—Артуръ Карловичъ, какъ называли его духоборы,—еще ранѣе, по порученію квакеровъ, посѣщалъ духоборовъ на Кавказѣ, выучился довольно хорошо говорить по-русски и находился съ ними въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Кромѣ Синжона и г. Ольховскаго, съ духоборами постоянно находились пріѣхавшіе вмѣстѣ съ ними изъ Россіи: Л. А. Суллержицкій, женщина-врачъ В. М. Величкина и фельдшерица А. О. Рабецъ). Такъ прошелъ годъ. Ко второму году духоборы почувствовали себя въ гораздо болѣе устойчивомъ положеніи и приступили къ весеннимъ работамъ, полные вѣры и надежды, что они смогутъ хорошо устроить свою жизнь въ Канадѣ. Положеніе духоборовъ и ихъ все болѣе и болѣе разростающее благосостояніе г. Ольховскій иллюстрируетъ цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ и заканчиваетъ свою первую статью о духоборахъ такими, нѣсколько гнѣвными, но, видимо, внушенными глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, строками:

«Г. Тверской въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы», между прочимъ пишетъ, что будто бы до сихъ поръ «фактической стороны его сообщеній отрицать, однако, никто не могъ». Хотя это утвержденіе является прямою неправдою, такъ какъ г. Тверскому было отвѣчено своевременно нѣсколькими *фактическими* (здѣсь и далѣе курсивъ г. Ольховскаго) статьями въ русской прессѣ и, наоборотъ, онъ, г. Тверской, не потрудился опровергнуть эти данныя, которыя ясно опредѣляли экономическое положеніе духоборовъ въ Канадѣ, но и теперь, приводя здѣсь всѣ эти многочисленныя свѣдѣнія, мы приглашаемъ этого, будто бы «знатока» американской жизни, опровергнуть всѣ приведенныя наши цифры и не пустопорожней болтовней о духоборческомъ «царствіи Божіемъ», ихъ ученіи и принципахъ жизни, въ которыхъ, мы утвердительно можемъ сказать, г. Тверской очень плохо разбирается,—нѣтъ, мы предлагаемъ ему почерпнуть *статистическія данныя* изъ его кладезя будто бы достовѣрныхъ свѣдѣній и разсказать намъ о результатахъ двухъ или трехлѣтняго хозяйства духоборовъ въ Канадѣ. Съ своей стороны мы считаемъ

необходимымъ предупредить его заранѣе, что имѣемъ *полную* возможность провѣрить каждую цифру и вообще всѣ данныя, которыя онъ пожелаетъ,— если пожелаетъ, вновь преподнести русской публикѣ».

Кажется, г. Тверской сдѣлать этого не пожелалъ...

Въ высшей степени интересныя также описанія даетъ г. Ольховскій о тѣхъ началахъ, на которыхъ устроили духоборы въ Америкѣ свой бытъ. Общинники par excellence, духоборы быстро поддались, тѣмъ не менѣе, царящему въ ихъ новомъ отечествѣ духу индивидуализма, и уже черезъ два-три года послѣ ихъ переселенія въ Канаду духоборы стали переходить массами къ подворному землевладѣнію. Г. Ольховскій знакомитъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ и картинъ этотъ быстрый распадъ принесеннаго изъ Россіи общиннаго быта духоборовъ. Онъ не «подмалевываетъ» духоборовъ и, относясь къ нимъ съ самой теплой симпатіей, не скрываетъ, ради этой симпатіи, истины.

«Вообще надо сказать,—пишетъ онъ,—что на ряду съ чувствомъ широкой филантропіи, которая свойственна духоборамъ «ради души спасенія», на ряду съ замѣчательно стойкимъ мужествомъ и жертвой всего своего, когда это «свое нажитое» отнимается, бросается, раздается или уничтожается ради защиты ихъ духоборческой религіозно-общественной идеи, на ряду со всѣмъ этимъ, *въ обыденной жизни* у многихъ, особенно у тѣхъ, которые стремятся перейти на частный способъ веденія хозяйства, уживается страстное поклоненіе собственности и не только поклоненіе, но и стремленіе ко все большему пріобрѣтенію и накопленію богатства». И далѣе:

«Различныя обстоятельства жизни, между прочимъ, пониженіе религіознаго подъема духа, а также и многое другое, властно придавливали наименѣе духовно сильныхъ изъ духоборовъ, подчиняя ихъ общему уровню существующихъ частновладѣльческихъ отношеній, разстраивая всѣ ихъ начинанія, и, наконецъ, убѣдили ихъ самихъ, что большинство изъ образовавшихся общинъ временны, обречены на скорую погибель, что ихъ братья не въ силахъ выдержать высокихъ требованій христіанской жизни. Конечно, были и такія общины, члены которыхъ сознавали свое безсиліе для высшей формы жизни еще ранѣе прибытія въ Канаду. Въ Канадѣ они повели общественное хозяйство только потому, что въ первое время по переселеніи жить въ одиночку, надѣяться только на свои силы имъ было совершенно невозможно. Средствъ нѣтъ, нѣтъ орудій производства, нѣтъ избъ и необходимыхъ надворныхъ построекъ; нужно пахать, косить, возить сѣно, лѣсъ, муку изъ города для пропитанія, а въ селеніи на 100—150—180 душъ всего на всего одна пара лошадей и столько же быковъ. Само собою разумѣется, эти трудныя обстоятельства заставили бѣдняковъ объединиться и производить различныя работы сообща. Эти общины, соединившіяся временно по нуждѣ, сначала жили все-таки очень дружно, но по мѣрѣ пріобрѣтенія отдѣльными хозяйствами денегъ и частной собственности вообще породили въ себѣ такой непріятный духъ разъединенія, что всякому стороннему наблюдателю было ясно, что, *разойдясь, эти люди сильно облегчатъ и скрасятъ свое существованіе*». Были и попытки чисто коммунистическаго устройства жизни, но изъ этого ничего не выходило:

многіе не являлись на работу, другіе работали лѣниво, третьи набирали подъ работу въ складѣ для себя лично, безъ разрѣшенія комитета, различные продукты, одежду, обувь и пр. Все это раздражало другихъ, аккуратно относившихся къ своимъ обязанностямъ, и, наконецъ, послѣ всякихъ разговоровъ и обсужденій было рѣшено прекратить такую гуртовую работу и уничтожить общую участковую кассу». Вообще у духоборовъ, по замѣчанію г. Ольховскаго, скоро стали замѣчаться сильная внутренняя смута и «нелады». Дѣло обыкновенно кончалось переходомъ къ частновладѣльческому хозяйству. Были нѣкоторыя общины, которыя крѣпко держались за свои основные принципы («жить сообща»), но зато въ другихъ отношеніяхъ именно эти общины и представляли мало привлекательнаго. «Наиболѣе устойчивою и всесторонне проводящею въ жизнь свои принципы, — разсказываетъ г. Ольховскій,—является община «Благодареніе» на южномъ участкѣ іорктонскаго района. Въ этой общинѣ всего было въ 1900 году 200 душъ. Я имѣлъ случай подробно наблюдать жизнь этой общины». На основаніи этихъ-то подробныхъ наблюденій, г. Ольховскій и пришелъ къ такимъ выводамъ; «эта община, можетъ быть, наиболѣе устойчивая, и очень вѣроятно, что она просуществуетъ дольше другихъ. Но я долженъ здѣсь же сказать, что болѣе тяжелой атмосферы чего-то давящаго, щемящаго, тусклаго я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ духоборческихъ селеній сѣвернаго и южнаго участка іорктонскаго района. Благодаренцы—это самые нетерпимые люди по отношенію къ тѣмъ изъ своихъ же братьевъ - духоборовъ, которые въ чемъ бы то ни было отступили отъ духоборческаго обряда и обычая или отъ предписаній духоборческаго руководителя Петра Васильевича Веригина. Мнѣ какъ-то пришлось ночевать въ Благодаренкѣ; со мной было нѣсколько человѣкъ духоборовъ изъ сѣвернаго участка—такъ называемые «холодненскіе» духоборы, мало знающіе своихъ карскихъ братьевъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ имѣлъ родственниковъ по женѣ въ этой общинѣ и онъ, по духоборческому обряду, пошелъ поздороваться съ своимъ «сродствіемъ» и передать поклонъ отъ жены. Расцѣловавшись со всѣми бывшими въ хатѣ и поздоровавшись по обычаю, онъ разговорился съ своими родственниками. Изъ разговоровъ благодаренцы узнали, что онъ, какъ и многіе другіе изъ сѣверянъ, сталъ ѣсть рыбу.

— Почему же ты намъ раньше не сказалъ этого? Развѣ мы стали бы съ тобою цѣловаться,—накинулись на него благочестивыя благодаренскія бабы.

Уѣзжая, онъ уже не цѣловался съ ними.

— Небось и сейчасъ рыбой воняетъ...—говорила ему его родня, брезгливо сплевывая набѣгавшую слюну...»

Однако, вегетаріанство духоборовъ стоитъ уже тоже не на особенной высотѣ. Въ Канадѣ очень многіе изъ нихъ стали уже ѣсть рыбу, а нѣкоторые даже и мясо.

Въ довершеніе всего среди духоборовъ появились уже и протестанты противъ самого духоборчества. Мысль такихъ протестантовъ направляется въ сторону большаго раціонализма. Между ними выдѣляется молодой духоборъ Зарубинъ.

— «Вы отказались креститься,—говорилъ онъ духоборамъ, — а никто изъ васъ не сядетъ за ѣду и не ляжетъ спать, не пошептавъ молитву, поджавъ на животѣ руки... Не то ли самое дѣлаютъ тѣ, кого мы называемъ «кривославными»?.. И садясь за столъ съ другими, Зарубинъ не принималъ участія въ ихъ общей молитвѣ...»

Такъ-то въ теченіе страшно короткаго времени утрачиваются духоборами ихъ принципы, и пройдетъ немного лѣтъ, самое большее промежутокъ времени въ одно поколѣніе, и отъ духоборчества, вѣроятно, останется очень мало. Свое трудолюбіе, честность, разсудительность люди эти безспорно внесутъ въ нѣдра американской жизни, отчего Америка, безъ сомнѣнія, выиграетъ столько, сколько проиграетъ Россія, но сыновья и внуки нынѣшнихъ русскихъ переселенцевъ въ Канаду уже не будутъ существовать въ качествѣ «духоборовъ»... Это будутъ хорошіе американскіе граждане и только... Примѣръ уже былъ: цѣлое столѣтіе жили въ Россіи нѣмцы-меноніты, жили они жизнью безусловно обособленною отъ русскихъ, упорно оберегая свой бытъ, обычаи, религію и не обнаруживая ни малѣйшей тенденціи къ ассимиляціи съ кореннымъ населеніемъ Россіи. Менѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, въ силу столкновенія своихъ религіозныхъ принциповъ съ предъявленными къ нимъ требованіями касательно воинской повинности, меноніты эти переселились въ Америку. И что же? Въ теченіе очень короткаго времени эти столь ревниво оберегавшіе «завѣты отцовъ» люди совершенно ассимилировались съ американцами безъ какого бы то ни было принужденія ихъ къ этому со стороны послѣднихъ. Что же побудило ихъ такъ рѣзко измѣнить свое отношеніе къ окружающей средѣ, отчего обнаружилось такое различіе во взглядахъ меноннитовъ на эту среду въ Россіи и Америкѣ? Причина ясна. Она заключается въ одномъ «маленькомъ обстоятельствѣ»: въ различіи русской и американской культуръ, въ различіи условій общественно-правовой жизни въ той и другой странѣ, въ различіи картинъ, ежедневно представлявшихся взорамъ меноннитовъ на Востокѣ и на Западѣ... И случилось то, что и должно было случиться, ибо

Увидя свѣтъ, ужъ никому
Назадъ не хочется во тьму...

То же самое, безъ сомнѣнія, будетъ и съ духоборами...

Г. Щеголеву пришла счастливая мысль дать читателямъ очеркъ жизни и дѣятельности Владиміра Ѳедосѣевича Раевскаго. Мысль эту онъ и привелъ въ исполненіе, помѣстивъ въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» весьма интересную статью, подъ заглавіемъ «Владиміръ Раевскій и его время». Кто такой этотъ Раевскій? Лицамъ, занимающимся исторіей движенія общественной мысли въ Россіи, имя это хорошо извѣстно, но у такъ называемой «широкой публики» съ именемъ Раевскаго едва ли связано какое-нибудь опредѣленное представленіе. Между тѣмъ, именно въ настоящее время, когда интересъ къ своему прошлому въ нашемъ обществѣ, видимо, растетъ, доказательствомъ тому служитъ весьма значительный спросъ на относящуюся къ этому предмету ли-

тературу («Записки декабриста Волконскаго», напр., быстро разошлись, не взирая на очень высокую цѣну книги, произведеніе покойнаго Джаншіева «Изъ эпохи великихъ реформъ» выдержало въ очень короткое время шесть изданій и т. д.), въ настоящее время, говоримъ мы, весьма своевременно показывать въ возможно полномъ объемѣ портреты людей, извѣстныхъ своею глубокою преданностью дѣлу просвѣщенія и гуманизированія нашей родины. А къ числу именно этихъ людей принадлежалъ В. Ѳ. Раевскій. Уже этого одного было бы достаточно для, такъ сказать, права Раевскаго на историческую извѣстность, но и этимъ еще не исчерпывается его значеніе въ судьбахъ нашего просвѣщенія: Раевскій былъ, сверхъ того, однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина и самъ далеко не безталаннымъ поэтомъ. Правда, при жизни Раевскій ничего не печаталъ, но это объясняется особыми обстоятельствами его судьбы. Будучи однимъ изъ типичнѣйшихъ предетавителей прогрессивнаго лагеря среди поколѣнія второго десятилѣтія XIX-го вѣка, Раевскій, конечно, не остался чуждъ плановъ практической дѣятельности этого лагеря. Онъ проникся всецѣло настроеніемъ передовыхъ людей александровской эпохи и не задумался поставить на карту не только открывавшуюся передъ нимъ широкую военную карьеру, но и самую жизнь во имя осуществленія дорогихъ ему общественныхъ идеаловъ. Какъ многіе его сверстники, Раевскій очутился прямо со школьной скамьи среди громовъ 1812 года, участвовалъ въ одиннадцати сраженіяхъ и быстро двигался по службѣ; уже въ 1820 году онъ былъ майоромъ 32-го егерскаго пѣхотнаго полка, который стоялъ въ Кишиневѣ. Заграничные походы открыли Раевскому, какъ и опять-таки многимъ изъ ег сверстниковъ, глаза на многое, и, принявъ въ 1812 году участіе въ освободительной войнѣ исключительно въ качествѣ защитника земли своей противъ внѣшняго врага, Раевскій, по окончаніи войны, увидѣлъ, что одною побѣдою надъ французами ни въ какомъ случаѣ не могла ограничиться дѣятельность мыслящихъ людей въ Россіи и что послѣ войны настало время не почивать на лаврахъ, не упиваться пріобрѣтенной славой, а начать новую жизнь во имя внутренняго обновленія родины. Мысли эти овладѣли Раевскимъ уже послѣ окончанія эпопеи 1812 года. Вотъ что говоритъ онъ самъ по этому поводу:

„Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спалъ подъ буркой у огня,—
Тогда я не горѣлъ къ высокому любовью,
Высокихъ тайнъ постигнуть не алкалъ,
Не жалъ руки гонимому украдкой
И шепотомъ надежды сладкой,
Жильцу темницы не вливалъ".

Въ 1820 году, какъ мы уже сказали, Раевскій служилъ въ Кишиневѣ. Въ этомъ городѣ было тогда, такъ сказать, отдѣленіе знаменитаго «Союза благоденствія», главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ которомъ являлся на югѣ Россіи извѣстный генералъ М. Ф. Орловъ. Вокругъ Орлова группировались другіе члены союза, въ средѣ которыхъ весьма видную роль игралъ маіоръ Раевскій. Орловъ обратилъ серьезное вниманіе на распространеніе гра-

мотности и просвѣщенія среди солдатъ, для чего были заведены извѣстныя ланкастеровскія школы. Одною изъ такихъ школъ и завѣдывалъ Раевскій. Въ это же время жилъ въ Кишиневѣ и Пушкинъ, на котораго Раевскій имѣлъ несомнѣнно весьма значительное вліяніе. Между тѣмъ, «необузданное вольнодумство» Раевскаго скоро стало извѣстно высшему начальству и надъ нимъ, надъ первымъ изъ членовъ тайнаго общества, разразилась гроза почти за четыре года до декабрьскихъ событій 1825 года. Раевскій былъ арестованъ 6-го февраля 1822 года, и, не взирая на то, что онъ находился въ заключеніи почти шесть лѣтъ, власти не нашли рѣшительно никакихъ нитей, которыя могли бы повести къ аресту его товарищей.

Наканунѣ ареста, разсказываетъ самъ Раевскій «кто-то постучался у моихъ дверей». Арнаутъ, который стоялъ въ безмолвіи предо мною, вышелъ встрѣтить или узнать, кто пришелъ. Я курилъ трубку, лежа на диванѣ.

«— Здравствуй, душа моя! — сказалъ Пушкинъ весьма торопливо и измѣнившимся голосомъ.

«— Здравствуй, что новаго?

«— Новости есть, но дурныя; вотъ почему я прибѣжалъ къ тебѣ.

«— Добраго ничего ожидать не могу послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ С. (очевидно, корпусного командира Сабанѣева). Но что такое?

— Вотъ что,—продолжалъ Пушкинъ,—Сабанѣевъ уѣхалъ отъ генерала (Инзова); дѣло шло о тебѣ. Я не охотникъ подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрѣшилъ, приложилъ ухо. Сабанѣевъ утверждалъ, что тебя надо непремѣнно арестовать; нашъ Инзушка,—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ,—отстаивалъ тебя горячо. Долго еще продолжался разговоръ, я многаго не дослышалъ, но изъ послѣднихъ словъ Сабанѣева ясно уразумѣлъ, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестованъ.

«— Спасибо,—сказалъ я Пушкину,—я этого почти ожидалъ, но арестовать штабъ-офицера по однимъ подозрѣніямъ отзывается турецкой расправой. Впрочемъ, что будетъ, то будетъ».

На другой же день Раевскій былъ арестованъ и для него потянулись долгіе-долгіе тюремные годы. Онъ помнитъ и въ заключеніи о Пушкинѣ, высоко цѣнитъ его поэтическое дарованіе, но и изъ нѣдръ тюрьмы рекомендуетъ ему употребить его художественный геній на служеніе родинѣ въ опредѣленномъ смыслѣ:

Вотъ что писалъ ему, между прочимъ, изъ тюрьмы:

„Но пусть не я, другой пѣвецъ,
Страстей высокихъ юный жрецъ,
Сіи подземныя картины
Страданья, пытки Уголины
Стихами Данта воспоетъ!
Сковала мысль мою, какъ ледъ,
Уже темничная зараза;
Жилецъ темницы отдаетъ
Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа.

Оставь другимъ пѣвцамъ любовь:
Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ котъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой".

Дѣло Раевскаго разсматривалось въ четырехъ коммиссіяхъ: 1) при 6 пѣхотномъ корпусѣ подъ предсѣдательствомъ Сабанѣева; 2) въ коммиссіи «для изысканія злоумышленныхъ обществъ» въ Петербургѣ (послѣ 14-го декабря 1825 года); 3) въ царствѣ польскомъ въ крѣпости Замосць подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова; 4) при 1 гвардейскомъ корпусѣ подъ предсѣдательствомъ генерала Левашова и подъ наблюденіемъ великаго князя Михаила Павловича. Всѣ эти коммиссіи не открыли за Раевскимъ рѣшительно никакихъ фактовъ, а въ послѣдней коммиссіи постановленъ былъ о немъ оправдательный приговоръ, который гласилъ: «освободить майора Раевскаго изъ заключенія, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія, а ежели затѣмъ остаются какія-либо подозрѣнія, которыхъ изъ дѣлъ не видно, то отправить въ свое имѣніе подъ надзоръ начальства». Этотъ приговоръ былъ постановленъ въ октябрѣ 1827 года, т.-е. черезъ $5^1/_2$ лѣтъ послѣ ареста Раевскаго. Но этимъ дѣло не кончилось. Великій князь Михаилъ Павловичъ, «разсмотрѣвъ заключеніе означенной коммиссіи... нашелъ, что «майоръ Раевскій хотя, по удостовѣренію коммиссіи, и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злономѣренному обществу, почему и дальнѣйшее изслѣдованіе о немъ по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки, изъясненные въ рапортѣ коммиссіи, столь важны, что онъ, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію живота, и потому, насчетъ его находя приговоръ коммиссіи не соотвѣтствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго майора Раевскаго, лиша чиновъ, заслуженныхъ имъ, ордена св. Анны 4 класса, золотой шпаги съ надписью «за храбрость», медали въ память войны 1812 года и дворянскаго достоинства, удалить, какъ вреднаго въ обществѣ человѣка, въ Сибирь на поселеніе». На это послѣдовала такая Высочайшая резолюція: «быть по мнѣнію его Императорскаго Высочества командующаго гвардейскимъ корпусомъ. Николай».

Въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ въ Сибири въ 1844 году и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», Раевскій коментируетъ вышеприведенное «мнѣніе» въ такихъ словахъ:

«*Собственное же поведеніе* и поступки и въ особенности *образъ мыслей* (кто ихъ проникъ?) столь *важны*, что ни одного изъ сихъ поступковъ и думъ коммиссія и всѣ суды не могли огласить. Въ чемъ же состояла *важность* поступковъ и думъ? Для чего не сказать, не обнаружить хотя бы *одинъ* поступокъ и *одну* или *двѣ* мысли?»

Въ дѣйствительности, Раевскій былъ членомъ тайнаго общества. Объ этомъ упоминается въ позднѣйшихъ мемуарахъ декабристовъ, объ этомъ онъ упоминаетъ и самъ въ одномъ интимномъ письмѣ къ сестрѣ, но *юридически* приговоръ по дѣлу Раевскаго представляетъ собою нѣчто изъ ряду вонъ выходящее...

Въ это же время случилась на той же почвѣ и въ высшей степени трагическая исторія съ братомъ Владиміра Раевскаго, молодымъ корнетомъ Григоріемъ Раевскимъ. Эта исторія, нѣкогда опубликованная Герценомъ, затѣмъ въ «Русской Старинѣ», разсказана подробно и въ статьѣ г. Щеголева.

Раевскій былъ сосланъ въ Сибирь, пробылъ тамъ почти тридцать лѣтъ и ему позволено было проживаніе и въ Россіи лишь въ силу манифеста Александра II въ 1856 году. Но, женившись въ Сибири и имѣя уже тамъ семейство, онъ пріѣзжалъ въ Россію лишь временно и затѣмъ добровольно вернулся на свою вторую родину. Онъ скончался въ 1872 году, завѣщая своимъ дѣтямъ служеніе тѣмъ же идеямъ, которымъ служилъ онъ всю жизнь самъ:

„Богъ видѣлъ все... Онъ трудъ мой освятилъ...
Онъ мнѣ дѣтей, какъ даръ святой, завѣтный,
Какъ мысль, какъ цѣль, какъ мира вѣтвь вручилъ!
Итакъ, мой другъ, я волей безотчетной
И мысль, и цѣль тебѣ передаю:
Тотъ знаетъ ихъ, кто знаетъ жизнь мою“.

Помѣщенная въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» весьма интересная статья г. Слонимскаго «Князь Бисмаркъ въ его отношеніяхъ къ Россіи» переноситъ насъ къ знаменитымъ шестидесятымъ годамъ XIX вѣка. Въ это время, какъ извѣстно, Бисмаркъ занималъ должность посланника при петербургскомъ дворѣ, и, слѣдовательно, имѣя въ виду ознакомленіе публики съ нѣкоторыми изъ взглядовъ будущаго «желѣзнаго канцлера», авторъ статьи въ «Вѣстникѣ Европы», конечно, касается и нѣкоторыхъ другихъ лицъ и событій той замѣчательной эпохи русской жизни. Въ дипломатическихъ сферахъ тогда были почему-то глубоко убѣждены въ необыкновенно дружескомъ расположеніи Бисмарка къ Россіи, въ чемъ, конечно, пришлось имъ впослѣдствіи горько раскаиваться, но это случилось уже тогда, когда было уже слишкомъ поздно... Довѣріе князя Горчакова къ Бисмарку превосходило всякую мѣру возможнаго. Неизвѣстно, подозрѣвалъ ли о подобныхъ поступкахъ своего канцлера самъ императоръ Александръ Второй...

«Въ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ,—пишетъ г. Слонимскій,—князь Горчаковъ обнаруживалъ спеціальную довѣрчивость, которая поражала самого посланника: онъ давалъ ему читать не раскрытыя еще донесенія и письма русскаго посольства изъ Берлина и показывалъ собственноручныя отмѣтки императора Александра II на поляхъ дипломатическихъ докладовъ русскихъ представителей за границею. Передавая Бисмарку вновь полученные секретные пакеты, прежде чѣмъ вскрыть и просмотрѣть ихъ самому, князь Горчаковъ обыкновенно прибавлялъ въ шутливомъ тонѣ: «vous oubliez ce que vous ne deviez pas lire». Бисмаркъ просматривалъ депеши въ сосѣдней комнатѣ и, конечно, соглашался «забыть то, чего не слѣдовало читать». Это условіе—замѣчаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «я и соблюдалъ, пока находился въ Петербургѣ, потому что въ мои задачи не входило разстраивать взаимныя отношенія двухъ дворовъ». Онъ убѣдился только, что русскіе пред-

ставители въ Берлинѣ заботятся больше объ интересѣ и пикантности своихъ сообщеній, чѣмъ о выгодахъ политической дружбы и прочнаго довѣрчиваго мира; онъ получалъ отъ нашего же министра иностранныхъ дѣлъ фактическіе матеріалы для разоблаченія «двуличности», легкомыслія или ненадежности русской дипломатіи, что послужило ему впослѣдствіи оружіемъ противъ Россіи. Пользуясь такого рода закулисными свѣдѣніями, Бисмаркъ пытался изъ Петербурга вліять на берлинскую политику своими обстоятельными записками и докладами, въ которыхъ сообщалъ о дѣйствительномъ настроеніи властвующихъ въ Россіи лицъ относительно Пруссіи и Германіи. Эти сообщенія иногда настолько противорѣчили установившимся въ Берлинѣ оффиціальнымъ взглядамъ, что возбуждался вопросъ о степени ихъ достовѣрности, и для контроля былъ посланъ бывшій прусскій военный агентъ въ Петербургѣ графъ Мюнстеръ. Бисмарку не трудно было подтвердить свои сообщенія вѣскими доказательствами,—секретными бумагами и подлинными Высочайшими отмѣтками, которыя ему предъявлялись княземъ Горчаковымъ. Самъ Бисмаркъ признавалъ, что «тѣ формы, въ которыхъ выражалось неограниченное къ нему довѣріе, переходили дозволенныя между дипломатами границы».

Если въ этой мягкой формѣ выражалъ совсѣмъ не мягкую мысль самъ Бисмаркъ, то какъ назвать намъ, русскимъ, поведеніе Горчакова? Вѣдь такой образъ дѣйствій называется пред..... не рѣшаемся дописать это слово—ну, хоть предосудительнымъ, что ли...

Продолжаемъ цитату изъ статьи г. Слонимскаго:

«Реальные политическіе интересы русскаго государства охранялись только урывками, какъ бы случайно, и халатное отношеніе къ нимъ было общимъ правиломъ; зато усердное вниманіе удѣлялось вопросамъ самолюбія. Между прочимъ, во время австро-французской войны 1859 года русское правительство было крайне недовольно рѣзкими отзывами о нашей политикѣ въ частныхъ письмахъ нѣмецкихъ государей къ высокопоставленнымъ ихъ родственникамъ въ Россіи. «Самое оскорбительное въ этомъ случаѣ,—говорили здѣсь Бисмарку,—именно то, что нѣмецкіе господа родственники посылаютъ свои грубости по почтѣ въ разсчетѣ на непосредственное доведеніе ихъ до свѣдѣнія высшаго правительства». Посылать свою корреспонденцію по почтѣ,—значило дѣлиться своими мыслями съ начальствомъ, таково было откровенное убѣжденіе о правѣ узнавать чужія тайны при помощи почтоваго вѣдомства».

И много еще интереснаго изъ того времени приводитъ съ данными въ рукахъ въ своей статьѣ г. Слонимскій.

Все это кончилось такъ, какъ и должно было кончиться: черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ Бисмаркъ занималъ должность посланника въ Петербургѣ, тому же Горчакову пришлось снова имѣть дѣло съ «желѣзнымъ канцлеромъ», но уже при нѣсколько иныхъ условіяхъ: Россія вышла побѣдительницею изъ кроваваго столкновенія съ Турціей. Въ такомъ положеніи побѣдительницѣ остается обыкновенно лишь предписывать условія мира побѣжденной, но такъ бываетъ именно «обыкновенно», съ нами же всегда должны проис-

ходить вещи необыкновенныя. Появился на исторической сценѣ знаменитый берлинскій конгрессъ, на которомъ въ качествѣ представителей Россіи засѣдали князь Горчаковъ и такой же пламенный поклонникъ «генія» Бисмарка графъ Шуваловъ. Плоды этого конгресса извѣстны...

«Горчаковъ и Шуваловъ были довольно равнодушны къ судьбѣ балканскихъ земель и къ размѣрамъ русскихъ пріобрѣтеній, но сознавали, что играютъ предъ Европою роль далеко менѣе почетную и выгодную, чѣмъ представители державъ, не побѣждавшихъ Турціи—лордъ Биконсфильдъ и графъ Андраши. Князь Горчаковъ не являлся на засѣданія конгресса, когда предстояло обсужденіе спорныхъ или непріятныхъ вопросовъ. Отвѣтственность за всѣ обидныя неудачи русской восточной политики стала мало-по-малу приписываться германскому канцлеру, хотя характеръ нашихъ дѣйствій и упущеній, какъ и выборъ дѣйствующихъ лицъ, зависѣлъ, конечно, не отъ Берлина... Мы сами вели дѣло къ тому, чтобы плодами нашихъ жертвъ распоряжались Австрія и Англія; наши войска разбили Турцію, но были остановлены подъ Константинополемъ по первому грозному слову британскаго министра... Лучшимъ и опытнѣйшимъ политическимъ дѣятелямъ Европы противопоставлены были на конгрессѣ—престарѣлый, разслабленный, салонный дипломатъ старой школы и свѣтскій сановникъ, извѣстный своимъ поклоненіемъ Биконсфильду и Бисмарку...»

Ну, а потомъ мы во всемъ обвиняли того же Бисмарка... Еще бы! Что за черная неблагодарность съ его стороны! Ему ли не выказывалъ князь Горчаковъ знаковъ «особаго довѣрія»? А онъ чѣмъ отплатилъ?..

Бисмаркъ же, въ сущности, конечно, былъ тутъ не виноватъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло, служилъ *своей* родинѣ и не его въ томъ вина, если ему пришлось имѣть дѣло съ политическими младенцами.

Бисмаркъ относился внѣшнимъ образомъ всегда съ почтеніемъ къ Горчакову и даже называлъ его своимъ учителемъ, и тотъ таялъ отъ такой грубой лести. Въ то же время Бисмаркъ писалъ въ своихъ запискахъ о Горчаковѣ такія строки: «Горчаковъ кажется мнѣ утомительнымъ, неловкимъ шутомъ...»

Въ статьѣ г. Слонимскаго вообще содержатся назидательныя вещи...

Отъ вопросовъ такъ называемой «высшей политики» перейдемъ прямо къ текущей сѣренькой, убогой дѣйствительности. Она намъ ближе и роднѣе. Въ іюльской книжкѣ «Русской Мысли» помѣщена статья г. Алексѣя Смирнова подъ заглавіемъ «Что читаютъ въ деревнѣ?» Названіе этой статьи нѣсколько не соотвѣтствуетъ ея содержанію, такъ какъ рѣчь идетъ въ ней не о деревнѣ «вообще», не о той деревнѣ, которая могла бы получаться въ качествѣ нѣкоего «средняго» изъ анкетъ по данному вопросу въ нѣсколькихъ десяткахъ губерній, а о деревнѣ лишь одной губерніи Владимірской, но и въ этомъ видѣ статья г. Смирнова заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, вниманія читателей. Изслѣдованіемъ вопроса о томъ, что читаютъ крестьяне въ деревняхъ Владимірской губерніи, а также, какая существуетъ разница между потребляемой духовной

пищей въ земледѣльческихъ и фабричныхъ уѣздахъ этой губерніи занялись мѣстные статистики, и вотъ нѣкоторыя любопытныя статистическіе выводы, къ которымъ пришли изслѣдователи:

Найдено книгъ:	Въ замледѣльческихъ уѣздахъ.	Въ фабричныхъ уѣздахъ.
Религіозно-нравственнаго содержанія и житія святыхъ	62,6%	52%
Беллетристика.	11,4%	22,1%
Извѣстныхъ авторовъ	3,0%	5,2%
Сказокъ	3,1%	0,7%
Историческихъ	3,2%	4,2%
Научно-популярныхъ и по сельскому хозяйству.	1,7%	4,3%

Печально, вообще, содержаніе этой таблички, но она указываетъ въ то же время въ тысячный разъ на то, что развитіе промышленности несетъ съ собою и потребность въ серьезной книжкѣ, въ культурѣ. Земледѣльческая деревня въ этомъ отношеніи подвигается впередъ страшно туго. Выводъ этотъ мало скрашиваетъ, однако, общее «унылое» впечатлѣніе, производимое данной табличкой. Вѣдь дѣло идетъ о губерніи земской, подмосковной, промышленной... И выходитъ, что громадное увеличеніе спроса на книгу, о чемъ мы имѣли случай говорить въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ обозрѣній, обнаруживается болѣе чѣмъ львиною своею частью въ городахъ, а деревня... деревня попрежнему питается чѣмъ Богъ пошлетъ...

«Какъ относятся въ деревнѣ къ книгѣ,—желанный ли она тамъ или случайный гость, усиливается ли въ послѣднее время любовь къ чтенію въ деревнѣ или нѣтъ», спрашиваетъ авторъ цитируемой статьи. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ также сообщенія добровольныхъ корреспондентовъ владимірскаго статистическаго отдѣленія. Изъ 295 отвѣтовъ объ усиленіи любви къ чтенію говорятъ 65,5%, о незначительномъ усиленіи—11,4% и отрицательный отвѣтъ даютъ 23,1%».

Вотъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ, приводимыхъ г. Смирновымъ:

«Въ нашей мѣстности, — пишутъ изъ одного уголка Шуйскаго уѣзда,— грамотеи самые плачевные, развѣ кой у кого найдется Псалтырь, а рѣже Евангеліе на гражданскомъ переводѣ». Изъ другихъ мѣстъ такіе отвѣты: «читать нечего — книгъ нѣту», «плохо усиливается по неимѣнію книгъ», «послѣдняя пропадаетъ» и т. д. Встрѣчаются, однако, и другіе отзывы: «въ лѣтнюю пору въ праздникъ на улицѣ то и дѣло встрѣчаешь читающихъ, окруженныхъ толпою слушателей», «зачитываются до помѣшательства», «даже въ трактирѣ собираются цѣлыми кружками, чтобы послушать какого-нибудь чтеца» и т. д. Это даетъ автору статьи основаніе придти къ заключенію, что «населеніе жаждетъ дѣльныхъ, полезныхъ книгъ». Едва ли изъ приведенныхъ данныхъ вытекаетъ, однако, столь утѣшительный выводъ. Онъ вытекалъ бы въ томъ случаѣ, если бы было извѣстно, какими именно книгами («полезными» и «дѣльными» или «разной лубочной чепухой») «зачитываются до

помѣшательства» и «заслушиваются цѣлыми кружками», но этихъ-то свѣдѣній въ статьѣ г. Смирнова и не имѣется. Принимая же во вниманіе составъ обращающихся въ деревняхъ Владимірской губерніи книгъ (см. вышеприведенную таблицу), трудно вывести заключеніе, чтобы тамъ зачитывались именно «дѣльными» и «полезными» книгами. Но само собою разумѣется, что самый фактъ пробужденія любви къ чтенію уже много значитъ, и «дѣльная» книга, конечно, нашла бы себѣ при этомъ условіи читателя, если бы не тормазы на пути къ ея появленію въ деревнѣ. А тормазовъ этихъ такъ много, такъ много. Старая тема объ этихъ тормазахъ у насъ вѣчно нова...

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Балканская смута. Всѣ извѣстія, идущія съ Балканъ, указываютъ на то, что македонское революціонное движеніе разростается. Броженіе началось давно, еще въ 1895 году, такъ какъ положеніе Македоніи, подвергавшейся турецкому гнету, было слишкомъ тяжелое, и она стремилась освободиться отъ него, разсчитывая при этомъ на помощь другихъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова и, главнымъ образомъ, Болгаріи. Дѣйствительно, каждое движеніе Македоніи встрѣчало всегда гораздо болѣе сердечный откликъ въ Болгаріи, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Послѣ того, какъ берлинскій конгрессъ снова вернулъ Македонію Турціи, наперекоръ санъ-стефановскому договору, причислявшему ее къ Болгаріи, въ Македоніи почти не прекращалось неудовольствіе, порожденное рѣшеніемъ европейскихъ державъ. Македонскія горы служили прекраснымъ убѣжищемъ для инсургентовъ, у которыхъ не разъ происходили стычки съ турецкими войсками, кончавшіяся побѣдою инсургентовъ. Въ Болгаріи же образовался революціонный комитетъ, представлявшій изъ себя центральный органъ, руководившій движеніемъ и сбиравшій для него пожертвованія. Болгарское правительство и теперь, какъ и прежде, оффиціально держалось въ сторонѣ, но втайнѣ оно несомнѣнно поддерживало и поддерживаетъ движеніе. Въ настоящее время, однако, движеніе приняло болѣе острый характеръ, чѣмъ когда-либо. Пожаръ разгорается, хотя весною нѣмецкія газеты сочли его покончennымъ, вслѣдствіе временно наступившаго затишья. Теперь оно возобновилось съ новою силою и сопровождается, какъ всегда, всевозможными насиліями, грабежами, кровопролитными столкновеніями и т. п., ввергая несчастную, разоренную и доведенную до крайности страну въ состояніе полной анархіи. Весь Монастырскій вилайетъ охваченъ пожаромъ. Желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе прерваны, и поэтому всѣ извѣстія получаются только или черезъ Болгарію, или черезъ Турцію, слѣдовательно, легко могутъ носить тенденціозный характеръ. Но факты остаются фактами и такимъ фактомъ является рѣзня, которая происходитъ въ Македоніи. Однако, представители македонской организаціи въ Софіи, Татарчевъ, Маковъ и Родевъ, публично протестуютъ противъ взводимыхъ на инсургентовъ турецкимъ правительствомъ обвиненій въ избіеніи неповин-

наго турецкаго населенія. «Мы беремся за оружіе во имя свободы и человѣчества, безъ различія расъ и даже религіи, и поднимаемъ его противъ тиранніи и безчеловѣчности,—заявляютъ они въ своемъ воззваніи.—Мы называемъ нашими братьями всѣхъ тѣхъ, кто страдаетъ подъ гнетомъ темнаго султанскаго царства, будь то болгары, греки, сербы, румыны, или даже мусульманскіе и турецкіе крестьяне. Мы считаемъ своими врагами только турецкое правительство и всѣхъ тѣхъ, кто съ нами сражается, насъ выдаетъ и за нами шпіонитъ. На этомъ основаніи мы приказываемъ: 1) нападать на всякій отрядъ турецкихъ войскъ, регулярныхъ или башибузуковъ; 2) защищать противъ турокъ всѣхъ христіанъ и 3) не трогать невинныхъ мусульманъ, женщинъ и дѣтей». Представители организаціи утверждаютъ, что болгарское населеніе строго придерживалось этихъ приказаній и торжественно заявляютъ, что ни одинъ волосъ не былъ тронутъ на головѣ невиннаго, турка или христіанина, принадлежавшаго къ другой національности.

Македонскіе революціонеры намѣренно подчеркиваютъ то, что, производя различныя покушенія, они имѣли въ виду только заставить Европу вмѣшаться, нанося ущербъ ея матеріальнымъ интересамъ въ видѣ разрушенія банковъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п. учрежденій, въ которыхъ участвуетъ Европа своими капиталами. Но при этомъ люди всегда бываютъ заранѣе предупреждены о предстоящемъ покушеніи и могутъ, слѣдовательно, отправиться въ безопасное мѣсто. Такъ было поступлено относительно директора оттоманскаго банка въ Салоникахъ, который былъ предупрежденъ заранѣе, что предстоитъ динамитное покушеніе на банкъ, и это было сдѣлано для того, чтобы онъ и его семья могли укрыться. Дирекція восточныхъ желѣзныхъ дорогъ также получила предупрежденіе. Ее просили изъ предосторожности не пускать пассажирскихъ поѣздовъ, для того, чтобы жители не ѣздили по восточнымъ желѣзнымъ дорогамъ и не сдѣлались бы невинными жертвами, въ случаѣ, если будетъ произведено покушеніе на желѣзную дорогу. Съ другой стороны, и среди турокъ возбужденіе растетъ. Турки остаются вѣрны традиціямъ въ данномъ случаѣ и не останавливаются ни передъ какими насиліями, и это только пуще разжигаетъ племенную ненависть и вражду.

Когда прежній болгарскій кабинетъ цанковистовъ, по требованію великихъ державъ, въ особенности Россіи и Австро-Венгріи, закрылъ «центральный македонскій комитетъ» въ Софіи и всѣ другія македонскія общества въ Болгаріи, то въ европейской печати высказывалось мнѣніе, что эта правительственная мѣра непремѣнно должна положить крѣпкую узду на революціонную пропаганду въ Македоніи. Однако, въ македонскихъ кружкахъ не раздѣляли этого взгляда и надѣялись, что «тайная» дѣятельность македонскихъ комитетовъ, избавленныхъ теперь отъ правительственнаго контроля, пойдетъ гораздо успѣшнѣе. Позднѣйшія событія вполнѣ оправдали такой взглядъ. Президентъ бывшаго центральнаго македонскаго комитета, Михайловскій, находится теперь въ Софіи, но уже безсиленъ дать какое-либо направленіе революціонному движенію или сдержать его. Вообще, какъ оказывается, правительственная мѣра привела только къ тому, что руководство движеніемъ фактически оказалось въ

рукахъ Бориса Сарафова, яраго революціонера и опытнаго агитатора. Ему въ особенности ставится въ заслугу, что онъ умѣетъ излагать желанія македонцевъ прекраснымъ французскимъ языкомъ, и черезъ своихъ агентовъ разсылаетъ эти меморандумы державамъ. Въ Болгаріи же сочувствіе македонскому движенію охватило всѣ слои общества, да въ этомъ и нѣтъ ничего удивительнаго, потому что изъ 35.000 обитающихъ въ Болгаріи македонцевъ, по крайней мѣрѣ, 15.000 живутъ въ Софіи. Въ арміи находится около 480 македонцевъ и до 5.500 въ разныхъ административныхъ учрежденіяхъ, остальные же ремесленники: булочники, мясники, сапожники, огородники, торговцы и т. п., а также рабочіе, и, конечно, всѣ эти люди тайно и явно поддерживаютъ движеніе. Въ реформы никто не вѣритъ, да и нѣтъ возможности ввести ихъ въ Македоніи при данныхъ условіяхъ; къ тому же это настоящія «бумажныя реформы» и большого значенія имѣть не могутъ. Послѣднее убійство русскаго консула еще болѣе усложнило положеніе. «Какъ поступитъ Россія?» — вотъ вопросъ, который сосредоточилъ на себѣ интересъ всей Европы, и печать, особенно нѣмецкая, энергично принялась выхвалять умѣренность Россіи, выказанную ею послѣ того, какъ былъ убитъ ея консулъ въ Ускюбѣ Щербина; на этотъ разъ, однако, Россія потребовала немедленной казни преступника, что и было исполнено, но это она сочла недостаточнымъ удовлетвореніемъ и отправила свою эскадру въ турецкія воды, что вызвало нѣкоторую сенсацію въ Европѣ, судя по отзывамъ европейской печати. Но будутъ ли введены реформы, которыя требуетъ Россія въ своемъ ультиматумѣ — въ этомъ позволительно сомнѣваться, такъ какъ Турція безсильна выполнить это, да и вообще рѣшенію македонскаго вопроса сильно мѣшаетъ вражда трехъ національностей въ Македоніи, сербовъ, грековъ и болгаръ, и соперничество европейскихъ державъ, которыя ни за что не допустятъ оккупаціи Македоніи одною изъ нихъ и вообще не потерпятъ ничьего отдѣльнаго вмѣшательства.

Но не въ одной только Македоніи господствуетъ смута. Правда, въ другихъ балканскихъ государствахъ не происходитъ кровопролитныхъ стычекъ съ турецкими или иными войсками, но внутреннее положеніе этихъ государствъ непрочно. Въ Болгаріи, напр., царитъ полная неопредѣленность положенія. Князь Фердинандъ уѣхалъ; онъ предпочитаетъ, повидимому, выжидать дальнѣйшихъ событій вдали отъ своего государства, не принимая въ нихъ непосредственнаго участія. Но, во всякомъ случаѣ, какъ ни старается болгарское правительство доказать свою непричастность къ македонскому движенію, въ Европѣ врядъ ли кто-нибудь серьезно вѣритъ этому. Увлеченное общественнымъ настроеніемъ болгарское правительство на многое вынуждено взирать сквозь пальцы и хотя всѣ знаютъ, что и какъ дѣлается для поддержанія македонскаго возстанія, однако всѣ дѣлаютъ видъ, что ничего не знаютъ.

И въ Сербіи не лучше Въ иностранной печати въ послѣднее время распространился слухъ, что король Петръ уже подумываетъ объ отреченіи. Этотъ слухъ, между прочимъ, циркулировалъ и въ сербской печати, и хотя трудно допустить, чтобы король Петръ, многія десятилѣтія домогавшійся серб-

скаго престола, такъ легко отказался отъ него теперь, тѣмъ не менѣе уже самое возникновеніе такого слуха въ высшей степени характерно для политическаго положенія страны. Король Петръ занялъ престолъ при весьма трудныхъ и щекотливыхъ обстоятельствахъ и поэтому упрочить свое положеніе какъ монарха ему очень трудно. Дѣло вѣдь дошло до того, что два министра и 32 офицера на совмѣстномъ совѣщаніи рѣшили объявить королю, что онъ поступаетъ неблагодарно! Нѣкоторыя изъ сербскихъ газетъ приписываютъ такое положеніе въ Сербіи тому, что убійцы короля Александра и Драги не были наказаны, но врядъ ли короля Петра можно винить за это. Неудовольствіе противъ Александра и Драги носило слишкомъ всеобщій характеръ и притомъ причины, вызвавшія его, дѣйствительно были уважительны. «Это былъ отчаянный поступокъ борющагося за свое существованіе народа», сказалъ Владанъ Георгіевичъ, и въ самомъ дѣлѣ такіе люди, какъ полковники Машинъ, Мишичъ, Ристичъ, Костичъ и др., могли выставить въ свою защиту, что они дѣйствовали въ интересахъ своего отечества. Такихъ заговорщиковъ не легко было привлечь къ отвѣтственности, но рядомъ съ ними находятся другіе, которые, повидимому, требуютъ вознагражденія за свой поступокъ, потому что какъ же иначе назвать то, что они желаютъ сохранить для себя всѣ привилегіи, всѣ лучшія должности въ государствѣ и настаиваютъ на томъ, чтобы офицеры, не участвовавшіе въ заговорѣ, не получали бы повышеній и наградъ? Разумѣется, такіе господа ясно указываютъ, что они дѣйствовали въ личныхъ интересахъ, и если эти интересы потребуютъ теперь устраненія короля Петра, то они готовы будутъ поступить и съ нимъ точно такъ же. Подъ маскою «спасителей отечества» такъ легко вѣдь соблюдать собственныя выгоды. Естественно, что все это вызываетъ сильный расколъ въ сербской арміи. Если король и военный министръ окажутъ покровительство кому-нибудь изъ партіи заговорщиковъ, то сейчасъ поднимается шумъ въ другихъ мѣстахъ, и короля обвиняютъ въ томъ, что онъ держитъ руку убійцъ. Бывшіе же заговорщики недовольны и находятъ, что имъ слишкомъ мало оказывается вниманія королемъ, который обязанъ имъ своимъ престоломъ, и смѣлость ихъ доходитъ даже до того, что они грозятся отмстить королю. Вообще наглость нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно переступаетъ границы, и еще нигдѣ и никто не похвалялся такъ открыто убійствомъ короля, какъ это дѣлается теперь въ Сербіи. Смѣна министерства только увеличиваетъ смуту и содѣйствуетъ распространенію разныхъ слуховъ, рисующихъ положеніе Сербіи очень мрачными красками.

Что касается участія Сербіи въ македонскомъ движеніи, то, хотя оно и не такъ рѣзко выражено, какъ участіе Болгаріи, тѣмъ не менѣе въ сочувствіи сербовъ этому движенію сомнѣваться нельзя. Недавно, впрочемъ, оно даже выражено было открыто на митингѣ, который былъ созванъ въ Бѣлградѣ для выраженія сочувствія македонцамъ. Но оффиціальная Сербія, конечно, остается въ сторонѣ, также какъ и оффиціальная Болгарія. Въ иностранной печати много говорится объ антагонизмѣ македонскихъ сербовъ и македонскихъ болгаръ. Совершенно вѣрно; этотъ антагонизмъ существуетъ и

навѣрное сильно затруднитъ благополучное разрѣшеніе македонскаго вопроса. Но и тѣхъ и другихъ въ данную минуту объединяетъ общее чувство вражды къ ихъ общему притѣснителю турку. Правда, македонскіе болгары какъ бы монополизировали вниманіе Европы въ настоящее время, но это потому, что они составляютъ около трехъ четвертей населенія Македоніи. Сербы населяютъ, главнымъ образомъ, Старо-Сербію, главный городъ которой Ускюбъ, и волненія въ этой мѣстности почему-то мало обращали на себя вниманія. Старо-Сербія, какъ и Македонія, населена была бѣглецами-христіанами, которые оказались во власти у деспотическаго, вооруженнаго и не подчиняющагося законамъ мусульманскаго меньшинства. И тѣ и другіе страдаютъ отъ этой тиранніи и не разъ пытались избавиться отъ нея. Единственные изъ христіанъ, населяющихъ Македонію, греки, не только отказываются отъ участія въ возстаніи, но даже становятся на сторону турокъ, что, разумѣется, вызываетъ сильнѣйшее негодованіе въ рядахъ македонцевъ, справедливо считающихъ ихъ измѣнниками общему дѣлу. Старо-сербы, однако, больше всего ненавидятъ албанцевъ, безъ поддержки которыхъ врядъ ли удалось бы султану удержать свою власть въ этой мѣстности. Однако, поддерживая его, албанцы все-таки остаются врагами Турціи, хотя многіе изъ нихъ занимаютъ высшія должности въ арміи и албанскіе солдаты считаются самыми лучшими въ турецкомъ войскѣ. Албанцы все-таки мечтаютъ о независимости и заявляютъ притязанія на Старо-Сербію, которую они хотѣли бы захватить. Всѣ эти разнообразныя національныя стремленія, примирить которыя такъ трудно, вмѣстѣ съ соперничествомъ европейскихъ державъ, образуютъ изъ македонскаго вопроса такой Гордіевъ узелъ, распутать который очень трудно.

Въ Англіи.—Чэмберленъ и его проектъ.—Мѣры противъ иммиграціи иностранцевъ.—Смерть лорда Салисбюри. Надо вернуться къ тѣмъ временамъ, когда вопросъ о гомрулѣ вызвалъ расколъ англійской либеральной партіи и бурную полемику въ обществѣ и печати, для того, чтобы составить себѣ истинное понятіе о современномъ политическомъ положеніи Англіи. Тогда Чэмберленъ раскололъ надвое одну только партію, теперь же онъ посѣялъ раздоры какъ среди консерваторовъ, такъ и среди либераловъ и вообще вызвалъ расколъ даже въ самомъ министерствѣ. Тогда вопросъ, бывшій причиной распаденія либеральной партіи, носилъ политическій характеръ, теперь же онъ не только политическій но и экономическій, и нѣтъ такого британскаго гражданина, который бы относился равнодушно къ вопросу о томъ, должна ли Англія отказаться отъ экономическаго и фискальнаго режима, бывшаго причиной ея благополучія и процвѣтанія, или же она введетъ новый режимъ, первымъ послѣдствіемъ котораго будетъ измѣненіе условій существованія рабочихъ и среднихъ классовъ? Такимъ образомъ вопросъ этотъ, около котораго сосредоточивается въ данный моментъ вся внутренняя политическая жизнь Англіи, представляетъ гораздо болѣе общій и практическій интересъ для англійскаго народа, нежели теоретическій вопросъ о гомрулѣ.

Результаты режима, господствовавшаго въ Англіи около 50 лѣтъ, были

настолько блестящи, что никому и въ голову не приходило, что въ Англіи можно поколебать принципъ свободы торговли и замѣнить его болѣе или менѣе замаскированнымъ протекціонизмомъ. Какъ были бы удивлены англійскіе политическіе дѣятели 1850 и 1875 годовъ, еслибъ имъ предсказали, что въ началѣ XX-го вѣка Англія очутится на порогѣ отреченія отъ доктринъ или догматовъ манчестерской школы, а торговля палаты въ Бирмижэмѣ будетъ привѣтствовать такое отреченіе, торійское же и уніонистское министерство возложитъ всѣ свои надежды на успѣхъ на этотъ экономическій переворотъ! Разумѣется, надо было быть такимъ смѣлымъ и ни передъ чѣмъ не останавливающимся человѣкомъ, каковъ Джо Чэмберленъ, чтобы предложить Англіи покончить со своими фритредерскими традиціями. Кто-то въ шутку сказалъ, что Чэмберленъ «похоронилъ ортодоксальный либерализмъ въ Англіи». Такъ оно и есть, и въ лицѣ Чэмберлена воплощается та эволюція, которая увлекаетъ Англію на пути къ имперіализму и новымъ формамъ, политическимъ, соціальнымъ и международнымъ. Съ большимъ искусствомъ Чэмберленъ умѣетъ затронуть чувствительную струну англичанъ. Рабочимъ онъ говоритъ объ увеличеніи заработка, который превыситъ расходы на существованіе. Фабрикантамъ онъ указываетъ на увеличеніе доходовъ, на расширеніе промышленности, которой въ данный моментъ сильно угрожаетъ иностранная конкуренція. Но этого мало, Чэмберленъ играетъ и на имперіалистскихъ струнахъ и всѣми силами старается раздуть пламя, которое уже начало гаснуть. Само собою разумѣется, что задача противниковъ Чэмберлена не легка. Имъ приходится опираться въ своихъ аргументахъ на опытъ прошлаго, на уже забытые факты и уроки исторіи, тогда какъ Чэмберленъ дѣйствуетъ на чувство, на страсти и личные интересы британскихъ гражданъ. Онъ давно уже подготовлялъ эволюцію, хотя съ перваго взгляда могло показаться, что онъ сдѣлалъ крутой поворотъ. Между тѣмъ его проектъ таможеннаго союза и диференціальныхъ пошлинъ въ пользу имперіи и ея колоній не составляетъ, во всякомъ случаѣ, новинки, но только недавно онъ высказался окончательно и опредѣленно на этотъ счетъ, заявивъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что «Free Trade» отжила свой вѣкъ въ Англіи, что это анахронизмъ и предразсудокъ, и что будущее принадлежитъ имперскому протекціонизму.

Такое категорическое заявленіе, однако, вызвало все-таки нѣкоторое волненіе въ Англіи. Несмотря на все ея увлеченіе имперіализмомъ Англія все-таки не можетъ забыть, какимъ благополучіемъ она пользовалась при прежнемъ режимѣ, какъ широко развилась ея производительность, и она почти овладѣла монополіей въ области навигаціи и морской торговли. Англійскія газеты съ жаромъ принялись обсуждать этотъ вопросъ, отодвинувшій въ данную минуту другіе вопросы на задній планъ. Однако, общественное мнѣніе далеко не на сторонѣ Чэмберлена, и это доказали, между прочимъ, недавніе выборы въ Барнирдъ-Кэстлѣ (Дергемъ), гдѣ былъ выдвинутъ на сцену вопросъ о протекціонизмѣ и свободѣ торговли. Побѣдили фритрёдеры, получившіе 6.179 голосовъ; протекціонисты же получили только 3.323. Побѣдителемъ оказался кандидатъ рабочей партіи, такъ какъ округъ этотъ промышленный и земледѣльческій

и можетъ выражать вполнѣ взгляды англійскихъ рабочихъ, такъ что отсюда можно заключить, что англійскіе сельскіе и горные рабочіе одинаково противятся измѣненію режима, которому они обязаны тѣмъ, что могутъ жить дешевле и лучше, нежели рабочіе всѣхъ другихъ европейскихъ странъ.

Въ Лондонѣ состоялся даже митингъ протеста противъ идей Чэмберлена, на который явилась масса лондонскихъ гражданъ, а главнымъ ораторомъ былъ членъ палаты общинъ Асквайзъ, организовавшій очень бурную оппозицію Чэмберлену въ парламентѣ. Была вотирована резолюція, въ которой заявлялось, что предложеніе Чэмберлена должно имѣть очень важныя послѣдствія для торговой палаты государства, такъ какъ оно стремится произвести въ ней коренныя перемѣны; вздорожаніе же пищевыхъ средствъ составитъ серьезную опасность для благосостоянія націи.

Полемика по вопросу о свободѣ торговли нѣсколько заслонила всѣ другіе важные вопросы, волновавшіе англійское общественное мнѣніе. Одна изъ англійскихъ газетъ даже ѣдко замѣтила по этому поводу, что, быть можетъ, одною изъ главныхъ причинъ новаго увлеченія Чэмберлена было его желаніе отвлечь англійское общественное мнѣніе отъ политики министерства въ школьномъ вопросѣ и скрыть отъ него капитуляцію англійскаго правительства передъ представителями англиканскаго и католическаго клерикализма. Правда, что между поведеніемъ Чэмберлена теперь и его дѣйствіями въ 1870 году, когда онъ стоялъ во главѣ непримиримыхъ радикаловъ, существуетъ разительный контрастъ. Тогда онъ находилъ законъ Гладстона—Форстера недостаточно либеральнымъ, требовалъ абсолютно свободнаго отъ всякихъ конфессіональныхъ стѣсненій преподаванія въ школахъ, полнаго конфессіональнаго нейтралитета этихъ школъ и т. п. А въ настоящее время онъ собственными руками уничтожаетъ сдѣланное, и находясь во главѣ уніонистскаго министерства, соглашается совершенно отдать школы, ихъ учителей и программы въ руки англиканскихъ клерджименовъ, низводя до возможнаго минимума контроль общественной власти.

Дѣйствительно, если таковъ былъ планъ Чэмберлена, чтобы отвлечь вниманіе англійскаго общества отъ школьнаго вопроса, то этотъ планъ ему вполнѣ удался. Печать полна теперь разговорами о предстоящемъ экономическомъ переворотѣ, и голоса протестующихъ противъ школьной политики теряются въ этомъ общемъ шумѣ. Не мало признаковъ, впрочемъ, указываютъ, что въ экономическомъ вопросѣ Англія не такъ-то легко дастъ себя увлечь въ сторону отъ традиціоннаго шума, какъ это было въ школьномъ вопросѣ, и будетъ съ жаромъ защищать торговый режимъ, благодаря которому она достигла высокаго процвѣтанія, противъ другой системы, которая не только повыситъ цѣны на пищевые продукты, но, пожалуй, вызоветъ тарифную войну и поколеблетъ единство имперіи.

Другой интересный вопросъ, который поставленъ теперь на очередь въ Англіи,—это вопросъ объ иммиграціи иностранцевъ въ предѣлы британскаго королевства, особенно въ Лондонъ. Въ печати уже давно поговаривали о необходимости мѣропріятій для ограниченія иммиграціи нежелательныхъ элементовъ

въ Англіи, такъ что въ 1902 году весной была даже назначена парламентская коммиссія, которая должна была всесторонне изучить этотъ вопросъ и представить докладъ. Теперь работы коммиссіи закончены, и докладъ готовъ. Коммиссія допросила въ 40 публичныхъ засѣданіяхъ до 175 экспертовъ, вызванныхъ изъ всѣхъ слоевъ населенія, и, кромѣ того, въ ея распоряженіи находился богатый статистическій матеріалъ, собранный представителями коммиссіи въ Голландіи, Польшѣ и Россіи. Такимъ образомъ составился очень обширный докладъ, опирающійся на фактическія данныя и доказывающій необходимость ограниченія иммиграціи «нежелательныхъ» элементовъ въ Англіи. Коммиссія предлагаетъ принять мѣры противъ иммиграціи извѣстныхъ классовъ населенія изъ восточной Европы (Румыніи, Россіи и Польши), но въ то же время считаетъ нужнымъ оговориться, что она вовсе не имѣетъ въ виду ставить какія-либо препятствія пріѣзжающимъ въ Англію иностранцамъ. Однако, Англія, какъ и всякая другая страна, имѣетъ право ограждать себя отъ наплыва вредныхъ для общества элементовъ, иностранныхъ преступниковъ, бродягъ и т. п. И съ этою цѣлью коммиссія предлагаетъ учредить за иммиграціей извѣстныхъ классовъ иностранцевъ и подчинить ее извѣстнымъ правиламъ, для чего должно быть организовано особое иммигрантское управленіе и улучшены статистическіе методы. На управленіе должно быть возложено законное право высылать изъ страны такихъ иностранцевъ, которые, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Англіи, зарекомендовали себя какъ преступники и вообще люди предосудительнаго поведенія или же сдѣлались бременемъ для кассы вспомоществованія бѣднымъ, но не вслѣдствіе своей болѣзни, а по какимъ-либо другимъ причинамъ. Далѣе коммиссія предлагаетъ принятіе мѣръ противъ иммиграціи лицъ, страдающихъ заразными или психическими болѣзнями, не имѣющихъ никакихъ болѣе или менѣе явныхъ средствъ къ существованію и т. д.

Само собою разумѣется, что докладъ коммиссіи вызвалъ толки въ англійской печати. Двое членовъ коммиссіи, лордъ Ротшильдъ и Дигби изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, представили особое мнѣніе, которое во многихъ пунктахъ расходятся съ мнѣніемъ коммиссіи, предложенія которой они находятъ черезчуръ крайними, печать же, въ общемъ, относится довольно сочувственно къ предложеніямъ коммиссіи, находя, что иммиграціонный вопросъ давно уже назрѣлъ, такъ какъ въ теченіи уже многихъ лѣтъ подонки человѣческаго общества, со всѣхъ концовъ міра устремляются въ Англію и въ особенности въ Лондонъ. Преступленія и всякаго рода позорныя дѣянія въ огромномъ количествѣ совершаются именно иностранцами и лондонскимъ судьямъ они доставляютъ не мало работы. На это обстоятельство лондонскія газеты давно уже обращали вниманіе общественнаго мнѣнія Англіи, такъ что новые эмиграціонные законы являются только результатомъ этой пропаганды печати. Однако, постановка на очередь иммиграціоннаго вопроса также указываемъ, что Англія увлекается въ сторону протекціонистскихъ идей даже въ этой области. Конечно могутъ пройти годы, прежде чѣмъ вступятъ въ силу эти законы, столь нарушающіе традиціи Англіи какъ страны свободы, но, во вся-

комъ случаѣ, очень характерно, что вопросъ этотъ выдвинутъ теперь на ряду съ вопросами о сохраненіи свободы торговли и предложенія коммиссіи такъ противорѣчатъ принципамъ, господствовавшимъ до сихъ поръ въ Англіи.

Умеръ лордъ Салисбюри, и въ лицѣ его сошелъ въ могилу одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ творца британскаго имперіализма Дизраели-Биконсфильда. Свои государственные таланты Салисбюри впервые выказалъ на европейскомъ Востокѣ и по странному стеченію обстоятельствъ именно теперь когда онъ лежалъ въ Англіи въ своемъ великолѣпномъ помѣстьѣ Гатфильдѣ, восточный горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался тучами и отсвѣчивалъ кровавымъ заревомъ.

Лордъ Салисбюри никогда ни на шагъ не отступалъ отъ своихъ консервативныхъ воззрѣній и, по всей вѣроятности, онъ бы не могъ оставаться такъ долго во главѣ британскаго правительства и занимать съ небольшими промежутками чуть ли не въ теченіе четверти вѣка должность перваго министра, если бы внѣшніе вопросы не выдвинулись на первый планъ въ Англіи. «Эра Викторіи» началась внутренними реформами. Вначалѣ руководители британской политикой, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ отпаденія американскихъ колоній, индифферентно и скептически относились къ тому, какъ сложатся въ будущемъ взаимныя отношенія Англіи и ея колоній. Англія же была озабочена главнымъ образомъ расширеніемъ избирательнаго права, пониженіемъ таможенныхъ загородокъ и т. п. реформами и при такихъ условіяхъ Салисбюри, сожалѣющій объ упадкѣ протекціонизма и враждебно относящійся къ демократіи, не могъ бы сдѣлать блестящей парламентской карьеры. Къ чести его надо сказать, что онъ былъ не изъ такихъ людей, которые всегда готовы принять взгляды, ведущіе къ власти. Онъ долженъ былъ выжидать торжества своихъ собственныхъ взглядовъ и поэтому его карьера началась только съ того момента, когда лордъ Биконсфильдъ призвалъ его въ качествѣ сотрудника въ восточномъ вопросѣ. Биконсфильдъ и Салисбюри, однако, не долюбливали другъ друга и Салисбюри даже сочинялъ на него эпиграммы, но у обоихъ были совершенно одинаковыя понятія о величіи Англіи и это заставило ихъ работать вмѣстѣ. Но послѣ константинопольской конференціи положеніе обоихъ стало очень труднымъ, вслѣдствіе того, что англійское общественное мнѣніе было сильно взволновано агитаціей Гладстона и походомъ печати противъ болгарскихъ звѣрствъ. Между тѣмъ Дизраели и Салисбюри, опасаясь успѣховъ Россіи, желали сохранить и укрѣпить Турцію. Въ награду за свои добрыя услуги Турціи Англія получила Кипръ и съ этимъ соглашеніемъ въ карманѣ Биконсфильдъ и Салисбюри явились на берлинскій конгрессъ, созванный для пересмотра Санъ-стефанскаго договора. Положеніе ихъ было довольно щекотливое но лордъ Салисбюри выпутался изъ него, объявивъ французскому уполномоченному, что Англія, восхищаясь дѣятельностью Франціи въ Сѣверной Африкѣ, ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы она распространила ее въ сторону Туниса. Ну, а Австро-Венгріи было предоставлено оккупировать Боснію и Герцеговину.

Разумѣется авторитетъ лорда Салисбюри сильно выросъ въ глазахъ англій-

ского общественнаго мнѣнія послѣ берлинскаго конгресса и со смертью Биконсфильда онъ сдѣлался главою консервативной партіи. Сначала успѣхъ Гладстона какъ будто уменьшилъ его шансы на возвышеніе, но политика «великаго старца», вертѣвшаяся около гомруля, помогла Салисбюри побѣдить, такъ какъ партія Гладстона ослабѣла вслѣдствіе отпаденія либераловъ-уніонистовъ. Въ 1886 году лордъ Салисбюри вернулся къ власти, имѣя за собой громадное большинство и сильную партію, и оставался первымъ министромъ, за исключеніемъ краткаго періода временной побѣды либеральной партіи съ 1892 по 1895 годъ, вплоть до 1902 года, когда онъ добровольно удалился. Въ теченіе всего этого времени либеральныя идеи дѣйствительно отодвинулись на задній планъ въ Англіи. Англія была поглощена своими внѣшними дѣлами, соперничествомъ съ Германіей и Франціей, дѣлежемъ Африки и т. д. Какимъ же успѣхомъ могли пользоваться при такомъ общественномъ настроеніи либералы, которые проповѣдывали гомруль, независимость Трансвааля въ 1881 году, покорно отнеслись къ неудачѣ въ Афганистанѣ, покинули Гардона въ Хартумѣ и даже поговаривали объ эвакуаціи Египта! Лордъ Салисбюри, руководившій британскою политикою послѣ пораженія либераловъ, былъ настоящимъ министромъ имперіализма, такъ какъ именно при немъ эти идеи получили высшее развитіе. Но среди имперіалистовъ новѣйшей школы онъ не пользовался большою популярностью, потому что придерживался умѣренныхъ взглядовъ. Въ послѣднее время онъ часто подвергался рѣзкимъ нападкамъ, но никогда не льстилъ общественному мнѣнію и не старался такимъ путемъ сохранить власть, которая ему была нужна только для торжества его идей. Тѣмъ не менѣе, подобно и другимъ англійскимъ консервативнымъ правительствамъ, его министерство произвело нѣсколько смѣлыхъ реформъ въ духѣ демократіи, какъ, напр., реорганизація мѣстнаго управленія и т. п., и хотя въ Англіи у него было много серьезныхъ противниковъ, не раздѣлявшихъ его взглядовъ, но никто никогда не упрекнулъ въ томъ, что эти взгляды нужны были ему какъ трамплинъ для собственнаго возвышенія и выгодъ.

Въ берлинской народной школѣ. — Новыя общины. Въ берлинскихъ народныхъ школахъ, для опредѣленія степени развитія учениковъ и пріобрѣтенныхъ ими познаній не только въ школѣ, но и дома, часто прибѣгаютъ къ раздачѣ ученикамъ листковъ съ вопросами, на которые они должны дать письменные отвѣты. Вопросы эти касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ: современной литературы и германской политики, газетныхъ статей, такъ какъ замѣчено, что старшіе мальчики обыкновенно очень усердно читаютъ газеты, событій спеціально берлинской жизни и т. п. «Frankfurt Zeit.», сообщаетъ результаты одной такой «enquête» произведенной въ берлинской школѣ, имѣющей 75 учениковъ. Вопросы, касающіеся современной германской политики и ея дѣятелей, выяснили, что берлинскіе мальчики 12 — 14 лѣтъ не очень интересуются политикой и лишь не болѣе двухъ - трехъ мальчиковъ дали вѣрные отвѣты. Изъ всѣхъ политическихъ и государственныхъ дѣятелей, которые были поименованы въ вопросномъ спискѣ, наиболѣе извѣстнымъ ока-

*

зался покойный министръ финансовъ Микель. Большинство совершенно вѣрно отвѣтило на вопросъ, кто былъ Микель и только двое сказали, что онъ былъ канцлеромъ, двое считали его живописцемъ, а одинъ мальчикъ даже высказалъ предположеніе, что онъ былъ сербскій король. Теперешній же канцлеръ графъ Бюловъ пользуется, очевидно, большою извѣстностью, такъ какъ изъ 75 мальчиковъ 65 дали вѣрный отвѣтъ. На вопросы, относящіеся къ политическимъ партіямъ и ихъ вождямъ, лишь очень немногіе мальчики дали вѣрные отвѣты. Изъ 75 только 26 знали, кто такой Бебель и, вообще, имѣли болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о соціалъ-демократической партіи. Что же касается Зингера, то онъ оказался еще менѣе извѣстенъ юному берлинскому поколѣнію, гораздо менѣе, нежели его однофамилецъ, фабрикантъ швейныхъ машинъ, съ которымъ они его смѣшивали. Такъ какъ опросъ учениковъ производился во время англо-бурской войны, то можно было предположить, что имена Крюгера, Чэмберлена, Бота и др. хорошо извѣстны мальчикамъ; однако, оказалось, что 10 учениковъ ничего не слыхали о Крюгерѣ и только 58 дали вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Бота былъ извѣстенъ 50 ученикамъ, а Чэмберленъ 28. Двадцать мальчиковъ ничего о немъ не знали, а остальные присваивали ему самые удивительные титулы и званіе, и даже національность; такъ, напр., одинъ мальчикъ считалъ его китайцемъ! О Рузвельтѣ 43 дали вѣрные отвѣты.

Нѣмецкія газеты недовольны такими результатами школьной «enquête» и находятъ, что она говоритъ не въ пользу берлинскаго юнаго поколѣнія, которое слишкомъ мало знакомо съ дѣятелями германской общественной и политической жизни. «Frankfurt Zeit.» указываетъ на то, что въ Англіи въ этомъ возрастѣ мальчики выказываютъ гораздо больше интереса къ политической жизни страны и болѣе освѣдомлены, какъ это указываютъ между прочимъ результаты такого же опроса въ англійскихъ народныхъ школахъ. Юное берлинское поколѣніе сильно отстало въ этомъ отношеніи.

Соціалъ-демократическая партія опубликовала, какъ всегда, свой годовой отчетъ, и цифры этого отчета наглядно указываютъ, какіе громадные успѣхи достигнуты ею. Годовой доходъ партіи въ истекшемъ году среднимъ числомъ равнялся 157.000 м. а расходъ—135.000. Избирательная кампанія этого года обошлась партіи почти въ 70.000. Но особенно краснорѣчива статистика соціалистскихъ газетъ. Центральный органъ партіи «Vorwärts, выходитъ теперь ежедневно болѣе чѣмъ въ 78,000 экземпляровъ, другія же соціалистскія газеты въ Лейпцигѣ и Гамбургѣ выпускаются въ количествѣ 30 и 37 тысячъ экземпляровъ. Ни одна политическая партія въ Германіи не можетъ похвастаться такими успѣхами, и это съ огорченіемъ констатируютъ какъ консервативные, такъ и либеральные органы печати. Консервативныя газеты даже совѣтуютъ своимъ агитаторамъ, борющимся съ все усиливающимся вліяніемъ соціалъ-демократіи, поучиться у нея методамъ пропаганды и бороться съ нею ея же собственнымъ оружіемъ. Одна изъ газетъ замѣчаетъ, что власти своими придирками зачастую сами содѣйствуютъ тому, что ряды соціалъ-демократіи все пополняются, и въ доказательство приводятъ слѣдующій случай изъ вре-

менъ послѣдней выборной агитаціи: въ. Деревнѣ Петрикенъ было назначено собраніе избирателей, о которомъ заранѣе была увѣдомлена полиція. Сначала все шло хорошо; ораторъ говорилъ уже минутъ 30, какъ вдругъ присутствовавшій на собраніи полицейскій началъ выказывать нѣкоторое безпокойство и затѣмъ объявилъ, что онъ долженъ закрыть собраніе. «Это собраніе, пояснилъ онъ, было объявлено въ домѣ владѣльца. А между тѣмъ окны открыты и въ саду я вижу собравшихся людей, слушающихъ оратора. При такихъ условіяхъ это собраніе становится «собраніемъ подъ открытымъ небомъ», для котораго должно быть спеціальное разрѣшеніе полиціи. Я объявляю собраніе закрытымъ».. Какъ ни старались доказать ревностному блюстителю порядка, что онъ поступаетъ незаконно, но онъ стоялъ на своемъ. Нечего дѣлать, люди разошлись... съ протестами и со смѣхомъ.

Въ Ораніенбургѣ, близъ Берлина, существуетъ колонія, носящая звучное названіе Эдема. Колонія основана вегетаріанцами, которые стремятся вернуться къ болѣе естественному образу жизни, т.-е. находиться поближе къ природѣ и посредствомъ «собственной реформы достигнуть соціальной реформы». На всемъ пространствѣ колоніи, занимающей 150 моргеновъ земли, воспрещается убивать животныхъ; воспрещается также какъ употребленіе, такъ и продажа и приготовленіе спиртныхъ напитковъ и табака. Колонисты проводятъ большую часть своего времени подъ открытымъ небомъ, въ садахъ и огородахъ, которые они сами воздѣлываютъ, или въ поляхъ, которыя они также сами пашутъ и засѣваютъ, для дѣтей колонистовъ устроена школа и занятія обыкновенно происходятъ не въ закрытомъ помѣщеніи, а на открытомъ воздухѣ. Ребятишки, со своими книжками, тетрадками и аспидными досками, сидятъ на травѣ противъ учителя, который, также какъ и они, сидитъ прямо на землѣ. Ученіе нисколько не страдаетъ отъ того, что оно происходитъ подъ открымъ небомъ и, по словамъ учителя, дѣти занимаются даже охотнѣе и прилежнѣе, чѣмъ въ душномъ помѣщеніи. Колонія, какъ говорятъ нѣмецкія газеты, развивается очень успѣшно и продукты ея производства, овощи, фрукты и разные изъ нихъ заготовки находятъ очень хорошій сбытъ на берлинскомъ рынкѣ.

Другая колонія, извѣстная подъ именемъ «новой общины» (Neue Gemeinschaft), была основана въ Шлихтензи, близъ Берлина, года два тому назадъ братьями Генрихомъ и Юліусомъ Гартъ. Въ свое время она возбудила толки въ литературныхъ кружкахъ Берлина, такъ какъ ея члены, хотя и не проповѣдуютъ никакого опредѣленнаго и новаго философскаго и эстетическаго догмата, тѣмъ не менѣе стремятся основать родъ культа природы, съ нѣкоторою мистическою окраскою. Съ этою цѣлью они устраиваютъ особенныя празднества въ честь природы, на которыя приглашаются представители берлинскаго литературнаго общества. Члены колоніи живутъ вмѣстѣ въ спеціальномъ, выстроенномъ для этого, двухъ этажномъ кирпичномъ зданіи, въ лѣсу, сквозь деревья котораго виднѣется хорошенькое идиллическое озеро Шлахтензи. На празднество, происходившее въ августѣ того года, собралось до 400 гостей изъ Берлина и помѣщеніе оказалось нѣсколько тѣснымъ для та-

кого количества посѣтителей, такъ что залъ для собраній не могъ вмѣстить ихъ. Очевидно члены колоніи не разсчитывали на такой успѣхъ, когда строили домъ. Залъ представляетъ длинную комнату, въ которой всегда горятъ свѣчи. Дневной свѣтъ падаетъ сверху съ балкона, на лиловыя занавѣси скрадываютъ его и въ залѣ господствуютъ поэтому лиловатые сумерки. Стѣны темнозеленаго цвѣта завѣшаны гипсовыми масками и небольшими копіями современныхъ художественныхъ произведеній. Въ углу стоитъ огромный бюстъ Ничше, а по бокамъ входной двери портреты Гёте и Толстого. Въ простѣнкѣ красуется большой снимокъ съ картины Бёклина «Островъ смерти». Для ораторовъ устроено нѣчто въ родѣ амвона, на которомъ горятъ свѣчи, а позади на стѣнѣ прикрѣплена огромная зеленая вѣтвь. Съ этого амвона ораторы говорятъ гостямъ о новомъ культѣ свѣта и о значеніи празднества, непремѣнно заимствованнаго отъ древней германской религіи.

Европа и китайскіе журналисты. Нѣсколько недѣль тому назадъ, шесть китайскихъ журналистовъ, принадлежащихъ къ редакціи прогрессивной китайской газеты «Су-Пао» въ Шанхаѣ, были арестованы въ предѣлахъ европейской концессіи по приказанію китайскаго губернатора. Они обвинялись въ революціонной пропагандѣ посредствомъ статей, имѣющихъ цѣлью возстановить народъ противъ китайскаго правительства.

Такое обвиненіе далеко не шутки въ Китаѣ, такъ какъ дѣло идетъ о жизни обвиняемаго, который неминуемо бываетъ осужденъ на смерть. Какая судьба ожидаетъ его, это указываетъ недавняя казнь молодого китайскаго журналиста Ченъ-Чины, позволившаго себѣ дурно отзываться о предержащихъ властяхъ. Китайская вдовствующая императрица приказала его казнить и притомъ такъ, чтобы казнь его могла служить устрашеніемъ другихъ. Дѣйствительно, если вѣрны разсказы англійскихъ корреспондентовъ, эта казнь была ужасна, но, во всякомъ случаѣ, одно несомнѣнно, что несчастный китайскій журналистъ поплатился за то, что написалъ статью, которая не понравилась властямъ. Журналисты «Су-Пао», арестованные въ Шанхаѣ, конечно, не могутъ ожидать ничего другого, если только они попадутъ въ руки китайскаго правосудія. Но такъ какъ «Су-Пао» издается въ предѣлахъ европейской концессіи и они были арестованы тамъ же, то генеральные консулы, англійскій, американскій и японскій, потребовали, чтобы ихъ судили въ смѣшанномъ судѣ концессіи, состоящемъ изъ европейцевъ и китайцевъ. Такъ и было сдѣлано и обвиняемые китайскіе журналисты, довѣрявшіе европейскому правосудію, которое считается болѣе гуманнымъ, сознались, что они дѣйствительно писали статьи, направленныя противъ китайскаго правительства.

Однако, этимъ дѣло не кончилось. Китайское правительство потребовало выдачи обвиняемыхъ. Сначала явился уполномоченный министръ иностранныхъ дѣлъ, который посѣтилъ каждаго изъ иностранныхъ представителей въ Пекинѣ и представилъ имъ требованіе относительно выдачи китайскихъ журналистовъ. Иностранные посланники, однако, отказали, но когда министръ иностранныхъ дѣлъ лично возобновилъ это требованіе, то среди посланниковъ обнаружились

большія разногласія. Представители Франціи, Россіи, Германіи, Бельгіи и Голландіи единогласно заявили, что виновные журналисты должны быть выданы китайскому правительству; итальянскій же, американскій и англійскій посланники сначала дали уклончивый отвѣтъ, но затѣмъ англійскій посланникъ категорически объявилъ, что онъ не можетъ согласиться на выдачу журналистовъ. Въ Англіи это дѣло надѣлало много шума. Англійская печать горячо ратовала за журналистовъ и требовала, чтобы Англія взяла ихъ подъ свою защиту, такъ какъ съ европейской точки зрѣнія наказаніе, которое имъ угрожаетъ, совершенно несоразмѣримо съ преступленіемъ, въ которомъ ихъ могли обвинить. «Times» и другія газеты съ негодованіемъ осуждали поведеніе другихъ европейскихъ посланниковъ, склонявшихся къ точкѣ зрѣнія китайскаго правительства. Въ особенности доставалось Франціи, отрекавшейся въ данномъ случаѣ отъ своихъ традицій. «Англія ни въ какомъ случаѣ не должна отступаться отъ своей точки зрѣнія, хотя бы она и очутилась въ одиночествѣ!» говорили газеты. Результатомъ этой полемики явился запросъ въ парламентѣ и министръ-президентъ Бальфуръ, чтобы успокоить общественное мнѣніе, объявилъ, что Англія не можетъ согласиться на выдачу журналистовъ. Если вѣрны послѣднія извѣстія англійскихъ газетъ, то Англіи удалось таки восторжествовать надъ колебаніями остальныхъ державъ и китайскіе журналисты не будутъ выданы китайскимъ властямъ «для скораго и милостиваго суда». Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ англійское министерство очевидно не рѣшилось «попрать традиціи» ради политическихъ соображеній и желанія угодить китайскому правительству.

Процессъ журналистовъ и разные другіе факты, аресты и казни многихъ образованныхъ китайцевъ, принадлежащихъ къ партіи реформъ, несомнѣнно указываютъ, что идеи прогресса медленно, но вѣрно прокладываютъ себѣ дорогу въ Китаѣ, не смотря на всѣ репрессивныя мѣры и даже, пожалуй, благодаря имъ. Всѣ сообщенія подтверждаютъ, что въ образованныхъ слояхъ китайскаго населенія происходитъ глухое броженіе, но китайскіе реформаторы жалуются, что реакціонные элементы Китая находятъ поддержку въ Германіи, Франціи и Россіи и благодаря этому прогрессъ Китая подвигается такъ туго, за то японцы являются истинными просвѣтителями Китая. За послѣдніе три года очень много молодыхъ китайцевъ отправились въ Японію для посѣщенія тамошнихъ университетовъ и школъ. Кромѣ того, японцы открыли высшую школу въ Китаѣ, гдѣ преподаютъ только японскіе профессора. Японцы реорганизовали пекинскую полицію, а японскіе офицеры заняли мѣста иностранныхъ инструкторовъ въ китайскихъ войскахъ и число такихъ инструкторовъ теперь уже достигаетъ семидесяти. Но пробужденіе Китая выражается и въ другой области. Очень характерны, напр., вопросы, которые были заданы китайскимъ студентамъ на послѣднемъ государственномъ экзаменѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая. Въ провинціи Кіангау и Анхуа были заданы, между прочимъ, слѣдующіе два вопроса: 1) имѣетъ ли кто-нибудь, на основаніи международнаго права, полномочіе вмѣшиваться во внутреннія дѣла иностранной страны? 2) Когда возникла золотая валюта? Почему золото стало дороже?

При уплатѣ военнаго вознагражденія паденіе цѣнъ на серебро образуетъ огромную разницу; какъ пособить дѣлу? Вопросы въ другихъ провинціяхъ (Хунеѣ, Хунанѣ, Шантунгѣ) были еще характернѣе; напр.: 1) Россія абсолютная монархія; Англія, ограниченная; въ Америкѣ властвуетъ народъ и выбираетъ своего главу. Которая изъ этихъ формъ была бы полезна или вредна для Китая? 2) Когда Японія принялась вводить реформы по европейскимъ образцамъ, то нѣкоторые находили, что она хорошо поступаетъ, другіе что она дѣлаетъ ошибку. Изложите всю эту аргументацію и покажите, какъ долженъ поступить Китай? 3) Такъ какъ европейскіе методы воспитанія происходятъ изъ Греціи, то разскажите начало и развитіе школьнаго воспитанія въ древней Греціи. 4) Въ чемъ заключаются источники экономическаго благосостоянія Европы? Китай очень бѣденъ, что онъ долженъ сдѣлать, чтобы окрѣпнуть въ экономическомъ отношеніи? 5) Такъ какъ европейскіе законы происходятъ изъ Рима, то укажите ихъ начало и развитіе. Такъ какъ Китай страдаетъ отъ экстерриторіальности, то укажите, какимъ образомъ можно достигнуть того, чтобы Китай снова сдѣлался господиномъ у себя дома, какъ другіе народы въ своихъ странахъ? 6) Налоги въ другихъ странахъ очень тяжелы, но уплачиваются добровольно. Гдѣ причины этого и какимъ образомъ китайское правительство можетъ расширить свои источники доходовъ и т. д. Всѣ эти странные вопросы, столь непохожіе на тѣ, которые задавались прежде на государственныхъ экзаменахъ, указываютъ на то, что мыслящій Китай глубоко задумывается надъ кризисомъ, который переживаетъ страна. Не мало надо было потратить умственной силы китайцу, чтобы съумѣть такъ ясно формулировать вопросы относительно монархіи и республики, политической экономіи и культуры и т. д. Еще недавно такіе вопросы на экзаменѣ показались бы страшною ересью и преступленіемъ противъ традицій и отъ студентовъ требовалось только знаніе классической древности, а никакъ не знакомство съ современными вопросами.

Но по мѣрѣ того, какъ европейская цивилизація все дальше проникаетъ въ Китай, китайскія женщины начинаютъ также примыкать къ движенію. «North China Daily News» сообщаетъ, что въ Хангъ-Чеу состоялся недавно многолюдный женскій митингъ, въ которомъ принимали участіе не только замужнія женщины и вдовы, но и молоденькія дѣвушки. Митингъ происходилъ въ «залѣ предковъ» фамиліи Чангъ. Конфуцій былъ бы очень удивленъ, конечно, еслибъ ему предсказали такой ужасный фактъ, какъ собраніе женщинъ въ семейномъ святилищѣ китайцевъ и притомъ со спеціальною цѣлью протестовать противъ традицій, тяготѣющихъ надъ женскимъ поломъ въ Китаѣ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Бюро даровыхъ юридическихъ консультацій для женщинъ.—Негритянская проблема.—Президентъ Рузвельтъ.

Въ числѣ учрежденій, вызванныхъ къ жизни женскимъ движеніемъ, находятся даровыя юридическія консультаціи спеціально для женщинъ, организованныя въ разныхъ большихъ городахъ. Германія—родина такихъ учрежденій. По словамъ г-жи Ширмахеръ, посвящающей этимъ феминистскимъ учрежденіямъ свою статью въ «Revue», въ Германіи существуетъ 26 такихъ юридическихъ бюро, управляемыхъ и администрируемыхъ женщинами. Первое такое бюро было открыто въ Дрезденѣ подъ предсѣдательствомъ г-жи Маріи Штриттъ, состоящей въ настоящее время президентомъ германской федераціи женскихъ обществъ, въ которой насчитывается уже 70.000 членовъ.

Это было какъ разъ въ то время, когда новый гражданскій кодексъ въ Германіи волновалъ умы. Въ средѣ феминистовъ отлично сознавали, что постановленія этого кодекса, касающіяся имущественныхъ правъ и положенія женщины въ семьѣ, должны имѣть огромное значеніе для всѣхъ германскихъ женщинъ, къ какому бы кругу онѣ ни принадлежали. Между тѣмъ, огромная масса женщинъ буржуазіи и рабочихъ классовъ совершенно не свѣдущи въ юридическомъ отношеніи, чѣмъ и объяснялся ихъ полный индифферентизмъ къ обсужденію новаго гражданскаго кодекса въ парламентѣ и печати; поэтому-то женская ассоціація въ Лейпцигѣ и обратилась къ г-жѣ Кемпинъ, единственной въ то время германской женщинѣ, имѣвшей дипломъ доктора правъ, съ просьбою прочесть рядъ публичныхъ лекцій о положеніи женщины съ точки зрѣнія законовъ. Г-жа Кемпинъ первая высказала мысль объ устройствѣ даровой юридической консультаціи для женщинъ преимущественно рабочихъ классовъ. Женщина зажиточныхъ классовъ всегда имѣетъ возможность обратиться къ помощи адвоката; женщины же болѣе бѣдныхъ классовъ населенія, работницы, этого не могутъ. Онѣ совершенно безпомощны, благодаря своему незнанію законовъ и страха передъ судебнымъ производствомъ, которое пугаетъ ихъ своею сложностью. Юридическія бюро тутъ могутъ быть очень полезны. И дѣйствительно, идея г-жи Кемпинъ имѣла такой успѣхъ, что число юридическихъ бюро начало быстро возрастать. Бюро эти устраиваются женскими ассоціаціями, члены которыхъ вносятъ извѣстную небольшую сумму для покрытія расходовъ по учрежденію.

Нанимается подходящее помѣщеніе, и въ мѣстныхъ газетахъ появляются анонсы. Затѣмъ объявленія объ открытіи бюро вывѣшиваются во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Кліентки не заставляютъ себя ждать. Обыкновенно въ бюро находятся двѣ дежурныя дамы, которыя должны терпѣливо выслушивать и тщательно разспрашивать кліентокъ и затѣмъ составить вполнѣ ясное изложеніе дѣла, относительно котораго нуженъ юридическій совѣтъ. Обыкновенно вначалѣ дежурныя дамы всегда обращаются къ какому-нибудь адвокату и ему излагаютъ дѣло, а онъ уже указываетъ имъ, какъ онѣ должны по-

ступить въ данномъ случаѣ и посвящаетъ ихъ въ разныя тонкости германскихъ законовъ. Съ теченіемъ времени, однако, члены бюро пріобрѣтаютъ уже такую юридическую опытность, что могутъ смѣло обходиться безъ указаній спеціалистовъ. Многія изъ нихъ сдѣлались уже настоящими законниками и относительно знанія всѣхъ тонкостей законовъ могутъ потягаться съ любымъ профессіональнымъ юристомъ, хотя и не получили настоящаго юридическаго образованія. Женщинъ-юристовъ въ Германіи пока только три: г-жи Аугсбургъ, Рашке и Дюнсингъ.

Бюро беретъ на себя какъ веденіе судебныхъ дѣлъ, такъ и посредничество въ различныхъ случаяхъ, и особенно плодотворна оказалась его дѣятельность въ улаженіи всякаго рода недоразумѣній и разногласій, возникающихъ между работницами и работодателями, между супругами, между родителями и дѣтьми и т. д. Бюро является также заступникомъ покинутыхъ своимъ отцомъ незаконныхъ дѣтей и ихъ матерей и устанавливаетъ ихъ права. Главный контингентъ кліентокъ естественнымъ образомъ поставляется рабочими классами. Большинство изъ нихъ работницы, служанки, экономки и приказчицы, торговщицы и содержательницы меблированныхъ комнатъ и пансіоновъ; лишь очень немногія принадлежатъ къ либеральнымъ профессіямъ, учительницы, художницы и т. д.

Подъ вліяніемъ духа ассоціацій, столь развитаго въ Германіи, 26 бюро организовали федерацію, центральное управленіе которой находится въ Берлинѣ. Во главѣ этого учрежденія стоитъ г-жа Рашке, докторъ правъ, редактирующая популярный вѣстникъ права. Германскія женщины опередили въ этомъ отношеніи женщинъ другихъ странъ, такъ какъ имѣютъ важную организацію, защищающую ихъ права, и ихъ знанія законовъ значительно увеличились за послѣдніе годы. Безвозмездная же дѣятельность женщинъ въ 26-ти юридическихъ бюро доставляетъ имъ возможность оказывать неоцѣнимыя услуги всему женскому населенію Германіи и сближаетъ между собою классы, порождая между ними симпатіи и общеніе, которыя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вызываются другою благотворительностью, большею частью оставляющею по себѣ осадокъ горечи и нѣкоторое чувство униженія.

Д-ръ Альбертъ Шоу сообщаетъ въ «American Review of Reviews» успокоительныя данныя, указывающія, что положеніе цвѣтной расы въ Америкѣ далеко не такъ ужасно, какъ его рисуютъ нѣкоторые публицисты, сгущающіе краски. Въ послѣднее время дѣйствительно распространилось убѣжденіе, что положеніе негровъ становится все тяжелѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, что случаи линчированія учащаются, и негры въ южныхъ штатахъ на практикѣ лишены всякихъ правъ и возвращаются назадъ къ рабству. Д-ръ Шоу оспариваетъ этотъ взглядъ. Статистика указываетъ, что за періодъ двадцати лѣтъ случаи линчированія негровъ съ каждымъ годомъ становятся рѣже. Въ 1893 году было двѣсти случаевъ дикой расправы съ неграми, называемой судомъ Линча; въ 1901 году число такихъ случаевъ уменьшилось до 135, а въ 1902 году было только 96 случаевъ самосуда. Д-ръ Шоу не думаетъ, чтобы въ этомъ

году было больше ста, хотя и признаетъ въ то же время, что замѣчается возростаніе вліянія толпы, серьезно нуждающейся въ обузданіи и обнаруживающей склонность къ насиліямъ.

Что касается попытокъ возстановленія рабства въ южныхъ штатахъ, то Шоу признаетъ, что въ отдаленныхъ сельскихъ округахъ этихъ штатовъ еще практикуется система подневольнаго труда на фермахъ. Негры-рабочіе арестовываются по обвиненію въ какихъ-нибудь дѣйствительныхъ или воображаемыхъ проступкахъ и препровождаются въ судъ, который и приговариваетъ ихъ къ каторжной работѣ на полгода или на годъ. Свое наказаніе они отбываютъ, работая на плантаторовъ, и это особенно часто наблюдается въ отдаленныхъ округахъ Алабамы; но въ настоящее время приняты уже серьезныя мѣры къ уничтоженію такихъ злоупотребленій. Но такіе, во всякомъ случаѣ, спорадическіе и не частые случаи злоупотребленій и насилій надъ личностью негровъ нельзя разсматривать какъ попытку возстановить рабство. Что же касается общаго положенія негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то, по словамъ д-ра Шоу, оно скорѣе улучшилось, нежели ухудшилось, въ послѣднее время, такъ какъ негры сдѣлали большіе успѣхи, которыми они справедливо могутъ гордиться. Теоретически каждый негръ имѣетъ право голоса и онъ только долженъ выполнить для этого извѣстныя разумныя условія, и если онъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ, то становится равноправнымъ американскимъ гражданиномъ. Каждый негръ можетъ имѣть хорошій заработокъ, и нѣтъ расы, которая бы находилась въ лучшихъ промышленныхъ условіяхъ, нежели негритянская раса въ Америкѣ, какъ увѣряетъ Шоу. Американцы стараются образовать ихъ, и вообще если вѣрить почтенному американскому доктору, то Америка представляетъ настоящій рай для негровъ. Ну а то, что негры стремятся назадъ въ Африку и поселяются въ Либеріи Шоу объясняетъ вполнѣ естественнымъ желаніемъ образованныхъ людей играть руководящую роль въ развитіи африканскаго континента.

Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ «Review of Reviews» о теперешнемъ президентѣ Соединенныхъ Штатовъ Рузвельтѣ, котораго уважаютъ какъ человѣка даже тѣ, кто рѣшительно возстаетъ противъ его избранія. Онъ можетъ, конечно, потерпѣть пораженіе на предстоящихъ выборахъ, но его вліяніе и значеніе отъ этого не пострадаютъ, и американскій народъ будетъ все-таки слушать его, когда онъ захочетъ говорить.

Рузвельту было 23 года, когда онъ окончилъ университетъ, покинулъ Бостонъ и отправился въ самую негостепріимную область сѣверной Дикомы, гдѣ велъ жизнь охотника и «пастуха» (cowboy). Его манила свобода, но, кромѣ того, онъ хотѣлъ самъ, собственными трудами, сколотить себѣ состояніе, а не пользоваться деньгами своего отца. Онъ, сынъ банкира и академикъ, добровольно покинулъ блестящее общество, которое онъ позднѣе заклеймилъ названіемъ «класса богатыхъ преступниковъ». Намъ, европейцамъ, такой поступокъ юноши Рузвельта, кончившаго университетъ, мало понятенъ, но съ американской точки зрѣнія ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что образованный юноша не выбираетъ

никакой административной карьеры, которую онъ могъ бы занять по своимъ познаніямъ и общественному положенію, а предпочитаетъ вести полудикую жизнь, полную опасности и сильныхъ ощущеній, на лонѣ природы, среди полуцивилизованныхъ коубоевъ и индѣйцевъ. Въ Европѣ Теодоръ Рузвельтъ, имѣя университетскій дипломъ въ карманѣ, вѣроятно, устыдился бы сдѣлаться пастухомъ, но въ Америкѣ думаютъ иначе. Въ своей книгѣ «Жизнь въ Ранчо» Рузвельтъ описываетъ начало своей карьеры и жизнь въ американскихъ преріяхъ. Въ его описаніяхъ, его товарищи, смотрѣвшіе за стадами рогатаго скота,—«cowboy»,—являются симпатичными и храбрыми молодцами, безстрашными передъ лицомъ смерти, необыкновенно выносливыми и довольными малыми. Они становятся опасными для своихъ ближнихъ только въ городахъ, куда они отправляются порою, чтобы развлечься. Тамъ они обыкновенно предаются самому дикому разгулу, желая въ короткое время вознаградить себя за всѣ лишенія, которыя приходится терпѣть. Рузвельтъ разсказываетъ объ этомъ съ состраданіемъ и юморомъ. Деньги, которыя они спускаютъ въ одинъ мигъ въ городскихъ притонахъ, были заработаны ими честнымъ и тяжелымъ трудомъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Изъ всѣхъ разсказовъ Рузвельта объ этихъ людяхъ видно, что онъ питаетъ къ нимъ глубокую симпатію. Онъ дѣлилъ съ ними всѣ опасности и кусокъ хлѣба въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и былъ такой же «cowboy», какъ и они. Однажды онъ заблудился, вмѣстѣ съ однимъ коубоемъ въ преріяхъ, отыскивая отставшую лошадь. Поднялась мятель и оба были счастливы, что наткнулись на пустую хижину, въ которой могли укрыться, такъ какъ дѣло было къ ночи. Они привязали своихъ лошадей, разложили въ хижинѣ огонь и провели очень пріятный вечеръ. «Но какъ?» спроситъ читатель. У Рузвельта оказался въ карманѣ томикъ Шекспира и онъ читалъ своему товарищу Гамлета. Тотъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и, наконецъ, сказалъ: «Старина Шекспиръ, видно, хорошо зналъ человѣческую натуру!»

Какъ видно, Рузвельтъ никогда не выходилъ безъ какой-нибудь книжки въ карманѣ, и дикая жизнь прерій не отняла у него любви къ литературѣ. Въ другой разъ у него была съ собою «Анна Каренина», когда онъ отправился на охоту съ двумя товарищами на Миссури, и въ свободныя минуты онъ читалъ эту книгу. Такимъ образомъ, среди дикой природы и полудикихъ людей Рузвельтъ сохранилъ свой утонченный литературный вкусъ и свою потребность въ умственной пищѣ. Тѣмъ не менѣе его еще и теперь манитъ къ простору прерій и въ такія минуты, вѣроятно, стѣны Бѣлаго дома порядкомъ-таки давятъ на него. Они заслоняютъ отъ него широкій горизонтъ простора полей и лѣсовъ, а этикетъ тяготитъ его. Американцы, лучшимъ представителемъ которыхъ является Теодоръ Рузвельтъ, повидимому, соединяютъ въ себѣ всѣ лучшіе качества дикарей съ пріобрѣтенными качествами и развитіемъ цивилизованныхъ людей. Образъ этого президента, искателя приключеній, коубоя и охотника, напоминаетъ первобытныя времена американской исторіи. Вотъ почему въ душѣ каждаго истаго американца гнѣздится чувство симпатіи къ Рузвельту. Этотъ изумительный съ нашей европейской точки зрѣнія человѣкъ, стоящій во главѣ могущественнаго государства, часто при-

водитъ въ смущеніе опытныхъ политиковъ и ученыхъ дипломатовъ своими рѣчами и поступками, потому что онъ не признаетъ никакихъ другихъ соображеній, кромѣ тѣхъ, которыя подсказываатъ ему чувство и разумъ. Онъ не признаетъ прецедентовъ и если сталкивается съ новыми фактами, то не спрашиваетъ себя, какъ онъ долженъ поступить въ качествѣ президента, что требуютъ отъ него традиціи, политика и общественное мнѣніе? Нѣтъ, онъ спрашиваетъ только свою совѣсть. И если нѣкоторые изъ его поступковъ заставляютъ опытныхъ политиковъ качать головой, то все же никто не можетъ удержаться, чтобы не сказать при этомъ: «Какой молодецъ!»

ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА ПО ОХРАНѢ ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

(Ständige Ausstellung für Arbeiterwohlfahrt).

Въ минувшемъ іюнѣ осуществилась, наконецъ, завѣтная мечта германскихъ друзей соціальнаго прогресса: открылись двери учрежденія, устройства котораго въ теченіе десятковъ лѣтъ требовали неустанно всѣ работавшіе надъ изысканіемъ способовъ къ сокращенію числа несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ. Даже такіе ярые противники соціальнаго новаторства, какъ покойный Штуммъ, не могли отрицать, что учрежденіе, гдѣ были бы наглядно представлены существующія и возможныя приспособленія для предотвращенія несчастій съ рабочими, могло бы имѣть крупное практическое значеніе. Но осуществленіе этого плана подвигалось черепашьими шагами. Препятствіемъ было то, что какъ только о немъ заходила рѣчь въ рейхстагѣ, министръ финансовъ неизмѣнно возражалъ, что у него нѣтъ въ распоряженіи средствъ надлежащимъ образомъ обставить подобное учрежденіе. И результатомъ было то, что Парижъ, Вѣна, Амстердамъ, Цюрихъ, Мюнхенъ и нѣсколько другихъ городовъ обогнали Берлинъ, въ Парижѣ «Соціальный музей», основанный на средства графа де-Шамбрюна, существуетъ, какъ извѣстно, уже съ 1889 г. Но и германское правительство не могло долго упорствовать въ своемъ отрицательномъ отношеніи по устройству соціальнаго музея. Въ 1900 г., *по единогласному постановленію* рейхстага, на устройство постоянной выставки, которая давала бы наглядное представленіе объ успѣхахъ техники и гигіены въ области охраны здоровья и жизни рабочихъ, было ассигновано 568.000 марокъ. За три послѣдующихъ года было ассигновано еще почти столько же, такъ что, въ общемъ, отпущено 1.043.000 марокъ. На эти деньги и построено то обширное зданіе, въ которомъ нашла себѣ пріютъ только что открывшаяся выставка. Сверхъ того, необходимы еще, конечно, ассигновки на текущіе расходы, такъ какъ входъ на выставку безплатный. Но онѣ сравнительно уже не велики.

Выставка предназначена исключительно для практическихъ цѣлей, другими словами, для ознакомленія какъ фабрикантовъ, такъ и самихъ рабочихъ съ выработанными наукой и техникой способами борьбы противъ вреднаго вліянія

различныхъ отраслей труда на здоровье рабочихъ и противъ тѣхъ опасностей, которыми угрожаетъ постоянное общеніе съ машинами или ядовитыми веществами. Поэтому вполнѣ понятно, что допускаются на нее не чертежи и не ученые трактаты, а, главнымъ образомъ, сами приспособленія, служащія для этой цѣли, и только въ крайнемъ случаѣ модели ихъ. Притомъ по возможности каждый аппаратъ поставленъ такъ, чтобы можно было наблюдать его въ дѣйствіи. Устроители исходили, очевидно, изъ совершенно вѣрнаго взгляда, что ничто не можетъ замѣнить нагляднаго и непосредственнаго ознакомленія съ самими аппаратами. Экспонентами являются изобрѣтатели, фабриканты, какъ выдѣлывающіе выставленныя приспособленія, такъ и примѣняющіе ихъ, и, наконецъ, профессіональные союзы рабочихъ. Выставочная администрація даетъ имъ мѣсто безплатно. Выставляются, однако, только тѣ приспособленія и аппараты, которые получили уже гдѣ-либо практическое примѣненіе. Это весьма важное условіе, рѣзко подчеркивающее практическій характеръ выставки. Разумѣется, *постоянная* выставка имѣетъ смыслъ лишь при условіи, если выставленные на ней предметы будутъ постоянно обновляться, и если она будетъ слѣдовать за научными и техническими успѣхами въ своей области. Даже больше того: для того, чтобы пріобрѣсти жизненное значеніе, она должна съ самаго начала быть разсчитана на необходимость быстраго расширенія и пополненія новыми отдѣленіями, соотвѣтственно исполинскимъ шагамъ современной промышленности на пути техническаго прогресса. И это тоже принято во вниманіе устроителями, достаточно ли —докажетъ будущее.

Переходимъ къ самимъ выставленнымъ предметамъ. Они группируются на два крупныхъ отдѣла: одинъ посвященъ приспособленіямъ для охраны рабочихъ во время процесса производства въ соотвѣтственномъ смыслѣ этого слова; другой—улучшенію жизни рабочихъ въ гигіеническомъ отношеніи, т.-е. устройству рабочихъ жилищъ, поселеній, столовыхъ и т. д., и т. д. Этотъ второй отдѣлъ не можетъ быть представленъ съ такою же полнотою, какъ первый. Приходится довольствоваться моделями и рисунками. Но и по этой части выставка пока даетъ очень немного, почти столько же, какъ и послѣдняя всемірная выставка въ Парижѣ. Зато первый отдѣлъ обставленъ такъ хорошо, что въ большинствѣ случаевъ не нужно быть ни спеціалистомъ, ни техникомъ, чтобы понять пользу выставленныхъ приспособленій и аппаратовъ. Правда, вопросъ о практической примѣнимости того или другого приспособленія не можетъ быть разрѣшенъ на основаніи бѣглаго ознакомленія съ нимъ. И на выставкѣ, въ общемъ, найдется не мало такихъ аппаратовъ и приспособленій, которые никогда не получатъ широкаго примѣненія на практикѣ, но при сложности и спеціализаціи современной промышленности задача подобныхъ выставокъ должна ограничиваться лишь посредничествомъ между желающими ознакомиться съ имѣющимися приспособленіями, и тѣми, кто ихъ придумалъ или примѣнялъ. Дальнѣйшія подробности можно получить отъ экспонентовъ.

Здѣсь не мѣсто подробному описанію всего имѣющагося на выставкѣ. От-

мѣтимъ лишь наиболѣе характерныя группы и виды предохранительныхъ приспособленій.

Едва вы вошли, какъ вамъ бросаются въ глаза шлемы, наличники, респираторы, предохранительные очки и цѣлые костюмы. Это вооруженіе современнаго рабочаго въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ грозитъ постоянная опасность для его тѣла отъ сыплющихся осколковъ, расплавленнаго металла, вредныхъ газовъ, высотой температуры или яркаго свѣта. Особенно богатъ отдѣлъ предохранительныхъ очковъ и респираторовъ. Это—вещи, наиболѣе необходимыя во многихъ производствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно стѣсняющія рабочихъ при неудобной конструкціи. Иногда эти, простыя, повидимому, приспособленія становятся до того обременительными для рабочихъ, что они предпочитаютъ работать безъ очковъ и безъ респираторовъ, рискуя тяжелыми послѣдствіями. Поэтому весьма важно найти свободный отъ практическихъ неудобствъ типъ. Нужно, чтобы вооруженіе рабочаго, дѣлающаго его тѣло недоступнымъ для поврежденій и вредныхъ вліяній, не стѣсняло его дѣятельности и не нарушало физіологическихъ процессовъ. Между тѣмъ, достижимо это лишь отчасти, такъ какъ при тяжелой и продолжительной повседневной работѣ даже самыя безобидныя приспособленія начинаютъ тяготить человѣка. И поэтому вездѣ, гдѣ это сколько-нибудь возможно, необходимо заботиться о болѣе радикальномъ способѣ охраны рабочаго—устраненіи вредныхъ воздѣйствій самихъ по себѣ. Изъ этой области выставка даетъ не мало приспособленій. Первое мѣсто занимаютъ аппараты для удаленія осколковъ, опилокъ и пыли. Нѣкоторые я видѣлъ въ дѣйствіи. Я видѣлъ, какъ увлекались сильной струей воздуха опилки, вылетавшіе изъ-подъ механической пилы. Аппаратъ работалъ такъ чисто, что на станкѣ не оставалось почти ни одного опилка. Но когда-то еще подобные аппараты будутъ дѣйствительно примѣнены въ значительномъ количествѣ мастерскихъ? Видѣлъ я подобные же аппараты для граниленъ и точиленъ. Въ этой области они, можетъ быть, водворятся скорѣе. Въ одной изъ витринъ выставлены куски легкихъ, подвергавшихся дѣйствію вредной пыли—черное легкое рабочаго, ржавое легкое рабочаго, имѣвшаго дѣло съ желѣзомъ воспаленное легкое камнетеса. Тутъ же можно видѣть омертвѣлую челюсть рабочаго на фосфорной фабрикѣ, а вверху цѣлое отдѣленіе посвящено туберкулезу и борьбѣ съ нимъ. Все это очень поучительно. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уже и теперь при желаніи можно значительно смягчить, а иногда и совершенно уничтожить вредныя вліянія фабричнаго и ремесленнаго труда, и выставка можетъ оказать въ этомъ смыслѣ огромную услугу.

Но еще большаго вліянія можно ожидать отъ нея уже въ ближайшемъ будущемъ на распространеніе приспособленій въ предотвращеніе несчастій съ рабочими при машинахъ. Машина въ ея теперешнемъ видѣ слишкомъ часто обращаетъ свою силу противъ самого человѣка; она подстерегаетъ его при малѣйшей оплошности или недосмотрѣ и количество несчастій, причиняемыхъ машинами, какъ извѣстно, очень велико. На выставкѣ мы встрѣчаемъ три способа обезопасенія рабочаго отъ машины. Первый, самый простой и безхит-

ростный, состоитъ въ огражденіи частей, могущихъ захватить или ударить находящагося вблизи человѣка. Способъ этотъ возможенъ только тогда, когда между человѣкомъ нѣтъ близкаго и, такъ сказать, органическаго общенія, когда онъ не принимаетъ дѣятельнаго участія своими руками въ процессѣ работы. Но есть масса машинъ, требующихъ именно такого участія. Таковы всѣ тѣ машины, которымъ человѣкъ долженъ подавать матеріалъ, напр., большинство сельскохозяйственныхъ, книгопечатныхъ, штамповальныхъ прессовъ, мясорубокъ и т. п. Часто человѣкъ не только долженъ подать матеріалъ для машины, но и надлежащимъ образомъ вправить его и наблюдать за правильностью дѣйствія машины, часто останавливая ее и вмѣшиваясь въ ея работу. Тутъ огражденіе машины уже не пригодно, и приходится прибѣгать къ инымъ способамъ. Однимъ изъ нихъ является слѣдующая хитрость: безъ всякой технической необходимости устраиваютъ такъ, чтобы машина могла дѣйствовать только тогда, когда рабочій *обѣими руками* нажимаетъ на рычаги: такъ какъ руки его заняты, то онѣ и не могутъ попасть въ машину. Способъ этотъ требуетъ, однако, отъ рабочаго затраты лишняго труда и не вездѣ примѣнимъ. Поэтому къ нему присоединяется другой, состоящій въ томъ, что машина автоматически останавливается, какъ только къ ея валамъ или другимъ подвижнымъ частямъ приближается человѣческая рука. Въ этомъ направленіи на выставкѣ имѣется много интересныхъ приспособленій. Третій способъ, особенно пригодный для мясорубокъ, кондитерскихъ и т. п. машинъ, гдѣ требуется размѣшиваніе и пробы рукой, состоитъ въ томъ, что рука совершенно безопасно можетъ проникать въ обработываемую массу, не рискуя быть изувѣченной. Наконецъ, четвертый, замѣченный мною способъ хотя и не даетъ полной гарантіи въ невозможности несчастья, но, какъ согласится всякій техникъ, имѣетъ въ массѣ случаевъ первостепенное значеніе—это устройство при машинѣ приспособленій, дающихъ какъ самому рабочему, такъ и другому лицу возможность въ каждый данный моментъ остановить ее.

Очень хорошо представлены приспособленія для огражденія человѣческой жизни на морѣ. Но зато пока почти совершенно отсутствуютъ подобныя же приспособленія на желѣзныхъ дорогахъ. Это несомнѣнно большой пробѣлъ, пополненіе котораго является ближайшей задачей будущаго.

Въ выставочномъ зданіи имѣется ближайшая аудиторія, предназначаемая для чтенія лекцій изъ области соціальной и фабричной гигіены, а также и для ознакомленія широкой публики съ усовершенствованіями въ области огражденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Для успѣха и значенія выставки необходимо, чтобы аудиторія эта не пустовала. Ибо живое слово является еще болѣе могущественнымъ орудіемъ для распространенія знаній и интереса къ дѣлу, чѣмъ наглядное ознакомленіе со всякаго рода приспособленіями и аппаратами.

П. Ш—въ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Славяне и ихъ физическая эволюція.

Предлагаемъ вниманію читателей нѣсколько соображеній о славянахъ, объ ихъ физическомъ типѣ, ихъ біологической эволюціи какъ отдѣльной расы, ихъ тѣлесныхъ особенностяхъ, какъ составного элемента человѣческаго рода, о видоизмѣненіяхъ физическаго типа славянъ въ пространствѣ и во времени. Приступить въ настоящее время, при несовершенствѣ нашихъ знаній, къ изслѣдованію столь трудной и сложной проблемы, многимъ покажется, несомнѣнно, большою смѣлостью. Въ самомъ дѣлѣ, сколько-нибудь удовлетворительное выясненіе ея или рѣшеніе по существу врядъ ли достижимо на тѣхъ основаніяхъ, на которыя намъ приходится опираться. Лишь объ осторожной оцѣнкѣ отдѣльныхъ сторонъ задачи, легче всего доступныхъ нашему изслѣдованію, можетъ быть рѣчь въ данную минуту. Наше изслѣдованіе будетъ производиться какъ бы въ тѣсномъ преддверіи, откуда открывается видъ въ завѣтные внутреннiе покои отечественнаго человѣковѣдѣнія. Попытаемся представить отчетъ о томъ, какъ въ настоящее время слѣдуетъ смотрѣть на ту область знанія, въ которой подвизались Карлъ-Эрнстъ фонъ-Бэръ, А. И. Богдановъ, Д. Н. Анучинъ, графъ А. С. Уваровъ, В. Б. Антоновичъ и другіе свѣточи всемірной и отечественной науки. Къ такой попыткѣ и сводится главная цѣль нашего очерка.

Таковъ, видимо, общій законъ эволюціи духовной жизни человѣчества: съ пробужденіемъ культуры у каждаго народа, по мѣткому выраженію К. Э. фонъ-Бэра, первыми вопросами, которые занимаютъ созрѣвающій умъ, являются вопросы о немъ самомъ, объ его происхожденіи и объ его положеніи въ природѣ. Добиваясь свѣдѣній о самомъ себѣ и о своемъ существѣ, человѣкъ пытливымъ взоромъ стремится проникнуть въ свое прошлое и найти тѣ невидимыя звенья, которыя связываютъ его со внѣшнимъ міромъ.

Вопросы: откуда мы пришли? отъ кого мы происходимъ? насколько мы родственны между собою? и каковы наши племенные признаки?—эти вопросы рано возникали и въ мірѣ славянскихъ народовъ. Ими, однако, благодаря своеобразному направленію человѣческой мысли и духовныхъ силъ человѣка, какъ повсюду у высоко цивилизованныхъ народовъ, такъ и у насъ занимались впервые на почвѣ чисто субъективныхъ сужденій. Въ рукахъ книжныхъ людей источниками всякихъ свѣдѣній о самомъ себѣ служили исключительно

письменные памятники, провѣрить которые, конечно, не представлялось возможнымъ. Первымъ источникомъ самосознанія для многихъ изъ наиболѣе высоко цивилизованныхъ народовъ являлась Библія, книга книгъ. Другіе черпали свѣдѣнія изъ традицій, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вѣра въ правдивость того, что передано нашими отцами и братьями, всегда и всюду оказывается глубоко укоренившеюся.

Но медленно подготовляется реакція. Она наступаетъ въ моментъ пробужденія естественно-исторической мысли. Человѣкъ становится предметомъ непосредственнаго наблюденія при помощи естественно-историческихъ методовъ изслѣдованія. Къ изученію его робко, но сознательно и систематично начинаютъ примѣнять индуктивные способы научнаго анализа: попытка новая, смѣлая, до тѣхъ поръ неслыханная.

Въ этотъ новый фазисъ своего развитія проблема происхожденія славянъ вступила въ 60-хъ годахъ недавно истекшаго столѣтія. Прошло, так. образ., безъ малаго полвѣка: время упорнаго, горячаго, страстнаго, самоотверженнаго труда, и нынѣ не прерываемаго. Пора остановиться на мгновеніе, дабы оглянуться на пройденный путь.

Памятники физическаго типа славянъ восходятъ въ сравнительно глубокую древность. Мы имѣемъ славянскіе костяки и части скелета, черепа и пр., относящіяся несомнѣнно къ каменному вѣку, по крайней мѣрѣ къ болѣе близкой намъ неолитической эпохѣ или періоду такъ называемаго полированнаго камня. Какъ вездѣ, такъ и въ землѣ славянъ останки палеолитическаго человѣка вообще рѣдки и съ полною достовѣрностью не доказаны. Съ момента перваго появленія металловъ на территоріи, заселяемой въ историческое время славянами, начинаетъ возникать богатая, необычайно интенсивная и въ высшей степени своеобразная, съ рѣзкою, повидимому, національною окраскою, культура, характеризующая періодъ такъ называемыхъ кургановъ. Человѣкъ курганной эпохи, а отчасти также каменной эры намъ извѣстенъ и съ анатомической точки зрѣнія. Ему принадлежитъ первенствующая роль въ біологической эволюціи славянской расы. Но къ нему мы вернемся впослѣдствіи, когда ознакомимся съ физическимъ обликомъ современнаго славянства и его этническою характеристикою.

I.

Характеристику современныхъ славянъ начинаемъ съ *черепа*. На немъ сосредоточивается рядъ морфологическихъ признаковъ, на первый взглядъ, необычайно рѣзко характеризующихъ расу. Остановимся на наиболѣе популярномъ признакѣ черепа, выражающемся въ относительномъ развитіи его длиннаго и поперечнаго діаметровъ. Это *брахицефалическій* и *долихоцефалическій* типы формы черепа, установленные впервые шведскимъ анатомомъ Anders'омъ Retzius'омъ. Славянъ издавна привыкли относить къ первому, круглоголовому типу. Съ другой стороны, приписывая германцамъ согласно первоначальному мнѣнію Retzius'а, болѣе удлиненную форму черепа, пытались про-

вести рѣзкую границу между ними и славянами. Со временемъ, правда, выяснилось, что германцы, въ ихъ современномъ составѣ, далеко не представляютъ ясно выраженной долихоцефаліи. Но брахицефализмъ славянъ остался до сихъ поръ непоколебленнымъ фактомъ. Долихоцефалическій типъ почти отсутствуетъ среди современныхъ племенъ славянской расы. Начиная съ великоруссовъ и кончая бѣлоруссами, украинцами и поляками мы находимъ уже въ предѣлахъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ славянъ всѣ градаціи брахицефальнаго типа черепа и головы. Достойно вниманія, что великоруссы центральныхъ губерній имперіи стоятъ какъ бы на порогѣ брахицефаліи. Но крайнія степени круглоголовости начинаютъ появляться лишь въ ряду западныхъ и юго-западныхъ славянъ. Чехи, моравы, словаки, словенцы, сербокроаты, съ черепнымъ показателемъ, равнымъ въ среднемъ 86, превосходятъ даже монголовъ, этихъ брахицефаловъ κατ' ἐξοχήν среди народовъ земного шара. Въ Далмаціи, въ Босніи, въ Герцоговинѣ черепной указатель славянъ нѣсколько падаетъ, а македонскіе болгаре, все еще причисляемые къ славянамъ, являются уже мезоцефалами или суббрахицефалами. Нанося черепные показатели на карту области распространенія славянъ или на діаграмму, не трудно убѣдиться, что степень брахицефализма славянъ постепенно увеличивается въ направленіи съ востока на западъ, такъ что формы или типы черепа славянъ поддаются вполнѣ правильной географической группировкѣ.

Круглоголовость сопровождается, какъ извѣстно, развитіемъ смуглаго или брюнетическаго типа внѣшнихъ покрововъ, волосъ и радужной оболочки глаза. Славянъ долгое время принимали за свѣтлую расу. Фактически же оказывается обратное. *Свѣтлые волосы не преобладаютъ* у славянъ. Напротивъ, темный типъ волосъ у великорусовъ встрѣчается одинаково часто и даже нѣсколько чаще, чѣмъ свѣтлые оттѣнки. У бѣлоруссовъ цифра темноволосыхъ достигаетъ 70% всего населенія, особенно въ Смоленской губерніи. А среди поляковъ темноволосый элементъ занимаетъ до 80% всѣхъ изслѣдованныхъ особей.

Что касается *глазъ*, то окраска ихъ близко соотвѣтствуетъ распредѣленію пигментаціи волосъ. Между славянами Россійской имперіи львиная доля выпадаетъ на типъ сѣрыхъ глазъ, дающихъ въ комбинаціи съ темными волосами различные варіанты т. наз. смѣшаннаго типа. Наибольшій % свѣтлыхъ глазъ—80%—даютъ, повидимому, бѣлоруссы и поляки, эти блондины между славянскими народами. Съ другой стороны, темный типъ радужной оболочки преобладаетъ у малоруссовъ, хотя не въ такой степени, какъ, напр., среди южныхъ славянъ (болгаръ, сербо-кроатъ и пр.), гдѣ свѣтлые элементы являются прямо исключеніемъ (15—25%).

Русскіе въ частности, такимъ образомъ, *не суть свѣтлая раса*. Темнорусость у нихъ преобладаетъ надъ свѣтлорусымъ типомъ, хотя они менѣе смуглы, чѣмъ ихъ западная племенная родня. Какъ у великоруссовъ, такъ и у бѣлоруссовъ на 40—50% свѣтлаго типа приходится отъ 60—50% представителей различныхъ оттѣнковъ брюнетическаго типа.

Если славяне, въ освѣщеніи современныхъ нашихъ знаній, представляются

*

намъ въ видѣ брахицефальной брюнетической расы, то для характеристики ихъ физическаго типа мы должны были бы обратиться къ изслѣдованію всѣхъ прочихъ тѣлесныхъ признаковъ описательнаго и измѣрительнаго характера. Остановимся, въ виду ограниченности мѣста лишь на одномъ изъ нихъ: величинѣ *роста*, признакѣ, столь существенномъ въ опредѣленіи расовыхъ свойствъ народовъ. Ростъ, вообще говоря, подверженъ весьма большимъ колебаніямъ среди племенъ славянскаго типа. Въ европейской Россіи обширныя изысканія *Д. Н. Анучина* открыли намъ два большихъ центра высокорослости: одинъ на югѣ—въ Малороссіи и Новороссіи, другой—на сѣверо-западѣ—въ прибалтійскихъ губерніяхъ и смежныхъ съ ними областяхъ. Малорослость распространена на крайнемъ западѣ—въ царствѣ польскомъ—и на сѣверо-востокѣ—въ мѣстахъ распространенія финскихъ и тюркскихъ народностей. Помимо всего этого, Европейская Россія распадается на рядъ поперечныхъ полосъ или поясовъ съ различнымъ ростомъ народонаселенія. Полоса или поясъ сравнительной высокорослости тянется отъ границъ Псковской и Новгородской губерніи въ направленіи къ восточнымъ границамъ земли славянъ, обнимая собою Тверскую, Московскую, Ярославскую, Владимірскую, Нижегородскую губерніи, т.-е. главное мѣсто жительства великоруссовъ и часть области бѣлоруссовъ. Къ сѣверу и къ югу она окаймлена поясомъ низкаго, или, вѣрнѣе, сравнительно низкаго роста. А къ южному поясу низкорослости непосредственно примыкаетъ область южной высокорослости. Хотя возможность вліянія степени достатка населенія, его профессіональныхъ особенностей и другихъ факторовъ на ростъ не можетъ быть всецѣло отрицаема, но преобладающее значеніе принадлежитъ, несомнѣнно, расовому составу. Въ отношеніи славянъ вообще наиболѣе низкорослое племя представляютъ изъ себя поляки и русины. Великоруссы и Бѣлоруссы почти сходны по величинѣ роста. Малороссы кіевской и харьковской губерній замѣтно выше ростомъ великоруссовъ, но наиболѣе высокорослымъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ являются, несомнѣнно, кубанскіе казаки, дающіе средній ростъ въ слишкомъ 170 сантиметровъ. Вообще же, за исключеніемъ лишь поляковъ, русинъ и кубанскихъ казакъ, ростъ у славянъ увеличивается съ востока въ направленіи къ западу и къ юго-западу, достигая своей наибольшей величины въ группѣ словаковъ, чеховъ и сербо-кроатъ.

На почвѣ только что намѣченнаго капитала фактическихъ, научно-установленныхъ данныхъ, небезынтересно вспомнить, что уже классическіе, греческіе авторы приписывали славянамъ опредѣленный расовый типъ. Это были, по ихъ указаніямъ, бѣлокурые, съ румянымъ цвѣтомъ лица и русыми волосами, высокорослые народы, коренастые, крѣпко сложенные. Мы видимъ, что только въ отношеніи бѣлокураго типа древніе писатели, и то вѣроятно, лишь вслѣдствіе сбивчивой терминологіи—позволили себѣ существенное уклоненіе отъ истины. Иванъ Тургеневъ рукою художника и тонкаго наблюдателя набросилъ картину славянина Орловской и Тульской губерніи. И въ какомъ видѣ представляются славяне *современному изслѣдователю? Русый, то въ болѣе свѣтлыхъ, то въ болѣе темныхъ оттѣнкахъ, съ приблизительно одинаково частымъ распространеніемъ темныхъ и свѣтлыхъ глазъ,*

великоруссъ, по выраженію д-ра Воробьева, *обладаетъ ростомъ выше средняго и умѣренно выраженною круглоголовостью продолговатый лицомъ, пропорціональными, хорошо развитыми членами коренастаго, крѣпко сложеннаго тѣла.* Но великоруссы только звено въ цѣлой цѣпи славянскихъ народовъ или типовъ. Въ ней есть и сходственныя звенья, и рѣзко между собою различныя. Яснѣе другихъ въ современномъ славянствѣ выдѣляются два вполнѣ ясно очерченные типа: I. (*Высокорослая*) *смуглая, брахицефальная славянская раса.* Начиная съ западныхъ славянъ (чехъ), которые являются лучшими ея представителями, эта раса обнимаетъ собою болгаръ, русинъ, словаковъ, отличающихся только нѣсколько меньшимъ ростомъ, затѣмъ поляковъ въ горахъ карпатскихъ склоновъ, малороссовъ и, кромѣ того, отдѣльные высокорослые брахицефальные островки или вѣтви въ Псковской, Новгородской и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. II. *Мезоцефалическая (суббрахицефальная) смуглая славянская раса* или *великорусско-бѣлорусская раса* отличается, помимо меньшей брахицефаліи (показатель отъ 80—81), болѣе свѣтлыми (сѣрыми) глазами и болѣе свѣтлыми волосами, не представляя, однако, бѣлокураго типа, такъ какъ заключаетъ въ себѣ очень мало ($2^0/_0$) блондиновъ.

Не трудно замѣтить, что физическая картина славянъ далеко не всюду однородна, а, напротивъ, весьма сложна и пестра уже на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ мезоцефалами въ землѣ славянской оказываются распространенными представители всѣхъ ступеней брахицефаліи до крайнихъ ея предѣловъ; блондины живутъ мирно съ брюнетами на одной и той же территоріи; высокорослые, почти гигантскія племена смѣняются народами низкаго роста. И тѣмъ не менѣе, всѣ они, на пространствѣ цѣлыхъ материковъ, должны быть связаны родственными узами, являясь непосредственно братьями, вѣтвями одного общаго для всѣхъ племенного древа. Что мы можемъ сказать въ отношеніи такого поистинѣ своеобразнаго факта?

Но, помимо всего этническаго разнообразія, характеристика типа славянъ сама по себѣ не представляла бы никакихъ затрудненій, если бы дѣло шло въ данномъ случаѣ о простомъ установленіи морфологическихъ признаковъ. Когда я говорю, что великоруссъ мезоцефалъ, а полякъ низкорослый брахицефалъ и т. д., то эти факты, при всемъ ихъ несомнѣнномъ интересѣ, въ отношеніи самой проблемы не выясняютъ мнѣ ничего существенно новаго. Вѣдь суть проблемы о типѣ славянъ, въ концѣ концовъ, сводится, какъ не трудно убѣдиться, къ выясненію не только степени ихъ взаимнаго *родства*, но, главнымъ образомъ, къ открытію законовъ ихъ *эволюціи*; она сводится къ вопросу: откуда произросли тѣ разнообразные физическіе типы, которые издавна привыкли соединять подъ общимъ понятіемъ славянъ? Кто были ихъ предками и родоначальниками? Каковъ былъ основной элементъ, первоначальный корень славянской расы, изъ котораго въ теченіе вѣковъ выросло дерево—міръ современныхъ славянъ? Или такихъ корней было нѣсколько уже въ самомъ началѣ? Что говоритъ намъ этногенезисъ и какой свѣтъ на происхожденіе славянъ проливаютъ данныя сравнительнаго человѣко-

вѣдѣнія? Въ какомъ видѣ представлялись тѣ праславянскія поколѣнія, не оставившія намъ о себѣ никакихъ писанныхъ памятниковъ и свидѣтельствъ и доступныя нашему изслѣдованію лишь въ видѣ ихъ собственныхъ бренныхъ останковъ или произведеній ихъ культуры? Проблема, такимъ образомъ, коренится въ вопросѣ о физическомъ или соматологическомъ *происхожденіи* славянской расы. Не ограничиваясь свѣдѣніями объ обликѣ *современныхъ* славянъ, мы стремимся узнать, какимъ образомъ, какими путями и при какихъ ближайшихъ обстоятельствахъ славяне приняли ту особую расовую конфигурацію, какую они обнаруживаютъ въ ихъ современномъ составѣ.

II.

Тѣлесные памятники человѣка въ землѣ, занимаемой современными славянскими народами, восходятъ, какъ уже было упомянуто, въ сравнительно высокую древность. Хотя третичный человѣкъ у насъ съ достовѣрностью не доказанъ, какъ не доказанъ онъ съ несомнѣнностью и въ другихъ странахъ, но въ самомъ фактѣ его существованія въ настоящее время врядъ ли позволительно сомнѣваться. О человѣкѣ ледниковаго періода, объ его происхожденіи и дальнѣйшей судьбѣ, а также о его физическихъ особенностяхъ мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній. Первые несомнѣнные слѣды своего существованія на русской почвѣ человѣкъ оставилъ намъ въ концѣ такъ называемой палеолитической эпохи. Здѣсь памятники его найдены Хвойкой, Антоновичемъ и Армашевскимъ въ Кіевѣ совмѣстно и одновременно съ остатками мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ. Но о черепномъ типѣ и прочихъ физическихъ особенностяхъ человѣка этого періода мы не имѣемъ возможности составить себѣ опредѣленное мнѣніе.

Въ неолитическую эпоху, періодъ полированнаго камня, мы встрѣчаемся уже съ *самимъ человѣкомъ и его организмомъ* Къ этой позднѣйшей каменной эпохѣ относятся наши первыя анатомическія свѣдѣнія объ ископаемомъ человѣкѣ въ землѣ славянъ. Но находки человѣка каменнаго вѣка, знакомствомъ съ которымъ мы обязаны трудамъ графа А. С. Уварова, у насъ еще весьма скудны и единичны. Мы знаемъ о немъ, что онъ существовалъ въ тяжелыхъ для нашихъ понятій, суровыхъ жизненныхъ условіяхъ, обладалъ значительною мышечною силою и по формѣ черепа соотвѣтствовалъ брахицефальному типу его устройства. Мы увидимъ впослѣдствіи, что этотъ типъ человѣка неолитическаго періода олицетворяетъ собою *одного изъ главныхъ родичей славянской расы*, представляя изъ себя (согласно гипотезѣ, отстаиваемой мною на основаніи вѣскихъ анатомическихъ и біологическихъ данныхъ) родоначальника нашихъ современныхъ *западныхъ и юго-западныхъ славянъ*.

На склонѣ перваго тысячелѣтія христіанскаго лѣтосчисленія, примѣрно съ VIII-го столѣтія, въ землѣ славянъ появляется такъ называемый *курганный человѣкъ*. Его изученіе составляетъ безсмертную заслугу покойнаго профессора-антрополога А. П. Богданова. Курганы, какъ извѣстно, — могильники съ на-

сыпью, болѣе или менѣе высокою, подъ которою покоятся покойники, чаще всего одиночно. Человѣкъ курганнаго періода отличается прежде всего *длинноголовымъ* типомъ устройства черепа. Въ курганахъ центральныхъ губерній (Московской) были находимы большія массы череповъ исключительно или почти исключительно *долихоцефалическаго типа*. Но мы знаемъ о курганномъ человѣкѣ, кромѣ того, на основаніи непосредственнаго измѣренія его скелета, что онъ былъ высокаго роста, почти *исполинской величины*, и, во всякомъ случаѣ, значительно превышалъ въ ростѣ современное великорусское населеніе. Особенно населеніе кургановъ центральныхъ областей имперіи (губ. Тверской, Ярославской, Костромской, Московской), относящееся къ IX столѣтію, было преимущественно высокорослымъ, превышая современныхъ обитателей тѣхъ же территорій среднимъ числомъ на 4—5 сантиметровъ.

Наконецъ, микроскопическое изслѣдованіе волосъ изъ кургановъ различныхъ областей Россіи позволяетъ съ несомнѣнностью заключить, что люди, насыпавшіе эти курганы, принадлежали исключительно смуглому, *брюнетическому* типу; свѣтлые волосы въ курганахъ (согласно даннымъ проф. Минакова, производившаго эти изслѣдованія) отсутствуютъ всецѣло или почти всецѣло.

Если область, занимаемая нынѣ *брахицефальнымъ* племенемъ славянъ, оказывается, начиная съ IX и X ст., заселенною смуглымъ, высокорослымъ, рѣзко *долихоцефальнымъ* племенемъ, то спрашивается: куда дѣвалась эта обширная раса? и какое отношеніе она имѣетъ къ современнымъ славянамъ?

На судьбу долихоцефаловъ-курганосозидателей проливаютъ свѣтъ изысканія надъ содержимымъ кургановъ различныхъ періодовъ времени. Дѣло въ томъ, что собственно долихоцефальному типу соотвѣтствуютъ курганные черепа только наиболѣе *ранней* эпохи IX—X ст. Въ позднѣйшее время въ курганахъ начинаютъ появляться и брахицефальные элементы, и ихъ количество становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ ближе къ нашему времени. При этомъ процессъ замѣщенія длинноголовыхъ курганосозидателей брахицефалическимъ типомъ можетъ быть непрерывно прослѣженъ и въ историческое время, вплоть до XVII и XVIII ст. включительно, гдѣ опять-таки выясняется постепенное, но непрерывное вытѣсненіе первоначальнаго элемента населеніемъ брахицефалическимъ.

Въ отношеніи расоваго состава древнихъ долихоцефаловъ курганнаго періода существуютъ двѣ возможности: или это были *славяне*—непосредственные производители современныхъ славянъ. или же они не были славянами, а какими-то инородцами, которые впослѣдствіи были вытѣснены новымъ завоевательскимъ племенемъ нынѣшнихъ брахицефальныхъ славянъ. Въ первомъ случаѣ нынѣшніе славяне всегда сидѣли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ находимъ и теперь, являясь аборигенами страны. Во второмъ—земля ихъ впервые была заселена инородческимъ племенемъ, а славяне являются новыми завоевателями, откуда-то появившимися пришельцами иного физическаго типа.

Выдвигая предположеніе объ инородческомъ характерѣ долихоцефаловъ курганнаго періода, мы прежде всего должны имѣть въ виду племена *финской* расы. Но, во-первыхъ, современные финны большею частью сами брахицефальны:

во-вторыхъ, если часть древнихъ финновъ и были долихоцефалами, то они не объясняютъ намъ наличности долихоцефальныхъ череповъ въ курганахъ *южныхъ* губерній, которыя никогда не были заселены финнами; кромѣ того, древніе обитатели территоріи, занимаемой нынѣ брахицефалическими чехами, также, какъ оказывается въ послѣднее время, были долихоцефалами—въ условіяхъ, гдѣ врядъ ли можетъ быть рѣчь о наличности финновъ; далѣе курганные черепа и въ Сибири, напр,. въ Минусинскомъ округѣ, показываютъ тотъ же типъ, какъ и черепа изъ кургановъ Московской губерніи; наконецъ, то же замѣщеніе долихоцефаловъ брахицефалами, какое характерно для области распространенія нынѣшнихъ славянъ (Россія, Австрія), доказано въ такихъ мѣстностяхъ, которыя въ настоящее время всецѣло заняты германцами. Напр., въ южной Баваріи т. наз. рядовые могильники типа эпохи переселенія народовъ содержатъ преимущественно долохоидные черепа, въ то время какъ цѣликомъ германизированные потомки древнихъ баварскихъ «славянъ» являются рѣзкими брахицефалами. Здѣсь опять-таки о вліяніи финновъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Т. наз. «славянскіе» могильники въ сѣверной и средней Германіи времени переселенія народовъ также заключаютъ въ себѣ почти одни долихоцефальные черепа.

Путемъ такой аргументаціи мы приходимъ къ гипотезѣ о *славянскомъ расовомъ составѣ курганныхъ могильниковъ*. Однако, допуская ее, мы вынуждены объяснить *причины и ближайшіе пути замѣщенія древнихъ долихоидовъ современными брахицефалами*

Въ самомъ дѣлѣ мыслимо ли, чтобы среди одной и той же расы могъ разыграться какъ бы передъ нашими глазами такой рѣзкій переходъ одного крайняго черепного типа въ другой, противоположный? Непосредственная органическая метаплазія, будь она вызвана культурными импульсами или иными условіями, конечно, а ргіогі не отрицаема; она могла бы совершиться, но совершиться впродолженіи десятковъ и сотенъ тысячъ лѣтъ, а не въ теченіе какого-нибудь одного тысячелѣтія, прошедшаго со времени сооруженія первыхъ кургановъ. Но мы знаемъ; сверхъ всего, что расовые типы черепа *вѣчны*, не измѣняясь въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій. Никѣмъ никогда не наблюдалось, чтобы гдѣ либо долихоцефалическій черепъ превращался или преобразовывался въ брахицефалическій или обратно, какъ не наблюдалось до сихъ поръ, чтобы брюнетическая раса когда-либо превратилась въ бѣлокурую. Основные типы формы черепа, какъ долихоцефализмъ и брахицефализмъ, суть *первичные* признаки нашей организаціи, развивающіеся одновременно, существующіе рядомъ и совмѣстно и нигдѣ другъ друга не исключающіе. Уже начиная съ самой зари культурныхъ эпохъ долихоцефалы, мезоцефалы и брахицефалы живутъ одновременно и совмѣстно впродолженіи тысячелѣтій, и не только въ четвертичную эпоху, во время палеолетическаго и неолитическаго періода, но, повидимому, еще въ концѣ третичной эры развитія земляной коры оба основные черепные типы оказываются ясно обособленными. *Новаго пріобрѣтенія новообразованія брахицеофалическій типъ черепа не представляетъ и на славянской территоріи.* Мы его встрѣтили уже въ неолитическую эпоху. Въ

періодѣ кургановъ онъ первоначально еще рѣдокъ. Но, будучи, какъ мы увидимъ, одарены выгодными физико-психическими задатками, эти первые немногіе ростки брахицефалическаго человѣка начинаютъ медленно и незамѣтно развиваться и размножаться среди господствующей подавляющей массы долихоцефальнаго населенія. Съ другой стороны, долихоцефалы оказываются со временемъ все меньше и меньше приспособленными къ условіямъ окружающей ихъ среды. Они обречены на сравнительно быстрое, въ зависимости отъ частныхъ условій внѣшней среды, вымираніе, уступая мѣсто брахицефаламъ, которые, какъ наилучше приспособленный элементъ, въ силу закона о естественномъ подборѣ, выходятъ побѣдителями изъ этой безмолвной, но безпощадной борьбы за существованіе. *Не путемъ органическаго метаморфоза и морфологической метаплязіи*, а въ силу *вымиранія длинноголовыхъ*, по крайней мѣрѣ, ихъ рѣзкихъ ступеней, и въ силу *выживанія болѣе круглоголовыхъ* совершилось у насъ со времени курганной эпохи *замѣщеніе*, а *не поглощеніе* одной расы другою. Въ пользу нашей гипотезы говоритъ прежде всего *общій законъ исчезновенія долихоцефаловъ*, въ историческое и въ доисторическое время: большинство первобытныхъ (допотопныхъ) расъ были замѣщены брахицефалическими расами; въ Австріи, въ Германіи, въ Даніи—всюду долихоцефалы были первоначальнымъ, господствующимъ элементомъ: семиты, древніе финикіяне, современные феллахи являются рѣзкими долихоцефалами; но среди евреевъ долихоцефалы, какъ худо приспособленный элементъ, исчезли почти окончательно, такъ что нынѣшнихъ евреевъ, съ точки зрѣнія морфологіи, врядъ ли еще умѣстно причислять къ семитамъ.

Брахицефалы, повидимому, должны были обладать большими, существенными, крупными преимуществами въ ихъ физической организаціи. Иначе они не могли бы выйти побѣдителями изъ ихъ борьбы съ долихоцефалами. Въ чемъ заключаются эти преимущества, мы въ точности не знаемъ; единственное, что установлено съ достовѣрностью, это то, что черепъ брахицефальнаго типа объемистѣе; онъ вмѣщаетъ въ себѣ больше мозговой субстанціи, чѣмъ долихоцефалическій. Это уже можно предполагать a priori, такъ какъ чѣмъ ближе форма тѣла къ шару, тѣмъ больше его емкость по сравненію съ его поверхностью. Но бо́льшая вмѣстимость брахицефальнаго черепа по сравненію съ долихоцефальнымъ доказана и непосредственнымъ анатомическимъ наблюденіемъ и измѣреніемъ. Благодаря именно своему большему нервно-психическому капиталу, брахицефалическія расы всюду готовятся стать *властелинами міра*. А ученіе Ammon'a о психическомъ превосходствѣ долихоцефаловъ на нашъ взглядъ не имѣетъ подъ собою прочной анатомо-физіологической почвы.

Если процессъ развитія черепныхъ типовъ въ землѣ славянъ дѣйствительно свершился такъ, какъ онъ долженъ былъ разыграться въ освѣщеніи нашей гипотезы, то долихоцефалическая раса кургановъ является непосредственною предшественницею нашихъ современныхъ славянъ. Это были *праславяне* въ истинномъ смыслѣ слова, созидавшіе въ своихъ курганахъ славянскую, съ рѣзкою національною окраскою, культуру въ отличіе отъ варварской культуры

могильниковъ финнотюркскихъ народностей того же времени. Правда, въ современномъ славянствѣ эта долихоцефальная праславянская раса большею частью вытѣснена господствующими брахицефалами. Но первоначальный длинноголовый типъ кургановъ уничтоженъ не окончательно. Современные *русскіе* славяне сохранили въ себѣ типъ своихъ прародителей въ видѣ замѣтнаго числа крайнихъ долихоцефаловъ съ показателемъ около 70. Въ Харьковской губ., напр., среди преобладающаго брахицефалическаго малороссійскаго населенія встрѣчается опредѣленная группа рѣзкихъ долихоцефаловъ съ волосами коричневаго, до соломенно-желтаго цвѣта. Эти долихоцефалы въ Малороссіи прямо-таки считаются «внѣдрившимся великорусскимъ элементомъ». И въ самомъ дѣлѣ, великоруссы Московской, Рязанской, Владимірской губ., у которыхъ праславянскій длинноголовый типъ черепа сохранился лучше, чѣмъ гдѣлибо у прочихъ славянъ, являются непосредственными потомками созидателей культуры кургановъ. Великорусскій типъ въ извѣстныхъ областяхъ, прежде всего въ центральныхъ губерніяхъ, принялъ на себя задачу пропагаціи физическаго типа умѣренныхъ долихоцефаловъ праславянъ, представляясь, такимъ образомъ *типомъ-производителемъ*.

Наиболѣе рѣзкія степени долихоцефаловъ курганной эпохи близки къ окончательному исчезновенію. Взамѣнъ ихъ, когда-то могущественныхъ въ Западной и Средней Руси, развился и достигъ доминирующей роли *брахицефальный типъ*—родоначальникъ или производитель большинства современныхъ славянъ-невеликоруссовъ. По нашему глубокому убѣжденію, основанному на непосредственномъ наблюденіи анатомическихъ фактовъ, брахицефалическій праславянинъ представляетъ собою также первичный типъ и притомъ типъ весьма высокой древности. Уже въ курганную эпоху, по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднюю, онъ сталъ примѣшиваться къ господствовавшей тогда длинноголовой расѣ. Его, какъ мы видѣли, удается прослѣдить еще въ отдаленныя эпохи каменнаго вѣка. Необычайно большая емкость черепа праславянина-брахицефала уже позволяетъ до извѣстной степени предугадывать его будущую роль въ мірѣ славянъ. Наиболѣе древній изъ извѣстныхъ до сихъ поръ у насъ череповъ каменнаго вѣка, открытый графомъ Уваровымъ въ деревнѣ Волосово, Владимірской губерніи, высокій брахицефалъ съ показателемъ въ 83, оказался настоящимъ такъ называемымъ кефалономъ или черепомъ-великаномъ въ отношеніи размѣровъ его мозговой части. Съ монгольскимъ или финскимъ типомъ онъ, этотъ краніологическій прототипъ современныхъ славянъ, на нашъ взглядъ, не имѣетъ ничего общаго, несмотря на (весьма тонкое, впрочемъ) утвержденіе Рудольфа Вирхова, будто бы «его особенности не противорѣчатъ предположенію о его принадлежности къ туранскому или финскому типу». Мы ссылаемся, главнымъ образомъ, на мезопрозонизмъ этого черепа, выражающійся въ лицевомъ показателѣ, равномъ по Вирхову же 778: особенность, не свойственная монгольскимъ народамъ.

Такимъ образомъ, въ глубокой древности развитія славянской расы брахицефалы хотя существовали еще въ очень, повидимому, ограниченныхъ массахъ, но зато ихъ морфологическія особенности гарантировали имъ побѣду въ

борьбѣ съ долихоцефальными предками или производителями современныхъ славянъ.

Мысль о происхожденіи всей славянской расы отъ какого-либо *одного* общаго родоначальника, представляется, на нашъ взглядъ, недостаточно обоснованной съ фактической стороны. Такихъ родоначальниковъ или производителей мы имѣемъ не менѣе *двухъ*: долихоцефала и брахицефала. Только оба они во время эволюціи какъ бы смѣняютъ другъ друга. Во время господства долихоцефаловъ, родоначальниковъ нынѣшнихъ великоруссовъ, брахицефалы отступаютъ на задній планъ. Но впослѣдствіи, по мѣрѣ приближенія къ нашей эпохѣ, долихоцефальные типы все болѣе и болѣе *смѣняются*, *замѣщаются* брахицефалами, занимающими въ наши дни такое же доминирующее положеніе, какъ долихоцефалы въ періодъ созиданія кургановъ. *Отъ этого второго родоначальника произошли современные западные славяне* (моравы, чехи, малоруссы) съ наиболѣе рѣзкими ступенями брахицефализма.

Какъ всюду, такъ и въ мірѣ славянъ черепные расовые типы *не измѣняются*, не претерпѣваютъ тѣхъ морфологическихъ метаморфозъ или метаплязій, какія имъ приписываютъ адепты ученія о феннизаціи или кельтизаціи первобытныхъ славянъ.

Черепные расовые типы *вѣчны*. Но они могутъ *смѣняться* въ *пространствѣ*, въ ихъ топическомъ распространеніи и распредѣленіи, и смѣняться *во времени*, въ ихъ проявленіи въ теченіе вѣковъ, тысячелѣтій и геологическихъ эпохъ.

III.

Насколько рѣзко современные славяне отличаются отъ ихъ родоначальниковъ въ формѣ черепа, настолько же близко они стоятъ къ нимъ въ отношеніи окраски общихъ покрововъ, волосъ и глазъ. Мы видѣли, что не только всѣ нынѣ живущіе славянскіе племена являются представителями смуглаго типа, но что и праславяне курганной эпохи были исключительно темноволосымъ племенемъ.

Но несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, часть славянъ происходитъ отъ *бѣлокураго прародителя*. Прежде всего заслуживаетъ вниманія, что и въ землѣ темнорусыхъ славянъ (великоруссовъ и пр.) *дѣти* родятся на свѣтъ весьма часто съ свѣтлыми волосами льняного или соломеннаго цвѣта. Что же касается взрослыхъ, то между ними даже у наиболѣе смуглыхъ славянскихъ племенъ, какъ, напр., у сербовъ, удается открыть извѣстный процентъ бѣлокурыхъ субъектовъ. Но этотъ свѣтлый производитель, во всякомъ случаѣ, долженъ быть отнесенъ къ весьма отдаленной и высокой древности, ибо волосы изъ кургановъ Московской губерніи при микроскопическомъ ихъ изслѣдованіи оказались безъ исключенія темнорусыми. Доказательство бѣлокураго родоначальника славянъ для насъ существенно важно, чтобы пролить свѣтъ на типъ пигментаціи и на расовый составъ современныхъ славянскихъ народовъ.

Мы видѣли, что великоруссы содержатъ въ себѣ почти одинаковыя количества свѣтлыхъ и темныхъ оттѣнковъ окраски глазъ и волосъ, и что особенно обширнымъ распространеніемъ пользуются у нихъ сѣрые глаза. Часто приходится слышать о смѣшанномъ типѣ великоруссовъ, о помѣсяхъ ихъ съ финнами, монголами и пр. Хотя несомнѣнно существуютъ данныя, указывающія на подобную возможность и какъ бы оправдывающія мысль объ участіи финскихъ и тюркскихъ, кельтскихъ и другихъ народностей въ сложеніи отдѣльныхъ славянскихъ типовъ, но съ анатомо-біологической точки зрѣнія врядъ ли основательно говорить о смѣшанномъ (гибридномъ) типѣ великоруссовъ, о большей расовой «чистотѣ» малоруссовъ, казаковъ, сербокроатъ и т. д. въ томъ смыслѣ, какъ это издавна установилось въ этнологическихъ руководствахъ и въ монографіяхъ по славянскому народовѣдѣнію.

Что значитъ: *смѣшанная* раса?

Когда я вижу человѣка съ голубыми глазами и съ смолисто-черными волосами, то это даетъ мнѣ право утверждать, что въ его генеалогіи, въ его родствѣ, ближайшемъ или отдаленномъ, есть или были особи *гетеропигментныя*, т.-е. родичи, отличавшіеся различными типами пигментаціи. Находя среди великоруссовъ множество людей такого «смѣшаннаго» типа, я долженъ заключить, что въ числѣ родоначальниковъ современныхъ великоруссовъ были и бѣлокурые, и темнорусые типы. Но нисколько изъ этого не слѣдуетъ, чтобы великоруссы представляли изъ себя сильно *смѣшанную* расу, какъ принято выражаться. Если среди нихъ встрѣчается много гетеропигментныхъ особей, то это происходитъ лишь отъ того, что ихъ прародители были гетеропигментными, признаки которыхъ они унаслѣдовали и удержали въ такой же степени и по тѣмъ же законамъ, по какимъ развивается и развивался типъ кубанскихъ казаковъ и сербокроатъ, считающихся наиболѣе «чистыми» племенами или представителями славянской расы. Тутъ все дѣло въ законѣ наслѣдственной передачи врожденныхъ расовыхъ признаковъ. Сербокроаты среди славянъ представляютъ менѣе всего (26%) смѣшанныхъ типовъ, потому что у нихъ темноглазые и темноволосые субъекты существуютъ въ подавляющемъ количествѣ. Случаи скрещиванія бѣлокурыхъ индивидовъ съ смуглыми у нихъ рѣдки, потому что бѣлокурыхъ у нихъ мало. У великоруссовъ мы встрѣчаемъ почти столько же свѣтлорусыхъ, сколько темнорусыхъ особей, и ясно, что изъ каждыхъ двухъ браковъ одинъ непремѣнно будетъ заключенъ субъектами разныхъ типовъ. Сербокроаты и великоруссы одинаково чистыя племена, съ тою лишь разницею, что первые происходятъ преимущественно отъ смуглаго родича, вторые же отъ *двухъ* прототиповъ, смуглаго и бѣлокураго родоначальника.

Другой вопросъ: почему великоруссъ развился отъ другихъ типовъ—родичей, чѣмъ сербокроатъ, казакъ или малороссъ? Или же всѣ они происходятъ отъ *одного* общаго прототипа.

Съ этимъ вопросомъ мы затрагиваемъ проблему о *физическомъ единствѣ* или о *множественности* славянской расы. Если группа славянскихъ народовъ связана въ одно общее цѣлое близкими узами историческаго и культур-

наго развитія, признаками лингвистики, особенностями этнографическаго быта и общностью географическаго распредѣленія: то вопросъ, насколько они близки между собою въ отношеніи ихъ физической организаціи представляетъ, естественно, весьма крупный научный интересъ. Вопросъ этотъ, какъ намъ кажется, въ настоящее время врядъ ли можетъ быть рѣшенъ окончательно и категорически въ томъ или иномъ смыслѣ. Возможно думать и есть тому вѣскія доказательства, что племена, весьма близкія по ихъ бытовымъ и лингвистическимъ признакамъ, по ихъ умственнымъ и духовнымъ особенностямъ, по ихъ историческимъ судьбамъ и ихъ географическому положенію, могутъ не имѣть ничего общаго между собою съ точки зрѣнія ихъ анатомо-біологическихъ признаковъ.

Но если бы славяне дѣйствительно оказались произросшими отъ *одного* общаго расоваго древа, отъ одного или нѣсколькихъ общихъ родичей или родоначальниковъ, то различія ихъ физичискаго облика, замѣтныя, наприм., при сравненіи галиційскихъ поляковъ съ сербокроатами, или послѣднихъ съ бѣлоруссами, не противорѣчатъ, повидимому, идеалъ физическаго единства славянъ. Стоитъ только допустить, что общіе прародители или прототипы со временемъ подвергались видоизмѣняющему вліянію различныхъ историческихъ судебъ, географическихъ и климатическихъ уловій и другихъ дѣятелей внѣшней среды. Благодаря такимъ вліяніямъ, различнымъ въ пространствѣ и во времени, изъ одинаковаго для всѣхъ славянскихъ племенъ ряда родоначальниковъ въ племени галицкихъ поляковъ, напр., лучше и устройчивѣе всего сохранился типъ бѣлокураго круглоголоваго прародителя, въ то время какъ у моравовъ, болгаръ и т. д. послѣдній не встрѣтилъ благопріятныхъ для себя условій и размножался поэтому слабо, уступая почву лучше приспособленному къ даннымъ условіямъ смуглому типу, но не исчезая, тѣмъ не менѣе, окончательно, благодаря чему въ силу закона о вѣчности расовыхъ типовъ—у моравовъ, сербокроатъ и пр. еще и въ настоящее время, какъ мы уже замѣтили, продолжаетъ рождаться извѣстный процентъ бѣлокурыхъ особей.

У великоруссовъ существовали, повидимому, уже съ самаго начала такія условія, что *всѣ* первоначальные родичи славянъ за исключеніемъ лишь крайнихъ типовъ—могли распространяться одновременно, вступая въ тѣсную взаимную связь. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ себя въ правѣ допустить, что великорусское племя является *наиболѣе сильнымъ и надежнымъ продолжателемъ своей расы, совмѣщая въ себѣ и настойчиво удерживая совокупность физическихъ признаковъ всѣхъ родоначальниковъ міра славянъ*. Если же великоруссы заключаютъ въ себѣ множество т. наз. «смѣшанныхъ» типовъ, то это является слѣдствіемъ непоколебимыхъ законовъ преемственности физическихъ и психическихъ признаковъ расы. То обстоятельство, что у великоруссовъ до сихъ поръ стойко сохраняются особенности всѣхъ прототиповъ, а у другихъ славянскихъ племенъ часть ихъ подвержена кажущемуся уничтоженію,—это уже не зависитъ отъ біологическихъ свойствъ самой расы, а отъ ряда другихъ условій, стоящихъ, повидимому, въ болѣе

или менѣе тѣсной связи съ особенностями внѣшней среды, среди которой данное племя ведетъ свое существованіе.

Имѣя въ виду совмѣстное и одновременное распространеніе брахицефаловъ и долихоцефаловъ уже въ неолитическую эпоху и тотъ фактъ, что эти расы съ тѣхъ поръ не измѣнились въ ихъ анатомическихъ признакахъ, мы можемъ допустить, что земля славянъ первоначально была заселена двумя типами: брахицефалическимъ и долихоцефалическимъ. Въ очень отдаленную эпоху эволюціи славянъ на ихъ генеалогическомъ древѣ развивался бѣлокурый долихоидный типъ, отъ котораго ведутъ свой родъ современные (рѣдкіе у великоруссовъ) блондины славянской крови.

Одновременно съ родоначальнымъ типомъ бѣлокурыхъ славянъ жили *смуглые брахицефалы*, но они въ ту раннюю эпоху не играли особенной роли, Свѣтчатая длинноголовая праславянская раса исчезала ко времени курганнаго періода. Въ эту эпоху господствовали исключительно или почти исключительно *длинноголовые брюнеты* — родоначальники нашихъ современныхъ великоруссовъ.

Со времени курганной эпохи начинается постепенное развитіе *брахицефальныхъ праславянъ*, зачатки которыхъ восходятъ, какъ мы видѣли, въ высокую древность. Они распространяются повсюду и притомъ сравнительно быстро. Но наиболѣе рѣзкія ихъ формы проникаютъ большими массами на западъ къ области господства нынѣшнихъ юго-западныхъ славянъ.

Мы въ концѣ нашей задачи. На длинномъ пути, ведущемъ съ зари культурныхъ эпохъ вплоть до вершинъ современной цивилизаціи, мы могли открыть рядъ свѣтлыхъ этапныхъ пунктовъ, освѣщавшихъ самый путь, послужившихъ исходною точкою нашего изслѣдованія и давшихъ намъ тѣ матеріальныя опоры на которыхъ зиждятся наши заключенія и выводы. Эти свѣтлые этапы, плоды упорной строго обдуманной научной работы представляютъ собою духовные фундаменты, долженствующіе служить для сооруженія величественнаго научнаго зданія.

Но научныя зданія сооружаются медленно, постепенно, шагъ за шагомъ. И хотя бы основанія были положены вполнѣ твердо и прочно, все отъ нихъ далеко до конечной цѣли. На эту отдаленную цѣль указываютъ тѣ гипотезы и положенія, которыя были высказаны впервые въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи.

Пр.-доцентъ **Р. Вейнбергъ.**

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Сентябрь. 1903 г.

Содержаніе: Критика и исторія литературы. — Исторія русская и всеобщая.—Политическая экономія и соціологія. — Философія.—Естествознаніе. — Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.— Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Энгельгардтъ. „Исторія рус. литературы". Ш. II. *W. Feldman.* „Współczesna literatura polska.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ второй (1850—1900). Спб. 1903. Стр. VII+570. Цѣна 2 р. Второй томъ сочиненія г. Энгельгардта составленъ такъ же неумѣло, съ такою же чисто лихорадочною поспѣшностью и съ такою же изумительною небрежностью, какъ и первый томъ (см. «М. Б.» 1902 г., № 6). Эти недостатки выступаютъ еще ярче по сравненію съ тѣми необычайными претензіями, какія высказалъ составитель книги въ предисловіи къ первому тому и повторилъ въ иной формѣ въ предисловіи ко второму тому. «Мы выяснили,—говорится въ этомъ предисловіи,—всѣ главные моменты литературной эволюціи, которая у насъ подчинялась характерному, бросающемуся въ глаза хронологическому ритму десятилѣтій («годовъ»), и если не достигли въ нашемъ изслѣдованіи окончательной научной обработки предмета, то все же положили начало сравнительной повѣркѣ фактовъ и данныхъ, подвергли, такъ сказать, перекрестному допросу весь (!) накопленный въ массѣ отдѣльныхъ монографій научно-историческій матеріалъ нашего предмета».

На самомъ же дѣлѣ г. Энгельгардтъ почти ничего не выяснилъ и не только не подвергъ перекрестному допросу «всего» историко-литературнаго матеріала, но и не ознакомился съ нимъ какъ слѣдуетъ. Вся его книга представляетъ наборъ отрывочныхъ фактовъ и длинныхъ цитатъ, причемъ факты заимствуются изъ перваго попавшагося источника, хотя бы это были, напр., «Воспоминанія» кн. Мещерскаго. Что касается цитатъ, которыя составитель преподноситъ читателю вмѣсто собственныхъ мнѣній, то ихъ чрезмѣрное обиліе онъ не только не считаетъ недостаткомъ книги, но даже вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу. «Мы даемъ,—говорится въ предисловіи,—свыше тысячи цитатъ изъ сочиненій разбираемыхъ авторовъ и изъ трудовъ нашихъ выдающихся критиковъ, что составляетъ какъ бы литературную энциклопедію. Найти, отмѣтить, выбрать, сгруппировать, объединить литературной обработкой въ связное, сочлененное цѣлое, въ «мозаику»—картину, такую массу цитатъ—трудъ кропотливый, тяжелый, какъ это извѣстно всякому спеціалисту».

Тысяча цитатъ для сочиненія въ 1.200 страницъ—это очень немного даже въ томъ случаѣ, если бы число использованныхъ книгъ и статей равня-

лось общему числу цитатъ. Но г. Энгельгардтъ изъ одной и той же статьи беретъ цитаты цѣлыми десятками, при чемъ не всегда отмѣчаетъ ихъ кавычками. Возьмемъ, напримѣръ, характеристику Обломова. Вся она сдѣлана подлинными словами Добролюбова, взятыми изъ разныхъ мѣстъ его статьи: «Что такое обломовщина?» Но на кавычки, которыми отмѣчаютъ чужія слова, и на многоточія, которыми отмѣчаются пропуски при цитированіи, г. Энг. почему-то поскупился. Правда, въ подстрочномъ примѣчаніи сдѣланы ссылки на соотвѣтствующія страницы добролюбовской статьи. Но все-таки читатель не знаетъ, читаетъ ли онъ подлинныя слова Добролюбова, или только изложеніе его мыслей.

И въ большинствѣ случаевъ, когда приходится характеризовать выдающіяся явленія русской литературы, г. Энг. ограничивается перепечатками въ такомъ же родѣ. Такъ, напримѣръ, о «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева и «Семейной хроникѣ» Аксакова говорится словами Анненкова, къ которому, также какъ и къ Дружинину, г. Энг. чувствуетъ особое влеченіе; о «Войнѣ и мирѣ» говорится словами Страхова, не смотря на то, что онъ, по отзыву г. Энгельгардта, «всю жизнь недомолвливалъ, хихикалъ въ кулачокъ и стыдливо запахивался больше, чѣмъ настоящее дѣло дѣлалъ» (стр. 168); объ «Аннѣ Карениной» перепечатаны мнѣнія А. Станкевича, о «Бѣсахъ» — сужденія г. Авсѣенка и т. д. Въ большинствѣ случаевъ г. Энг. и ограничивается перепечатками изъ одной какой-нибудь критической статьи, пришедшейся ему по вкусу или скорѣе другихъ попавшейся подъ руку. Изрѣдка только приводятся о какомъ-нибудь литературномъ произведеніи мнѣнія двухъ-трехъ лицъ. Такой пріемъ составленія исторіи русской литературы на языкѣ г. Энгельгардта называется «перекрестнымъ допросомъ всего научно-историческаго матеріала»! Онъ прибѣгаетъ къ перепечаткамъ даже тогда, когда рѣчь идетъ о всей литературной дѣятельности какого-нибудь писателя и даже о цѣлой группѣ писателей. Такъ, напримѣръ, о Гаршинѣ и В. Г. Короленкѣ въ «Исторіи русской литературы» перепечатаны мнѣнія г. Головина, а беллетристы реакціоннаго лагеря характеризуются словами г. Скабичевскаго.

Какъ ни наскоро набраны у г. Энгельгардта цитаты, какъ ни скомканы у него мнѣнія русскихъ критиковъ, въ общемъ, цитаты представляютъ лучшее, что есть въ его книгѣ. Тамъ же, гдѣ составитель книги говоритъ отъ своего лица, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся или съ ошибочными фактами, или съ такими сужденіями, о которыхъ въ самомъ лучшемъ случаѣ только и можно сказать словами Крылова: «избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!» Фактовъ разнаго рода, историко-литературныхъ, біографическихъ, историческихъ, хронологическихъ и иныхъ, много, даже очень много въ книгѣ г. Энгельгардта, но изложены они въ большинствѣ случаевъ крайне отрывочно и безсистемно и только напрасно загромождаютъ книгу, не говоря уже о томъ, что эти факты иногда крайнѣ мелочны и не всегда вѣрны. Г. Энгельгардтъ знаетъ, напримѣръ, въ какой день вышелъ первый номеръ «Гражданина». Онъ знаетъ, что говорилъ Бисмаркъ въ ярости, а канцлеръ Горчаковъ въ сердцахъ (стр. 279); онъ знаетъ, какіе литераторы участвовали въ сборникѣ «Складчина», кто и кому давалъ деньги на изданіе журналовъ, какими словечками переругивались въ шестидесятымъ годахъ Антоновичъ, Благосвѣтловъ и Писаревъ, о чемъ бесѣдовали Муравьевъ и Некрасовъ и т. д., и т. д.

Не загромождая свою книгу подобными мелочами, г. Энгельгардтъ не знаетъ много такого, что долженъ твердо знать всякій, кто берется за составленіе «Исторіи русской литературы». Онъ незнакомъ даже съ біографіей Льва Толстого настолько, чтобы не сдѣлать ряда ошибокъ и неточностей на одной страницѣ (см. стр. 68). Онъ не знаетъ даже, какъ зовутъ по имени и отчеству современныхъ писателей гг. Потѣхина, Баранцевича и Лейкина. Я не

говорю уже о хронологическихъ ошибкахъ, о библіографическихъ недочетахъ и о курьезахъ въ родѣ слѣдующаго: Валеріанъ Майковъ, умершій въ 1847 г., по волѣ г. Энгельгардта издаетъ журналъ «Подснѣжникъ», выходившій въ 1858—1862 годахъ (стр. 447).

Крайняя поспѣшность и небрежность, съ которыми составлялась «Исторія русской литературы» сказались и въ обиліи всякаго рода противорѣчій въ фактахъ и сужденіяхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 192 Достоевскій приговоренъ къ четыремъ годамъ каторги, а на стр. 194 «Записки изъ мертваго дома» названы «результатомъ десятилѣтнихъ непосредственныхъ наблюденій надъ каторгой». На стр. 29 приводится знаменитое мѣсто изъ письма И. Аксакова о популярности Бѣлинскаго въ провинціи и о благотворномъ вліяніи его сочиненій на молодежь, а на стр. 245 говорится, что «даже между Бѣлинскимъ и его аудиторіей связь исчерпывалась тѣмъ присловьемъ, которое еще въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія повторялъ Щедринъ: «писатель—пописываетъ, а читатель—почитываетъ». На стр. 166 сказано, что «Отечественныя Записки» Некрасова по сравненію съ «Современникомъ» «были уже иными и по составу сотрудниковъ, и по содержанію, и по направленію»; а на стр. 275 «Отечественныя Записки» являются какъ бы продолженіемъ «Современника». На одной и той же 29 стр. сначала сказано, что газета К. Аксакова «Молва» была прекращена за разборъ синонимовъ *публика* и *народъ*, а ниже приводится высочайшая резолюція, которая только грозитъ запрещеніемъ газеты, если будутъ появляться подобныя статьи.

Еще бо̀льшая небрежность обнаруживается при распредѣленіи историко-литературнаго матеріала. Рѣшительно непонятно, чѣмъ руководился составитель книги, удѣляя однимъ писателямъ цѣлые параграфы, а относительно другихъ отдѣлываясь нѣсколькими строчками. Почему, напримѣръ, Омулевскому, Суликову, Погосскому, Аѳанасьеву-Чужбинскому посвящено по цѣлому параграфу, занимающему нѣсколько страницъ, а Помяловскому—всего только полстраницы, Златовратскому—двѣнадцать строкъ, Терпигореву—восемь строкъ, г-жамъ Крестовской, Шапиръ и Дмитріевой, всѣмъ вмѣстѣ—всего только шесть и т. д.? По отношенію къ дамамъ, да еще столь почтеннаго возраста по дѣятельности, это даже невѣжливо...

Такая же неравномѣрность замѣчается при оцѣнкѣ отдѣльныхъ произведеній русской литературы, а также при сообщеніи біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ. Почему, напримѣръ, «Бѣдной невѣстѣ» Островскаго, «Негореву» Кущевскаго, «Псковитянкѣ» Мея, «Мареву» Клюшникова удѣлено по цѣлому или почти по цѣлому параграфу, причемъ эти произведенія подробно пересказываются, тогда какъ другія несравненно болѣе замѣчательныя произведенія русской литературы только разбираются съ чужихъ словъ или же только упоминаются мимоходомъ? Такъ, напримѣръ, только упоминается о такихъ произведеніяхъ, какъ «Три смерти» Майкова, «Бѣдность не порокъ» Островскаго, «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго (имъ удѣлено шесть строкъ), «Подлиповцы» Рѣшетникова, «Рыцарь на часъ» и «Морозъ-Красный носъ» Некрасова и много другихъ.

До сихъ поръ шла рѣчь о крайней небрежности, съ которой составлена книга г. Энгельгардта. Но самое характерное въ ней не эта изумительная небрежность, а собственныя сужденія автора, которыя онъ считалъ нужнымъ высказать послѣ «перекрестнаго допроса *всего*... научно-историческаго матеріала». Въ этихъ сужденіяхъ—самая любопытная и самая оригинальная сторона книги г. Энгельгардта. Тутъ ничего нѣтъ чужого, позаимствованнаго; тутъ все его собственное. Хотите ли вы узнать, какъ оцѣнивается, напримѣръ, критическая дѣятельность Писарева? «Наслѣдіе писаревскихъ идей,—читаете вы у г. Энгельгардта — не велико. Однако, оно есть, и мы лично подписы-

ваемся обѣими руками подъ слѣдующими положеніями критика: «во-первыхъ—мы бѣдны, а во-вторыхъ глупы» (стр. 180). Интересно ли вамъ знать, какъ относится авторъ новѣйшей «Исторіи русской литературы» къ лучшимъ русскимъ людямъ? «Слабовольная похотливость и падкость на распутную бабу—основной порокъ (!) «людей сороковыхъ годовъ», даже самыхъ передовыхъ, какъ пьянство и неспособность выдержать при видѣ «четверти» и не очутиться на самомъ днѣ ея—характерная «слабость» гражданственныхъ «шестидесятниковъ» (стр. 198). Желательно-ли вамъ имѣть образецъ собственныхъ сужденій автора книги объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ? Обратитесь къ 342 стр. Тамъ напечатано: «Мельниковъ-Печерскій—представитель высшей художественной школы въ русской литературѣ, вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ, Гончаровымъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Островскимъ, гр. Л. Н. Толстымъ, Достоевскимъ. И едва ли кто изъ писателей этой школы съумѣлъ глубже его «проникнуть въ тѣ сокровенные тайники русской жизни, гдѣ чисто народная струя не смѣшивается ни съ какими посторонними примѣсями», употребляя образное выраженіе его біографа». Если этого примѣра для васъ недостаточно, то можно еще указать, что для г. Энгельгардта Кокоревъ интереснѣе Потѣхина, Писемскаго и Аксакова, (стр. 80), что у Лейкина, по его мнѣнію, «громадный талантъ», но зато у Горькаго «нѣтъ правды» и «только наивный вкусъ можетъ не замѣчать фальши (его) изображеній». «Горькій—восклицаетъ г. Энгельгардтъ—это атавизмъ въ литературѣ. Мелодрама, разбойничьи романы, Кукольникъ и Марлинскій, вотъ его школа» (стр. 529). Чтобы еще болѣе поразить читателя глубокомысліемъ и оригинальностью сужденій г. Энгельгардта, прибавимъ, что Н. К. Михайловскаго онъ уличаетъ въ «явномъ подражаніи королю фельетонистовъ 70-хъ годовъ, Незнакомцу», т.-е. г. Суворину (стр. 301); а для г. Буренина онъ не поскупился даже на изобрѣтеніе такого выраженія, какъ «критическій чистотѣлъ» (!), можетъ быть, потому, что г. Буренинъ даже по признанію самаго г. Энгельгардта, «порою пересаливаетъ, становится вульгаренъ» (стр. 418).

Подобными перлами можно заполнить цѣлыя страницы, но и сказаннаго достаточно, чтобы имѣть представленіе о книгѣ, претендующей на «объективную научность». Хороша «научность», которая взамѣнъ собственныхъ сужденій сыплетъ чужими словами, а тамъ, гдѣ говоритъ отъ себя, не можетъ подняться выше личныхъ симпатій и антипатій и даже личныхъ счетовъ. Нѣтъ, это не «объективная научность», а литературная стряпня, приправленная «субъективнымъ» памфлетизмомъ. *С. Ашевскій.*

Wilhelm Feldman. Współczesna literatura polska. 1880—1901. Варшава, 1903 г. Русская образованная публика несомнѣнно вчитывается въ произведенія современныхъ польскихъ писателей гораздо охотнѣе и глубже, чѣмъ въ литературу болѣе далекаго Запада. Сенкевичъ, Ожешко, Прусъ и изъ болѣе молодыхъ Раймонтъ и Жеромскій, все это—имена не только хорошо знакомыя у насъ, но имена близкіе намъ, даже почти родныя. За послѣднее время стали появляться еще и такіе польскіе писатели, которые, какъ Сѣрошевскій, одинаково связаны и съ русскими, и съ польскими писательскими кругами. И это естественно. Значительная часть поляковъ слишкомъ очевидно болѣетъ тѣмъ же самымъ или сроднымъ общественнымъ удушьемъ, страдаетъ тѣми же самыми нуждами, что и мы сами. Но странно, знакомясь съ современной польской художественной литературой, мы обыкновенно какъ-то выхватываемъ ее изъ той культурной среды, въ которой она возникла, и совершенно не стараемся проникнуть въ умственныя движенія, кровь отъ крови которыхъ составляютъ плѣнившіе насъ образы. Мы вѣдь только кое-когда и то урывками слышимъ о внутреннихъ запросахъ и стремленіяхъ образованнаго польскаго общества. Конечно, и въ польской литературѣ мы невольно различаемъ тѣ

основные этапы, черезъ которые прошла современная литература всего образованнаго міра. И въ Польшѣ мы видимъ сначала царство позитивизма и реалистическаго творчества, демократизацію художественнаго сюжета и все растущее народническое направленіе, заставляющее пристальнѣе всматриваться въ народныя массы, а позднѣе—возрожденіе интереса къ болѣе смутнымъ движеніямъ души, къ болѣе осложненнымъ и запутаннымъ проблемамъ морали; мы видимъ возникновеніе символизма и декаденства, вліяніе Ибсена, Метерлинка и Нитцше. Рядомъ съ этимъ, какъ у насъ нарождается этотъ своеобразный романтизмъ инородческихъ сибирскихъ разсказовъ, описаній тюремной или босяцкой жизни, то же самое замѣчается и у поляковъ, зародившись въ тѣхъ же условіяхъ, въ связи съ тѣми же обстоятельствами авторскихъ біографій. Но одни и тѣже литературныя направленія въ каждой странѣ преломляются, своеобразно оттѣняются у каждаго народа особыми, свойственными только ему характерными чертами. И эти-то болѣе частныя особенности всегда въ высшей степени интересно продумать, взвѣсить и усвоить себѣ. Они даютъ возможность болѣе всесторонне продумать и самыя литературныя направленія. Интересная книга г. Фельдмана и ведетъ читателя именно къ тому, чтобы прослѣдить современныя литературныя теченія въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ обстоятельствами современной польской дѣйствительности. Переживаемый нами теперь переворотъ художественныхъ запросовъ, вкусовъ и пріемовъ творчества, вызывающій столько сомнѣній, споровъ и недоразумѣній, г. Фельдманъ пытается объяснить не только вліяніемъ вторгшихся въ литературу новыхъ идей и представленій, но и заново сложившихся чисто жизненныхъ условій.

Современное состояніе польской литературы кажется г. Фельдману особенно блестящимъ. Онъ не боится модернизма. Онъ видитъ въ немъ новый расцвѣтъ и новую силу. Литература современныхъ польскихъ модернистовъ кажется ему прежде всего демократичной и глубоко польской. Залогъ ея важнаго значенія для жизни онъ видитъ и въ ея пламенномъ этическомъ исканіи. «Творчество Пшибышевскаго,—пишетъ Фельдманъ,—само по себѣ безцѣльно; оно не изображаетъ намъ идеаловъ; но суровый, неумолимый, отмщающій за каждую вину фатумъ, показывающій свой грозный обликъ въ каждой его драмѣ, далеко не ведетъ къ тому, чтобы щадить грѣхъ и безстыдство. А другіе новые писатели? Смотрите только на ихъ произведенія, а не на ихъ теоріи! Не будемте только мудрствовать—допустимъ, чтобы они произвели на насъ впечатлѣніе! Припомнимъ эти мученическія, святыя слезы, которыми плачетъ надъ несчастьемъ человѣка Жеромскій, вспомнимъ этотъ небесный идеалъ, свѣтящійся въ твореніяхъ Выспьянскаго, это страданіе отъ чрезмѣрной любви, кипящее въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Каспровича!» Оттого современная польская литература и кажется г. Фельдману «такой богатой и роскошной, какой не была она со временъ эмиграціи». И оттого модернизмъ представляется ему высшимъ и конечнымъ моментомъ литературной эволюціи Польши за эти послѣднія двадцать лѣтъ. Вся книга г. Фельдмана такимъ образомъ проникнута рѣзко проведенной, бодрящей и многообѣщающей идеей литературно-общественнаго возрожденія.

Восьмидесятые годы, эта вожделѣнная эпоха позитивизма и реализма, были, по мнѣнію нашего автора, временемъ полнаго упадка общественной мысли. «Молодой человѣкъ,—пишетъ г. Фельдманъ,—если онъ воспитывался въ царствѣ польскомъ, вѣрилъ въ прогрессъ, какъ въ Бога, а въ Свентоховскаго, какъ въ пророка; онъ читалъ Бокля, Дарвина, Бюхнера, признавалъ Конта и Охоровича источникомъ непогрѣшимаго знанія и презиралъ метафизику, какъ наборъ романтическихъ бредней, какъ извращеніе чувства. Къ поэзіи онъ относился, какъ сплетенію сновъ и фантасмагорій, а повѣсть признавалъ только въ томъ случаѣ, если въ ней сказывалось здравое, т.-е. прогрессивное на-

*

правленіе и она ни въ чемъ не отклонялась отъ дѣйствительности. Дѣла были его поэзіей. Они насыщали его мысль мечтами и надеждами, говорили ему о внутреннемъ возрожденіи, открывали передъ нимъ перспективы торгово-промысловой добычи, давали вѣру, живучесть его поколѣнія и его культуры и онъ уповалъ на тотъ лозунгъ, который Свентоховскій начерталъ на заглавномъ листѣ своей «Правды»: «*cogito ergo sum*». И этотъ «варшавскій позитивизмъ» отразился и въ Краковѣ «страхомъ передъ *liberum conspiro*». Шуйскій и Тарновскій не переставали предупреждать молодежь противъ «неисправимыхъ мечтателей». Такому направленію въ литературѣ соотвѣтствовали Крашевскій и Ежъ. Ему отдала дань Ожешкова въ первыхъ своихъ произведеніяхъ. Въ поэзіи оно породило выспренній, холодный и самодовлѣющій парнасьенизмъ Асныка и Гомулицкаго. Однако, и въ началѣ 80-хъ годовъ «вставало изъ глубины общественнаго сознанія что-то исполинское, но еще безыменное и темное, что-то, что одни проклинали, а другіе осмѣивали, что-то, чего не понимали позитивисты, передъ чѣмъ отступалъ Аснык». Это выразила впервые смѣло и громогласно Марія Конопницкая. Г. Фельдманъ называетъ это теченіе, противорѣчившее принципу *cogito ergo sum* Свентоховскаго, *реакціей чувства*. Такое заглавіе носятъ цѣлыхъ три главы его книги. Кромѣ Конопницкой, подъ одну рубрику онъ подводитъ и первыя произведенія Сенкевича, и то, что онъ называетъ «битвой за идеи общественности». Когда «капитализмъ сталъ царствовать по цѣлой линіи, въ царствѣ польскомъ—промышленный, а въ Галиціи—аграрный», тріумфы его «отмѣчались взрывами оппозиціонныхъ восклицаній, а не разъ и кровавыхъ дѣйствій». И тогда измѣнился въ значительной степени и типъ молодого человѣка. «Настало время,—пишетъ г. Фельдманъ,—полнаго преобладанія интереса къ общественнымъ наукамъ. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ синонимомъ «прогресса» были «естественныя науки, то теперь Дарвинъ былъ отброшенъ, и богомъ сталъ уже Марксъ. Вмѣсто Бюхнера теперь начинаютъ переводить и изучать Лассаля». Эти новыя идеи распространились еще сильнѣе, когда въ 1886 г. послышались глухіе раскаты аграрнаго движенія, заставившаго вспомнить событія 1846 года. Бол. Высѣухъ началъ издавать «Przegląd społeczny», органъ уже народническій. Молодежь этого времени еще «признавала позитивизмъ въ наукѣ, но она уже порывала съ нимъ радикально въ своемъ отношеніи къ дѣйствительной жизни». Такъ начался второй періодъ новѣйшей польской литературы. Въ немъ первое мѣсто принадлежитъ Элизѣ Ожешко и Прусу. Лозунгомъ его былъ Прусъ, когда онъ совѣтовалъ, «идя по землѣ, повернуть голову къ небу». Идеи общественныя, народничество, тенденціозная «поэзія-мстительница за всѣ притѣсненія и насилія»—вотъ что составляетъ характерныя черты польской литературы конца 80-хъ годовъ.

Но съ поднятіемъ общественности въ литературной эволюціи современной Польши былъ сдѣланъ только одинъ шагъ. Возродиться предстояло еще самому искусству и выразителемъ чисто артистическихъ исканій и явился Миріамъ съ своимъ восклицаніемъ: *la poesia non muore*. Артистизмъ Миріама еще «артистизмъ утилитарный». Онъ старается служить возродившейся общественности, идетъ съ ней въ унисонъ, но вотъ возникнетъ Zycie, на сцену явится плеяда новыхъ поэтовъ съ Лангомъ во главѣ и тогда артистическіе интересы начнутъ уже преобладать, господствовать, царить. И съ Запада тогда нахлынутъ новыя впечатлѣнія. Польскій читатель ознакомится съ Поэ, Боделэромъ, Верлэномъ, съ Сюинборномъ и Розетти, съ Врэлицкимъ и Зейеромъ. Сенкевичъ своимъ романомъ «Безъ догмата» вольетъ уже сомнѣнія въ области морали, станетъ уже не только отвлекать отъ общественности во имя чисто индивидуальныхъ морально-эстетическихъ запросовъ, но положитъ основаніе и инди-

видуализму, этому характерному для настоящаго времени направленію умственныхъ интересовъ. Тотъ же Миріамъ заставитъ увлечься тогда и Метерлинкомъ съ его загадочными образами и смутными мыслями, открывающими новыя глубины человѣческаго сознанія. Тогда отъ стараго варшавскаго позитивизма не останется и помину, а философскій позитивизмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вольется въ новое русло, принявъ въ себя ученія Шопенгауера и Нитцше. Высшаго проявленія своего достигнетъ это новое теченіе польской литературы въ Пшибышевскомъ и Тетмайерѣ. И съ точки зрѣнія общественности это несомнѣнно шагъ назадъ или вѣрнѣе какое-то опасное перепутье. Декадентство—«эта анархія духа», какъ называетъ его Фельдманъ, можетъ способствовать только самодовлѣющему, совсѣмъ ушедшему отъ жизни искусству. Пшибышевскій, какъ редакторъ Zycia отъ 1898—1900 г., въ своемъ общественномъ безразличіи доходитъ до того, что не отмѣчаетъ такого первенствующаго событія въ польской жизни, какъ открытіе памятника Мицкевичу. Ближе къ жизни, въ взаимодѣйствіи съ нею стоятъ только тѣ писатели, которыхъ Фельдманъ называетъ «импрессіонистами»: Северъ, Реймонтъ, Сѣрошевскій, да еще печальникъ о человѣческомъ горѣ Жеромскій.

Вакханалія крайняго индивидуализма, мистическихъ глубинъ и декадентства, однако, скоро прошла. Она была лишь временемъ умственнаго и артистическаго обновленія и тревожныхъ исканій. На протяженіи немногихъ короткихъ мѣсяцевъ 1900—1901 годовъ, пишетъ Фельдманъ, появились такія произведенія, какъ «Бездомные люди» Жеромскаго, какъ лучшіе изъ «гимновъ» Каспровича, какъ «Легіонъ» и «Свадьба» Выспянскаго и «властителями думъ» молодого поколѣнія стали уже эти писатели». Съ этого времени «все, что молодо и обладаетъ талантомъ, все что отзывается на послѣднія теченія, уже отворачивается отъ декаденства, отъ болѣзненности, отъ антиобщественнаго индивидуализма, отъ всѣхъ знаменъ минувшаго и пережитаго времени. Мужественная сила, идейное искусство, желаніе жить вновь входятъ въ свои права. Искусство возвращается съ бездорожья лабиринтовъ, катакомбъ и подоблачныхъ сферъ, гдѣ оно бродило, не чувствуя подъ ногами почвы; оно возвращается искусствомъ символическимъ и искусствомъ настроенія, но уже искусствомъ очень польскимъ и очень народнымъ».

Я постарался передать только самый остовъ книги г. Фельдмана, ея общій замыселъ. Въ немъ и заключается главный интересъ книги. Дѣло не въ томъ, вѣрны или нѣтъ заключающіяся въ ней характеристики. Сущность ея въ томъ бодромъ настроеніи, полномъ вѣры и увлеченія, которое проходитъ красной нитью черезъ всю книгу. Г. Фельдманъ критикъ-публицистъ. Литература интересуетъ его, какъ проявленіе народнаго и національнаго самосознанія. Но рядомъ съ этимъ, и это характерно для нашего времени, въ книгѣ г. Фельдмана чувствуется и любовь и пониманіе самаго искусства, самаго художественнаго мастерства, въ его сужденіяхъ живой интересъ къ жизни и ея проявленіямъ неизмѣнно переплетается и съ интересами эстетическими. И то и другое при близости польской и русской литературъ представляетъ, конечно, и для насъ много новаго и поучительнаго. Книга г. Фельдмана невольно наводитъ на аналогіи, заставляетъ передумать событія и нашей недавней литературной исторіи, увы! еще никѣмъ не представленной въ своей разнообразной цѣлостности.

Евгеній Аничковъ.

ИСТОРІЯ.

С. Платоновъ. «Сборникъ статей» —*Ал. Шумахеръ.* „Императоръ Александръ II". *А. Л. Погодинъ.* „Религія Зороастра". „Жизнь Зороастра".

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи (1883—1902 гг.). Спб. 1903 г. in 8-vo min. Стр. 8+310+4. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 1 руб. 75 коп. «Въ настоящій сборникъ,—пишетъ г. Платоновъ,—вошло все написанное авторомъ по русской исторіи, кромѣ двухъ его диссертацій, предисловій къ изданнымъ имъ текстамъ историческихъ памятниковъ и тѣхъ рецензій, въ которыхъ нѣтъ самостоятельныхъ научныхъ наблюденій автора». Сборникъ является такимъ образомъ своего рода подведеніемъ итоговъ двадцатилѣтней ученой работы г. Платонова. Авторъ извѣстенъ читающей публикѣ, какъ историкъ смутнаго времени московскаго государства, его «Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ», докторская диссертація, въ теченіе двухъ лѣтъ выдержали два изданія, что съ учеными книгами случается у насъ не часто; болѣе серьезному читателю извѣстны и его «Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка», магистерская диссертація. Статьи, вошедшія въ разбираемый сборникъ, въ значительной степени носятъ спеціальный характеръ, почти не выходятъ изъ предѣловъ XVI-го и XVII-го вѣковъ, а частью имѣютъ прямое отношеніе къ той основной темѣ, на которую авторъ потратилъ такъ много времени и труда въ двухъ упомянутыхъ выше диссертаціяхъ. Сборникъ интересенъ прежде всего для спеціалистовъ. Если мы позволяемъ себѣ говорить о немъ въ общемъ журналѣ, то, во-первыхъ, въ силу того, что обществу отнюдь не вредно быть освѣдомленнымъ, вокругъ какихъ вопросовъ и настроеній вращаются интересы современнаго представителя каѳедры русской исторіи въ столичномъ университетѣ, а во-вторыхъ, въ сборникѣ попадаются очерки, вполнѣ доступные для каждаго образованнаго читателя. Г. Платоновъ самъ—воспитанникъ с.-петербургскаго университета и уже много лѣтъ читаетъ въ немъ общій курсъ русской исторіи; съ с.-петербургскимъ университетомъ онъ связанъ очень прочными, не случайными узами. Вотъ почему на одной изъ первыхъ страницъ сборника мы читаемъ заявленіе г. Платонова о посвященіи «итоговъ» двадцатилѣтней работы (1883—1892 гг.) «своей almae matri», т.-е. с.-петербургскому университету. Г. Платоновъ принадлежитъ къ числу осторожныхъ, сдержанныхъ и не особенно плодовитыхъ писателей въ области русской исторіи; быть можетъ, въ силу этого послѣдняго обстоятельства онъ и не могъ обнаружить очень разнообразнаго круга интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, и объемъ разбираемаго сборника не великъ, и темы его статей по существу не отличаются разносторонностью, производя впечатлѣніе какъ бы случайнаго подбора. Достаточно пересмотрѣть примѣчанія автора (на стр. 307—310), спеціально написанныя для разбираемаго сборника, чтобы понять, почему могло получиться такое впечатлѣніе. Подборъ этихъ темъ не столько отражаетъ вкусы самого автора, сколько тѣ или другія явленія въ ученой жизни академическаго Петербурга. Г. Платоновъ академиченъ до чрезвычайности; онъ всегда серьезенъ и дѣловитъ, и если берется за перо, то смѣло можно быть увѣреннымъ, что, какъ говорится, съ плеча онъ ничего не напишетъ: до мелочей будутъ разработаны соображенія ученыя, будутъ строго соблюдены и требованія петербургскаго академическаго быта, весьма сложнаго и чопорнаго. При перепечаткѣ своихъ статей авторъ тщательно навелъ разнообразныя литературныя справки и призналъ необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предложить особыя оправданія для такой перепечатки. Такъ, возражая И. Е. Забѣлину въ замѣткѣ «О началѣ Москвы» (стр. 94 — 103), написанной въ 1890 г., авторъ пишетъ, что въ новомъ трудѣ г. Забѣлина

«Исторія города Москвы» (М. 1902 г.) можно читать на первыхъ страницахъ то же самое, что И. Е. Забѣлинъ докладывалъ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Отмѣчая въ относящейся къ 1891 году статьѣ «Нѣчто о земскихъ «сказкахъ» 1662 года» (стр. 156 — 163) научное значеніе названнаго документа, г. Платоновъ не упустилъ изъ виду даже статью г. Алексѣева въ «Журналѣ для всѣхъ» за 1902 г. и если не упомянулъ о лекціи Ю. В. Готье «Первые земскіе сборы и ихъ происхожденіе», то, конечно, только потому, что третья книга журнала «Научное Слово», въ которомъ она напечатана, вышла въ свѣтъ нѣсколько позднѣе его сборника. Упомянувъ въ замѣткѣ «Къ вопросу о тайномъ приказѣ» (стр. 248—258) относительно условій, при которыхъ исчезала въ половинѣ XVII-го вѣка дѣятельность земскихъ соборовъ, авторъ выражаетъ надежду «возвратиться къ вопросу о концѣ земскихъ соборовъ въ особой статьѣ», и читатель, знакомый съ литературною манерой г. Платонова, едва ли станетъ сомнѣваться въ осуществленіи высказанной надежды, какъ и въ томъ, что при желаніи нашъ авторъ можетъ быть оченъ ядовитымъ, сохраняя по обыкновенію удивительное спокойствіе тона и внѣшнюю незамѣтность своихъ выраженій (срв. примѣчаніе на стр. 309 о мнѣніи М. Ф. Владимірскаго-Буданова по вопросу о происхожденіи четвертей). Рѣшительность и рѣзкость критическихъ нападеній внѣ вкусовъ г. Платонова, равно какъ подчеркиваніе общественной обстановки ученой работы въ современной Россіи.

Не упоминая о статьяхъ, связанныхъ съ исторіей смуты («Новая повѣсть о смутномъ времени XVII-го вѣка», стр. 50—76; «О двухъ грамотахъ 1611 г.», стр. 193—200; «Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о смутномъ времени», стр. 201—210; «О топографіи угличскаго кремля въ XVI—XVII-мъ вѣкахъ», стр. 224—230; «О происхожденіи патріарха Гермогена», стр. 231—235), мы позволимъ себѣ указать прежде всего очерки, которые могутъ быть интересными для большой публики,—«Царь Алексѣй Михайловичъ» (стр. 32—49) и «Столѣтіе кончины императрицы Екатерины II» (стр. 259—277): оба представляютъ рѣчи, читанныя на актахъ с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ 22-го октября 1885 г. и 1-го декабря 1896 г. Выборъ темъ для актовыхъ рѣчей представляется въ данномъ случаѣ очень характернымъ для нашего профессора, у котораго біеніе общественнаго пульса, какъ можетъ казаться, развито весьма слабо. Рѣчь о царѣ Алексѣѣ написана просто и до извѣстной степени живо. Недостатокъ критики авторъ сильно восполнилъ односторонностью самаго изображенія. Авторъ значительно оторвалъ лицо отъ обстановки и оставилъ въ сторонѣ темныя стороны фигуры. Вотъ отчего характеристика отдаетъ панегирикомъ.

Въ рѣчи о Екатеринѣ Второй авторъ не откидываетъ съ презрѣніемъ такихъ точекъ зрѣнія, которыя принято третировать сравнительно давно. Г. Платоновъ, съ свойственной ему терпимостью, принимаетъ во вниманіе эти точки зрѣнія и относится къ нимъ съ такою же научною серьезностью, съ какою разбираетъ новѣйшія ученыя диссертаціи. Г. Платоновъ утверждаетъ, что и нашему времени передалась старая «двойственность отношенія» къ Екатеринѣ II. Мы не думаемъ, чтобы по существу это было такъ. Вѣдь теперь можетъ быть только *одно* отношеніе, отношеніе строго научное, и не къ Екатеринѣ II, а къ Россіи ея времени. Герой интересенъ не самъ по себѣ, а поскольку путемъ характеристики его поведенія вырисовывается данная соціальная среда. Иное дѣло психологическій анализъ личности, но нашъ авторъ не этимъ занятъ.

Весьма интересными характеристиками покойныхъ петербургскихъ профессоровъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (стр. 278—299) и Василія Григорьевича Васильевскаго (стр. 300—306) ограничивается затѣмъ общедоступная часть сборника г. Платонова, и идутъ спеціальныя статьи, въ родѣ

«Замѣтокъ по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ» (стр. 1—31), «Московскихъ волненій 1848 года» (стр. 77 — 93), «Къ исторіи русскаго города XVI-го вѣка» (стр. 104—126), «Къ вопросу о Никоновскомъ сводѣ» (стр. 236—247), «О титулѣ думный дьякъ» (стр. 211—218), «Какъ возникли чети» (стр. 164—185) и, наконецъ, «Къ вопросу о сочиненіяхъ кн. И А. Хворостинина» (стр. 186—192). Намъ остается указать еще одну статью, которая, не будучи общедоступной по обработкѣ, можетъ привлекать всеобщее вниманіе по своей темѣ: «Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 года.» (стр. 219—224). Г. Платоновъ (стр. 309) настаиваетъ на необходимости «спеціальнаго изученія реформъ Грознаго во всей ихъ совокупности»; такое изученіе, по справедливому его утвержденію, только и въ силахъ обезпечить разрѣшеніе многихъ вопросовъ въ исторіи управленія московской Руси.

Вас. Сторожевъ.

Ал. Шумахеръ. Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ его жизни и царствованія. Третье вновь переработанное и дополненное изданіе. Спб. 1903 г. Цѣна 1 рубль. Стр. 207. Эта книга отличается тою аляповатостью и тѣмъ вредящимъ впечатлѣнію пустозвонствомъ, которыя особенно не пріятны въ книгахъ, претендующихъ на названіе историческихъ и посвященныхъ, дѣйствительно, темѣ огромной важности. Эстетическое чувство, даже самое примитивное, всегда страдаетъ, если вмѣсто большой исторической фигуры съ сложнѣйшими мотивами, съ разнообразными свойствами ума и сердца читателю преподносится какой-то лубочный портретъ, совершенно не похожій на дѣйствительность. Когда, наконецъ, гг. Шумахеры и Иловайскіе поймутъ, что историческіе дѣятели не нуждаются вовсе въ ихъ протекціи?

Чувство мѣры покидаетъ нашего автора съ первой же страницы. «По странному стеченію обстоятельствъ, колыбель будущаго царя-освободителя явилась тамъ же, гдѣ была и колыбель царя-преобразователя и перваго императора земли русской—Петра Великаго *): только они двое изъ всѣхъ русскихъ императоровъ были московскими уроженцами». Что же тутъ страннаго? спроситъ простодушный читатель. Можетъ быть, то, что именно Москва мѣшала Петру въ преобразованіяхъ и именно московское дворянство вызвало (совершенно справедливое) недовольство и огорченіе Александра II своимъ упорнымъ будированьемъ противъ освобожденія крестьянъ? Но нѣтъ: г. Шумахеръ нѣсколькими строчками раньше одобрительно называетъ Москву «первопрестольной». Значитъ, не то...

Страницы о воспитаніи Александра Николаевича—очень благодарная и содержательная тема, а что сдѣлалъ тутъ г. Шумахеръ? Какая-то казенная «рапортичка», гдѣ, неизвѣстно по какой причинѣ, вмѣсто «любовью» пишется «любовію», вмѣсто «обходительностью» — «обходительностію» и пр. Въ маѣ 1837 г. цесаревичъ отправился путешествовать. «Желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ то время еще не было,—обязательно сообщаетъ г. Шумахеръ:—существовала одна только Николаевская желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою». Мы принуждены разочаровать нашего историка: Николаевской дороги въ 1837 году и въ поминѣ не было. Извѣстно, что Александръ II, будучи наслѣдникомъ (и государемъ), постоянно искалъ случая ознакомиться съ состояніемъ Россіи. По г. Шумахеру выходитъ, что это было, послѣ перваго путешествія девятнадцатилѣтняго великаго князя, вполнѣ излишне. Вотъ это высоко легкомысленное мѣсто: «во время этого путешествія, продолжавшагося около восьми мѣсяцевъ, юный наслѣдникъ престола имѣлъ случай лично *увидать* и *узнать* быть и *нужды* своего народа; онъ увидѣлъ и *узналъ* свое отечество *и съ хорошей, и съ дурной* стороны, *изучилъ* его внутренній

*) А гдѣ же Петру было родиться? Не въ Петербургѣ же?

складъ, сходился съ людьми, близко знакомыми съ особенностями и потребностями той или другой мѣстности». Дальше идетъ уже, такъ сказать, документально доказуемая неправда: г. Шумахеръ утверждаетъ, что именно *тогда* цесаревичу залегло въ душу исполнить то, что онъ не замедлилъ сдѣлать по воцареніи. Извѣстно, что въ 40-хъ гг. и началѣ 50-хъ гг. цесаревичъ былъ *противъ* уничтоженія крѣпостного права и даже *противъ* частичныхъ, палліативныхъ мѣръ, предлагавшихся кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ. Изъ этого г. Шумахеръ можетъ убѣдиться, какъ хорошо, что Александръ Николаевичъ не держался мнѣнія, будто можно «всесторонне» изучить Россію за одну поѣздку, что онъ *продолжалъ* учиться и знакомиться съ положеніемъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока не призналъ своихъ мнѣній относительно крѣпостного права—ошибочными.

Напрасно читатель будетъ искать живого лица, живого слова у г. Шумахера: унылѣйшая (не взирая на всѣ захлебыванія) словесная кисея съ стереотипными словами, мыслями, оборотами, тянется листъ за листомъ... Реформы также описаны по трафареткѣ. Г. Шумахеръ очень доволенъ, между прочимъ, земскою реформою 1864 года; жаль только, что онъ бесѣдуетъ о ней какъ бы въ настоящемъ времени, тогда какъ она отошла давно въ вѣчность. Это смѣшеніе временъ: настоящаго (praesens) и давнопрошедшаго (plusquamperfectum) можетъ ввести неопытнаго читателя въ заблужденіе. То же самое произошло у г. Шумахера съ восхищеніемъ мировыми судьями и заббвеніемъ земскихъ начальниковъ и т. д.

Вполнѣ лубочно описана русско-турецкая война. Очевидно, г. Шумахеръ ни воспоминаній полковника генеральнаго штаба Паренсова, ни переписки Боткина съ женою, ни цѣлой бездны другихъ авторитетнѣйшихъ свидѣтельствъ и въ глаза не видалъ. Все благолѣпно, восторженно, небывало, безпредѣльно, свято, доблестно, безпримѣрно. И откуда только прилагательныя берутся!

Послѣдняя часть книги—собраніе нѣсколькихъ газетныхъ реляцій: своего, мало-мальски оригинальнаго слова такъ же нѣтъ какъ и въ другихъ частяхъ.

Насъ не удивляетъ ничуть; что произведеніе г. Шумахера выходитъ уже третьимъ изданіемъ. Не удивитъ также, если оно выйдетъ чрезъ нѣкоторое время—тридцать третьимъ. Удивило бы только, если бы хоть одинъ человѣкъ, даже отдаленно, по наслышкѣ хотя бы, знающій исторію, остался доволенъ этою безвкусною и размалеванною передѣлкою исторической правды. *Т.*

Проф. А. Л. Погодинъ. Религія Зороастра.—Проф. Джаксонъ. Жизнь Зороастра. Переводъ А. Л. Погодина. Спб. 1903 г. Ц. 60 к. Изданіе О. Н. Поповой. «Образовательная библіотека». Серія V, № 2. Эта небольшая книжка (146 стр. въ 16-ю долю листа), соединяющая въ себѣ два очерка, родственные по содержанію, повидимому, возникла слѣдующимъ образомъ. Задумавъ перевести очеркъ проф. Джаксона о жизни Зороастра на русскій языкъ, проф. Погодинъ счелъ необходимымъ прибавить въ качествѣ введенія еще и очеркъ религіи Зороастра. Такимъ образомъ одно должно дополнять другое, и оба очерка вмѣстѣ должны дать читателю полное представленіе какъ о религіи Зороастра, такъ и о личности ея основателя. Что проф. Погодинъ считалъ свой очеркъ введеніемъ можно судить по тому, что его очеркъ по объему занимаетъ подчиненное положеніе (всего 55 стр. при 91 страницѣ очерка проф. Джаксона). Поэтому мы должны дать себѣ отчетъ, насколько достигаетъ своей цѣли вся книжка въ цѣломъ. Начнемъ съ главной части. Уже самое заглавіе очерка проф. Джаксона возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе. О жизни Зороастра такъ мало извѣстно, что нѣкоторые ученые считаютъ его миѳическимъ лицомъ, никогда не существовавшимъ. Говоря о «жизни Зороастра», проф. Джаксонъ тѣмъ самымъ указываетъ, что онъ считаетъ Зороастра личностью историческою и даже имѣетъ въ виду дать его біографію. Для этого онъ тща-

тельно собираетъ всѣ преданія о жизни этого религіознаго реформатора и старается извлечь изъ нихъ исторически достовѣрное. Авторъ обѣщаетъ «провести безпристрастно и точно границу между вымысломъ съ одной стороны и фактами—съ другой, поскольку эти послѣдніе могутъ быть признаны достовѣрными, вѣроятными или возможными» (стр. 61). Авторъ не скрываетъ отъ себя того, что «окончательнаго разрѣшенія» этихъ вопросовъ онъ не сможетъ дать. «Нѣкоторымъ покажется,—продолжаетъ онъ,—что она (эта монографія) придаетъ слишкомъ много вѣса преданію; но, за неимѣніемъ другого авторитета, мы должны прибѣгать хотя бы къ нему...» Признаемся, что насъ поразила именно слишкомъ большая вѣра автора въ преданіе, и намъ кажется совершенно непонятнымъ, почему «мы должны прибѣгать» къ преданію за неимѣніемъ болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній. Если достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, то никакими суррогатами ихъ замѣнить нельзя, и монографія проф. Джаксона блестяще это подтверждаетъ. Авторъ заканчиваетъ каждую главу своего изслѣдованія краткимъ «заключеніемъ», въ которомъ излагаетъ свои выводы. Если просмотрѣть сразу эти выводы автора, то скудость результатовъ бросится въ глаза: почти вся біографія состоитъ изъ возможнаго, вмѣсто того чтобы состоять изъ достовѣрнаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ автору даже приходится повѣрить въ чудеса, которыя творилъ Зороастръ, чтобы спасти крупицы преданія. Какъ, напр., можно понять слѣдующій выводъ проф. Джаксона: «Только о немногихъ изъ первыхъ годовъ жизни Зороастра извѣстно намъ по легендамъ о чудесныхъ происшествіяхъ, богато разукрашенныхъ фантазіей?» (стр. 81) На мой взглядъ, намъ можетъ быть извѣстно что-либо только въ томъ случаѣ, если мы вѣримъ «легендамъ о чудесныхъ происшествіяхъ»; иначе, что же намъ можетъ быть извѣстно, «по легендамъ?» Иногда проф. Джаксонъ говоритъ совершенно языкомъ правовѣрнаго послѣдователя Зороастра, для котораго преданіе священно: «Первыя десять лѣтъ существованія религіи прошли, Зороастръ удостоился семи видѣній; откровеніе совершилось; пророкъ выдержалъ искушеніе и нападеніе со стороны силъ зла; онъ пріобрѣлъ и перваго ученика...» (стр. 93). Такимъ же образомъ и дальше факты оказываются все легендарнаго характера и даже о смерти пророка существуетъ нѣсколько легендъ. Насколько все это мало достовѣрно, объ этомъ говоритъ и слѣдующая заключительная фраза проф. Джаксона: «Произошла ли его мученическая кончина въ храмѣ при взятіи Балка, какъ это утверждаютъ позднѣйшіе иранскіе писатели, рѣшить совершенно невозможно, хотя это могло бы случиться въ дѣйствительности». (142). Итакъ, Зороастръ былъ: онъ родился около половины VII-го вѣка до Р. Х.; жилъ, проповѣдывалъ и умеръ въ первой четверти VI-го в. Вотъ и все, что мы знаемъ, или вѣрнѣе, чему мы можемъ вѣрить изъ біографіи Зороастра.

Но всякое легендарное житіе основателя религіи интересно для насъ и съ другой стороны: оно отражаетъ въ себѣ религіозные идеалы послѣдователей данной религіи, и съ этой точки зрѣнія жизнеописаніе Зороастра должно интересовать насъ все цѣликомъ, со всѣми миѳическими и невѣроятными прикрасами. Къ сожалѣнію, и здѣсь мы не имѣемъ стройной легенды (какова, напр., легенда о Буддѣ), а имѣемъ только отрывки легендъ. Такимъ образомъ, эти отрывки не могутъ познакомить насъ и съ духомъ религіи Зороастра. Вотъ почему очеркъ проф. Погодина о религіи Зороастра является почти необходимымъ для русскаго читателя. Въ сущности, этотъ очеркъ гораздо интереснѣе джаксоновскаго жизнеописанія Зороастра, такъ какъ даетъ довольно вѣрную картину зороастровой религіи. Мнѣ кажется только, что изображеніе было бы ближе къ истинѣ, если бы авторъ сильнѣе оттѣнилъ смѣшанный характеръ зороастризма, его поклоненіе Ормузду съ сонмомъ добрыхъ силъ, его вѣру въ Аримана съ воинствомъ злыхъ духовъ и, наконецъ, его вѣру въ силу огня и всякаго рода чаръ

и заклинаній. Не слѣдуетъ изъ всего этого пестраго смѣшенія выдѣлять особенно поклоненіе Ормузду (Ахура Мазда), вѣру въ окончательную побѣду добра и т. п. положительныя черты, такъ какъ это подчеркиванье ведетъ къ излишнему и совершенно несправедливому возвеличенію зороастризма. Истинный зороастризмъ характеризуется именно этимъ смѣшеніемъ, а оцѣнка религіи по количеству произвольно избранныхъ положительныхъ чертъ — дѣло крайне опасное. Не подъ вліяніемъ ли этой переоцѣнки проф. Погодинъ высказываетъ даже мысль, что персидскій походъ на Грецію «въ случаѣ удачи вовсе не былъ бы такъ гибеленъ для европейской культуры, какъ это мы привыкли думать» (стр 20). Какъ знать? Но во всякомъ случаѣ зороастризмъ не даетъ никакого права думать, что персидская культура того времени повліяла бы благотворно на греческую.

Отмѣчая эту переоцѣнку зороастризма, мы хотимъ только предупредить читателя, чтобы онъ не подпадалъ подъ вліяніе взглядовъ автора, а старался бы самъ составить себѣ представленіе о религіи зороастризма по тѣмъ даннымъ, которыя даны въ очеркѣ проф. Погодина. Фактическая сторона его вполнѣ удовлетворительна. Намъ кажется только, что терминъ «маздаянцы», который авторъ постоянно употребляетъ для обозначенія поклонниковъ Мазды, не совсѣмъ удаченъ. Мнѣ непонятно даже, какъ авторъ пришелъ къ образованію такого слова. Или, можетъ быть, по аналогіи съ «помпейянцами», сторонниками Помпея? Въ связи съ этимъ, повидимому, стоитъ ошибка автора въ названіи ученія Зороастра. На стр. 18 и въ другихъ мѣстахъ ученіе Зороастра названо «Маздаясна», между тѣмъ этимъ именемъ называются именно «поклонники Мазды»; такимъ образомъ, вмѣсто «маздаянцевъ» слѣдовало бы всюду говорить о «маздаяснахъ». Другихъ неточностей мы не замѣтили. Мѣстами нѣкоторая шероховатость слога не портитъ, однако, общаго хорошаго впечатлѣнія, и мы смѣло рекомендуемъ эту книгу тѣмъ, кто интересуется религіей Зороастра. *Д. Кудрявскій.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

П. Масловъ. „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи“.—*П. Мигулинъ.* Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика“.—*А. Веберъ.* „Ростъ городовъ въ XIX-мъ столѣтіи“.—*Кулеманъ.* „Профессіональное движеніе“. David Koigen „Die Kulturanschaung des socialismus“

П. Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Опытъ анализа сельскохозяйственныхъ отношеній. Часть I. Общія условія развитія сельскаго хозяйства. Часть II. Крестьянское хозяйство въ Россіи. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к. Г. Масловъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія одну изъ самыхъ важныхъ, но и самыхъ трудныхъ соціально-экономическихъ проблемъ нашего времени, такъ какъ научное разрѣшеніе аграрнаго вопроса встрѣчаетъ серьезныя препятствія не только въ сложности аграрныхъ отношеній, но и въ общемъ состояніи современной экономической науки. Г. Масловъ справедливо указываетъ, что до сихъ поръ экономическая теорія не удѣляла должнаго вниманія аграрнымъ отношеніямъ и что кромѣ теоріи ренты—также, однако, спорной и малоразработанной—не существуетъ почти никакихъ теоретическихъ построеній, болѣе или менѣе удовлетворительно освѣщающихъ огромный матеріалъ фактовъ и цифръ изъ области аграрнаго вопроса. Авторъ могъ бы добавить, что и другія области политической экономіи раздѣляютъ ту же участь подъ вліяніемъ настойчивой критической работы, совершающейся въ послѣдніе годы. При такихъ условіяхъ изслѣдователь находится въ исклю-

чительно неблагопріятномъ положеніи. Онъ вынужденъ поневолѣ уклоняться отъ своей спеціальной частной задачи, разсматривать наиболѣе основныя положенія науки и устанавливать свое отношеніе даже къ общимъ философскимъ теченіямъ. Подобная работа приводитъ къ цѣннымъ результатамъ, такъ какъ она естественно сопровождается нѣкоторою несистематичностью и, кромѣ того, требуетъ такихъ теоретическихъ силъ, которыя не всегда оказываются налицо даже у прекрасныхъ изслѣдователей частныхъ конкретныхъ вопросовъ. Г. Масловъ, напримѣръ, долженъ былъ въ работѣ по аграрному вопросу выяснить свое пониманіе общихъ философскихъ, соціологическихъ и экономическихъ проблемъ, какъ свобода воли и необходимость и закономѣрность историческаго процесса, движущія причины хозяйственнаго развитія общества, теорія цѣнности и т. п. Эти попытки не могутъ быть признаны удачными. Мы не можемъ разсматривать всѣ построенія г. Маслова, но его теорія хозяйственнаго развитія общества имѣетъ такое непосредственное отношеніе къ дальнѣйшимъ выводамъ его изслѣдованія, что на ней необходимо остановиться.

По мнѣнію г. Маслова, «основнымъ факторомъ, который опредѣляетъ хозяйственную дѣятельность человѣка при всякихъ условіяхъ», является стремленіе къ развитію производительныхъ силъ. «Развитіе производительныхъ силъ, являясь результатомъ субъективныхъ стремленій, въ то же время является объективно необходимымъ факторомъ хозяйственнаго развитія. Этимъ факторомъ будетъ опредѣляться система, организація и форма хозяйства, поскольку онѣ зависятъ отъ развитія производительныхъ силъ» (стр. 33). «Развитіе производительныхъ силъ является тою основною нитью, которая тянетъ общество по пути хозяйственнаго развитія» (стр. 12). Итакъ, развитіе производительныхъ силъ—основной факторъ хозяйственной эволюціи. Но вмѣстѣ съ нимъ г. Масловъ открываетъ и другой «основной» факторъ. Оказывается, что въ основаніе изученія хозяйственныхъ отношеній страны и ихъ развитія должны быть положены ростъ населенія и развитіе производительныхъ силъ (стр. 28). Возникаетъ даже предположеніе, что ростъ населенія является первичною причиною. По крайней мѣрѣ, на стр. 13 мы читаемъ, что «ростъ населенія и хозяйственная эволюція общества приводятъ (мелкое хозяйство)... «къ развитію производительныхъ силъ». Далѣе, число «факторовъ» еще увеличивается. «Въ эпоху натуральнаго хозяйства,—говоритъ г. Масловъ на стр. 98,—система сельскаго хозяйства или, правильнѣе, способы добыванія продуктовъ питанія измѣняются подъ вліяніемъ роста населенія, причемъ размноженіе населенія при данной технической организаціи хозяйства начинаетъ создавать съ извѣстнаго момента перенаселеніе, ведущее или къ перемѣнѣ организаціи хозяйства, или къ эмиграціи и вымиранію». Съ развитіемъ же обмѣна «гораздо болѣе основаній было бы объяснять хозяйственную эволюцію общества не ростомъ населенія, а ростомъ потребностей» (стр. 97). Такимъ образомъ, біологическіе, психологическіе и экономическіе факторы сбиты г. Масловымъ въ запутанный клубокъ, и взаимное соотношеніе ихъ не только не выяснено съ должною опредѣленностью, но затемнено неточнымъ противорѣчивымъ изложеніемъ. Въ итогѣ, расплывчатая и путанная теорія хозяйственной эволюціи, построенная г. Масловымъ, не имѣетъ никакого научнаго значенія и является одною изъ многочисленныхъ эклектическихъ попытокъ, никогда и ничего не способныхъ объяснить.

Иную цѣнность представляетъ спеціальное изслѣдованіе г. Масловымъ аграрныхъ отношеній въ зависимости отъ роста населенія и общаго состоянія производительныхъ силъ страны. Авторъ замѣчаетъ, что аграрный вопросъ въ Россіи обыкновенно разсматривается, какъ вопросъ объ общинѣ, дифференціаціи, капитализмѣ и проч. Между тѣмъ, это—вопросы второстепенные. Главною задачею при рѣшеніи аграрнаго вопроса является опредѣленіе связи

между состояніемъ производительныхъ силъ страны и создаваемымъ имъ типомъ хозяйства. Слѣдовательно, дѣло сводится къ тому, чтобы выяснить направленіе, въ которомъ развиваются производительныя силы общества, и изучить типы хозяйствъ, которые неизбѣжно нарождаются въ извѣстныя стадіи этого развитія. Не размѣры хозяйства, не организація производства, не формы землевладѣнія сами по себѣ рѣшаютъ грядущія судьбы сельскаго хозяйства. Въ данный моментъ община можетъ развиваться, дифференціація крестьянства—не происходить, натуральное хозяйство—господствовать, но эти явленія и ихъ будущее станутъ ясными и понятными только тогда, когда мы изслѣдуемъ и рѣшимъ означаютъ-ли они развитіе производительныхъ силъ, или хозяйственный регрессъ. Эти мысли далеко не такъ новы, какъ, судя по нѣкоторымъ опрометчивымъ выраженіемъ, предполагаетъ г. Масловъ, но послѣдовательное и отчетливое примѣненіе, ихъ къ различнымъ явленіямъ хозяйственной жизни составляетъ несомнѣнную заслугу автора. Въ первой части своей работы г. Масловъ пытается опредѣлить общіе законы сельскохозяйственной эволюціи. Онъ устанавливаетъ тѣ формы, которыя принимаетъ процессъ развитія производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ, т.-е. промышленную дифференціацію, концентрацію капитала и концентрацію производства, и изслѣдуетъ вліяніе развитія производительныхъ силъ на аренду, на форму хозяйства, на организацію производства и т. д. Особенное вниманіе при этомъ онъ посвящаетъ анализу борьбы капиталистической и некапиталистической (продовольственной) аренды подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, борьбы, которая, по воззрѣніямъ автора, составляетъ центральный пунктъ аграрнаго вопроса. Здѣсь же авторъ строитъ собственную теорію земельной ренты, которая отличается отъ общепринятой тѣмъ, что г. Масловъ признаетъ паденіе производительности послѣдовательныхъ затратъ труда на одну и ту же площадь земли и отрицаетъ существованіе абсолютной ренты, образующейся вслѣдствіе различнаго строенія земледѣльческаго и промышленнаго капиталовъ. Въ конечномъ итогѣ авторъ остается вѣрнымъ основной точкѣ зрѣнія Маркса, что развитіе производительныхъ силъ, при современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, сопровождается концентраціей земледѣльческихъ хозяйствъ съ одной стороны и ихъ пролетаризаціей съ другой. Парцеллярныя хозяйства г. Масловъ, вслѣдъ за Каутскимъ, выдѣляетъ въ особую группу пролетарскихъ хозяйствъ. Къ тѣмъ же общимъ выводамъ приводитъ г. Маслова и изученіе состоянія производительныхъ силъ въ Россіи. При этомъ авторъ совершенно основательно принимаетъ во вниманіе громадное различіе естественныхъ и экономическихъ условій въ различныхъ районахъ такой обширной страны, различіе, которое дѣлаетъ возможнымъ развитіе производительныхъ силъ въ одномъ районѣ въ то время, какъ въ другомъ наблюдается ихъ паденіе. По этому и формы хозяйственной жизни Россіи не отличаются однообразіемъ на всемъ ея протяженіи. Тамъ, гдѣ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ экономическихъ и соціальныхъ условій образуется избыточное населеніе и происходитъ паденіе производительныхъ силъ, наблюдаются продовольственная аренда, мелкія хозяйства сельскихъ рабочихъ, низкая заработная плата и уходъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ на сторону. Такимъ характеромъ отличается хозяйственная жизнь центральныхъ губерній. На оборотъ, на окраинахъ, гдѣ производительныя силы развиваются, изслѣдователь встрѣчаетъ капиталистическую аренду, преобладаніе крупныхъ хозяйствъ, наемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Слѣдовательно, такъ или иначе, но развитіе производительныхъ силъ, которое можетъ иногда замедляться, но не можетъ остановиться, неизбѣжно приведетъ къ торжеству капиталистическихъ отношеній и въ области сельскаго хозяйства. Это единственный выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ теперь находится мелкое хозяйство и которое влечетъ за собою эмиграцію или вымираніе на-

селенія. Правда, г. Масловъ признаетъ, что концентрація хозяйствъ можетъ совершиться и путемъ кооперації, но, къ сожалѣнію, этотъ чрезвычайно важный и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи вопросъ оставленъ авторомъ безъ должной разработки. Шаблонная ссылка на невозможность этого пути «при данныхъ общественныхъ условіяхъ», разумѣется, даетъ слишкомъ мало, чтобы ею удовлетвориться. Теоретическій анализъ аграрныхъ отношеній только тогда будетъ дѣйствительно цѣннымъ, если онъ укажетъ опредѣленно путь, которымъ *должна* пойти хозяйственная эволюція, несмотря на измѣнчивыя общественныя условія. Изслѣдованія же, расплывающіяся на различныхъ «возможностяхъ», даютъ слишкомъ мало, чтобы сдѣлаться опорными пунктами. Между тѣмъ, г. Масловъ въ вопросѣ о будущемъ крестьянскаго хозяйства, въ опредѣленіи дальнѣйшаго хода развитія производительныхъ силъ съ почвы долженствующаго часто переходитъ на почву возможнаго и тѣмъ самымъ лишаетъ свои выводы первоначальной твердости, вслѣдствіе чего на его работѣ лежитъ печать какой-то туманности мысли и эклектизма, свойственнаго критическому періоду, переживаемому нынѣ политической экономіей. Тѣмъ не менѣе постановка вопроса, изслѣдованія отдѣльныхъ экономическихъ явленій, какъ, напримѣръ, кустарныхъ промысловъ и сельскохозяйственнаго отхода, содержатъ много цѣннаго и вѣрнаго. Поэтому мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что хотя книга г. Маслова нисколько не разрѣшаетъ аграрнаго вопроса, но онъ является полезною, отчасти даже необходимою, вѣхою на той дорогѣ, которая приведетъ къ разрѣшенію этой сложной и важной проблемы.

Ник. Іорданскій.

П. П. Мигулинъ. Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы (1893—1901). Харьковъ 1903. Стр. III, 360 VI, ц. 2. Эта книга, хотя и имѣетъ самостоятельное заглавіе, является однимъ изъ выпусковъ обширнаго сочиненія проф. П. Мигулина: «Русскій государственный кредитъ, опытъ историко-критическаго обзора». Первый томъ этого замѣчательнаго труда (Харьковъ, 1899) посвященъ эпохѣ 1769—1886, второй министерству И. А. Вышнеградскаго, третій—министерству С. Ю. Витте. Въ первомъ выпускѣ 3-го тома изслѣдуются конверсіонныя операціи 1893—1901 гг. во второмъ реформа денежнаго обращенія, третій изданъ подъ выписаннымъ нами заглавіемъ, а 4-ый и 5-ый выпуски еще не появились въ свѣтъ. Богатство и полнота матеріала, самостоятельно обработаннаго, критически провѣреннаго и отчасти впервые собраннаго, сообщаютъ труду проф. Мигулина большую и прочную научную цѣнность, а простота, которой отличается планъ сочиненія и руководящія точки зрѣнія автора, дѣлаютъ его доступнымъ и интереснымъ даже для тѣхъ, кто мало знакомъ съ финансовой наукой и кого могли бы испугать, съ перваго взгляда, длинныя страницы, наполненныя сплошь цифрами и цифрами.

Авторъ имѣлъ полное основаніе выпустить настоящій 3-й вып. 3 тома отдѣльнымъ изданіемъ: онъ представляетъ самостоятельный интересъ и можетъ быть полезенъ для практическаго рѣшенія неотложныхъ, поставленныхъ жизнью вопросовъ. Авторъ имѣлъ возможность пользоваться матеріаломъ, недоступнымъ для громаднаго большинства критиковъ нашего министерства финансовъ. (Проф. Мигулинъ говоритъ, что соотвѣтствующій документальный матеріалъ использованъ въ его книгѣ, даже полнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ томахъ оффиціальнаго изданія: «Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ» *). Такое привиллигированное положеніе автора, въ качествѣ критика важнѣйшей отрасли нашего государственнаго

*) Объ этомъ оффиціальномъ изданіи былъ данъ отзывъ въ № 6 «Міра Бож.» за 1903 г.

хозяйства, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что проф. Мигулинъ, повидимому, относится къ современнымъ руководителямъ нашей финансовой политики, съ министромъ С. Ю. Витте во главѣ, свободно и безпристрастно: отдавая должное ихъ энергіи и талантамъ, онъ не стѣсняется высказывать по ихъ адресу рѣзкіе упреки.

Противники нашего министерства финансовъ изъ либеральнаго лагеря найдутъ въ книгѣ проф. Мигулина достаточное количество данныхъ для подкрѣпленія своихъ нападокъ на министерство. Тутъ можно прочесть и про «наивное желаніе замаскировать ростъ государственной задолженности» (7), и про «боязнь уменьшить хотя нѣлного дивидентъ акціонеровъ общества» (88), и про «неправильное пониманіе министерствомъ финансовъ истинныхъ государственныхъ интересовъ» (223). Можно узнать довольно точную цифру милліоновъ, подаренныхъ капиталистамъ за счетъ государственныхъ средствъ либо по неумѣнью, либо просто «безъ всякихъ основаній», «безъ всякой нужды» (278). Проф. Мигулинъ повторяетъ также обычное обвиненіе, выдвигаемое противъ министерства финансовъ, въ чрезмѣрномъ увлеченіи желѣзнодорожнымъ строительствомъ и пренебреженіи къ другимъ культурнымъ государственнымъ задачамъ. «У насъ,» говоритъ авторъ, «искусственно (и неудачно) создается то, что въ другихъ странахъ получилось естественнымъ путемъ, мы остаемся въ лаптяхъ, но надѣваемъ на голову цилиндръ». (358)

Тѣмъ не менѣе, между обычной критикой либеральныхъ публицистовъ и критикой проф. Мигулина есть существенная разница. Публицисты критикуютъ съ точки зрѣнія справедливости, проф. Мигулина — съ точки зрѣнія національнаго могущества. Для публицистовъ, главный грѣхъ современной политики—несправедливое служеніе интересамъ экономически сильныхъ классовъ въ ущербъ интересамъ большинства, для проф. Мигулина главный грѣхъ—слабость и робость. Желаніе твердой, рѣшительной, самоувѣренной политики и сожаленіе о недовѣріи финансоваго вѣдомства къ собственнымъ силамъ и къ силамъ Россіи—все что объединяетъ общею мыслью отдѣльные томы «Русскаго государственнаго кредита» и отдѣльныя главы разбираемой книги. Казалось бы, трудно упрекать въ недостаткѣ рѣшительности и самоувѣренности современныхъ дѣятелей финансоваго вѣдомства, но тѣмъ убійственнѣе оказывается критика проф. Мигулина тамъ, гдѣ онъ доказываетъ слабость и робость именно тѣхъ, кто хотѣлъ бы быть и казаться сильнымъ и смѣлымъ. Больше всего поводовъ къ подобнаго рода упрекамъ авторъ имѣетъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніяхъ правительства къ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Отношеніямъ этимъ посвящены 1 и 2 глава разбираемой книги. Въ 1-ой главѣ (стр. 1—193) изслѣдуется дѣятельность частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ за послѣднее десятилѣтіе; во второй (стр. 194—279) выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну за тотъ же періодъ. По отношенію къ дѣйствующимъ жел.-дор. обществамъ нерѣшительность финансоваго вѣдомства сказалась, по мнѣнію проф. Мигулина, въ выпускѣ гарантированныхъ правительствомъ частныхъ займовъ вмѣсто государственныхъ; по отношенію же къ выкупаемымъ дорогамъ—въ излишней боязни недовольствія со стороны акціонеровъ выкупаемыхъ дорогъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ финансовое вѣдомство, въ своей оцѣнкѣ государственнаго кредита Россіи слишкомъ робко прислушивалось къ мнѣнію капиталистовъ, по преимуществу иностранныхъ. Разрѣшая гарантированные правительствомъ частные займы, финансовое вѣдомство почему-то полагало, что капиталисты болѣе охотно дадутъ свои деньги частнымъ обществамъ, чѣмъ правительству. Между тѣмъ гарантированные частные займы были и остаются замаскированнымъ государственнымъ кредитомъ Въ дѣйствительности, частныя желѣзныя дороги строились въ 90-хъ годахъ, какъ и въ 60-хъ и 70-хъ при

помощи государственнаго кредита. Капиталисты давали деньги на желѣзныя дороги только въ силу правительственной гарантіи. Но правительство не рѣшалось прямо выступать должникомъ отъ собственнаго имени и этимъ лишало себя въ пользу частныхъ обществъ многихъ правъ и выгодъ, по справедливости ему принадлежащихъ. Точно также и при выкупѣ дорогъ чрезмѣрныя притязанія собственниковъ не встрѣчали достаточно сильнаго и рѣшительнаго отпора, ибо финансовое вѣдомство не желало раздражать «дѣловыя» сферы, опасаясь урона для государственнаго кредита. Такъ напр., акціонеры юго-западныхъ дорогъ получили $2^1/_2$ милл. р. дополнительнаго вознагражденія сверхъ того, что они могли получить по праву, «единственно въ виду возможныхъ нареканій со стороны иностранцевъ—спекулянтовъ на пристрастіе русскаго суда» (247). Въ третьей и послѣдней главѣ, посвященной казенному желѣзнодорожному хозяйству въ 1893—1902 гг. (стр. 280—360), г. Мигулинъ признаетъ, что усиленное сооруженіе казенныхъ бездоходныхъ линій (въ томъ числѣ Сибирской) потребовало чрезмѣрныхъ жертвъ отъ населенія. Онъ желаетъ сокращенія желѣзнодорожнаго строительства. Но въ то же время онъ руководствуется принципомъ, что «раскупоривъ бутылку, нужно пить вино,—по французской мудрой поговоркѣ»; «широкій размахъ только потому и влечетъ за собою экономическія бѣдствія, что мы никогда ни умѣемъ довести дѣло до конца и отступаемъ передъ мнимыми препятствіями, фиктивными угрозами» (312). Соорудивъ Сибирскую дорогу, нужно извлечь изъ нея какъ можно больше выгодъ а для этого придется потратить на оборудованіе Сибири рельсовыми путями не менѣе средствъ, чѣмъ до сихъ поръ затрачено на сооруженіе магистрали. Авторъ жалѣетъ, что Сибирская желѣзная дорога все таки запоздала и что «наши дѣйствія въ Манчжуріи были столь нерѣшительны» (301). Мало того: онъ считаетъ необходимымъ немедленное сооруженіе на русскія деньги дороги къ Персидскому заливу (317). «Преобладаніе наше въ Персіи является для насъ вопросомъ первостепенной государственной важности...» (316). Къ сожалѣнію наша политика въ Персіи робка и неувѣренна...» (317).

Вообще, весь трудъ проф. Мигулина проникнутъ яркимъ національнымъ. Онъ полагаетъ, что судьбы государственнаго кредита находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ характера внѣшней политики: государственный кредитъ можетъ стоять высоко только тогда, когда правительство проявляетъ рѣшительность и смѣлость по отношенію къ другимъ государствамъ, ничѣмъ не поступаясь въ ихъ пользу. Русская же внѣшняя политика со времени Павла носила характеръ благотворительности и безкорыстія. Наши дипломаты всегда проявляли непозволительную уступчивость и пренебреженіе національными историческими задачами. Наши финансовыя неудачи объясняются нашею уступчивостью въ международной борьбѣ («Русскій государственный кредитъ», т. I, стр. 14—15, 43—45, 460 и въ др. мѣстахъ). Въ настоящее время проф. Мигулинъ считаетъ необходимымъ полное присоединеніе Манчжуріи къ русскимъ владѣніямъ («если бы паче чаянія Японіи и Англіи вздумалось помѣшать этому присоединенію, имъ можно было бы дать хорошій урокъ», стр. 174) и сознательное обезпеченіе выхода для Россіи къ Персидскому заливу и Средиземному морю.

Точка зрѣнія національнаго могущества, съ которой проф. Мигулинъ критикуетъ финансовое вѣдомство, даетъ ему, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, безспорныя преимущества передъ либеральными публицистами, критикующими финансовую политику съ точки зрѣнія справедливости. Проф. Мигулинъ ближе подходитъ къ мотивамъ критикуемыхъ дѣятелей, больнѣе прикасается къ ихъ психологіи. Чтобы понять и оцѣнить любое историческое явленіе, нужно исходить изъ мотивовъ дѣйствующихъ историческихъ лицъ, а не подставлять соб-

ственныхъ мотивовъ. Чтобы быть справедливымъ къ законодателямъ или администраторамъ, нужно считаться съ тѣми цѣлями, которыя они сами себѣ ставятъ. Финансовое вѣдомство хочетъ быть сильнымъ и оцѣнивать его нужно съ точки зрѣнія силы. Рекомендуя ему подоходный налогъ, требуя ослабленія податного бремени, указывая на неравномѣрное распредѣленіе государственныхъ налоговъ и повинностей, съ одной стороны, и государственныхъ воспособленій и поощреній—съ другой, либеральные публицисты часто попадаютъ въ смѣшное положеніе наивныхъ и безобидныхъ критикановъ, которыхъ никто не слушаетъ и никто не принимаетъ въ серьезъ. Наивность критиковъ заключается въ томъ, что жертвы и несправедливости, ими будто бы открываемыя, совершенно сознательно принимаются въ разсчетъ руководителями политики и даже возводятся въ систему. Какъ полководецъ заранѣе идетъ на жертвы, на потерю своихъ солдатъ, такъ и финансовое вѣдомство идетъ на тяжкое обремененіе плательщиковъ податей, на жертвы со стороны цѣлыхъ классовъ населенія и цѣлыхъ поколѣній. Оно оправдывается интересами государства, требующими жертвъ. Оно руководится идеей развитія національныхъ силъ. Оно говоритъ: Россія недостаточно богата, чтобы тратить свои силы на такія-то нужды; или (смотря по надобности): Россія достаточно сильна, чтобы выдержать такія-то жертвы и пережить такой-то кризисъ. Для критики подобныхъ сужденій нужно стать на точку зрѣнія силы.

Но и г. Мигулинъ, какъ всѣ націоналисты, не даетъ прочнаго критерія для окончательной исторической оцѣнки. Недостаточно стать на точку зрѣнія національнаго могущества; нужно еще опредѣлить, какъ понималось національное могущество въ данную эпоху данными дѣятелями и насколько это пониманіе соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ народа и его дѣйствительнымъ силамъ. Націоналисты же зачастую просто отожествляютъ національное могущество со всѣми возможными добродѣтелями. Они принимаютъ, что всякое стремленіе къ силѣ должно сопровождаться смѣлостью, рѣшительностью, откровенностью, благородствомъ. И этотъ свой повышенный идеалъ силы они хотятъ навязать историческимъ дѣятелямъ, также какъ либералы и демократы навязываютъ имъ свой идеалъ справедливости. Тѣ и другіе одинаково рискуютъ остаться непонятыми и сами не понять исторіи. Наивность либераловъ и демократовъ заключается въ томъ, что они требуютъ справедливости отъ тѣхъ, кто вовсе не считаетъ своей обязанностью заботиться о справедливости. Наивность націоналистовъ заключается въ томъ, что они требуютъ смѣлости, рѣшительности и гордости отъ тѣхъ, кто вовсе не считаетъ своею обязанностью обнаруживать смѣлость, рѣшительность и гордость. Дипломаты и финансисты могутъ по своему заботиться о силѣ своего народа и въ то же время возводить въ систему не смѣлость, а скрытность, не рѣшительность, а хитрость, не гордость, а терпѣливость. Восточные дипломаты принципіально предпочитаютъ хитрость, коварство и скрытность всѣмъ прочимъ методамъ. Г. Мигулинъ упрекаетъ нашихъ дипломатовъ и финансовыхъ дѣятелей въ уступчивости иностранцамъ. Но, можетъ быть, эта уступчивость была системой, сознательно принятой? Г. Мигулинъ считаетъ унизительными подачки въ пользу капиталистовъ при выдачѣ концессій и выкупѣ дорогъ. Но, можетъ быть эти подачки и это самое униженіе были сознательно приняты въ разсчетъ, какъ цѣна за нѣкоторыя выгоды, болѣе цѣнныя съ точки зрѣнія критикуемыхъ дѣятелей? Г. Мигулинъ негодуетъ на то, что Манчжурія не объявлена прямо русской территоріей. Но не наивность ли требовать такой откровенности и рѣшительности? Не наивность ли предполагать, что оффиціальная передача Манчжуріи въ руки Китая обозначаетъ просто подарокъ китайскому правительству?

Раньше, чѣмъ обвинять политическихъ дѣятелей въ уступчивости и от-

сутствіи смѣлости, нужно сговориться, какую цѣну имѣютъ смѣлость и откровенность сами по себѣ. Раньше, чѣмъ осуждать внѣшнюю политику за нерѣшительность, нужно разсмотрѣть, можетъ ли она быть рѣшительной. Націоналисты забываютъ, что во внѣшней политикѣ мы можемъ проявлять только тѣ добродѣтели, которыя сами уважаемъ и воспитываемъ въ своей внутренней жизни. Проф. Мигулинъ много говоритъ о недостаткѣ смѣлости въ нашей финансовой политикѣ по отношенію къ иностранцамъ. Но онъ почти не касается смѣлости финансоваго вѣдомства по отношенію къ русскимъ обывателямъ. Первый признакъ смѣлости и сознанія своей силы есть, какъ извѣстно, откровенность и гласность. Проф. Мигулинъ мимоходомъ хвалитъ финансовое вѣдомство за уваженіе къ гласности. «Такое уваженіе,—говорится въ одномъ мѣстѣ,—и довѣріе къ общественному мнѣнію со стороны финансоваго вѣдомства необходимо привѣтствовать и вмѣнить въ крупную заслугу С. Ю. Витте, показавшаго себя и здѣсь истинно крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, не боящимся критики своихъ дѣйствій» (277). Но одного такого мимолетнаго замѣчанія слишкомъ мало. Для оцѣнки русскаго государственнаго кредита (и между прочимъ для оцѣнки унизительныхъ подачекъ и уступокъ иностраннымъ капиталистамъ) нужно основательно и всесторонне разсмотрѣть вопросъ о довѣріи финансоваго вѣдомства къ русскому обывателю и о довѣріи русскаго обывателя къ финансовому вѣдомству. Конечно, мы нѣсколько подвинулись впередъ отъ эпохи гр. Канкрина, когда наилучшимъ средствомъ поддержанія государственнаго кредита считалось сохраненіе въ дѣлѣ финансовъ глубочайшей тайны (см. «Русск. гос. кредитъ», т. I, стр. 93) и, можетъ быть, даже отъ эпохи министра гр. Воронченко, который въ оффиціальныхъ росписяхъ утаилъ свыше 300 милліоновъ дефицита за 8 лѣтъ, какъ это впослѣдствіи было удостовѣрено государственнымъ контролемъ (тамъ же, стр. 167—168). Но и теперь самому проф. Мигулину неоднократно приходится жаловаться на отсутствіе точныхъ свѣдѣній по многимъ вопросамъ и на разногласіе между оффиціальными заявленіями и провѣренными документальными данными. А вѣдь смѣлость и откровенность выражается вовсе не въ одномъ только опубликованіи тѣхъ или иныхъ цифръ и ихъ краткаго оправданія. Взаимное довѣріе, между плательщиками и собирателями податей, безъ котораго немыслимъ смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій, сказывается на всей системѣ податей и повинностей, воспособленій и поощреній. Косвенные налоги несомнѣнно допускаютъ болѣе низкій minimum довѣрія, чѣмъ прямые. И въ концѣ концовъ, изслѣдуя силу финансовой политики, мы неизбѣжно вернемся и къ точкѣ зрѣнія справедливости. Въ окончательномъ результатѣ должны совпасть и оцѣнка съ точки зрѣнія справедливости и оцѣнка съ точки зрѣнія силы. Въ отдѣльности же обѣ эти точки зрѣнія, какъ онѣ обыкновенно примѣняются, недостаточны, хотя обѣ имѣютъ свои преимущества. Мы указали на преимущества той точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ «Русскаго государственнаго кредита». Недостатки же этого труда коренятся въ исключительномъ вниманіи къ внѣшнимъ проявленіямъ національныхъ силъ и силъ государственнаго кредита и въ пренебреженіи къ внутреннимъ основаніямъ народной, а слѣдовательно, и государственной силы. «Внѣшняя политика наша—говоритъ въ одномъ изъ прежнихъ выпусковъ проф. Мигулинъ,—въ цѣляхъ охраненія валюты и нашего государственнаго кредита, должна быть прямой, смѣлой и твердой, хотя, конечно, и вполнѣ мирной» («Русск. гос. кред.», т. III, в. II, стр. 436). Прекрасное пожеланіе! Но оно осуществится только тогда, когда и во внутренней политикѣ водворятся прямота, смѣлость, твердость и миръ.

А. Рыкачевъ.

Ростъ городовъ въ XIX-мъ столѣтіи. А. Вебера. Переводъ съ англійскаго А. Н. Котельникова. Изданіе Е. Д. Кусковой. Спб. 1093. 464 стр.

Ц. 2 р. 50 коп. Занимающіеся историческими и соціально-экономическими вопросами, если они не прочли еще книги Вебера въ подлинникѣ, скажутъ больше спасибо переводчику и издательству за эту книгу. Работа эта по существу своему не могла не оказаться обильно снабженною статистическими таблицами, но пусть и малоподготовленные читатели не смущаются: важны нѣкоторые выводы труда, отличающіеся именно вслѣдствіе этихъ таблицъ особенною убѣдительностью. Но указывая читателямъ нашего журнала на существованіе тѣхъ фактическихъ выводовъ, которые дѣлаютъ книгу Вебера цѣннымъ вкладомъ въ нашу переводную научную литературу, и изъ-за которыхъ ее стоитъ внимательно прочитать и «проштудировать», отмѣтимъ одинъ ея недостатокъ, находящійся въ полной дисгармоніи съ внутреннимъ смысломъ всего содержанія: мы говоримъ о какой-то странной не то сбивчивости, не то пугливости, съ которой кое-гдѣ авторъ относится къ роли городовъ въ общественной жизни. Уже въ эпиграфѣ ко всему труду (изъ Г. Теккера) читаемъ, между прочимъ: «По политическимъ и нравственнымъ причинамъ города менѣе благопріятствуютъ увеличенію населенія: въ глазахъ моралиста они представляютъ болѣе широкое поле для развитія добра и порока, а населеніе ихъ болѣе склонно ко всякаго рода нововведеніямъ, будутъ ли то хорошія или дурныя. Любовь къ гражданской свободѣ, можетъ быть, болѣе сильна и постоянна въ селахъ, чѣмъ въ городахъ, и если она находится подъ болѣе строгимъ надзоромъ въ городѣ, при содѣйствіи болѣе бдительной и зоркой охраны, тѣмъ не менѣе законъ, порядокъ и безопасность въ нихъ болѣе подвержены риску, въ виду большей легкости, съ которой интрига и честолюбіе могутъ воздѣйствовать на невѣжество и нужду». Въ послѣдней фразѣ совершенно фантастично и въ полномъ противорѣчіи съ исторіей констатированіе большей любви къ свободѣ, будто бы болѣе свойственной селамъ, чѣмъ городамъ; непонятно, что, по мнѣнію автора, въ городахъ находится подъ «строгимъ надзоромъ бдительной и зоркой охраны»: любовь ли къ свободѣ или самая свобода; наконецъ, архаичны эти страхи воздѣйствія на городъ «интриги и честолюбія». Не о временахъ же Катилины или Сфорца идетъ въ книгѣ рѣчь. Ту же сбивчивость замѣтили мы и еще въ кое-какихъ мѣстахъ книги. Напр., на 426 стр., послѣ скорбнаго заявленія о «раздѣленіи классовъ, которое почти уничтожаетъ общественную солидарность во всѣхъ крупныхъ городахъ и особенно опасно въ Соединенныхъ Штатахъ», находимъ вопросъ: «что можетъ быть сдѣлано для устраненія классовыхъ чувствъ и для приданія однообразія общинѣ?» а за вопросомъ весьма путанный отвѣтъ, основная мысль коего показалась намъ удачнѣйшимъ (въ смыслѣ неразрѣшимости) ребусомъ, какой только мы когда-либо читали въ научной книгѣ. Не угодно ли: «Соціальные наблюдатели за нѣкоторое время замѣтили, что общество выходитъ изъ періода индустріализма и переходитъ въ періодъ гуманитаризма. Критицизмъ индустріализма начался съ тѣхъ поръ, какъ было обнаружено, что основная идея (индивидуализмъ) не является равнозначущей личному благосостоянію, за скептицизмомъ laissez-faire, настаиваньемъ на правахъ, какъ противоположнымъ средневѣковымъ ограниченіямъ и обязательствамъ, послѣдовало освобожденіе индивида отъ власти высшихъ, но оно подняло его до нѣжнаго состраданія, которое общество пробудило, но не научилось имъ владѣть. Матерія была превознесена сверхъ мѣры, и появился двойникъ индивидуализма — матеріализмъ». Если бы изъ этихъ строкъ можно было съ натяжками и изнуреніемъ выжать опредѣленный смыслъ, то получилась бы весьма неосновательная маниловщина. Но, «къ сожалѣнію или къ счастью» изъ такихъ противоположеній, какъ «индустріализмъ и гуманитаризмъ» или «права и нѣжное состраданіе», при всѣхъ придиркахъ никакого опредѣленнаго значенія не добьешься, какъ ни старайся.

*

Въ сужденіяхъ такого рода—единственная слабость этой работы. Если же нашъ читатель скажетъ себѣ: «современнымъ тенденціямъ городской жизни, современному ея положенію въ историческомъ поступательномъ движеніи человѣчества не по Веберу я буду учиться», то все же онъ жестоко ошибется; если отложитъ книгу въ сторону и не станетъ читать ее, то потеряетъ много. Онъ лишится драгоцѣнныхъ сокровищъ точнаго, фактическаго знанія, основаннаго на цифрахъ, на огромномъ матеріалѣ, не только добросовѣстно, но и талантливо обработанномъ и изложенномъ. Эта работа — одинъ изъ существенно важныхъ камней того фундамента фактическихъ знаній, на которомъ можетъ быть выработано (и вырабатывается) современное общественное міровоззрѣніе. Личныя авторскія размышленія —тутъ не при чемъ.

Стремленіе городовъ къ быстрому возрастанію, «тенденція къ концентраціи или агломераціи является универсальнымъ фактомъ для всего запада». Въ 1790 году въ Соединенныхъ Штатахъ было 19 городовъ и въ нихъ находилось 178.890 человѣкъ; ровно чрезъ сто лѣтъ (1890)—тамъ 124 города съ населеніемъ почти въ четырнадцать милліоновъ; во Франціи еще въ 1846 году въ городахъ жило всего 24% населенія, а въ 1891 г. тамъ живетъ 37% (дроби отбрасываемъ). Въ шотландскихъ городахъ въ 1851 г. жило 51% населенія, а въ 1891 г.—65%; въ англійскихъ городахъ въ 1850 г. жило 50% всего народа, а въ 1891 г.—72%. Огромный ростъ городовъ наблюдается и въ Германіи, и въ Австріи, и въ другихъ странахъ. Цѣлый рядъ экономическихъ причинъ (коренныя свойства крупнаго производства и т. п.), политическихъ, соціальныхъ, благопріятствуетъ этому росту, эмиграціи изъ деревни въ городъ. Но переселенія изъ деревни въ города вовсе не составляютъ явленія, исключительно характеризующаго XIX-е столѣтіе: и въ XVII-мъ, и въ XVIII-мъ столѣтіи, какъ теперь съ несомнѣнностью установлено, наблюдалось уже (и нерѣдко въ обширныхъ размѣрахъ) это явленіе. Но «основаніе, почему переселенческій потокъ не сдѣлалъ ростъ городовъ столь быстрымъ въ прежніе вѣка, какимъ онъ былъ въ XIX-мъ столѣтіи, заключается въ чрезвычайно высокой смертности, которая тогда господствовала. Не только слабое охраненіе народнаго здравія обусловливало ежегодно высокую дань съ дѣтскаго населенія, но высокая смертность обусловливалась также періодическими посѣщеніями страны чумою, которая естественно производила въ ней страшныя опустошенія». Поразительные факты приведены Веберомъ въ подтвержденіе этой мысли: напр., по статистикѣ переселеніе въ Берлинъ теперь почти такое же количественно, какъ въ первую половину XIX-го вѣка, а растетъ городъ почти вдвое быстрѣе. Объясняется это меньшею смертностью. Всѣ главные города выросли за послѣднее столѣтіе, и, расчленяя этотъ приростъ на три категоріи (1) отъ перевѣса числа рожденій надъ смертностью; 2) отъ чистой иммиграціи; 3) отъ присоединенія пригородовъ, Веберъ даетъ любопытнѣйшую таблицу, по которой оказывается, что въ періодъ 1801—1891 г. изъ всего прироста населенія, напр., Копенгагенъ, 42% прироста зависѣли отъ перевѣса числа рожденій, въ Вѣнѣ отъ той же причины 20%, въ Лейпцигѣ—16%, въ С.-Петербургѣ. .—*62* (дефицитъ). Только одинъ этотъ городъ является съ минусомъ... Значитъ, не будь иммиграціи, будь С.-Петербургъ предоставленъ самому себѣ за это столѣтіе, его двухсотлѣтній юбилей былъ бы своего рода юбилеемъ Некрополиса. Всюду, кромѣ С.-Петербурга, культура успѣла замѣтно повліять на эти роковыя цифры, измѣнить въ общемъ итогѣ минусы на плюсы.

Въ Европѣ (въ 1895 г.) городовъ съ населеніемъ свыше 100 тысячъ жителей было сто двадцать и въ нихъ жило 37 милліоновъ людей, то-есть 10% всего европейскаго человѣчества, а въ 1850 г. городовъ такихъ было всего 42 съ населеніемъ въ 9 милліоновъ, т.-е. около 4% всего количества.

(Въ Англіи въ крупныхъ городахъ живетъ $^1/_3$ народа, въ Австраліи (колоніяхъ)—40%. Въ Лондонѣ теперь можно считать населеніе въ $6^1/_2$ милліоновъ душъ, за нимъ идетъ Нью-Іоркъ съ 4 милліонами, Парижъ съ 3 милліонами, Берлинъ (цифра 1896 г.) болѣе $2^1/_2$ милліоновъ. Перенаселеніе городовъ чревато, конечно, многочисленными невыгодными въ смыслѣ санитарно-гигіеническомъ, но благодаря изумительно быстрому сообщенію, уменьшенію рабочаго дня, перенесенію фабрикъ въ пригороды намѣчается путь къ борьбѣ съ излишнею плотностью населенія: расширяется площадь города путемъ заселенія пригородныхъ мѣстностей. Цитируемый авторомъ докторъ Кулей отводитъ въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль путямъ пригороднаго сообщенія: «гуманность требуетъ, чтобы людямъ обезпеченъ былъ солнечный свѣтъ, чистый воздухъ, видъ лужаекъ и деревьевъ. Все это требуется для самого рабочаго, но еще болѣе настоятельно для его жены и дѣтей. Не можетъ быть счастливъ въ жизни ребенокъ, который принужденъ расти въ грязи, въ заключеніи, мракѣ, среди безобразій и пороковъ бѣднѣйшихъ кварталовъ крупнаго города. Нельзя спокойно думать о будущемъ положеніи, въ которомъ будутъ находиться дѣти большей части человѣческаго рода. Какую борьбу за существованіе ни вынуждены вести взрослые, дѣти должны имѣть помѣщеніе и удобства, необходимыя для здороваго моральнаго и физическаго роста. Этого требуютъ интересы и благосостояніе человѣческаго рода. Между тѣмъ существуетъ постоянное противорѣчіе между нуждами промышленности и потребностями людей. Промышленность говоритъ людямъ: вы должны жить скученно. Гуманность отвергаетъ эту необходимость или, если признаетъ ее, то лишь въ теченіе рабочихъ часовъ, но не распространяетъ эту необходимость скученнаго существованія женъ и дѣтей. *На обязанности городскихъ желѣзныхъ дорогъ лежитъ примирить эти противорѣчивыя требованія*».

Любопытны соображенія Вебера о городскомъ хозяйствѣ и управленіи. Онъ находитъ, что городское управленіе до послѣдней крайности сложно. «Даже государственное управленіе не заключаетъ въ себѣ такую массу деталей, и общій надзоръ, которымъ ограничивается, главнымъ образомъ, это управленіе, представляется дѣломъ болѣе легкимъ». Его требовательность такова, что американскія городскія учрежденія кажутся ему полными недостатковъ. Любовь къ отечеству и народная гордость, которыя могли бы у читателя взыграть отъ такого американскаго признанія и самосужденія, къ прискорбію нашему, парализуются тѣмъ, что Веберъ совсѣмъ ничего не говоритъ о другихъ, неамериканскихъ городскихъ управленіяхъ и порядкахъ. Это досадное обстоятельство не позволяетъ читателю судить о степени восторга, который обуялъ бы Вебера, знай онъ эти порядки фундаментально, во всемъ ихъ блескѣ и красѣ.

Итакъ, повидимому, будущая цивилизація явится цивилизаціей городскою по преимуществу. Для всѣхъ, интересующихся вопросомъ, каковы же будутъ для исторіи главнѣйшія послѣдствія такого положенія вещей, достаточно вспомнить роль городовъ въ политической эволюціи XIX-го столѣтія; но, конечно, далеко не всѣ послѣдствія пока опредѣлимы...

Снова рекомендуемъ читателямъ внимательно ознакомиться съ этимъ интереснымъ и содержательнымъ трудомъ. Переводъ хорошъ; изданіе превосходно.

Евг. Т.

В. Кулеманъ. Профессіональное движеніе. Очеркъ профессіональной организаціи рабочихъ и предпринимателей во всѣхъ странахъ. Въ приложеніи лекціи проф. Вернера Зомбарта. Во чтобы то ни стало. Изъ теоріи и исторіи профессіональнаго движенія. Изданіе Д. Д. Гончарова и Н. Я. Фосса. Ц. 2 р. 50 к. Книга Кулемана даетъ 1) изложеніе профессіональнаго рабочаго движенія въ отдѣльныхъ странахъ; 2) очеркъ международныхъ про-

фессіональныхъ организацій рабочихъ и 3) описаніе союзовъ предпринимателей, «боевыхъ» союзовъ по отношенію къ рабочимъ. Въ концѣ книги переводчиками приложены лекціи В. Зомбарта (см. заголовокъ) «для того, чтобы русскому читателю легче было разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, затронутыхъ Кулеманомъ», какъ объясняетъ въ предисловіи къ русскому переводу авторъ предисловія и одинъ изъ переводчиковъ, И. Степановъ. Предисловіе даетъ возможность читателю заранѣе составить себѣ представленіе о томъ, чего онъ можетъ ждать отъ монографіи Кулемана, и обратить вниманіе на тѣ поправки, въ которыхъ она нуждается—операція, необходимость которой вызывается тѣмъ, что Кулеманъ является сторонникомъ опредѣленной точки зрѣнія на трактуемый вопросъ; и хотя онъ задавался цѣлью представить въ своей настоящей работѣ лишь фактическую сторону профессіональнаго движенія, но его теоретическія воззрѣнія до извѣстной степени наложили свою печать и на его фактическое изложеніе. Хотя теоретическую сторону вопроса Кулеманъ обѣщаетъ изложить во второмъ томѣ своей работы, но и тѣ отрывочныя замѣчанія, которыя разбросаны въ его настоящей монографіи, даютъ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о его теоретической позиціи. Эти замѣчанія учтены г. Степановымъ въ его предисловіи: «Взглядъ на роль профессіональныхъ организацій въ политической жизни Германіи (да и другихъ странъ),—говоритъ онъ,—стоитъ у Кулемана въ неразрывной связи съ представленіемъ о тѣхъ основныхъ и общихъ задачахъ, разрѣшеніе которыхъ намѣчается профессіональнымъ движеніемъ. Кулеманъ сводитъ ихъ къ «организаціи рабочихъ и предпринимателей, этихъ двухъ факторовъ труда», къ «защитѣ интересовъ послѣдняго (т.-е. согласно предыдущимъ словамъ, интересовъ рабочихъ и предпринимателей) противъ интересовъ капитала и потребленія (предисловіе, стр. 22; см. также стр. 16)». По поводу этого слѣдуетъ цѣлый рядъ замѣчаній со стороны г. Степанова.

По вопросу о соотношеніи между профессіональнымъ рабочимъ движеніемъ и политической борьбой рабочаго класса воззрѣнія Кулемана иногда мѣшаютъ ему съ достаточной объективностью дать оцѣнку тѣмъ или инымъ фактамъ, что отмѣчается г. Степановымъ въ двухъ случаяхъ (стр. XVIII—XIX). Намъ кажется, можно было бы указать еще на главу объ австралійскомъ рабочемъ движеніи, въ которой также до извѣстной степени сказалась точка зрѣнія автора не въ пользу полной объективности изложенія. Говоря о стачкѣ 1890 г., Кулеманъ ограничивается замѣчаніемъ, что «даже это событіе не могло на продолжительное время повредить соціальнымъ отношеніямъ и не могло вызвать движенія противъ частно-хозяйственной формы производства и противъ системы наемнаго труда» (стр. 191). Страницей раньше Кулеманъ говоритъ, что «соціалистическія идеи въ Австраліи нигдѣ не находятъ почвы; даже вмѣшательство законодательства, которое намъ представляется крайне важнымъ, какъ, напримѣръ, созданіе государственнаго третейскаго суда для промышленныхъ столкновеній, въ Австраліи не встрѣчаетъ одобренія, тамъ предпочитаютъ улаживать разногласія путемъ свободныхъ переговоровъ между сторонами и, въ случаѣ необходимости, путемъ добровольнаго обращенія къ третейскому суду» (стр. 190). Въ работахъ другихъ изслѣдователей мы находимъ другую характеристику австралійскаго рабочаго движенія до и послѣ стачки 1890 г. «Первоначально рабочее движеніе въ Австраліи ограничивалось лишь задачами организаціи рабочихъ союзовъ, и если оказывало давленіе на парламентъ (напр. по вопросу объ ограниченіи доступа въ колоніи китайцевъ), то все-таки рабочіе не выступали въ парламентѣ въ качествѣ отдѣльной партіи, и только съ 1890 года измѣнилось положеніе вещей, и рабочіе выступили въ качествѣ самостоятельной политической партіи. Поэтому иногда дѣлятъ даже рабочее

движеніе въ Австраліи на два періода: періодъ рабочихъ союзовъ и періодъ политической борьбы. Послѣдній моментъ въ недавнее время выступилъ настолько сильно, что одинъ рабочій союзъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ въ интересахъ выборовъ предложилъ соединить мѣстные округи рабочихъ союзовъ съ выборными округами. Хотя это предложеніе и осталось одинокимъ, но оно является характернымъ выраженіемъ того поворота, который совершился здѣсь среди рабочихъ союзовъ». («Русское Экономическое Обозрѣніе», 1898 г. № 9, ст. И. Озерова. Рабочее законодательство въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи *). Сила и значеніе рабочей партіи въ Австраліи очерчены въ статьѣ A. Bertram «Le mouvement ouvrier en Australasie», Revue d'économie politique, 1897, №1, 35, 39—40 *). См. тамъ же стр. 46 о соціализмѣ въ австралійскомъ рабочемъ движеніи. На международномъ конгрессѣ 1893 года впервые присутствовалъ делегатъ отъ австралійской соціалистической лиги. Правда, представители австралійской рабочей партіи отличаются, такъ сказать, практическимъ направленіемъ. Но какъ бы то ни было, въ австралійскомъ рабочемъ движеніи далеко не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это рисуетъ Кулеманъ.

Сдѣлаемъ еще одно небольшое дополненіе фактическаго характера. На стр. 385 — 386 Кулеманъ передаетъ исторію общества «Индустрія», имѣвшаго цѣлью страхованіе предпринимателей отъ стачекъ. Это общество интересно въ томъ отношеніи, что оно, не въ примѣръ прочимъ, не ограничилось какой-либо одной отраслью производства, а стремилось охватить всѣ отрасли производства и всю Германію. Общество просуществовало лишь съ октября 1897 г. по іюль 1898 года. Такимъ образомъ, по замѣчанію Кулемана, это общество «принадлежитъ уже не настоящему, а исторіи». Недавно въ одномъ спеціальномъ журналѣ **) появилось сообщеніе о новомъ обществѣ взаимнаго страхованія отъ стачекъ (функціонируетъ съ начала этого года), которое, если судить по краткому сообщенію, также не ограничивается какою-либо одной отраслью производства. Приведенные въ журнальной замѣткѣ параграфы этого общества содержатъ указанія на размѣры вступного взноса (25 пф. на 1.000 мар. заработной платы), ежегодныхъ платежей (1 марка на 1.000 марокъ заработной платы), страховой преміи (1 марка въ день на 1.000 марокъ ежегодной заработной платы въ теченіе maximum 100 рабочихъ дней) и т. д.

Всѣ сдѣланныя указанія не имѣютъ цѣлью умалить несомнѣнныя достоинства книги Кулемана. Она все-таки, въ общемъ, достаточно безпристрастно передаетъ ходъ событій и даетъ характеристику движенія; она достаточно полна, конкретна, обильна фактами и въ то же время въ сжатой формѣ даетъ представленіе объ общей картинѣ движенія.

Первый отдѣлъ книги трактуетъ о національныхъ рабочихъ союзахъ. Почти половина этой главы (148 страницъ изъ 344) посвящена изложенію германскаго профессіональнаго движенія. Здѣсь Кулеманъ въ значительной степени является піонеромъ, потому что въ его работѣ впервые дано описаніе всего нѣмецкаго профессіональнаго рабочаго движенія, а не отдѣльныхъ его теченій. Точно также автору пришлось самостоятельно проработать профессіональное движеніе въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ. Въ остальныхъ частяхъ I-го отдѣла работа автора уже въ значительной степени облегчалась наличностью хорошихъ монографій, напр., книги супруговъ Веббъ объ англійскомъ трэдъ-юніонизмѣ.

---

*) Въ новый федеральный австралійскій парламентъ выбраны: въ верхнюю палату—6 рабочихъ (общее число членовъ верхней палаты 36) и въ нижнюю—15 (общее число членовъ 75). См. The Economist, May 11, 1901, 703.

**) L'Echo des Mines et de la Metallurgie, geudi, 18 avril, 1901.

Во второмъ отдѣлѣ («Международные союзы») на пространствѣ 33 страницъ помѣщены слѣдующія главы: 1) введеніе; 2) международное общество рабочихъ; 3) общіе рабочіе конгрессы; 4) международные союзы отдѣльныхъ профессій. Несмотря на чрезвычайную краткость изложенія, эта глава представляетъ значительную цѣнность, потому что, по замѣчанію автора, «и здѣсь предшествующая литература не только недостаточна, но ея просто-на-просто совсѣмъ нѣтъ» (стр. IV).

Послѣдній отдѣлъ книги Кулемана содержитъ данныя о союзахъ предпринимателей, которые занимали автора «лишь постольку, поскольку они вступаютъ въ непосредственныя отношенія къ рабочимъ и къ ихъ организаціямъ» (стр. 379). И при составленіи этой главы автору приходилось считаться съ крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ литературы и съ трудностями собиранія матеріала. Какъ видно изъ этого, въ значительнѣйшей своей части книга Кулемана являлась совершенно оригинальной, что значительно поднимаетъ внутреннюю ея цѣнность. Въ заключеніе нельзя не остановиться съ благодарностью на той работѣ, которая была предпринята переводчиками. Не говоря уже о многихъ цѣнныхъ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, которыя разсѣяны по всей книгѣ и отчасти даютъ руководящія указанія и поправки для средняго читателя, отчасти подновляютъ нѣсколько устарѣвшій матеріалъ оригинала, не говоря, затѣмъ, о предисловіи, на значеніе котораго было нами указано выше, мы не можемъ не остановить вниманія читателей на той капитальной переработкѣ, которой переводчики подвергли всѣ отдѣлы книги Кулемана, особенно главы о союзахъ предпринимателей. Выброшены не имѣющіе отношенія къ профессіональному движенію союзы почтовыхъ и телеграфныхъ служащихъ, справочныя свѣдѣнія, вмѣсто дословнаго изложенія уставовъ отдѣльныхъ союзовъ даны общіе обзоры и т. п.—все въ интересахъ читающей публики. Мы отмѣчаемъ все это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что, вообще говоря, русскіе переводчики не всегда съ достаточной внимательностью относятся не только къ интересамъ читающей публики, но и къ смыслу переводимаго подлинника.

Точно также чрезвычайно кстати къ переводу книги Кулемана приложены лекціи В. Зомбарта, представляющія отличное введеніе къ этой книгѣ. Съ этой точки зрѣнія особенный интересъ представляетъ глава IV: «Сущность и значеніе профессіональныхъ союзовъ, ихъ культурная миссія». Въ оцѣнкѣ значенія профессіональныхъ союзовъ В. Зомбартъ придерживается средней точки зрѣнія. «Опытъ послѣдняго тридцатилѣтія, говоритъ онъ, научилъ насъ, что та и другая точка зрѣнія, и радикальное восхваленіе, и непримиримое отрицаніе (профессіональныхъ союзовъ), одинаково далеки отъ истины. Мы научились видѣть въ профессіональныхъ союзахъ *одно изъ многихъ* средствъ, хотя, быть можетъ, и самое значительное изъ нихъ, для того, чтобы развивать дальше нашъ общественный порядокъ, и притомъ такое средство, которое отнюдь не связано границами одной какой-либо страны, но предназначено выполнить одинаково важныя функціи во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ производствомъ» (стр. 68—69).

П. Лекинъ.

David Koigen. Die Kulturanshaung des Socialismus. Ein Beitrag zum Wirklichkeits Jdealismus. Mit einem Vorwort von Eduard Bernstein. Berlin 1903. Работа д-ра Койгена представляетъ двоякій интересъ—какъ оригинальное освѣщеніе и разрѣшеніе «проклятыхъ вопросовъ», терзающихъ мысль современнаго человѣка, и какъ знаменіе того расширяющагося и на Западѣ и у насъ теченія, которое пытается съ единой точки зрѣнія идеалистическаго міросозерцанія разрѣшить *всѣ* вопросы современной жизни и мысли, разсматривая

въ частности разрѣшеніе соціальнаго вопроса не какъ нѣчто самодовлѣющее, а лишь какъ нѣчто съ принудительностью вытекающее изъ общаго міровоззрѣнія.

Современное соціальное движеніе, разростаясь вглубь и вширь, захватило теперь въ ряды своихъ бойцовъ такіе общественные элементы, которые совершенно не укладываются въ рамки чисто классовой группировки силъ, не укладываются отчасти по чисто экономическимъ причинамъ (разоряющаяся мелкая буржуазія), отчасти же по соціально-психологическимъ причинамъ (интеллигентный пролетаріатъ).

Эта-то послѣдняя группа, т.-е. интеллигентный пролетаріатъ, и привноситъ въ соціальное движеніе новое настроеніе, привноситъ стремленіе разсмотрѣть и оправдать соціальный идеалъ съ точки зрѣнія общаго отвлеченнаго міровоззрѣнія. Значительная группа современнаго цивилизованнаго общества, группа такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата, группа деклассированныхъ общественныхъ элементовъ примкнула къ современному классовому движенію, сочувствуя его идеалу, видя въ немъ провиденціальный смыслъ, увлекаясь имъ какъ движеніемъ, реализующимъ соціальную частицу общаго идеалистическаго міровоззрѣнія, идеализма дѣйствительности, какъ выражается нашъ авторъ. Но эта группа въ значительной долѣ лишена боевого настроенія, лишена классовой ненависти, лишена чувства и сознанія своего угнетенія какъ класса, чувствуя лишь общій гнетъ, оказываемый современнымъ строемъ жизни на «свободную личность».

Классовая организація современнаго общества Запада дѣлаетъ плодотворной лишь классовую борьбу, но эта борьба сама по себѣ не особенно привлекательна для группы деклассированныхъ элементовъ общества, съ ихъ расплывчатою, не локализированною враждою къ современной культурѣ. Эти общественные слои гораздо охотнѣе пускаются въ область абстрактнаго выведенія новой культурной жизни, основанной на новыхъ идеалистическихъ условіяхъ, чѣмъ борьбою со старою культурою, убивающею развитіе новаго.

Убѣжденнымъ сторонникомъ подобной точки зрѣнія и выступаетъ въ своей брошюрѣ д-ръ Койгенъ. Не то, чтобы нашъ авторъ предлагалъ современнымъ борцамъ за лучшее соціальное будущее оставить ихъ борьбу, «мы хотимъ лишь углубить и расширить пароль этой борьбы,—говоритъ онъ, модифицируя слова Маркса—дать возможность каждому осмыслить цѣнности, скрыться въ глубинѣ культурной жизни».

Мы переживаемъ, по мнѣнію автора, время не только борьбы со старымъ, но и время творчества новаго строя жизни, новаго міросозерцанія, новаго воззрѣнія на основное содержаніе всей культурной жизни, мы люди не только разрушенія, но и ренессанса. Мы не можемъ принять или отвергнуть окружающую насъ культурную жизнь только во имя приносимаго ею людямъ наслажденія или страданія, мы развили въ себѣ болѣе требовательную, болѣе широкую точку зрѣнія, требующую, чтобы жизнь не только давала наслажденіе, но чтобы она доставляла богатство психическихъ переживаній, чтобы она творила новыя цѣнности, чтобы она была проникнута религіознымъ исканіемъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Современная жизнь выдвинула вопросъ о новомъ принципѣ всей нашей жизни, о новой, безконечно усложнившейся духовной организаціи и совершенно новой культурѣ. И не только одно какое-то состраданіе, говоритъ авторъ (стр. 81), заставляетъ насъ стать въ ряды соціальнаго движенія, нѣтъ, насъ ведетъ туда наше идеалистическое міросозерцаніе, чувство близкаго душевнаго родства, религіозный постулатъ идеализма дѣйствительности.

Становясь въ ряды современнаго соціальнаго движенія во имя высшихъ

идеалистическихъ запросовъ всесторонне развитой и глубоко религіозной личности, мы за злобою сегодняшняго дня не должны упускать изъ виду неумирающихъ цѣнностей истинно культурной жизни,—цѣнностей, которыя мы должны умножить.

Люди ренессанса, люди, творящіе новую жизнь, проникнутую глубокими религіозными началами, эти люди, говоритъ авторъ, достаточно долго были не у дѣлъ. Теперешняя эпоха разрозненныхъ и раздробленныхъ людей жаждетъ новаго цѣльнаго міросозерцанія, которое бы съумѣло окрылить современное соціальное движеніе высокими и увлекательными завѣтами идеалистической философіи. И передъ людьми ренессанса раскрывается широкая область творческой работы.

Мы сухо передали лишь остовъ книги г. Койгена, не передавъ, къ сожалѣнію, взглядовъ автора на то, что онъ понимаетъ подъ новой культурой, новымъ міросозерцаніемъ новаго «человѣка—ренессанса». Но для передачи этихъ взглядовъ, къ тому же весьма слабо систематизированныхъ самимъ авторомъ, рамки журнальной рецензіи слишкомъ узки. Мы хотѣли лишь отмѣтить интересную работу г-на Койгена какъ попытку создать на почвѣ общаго шатанія и дрожанія положительное міросозерцаніе, въ которомъ были бы не по шаблону объединены, слиты и лучшіе завѣты соціальнаго движенія, и алканіе «идеалистической души». Строя міросозерцаніе «идеализма дѣйствительности», г. Койгенъ безспорно пошелъ на встрѣчу ростущей группѣ людей современнаго общества, охваченной исканіемъ и творчествомъ идеалистическаго міросозерцанія и на немъ опирающагося соціальнаго строя.

Точка зрѣнія, отстаиваемая авторомъ, по своей отвлеченности, никогда не обратится въ руководящее начало массоваго и классоваго движенія. Современное соціальное движеніе, несмотря на его классовый характеръ, безспорно насквозь проникнуто идеалистическимъ «общечеловѣческимъ» настроеніемъ, хотя бы, такъ сказать, и ниже порога сознанія. Но этотъ живой, дѣйствительный идеализмъ существенно отличается отъ абстрактнаго идеализма интеллигентнаго пролетаріата, этихъ бѣлыхъ воронъ, какъ ихъ назвалъ Бебель. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что этого рода идеализмъ, достигающій у нѣкоторыхъ молодыхъ представителей интеллигентнаго пролетаріата степени почти религіознаго экстаза, обреченъ на безплодіе. Онъ порою освѣщаетъ совершенно вѣрнымъ свѣтомъ скрытыя, неумирающія цѣнности той или иной стороны соціальнаго движенія, вызванной какъ будто только преходящими, временными условіями, онъ зоветъ, далѣе, къ выработкѣ общаго положительнаго философскаго міропониманія, съ точки зрѣнія котораго и вся соціальная борьба представилась бы не только борьбою за улучшеніе матеріальнаго быта, но и борьбою за болѣе высокій, болѣе цѣнный, проникнутый болѣе глубокимъ смысломъ строй жизни. Во всякомъ случаѣ, самая наличность этого разростающагося и усиливающагося и на Западѣ, и у насъ движенія заставляетъ отнестись къ нему со вниманіемъ. Книжка Койгена, несмотря на многія ея недостатки и несмотря на многія ея непослѣдовательности, можетъ содѣйствовать ознакомленію съ этимъ интереснымъ теченіемъ общественной мысли.

Эд. Бернштейнъ снабдилъ книгу г. Койгена благословляющимъ предисловіемъ, представляющимъ и самостоятельный интересъ, такъ какъ въ немъ авторъ комментируетъ свою нашумѣвшую фразу: «для меня движеніе—все, а конечная цѣль—ничего».

П. Б.

ФИЛОСОФІЯ.

С. Зенгеръ. „Дж.-Стюартъ Милль, его жизнь и произведенія".

С. Зенгеръ. Дж.-Ст. Милль, его жизнь и произведенія. Перев. съ нѣмецкаго Л. Ивановой. подъ ред. Е. Максимовой. Изд. ред. журн. «Образованіе» Спб. 1903 г. Стр. II+225 Ц. 50 к. (Библіотека философов.». IX). Біографическая часть (стр. 18—73) изложена у Зенгера недурно, хотя и даетъ мало новаго сравнительно съ прекрасной и незамѣнимой «Автобіографіей» Милля. Но изложеніе и критика сочиненій англійскаго философа рѣшительно неудачны. Нѣтъ никакой системы въ изложеніи общаго міросозерцанія и отдѣльныхъ сочиненій Милля. Нѣтъ и опредѣленныхъ общихъ началъ, принятыхъ въ основаніе критики. Изложеніе мыслей Милля безпорядочно смѣшивается съ собственными критическими замѣчаніями автора. Зенгеръ горячо настаиваетъ на великихъ заслугахъ Милля и съ большою готовностью извиняетъ его недостатки; но заслуги не приведены къ единству, а недостаткамъ не дается ни историческаго объясненія, ни логическаго оправданія. Каждый разъ, какъ взгляды Милля расходятся съ взглядами Зенгера, это расхожденіе не выводится изъ различія отправныхъ точекъ, а сводится къ тому, что Милль чего-нибудь не договорилъ или не додумалъ: «Милль упускаетъ изъ виду»... «Милль не съумѣлъ сдѣлать вполнѣ яснымъ»... «Милль впалъ въ нѣкоторую непослѣдовательность»—вотъ главные доводы, при помощи которыхъ Зенгеръ старается примирить систему Милля то съ Вундтомъ, то съ Кантомъ, то съ Эрдманомъ, то съ своими собственными требованіями. Извлечь какую-нибудь пользу изъ этой критики можетъ только тотъ, кто предварительно познакомится какъ съ сочиненіями Милля, такъ и съ ученіями нѣмецкихъ философовъ, на которыхъ ссылается постоянно Зенгеръ. Пользоваться же книгой Зенгеру, какъ дополнительнымъ пособіемъ при изученіи Милля, очень трудно, во-первыхъ, потому, что изложеніе Зенгеромъ сочиненій Милля отличается неполнотой, отрывочностью и неравномѣрностью, во-вторыхъ, потому, что въ изложеніи Зенгера не всегда ясно, что принадлежитъ Миллю и что самому автору, и, наконецъ, въ-третьихъ, по причинѣ тяжелаго языка. Насколько неравномѣрно распредѣленъ матеріалъ, видно изъ того, что политическимъ и экономическимъ сочиненіямъ Милля удѣлено только 12 страницъ (187—198). Самъ Зенгеръ говоритъ, что «соціологическая точка зрѣнія является естественною путеводною нитью среди разносторонникъ сочиненій Милля» (11). Но и соціологія въ собственномъ смыслѣ слова затронута очень поверхностно. Спеціально ей посвященъ отд. IV: «Къ логикѣ наукъ о духѣ». Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ двухъ отрывковъ, ничѣмъ не связанныхъ между собой: въ первомъ разсматривается философскій вопросъ о свободѣ воли, во второмъ на полутора страничкахъ (152—153) доказывается необходимость обратно-дедуктивнаго метода для соціологіи, причемъ нельзя понять, кому принадлежитъ это доказательство—Миллю или Конту. А между тѣмъ, о разногласіи Милля и Конта по данному вопросу, какъ о весьма важномъ проектѣ, упоминается уже при изложеніи біографіи Милля, причемъ Зенглеръ обѣщаетъ (68) подробнѣе поговоритъ объ этомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; обѣщаніе, какъ видно, выполнено плохо, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не выполнено. Болѣе внимательно разсматривается Зенгеромъ ученіе Милля о нравственности («утилитаризмъ») (164—186) и посмертныя сочиненія о религіи (198—225). Но больше всего мѣста въ книгѣ удѣлено «Системѣ дедуктивной и индуктивной логики» (80—145). Чтобы не быть голословными въ нашихъ обвиненіяхъ, укажемъ для примѣра два случая, въ которыхъ читатель, незнакомый съ подлинной «Логикой» Милля, можетъ быть прямо введенъ въ заблужденіе изложеніемъ Зенгера. Первый случай касается «закона

тожества», второй—характера математическихъ истинъ. Черезъ все изложеніе «Логики» у Зенгера проводится красною нитью мысль, что основаніе индукціи заключается въ законѣ тожества, этомъ «первичномъ законѣ всякаго мышленія» (106, 114, 115, 128). Эту свою мысль Зенгеръ хочетъ не только примирить съ ученіемъ Милля, но и приписать самому Миллю. Самъ же Милль считаетъ основаніемъ индукціи не законъ тожества, а «аксіому единообразія въ порядкѣ природы, «основанную въ концѣ концовъ на опытѣ. И вотъ Зенгеръ старается убѣдить читателя что ученіе Милля объ «аксіомѣ единообразія» является непослѣдовательностью съ его стороны, что онъ тутъ «снова удаляется отъ почти уже достигнутаго сперва знанія» (106), что это только вторая составная часть логическаго основанія индукціи, а первая часть состоитъ въ законѣ тожества (114); признаніе закона тожества у Милля будто бы хотя и не высказано прямо, но «implicite имѣется на лицо» (115); оно только «затемняется» эмпирической гипотезой объ единообразіи природы, но его можно найти у Милля, если «оставить въ сторонѣ колебанія въ его изложеніи въ частностяхъ» (108). Все это обязываетъ Зенгера очень внимательно отнестись къ изложенію того мѣста или тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Милль будто бы implicite признаетъ законъ тожества. Такое мѣсто Зенгеръ находитъ не въ 3 книгѣ «Логики», трактующей объ индукціи, а въ ученіи о силлогизмѣ, во 2-ой книгѣ. Признаніе закона тожества заключается въ томъ, что количество наблюдаемыхъ случаевъ признается логически несущественнымъ для умозаключенія при индукціи (102 106,). И на основаніи изложенія Зенгера, читатель легко можетъ вывести, что это ученіе о несущественности количества наблюдаемыхъ случаевъ принадлежитъ самому Миллю; можно подумать, что Зенгеръ только пересказываетъ § 3 главы III кн. II, когда говоритъ: «выраженіе въ большей посылкѣ (всѣ M суть P) въ дѣйствительности вовсе не имѣетъ количественнаго значенія; оно только заранѣе принимаетъ то, что еще должно быть доказано и къ доказательству чего намъ даетъ поводъ каждый новый случай: словомъ, оно имѣетъ гипотетическое значеніе» (101). Въ дѣйствительности же эти мысли принадлежатъ Зенгеру, а не Миллю, у Милля ихъ нѣтъ, а потому и дальше въ ученіи объ индукціи ему незачѣмъ «снова удаляться отъ *почти* уже достигнутаго знанія».

Ученіе Милля о математическихъ истинахъ З. считаетъ очень важнымъ и неоднократно указываетъ, что въ этомъ ученіи особенно ясно обнаружился характеръ миллевскаго эмпиризма (104, 116, 123, 133). Читатель въ правѣ ожидать, что, излагая это ученіе, Зенгеръ передаетъ все существенно важное, сказанное Миллемъ объ особомъ характерѣ математическихъ истинъ. Между тѣмъ, З. (137—142) излагаетъ только половину теоріи Милля и совершенно умалчиваетъ о другой половинѣ, какъ будто ея и не было совсѣмъ. Онъ передаетъ то, что Милль говоритъ о природѣ геометрическихъ *опредѣленій*, но вовсе не касается миллевскаго ученія о геометрическихъ *аксіомахъ*. Предметы геометрическихъ опредѣленій Милль считаетъ гипотезами, фикціями и этимъ объясняетъ *мнимую* особую достовѣрность математическихъ доказательствъ. Но это только одна сторона дѣла. Этого еще недостаточно, чтобы доказать опытное происхожденіе всѣхъ математическихъ истинъ. Помимо опредѣленій, къ первымъ началамъ математики принадлежали еще аксіомы, которыя, по Миллю, «истинны безъ всякой примѣси гипотезъ». И вотъ Милль утверждаетъ и подробно развиваетъ, что эти аксіомы—опытнаго происхожденія. Безъ этого ученія объ аксіомахъ, о которыхъ З., какъ сказано, умалчиваетъ, совершенно нельзя понять, въ чемъ же заключается эмпиризмъ миллевскаго ученія о математическихъ истинахъ. Наоборотъ, въ изложеніи З. какъ-будто выходитъ, что вся чистая математика, по Миллю, носитъ гипотетическій и апріорный характеръ.

Въ заключеніе напомнимъ, что для ознакомленія съ Миллемъ нѣтъ нужды обращаться къ комментаторамъ и популяризаторамъ. Главныя сочиненія его переведены на русскій языкъ; по ясности мысли и изложенія они доступны всякому сколько-нибудь образованному человѣку. Для общаго же знакомства съ жизнью Милля, съ его общественною и писательскою дѣятельностью и главными идеями отдѣльныхъ сочиненій можетъ служить «Автобіографія» (1-е изд. въ 1874 г. подъ ред. Благосвѣтлова, новое изданіе въ 1896 г.). Этотъ замѣчательный литературный памятникъ какъ бы нарочно предназначенъ для того, чтобы показать, что самыя важныя и глубокія теоріи, волновавшія мыслителей XIX в., могутъ быть представлены въ простомъ, ясномъ, интересномъ и краткомъ изложеніи, доступномъ самому широкому кругу читателей.

А. Рыкачевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

К. Богдановичъ. „Геологія".—*Ж. Фино.* „Философія 'долговѣчности". — *Вильямъ Круксъ.* „О происхожденіи химическихъ элементовъ".

К. И. Богдановичъ. Геологія. Краткое наставленіе для наблюденій во время путешествій. Спб. Тип. т-ва «Общественная Польза». 1903. Небольшая книжечка проф. К. И. Богдановича (всѣ 119 страницъ малаго формата) даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Это не только обстоятельное и общедоступное наставленіе для производства геологическихъ наблюденій и для коллектированія образцовъ горныхъ породъ и окаменѣлостей, но и сжатое изложеніе почти всей динамической геологіи, включая сюда и основы стратиграфіи и петрографіи.

Читатель найдетъ здѣсь не только дѣльные практическіе совѣты, но и познакомится съ происхожденіемъ, съ классификаціей и структурой горныхъ породъ, съ образованіемъ складокъ, сбросовъ, съ взаимоотношеніемъ различныхъ пластовъ земли другъ къ другу, съ геологическою дѣятельностью вѣтра, проточной воды, моря, ледниковъ, съ такъ называемыми вѣковыми колебаніями моря и суши и, наконецъ, съ морфологіей земной поверхности.

Книжечка проф. Богдановича заполняетъ очень важный пробѣлъ въ нашей геологической литературѣ и будетъ весьма полезной не только для путешественниковъ неспеціалистовъ, но и для всѣхъ начинающихъ геологовъ. По полнотѣ, современности сообщаемыхъ свѣдѣній и въ тоже время по сжатости «Краткое наставленіе» заняло бы не послѣднее мѣсто и въ западно-европейской литературѣ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать только одно маленькое замѣчаніе: не слишкомъ ли много терминовъ вводитъ авторъ въ книжкѣ, предназначенной, главнымъ образомъ, все же для неспеціалистовъ? *В. Аг.*

Ж. Фино. Философія долговѣчности. Перев. съ 7 франц. изд. д-ра мед. Парижскаго университета О. А. Литинскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. 164 стр. Ц. 60 к. Мы не стали бы останавливаться на этой книгѣ, если бы не поразительный успѣхъ ея во Франціи, да, кажется, и у насъ въ Россіи, гдѣ произведеніе г. Фино появилось сразу въ трехъ переводахъ.

Философія долговѣчности тонко разсчитана на вкусы европейской «большой публики». Это литературный винигретъ, составленный изъ анекдотовъ, изъ различныхъ научныхъ «новинокъ» въ необычайно смѣлой и часто совершенно невѣжественной передачѣ, изъ поэтическихъ отступленій и философскихъ умствованій, вызывающихъ въ васъ то негодованіе, то смѣхъ.

Фино надѣется, что «страницамъ (его книги), во всякомъ случаѣ, нельзя будетъ отказать въ той заслугѣ, что онѣ представятъ читателю лучезарныя

картины всемірнаго оживленія и на далекое разстояніе будутъ отбрасывать отъ себя ореолъ безпредѣльной жизни...

«Мы постараемся доказать, скромно обѣщаетъ авторъ, что жизнь, съ философской (?!) точки зрѣнія, есть элементарная сила и, какъ таковая, представляется, подобно самой природѣ неуничтожимой».

Фино, подобно Мечникову (отъ котораго онъ, кстати сказать, позаимствовалъ много мыслей и фактовъ), основнымъ несчастіемъ человѣчества считаетъ страхъ смерти.

Какое же лекарство предлагаетъ онъ противъ этого недуга? Онъ пытается замѣстить ослабѣвшую въ насъ вѣру въ безсмертіе души вѣрой въ «безсмертіе тѣла» и на протяженіи многихъ десятковъ страницъ совершенно серьезно съ захлебывающимся краснорѣчіемъ ярмарочнаго продавца доказываетъ безсмертіе... разлагающагося трупа.

«Если жизнь есть движеніе, какъ утверждали древніе (?!), то оно въ мірѣ гробовъ бьетъ ключомъ. Не успѣли мы, такъ сказать, заколотить гробъ, какъ существа, столь же дорогія первичному источнику существованія (?!), какъ и человѣческій родъ, наполняютъ наше послѣднее убѣжище бурнымъ потокомъ... Самыя страшныя сраженія живыхъ блѣднѣютъ передъ сраженіями, разыгрывающимися въ почвѣ нашей планеты. И сраженія ихъ являются стратегіей законовъ природы, вѣчныхъ, могучихъ и неумолимыхъ. (Совершенно непонятно, но торжественно!). Поколѣнія различныхъ существъ слѣдуютъ тамъ другъ за другомъ и завладѣваютъ нашими останками, то исчезая въ нашихъ атомахъ (?!), то сливаясь съ нашими тканями... Являясь производителями нѣсколькихъ живыхъ существъ на землѣ, мы становимся производителями миріадъ существъ въ ея глубинѣ». Дѣйствительно, подумаешь, какое утѣшеніе: на землѣ было у тебя всего пять, шесть штукъ ребятъ, а въ гробу цѣлые миріады мухъ, червей и прочей твари тобой кормится! И Фино подробно излагаетъ затѣмъ, какая муха насъ прежде другихъ ѣсть начнетъ. Это ли не безсмертіе тѣла!

Поэтому авторъ сильно нападаетъ на распространяющееся въ нѣкоторыхъ странахъ сожиганіе покойниковъ и воспѣваетъ красоту кладбищъ и обычай навѣщать дорогихъ покойниковъ. Здѣсь идутъ «поэтическія» отступленія и Фино, окончательно впавъ въ хлестаковское настроеніе, глубокомысленно замѣчаетъ: «Раскрывъ когда-нибудь тайну гробницъ, наука убѣдится въ томъ, какое важное вліяніе можетъ имѣть вмѣшательство живыхъ на тѣ внутреннія драмы, которыя тамъ разыгрываются. Кто знаетъ, не вліяетъ ли пища, положенная въ гробъ, на эволюцію (!), которую тамъ испытываетъ человѣческое тѣло? И тогда, быть можетъ, вновь воскреснетъ трогательный обычай древнихъ, предлагавшихъ пищу подземнымъ существамъ. И тогда мы вмѣстѣ съ древними философами сможемъ сказать, что тѣ, кто находится подъ землею, еще не покончили съ жизнью... Чтобы помочь имъ закончить свою эволюцію, мы сознательно будемъ оказывать помощь тѣмъ, «кого уже нѣтъ», въ борьбѣ, которую они ведутъ внѣ участія живыхъ».

Неопытный человѣкъ подумаетъ, что бѣдный авторъ только что убѣжалъ изъ сумасшедшаго дома. Нѣтъ, дѣло болѣе трагично для «большой публики», чѣмъ для автора: просто г. Фино знаетъ эту публику и «соотвѣтствуетъ», «за вкусъ не берется, но горячо будетъ».

Послѣ такого открытія авторъ утверждаетъ, что смерть теперь не должна казаться намъ страшной, она только грандіозное перемѣщеніе атомовъ, «освобождая душу, она придаетъ только новую форму комбинаціи молекулъ, составляющихъ наше тѣло, облегчая безсмертное раствореніе его въ безсмертной природѣ».

Не все ли равно поэтому, сойдемъ ли мы въ могилу молодыми или старыми?!—восклицаетъ Фино... но онъ очень хорошо знаетъ, что далеко не

все равно, особенно для его читателя французскаго буржуа и потому книжка его носитъ заглавіе «Философія долговѣчности» и авторъ на протяженіи многихъ страницъ разсказываетъ анекдоты о «макробахъ» *), передаетъ различные, конечно, весьма разнорѣчивые рецепты для достиженія глубокой старости, приводитъ также довольно разнорѣчивыя статистическія данныя; и читатель гаосподина Фино весьма доволенъ: онъ узналъ, что танцовщицы живутъ долго, а пивовары мало, что большинство столѣтнихъ старцевъ средняго роста, что у Мэри Гернъ прорѣзались новые зубы въ 110-лѣтнемъ возрастѣ, а у Петра Брайма 117 лѣтъ, что 152-лѣтняго Томаса Парра обкормили за королевскимъ столомъ и тому подобныя интересныя вещи. И будетъ французскій буржуа, прочитавшій знаменитое произведеніе знаменитаго г. Фино, разсказывать эти анекдоты своему пріятелю, и тотъ самъ захочетъ познакомиться съ «философіей долговѣчности», и появится восьмое и девятое изданіе, и всѣ будутъ довольны...

Но все-таки,—зачѣмъ д-ръ! медицины парижскаго университета г. Литинскій перевелъ эту книжку? Нашей «большой публикѣ» не нужны эти анекдоты, не нужна и «философія» и «поэзія» г. Фино, не нуженъ и его quasi—научный винигретъ весьма сомнительнаго, а часто и совсѣмъ сквернаго качества. Чтобы не быть голословными приведемъ, напримѣръ слѣдующія мѣста.

«Въ настоящее время мы знаемъ, утверждаетъ г. Фино, что оба вида протоплазмы—растительная и животная—одинаково обладаютъ способностью пропитываться (?!) зеленымъ веществомъ (хлорофилломъ) и что въ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ (Stentor polymorphus и много другихъ) заключается зеленое вещество, а въ протоплазмѣ многихъ растеній его совершенно не находятъ. Вотъ вамъ и пресловутое различіе цвѣта!»

Видимо, г. Фино совершенно неизвѣстны ни форменный—пластидный характеръ зеренъ и другихъ хлорофильныхъ клѣтокъ, ни явленія симбіоза зеленыхъ водорослей и инфузорій.

Еще болѣе поразительное невѣжество обнаруживаетъ авторъ, когда поучаетъ читателя, что въ образованіи кристалловъ участвуютъ, главнымъ образомъ, бациллы, цѣлый рядъ микроорганизмовъ, живыхъ существъ, которыя *по заранѣе составленному плану* группируются въ различныхъ формахъ извѣстныхъ намъ кристалловъ.

Бациллы эти, согласно своей природѣ, кристаллизуются, если можно такъ выразиться, по образцу извѣстныхъ намъ кристаллическихъ формъ. Такъ если мы замѣчаемъ скаленоэдрическій (разносторонній?!) кристаллъ, то мы можемъ быть увѣрены, что эту странную агломерацію произвелъ микробъ бугорчатки, точно также параллелепипедная форма кристалла зависитъ отъ бациллъ сибирской язвы, ромбоэдрическая—отъ тонкой бациллы (bacillus subtilis), а призматическая шестиугольная форма—отъ bacillus taeniae...»

Г. Фино и не подозрѣваетъ, что создалъ какую-то новую науку—бациллокристаллографію, опрокидывающую всѣ законы такой точной науки, какъ кристаллографія.

Впрочемъ, что для поразительной фантазіи автора создать новую науку и дать человѣку безсмертіе, онъ можетъ и больше; вѣнцомъ его научныхъ предвидѣній является созданіе человѣкомъ гомункула—искусственнаго «человѣчка» Эти «человѣчки» не будутъ похожи на насъ, они не будутъ имѣть ни нашихъ пороковъ, ни нашихъ добродѣтелей, они «будутъ почти ангелами», которые, быть можетъ, переступятъ «предѣлы тѣхъ великихъ тайнъ, жертвой которыхъ палъ въ человѣчествѣ не одинъ великій умъ...»

---

*) Макробъ—человѣкъ долгой жизни.

Я убѣжденъ, что въ этомъ мѣстѣ г. Фино пролилъ маленькую слезу о своей печальной долѣ: такой великій умъ и все же не всѣ тайны еще разрѣшилъ.

«Человѣчки» эти будутъ по собственному желанію то замирать, то снова воскресать. «Когда нибудь, быть можетъ, они, сдѣлавшись могущественными и сильными, образуютъ особаго рода человѣчество и потребуютъ у людей своихъ правъ!

Будучи сами продуктами утонченныхъ умовъ, они путемъ синтеза создадутъ подобныя себѣ существа (человѣчечковъ?). Тогда человѣчество подраздѣлится на людей—обезьянъ и на человѣчковъ».

Ахъ! какъ пріятно!

Но зачѣмъ же переводятъ у насъ такія книги?..

В. Агафоновъ.

Вильямъ Круксъ. О происхожденіи химическихъ элементовъ. Рѣчь, читанная въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ 18-го февраля 1887 года. Переводъ А. В. Генерозова, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Коновалова. Москва. 1902 г. Цѣна 50 коп. «Въ наше время неутомимаго изслѣдованія,—говоритъ Круксъ, мы не можемъ обходить вопросовъ: что такое элементы? Откуда они берутъ свое начало? Какое значеніе они имѣютъ? Если нельзя никакъ, даже гадательно, отвѣтить на эти вопросы, въ такомъ случаѣ современная химія остается въ концѣ концовъ чѣмъ-то въ основѣ своей неудовлетворительнымъ. Химическіе элементы вносятъ загадку въ нашу мысль, преслѣдуютъ насъ даже въ сновидѣніяхъ. Они стелются передъ нашимъ взоромъ, какъ невѣдомый океанъ, который, издѣваясь надъ усиліями понять его, нашептываетъ чудныя откровеній и смѣлыя предположенія».

Однимъ изъ такихъ смѣлыхъ предположеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ попытокъ отвѣтить на эти вопросы является и извѣстная гипотеза самого Крукса, изложенная въ рѣчи, которая была прочтена имъ въ 1887 г. въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ. Основною посылкою, тѣмъ матеріаломъ, на которомъ Круксъ строитъ свои умозрѣнія послужили ему отчасти его собственныя изслѣдованія, отчасти же изслѣдованія другихъ ученыхъ (главнымъ образомъ Норденшильда и Ауэра фонъ-Вельсбана), касающіяся такъ называемыхъ рѣдкихъ земель *). Изслѣдованія эти привели Крукса къ заключенію, что нѣкоторыя изъ этихъ земель, принимаемыя химиками за элементы, на самомъ дѣлѣ таковыми считаться не могутъ и, во всякомъ случаѣ, не представляютъ собою послѣднихъ составныхъ частей, на которыя вещество можетъ быть разложено. При изслѣдованіи окиси итрея, которая при всевозможныхъ условіяхъ ея полученія обладаетъ всегда однимъ и тѣмъ же молекулярнымъ вѣсомъ и однимъ и тѣмъ же характернымъ для нея спектромъ, Круксу удалось, путемъ чрезвычайно кропотливыхъ химическихъ операцій, раздѣлить эту окись на нѣсколько частей, каждая изъ которыхъ обладала различными химическими свойствами и разными спектрами фосфоресценціи; съ другой стороны, Норденшильдомъ было установлено, что такъ называемая гадолиніева земли, представляющая несомнѣнную смѣсь трехъ различныхъ элементовъ, обладаетъ при всевозможныхъ условіяхъ ея полученія, всегда однимъ и тѣмъ же молекулярнымъ вѣсомъ. Сопоставляя эти факты Круксъ проходитъ къ выводу, что критеріи, которыми мы пользуемся для

*) Рѣдкими земельными металлами или просто рѣдкими землями въ химіи называется рядъ металловъ, относящихся главнымъ образомъ къ 3-ей группѣ періодической системы элементовъ. Своимъ названіемъ они обязаны землистому виду ихъ окисей, а также тому обстоятельству, что металлы эти содержатся въ очень рѣдкихъ минералахъ, встрѣчающихся, главнымъ образомъ, въ Швеціи и Норвегіи.

установленія элементарности даннаго вещества (постоянство атомнаго вѣса состава и спектра) оказываются далеко не надежными. А разъ это такъ, то естественно возникаетъ сомнѣніе въ элементарности и всѣхъ вообще химическихъ элементовъ. Круксъ и полагаетъ, что наши элементы есть лишь сложныя молекулы, а чтобы объяснить, какимъ образомъ и изъ какого истиннаго конечнаго элемента эти молекулы возникли, онъ предлагаетъ свою гипотезу. Существенный интересъ и оригинальность этой гипотезы заключается въ примѣненіи къ космогоническому процессу принципа эволюціи, оказавшагося столь плодотворнымъ въ изученіи процессовъ біологическихъ и соціальныхъ. Круксъ полагаетъ, что въ процессѣ мірообразованія была такая эпоха, когда вещества, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово, еще не существовало. Было первобытное «нѣчто», первовещество, которое находилось въ «ультра-газовомъ» состояніи и которому Круксъ даетъ названіе *протила*. Въ силу стремленія къ аггрегаціи, присущаго всякой безформенной матеріи и которое является универсальнымъ формирующимъ началомъ въ природѣ, протилъ уплотнился, появились первыя зерна уже дифференцированной атомной матеріи. Но такъ какъ всякое атомистически построенное вещество предполагаетъ непремѣнно извѣстный запасъ сосредоточенной въ немъ энергіи, какъ потенціальной (химизмъ), такъ и кинетической (внутреннія движенія атомовъ), то энергія эта должна была получаться на счетъ охлажденія сосѣднихъ частей протила, такъ что процессъ формированія вещества шелъ параллельно съ охлажденіемъ протила. Первоначально появившійся элементъ долженъ былъ стоять ближе всего къ протилу, имѣть самое простое строеніе и самый низкій атомный вѣсъ. Такимъ элементомъ и былъ, вѣроятно водородъ. По мѣрѣ дальнѣйшаго охлажденія протила формировались, путемъ послѣдовательной полимеризаціи атомовъ, и прочіе элементы, и поскольку были различны условія, при которыхъ они возникали, по стольку же оказались различными и свойства самихъ элементовъ. «Чѣмъ дольше, говоритъ Круксъ, былъ промежутокъ времени, употребленный на ту часть процесса, въ теченіе которой протилъ сплочивался въ атомы, тѣмъ рѣзче опредѣлялись проистекавшіе элементы; чѣмъ быстрѣе и неправильнѣе протекалъ этотъ процессъ, тѣмъ больше конечные продукты приближаются другъ къ другу и почти съ незамѣтными оттѣнками переходятъ другъ въ друга». Такимъ образомъ при условіяхъ весьма сходныхъ между собою, могли образоваться атомы, настолько близкіе другъ къ другу, что мы принимаемъ ихъ за однородные, считаемъ за одинъ и тотъ же элементъ». «Подлежитъ еще сомнѣнію,—говоритъ Круксъ,—абсолютно ли одинаковы массы конечныхъ атомовъ даже у одного и того же элемента. По всей вѣроятности наши атомные вѣса представляютъ собою лишь нѣкоторыя среднія величины, около которыхъ варіируютъ въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ истинные вѣса атомовъ». Отсюда становятся для Крукса понятными и факты, которые онъ наблюдалъ при изслѣдованіи окиси итрія. То обстоятельство, что ему удалось повидимому однородное вещество на неоднородныя части указываетъ лишь на неодинаковость входящихъ въ его составъ атомовъ.

Такова въ краткихъ чертахъ сущность гипотезы Крукса. Основная посылка ея (допущеніе сложныхъ элементовъ) есть лишь возможный, но не единственно-обязательный выводъ изъ тѣхъ фактовъ, къ которымъ былъ приведенъ Круксъ своими изслѣдованіями и при тѣхъ средствахъ которыми располагаетъ современная наука выводъ этотъ не можетъ быть подвергнутъ экспериментальной провѣркѣ; съ другой стороны въ распоряженіи науки не имѣется и положительныхъ данныхъ, чтобы утверждать невозможность круксовскихъ допущеній. Во всякомъ случаѣ окончательный приговоръ надъ его гипотезой принадлежитъ будущему. Интересъ же и значеніе вопроса, который пытается разрѣшить Круксъ, не подлежитъ сомнѣнію и не ограничивается предѣлами только

химіи. Вопросъ о происхожденіи элементовъ, въ связи съ идеей единства матеріи, является одною изъ величайшихъ проблемъ современнаго естествознанія вообще.

Рѣчь Крукса появляется на русскомъ языкѣ уже не въ первый разъ. Ранѣе она была переведена покойнымъ профессоромъ Столѣтовымъ, но въ настоящее время переводъ этотъ сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Между тѣмъ рѣчь Крукса остается и до сихъ поръ единственнымъ по полнотѣ и изяществу изложеніемъ его гипотезы. Въ виду этого появленіе настоящаго изданія этой рѣчи слѣдуетъ признать весьма желательнымъ. Что касается ея перевода, то далеко уступая прекрасному столѣтовскому переводу, онъ, въ общемъ, удовлетворителенъ, хотя въ немъ и встрѣчаются мѣста довольно сомнительныя, въ смыслѣ ясности и легкости передачи.

Издана книжка хорошо, и цѣна ея (50 коп. въ переплетѣ) недорогая.

Г. Б—шъ.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Г. Хлопинъ. „Гигіена городовъ“.—„Фельдшерскій сборникъ“.

Проф. Г. В. Хлопинъ. Гигіена городовъ. Общедоступный очеркъ. 2-ое изданіе Юрьевъ. 1903 г. Ц. 50 коп. Брошюра проф. Г. В. Хлопина, первоначально появившаяся въ редактированномъ имъ-же сборникѣ изданія журнала «Спутникъ Здоровья», представляетъ большой интересъ для всѣхъ, интересующихся вопросами городской гигіены и санитаріи, а число такихъ интересующихся лицъ должно съ каждымъ днемъ все увеличиваться соотвѣтственно увеличивающемуся росту городовъ.

Трудная и сложная задача удобнаго и здороваго размѣщенія и устройства большихъ количествъ людей на сравнительно незначительномъ пространствѣ далеко еще не разрѣшена вполнѣ удовлетворительно не только у насъ, но и въ Европѣ, гдѣ раньше и болѣе умѣло, чѣмъ у насъ, взялись за исправленіе старыхъ средневѣковой жизнью созданныхъ крайне антисанитарныхъ городовъ.

Проф. Хлопинъ вполнѣ справедливо предостерегаетъ наши города, изъ которыхъ многіе еще не успѣли застроиться вплотную, не лишились еще садовъ, парковъ и т. д., отъ тѣхъ ошибокъ, исправленіе которыхъ обходится очень дорого и иной разъ вовсе не удается и которыми, къ несчастью, такъ полна уже жизнь нашихъ крупныхъ городовъ.

«Городскимъ управленіямъ,—говоритъ Г. В. Хлопинъ,—необходимо только заботиться о сохраненіи частныхъ и общественныхъ садовъ, аллей и парковъ, а нѣтъ нужды создавать ихъ вновь, какъ это пришлось и приходится дѣлать многимъ городамъ съ огромными затратами и иногда съ очень малымъ успѣхомъ. Если на эту сторону городского благоустройства у насъ не будетъ своевременно обращено вниманіе, сады и вообще насажденія исчезнутъ подъ вліяніемъ строительной горячки и городской воздухъ вмѣстѣ съ здоровьемъ жителей быстро испортится. Эта опасность уже приближается».

«Наиболѣе важныя условія городской жизни, вредно отражающіяся на здоровьѣ ихъ жителей, говоритъ авторъ, состоятъ въ неправильномъ выборѣ мѣста постройки и нецѣлесообразномъ распланированіи, въ недостаткѣ и плохомъ качествѣ воды для питья и другихъ потребностей, въ чрезвычайномъ загрязненіи почвы и воздуха, въ недостаткѣ здоровыхъ жилищъ и хорошаго питанія особенно для бѣднаго населенія и, наконецъ, въ чрезмѣрномъ напряженіи физическихъ и духовныхъ силъ, которое вызывается дороговизной жизни, бѣшеной конкуренціей, жаждой наслажденій и игрой честолюбій».

Съ этой точки зрѣнія проф. Хлопинъ останавливается въ своей брошюрѣ на самыхъ существенныхъ сторонахъ городской жизни, иллюстрируя свое изложеніе живыми статистическими данными и рисунками. Особаго вниманія заслуживаетъ глава «Заботы о чистотѣ почвы и удаленіи нечистотъ» въ виду того интереса, какой возбуждаютъ теперь въ обществѣ разсужденія о канализаціи. Цѣлымъ рядомъ очень убѣдительныхъ цифръ авторъ показываетъ, какое вліяніе на уменьшеніе смертности оказываетъ правильно устроенная канализація. Какъ извѣстно, говоритъ г. Хлопинъ, Петербургъ, имѣющій уже много лѣтъ водопроводъ, продолжаетъ быть тифознымъ городомъ, несмотря на санитарныя мѣропріятія, направленныя на борьбу съ заразными болѣзнями, дезинфекцію, на улучшеніе медицинской помощи населенію, на контроль за пищевыми припасами и нѣкоторыя другія. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что пока Петербургъ не организуетъ какъ слѣдуетъ удаленіе нечистотъ, онъ остается городомъ нездоровымъ, наглядным, хотя и отрицательнымъ доказательствомъ того, что надлежащая организація удаленія нечистотъ вообще и въ частности сплавная канализація является однимъ изъ главныхъ факторовъ оздоровленія городовъ; всѣ же остальныя санитарныя мѣропріятія, какъ бы они важны и необходимы ни были, имѣютъ въ общемъ второстепенное значеніе.

Заключительныя слова интересной брошюры проф. Хлопина слѣдующія: «въ своемъ докладѣ гигіеническому съѣзду въ Будапештѣ д-ръ М. Келеменъ попытался нарисовать идеалъ гигіенически построеннаго города. Образцовые въ гигіеническомъ отношеніи города будущаго д-ръ Келеманъ представляетъ себѣ въ видѣ группы самостоятельныхъ маленькихъ городовъ съ населеніемъ не болѣе 10 тысячъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкимъ поясомъ лѣсовъ и парковъ, дающихъ для нихъ достаточное количество чистаго воздуха. По его мнѣнію, при такомъ расположеніи, хорошія стороны современныхъ большихъ городовъ—напряженная умственная, торговая и промышленная дѣятельность не должны пострадать, такъ какъ потеря времени на переѣзды и другія сношенія съ развитіемъ техники должны сократиться и, кромѣ того, сократятся время и расходы на переѣзды на дачи и другія путешестія, предпринимаемыя съ цѣлью подышать хорошимъ воздухомъ, полюбоваться природой.

«Если для большинства западно-европейскихъ крупныхъ городовъ мысли д-ра Келемена представляются запоздалой и потому несбыточной мечтой, то для многихъ русскихъ городовъ онѣ могутъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе, могутъ научить ихъ оберегать свои естественныя преимущества: широкую распланировку, обиліе свѣта и воздуха, благодѣтельное вліяніе которыхъ на здоровье въ настоящее время уменьшается въ значительной мѣрѣ только полнымъ санитарнымъ неустройствомъ нашихъ городовъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ». Врачъ *В. И. Б—ъ.*

«Фельдшерскій сборникъ». По поводу десятилѣтія газеты «Фельдшеръ». Составили: д-ръ мед. В. Ѳ. Демичъ, ф-ръ П. А. Камининъ, ф-ръ Г. А. Коваленко, ф-ръ А. В. Педаненко, ф-ръ В. П. Поповъ, ф-ръ И. І. Семеновъ, д-ръ Б. А. Оксъ, редакторъ газеты «Фельдшеръ». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. Мысль объ изданіи сборника, резюмирующаго десятилѣтнюю дѣятельность отлично ведущейся такимъ опытнымъ человѣкомъ, какъ д-ръ Б. А. Оксъ, газеты «Фельдшеръ» возникла, главнымъ образомъ, среди сотрудниковъ газеты, большинство которыхъ и составляютъ сами фельдшера.

Въ настоящее время врядъ ли уже приходится доказывать, что, при существующихъ условіяхъ—а когда они рѣзко измѣнятся къ лучшему, сказать трудно,—фельдшера въ общей нашей медицинской организаціи играютъ далеко не послѣднюю роль, а если это такъ, то заслуживаетъ полнаго вниманія всякое начинаніе, направленное къ поднятію умственнаго и нравственнаго

уровня этого многочисленнаго, легально признаваемаго и нелегально презираемаго сословія.

Это презрѣніе осталось отъ добраго стараго, дореформеннаго времени, когда слово «фельдшеръ» являлось синонимомъ пьяницы, невѣжды и притомъ опаснаго невѣжды, такъ какъ онъ позволялъ себѣ дѣлать то, что онъ никакъ не могъ дѣлать, т.-е. лечить людей. Совершенно правъ д-ръ Оксъ, когда онъ говоритъ, что старый типъ фельдшера уже сходитъ со сцены и народился новый типъ фельдшеровъ, прошедшихъ хорошую школу, получившихъ образованіе отъ преданныхъ своему дѣлу врачей-учителей, указывавшихъ юнымъ, неиспорченнымъ своимъ ученикамъ высшіе идеалы—любить ближняго и выражать эту любовь не громкими фразами, не общими мѣстами, а скромнымъ дѣломъ. Покойный В. А. Манассеинъ, чуткій ко всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, долженъ былъ не разъ высказываться по поводу фельдшеровъ, ихъ газеты, направленія этой газеты и т. д. и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ являлся судьей справедливымъ и умнымъ. «Мы убѣждены,—писалъ онъ, что рано или поздно званіе фельдшера должно исчезнуть, но пока всякая честная попытка содѣйствовать умственному развитію и улучшенію быта нѣсколькихъ тысячъ тружениковъ, поставленныхъ въ весьма тяжкія условія, должна вызывать лишь самое искреннее участіе».

Говоря о газетѣ «Фельдшеръ», В. А. Манассеинъ писалъ, что газета эта приноситъ большую пользу, ибо издается человѣкомъ умнымъ и талантливымъ. Бѣда лишь въ томъ, что почтенный редакторъ «Фельдшера» не раздѣляетъ совершенно вѣрнаго взгляда, что фельдшеръ всюду и всегда долженъ быть только помощникомъ врача, а отнюдь не самостоятельнымъ представителемъ врачебной науки.

Такого же взгляда на дѣло держатся лучшіе представители фельдшерскаго сословія, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ статьи въ газетѣ «Фельдшеръ». Съѣздъ фельдшеровъ Воронежскаго уѣзда въ 1902 году принялъ, между прочимъ, слѣдующее положеніе: «желательно замѣнить самостоятельные фельдшерскіе пункты пунктами врачебными, такъ какъ, при несравненно меньшемъ запасѣ знаній у фельдшеровъ, самостоятельные фельдшерскіе пункты не могутъ быть настолько же полезными, какъ пункты врачебные».

И сотрудники, и редакція газеты «Фельдшеръ», не стыдясь, могли составить обозрѣніе своей тяжелой работы за 10 лѣтъ, ибо работа эта была честна и полезна.

Къ хорошо изданному сборнику приложено 48 отлично выполненныхъ портретовъ сотрудниковъ газеты «Фельдшеръ» и среди нихъ нѣтъ портрета главной души этого дѣла, энергичнаго редактора газеты д-ра Б. Л. Окса.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го іюля по 15-е августа.

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Т. I. 3-е изд. «Русскаго Богатства». Спб. 1903 г. Ц. 1. 50 к.

С. Сонина. Вылетъ ласточекъ. Рига. 1903 г.

Емельяновъ-Коханскій. Московская Нана. Москва. 1903 г. Ц. 1 р.

В. И. Голиковъ. Среди родной природы. Иллюстр. естественно-историч. хрестоматія. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1903 г. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія. Т. II. Изд. «Просвѣщенія». Спб. 1903 г.

Морисъ Метерлинкъ. Смерть Тинтажиля. Символ. драма. Москва. Изд. «Книжнаго Дѣла». 1903 г. Ц. 40 к.

Старая сказка про Кандида-Простодума. Пересказъ Е. Свѣшниковой. Москва. «Книжное Дѣло». 1903 г. Ц. 10.

В. Короленко. На Волгѣ. Полтава. Изд. Коломенкиной. 1903. Ц. 3 к.

Маркъ Криницкій. Чающіе движенія воды. Разсказы. Москва. 1903 г. Ц. 1 р.

В. И. Немировичъ-Данченко. Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія въ 2-хъ частяхъ. Спб. Сойкина. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гербертъ Спенсеръ. Факты и комментаріи. Перев. Ранцова. Изд. Голова и Большакова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дж. Гобсонъ. Экономика распредѣленія. Наука соціальнаго прогресса. Юношескіе годы Карла Маркса. Москва. «Книжное Дѣло». Ц. 2 р.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Библіотека А. М. Ѳемелиди. Художники и мыслители равныхъ временъ и народовъ. XIX в. Польша. Генрикъ Сенкевичъ. Одесса. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. «Библіотека для самообразованія». Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

С. Айзенштейнъ. Х-лучи и ихъ природа съ 9-ю рис. въ текстѣ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 65 к.

В. Н. Линдъ. Мелкая земская единица. Москва. «Книжное Дѣло». Ц. 20 к.

Н. Кажановъ. Психика жизни. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

А. Ѳ. Быковъ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Изд. 2-е. Москва. «Книжное Дѣло». 1903 г. Ц. 50 к.

Сегаль. Условія достиженія счастья по ученію юдаизма. Новочеркасскъ. 1903 г. Ц. 1. 50 к.

Н. Георгіевичъ. Жизнь Максима Горькаго. Одесса. Изд. Козмана. Ц. 20 к.

Ольденъ-Уардъ. Жизнь Л. Н. Толстого. Одесса. Изд. Козмана. 1903 г. Ц. 20 к.

Н. Геккеръ. Леонидъ Андреевъ и его произведенія. Одесса. Изд. Козмана. 1903 г. Ц. 25 к.

А. Богомолецъ. М. Горькій и его «На днѣ». «Мысль» Л. Андреева. Два критическіе очерка. Одесса. 1903 г. Ц. 30 к.

Вр. П. Лощиловъ. Общій взглядъ на земскую и городскую медицину. Спб. 1903 г.

И. П. Бѣлоконскій. О мелкой земской единицѣ. Харьковъ. 1903 г. Докладъ, прочитанный въ засѣданіи юридическаго общества.

Ф. Ганъ. Африка. 15 вып. по 50 к. Спб. «Просвѣщеніе». Вып. 14—15.

Е. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Ч. I. Отъ обряда къ пѣснѣ. Сборникъ Императорской академіи наукъ. Спб. 1903 г.

Изабелла Гриневская. «Бабъ», драматическая поэма изъ исторіи Персіи въ 5 д. Спб. 1903 г.

Пермская губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Обз. 1902 г. Пермь. Губ. земск. упр.

Сельскохозяйственный обзоръ Вятской губ. за 1903 г. Вятка. Губ. земск. упр.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VIII. Изд. уфимск. губ. земск. упр. Ц. 2 р.

Журналы засѣданій уфимской губ. оцѣночной коммиссіи съ 1894 г. по 1903 г. Изд. губ. земск. упр.

Дѣтская и народная литература. Каталогъ книгъ для народныхъ чтеній. Нижній-Новгородъ. Ц. 50 к.

Вѣстникъ таврическаго земства, годъ 1-й. Изд. губ. земск. упр. 1903 г.

Программа для осмотра и описанія фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ мастер-

скихъ и другихъ промышленныхъ заведеній, читанная д-ромъ П. И. Кедровымъ въ засѣданіи санитарнаго отдѣла. Москва. 1903.

А. С. Сапоцкій. Основы анатоміи домашнихъ млекопитающихъ. 101 рис. въ текстѣ. Варшава. 1903 г. Ц. 1 р. 80 к.

П. Н. Столпянскій. Матеріалы къ исторіи Оренбургскаго края. Вып. I. Оренбургъ. 1903 г.

Сельскохозяйственный обзоръ Нижегородской губ. за 1902 годъ. Вып. I. Изд. губ. земства. Ц. 50 к.

О вспомогательномъ или низшемъ медицинскомъ персоналѣ. Докладъ совѣщанія врачей Елизаветградскаго уѣзда. 1903 г.

Отчетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1902 годъ. Спб. 1903 г.

Отчетъ ярославской общественной городской Пушкинской библіотеки за 1901 и 1902 гг. Ярославль. 1903 г.

Отчетъ пермскаго научно-промышленнаго музея за 1902 г. Пермь. 1903 г.

Любовь Дризо. Лѣтнія колоніи въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Одесса. 1903 г.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1903 г.

Б. Л. Сегаль. Пространный еврейскій катехизисъ. Одесса. 1903 г. Ц. 70 к.

М. Александровъ. Волки въ овечьихъ шкурахъ. Одесса. 1903 г. Ц. 50 к.

Шахъ-Пароніанцъ. Лирика Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Спб. 1904. Ц. 25 к.

В. Ѳ. Лазурскій. Научная дѣятельность проф. А. И. Кирпичникова. Одесса. 1903 г.

Victor Thiebault. La crise viticole. Paris. Pr. 2 fr.

Л. Новаковская. Спеціальный курсъ практики франц. языка по методѣ наглядnаго обученія. Съ прилож. XXXVI таб. (450 рис.) для наглядnаго обученія. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Альбомъ выставки XII археологич. съѣзда въ Харьковѣ. Подъ ред. съ объясн. текстомъ проф. Рѣдина.

Народно-пѣвческіе хоры пермскаго попечительства о народной трезвости въ 1902 г.

Исторія человѣчества. Подъ ред. Гельмольта. Спб. Изд. «Просвѣщенія». 80 вып. по 50 коп. вып. Т. III—вып. 1—3, 4—6, 7—8 и 9—10. Т. IV—вып. 2—4, 5—7, 8—10.

Вёрманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. 60 вып. по 40 к. Спб. «Просвѣщеніе». Т. I. вып. 2—4, 5—8, 9—12.

Промышленность и техника. Спб. «Просвѣщеніе». 10 томовъ, 100 вып. по 50 коп. кажд. вып. Т. VII—вып. 2—4, 5—7.

Благотворительное об-во изданія общеполезныхъ дешевыхъ книгъ. Спб. 1903 г.

1. О Степовыкъ. Корыстни звѣрянтка кожалъ, ижакъ та критъ. Ц. 3 к.
2. О. Степовыкъ. Про Городыну. Ц. 5 к.

18. Имшенецькій. Пропошести або лыхи хворобы. Ц. 3 к.
21. Хто робытъ, той и мае. Оповидання про Джемса Гарфильда. Ц. 6 к.

Розмова про сельское хозяйство. 1, 2 5 кн. Чикаленко.

Изданіе «Кіевской Старины». Кіевъ. 1903 г.

За каліявщины. М. Левицькый. Ц. 5 к.
Буря на мори. Грінченко. Ц. 7 к.
Лыхый попутавъ. П. Мырный. Ц. 5 к.

Изданіе «Посредника». Москва. 1903 г.

Потокъ. Ром. Эдуарда Рода. Ц. 90 к.

Философія естественной жизни. Избранныя мысли Генри-Давида Торо. Ц. 40 к.

Проф. Геймъ. Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія. Рѣчь къ мужской молодежи. Ц. 25 к.

Генри Джоржъ. Покровительство отечеств. промышленности, свобода торговли. Изслѣдованіе тарифнаго вопроса. Ц. 2 р.

Сергѣй Орловскій. Путешествіе по Норвегіи. Ц. 50 к.

I. Вильямъ Чаннингъ, апостолъ безконечнаго совершенствованія человѣка. II. О самовоспитаніи. Рѣчь Чаннинга. Ц. 80 к.

Избранныя мысли Шиллера и Лессинга. Ц. 15 к.

250 мыслей философовъ, поэтовъ и ученыхъ о вегетеріанствѣ и воздержаніи. Ц. 20 к.

Бодрилларъ. Приключеніе бутылки съ виномъ.

Прекрасная Женевьева. Съ нѣмецк. Караваева.

Врачъ Рахмановъ. О томъ, что такое повальныя и заразныя болѣзни.

Путеводная звѣзда. Сборникъ стихотвор. Горбунова-Посадова.

Зубрилинъ. Какую пользу приноситъ травосѣяніе.

Врачъ Рахмановъ. Какая отрава въ водкѣ, винѣ и пивѣ.

Братскія пѣсни. Сборникъ стихотв. Горбунова-Посадова.

Углекопы. Составила М. Л.

Зеленый міръ. Бесѣды о жизни растеній. Библіотека для дѣтей и для юношества. Изд. «Посредника» 1903 г. Ц. 90 к.

Давайте работать! Руководство ко всевозможнымъ работамъ. Изд. «Посредника». 1903 г. Ц. 80 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*A Search for the Masked Tewareks*» *by W. J. Harding King. London.* (*Smith Elder and C°*). *12 s. 6 d.* (*Въ поискахъ за маскированными туарегами*). Обитатели Сахары, туареги, принадлежатъ къ числу наименѣе извѣстныхъ народностей. Названіе ихъ означаетъ «забытые Богомъ», и арабскіе торговцы знаютъ ихъ только какъ ночныхъ грабителей, внезапно появляющихся и исчезающихъ съ появленіемъ зари, оставляя послѣ себя слѣдъ въ видѣ нѣсколькихъ изрубленныхъ тѣлъ и разграбленныхъ каравановъ. Никто не видалъ ихъ лицъ, потому что они тщательно закрываютъ ихъ, и о жизни ихъ извѣстно очень мало, но личность этихъ разбойниковъ Сахары окружена легендой и ореоломъ таинственности. Заинтересованный этою таинственностью, авторъ, не взирая на опасности, пустился на поиски туареговъ въ самое сердце Сахары. Его смѣлая попытка увѣнчалась успѣхомъ. Онъ попалъ въ лагерь туареговъ и даже былъ ими принятъ очень гостепріимно, что и дало ему возможность нѣсколько ближе познакомиться съ бытомъ этого интереснаго племени, съ его фольклоромъ и религіозными воззрѣніями. (Daily News).

«*New Staatslehre*» *von Anton Menger* (*Gustav Fisher*). *Iena. 1903.* (*Новое ученіе о государствѣ*). Авторъ, хорошо извѣстный германской публикѣ, какъ одинъ изъ людей, въ свое время горячо ратовавшій за соціальное право, выступилъ теперь съ вполнѣ законченною системою новаго соціалистическаго ученія о государственномъ правѣ. Его книга возбудила не только большое вниманіе, но и вызвала даже сочувственные отзывы органовъ другихъ партій, съ большою похвалой обсуждающихъ новое ученіе и предлагаемыя авторомъ реформы и отдающихъ должную справедливость громадной эрудиціи автора и его глубокому пониманію вещей. (Berliner Tageblatt).

«*The Souls of Black Folk*» *by prof. W. E. Burghardt Du Bois. Chicago* (*A.C. Mellurg*) (*Душа чернаго народа*). Негритянская проблема въ Соединенныхъ Штатахъ принимаетъ все болѣе острый характеръ и поэтому естественно, что книга, написанная негромъ и касающаяся этого вопроса, должна представлять современный интересъ, особенно если авторъ ея, какъ въ данномъ случаѣ, пользуется извѣстностью и считается авторитетомъ по вопросу о соціальномъ положеніи негровъ. Съ неподдѣльнымъ чувствомъ авторъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ и о томъ, когда въ первый разъ онъ почувствовалъ, что онъ—«отверженный въ своемъ отечествѣ». Авторъ горячо возстаетъ противъ расоваго предразсудка, съ которымъ надо бороться при помощи высшаго образованія и гражданскихъ правъ. Онъ не теряетъ надежды, однако, что положеніе измѣнится, и негры вздохнутъ свободно. (Times).

«*A Political History of Slavery*» *by William Henry Smith*; *two volumes* (*Putnam Sons*). *25 s.* (*Политическая исторія рабства*). Книга представляетъ историческое изслѣдованіе, имѣющее цѣлью разрушить ходячіе взгляды на исторію аболиціонистскаго движенія и выяснить роль, которую играли въ этомъ движеніи вожди партій и политики, пользовавшіеся обыкновенными конституціонными средствами для достиженія своихъ цѣлей. Симпатіи автора, видимо, находятся не на сторонѣ «сантиментальныхъ агитаторовъ», а на сторонѣ практическихъ политиковъ, избирающихъ болѣе вѣрный и дѣйствительный путь. (Times).

«*The New Nation*» *by Percy Rowland* (*Smith Elder and C°*). (*Новая нація*). Авторъ этихъ очерковъ, рисующихъ соціальныя, экономическія и политическія условія, а также будущее австралійской федераціи, хорошо знакомъ съ жизнью австралійскихъ колоній и литературою предмета. Въ первыхъ трехъ главахъ онъ говоритъ о трудныхъ началахъ колоніальной жизни въ Австраліи, о поселеніяхъ ссыльно-каторжныхъ и борьбѣ съ аборигенами; затѣмъ онъ переходитъ къ эрѣ изслѣдованій и золотой горячкѣ. Въ остальныхъ главахъ онъ изображаетъ политику, общество, литературу, искусства, просвѣщеніе и соціальную жизнь современной Австраліи. Авторъ, видимо, питаетъ симпатіи къ «новой націи», хотя и указываетъ ея недостатки. Двѣ главы онъ посвящаетъ вопросу объ отдѣленіи Австраліи и вопросу объ имперіализмѣ.

(Bookseller).

«*The Unreformed House of Commons*» *Parliamentary Representation before 1832. By Edward Porritt, assisted by Anscie G. Porrit, hiswuife. 2 vols* (*Cambridge University Press*). (*Дореформенная палата общинъ*). Въ книгѣ разсказывается ранняя исторія англійскаго парламента, его первые шаги и постепенное развитіе. Авторъ посвятилъ нѣсколько долгихъ лѣтъ на изученіе историческихъ документовъ и благодаря его кропотливымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ обыкновенный читатель имѣетъ возможность быстро ознакомиться съ очень поучительною исторіей «матери парламентовъ»—«Mother of Parliaments», какъ называютъ англичане свою палату общинъ. Авторъ подвергаетъ весьма подробному изслѣдованію англійскую конституцію. Между прочимъ, онъ прибавляетъ, что большинство матеріаловъ, которыми онъ воспользовался для своего историческаго изслѣдованія, были найдены имъ въ библіотекахъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ.

(Bookseller).

«*Buddhist India*» *by T. W. Rhyr Davids* (*Story of the Nations*). *T. Fishes Unwin*). *5 s.* (*Буддистская Индія*). Новѣйшія изслѣдованія, повидимому, подтверждаютъ, что въ ранней исторіи большинства великихъ націй существовалъ періодъ дѣйствительнаго спокойствія, когда еще не была извѣстна тиранія касты и богатства, и люди вели простую пастушескую жизнь въ деревенскихъ общинахъ. Такую именно привлекательную картину рисуетъ авторъ изъ временъ первоначальной исторіи Индіи, когда было еще мало большихъ городовъ, и населеніе страны состояло, главнымъ образомъ, изъ поселянъ. Деревни состояли изъ группы домовъ, раздѣляемыхъ узкими тропинками между изгородями, и находились подъ управленіемъ старшинъ. Не было въ такихъ деревняхъ ни помѣщиковъ, ни нищихъ. Ни одинъ изъ обитателей не могъ назваться богачомъ съ нашей точки зрѣнія, но не было и бѣдняковъ. Всѣ имѣли достаточно для удовлетворенія своихъ несложныхъ потребностей и были независимы. Личность и собственность находились въ полной безопасности, и преступленія составляли большую рѣдкость. Единственною серьезною угрозою спокойному счастью этихъ поселянъ была засуха, которая порождала голодъ. Однимъ словомъ, авторъ рисуетъ картину въ духѣ Руссо. Но постепенно картина мѣняется. Изъ общей народной массы дифференцируется незначительный процентъ отдѣльныхъ личностей, являющихся родоначальниками всѣхъ тѣхъ классовъ, жрецовъ и королей, воиновъ, гражданъ, паріевъ и жонглеровъ, которые должны будутъ играть впослѣдствіи такую важную роль въ исторіи Индіи. Затѣмъ наступаетъ періодъ возвышенія буддизма и борьбы между свѣтскою и духовною властью.

(Daily News).

«*Rasse und Milieu*» *von Heinrich Driesman. Vierte Bande der Kulturprobleme der Gegenwart*». *Berlin.* (*Verlag Johannes Räde*). (*Раса и среда*). Палеонтологическія изслѣдованія и находки, разъяснившія многое, относящееся къ доисторическимъ обитателямъ средней Европы, до нѣкоторой степени приблизили насъ къ расовой проблемѣ. Авторъ обсуждаетъ эту проблему въ своей книгѣ и популярно, хотя и строго научно, излагаетъ ея современное положеніе и результаты научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

(Berliner Tageblatt).

«*British political leaders*» *by Justin Mecarthy. With portraits* (*Fisher Unwin*). *London* (*Британскіе политическіе вожди*). Это превосходная портретная галлерея выдающихся британскихъ политическихъ дѣятелей и государственныхъ людей, которую развертываетъ авторъ передъ глазами читателя. Онъ собралъ въ своей книгѣ тринадцать прекрасныхъ портретовъ такихъ выдающихся личностей и сопровождаетъ каждый изъ нихъ краткимъ біографическимъ очеркомъ. Авторъ лично зналъ всѣхъ этихъ людей, которыхъ онъ описываетъ, и со многими даже находился въ дружескихъ отношеніяхъ, тогда какъ съ другими онъ постоянно боролся въ парламентѣ. Это, однако, не мѣшаетъ ему видѣть хорошія качества даже у своихъ противниковъ и вполнѣ безпристрастно судить о нихъ. Очень интересны главы, касающіяся Джона Бёрнса, такъ какъ въ нихъ изображается рабочее движеніе 1885 года, и Чарльза Бредло, которому авторъ старается сдѣлать правильную оцѣнку. Разумѣется, всего сильнѣе достается отъ автора теперешнему министру колоній Чэмберлену, превращеніе котораго въ тори совершенно непонятно автору, также какъ и другія метаморфозы, которымъ онъ подвергся.

(Daily News).

«*Economie and Industrial Progress of the Century*» *by D-r H. de B. Gibbins. Niuteenth Century Series* (*Wand M. Chambers*). (*Экономическій и промышленный прогрессъ столѣтія*). Авторъ изображаетъ промышленную революцію, которая совершенно измѣнила внѣшность современной Европы и новаго міра и выдвинула новую расу людей, работающихъ съ машинами и собирающихся вмѣстѣ, образуя современные города. Эта промышленная революція положила начало новой эрѣ въ прогрессѣ міра, и именно такая общая картина, какую рисуетъ авторъ, можетъ дать истинное понятіе о размѣрахъ происшедшей перемѣны. Книга написана очень живо и читается легко.

(Athaeneum).

«*Another View of Industrialism*» *by William Mitchell Bowack* (*Fisher Unvin*). (*Другой взглядъ на индустріализмъ*). Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ о томъ отвращеніи, которое возбуждаетъ въ немъ «неестественый характеръ всѣхъ современныхъ произведеній, трактующихъ о политической экономіи». Онъ убѣжденъ, что новыя силы, вызванныя къ жизни развитіемъ машинизма, требуютъ и новаго отношенія къ нимъ. На этотъ счетъ у автора сложились свои собственные оригинальные взгляды, причемъ онъ разсматриваетъ промышленный прогрессъ, такъ сказать, съ извѣстной перспективы, такъ какъ, по его словамъ, «близость разстоянія мѣшаетъ обнять взглядомъ картину этого прогресса въ ея цѣломъ».

(Daily News).

«*Les Affirmations de la Conscience Moderne*» *par Gabriel Séailles* (*Armand Collin*). *Paris. 1903.* (*Утвержденія современной совѣсти*). Авторъ этой книги—выдающійся представитель французскаго общества «Union pour l'action morale», основаннаго лѣтъ 10—12 тому назадъ, идеи котораго проповѣдывалъ Поль Дежарденъ въ своей книгѣ «Le devoir présent». Эти же идеи развиваетъ авторъ въ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ по разнымъ поводамъ и собранныхъ теперь въ книгѣ. Онъ открыто возстаетъ противъ догматической структуры, установленнаго характера и вліянія католической церкви и говоритъ, что церковная мораль не отвѣчаетъ требованіямъ современнаго міра, но въ то же время онъ также сильно возмущается противъ современнаго научнаго фатализма, противъ удобной вѣры, порожденной эволюціонистскою теоріей жизни, признающей, что необходимый прогрессъ совершается помимо человѣческой воли и не можетъ быть заранѣе предопредѣленъ, такъ что, въ сущности для будущности міра или человѣчества весьма мало имѣетъ значенія то, что дѣлаютъ люди. Авторъ горячо возстаетъ противъ нравственнаго фатализма и пессимизма, овладѣвшихъ современною интеллектуальною Франціей.

(Journal des Débats).

«*Die Naturkräfte*» *von D-r Wilhelm Meyer. Ein Weltbild der physikalischen und chemischen Erscheinungen. Mit 474 Abildungen im Text. Leipzig und Wien* (*Bibliographisches Institut*). (*Силы природы*). Въ этомъ широко задуманномъ трудѣ авторъ разсматриваетъ вопросы, глубоко интересующіе образованныхъ читателей. Онъ отдѣляетъ другъ отъ друга физическія и химическія явленія окружающаго насъ міра и подробно изслѣдуетъ ихъ, а затѣмъ уже переходитъ къ изученію вселенной какъ гармоническаго цѣлаго. Его книга представляетъ философію природы, которая, какъ и всякая философія, заходитъ за предѣлы чистаго опыта и поэтому легко вызываетъ нападки, но тѣмъ не менѣе она удовлетворяетъ духовной потребности человѣка, не находящаго отвѣта на множество вопросовъ, смущающихъ его.

(Berliner Tageblatt).

«*Empire of business*» *by Andrew Carnegie* (*Дѣловое государство*). Знаменитый американскій милліардёръ собралъ въ этой книгѣ 18 очерковъ, написанныхъ имъ въ разное время, въ которыхъ онъ обсуждаетъ политико-экономическіе вопросы. Онъ высказываетъ въ нихъ свои взгляды на богатство, его значеніе и поучаетъ читателей, какъ можно достигнуть богатства, и какъ надо употреблять его. Авторъ восхваляетъ коммерческую профессію и рисуетъ розовыми красками будущность молодой торговой Америки. Затѣмъ онъ привѣтствуетъ тѣхъ молодыхъ людей, которые родились въ бѣдности, такъ какъ бѣдность побуждаетъ ихъ къ труду. Безъ бѣдности не было бы прогресса, и милліардеръ воспѣваетъ хвалу бѣдности, такъ какъ «печальна была бы участь человѣчества, если бы оно находилось только въ рукахъ богатыхъ людей. Только бѣдность двигаетъ человѣчество впередъ».

(Daily News).

«*Die Grenzen der Aestetik*» *von Gerhard v. Keussler. Leipzig.* (*Herm. Seemann*). (*Границы эстетики*). Эстетика принадлежитъ къ числу наукъ, особенно интересующихъ современное общество, и каждый судитъ о ней по своему. Вотъ это обстоятельство и побуждаетъ автора сдѣлать попытку установить границы эстетики на основаніи строго научнаго историческаго изслѣдованія.

(Daily News).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь
г. редакторъ!

Позвольте мнѣ, какъ сыну покойнаго редактора-издателя «Искры», Н. А. Степанова, указать на нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ интересную статью г. Лемке «Изъ исторіи русской сатирической журналистики».

1) Мысль изданія «Искры» всецѣло принадлежала моему отцу. Онъ началъ лелѣять ее вскорѣ по прекращеніи «Знакомыхъ» и сталъ подыскивать себѣ подходящаго товарища по изданію. Переводы изъ Беранже указали ему на В. С. Курочкина, какъ на очень подходящаго человѣка, и онъ познакомился съ нимъ черезъ посредство Θед. Карл. Гебгардта (брата извѣстнаго Ив. Карл.), носившаго долго послѣ того, у насъ въ семьѣ, прозвище крестнаго отца «Искры».

Самъ В. С. Курочкинъ признавалъ за отцомъ не только иниціативу въ этомъ дѣлѣ, но и нѣкоторое главенство, вслѣдствіе чего и подписывался всегда подъ нумерами «Искры» ниже отца, вопреки обычному алфавитному порядку. Зависѣло это, конечно, отчасти и отъ того, что отецъ былъ гораздо старше и пользовался уже значительною извѣстностью, когда К. былъ еще начинающимъ поэтомъ.

2) На замѣчаніе г. Лемке, что «Степановъ если и не отличался широкимъ развитіемъ и образованіемъ...», можно сказать, что въ то время всѣ «учились понемногу»... но все-таки извѣстный въ исторіи нашей культуры московскій университетскій пансіонъ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія едва ли по качеству даваемаго имъ образованія уступалъ дворянскому полку сороковыхъ годовъ. Къ тому же отецъ всегда много читалъ и слѣдилъ за всѣмъ выдающимся въ общественной жизни, въ наукѣ и искусствѣ. Полагаю, что нельзя также ставить въ нѣкоторый минусъ человѣку то, что онъ прислушивался къ разговорамъ окружающихъ его людей. Думается—таково свойство всякаго наблюдателя.

Нумера «Искры», въ особенности въ первые годы изданія, составлялись всегда совмѣстно обоими соредакторами.

3) О качествѣ работъ отца тому, кто не видалъ его акварельныхъ альбомовъ (одинъ или два изъ нихъ находятся въ публичной библіотекѣ) судить довольно трудно. Въ художественномъ отношеніи онѣ много теряли и въ переводѣ на деревяшку и въ гравюрѣ (главнымъ образомъ утрачивалось сходство, схватывать которое онъ былъ удивительный мастеръ), а въ общественномъ... г-ну Лемке лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно, какова была тогда цензура. Строгая вообще, относительно каррикатуръ она была сурова сугубо, и добрая половина работъ отца погибла навсегда въ архивѣ цензурнаго комитета.

4) Несправедливо было бы говорить о Курочкинѣ, какъ о человѣкѣ, одержимомъ страстью къ вину. Дѣйствительно, онъ любилъ выпить въ веселой компаніи, но пьяницей (какъ многіе люди того времени) онъ никогда не былъ.

5) Въ группѣ сотрудниковъ «Искры» ошибочно названъ граверомъ Ивановымъ (такого совсѣмъ не было) художникъ Н. В. Іевлевъ, упоминаемый г-мъ Лемки въ числѣ сотрудниковъ «Гудка».

6) Въ самое блестящее время «Искры» (если не ошибаюсь въ 61 году) число подписчиковъ ея доходило до 8.000.

Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи.

С. Степановъ.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ **Θ. Д. Батюшковъ.**

ніе являются намъ съ большими пробѣлами и узко очерченными, частичными, безъ особенно замѣтной сильной взаимной связи во времени и пространствѣ. Такой опытъ, т. е. изображеніе наблюденій, возможныхъ лишь въ предѣлахъ одного акта сознанія, не составляетъ даже и по Маху задачи науки. Но тогда въ основѣ фактовъ, которые она должна воспроизвести, лежитъ уже существенное дополненіе ихъ посредствомъ идей. Однако, между этимъ и еще дальше идущимъ усовершенствованіемъ мышленія нѣтъ никакой существенной разницы, никакого принципіальнаго противорѣчія. Если наши идеи имѣютъ самостоятельную закономѣрность и самостоятельное значеніе, то нельзя понять, почему и то и другое не можетъ проявляться въ познаніи реальностей, напр., тѣлъ и силъ. Допущеніе это можно бы лишь въ томъ случаѣ отбросить, какъ излишнее, если бы всѣ положенія науки, покоящіяся теперь на самостоятельной закономѣрности идей, точно также хорошо можно было бы свести къ ощущеніямъ и ихъ связи. Попытайтесь, однако, примѣнить къ ощущеніямъ законъ преломленія въ оптикѣ, законъ кратныхъ отношеній въ химіи или законъ Ома въ ученіи объ электричествѣ, вы сейчасъ же увидите, насколько безсмысленны станутъ тогда эти законы. Махъ говоритъ о феноменологическихъ законахъ, которые когда-нибудь заполнятъ собою всю область физики. До сихъ поръ онъ не открылъ еще ихъ и при настоящемъ положеніи вещей трудно ожидать, чтобы онъ ихъ когда-нибудь нашелъ. Бережливость, проявляющаяся въ такомъ устраненіи основныхъ понятій, знаменовала бы собою банкротство науки.

Безспорно, у Маха есть еще и другое основаніе для его антиметафизической тенденціи. Оно заключается въ естественномъ, простомъ и какъ бы само по себѣ понятномъ довѣріи къ *достовѣрности ощущеній*. Они таковы, какими являются; ихъ нельзя ни перевертывать, ни перетолковывать. Ими владѣютъ или не владѣютъ, и если ими владѣютъ, то въ опредѣленной, безспорной формѣ, въ силу чего они суть то, что они суть. Бѣлый цвѣтъ, который я вижу здѣсь, никѣмъ не можетъ быть сдѣланъ для меня сомнительнымъ; онъ данъ мнѣ съ неопровержимой достовѣрностью. Напротивъ, если я говорю объ атомахъ кислорода или о колебаніяхъ эѳира, то они являются лишь умственно воспринимаемыми предметами, о значеніи и необходимости которыхъ можно спорить, которые устанавливаются и допускаются лишь посредственно, на основѣ наблюденій и умственныхъ операцій. Поэтому кажется совсѣмъ невозможнымъ поставить ихъ на одну ступень съ вполнѣ достовѣрной прочностью чувственно-воспринятаго.

Значеніе этой достовѣрности необходимо прежде всего нѣсколько освѣтить. Разсмотрѣвъ ее хорошенько, мы убѣдимся, что она заключается въ томъ, что ощущенія *имѣются*. Ибо какъ скоро я, выходя за эти предѣлы, ихъ описываю, изображаю, сообщаю, утверждаю, что я ихъ *имѣю*, сейчасъ же сюда примѣшивается нѣчто другое,—связь съ ощущеніями словъ и мыслительныхъ актовъ, связь, отнюдь не имѣющая, какъ убѣждаетъ насъ въ этомъ психологическій опытъ,—характера строгой точности: напротивъ того, легко доказать, что она весьма часто можетъ быть обманчивой, невѣрной или сомнительной. Если разсматривать эту связь исключительно какъ наличность, настоящую или прошлую, то уничтожается различіе между самимъ предметомъ и сужденіемъ о немъ, логическій характеръ ихъ отношенія, и приходится остаться при голомъ фактѣ, безъ всякаго его испытанія, провѣрки или критики. Слѣдовательно, о достовѣрности здѣсь можетъ

идти рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если пренебрегаютъ всякимъ констатированіемъ, всякой оцѣнкой, всякими умственными операціями, и довольствуются лишь голымъ переживаніемъ процессовъ, состояній, фактовъ. Такая достовѣрность въ той же самой степени свойственна улиткѣ, съ трудомъ ползающей по землѣ и направляющей во всѣ стороны свои чувствительные отростки, или мухѣ, которая, разбуженная теплотой комнаты отъ ея зимняго сна, лѣниво и неувѣренно ищетъ пропитанія. Правда, характерное для нашей эпохи, враждебное всякимъ спекуляціямъ пониманіе дѣйствительности находитъ такое пониманіе достовѣрности вполнѣ правильнымъ и ставитъ ее всякому научному изслѣдованію, какъ образецъ и цѣль. Непоколебима, конечно, эта достовѣрность, но не потому, что она доказываетъ свою истинность въ спорѣ, а потому, что относительно ея вообще невозможенъ какой-либо споръ. Истинное и ложное, вѣрное и невѣрное, противорѣчіе и согласіе все это неизмѣнно имѣетъ значеніе только по отношенію къ идеямъ, сужденіямъ, утвержденіямъ, но отнюдь не къ голымъ фактамъ. Вообще, можно было бы усиленно рекомендовать поставить извѣстныя границы въ употребленіи этого слова: достовѣрность. О ней можно говорить, лишь имѣя въ виду недостовѣрность, ей противопоставляемую. Но это предполагаетъ сужденіе, сравненіе, котораго совершенно нѣтъ, когда имѣютъ одни лишь ощущенія. Поэтому простое обладаніе ощущеніями стоитъ не только «по ту сторону» истиннаго и ложнаго, но также и по ту сторону достовѣрнаго и недостовѣрнаго. Ощущенія, какъ таковыя, суть rudis indigestaque moles *), откуда можетъ выйти или все, или ничего, но что само по себѣ не можетъ образовать какой-либо опоры или фундамента и не представляетъ обмана или лжи.

Затѣмъ необходимо принять во вниманіе, что эта такъ называемая достовѣрность имѣетъ значеніе лишь для *индивидуума*, случайно имѣющаго подобнаго рода содержаніе сознанія. За предѣлы этой сферы она не выходитъ. Она не въ состояніи, поэтому, обосновать такую науку, которая была бы независима отъ ощущеній и переживаній отдѣльной личности. Общимъ можетъ быть, конечно, лишь то, что для каждаго одинаково существуетъ; ощущенія же имѣютъ значеніе только для того именно, кто ихъ переживаетъ. А такъ какъ наука стремится къ установленію общеобязательныхъ положеній, то она ничего не имѣетъ общаго съ этой основанной на ощущеніяхъ, достовѣрностью.

Поставимъ, наконецъ, и еще вопросъ, что же собственно образуетъ *содержаніе* или *предметъ* этой достовѣрности? На это прежде всего можно отвѣтить такъ: *ощущенія*. Современная психологія учитъ, однако, что ощущенія представляютъ продукты научной абстракціи. Вообще, мы не находимъ элементарнаго содержанія, кромѣ—простыхъ цвѣтовъ или простыхъ эффектовъ свѣта тоновъ или шумовъ, словомъ элементовъ; все это мы получаемъ посредствомъ рефлексіи, изслѣдованія и сравненія переживаній. Не ощущенія или ихъ комплексы непосредственно даны прошедшему школу опыта сознанію, а представленія и воспріятія въ опредѣленномъ порядкѣ ихъ сосуществованія и непрерывности, представленія, которыя относятся къ предметамъ и событіямъ не такъ, какъ этого хотѣло бы активное познаніе, произвольное мышленіе, а въ качествѣ простой и закономѣрной послѣдовательности пріобрѣтенныхъ и прирожденныхъ свойствъ. Поэтому нельзя также вмѣсто ощущенія обозначать въ качествѣ со-

*) Грубый и необработанный матеріалъ.

держанія указанной достовѣрности, напр., *чувственное воспріятіе.* Ибо это послѣднее, по ученію научной психологіи, представляетъ то, что въ одномъ результатѣ соединяетъ разнообразный опытъ болѣе или менѣе продолжительнаго развитія въ прошломъ съ настоящими возбужденіями нашихъ органовъ чувствъ. Какъ можно желать отдѣлить здѣсь то вещественно-первичное, что существуетъ еще до всякой эмпирической связи, отъ той примѣси, которую привноситъ сюда индивидуумъ безъ особенныхъ намѣреній, въ силу своего своеобразнаго развитія? Можетъ ли быть отнесено совершающееся, такъ же, какъ и первоначально данное къ фактамъ, которымъ присвоено наименованіе—достовѣрныхъ? Если выдѣляютъ первое, то прежде чѣмъ говорить о непосредственно данныхъ фактахъ, перерабатываютъ сперва матеріалъ, и этимъ самымъ впадаютъ въ противорѣчіе съ непосредственностью исключительно даннаго. Если же совершающееся не выдѣлять изъ существующаго, то придется допустить внутри даннаго такое множество отношеній, которыя требуютъ логическаго изслѣдованія и не всегда могутъ ему удовлетворять. Во всякомъ случаѣ, при выдѣленіи носителя такой достовѣрности, предполагается уже изслѣдованіе и познаніе.

Другой характеръ, чѣмъ тотъ, который выступаетъ у Маха, имѣетъ позитивизмъ у

2 **Евгенія Дюринга**, (род. 1833 г.),

«Естественная діалектика» (Die natürliche Dialektik, 1865 г.) котораго содержитъ между прочимъ цѣнныя теоретико-познавательныя изслѣдованія о принципѣ тожества, о принципѣ достаточнаго основанія, о безконечности и безпрерывности. Свою точку зрѣнія онъ обстоятельно изложилъ въ «Kursus der Philosophie als streng Wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung», 1875 г. (Курсъ философіи, какъ строго научнаго міровоззрѣнія и образа жизни). Эта книга, въ совершенно переработанномъ видѣ была вновь издана въ 1895 году подъ заглавіемъ «Wirklichkeitsphilosophie» (философія дѣйствительности). Но такъ какъ въ новомъ изданіи устранено довольно большое число научныхъ, теоретическихъ изслѣдованій, то для большаго знакомства съ воззрѣніями Дюринга необходимо обратиться также и къ его старой книгѣ. У Дюринга все больше укрѣплялось сознаніе, что на первомъ планѣ должно установить извѣстную умственную сноровку, при чемъ нужно исходить изъ сравнительно легко передаваемыхъ основныхъ воззрѣній. Это убѣжденіе значительно ограничиваетъ чисто научную часть его разсужденій. Изъ другихъ философскихъ сочиненій Дюринга можно указать на его трудъ—«Цѣнность жизни», впервые обнародованный въ 1865 г. и появившійся 5-ымъ изданіемъ въ 1894 году.

Философія представляетъ, по мнѣнію Дюринга, развитіе высшихъ формъ нашего знанія о мірѣ и жизни; она стремится, такимъ образомъ, къ цѣльному міровоззрѣнію и въ тоже время хочетъ быть принципомъ всесторонняго и благороднѣйшаго образа жизни. Если при построеніи теоретической картины міра суверенным господиномъ является разумъ, то, напротивъ, въ этикѣ доминирующую роль играетъ образъ мыслей. Методъ, которымъ необходимо пользоваться въ философіи, долженъ быть позитивно-догматическимъ и категорическимъ, временами также и діалектическимъ, дѣйствующимъ сообразно общимъ законамъ нашего мышленія. Въ качествѣ органа философіи рядомъ съ

разумомъ, имъ руководимая и ограниченная областью дѣйствительности является «раціональная имагинація», что то въ родѣ фантазіи, тотъ родъ ея, какой употребляется такъ же и въ отдѣльныхъ наукахъ, въ особенности въ математикѣ для производства отдѣльныхъ операцій и комбинацій. Въ качествѣ философскаго стремленія Дюрингъ обозначаетъ универсальный аффектъ, чувство, переживаемое отдѣльной личностью въ отношеніи къ совокупности его опыта, въ силу котораго она побуждается къ познанію и практическому преобразованію открытаго ею міра.

Отправнымъ пунктомъ всякой философіи является дѣйствительность и наука о дѣйствительности, естествознаніе. Поэтому Дюрингъ называетъ свою систему философіей дѣйствительности или естественной системой. Въ качествѣ предшественниковъ представляемаго имъ направленія мысли онъ называетъ Шопенгауэра и Фейербаха, на ряду съ ними также и Конта. По отношенію къ дѣйствительности философія ставитъ себѣ задачу понять ее, какъ она есть. но не стремится къ недостижимой цѣли истолковать ее и вывести изъ нея нѣчто такое, что не было бы дѣйствительнымъ. Если ограничиваются схематическимъ изображеніемъ даннаго въ дѣйствительности, тогда возможно полное познаніе и становятся излишними всякія скептическія и критическія резонерства.

Въ нашемъ мышленіи существуютъ принципы, которые имѣютъ цѣнность независимо отъ того, является объектъ ихъ примѣненія реальнымъ или же только представляемымъ. *Въ этомъ смыслѣ* можно говорить о совпаденіи мышленія съ бытіемъ и изъ нашихъ понятій и сужденій вывести опредѣленную форму міра, природы, сущаго. Съ этой точки зрѣнія діалектика имѣетъ своей задачей подготовить разумъ къ достиженію поставленной имъ себѣ цѣли,—пониманію дѣйствительности, и поставить внѣ сомнѣнія его дѣеспособность. Чувственныя воспріятія Дюрингъ также находитъ, въ общемъ, не обманчивыми и годными для объективнаго познанія. Внѣшній міръ съ его пространствомъ и временемъ существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его себѣ представляемъ, хотя при этомъ мы должны отвлечься отъ свойствъ нашихъ чувствъ.

Главный законъ, который въ состояніи, по мнѣнію Дюринга, направить по надежному пути пониманіе дѣйствительности, есть законъ *опредѣленнаго количества*. Съ этой точки зрѣнія всякое количество, мыслимое какъ нѣчто готовое, является опредѣленнымъ, т.-е. исключаетъ понятіе безконечности. Сосчитанное *нечисло*, или безконечность единицъ, было бы по Дюрингу полнѣйшимъ противорѣчіемъ. Въ силу этого закона, число свершившихся до настоящаго времени событій, несмотря на лежащую позади ихъ вѣчность, должно имѣть извѣстныя границы. Точно также количество міровыхъ тѣлъ должно быть поэтому же въ каждый данный моментъ совершенно опредѣленнымъ и конечнымъ, хотя бы непрерывное пространство и распространялось въ безграничность. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что міровой процессъ долженъ имѣть абсолютное начало во времени и что дѣлимость данной матеріи конечна, что она должна быть сводима на опредѣленное количество частей. Если же хотятъ выйти за предѣлы этого перваго событія, которымъ начался міръ, то дойдутъ, по Дюрингу, до бытія безъ событій, въ которомъ не можетъ быть мѣста непрерывности отдѣльныхъ происшествій. Это первоначальное бытіе, которое мы можемъ опредѣлить лишь при помощи абстрагированія отъ

всѣхъ качествъ, свойственныхъ процессамъ, совершающимся въ мірѣ, является само себѣ равнымъ и одинаковымъ. Въ немъ необходимо искать корней всего того, что мы называемъ происшествіемъ и представляемъ въ качествѣ опредѣленнаго существованія. Этимъ еще не сказано, что въ немъ должны исчезнуть всякаго рода различія. Только послѣдовательность отдѣльныхъ событій нельзя мыслить въ первоначальномъ бытіи; напротивъ, одновременныя различія въ пространствѣ, о происхожденіи которыхъ не можетъ быть и рѣчи, допустимы и въ первоначальномъ бытіи. Приближеніе къ этому первобытному состоянію показываетъ намъ космогоническая астрономія, исторія развитія земли и живыхъ существъ, поскольку онѣ, идя въ своихъ изслѣдованіяхъ въ глубь временъ, подходятъ ко все болѣе простымъ, менѣе развитымъ процессамъ и существованіямъ. Поэтому природу можно представлять, какъ вполнѣ опредѣленное количество существованій и процессовъ, причемъ мы мысленно прослѣживаемъ ихъ въ прошломъ до первобытнаго состоянія, а въ будущемъ видимъ ихъ безгранично продолжающимися.

Но, во всякомъ случаѣ, дѣйствительное есть настоящее. Бывшее, прошедшее нельзя уже болѣе называть дѣйствительностью. Слѣдовательно, и то первобытное состояніе, въ виду того, что мы стоимъ и живемъ въ центрѣ мірового процесса, уже не существуетъ больше. Но оно могло оставить слѣды и въ дѣйствительности, такъ что, при его превращеніи въ настоящую, совершающуюся и развивающуюся природу, въ дѣйствительность входятъ постоянные, неизмѣнные факторы, недоступные измѣнчивой игрѣ событій. Матерія и атомы, равно какъ одновременность явленій, которую мы разсматриваемъ, какъ законы природы, могутъ быть признаны наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ первобытнымъ состояніемъ. Но если переходъ изъ него въ міровой процессъ представляетъ нѣчто новое, абсолютное новообразованіе, тогда и дальнѣйшіе акты природы могутъ принять соотвѣтствующую форму, и въ міровомъ процессѣ все вновь и вновь происходятъ новыя зарожденія. Этотъ взглядъ, допускающій простыя первичныя явленія, процессы, существованія, которыя въ рядѣ причинъ, ими обусловленныхъ, могутъ быть обозначены какъ послѣднія, а соотвѣтственно, и первыя причины, особенно характеренъ для міровой схемы Дюринга. Къ этимъ новымъ зарожденіямъ принадлежитъ не только физическое движеніе, но также и происхожденіе жизни и сознанія.

Основной формой всякаго событія является безпрерывное исчезновеніе и замѣна одного процесса другимъ.

Единство бытія такъ же мало нарушается этимъ, какъ и принципіальнымъ различіемъ между природой и первобытнымъ состояніемъ. Но мы должны представлять его себѣ, какъ единство во множествѣ или какъ однообразную связь, которую нельзя гипостазировать или опредѣлять въ видѣ, напр., индивидуальнаго существа. Въ качествѣ закона всѣхъ измѣненій возможно формулировать всегда лишь нѣчто вновь возвращающееся, повторяющееся. Однако, установленію законовъ не препятствуетъ то, что выступаютъ новыя формы явленій. Это значило бы, по мнѣнію Дюринга, «отрицать производительную и творческую дѣятельность, если основанія и слѣдствія событій мыслить такимъ образомъ, что будто въ новыхъ дѣйствіяхъ всегда проявляется не что иное, какъ новыя комбинаціи давнымъ давно извѣстныхъ причинъ». Напротивъ, новые процессы и существованія обусловлены саморазвитіемъ природы. Поэтому можно также сказать: *если* въ природѣ уже существуютъ опредѣленные типы или черты, то въ нихъ

находится и опредѣленная закономѣрность; но что эти черты вообще существуютъ, это совсѣмъ не включено въ необходимости событій и въ обусловленное ихъ однообразіемъ повтореніе. Законы природы не находятся такимъ образомъ въ противорѣчіи съ допущеніемъ абсолютно новыхъ возникновеній.

Наше знаніе поэтому недостаточно вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о происхожденіи новыхъ явленій. Въ такомъ случаѣ полное признаніе незнанія было бы, по Дюрингу, лучше всего. Онъ совершенно не признаетъ фантастическія попытки выйти за эти предѣлы и достигнуть познанія всѣхъ связей міра. Несмотря на это, однако, онъ занимается вопросомъ о будущности міра и устанавливаетъ при этомъ двѣ возможности: или механизмъ природы будетъ безконечно продолжаться, или онъ превратится въ ту форму бытія, которая со времени первобытнаго состоянія извѣстна, какъ предѣльное понятіе. Судя по извѣстнымъ до сихъ поръ аналогіямъ, дальнѣйшее неизмѣнное существованіе данного вида природы является, по мнѣнію Дюринга, невѣроятнымъ, ибо образованіе различій представляетъ основной законъ природы, и поэтому она всегда должна переносить радикальныя измѣненія. Но такъ какъ число послѣднихъ въ силу закона опредѣленнаго количества должно исчерпаться, то будетъ или вѣчное, полное повтореніе («вѣчное возвращеніе равныхъ» Нитцше), или прекращеніе всякаго повторенія. По всѣмъ видимостямъ, думаетъ Дюрингъ, процессы природы становятся постепенно спокойнѣе, измѣненія менѣе быстры и радикальны, различія умѣреннѣе и тѣмъ самымъ болѣе благопріятны для жизни.

Изъ отдѣльныхъ воззрѣній Дюринга мы выдвинемъ лишь нѣкоторыя, важныя для характеристики его философіи. По его объясненію, между сознательнымъ и безсознательнымъ существуетъ полное несходство. Но, несмотря на это, антагонизмъ механическихъ силъ обусловливаетъ, по его мнѣнію, возникновеніе ощущенія. Элементарная схема всей дѣйствительности требуетъ также одной элементарной формы субъективности, вполнѣ элементарнаго ощущенія. Таковымъ является ощущеніе противодѣйствія въ чувствѣ осязанія, которое наиболѣе явственно указываетъ на свое происхожденіе изъ антагонизма механическихъ силъ; оно всюду встрѣчается, даже за предѣлами земли, и представляетъ послѣдній элементъ всѣхъ чувственныхъ воспріятій. Различіе между растеніемъ и животнымъ начинается съ возникновенія ощущенія; его настолько же позволительно ослаблять неопредѣленными переходами, какъ въ математикѣ переходъ эллипсиса въ кругъ. Различныя формы животныхъ представляютъ всеобщіе или покоющіеся роды, причемъ высшіе возникаютъ путемъ сложенія простѣйшихъ родовыхъ элементовъ, но не путемъ метаморфозы изъ низшихъ.

Философія дѣйствительности Дюринга, главные теоретическія основы которой мы только что намѣтили, отличается отъ позитивизма имманентной философіи, или отъ философіи Маха. прежде всего тѣмъ, что она не дѣйствительность сознанія разсматриваетъ, какъ единственную основу и предметъ нашего знанія, но, не давая къ тому достаточныхъ доказательствъ, допускаетъ существованіе внѣшняго міра въ смыслѣ естестественныхъ наукъ, съ матеріей и силами. Между чувственнымъ воспріятіемъ и нашимъ мышленіемъ съ одной стороны и этой физической дѣйствительностью съ другой существуетъ по Дюрингу параллелизмъ, въ силу котораго мы можемъ познавать міръ такимъ, какимъ онъ есть. Съ другой стороны философія Дюринга со-

прикасается съ позитивизмомъ въ рѣзкомъ подчеркиваніи границъ, поставленныхъ нашему познанію. Этой позитивистической тенденціи придается у Дюринга своеобразная окраска тѣмъ, что познаваніе приводится въ тѣсную связь съ жизнью и поступками и тѣмъ самымъ она попадаетъ въ зависимость отъ практическихъ соображеній. Интересъ, который мы въ качествѣ живущихъ, стремящихся, совершенствующихся индивидуумовъ должны питать къ міровому процессу, сдѣлался у Дюринга, и именно въ послѣднемъ изложеніи его ученія, господствующимъ принципомъ.

Сами по себѣ правильныя и цѣнныя изслѣдованія объ отношеніи логическаго мышленія къ данной дѣйствительности приводятъ Дюринга въ общемъ къ тому результату, что антиноміи, противорѣчія и трудности, на которыя наталкивается разумъ, когда онъ пытается встрѣтить какую-нибудь точку опоры по ту сторону опыта, возможно устранить очень просто. Для этого служитъ прежде всего законъ опредѣленнаго количества, точно также какъ допущеніе новыхъ возникновеній, первопричинъ и т. п. Однако легко замѣтить, что этотъ законъ имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, рѣчь идетъ о чемъ нибудь пригодномъ къ счету, т.-е. объ отграниченныхъ другъ отъ друга, различныхъ процессахъ и существованіяхъ, и если, во-вторыхъ, количество послѣднихъ мыслится какъ нѣчто опредѣленное, слѣд., если оно въ данный моментъ по крайней мѣрѣ нѣчто законченное, цѣльное. Достаточны ли эти условія для дѣлимости матеріи, для потока событій во времени и т. д., объ этомъ данный законъ не говоритъ абсолютно ничего. Вмѣстѣ съ этимъ онъ теряетъ значеніе принципа, конструирующаго міръ въ его дѣйствительности и дающаго намъ точку опоры для пониманія его отношеній. Такимъ же путемъ теряетъ свою обязательность также и требованіе законченности ряда причинъ и предположеніе абсолютно новыхъ началъ въ развитіи событій. Необходимо, указать, что законъ опредѣленнаго количества, такъ рѣшительно поставленный Дюрингомъ во главу его міровой схемы, является по существу своему тавтологіей, поскольку онъ уже содержитъ въ себѣ возможность подсчета и законченность, т. -е. какъ разъ опредѣленіе количества. Въ силу этого данный законъ совсѣмъ не въ состояніи способствовать нашему познанію того, что творится во вселенной. Поэтому, мы не будемъ чувствовать себя также связанными, въ полномъ соотвѣтствіи съ принципомъ причинности, спрашивая о все далѣе лежащихъ причинахъ. Признаніе же абсолютно новыхъ зарожденій въ міровомъ процессѣ представляется намъ чисто догматическимъ, не имѣющимъ почти никакого научнаго обоснованія. Достовѣрно, что земля была нѣкогда въ такомъ состояніи, когда на ней не было въ наличности условій для существованія жизни, поэтому вопросъ о возникновеніи жизни или живого изъ неживого нельзя разсматривать, какъ нѣчто совершенно безсмысленное и безнадежное. И если идеалистическая метафизика относительно возникновенія сознанія или умственныхъ процессовъ приходитъ къ тому результату, что все существующее по самой сущности своей носитъ на себѣ характеръ сознательности, то она стремится такимъ путемъ разрѣшить вопросъ объ эмпирическомъ различіи сознательнаго и безсознательнаго, которое по Дюрингу должно быть признаваемо абсолютнымъ.

Не смотря на то, что, по Дюрингу, наша познающая мысль должна допустить это ограниченіе, онъ не упускаетъ случая всюду, гдѣ ему

нужно, рискнуть на самыя смѣлыя конструкціи. Если онъ, напр., въ лѣстницѣ нашихъ чувствъ видитъ отраженіе объективныхъ ступеней развитія природы и такимъ путемъ безмѣрно преувеличиваетъ и схематизируетъ мысль о параллелизмѣ между познаніемъ и его объективными предметами, то это конечно, не есть философія, стремящаяся понять дѣйствительность только такой, какой она есть. То же самое относится и къ странному утвержденію, что ощущеніе противодѣйствія представляетъ элементарную форму субъективности и что происхожденіе сознанія обнаруживается изъ антагонизма механическихъ силъ. Подъ ту же самую категорію должны быть подведены изслѣдованія о проблематическомъ первобытномъ состояніи, изъ котораго будто бы вышла природа, и разсмотрѣніе вопроса о будущности мірового развитія. Какой бы видъ осторожнаго и строго научнаго изученія они ни носили, во всякомъ случаѣ нельзя оспаривать, что въ основѣ ихъ лежатъ весьма сомнительныя предпосылки и что на ихъ мѣсто съ одинаковымъ и даже большимъ правомъ можно поставить другія предположенія. Такъ мстятъ за себя у Дюринга преждевременныя оковы познанія, заключеніе познающей мысли въ опредѣленныя, хотя и выдержанныя впослѣдствіи, границы.

Если въ абсолютной философіи центръ тяжести лежалъ въ дѣятельности чистаго мышленія, то позитивизмъ переноситъ его въ данную нашему сознанію дѣйствительность. Такимъ связываніемъ и уничиженіемъ мышленія позитивизмъ вскрываетъ свою непосредственную пружину, обнаруживаетъ свою истинную позицію. Этимъ онъ реагируетъ на безграничную производительность разума въ абсолютной философіи и на подобныя же хотя болѣе слабыя тенденціи у Герберта, Шопенгауера и др. философовъ послѣ Канта. Поэтому позитивизмъ является провѣрочнымъ пунктомъ, подведеніемъ итоговъ, идущимъ впереди новыхъ предпріятій и обременяющимъ ихъ тяжелымъ балластомъ критической предусмотрительности и воздержности. Чтобы вполнѣ основательно выполнять эту задачу, онъ ополчается не только противъ излишнихъ отвѣтовъ, но и противъ излишнихъ вопросовъ. Онъ не довольствуется только тѣмъ, что доказываетъ неудовлетворительность существующихъ метафизическихъ рѣшеній міровой загадки, ихъ непрочность и ненужность, но онъ хочетъ также подвергнуть сомнѣнію и устранить самое стремленіе къ такимъ спекуляціямъ, самую потребность въ метафизикѣ. Но такимъ образомъ онъ самъ впадаетъ въ догматизмъ, исходя изъ достовѣрности, вмѣсто того, чтобы искать ее, безъ всякихъ колебаній признавая первоначальный опытъ какъ истинный прообразъ всякаго научнаго разумѣнія и вмѣстѣ съ методами преждевременно устанавливая и цѣли мышленія.

III.

МАТЕРІАЛИЗМЪ.

Въ первой половинѣ XIX вѣка начался тотъ блестящій расцвѣтъ естественныхъ наукъ, благодаря которому указанное столѣтіе получило названіе естественно-историческаго или техническаго. Этотъ расцвѣтъ особенно благопріятно отозвался на біологіи, наукѣ о жизненныхъ явленіяхъ. Въ физіологіи обнаружилась тенденція объяснять всѣ жизненныя функціи при помощи точныхъ средствъ физики и химіи. Въ этомъ механистическомъ способѣ пониманія жизненныхъ процессовъ мы и должны видѣть общій источникъ матеріалистическихъ ученій. На одномъ съѣздѣ естествоиспытателей въ 1854 году въ Геттингенѣ вспыхнулъ такъ называемый диспутъ о матеріализмѣ, въ которомъ столкнулись противоположныя мнѣнія физіологовъ и повели къ необыкновенно живой литературной полемикѣ.

На этомъ съѣздѣ Рудольфъ Вагнеръ прочиталъ докладъ «Über Menschenschöpfung und Seelensubstanz» («о сотвореніи человѣка и субстанціи души»), и признался въ вѣрѣ въ индивидуальную постоянную субстанцію души, которую онъ считалъ необходимой для сохраненія нравственныхъ устоевъ общественнаго порядка. Если допустить, что душа является простой функціей мозга, то необходимо сдѣлать отсюда тотъ практическій выводъ, что ѣда и питье должны быть высочайшими идеалами человѣка.

Слѣдовательно, не въ силу теоретическихъ научныхъ основаній, а ради избѣжанія вредныхъ практическихъ выводовъ Вагнеръ сталъ на спиритуалистическую точку зрѣнія. Вскорѣ послѣ этого онъ самъ объявилъ, что вѣра и знаніе могутъ существовать бокъ о бокъ, представляя изъ себя нѣчто вродѣ двойной бухгалтеріи. Его противникомъ, съ необыкновенной ловкостью пытавшимся привести его ad absurdum, былъ Карлъ Фогтъ († 1895 г.). Въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Köhlerglaube und Wissenschaft» (суевѣріе и наука) онъ легко и искусно полемизировалъ противъ новаго пути познанія, называемаго вѣрой, которая обусловливается допущеніемъ существованія нематеріальной души. По мнѣнію Фогта вмѣстѣ съ границами чувственнаго познанія даны границы и высшихъ формъ мышленія. При помощи же наблюденій мы находимъ, что мозгъ является органомъ такъ называемыхъ душевныхъ функцій, и должны признать за этимъ положеніемъ значеніе неопровержимой истины.

Уже раньше въ своемъ сочиненіи «Kreislauf des Lebens» (круговоротъ жизни) Якобъ Молешотъ († 1898 г.) защищалъ подобные же взгляды противъ нападокъ знаменитаго химика Либиха. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ этой книги исчезли намеки на поводъ, вызвавшій ея

появленіе; она выросла въ объемѣ, пріобрѣла болѣе тщательную обработку и въ своемъ двухтомномъ 5-мъ изданіи (1887 г.) представляетъ главное литературное созданіе нѣмецкаго матеріализма въ XIX вѣкѣ. Молешотъ пытается устранить установленную Кантомъ противоположность между явленіемъ и вещью въ себѣ, отождествляя познаваемое бытіе съ бытіемъ вообще. Только посредствомъ свойствъ существуетъ, по его мнѣнію, бытіе, а всѣ свойства состоятъ исключительно въ отношеніяхъ: «холодный ледъ познается лишь теплой рукой, зеленыя деревья—здоровымъ глазомъ, или быть можетъ зеленое что нибудь другое, чѣмъ отношеніе свѣта къ нашему глазу? Тогда, однако, уничтожена граница между вещью въ себѣ и вещью для насъ». Какъ скоро поэтому намъ удалось изслѣдовать всѣ свойства тѣлъ, которыя въ состояніи воздѣйствовать на наши чувства, мы постигли одновременно и сущность вещей. Матеріализмъ противопоставляется далѣе спиритуализму, какъ монистическое ученіе ученію дуалистическому, но при этомъ неясно различается между монистическимъ воззрѣніемъ, разсматривающимъ тѣлесное и духовное, какъ двѣ различныя стороны одной и той же сущности, и собственно матеріалистическимъ, сводящимъ духовное на тѣлесное. Только такимъ образомъ и можно понять это, когда Молешотъ съ одной стороны объявляетъ, что матеріалистъ признаетъ единство силы и матеріи, духа и тѣла, Бога и міра, а съ другой, не колеблясь, психологическіе процессы сводить къ дѣятельности мозга. Мышленіе характеризуется, какъ движеніе вещества, а мозгъ признается такимъ же необходимымъ производителемъ идей, какъ почки желчи. Но, конечно, идея настолько же мало должна быть какой нибудь жидкостью, какъ теплота или звукъ, а просто движеніемъ, перемѣщеніемъ мозговаго вещества.

Популяризаторомъ этого матеріалистическаго ученія сдѣлался Людвигъ Бюхнеръ († 1899 г.) въ своей широко распространенной книгѣ «Kraft und Stoff» (сила и вещество), незадолго передъ смертью автора, въ 1898 г., вышедшей 19-мъ изданіемъ. Принципіальная неясность, которую мы встрѣтили уже у Молешота, достигла у Бюхнера острыхъ, имъ самимъ, однако, не замѣченныхъ противорѣчій. Нисколько не затрудняясь, онъ въ вполнѣ монистическомъ смыслѣ объявляетъ, что сила и вещество, точно также какъ духъ и матерія, суть лишь обозначенія двухъ различныхъ сторонъ или проявленій одной и той же по своей собственной природѣ неизвѣстной намъ сущности, или первоосновы (Urgründ) всѣхъ вещей, и однако сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ ополчается на «дураковъ съ ихъ спиритуалистическимъ ослѣпленіемъ», которые дескать забыли, что матерія существовала задолго до духа, что духъ можетъ существовать только при наличности организованной матеріи, что невозможно привести даже тѣни доказательства того, что духу присуще самостоятельное существованіе внѣ матеріи. Этими по существу различными представленіями Бюхнеръ распоряжается вполнѣ произвольно и съ поистинѣ простодушной поверхностью. Такъ, напр., онъ не хочетъ имя матеріалиста примѣнять къ самому себѣ, потому что онъ разсматриваетъ вещество, силу и духъ, какъ разныя стороны одного основнаго принципа; поэтому онъ утверждаетъ также, что матеріи присущи не только физическія, но и духовныя силы и что не существуетъ матеріи безъ духа; однако съ другой стороны, Бюхнеръ разбираетъ вопросъ, какимъ образомъ начала матерія производить сознаніе или ощущеніе. Онъ приходитъ при этомъ къ тому поразительному и тяжелому для естествоиспытателя

выводу, что для насъ все равно, какъ матерія создала ощущенія; совершенно достаточно знать, что дѣйствительно произошло такимъ образомъ.

Въ 1899 году, въ годъ смерти Бюхнера, появилась книга, которой быть можетъ предназначено наиболѣе полно выразить матеріализмъ современности и замѣнить собою «Kraft und Stoff» Бюхнера. Эта книга озаглавлена «Die Welträtsel. Gemeinverständliche Studien über monistische Philosophie», (Міровыя загадки. Популярныя лекціи о монистической философіи); авторомъ ея былъ извѣстный іенскій философъ.—

Эрнстъ Геккель (род. 1834 г.).

Его книга получила огромное распространеніе и сдѣлалась предметомъ глубокаго и оживленнаго обмѣна мнѣній. Поэтому, мы намѣреваемся это новѣйшее твореніе матеріалистическаго направленія философіи подвергнуть здѣсь болѣе или менѣе подробному разсмотрѣнію.

Геккель объявляетъ, что его изслѣдованія вовсе не имѣютъ цѣлью дать «полное рѣшеніе» міровой загадки; «они должны скорѣе дать лишь критическое *освѣщеніе* этихъ послѣднихъ для широкихъ круговъ образованнаго люда и попытаться отвѣтить на вопросъ, какъ далеко приблизились мы въ настоящее время къ ихъ разрѣшенію». Отвѣты, которые онъ даетъ на вопросы о сущности, возникновеніи и развитіи міра, жизни и души, являются «естественнымъ образомъ лишь *субъективными* и лишь отчасти вѣрными». Единственное, на что онъ претендуетъ, это то, что его «монистическая философія отъ начала до конца *честная*». Его книга носитъ «характеръ эскизовъ, въ которой соединены въ одномъ цѣломъ изслѣдованія неодинаковой цѣнности». Хотя онъ и признается въ своемъ первоначальномъ замыслѣ построить цѣлую систему монистической философіи, но этотъ планъ не могъ быть выполненъ. Онъ называетъ себя вполнѣ человѣкомъ XIX столѣтія и выражаетъ намѣреніе вмѣстѣ съ его окончаніемъ подвести итогъ работѣ всей своей жизни.

Всѣ міровыя загадки возможно, по мнѣнію Геккеля, свести къ одной универсальной загадкѣ, а именно, къ *проблемѣ субстанціи*, и онъ долженъ признать, что истинная сущность субстанціи, признаваемая реалистическимъ естествоиспытателемъ за универсумъ, идеалистическимъ философомъ за субстанцію, благочестивымъ вѣрующимъ за Бога, становится все чудеснѣе и загадочнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы все больше и больше знакомимся съ ея безчисленными и формальными проявленіями и ихъ развитіемъ. То, что въ видѣ «вещи въ себѣ» находится позади явленій, мы не въ состояніи, по Геккелю опредѣлить и понынѣ. «Но,—старается себя тотчасъ же утѣшить авторъ относительно имъ самимъ признанной міровой загадки,—какое намъ, вообще, дѣло до этой мистической «вещи въ себѣ», когда мы не обладаемъ ни однимъ средствомъ для ея изслѣдованія, когда мы даже толкомъ не знаемъ, существуетъ она или нѣтъ? Предоставимъ же поэтому чистымъ метафизикамъ безплодныя умствованія объ этомъ идеальномъ призракѣ и вмѣсто этого удовлетворимся, какъ настоящіе физики, тѣми огромными реальными успѣхами, которые фактически пріобрѣла наша монистическая натурфилософія!»

Въ познаніи міра передъ нами открываются, по Геккелю, два пути:

чувственный опытъ и абстрактное мышленіе (das vernünftige Denken). Если даже послѣднее и сводится при случаѣ къ первому, какъ къ своему источнику, то все же Геккель признаетъ обѣ функціи равноправными и другъ друга дополняющими путями познанія, которыя необходимо считать за двѣ различныя функціи мозга. Чувственное воспріятіе получается посредствомъ органовъ чувствъ и, соотвѣтствующихъ имъ въ мозгу центровъ чувственнаго воспріятія (Sinnesherde), въ то время какъ мышленіе связано съ лежащими между ними центрами мыслительной дѣятельности (Denk-Herde), съ большими ассоціаціонными центрами коры большого мозга. Эти органы мышленія разсматриваются какъ необыкновенно важное открытіе Флексига (Flecshig), причемъ Геккель, очевидно, не знаетъ, что воззрѣнія Флексига встрѣтили въ кругу его товарищей по спеціальности живѣйшія и обоснованныя возраженія.

Все разнообразіе философскихъ направленій возможно, по Геккелю, свести къ противоположности *дуализма* и *монизма*. Первый «разлагаетъ универсумъ на двѣ совершенно различныя субстанціи, на матеріальный міръ и нематеріальнаго Бога, который противопоставляется міру какъ его создатель, охранитель и правитель. Напротивъ, монизмъ... признаетъ одну только субстанцію, являющуюся одновременно и Богомъ, и природой; тѣло и духъ (или матерія и энергія) являются для него «неразрывно соединенными». Этотъ монизмъ не тожественъ ни съ теоретическимъ матеріализмомъ, отрицающимъ духъ и разлагающимъ весь міръ на безконечное множество мертвыхъ атомовъ, ни съ теоретическимъ спиритуализмомъ, отрицающимъ матерію и разсматривающимъ міръ только какъ находящіеся лишь въ опредѣленномъ пространственномъ порядкѣ виды энергіи или нематеріальныя силы природы. Напротивъ, онъ (Геккель) вмѣстѣ съ Гете того мнѣнія, что не могутъ существовать и дѣйствовать ни духъ безъ матеріи, ни матерія безъ духа. Точно также онъ придерживается недвусмысленнаго монизма *Спинозы*, по мнѣнію котораго матерія, какъ безконечно распространенная (ausgedehnte) субстанція и духъ (или энергія), какъ чувствующая или мыслящая субстанція, суть два фундаментальныхъ аттрибута или основныхъ свойства всеохватывающей божественной міровой сущности или универсальной субстанціи. Богъ и міръ въ силу этого представляютъ нѣчто одно и то же, и атеизмъ, какъ непризнаніе личнаго Бога, совпадаетъ съ монизмомъ и пантеизмомъ современнаго естествознанія. Вѣдь, въ концѣ концовъ, при послѣдовательномъ мышленіи, противоположности теизма и пантеизма, витализма и механизма должны также постепенно сглаживаться. Съ такимъ приравненіемъ другъ другу всѣхъ мыслимыхъ различій вполнѣ совмѣстимо то обстоятельство, что Геккель при случаѣ самъ называетъ свое ученіе матеріалистическимъ и при изложеніи своихъ взглядовъ, вѣрный традиціямъ матеріалистической литературы, не въ состояніи строго различать между монистическимъ и матеріалистическимъ пониманіемъ.

Основнымъ понятіемъ философіи Геккеля является понятіе субстанціи, въ которомъ матерія и духъ мыслятся какъ неразрывно связанныя, а основнымъ закономъ, устанавливаемымъ имъ, является законъ субстанціи (Substanzgezetz), въ которомъ объединяются старый *химическій* законъ сохраненія вещества и новый *физическій* сохраненія силы. Въ сущности оба, по его мнѣнію, необходимо выходятъ изъ принципа причинности. Не дѣлая болѣе подробнаго обоснованія,

Геккель постоянно смѣшиваетъ другъ съ другомъ энергію и духъ, или душу, и такимъ путемъ онъ приходитъ къ монизму, который, такъ же, какъ монизмъ Бюхнера, безъ дальнѣйшихъ околичностей замѣняетъ связь матеріи и энергіи, или вещества и силы существенно различною связью матеріи и духа, или души. Необходимо ближе всмотрѣться въ это основное смѣшеніе понятій, чтобы уяснить себѣ психо-физическую лѣстницу міра, какъ ее представляетъ себѣ Геккель.

Въ царствѣ неорганической природы господствуютъ, какъ выраженія (Ausprägungen) матеріи, вѣсомая масса и (по крайней мѣрѣ практически) и невѣсомый эѳиръ. И то и другое не является чѣмъ-то мертвымъ, но обладаетъ ощущеніемъ и волей (конечно, въ весьма низкой степени), называемыхъ также чувствованіемъ (Fühlung) и стремленіемъ. А именно, атомы ощущаютъ, хотя, конечно, безсознательно, удовольствіе при сжатіи и неудовольствіе при растяженіи, поэтому они стремятся къ первому и борятся противъ второго. Уже простѣйшій химическій процессъ обнаруживаетъ то безсознательное избирательное сродство, которое выступаетъ въ отношеніяхъ половъ другъ къ другу.

Точно такой же безсознательный характеръ носитъ и душевная жизнь низшихъ организмовъ. Всякая живая клѣтка обладаетъ психическими свойствами, и душевная жизнь многоклѣточныхъ животныхъ и растеній представляетъ не что иное, какъ результатъ психической дѣятельности клѣтокъ, образующихъ ихъ тѣло. Но въ то время, какъ на низшихъ ступеняхъ органическаго міра въ ней участвуютъ всѣ клѣтки организма, на высшихъ психическія функціи выполняются только *душевными клѣтками* (Seelenzellen), избранной частью организма. Въ этихъ душевныхъ клѣткахъ находитъ свое мѣстопребываніе безсознательное представленіе; среди нихъ различаются также клѣтки ощущенія и воли, на нихъ же лежитъ и образованіе мысли, въ особенности сознанія.

Геккель отдѣляетъ такимъ образомъ *безсознательную* жизнь отъ *сознательной*. Первую, свойственную въ огромныхъ размѣрахъ также и человѣку, необходимо приписать всякой матеріи; вторая же, напротивъ, существуетъ лишь у человѣка и у тѣхъ высшихъ животныхъ, которые обладаютъ централизированной нервной системой и органами чувствъ. Сознаніе представляетъ внутреннее созерцаніе (Anschauung) и сравнивается Геккелемъ съ отраженіемъ (Spiegelung). Новорожденное дитя еще совсѣмъ не владѣетъ сознаніемъ. Только въ тотъ моментъ, когда въ первый разъ оно произноситъ *я*, зарождается его самосознаніе. Впрочемъ, объ эти области душевной жизни тѣсно связаны между собою и не отдѣлены рѣзкой границей другъ отъ друга.

Въ силу этого душа представляетъ явленіе природы, и психологія становится отраслью физіологіи. «Всюду господствующее пониманіе душевной жизни... разсматриваетъ тѣло и душу какъ двѣ различныя сущности. Объ эти сущности могутъ существовать независимо другъ отъ друга и вовсе не необходимо связаны между собою... Душа это безсмертное нематеріальное существо, духовный агентъ, загадочная дѣятельность котораго намъ совершенно неизвѣстна». Геккель объявляетъ этотъ гипотетическій, самостоятельный міръ духовъ продуктомъ поэтической фантазіи. Въ противоположность этому, естественное пониманіе душевной жизни видитъ въ ней «сумму жизненныхъ явленій, связанныхъ подобно другимъ съ

опредѣленнымъ матеріальнымъ субстратомъ», обозначаемымъ *психоплазмой*, потому что всюду химическимъ анализомъ установлено, что этотъ субстратъ принадлежитъ къ группѣ плазматическихъ тѣлъ. Такимъ образомъ опредѣляется также и психика (Psyche) какъ общее понятіе для всей совокупности психическихъ функцій психоплазмы или же какъ общее понятіе для суммы мозговыхъ функціи. Не только процессы низшей душевной жизни обусловлены физіологическимъ процессомъ плазмы опредѣленныхъ клѣтокъ, слѣдовательно, ихъ физическими и химическими измѣненіями, но и высшая душевная жизнь высшихъ животныхъ и человѣка опредѣляется тѣмъ же самымъ.

Поэтому, для научной психологіи является неизбѣжнымъ кромѣ самонаблюденія прибѣгать еще къ анатомическому изслѣдованію душевныхъ органовъ и физіологическому анализу ихъ функцій. Но огромное большинство такъ называемыхъ психологовъ или почти совсѣмъ незнакомо съ этимъ, или же очень плохо. «Такъ объясняется то обстоятельство, что значительнѣйшая часть огромной психологической литературы представляетъ изъ себя нынѣ не больше, какъ безцѣнную макулатуру». Въ наиболѣе ходячихъ учебникахъ современной психологіи мѣсто анатомическихъ и психологическихъ изслѣдованій занимаютъ фантазіи о нематеріальной сущности души, о которой никто ничего не знаетъ, и этому безсмертному фантому приписываютъ всевозможныя чудеса. Этими словами Геккель обнаруживаетъ лишь свое собственное незнаніе современной психологической литературы.

Въ области этой послѣдней съ нѣкотораго времени стало обычнымъ разсматривать отношенія между психическими и физическими процессами по принципу *психо-физическаго параллелизма*, который позволяетъ утверждать приспособленіе первыхъ къ послѣднимъ, не давая, однако, болѣе точнаго опредѣленія рода этихъ отношеній, такъ какъ оно при современномъ состояніи нашего знанія можетъ быть только гипотетическимъ и проблематическимъ. Это осторожное воздержаніе проявляется также и въ томъ, что избѣгаютъ говорить о причинной связи или взаимодѣйствіи между тѣлесными и душевными явленіями. Геккель, напротивъ, находитъ, что этотъ принципъ обосновываетъ совершенный дуализмъ тѣла и души, и ставитъ въ упрекъ Вундту то, что тотъ своимъ признаніемъ этого принципа отрицаетъ причинное отношеніе, естественную причинную связь между психическими и физическими процессами.

Въ рамкахъ этихъ лекцій мы не хотимъ пускаться въ подробную критику геккелевскаго монизма, или матеріализма. Въ концѣ этого отдѣла мы намѣреваемся дать общую критику матеріализма, но, теперь же замѣтимъ, что уже одна неясность разсужденій Геккеля едва ли дѣлаетъ его ученіе удобнымъ исходнымъ пунктомъ для оцѣнки этого направленія. Я ограничусь указаніемъ на нѣсколько затрудненій, замѣтныхъ даже при поверхностномъ ознакомленіи съ его трудомъ, даже не входя въ разсмотрѣніе вопроса—зависятъ ли они отъ недостаточно точнаго способа выражаться, или отъ незамѣченнымъ авторомъ противорѣчій. На одно изъ этихъ затрудненій я указалъ уже при изложеніи его взглядовъ. Оно состоитъ въ томъ, что понятія энергіи и духа, или души, употребляются авторомъ безо всякаго ихъ различенія рядомъ и одно вмѣсто другого. Съ этимъ соединено то, что душевная жизнь съ одной стороны связывается съ всякаго рода матеріей, съ другой—является какъ функція лишь опредѣленной матеріи, психо-

плазмы. Къ этому именно затрудненію и приходятъ, когда требуютъ для отношеній между психическими и физическими процессами «естественную причинную связь», въ то время какъ въ отношеніяхъ между матеріей и энергіей, какъ основныхъ свойствахъ одной и той же субстанціи не можетъ быть и рѣчи о причинности, о чемъ совсѣмъ не двусмысленно училъ уже такъ почитаемый Геккелемъ Спиноза. Другое фундаментальное затрудненіе откроется намъ, когда мы попытаемся выяснить представленіе Геккеля объ отношеніи сознательной душевной жизни къ безсознательной. Между ними, по его мнѣнію, не существуетъ рѣзкой границы и, несмотря на это, возникновеніе сознанія связывается съ опредѣленнымъ органомъ, центральной нервной системой. Въ этомъ смыслѣ душа обозначается даже исключительно какъ общее понятіе суммы мозговыхъ функцій. И когда сознаніе отождествляется съ внутреннимъ созерцаніемъ и даже съ самосознаніемъ, то очевидно у Геккеля отсутствуетъ пониманіе или знаніе того простого факта, что можно имѣть и даже переживать ощущенія, представленія и чувства, не зная ихъ или не относя ихъ къ *я*, какъ ихъ носителю, и что современная психологія относитъ этотъ фактъ не къ области безсознательнаго, а сознательнаго.

И наконецъ, понятіе душевной субстанціи становится непонятнымъ, если сознательная и безсознательная, слѣдовательно, вся душевная жизнь связывается съ этими особенными органами мозга. Сама собою возникаетъ мысль, что существуютъ организмы, въ которыхъ опредѣленныя клѣтки совсѣмъ не имѣютъ психическихъ функцій, что, слѣдовательно, существуетъ довольно значительная масса матеріи безъ «духа».

При изложеніи содержанія «Міровыхъ загадокъ» Геккеля мы ограничились той его частью, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ теоретическому матеріализму или монизму. Однако, необходимо хотя бы въ немногихъ словахъ указать то положеніе, которое въ общемъ стремится занять эта книга, несмотря на всю скромность и осторожность въ сдѣланной имъ въ предисловіи своей собственной характеристики.

Книга носитъ тотъ же самый характеръ естественно-научнаго высокомѣрія, проникнута тѣмъ же самымъ враждебнымъ отношеніемъ къ традиціонному и господствующему философскому направленію, обнаруживаетъ одинаковое непозволительное игнорированіе многихъ сторонъ исторіи философіи, религіи и церкви и одинаковый недостатокъ въ доброй волѣ дѣлать безпристрастную и справедливую оцѣнку подобныхъ вещей, какъ «Сила и вещество» Бюхнера. Сочиненіе это предъявляетъ также доказательства неясности мышленія, не позволяющей различать монизмъ и матеріализмъ и неспособности видѣть истинныя трудности и проблемы и идти къ ихъ разрѣшенію. Можно вполнѣ понимать *Паульсена*, когда онъ говоритъ, что онъ читалъ эту книгу съ жгучимъ чувствомъ стыда, стыда за состояніе общаго и философскаго образованія нашего народа. Что такая книга возможна, что она могла быть написана, напечатана, куплена и прочитана, что ей могли удивляться и вѣрить у народа, имѣвшаго Канта, Гёте, Шопенгауэра, это, по мнѣнію Паульсена, больно. Но, конечно, всякое время и всякій народъ владѣетъ той литературой, которую онъ заслужилъ. Утѣшимъ же себя поэтому тѣмъ, что здѣсь вновь проявляется та же неспособная къ сужденіямъ толпа, которая сегодня съ такимъ же слѣпымъ энтузіазмомъ почитаетъ Геккеля, съ какимъ она вчера отдавалась Нитцше, а третьяго дня клялась Шопенгауэромъ.

Историческій и критическій разборъ матеріализма находится въ прекрасной книгѣ *Фридриха-Альберта Ланге*, память о которомъ еще продолжаетъ жить въ «Исторіи матеріализма» (5-е изданіе, 1896 г.). Ланге признаетъ здѣсь за матеріализмомъ извѣстное значеніе. Онъ представляетъ, по его мнѣнію, опору отдѣльныхъ наукъ; научная же психологія имѣетъ право въ своихъ работахъ исходить изъ того предположенія, что всѣ душевныя явленія обусловлены состояніемъ и дѣятельностью мозга. Но въ качествѣ міровоззрѣнія Ланге считаетъ матеріализмъ совершенно негоднымъ; таковымъ можетъ быть только идеализмъ, выросшій на почвѣ кантовской теоріи познанія. Познаніе трансцендентнаго невозможно, въ видѣ дополненія къ положительному знанію: здѣсь можетъ выступить лишь творчество, дающее удовлетвореніе нравственнымъ и религіознымъ потребностямъ человѣка. Но созданный такимъ творчествомъ идеальный міръ стоитъ выше всякаго познанія и въ то же время необходимъ для прогресса человѣчества. Такъ, неокантіанецъ и позитивистъ Ланге проводитъ рѣзкую границу между научнымъ познаніемъ и направленнымъ на идеальное творчествомъ.

Для матеріализма очень характерно, что онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на науки о духѣ (Geisteswissenshaften), на ихъ методы и результаты, и что онъ не видитъ и не признаетъ метафизическую природу своихъ утвержденій. Онъ полагаетъ, что пріобрѣсти психологическія познанія, произвести историческія изслѣдованія, критику источниковъ возможно не въ союзѣ съ относящимися сюда отдѣльными науками, но независимо или даже въ полной противоположности къ нимъ. Существуетъ только *одна* наука, которой онъ слѣпо довѣряетъ и къ которой питаетъ огромное уваженіе, — это естествознаніе. Отсюда и происходитъ то, что онъ необдуманно устанавливаетъ свою догму о единственной, настоящей дѣйствительности природы (Alleinwirklichkeit der Natur), ея силъ, законовъ и вещества, и требуетъ сведенія всѣхъ другихъ полученныхъ въ опытѣ явленій къ матеріи и ея свойствамъ. Но онъ не въ состояніи понять, что въ этомъ самомъ утвержденіи заключается уже метафизика, переходъ эмпирическихъ границъ, предвосхищеніе (Anticipation) познаній, еще не нашедшихъ ихъ установленія и обоснованія въ отдѣльныхъ наукахъ. Напротивъ, онъ претендуетъ для своихъ утвержденій на ту же степень научной достовѣрности, какую пріобрѣли чисто естественнонаучные теоріи и законы. Матерія и сила кажутся ему вполнѣ реальными величинами, даже единственными реальностями. Его міровоззрѣніе, которому не хватаетъ критическаго фундамента и которое растворяетъ обдуманную воздержность сужденія въ сомнительныхъ вопросахъ, является поэтому вполнѣ догматическимъ. *Односторонность* и *догматизмъ* составляли характерныя черты этого направленія во всѣ времена, когда оно появлялось на свѣтъ Божій.

Противъ матеріализма можно выставить, главнымъ образомъ, три аргумента, которые, по крайней мѣрѣ, на извѣстное время подвергаютъ сомнѣнію его право на существованіе и отнимаютъ у него видъ эмпирически доказаннаго или даже совсѣмъ самостоятельнаго воззрѣнія. Первый изъ этихъ аргументовъ заимствованъ у естествознанія. Въ силу установленнаго въ серединѣ XIX вѣка и съ тѣхъ поръ общепризнаннаго закона сохраненія энергіи сумма покоящейся и дѣйствующей въ мірѣ энергіи, какого бы рода она ни была, всегда постоянна. Если мы различаемъ *механическую*, *электрическую*, *термическую* и

мелко и ничтожно все это должно ему казаться!

Лора удивилась. Какъ? Она сперва встрѣтила этого человѣка высокомѣрно, во всеоружіи своего «высокаго тона» и обѣщала себѣ смирить его, отплатить ему за первый недовѣрчивый взглядъ. А теперь она изучаетъ его, и находитъ это изученіе интереснымъ. Хотя она знала, что онъ совсѣмъ не гармонируетъ съ ея тонкими ощущеніями въ началѣ вечера, она все-таки находила въ немъ много привлекательнаго. И всегда такъ бывало. Она говорила себѣ, что всегда дѣлаетъ неожиданныя вещи и вещи ни съ чѣмъ несообразныя. Женщины—странныя созданія, загадочныя даже для самихъ себя.

— Какъ я радъ, что вамъ нравится все это,—сказалъ голосъ Корфеля у ея плеча.—Я зналъ, что вамъ будетъ весело. Ничто, кромѣ музыки подобной этой, не волнуетъ такъ, не говоритъ сердцу... а съ вашимъ темпераментомъ...

Онъ сразу далъ ей почувствовать ея полъ. Теперь она снова была женщиной, со всѣми женскими гранями, и ея отношенія съ Корфелемъ никогда не могли быть ничѣмъ инымъ—такъ она поняла—кромѣ отношеній между людьми двухъ различныхъ половъ. Съ Джедвиномъ это было какъ-то иначе. Съ нимъ она скорѣе его чувствовала мужчиной, чѣмъ себя женщиной. Между ними было больше обмѣна, больше равенства, больше товарищества. Корфель говорилъ только объ ея сердцѣ и обращался къ ея сердцу. Джедвинъ далъ ей почувствовать или, вѣрнѣе, она сама дала себѣ почувствовать говоря съ нимъ, что у нея есть и сердце, и голова.

Послѣдній актъ оперы не завладѣлъ ея вниманіемъ. Актеры приходили и уходили, оркестръ завывалъ и грохоталъ, зрители хлопали; а подъ конецъ теноръ, воспламененный чувствомъ долга, вырвался изъ объятій примадонны и взывалъ къ безпощадной судьбѣ и къ небу, декламировалъ о нищетѣ и о своемъ разбитомъ сердцѣ, пренебрегающемъ слезами и, наконецъ, позволилъ утащить себя со сцены своему другу басу. Въ пятый разъ сопрано упало въ обморокъ въ объятія своей многострадальной наперсницы. Зрители, внезапно вспомнивъ о шляпахъ и пальто, задвигались и многіе уходили, пока занавѣсъ падалъ.

Креслеры съ друзьями вышли въ сѣни одни изъ послѣднихъ. Когда они выходили черезъ фойе, гдѣ уже чувствовались первые притоки наружнаго воздуха, они услышали восклицанія:

— Дождь идетъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Дождь.

И въ самомъ дѣлѣ сразу потеплѣло и мелкій, сухой снѣгъ падавшій съ ранняго утра, смѣнился скучно моросившимъ дождемъ. Большое уныніе царило въ сѣняхъ среди зрителей, которые пріѣхали не въ каретахъ, и тѣхъ, чьи кареты еще не пріѣхали. Всѣ сердились; женщины закутанныя до ушей, но съ простыми кружевными косынками на головахъ пререкались съ мужьями кузенами, или братьями по вопросу о зонтикахъ. Сѣни были набиты людьми; эгретки снова качались и развивались отъ перемѣнныхъ порывовъ то сырого, холоднаго воздуха снаружи, то спертаго горячаго воздуха театра. Здѣсь и тамъ, въ толпѣ, лакеи, высокія шляпы которыхъ были покрыты каучуковыми чехлами, съ охабками зонтиковъ въ рукахъ, озабоченно искали своихъ господъ.

Снаружи, на тротуарахъ и на мостовой, царила съ виду нескончаемая суматоха; полицейскіе съ обнаженными палочками распоряжались и бранились; озабоченные, встревоженные молодые люди бѣгали взадъ и впередъ, разыскивая кареты, а дождь обливалъ ихъ цилиндры и бѣлыя перчатки. У навѣса подъѣзда швейцаръ, огромный малый въ ливреѣ, обшитой золотыми галунами, выкрикивалъ нараспѣвъ номера, покрывая своимъ голосомъ всѣ другіе звуки. Кучера, каучуковые пальто которыхъ отражали огни фонарей, двигались взадъ и впередъ; жестокая ругань поднималась между извозчиками и полицейскими; дымящіяся лошади, звеня удилами, покрытыя зелеными попонами, бросались въ сторону и становились на дыбы; безпрестанно хлопали дверцы каретъ, а

отъ колесъ стоялъ такой грохотъ на мостовой, точно проѣзжала артиллерія.

— Найти вашу карету, сэръ?—закричалъ оборванный арабъ-подростокъ у самаго локтя Креслера.

— Только поскорѣе,—сказалъ Креслеръ. Потомъ, возвышая голосъ, такъ какъ шумъ становился все оглушительнѣй, онъ прибавилъ:—Лора, какой вашъ номеръ? Вы поѣдете прежде. Девяносто три? Ищите этотъ номеръ, мальчикъ. Девяносто три! Ну, живо!

Карета подъѣхала. Всѣ быстро простились. Лора поблагодарила м-съ Креслеръ. Корфель посадилъ ихъ и самъ сѣлъ съ ними, захлопнувъ за собою дверцу. Они уѣхали.

Лора откинулась назадъ въ прохладной мглѣ кареты, гдѣ пахло сырой кожей и деревомъ.

— Какой вечеръ! Какой вечеръ!—повторяла она.

По дорогѣ и она, и Педжъ просили художника, хорошо знавшаго эту оперу, напѣвать или насвистывать имъ аріи, которыя имъ особенно нравились. Каждый разъ онѣ приходили въ восторгъ. Да, да, именно эта мелодія. Какъ это хорошо! Какъ великолѣпно!

Но тетя Вессъ была недовольна.

— Я не понимаю,—жаловалась она,—почему этотъ молодой человѣкъ, у котораго такая остренькая бородка, не женился на барышнѣ и дѣло съ концомъ. Какъ только у нихъ все слаживалось, онъ самъ началъ опять вилять, колотилъ себя въ грудь и ушелъ... По моему, все это какой-то вздоръ.

— Вотъ видите, герцогъ—тотъ который пѣлъ басомъ... начала объяснять Педжъ.

— Охъ, этотъ мнѣ совсѣмъ не нравится,—сказала тетя Вессъ. Онъ все время топалъ ногами.

Зато публика ей очень понравилась, а декольтированные туалеты произвели особенно сильное впечатлѣніе.

— Никогда въ жизни не видѣла такихъ туалетовъ, объявила она. А эта дама въ ложѣ около насъ? Ну, видѣли ли вы что-нибудь подобное?—Она подняла брови и сжала губы.—Лучше ужъ ничего не буду говорить!

Карета ѣхала по потемнѣвшимъ улицамъ нижняго города, направляясь въ сѣверную часть, гдѣ жили Дирборны. Они слышали, какъ лошади шлепали по слою топкой грязи, покрывавшей мостовую. Въ полумракѣ кареты блѣдно и легко свѣтились плащи дѣвушекъ. Дождь продолжалъ идти, образуя параллельныя полосы на окнахъ кареты. Они проѣхали нѣсколько улицъ, темныхъ, пустыхъ.

Лора скоро погрузилась въ свои мысли и говорила мало. Это былъ великій вечеръ и по другимъ причинамъ, независимымъ отъ музыки. Корфель опять сдѣлалъ ей предложеніе, и она, подъ вліяніемъ возбужденія минуты, отвѣтила ему поощрительно. Сейчасъ послѣ того она поговорила съ Джедвиномъ и какъ-то вдругъ успокоилась. Холодный воздухъ и дождь охладили ея пылавшія щеки и горячій лобъ. Теперь она спрашивала себя, любитъ ли она дѣйствительно и серьезно художника? Нѣтъ, она его не любитъ; серьезно и дѣйствительно не любитъ. Теперь, когда карета катилась вдоль пустыхъ улицъ дѣловой части города, она отлично знала, что замужъ за него выходить не хочетъ. Она поступила съ нимъ не хорошо, но для того, чтобы оправдать себя передъ нимъ, сгладить дурное впечатлѣніе, ей хотѣлось замедлить рѣшеніе. Ей нужна была его любовь, нужно было, чтобы онъ оказывалъ ей безчисленныя маленькія услуги, что онъ умѣлъ дѣлать съ такой безупречной деликатностью. Сказать ему: «Нѣтъ, м-ръ Корфель, я васъ не люблю и никогда не буду вашей женой»—значило, на этотъ разъ, разорвать съ нимъ. Онъ уѣдетъ, а это не входило въ ея виды.

Но нить ея мыслей порвалась. Размышляя, она глядѣла въ окошко кареты, въ маленькое пространство стекла, съ котораго она стерла паръ. Теперь, когда карета повернула съ Джексонъ-стритъ на улицу Ла-Саль, странный видъ всего окружающаго привлекъ ея вниманіе. Она вскрикнула отъ удивленія.

Зданія конторъ съ обѣихъ сторонъ улицы были освѣщены отъ фундамен

товъ до крышъ. Сквозь окна она видѣла клерковъ и бухгалтеровъ, которые сидѣли въ однихъ жилетахъ, наклонившись надъ конторками. Всѣ конторы были открыты и всюду царила лихорадочная дѣятельность. На тротуарахъ народъ толпился, какъ въ полдень. Мальчики-посыльные бѣгали взадъ и впередъ; группы мужчинъ стояли на углахъ, серьезно разговаривая. Все кругомъ кипѣло жизнью, несмотря на глухой часъ ночи!

— Что это такое?—спросила она.

Корфель не могъ этого объяснить, но Педжъ вдругъ закричала:

— О! я знаю. Это улицы Джексонъ и Ла-Саль. Лендри мнѣ говорилъ. Онъ называетъ это «участкомъ коммиссіонеровъ». Это въ конторахъ маклеровъ работаютъ... знаете, по случаю дѣла Хельмика.

Лора была поражена. Такъ вотъ она та, другая драма, другая трагедія, идущая яростно, страстно, всю ночь, въ то время какъ она и всѣ другіе сидѣли въ атмосферѣ цвѣтовъ и благоуханій, слушали музыку. Какъ нѣчто зловѣщее, она вдругъ предстала передъ ея умственнымъ взоромъ, ужасная, громадная. О, это драма «продовольственныхъ рынковъ»! гдѣ потокъ милліоновъ четвериковъ зерна и звонъ милліоновъ долларовъ, и топотъ, и дикіе крики тысячей людей наполняютъ воздухъ шумомъ битвы! Да, здѣсь драма смертельной важности... драма и трагедія и смерть, и шумъ смертельнаго боя. Отголоски ея достигли святилища искусства, внесли раздвоеніе между итальянской музыкой и мѣрностью свѣтскаго разговора; и потрясеніе еще тянется, когда всѣ должны уже спать, и электризуетъ до яркости жизни весь этотъ темный рядъ конторскихъ зданій. Страшно было смотрѣть на эту ночную работу. Она походила на работу въ госпиталяхъ послѣ дня сраженія, напоминала госпитали и палатки главнокомандующихъ. Раны, полученныя въ теченіе дня, были перевязаны, мертвые сочтены, а тѣмъ временемъ предводители заперлись въ своихъ главныхъ квартирахъ, составляютъ планъ новой схватки армій, которая начнется на разсвѣтѣ.

— Да, да, это оно самое и есть,— продолжала Педжъ.—Посмотрите вонъ «Руккери», а вонъ зданіе, гдѣ контора м-ра Хельмика. Лендри мнѣ все это однажды показывалъ. А вотъ, посмотрите назадъ, она подняла крышку отъ задняго окошечка, вонъ тамъ, въ концѣ улицы зданіе торговой биржи, гдѣ спекулируютъ на хлѣбъ, тамъ, гдѣ рынки пшеницы и рынки зерна.

Лора повернулась и посмотрѣла назадъ. Съ двухъ сторонъ сходящимися линіями тянулись сіяющія огнями зданія конторъ. Въ концѣ улицы свинцовое небо заалѣло. Длинная, слабая полоса свѣта пересѣкала горизонтъ, и на этомъ розовѣющемъ фонѣ высилась темная масса — громадный фасадъ на заревѣ огней за нимъ.

Это было послѣднее впечатлѣніе этого вечера. Освѣщенныя зданія конторъ, дождливая слякоть, дымка свѣта на небѣ и высившаяся на ней громада зданія торговой биржи—темное, суровое, точно высѣченное изъ одного камня, присѣвшее на своемъ фундаментѣ, какъ гигантскій сфинксъ со слѣпыми глазами, молчаливый, важный, присѣвшій тамъ безъ звука, безъ признака жизни, подъ покровомъ ночи и непрерывно льющагося дождя.

II.

Сестры Дирборны родились въ Боррингтонѣ, въ Массачузетѣ, и прожили тамъ до смерти своего отца, который умеръ, когда Педжъ поступала въ высшую школу. Мать ихъ скончалась гораздо раньше. Лора получила довольно исключительное образованіе. По выходѣ изъ высшей школы она, по желанію отца, имѣла въ теченіе четырехъ лѣтъ частнаго преподавателя. Она была честолюбива, занималась со рвеніемъ, и задача ея учителя сводилась болѣе къ руководству, чѣмъ къ преподаванію. Она быстро изучила французскій языкъ и знала Расина въ оригиналѣ такъ же хорошо, какъ Шекспира. Литература сдѣлалась ея страстью. Она изучала

Теннисона и другихъ поэтовъ времени Викторіи, ознакомилась и съ литературой новой англіи. Современную литературу она почти совсѣмъ не знала и и сознательно не ознакомилась съ нею. Только изрѣдка, и въ видѣ исключенія, она позволяла себѣ читать Хоуэльса.

Дирборнъ, имѣвшій хорошій доходъ пока онъ самъ управлялъ своей мельницей, не могъ отложить хоть сколько нибудь значительной суммы для дочерей. Когда Лора, съ помощью мѣстнаго адвоката, ликвидировала дѣла отца, продала мельницу и уплатила разные долги, у нея осталось какъ разъ довольно денегъ, чтобы взять Педжъ билетъ въ Чикаго и заплатить за ея ученіе въ семинаріи.

Послѣ смерти Дирборна Креслеры совѣтовали сестрамъ переѣхать на Западъ, обѣщали позаботиться о Педжъ во время ея ученія. Лора послала сестру въ Чикаго, но сама отложила свой переѣздъ туда.

По счастью, сестрамъ Дирборнамъ не приходилось жить на отцовское наслѣдство. Одна изъ сестеръ покойнаго Дирборна была замужемъ за очень богатымъ купцомъ въ Бостонѣ; она давно позаботилась о племянницахъ, положивъ на ихъ имя большую сумму денегъ, которую онѣ и получили послѣ смерти отца. Многіе годы на этотъ капиталъ наростали проценты; и когда на порогѣ Боррингтонскаго кладбища осиротѣвшія и одинокія дѣвушки стали лицомъ къ лицу съ жизнью, онѣ имѣли по крайней мѣрѣ одно удовлетвореніе—чувствовать свою матеріальную независимость.

Въ прочно построенномъ домѣ первыхъ колонистовъ, съ низкими потолками и огромными каминами, гдѣ когда то качались котлы ополченцовъ, жила Лора въ теченіе двухъ лѣтъ и обдумывала свое положеніе. Отецъ и мать умерли, даже бостонская тетка умерла, и изъ всѣхъ родныхъ осталась одна «тетя Вессъ». Педжъ кончала образованіе въ школѣ на озерѣ Джинива, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Чикаго. Креслеры были лучшими друзьями сиротъ. Овдовѣвшая тетя Вессъ тоже жила въ Чикаго и вмѣстѣ съ Креслерами звала Лору переѣхать туда. Все какъ будто толкало Лору на западъ, все указывало, что первый періодъ ея жизни оконченъ. Кромѣ того, у нея были свои честолюбивые замыслы. Замыслы эти еще не вполнѣ оформились въ ея головѣ, но ей смутно хотѣлось когда нибудь, въ далекомъ будущемъ, быть трагической актрисой, играть шекспировскія роли. Эта мысль, скорѣе желаніе, чѣмъ цѣль, не могла быть осуществлена въ Боррингтонѣ. Цѣлый годъ она выжидала. Ей было больно оставить старый домъ, больно оставить могилу на кладбищѣ за методистской часовней. За это время она два раза ѣздила къ Педжъ и оба раза большой сѣрый городъ привлекалъ ее, а Боррингтонъ терялъ свою прелесть—онъ былъ живописенъ, но жалко узокъ. Жизнь въ немъ была безплодно скучна; всюду царилъ «духъ новой англіи» во всей своей строгости; и этотъ духъ казался ей настоящимъ культомъ, родомъ религіи, гдѣ старая дѣва была жрицей, гдѣ поклоненіе относилось ко всему некрасивому и гдѣ ритуаломъ являлась неотложная, непрестанная работа по хозяйству.

Тотъ фактъ, что она принадлежала къ епископальной церкви и читала другія молитвы, а не тѣ, которыя были написаны пресбитаріанскимъ священникомъ, разсматривался какъ остатокъ язычества, почти каннибализма. Когда ей вздумалось нанять прислугу, она почувствовала, что ее осуждаютъ всѣ, какъ будто она ударилась въ какую-нибудь византійскую роскошь.

Настоящій кризисъ наступилъ, когда Лора съѣздила одна въ Бостонъ посмотрѣть на игру Мадейской въ Маріи Стюартъ и Макбетѣ. По возвращеніи, преисполненная восторгомъ, она дала понять свое полуоформленное желаніе послѣдовать такому примѣру. Къ ней явилась группа дамъ-діаконесъ, съ пресбитаріанскимъ священникомъ во главѣ, чтобы образумить ее и навести на путь истинный. Но имъ едва удалось изложить цѣль своего посѣщенія. Въ Лорѣ сразу проснулся духъ и характеръ юга, которые она унаслѣдовала отъ матери,

и члены «комитета» пришли въ себя уже на улицѣ, около воротъ дома, ошеломленные, глядя другъ другу въ лицо, пораженные силою взрыва долго сдержаннаго волненія и гнѣва, который выбросилъ ихъ изъ дому подобно настоящей физической силѣ. А Лора въ это время бросилась на постель и рыдала такъ, что все тѣло ея вздрагивало отъ головы до ногъ. Но она ни мало не раскаивалась въ своихъ словахъ, и черезъ мѣсяцъ покинула Боррингтонъ, навсегда переѣхавъ въ Чикаго.

Въ сѣверной части Чикаго былъ купленъ домъ и было условлено, что тетя Вессъ поселится съ племянницами. Пока новый домъ устраивался, сестры жили въ маленькомъ отелѣ по сосѣдству. Приглашеніе Креслеровъ пріѣхать въ театръ пришло какъ разъ во время перехода сестеръ въ новый домъ. Сестры переночевали тамъ только одну ночь и должны были одѣваться, чтобы ѣхать въ оперу, при свѣтѣ одной лампы въ совершенно немеблированныхъ комнатахъ. Только обаятельная переспектива услышать итальянскую оперу и быть въ ложѣ могла заставить сестеръ принять приглашеніе въ такую минуту и при такихъ обстоятельствахъ.

На другое утро Лора проснулась съ тягостнымъ сознаніемъ, что ей предстоитъ тяжелая работа на весь день. Шелъ дождь; въ комнатѣ было холодно, а сквозъ дощечки внутреннихъ ставенъ, которыя приходилось закрывать, потому что гардинъ еще не было, пробивался сѣрый свѣтъ сырого чикагскаго утра.

Все было такъ печально кругомъ, что Лора жалѣла, что не осталась въ гостинницѣ до окончательнаго устройства новаго дома.

Но мѣсяцъ въ гостинницѣ кончался, ей казалось, что будетъ дешевле сразу переѣхать и не платить за лишнія четыре недѣли. Для нея все было непривычно въ ея новыхъ условіяхъ и ей казалось, что она поспѣетъ все перевезти, все уставить и что все хозяйство пойдетъ гладко черезъ недѣлю.

Она сидѣла на постелѣ, сжимаясь, отъ холода, и глядѣла на свое вечернее платье, которое повѣсила на газовый рожокъ за отсутствіемъ всякой вѣшалки. Изъ кухни до нея долетали разные звуки, указывавшіе, что вновь нанятая прислуга зажигала огонь, а тонкая струя голубого дыма, поднимавшагося изъ отдушины, указывала, что поденщикъ возится съ неупотреблявшимся калориферомъ. Комната было въ невыразимомъ безпорядкѣ. Сундуки и ящики покрывали голый полъ; стулья, обернутые соломой, стояли другъ на другѣ; въ одномъ углу гнулся свертокъ ковровъ, а другой былъ занятъ кучей матрасовъ.

Когда Лора увидѣла все это, она поняла свою опрометчивость.

— Зачѣмъ, о зачѣмъ мы не остались въ отелѣ,—бормотала она,—пока все это не будетъ прибрано!

Она услышала, что въ сосѣдней комнатѣ уже двигается тетя Вессъ. Она повернулась къ Педжъ, которая все еще спала около нея, обвязавъ шею чулкомъ во избѣжаніе простуды.

— Педжъ, Педжъ! Проснись, дѣвочка. Поздно, а у насъ цѣлая пропасть работы.

Педжъ проснулась, усиленно моргая.

— О какой холодище, Лора! Давай зажжемъ керосиновую печку и не будемъ вставать, пока комната не нагрѣется. Развѣ тебѣ не хочется спать?... Какъ вчера было хорошо!.. Кто первый встанетъ, чтобы зажечь печку? Давай считаться... Ложись, сестричка, милая, а то весь холодъ подъ одѣяло идетъ...

Лора легла, и сестры обнялись, натягивая одѣяло до ушей, чтобы согрѣться.

— Шишелъ, вышелъ, вонъ....

Но онѣ не успѣли кончить, потому что въ ихъ комнату вошла совершенно одѣтая тетя Вессъ, и сразу обѣ дѣвушки начали просить ее зажечь печку. Зажигая печку, тетя Вессъ приговаривала съ горячностью женщины, которая отмѣчаетъ трудности условій жизни ею неодобряемыхъ:

— Мнѣ кажется, что дѣвушка, которую мы наняли, не знаетъ своего дѣла. Право, Лора, ты не справишься со всѣми этими дѣлами. Ты помнишь, что я всегда совѣтовала тебѣ просто нанять квартиру.

— Глупости, тетя Вессъ,—добродушно отвѣчала Лора.—Все это мы устроимъ отлично. Я сейчасъ встану и пойду въ кухню.

Завтракъ былъ готовъ лишь въ десять часовъ. Онѣ ѣли на кухонномъ столѣ, кухонными ножами и вилками, и во время завтрака Педжъ спросила:

— Ну, что же намъ дѣлать?—И онѣ начали обсуждать планъ компаніи.

— Лендри Кортъ сегодня не работаетъ—онъ сказалъ мнѣ почему, да я забыла—и онъ придетъ сюда намъ помогать,—сказала Лора.—Тетя Вессъ улыбнулась. Лендри Кортъ былъ влюбленъ въ Лору, и всѣ въ домѣ это знали. Тетя Вессъ считала, что все это просто смѣшно, и когда объ этомъ заходила рѣчь, она выражалась о Лендри не иначе, какъ «этотъ мальчишка».

Педжъ, наоборотъ, принимала необыкновенно серьезный видъ, когда заговаривали объ этомъ. Это все прекрасно, но Лендри славный работящій малый, которому надо пробивать себѣ дорогу и которому нельзя терять времени, и если Лора думаетъ, что изъ этого не можетъ выйти ничего серьезнаго, съ ея стороны не хорошо водить его за носъ.

— Мнѣ кажется,—отвѣчала Лора въ такихъ случаяхъ, многозначительно глядя на тетю Вессъ,—что наша маленькая дѣвочка сама чуть-чуть засматривается на нѣкоего работящаго малаго.

Педжъ всегда сердилась.

— Слушай, Лора, говорила она сверкая глазами и тяжело дыша,—это не хорошо!.. и ты знаешь, я этого не люблю... и говоришь, чтобы разсердить меня. Я не хочу, чтобы мнѣ говорили, что я бѣгаю за мужчинами, или что я обращаю вниманіе, влюбленъ онъ или не влюбленъ. Мнѣ кажется, у меня есть достоинство... что же касается до Лендри Корта—мы просто хорошіе друзья... и я цѣню его дѣловыя способности и его умѣніе обернуться, и онъ просто уважаетъ меня какъ друга и дальше это не идетъ... Я «засматриваюсь на него!» Вотъ это прекрасно!

Сейчасъ послѣ завтрака Лендри дѣйствительно появился.

— Ну, вотъ,—началъ онъ, отдуваясь и обращаясь къ Лорѣ, которая развертывала какія-то зеркальныя украшенія, извлекаемыя Педжъ изъ глубины сундука,—я уже пропасть дѣлъ надѣлалъ. Оттого и опоздалъ. Я велѣлъ высылать вамъ сюда газету; телефонировалъ въ гостинницу, чтобы вамъ сюда пересылали письма, потомъ въ газовую компанію, чтобы вамъ...

— Это хорошо,—сказала Лора.

— Да, я объ этомъ подумалъ—сейчасъ придутъ открыть газометръ; и я приказалъ привозить вамъ каждый день кусокъ льду, и еще увѣдомилъ компанію телефоновъ, что вамъ нуженъ телефонъ... Ахъ, да! молочникъ... я забѣжалъ по дорогѣ въ молочную. Ну, съ чего надо начать теперь?

Онъ снялъ сюртукъ, засучилъ рукава рубашки и погрузился въ невѣроятный хаосъ ящиковъ и сундуковъ, наполнявшихъ комнаты и корридоры перваго этажа дома. Сестры слышали какъ онъ работалъ, вскрывая ящики мощными ударами молотка. Отъ времени до времени онъ кричалъ снизу лѣстницы:

— Слушайте! куда ставить вотъ эту штуку... jardinière?... Лора! въ какую комнату пойдетъ вотъ эта лампа?

Лора, окончивъ распаковку зеркальныхъ украшеній, пришла внизъ и они съ Лендри начали вѣшать гардины въ гостинной. Лендри проницательно глядѣлъ на верхъ окна скрестивъ руки.

— Понимаю, понимаю, отвѣчалъ онъ на объясненія Лоры.—Понимаю. Теперь скажите, гдѣ отвертка и лѣстница? Да, потомъ мнѣ еще надо мѣдныхъ гвоздей и молотокъ.

Онъ послалъ кухарку за отверткой, позвалъ снизу слугу, все еще возившагося съ калориферомъ, закричалъ снизу Педжъ, чтобы спросить, гдѣ мѣдные гвозди и велѣлъ Лорѣ установить лѣстницу.

— Ну, Лендри,—распоряжалась Лора,—вотъ эти прутья должны быть приблизительно на четыре дюйма ниже потолка.

— Хорошо, сказалъ онъ влѣзая на лѣстницу,—я отмѣчу мѣсто, и вы посмотрите, вѣрно-ли это будетъ.

Она отошла отъ окна и нагнула голову.

— Нѣтъ, Лендри, выше. Теперь почти такъ... или нѣтъ,—чуть, чуть пониже. Хорошо. Теперь идите внизъ и помогите мнѣ прибить.

Они сдвинули вмѣстѣ цѣлую кучу диванныхъ подушекъ и сѣли рядомъ на полъ; Лендри вбивалъ гвозди въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Лора дѣлала складки. Ихъ руки поневолѣ соприкасались, головы сблизились. Педжъ и м-съ Весельсъ убирали на верху бѣлье. Кухарка и поденщикъ подняли страшный шумъ внизу крышками и кругами плиты, съ которой они не могли справиться въ кухнѣ.

— Красивый у васъ будетъ домъ,— сказалъ Лендри. Онъ обдумывалъ фразу, которую намѣревался сказать, когда представится случай. Она должна была относиться къ глазамъ Лоры и къ ея умѣнію понимать его. Она его понимала; она должна знать, что онъ это думаетъ, и что это необыкновенно важно для него. Онъ такъ понималъ ухаживанье за дѣвушкой. Вчера тотъ болтунъ, художникъ, завладѣлъ ею на весь вечеръ. Теперь его очередь; этотъ день, посвященный хозяйству, маленькимъ домашнимъ работамъ, казался ему несравненно привлекательнѣе пышности и церемонности бальныхъ платьевъ и оперныхъ ложъ. Въ это утро его отношенія съ Лорой становились въ его глазахъ очаровательно интимными, безцеремонными и полными счастливыхъ случайностей. Онъ никогда не видѣлъ Лору такой красивой. На ней была надѣта розовая фланелевая кофточка съ широкими рукавами, и волосы ея, небрежно заплетенные въ толстыя косы, въ красивомъ безпорядкѣ вились около глазъ и ушей.

— Я почти не видѣлъ васъ вчера,— сказалъ онъ.

— Вы и не старались.

— О, то былъ чередъ того, другого, —продолжалъ онъ. — Слушайте!—прибавилъ онъ,—когда вы устроитесь, сколько разъ въ недѣлю вы позволите мнѣ приходить сюда? Два раза—три раза?

— Какъ будто вамъ надо видѣть меня такъ часто. Вы знаете, Лендри, что я доросла до возраста старой дѣвы. Вамъ не стоитъ терять времени на посѣщеніе старыхъ дѣвъ.

Онъ началъ многорѣчиво протестовать. Молодыя дѣвушки ему надоѣли. Съ ними хорошо танцовать, но когда человѣкъ состарился для такихъ вещей, ему надо общество людей съ разумомъ съ которыми можно разговаривать. Да, ему нужно кого нибудь съ разумомъ. Ему пріятнѣе поговорить пять минутъ съ ней...

— Въ самомъ дѣлѣ, Лендри? —переспросила она, какъ будто онъ утверждалъ нѣчто невѣроятное.

Онъ поклялся, что говоритъ правду. Его глаза блестѣли; онъ ударялъ кулакомъ по ладони другой руки.

— Съ такой старой дѣвой, какъ я?— повторяла Лора.

— Совсѣмъ не старая дѣва!—кричалъ онъ.—Ахъ! вы меня, кажется, не такъ понимаете. Когда я гляжу на васъ, гляжу вамъ прямо въ глаза...

Кухарка докладывала, что угольщикъ ссыпалъ послѣдній куль угля и подала Лорѣ подписать квитанцію. Кромѣ того, Лора должна была спуститься въ кухню и посмотрѣть, хорошо-ли вычистили плиту, а пока она была внизу, пришелъ газовщикъ, и Лендри занялся съ нимъ. Только черезъ полъ-часа они снова усѣлись на подушки въ гостиной.

— Ахъ какъ много дѣла,—сказала она;—а вы, Лендри, много помогаете. Это такъ мило, что вы пришли.

— Я готовъ сдѣлать для васъ, Лора, все на свѣтѣ!—воскликнулъ онъ, поощренный ея словами;—все на свѣтѣ. И вы знаете, что готовъ. Не потому, что хочу, чтобы вы меня любили—а ужъ кажется, что этого я ужасно хочу,—а потому, что люблю быть съ вами, помогать вамъ и все такое. Ну вотъ все это,—онъ обвелъ рукою, показывая на уложенныя вещи,—весь сегодняшній день... мнѣ кажется,—объявилъ онъ серьезно,—какъ будто я вхожу въ вашу жизнь. И то, что я сижу здѣсь, прибиваю гардины, я хочу, чтобы вы знали, что меня это вдохновляетъ. Да, вдохновляетъ; это меня возвышаетъ. Вы не знаете, что значитъ для человѣка товарищество хорошей, прекрасной женщины.

— Лендри, будто такъ можно гово-

рить про меня... Вотъ тутъ, тутъ, еще прибейте гвоздь.

Она подвинула къ нему складку, но онъ взялъ ея руку, поднесъ ее къ своимъ губамъ и поцѣловалъ. Она не отняла руки и не оттолкнула его, а воскликнула, будто занятая чѣмъ-то инымъ:

— Лендри, будте осторожны, мой милый, вы мнѣ уколете палецъ. Ай!.. таки укололъ!

Онъ сразу почувствовалъ и жалость, и укоры совѣсти, повернулъ ея руку ладонью вверхъ, отыскивая царапину.

— Гм... жаловалась она:—больно!

— Гдѣ? гдѣ я васъ укололъ?.. Мнѣ ужасно стыдно.—Она показала ему на кисть руки, и Лендри, конечно, поцѣловалъ и это мѣсто;

— Какъ это глупо!—укоряла она его.—Что это вамъ пришло въ голову! Какъ будто я не довольно стара, чтобы...

— Стары или не стары, но когда-нибудь вы выйдете за меня замужъ,—объявилъ онъ.

— Совершенно нелѣпо, Лендри!—отвѣчала она.—Вы не намѣрены оставить мою руку?

— Нѣтъ не намѣренъ!—воскликнулъ онъ, еще крѣпче сжимая ея пальцы.—Она моя; я не выпущу ее, пока не скажу... или пока вы не скажите, что когда-нибудь вы отдадите ее мнѣ навсегда.

— Какъ будто вы серьезно этого хотите,—сказала она, не желая прекращать положенія вещей. Ей было такъ пріятно, что этотъ свѣжій, красивый юноша серьезно влюбленъ въ нее, такъ пріятно знать, что ей стоитъ поднять палецъ или сдвинуть брови, чтобы совершенно смутить его.

— Хочу ли? Хочу ли!—воскликнулъ онъ.—Вы не знаете, какъ серьезно я этого хочу. Но, Лора! Лора... я ни о чемъ другомъ не могу думать!

— Вы?—насмѣшливо сказала она—Вы воображаете, что я вамъ вѣрю. Скольким дѣвушкамъ вы говорили то же самое въ этомъ году?

Лендри сжалъ губы.

— Миссъ Дирборнъ, вы меня оскорбляете!

— О Боже мой!—воскликнула Лора, отнимая, наконецъ, свою руку.

— А теперь вы смѣетесь надо мною. Это не хорошо. Нѣтъ, это не хорошо, не хорошо.

— А я вамъ еще не отвѣтила на вашъ вопросъ,—замѣтила она.

— На какой вопросъ?

— На вопросъ о томъ, сколько разъ въ недѣлю вы можете приходить къ намъ, когда мы устроимся. Я думала, что вы хотите это знать.

— А когда мы будемъ завтракать?—спросила Педжъ, входя.—Вы знаете, скоро часъ?

— Я велѣла кухаркѣ купить намъ чего-нибудь,—сказала Лора.—Мы просто закусимъ—кофе, холоднаго мяса. Я думала, что на сегодня это все равно. Намъ придется ѣсть въ кухнѣ.

— Давайте лучше завтракать теперь,—объявилъ Лендри,—а гардины кончимъ потомъ. Я голоденъ какъ волкъ.

Завтракъ, весьма скромный, кончился поздно. Всѣ почувствовали большую усталость. Тетя Вессъ объявила, что и минуты не можетъ болѣе стоять на ногахъ, и ушла въ свою комнату. Неутомимая Педжъ рѣшила, что онѣ никогда не устроятся, пока вещи будутъ такъ валяться, и принялась раскладывать свои платья. Среди дня привезли въ корзинѣ ея собаку, которую по какимъ-то непонятнымъ причинамъ называли «Свинкой», она вся тряслась отъ холода; ее привязали въ кухнѣ около плиты, но она продолжала вздрагивать всѣмъ тѣломъ, стояла, опустивъ голову, вытаращивъ глаза, ошеломленная и перепуганная и безпорядкомъ, и новыми лицами.

Погода была ужасная. Дождь лилъ, не переставая, падалъ на кучи снѣга у тумбъ, разжижжалъ его, загрязнялъ и превращалъ въ вязкую грязь. Небо было свинцовое; съ голыхъ, черныхъ, точно изъ желѣза и проволоки сдѣланныхъ деревьевъ непрестанно капала вода.

— Изрѣдка слабо чирикали воробьи, они забились подъ крыши домовъ и такъ нахохлились, что казались кругленькими. По улицѣ иногда проѣзжали фургоны; лошади и кучера были закры-

ты брезентомъ. Всюду было тихо; голоса человѣческаго не слышалось на улицѣ. Издали, со стороны рѣки, временами доносились свистки пароходовъ. На тротуарахъ—ни души; только одинокій полицейскій стоялъ на углу, его звѣзда была приколота къ мокрому каучуковому плащу, съ каски стекала вода; онъ стоялъ погруженный въ созерцаніе бураго потока воды, впадавшаго въ уличный стокъ.

Лендри и Лора находились въ библіотекѣ, узкой комнатѣ въ задней части дома, гдѣ всѣ стѣны были покрыты полками. Они убирали книги. Лора стояла на лѣстницѣ и ставила на мѣсто книги, которыя ей подавалъ Лендри.

— Вы ихъ вытираете, Лендри? спросила она.

Онъ держалъ въ рукахъ тряпку и тщательно стиралъ пыль съ книгъ.

— Да, да, вытираю тщательно, увѣрялъ онъ. — Послушайте, — прибавилъ онъ,—гдѣ ваши новые романы? У васъ есть Скоттъ, Диккенсъ, Теккерей и Элліотъ... да, а вотъ Хауторнъ и По. Но я не вижу ни одного романа послѣ Оливеръ Вендель Хольмсъ.

Лора подняла голову.

— Новые романы... нѣтъ, у меня ихъ нѣтъ. Я еще не читала «Джени Эйеръ» и только разъ прочла «Ивангоэ» и «Ньюкомовъ».

Она любила ставить на видъ свои консервативные вкусы и почти не признавала никакой литературы кромѣ классической. Даже Стивенсонъ казался ей подозрительнымъ.

Вдругъ Лендри воскликнулъ:

— А про это что вы скажете? «Ванда» романъ Уйда. Это вѣдь тоже современное?

Она покраснѣла до ушей и вырвала у него книгу.

— Педжъ привезла ее. Эта книга Педжъ.

Но ея замѣшательство выдало ее, и Лендри сдѣлалъ насмѣшливое восклицаніе.

— Ну, да! Я ее читала,—внезапно объявила она.—Нѣтъ, я ничуть этого не стыжусь. Да я прочла ее отъ доски до доски... И плакала надъ ней, какъ не плакала съ дѣтства. Можете говорить, что хотите—это великолѣпно!—великолѣпная любовная исторія—и въ ней описаны благородные, самопожертвованные люди. Въ ней есть недостатки, но вы становитесь лучше читая ее, а всѣ ваши Стивенсоны въ мірѣ никогда этого не сдѣлаютъ.

— Ну, знаете,—отвѣчалъ Лендри,—я мало понимаю въ такихъ вещахъ. Вотъ Корфель понимаетъ. Онъ можетъ васъ до́ смерти заговорить литературой. Я слышалъ разъ, какъ онъ говорилъ цѣлый часъ подъ рядъ. Онъ говоритъ, что въ романѣ будущаго совсѣмъ не будетъ любовныхъ исторій.

Лора недовѣрчиво покачала головой.

— Это будетъ долго спустя послѣ моей смерти... ужъ и то утѣшительно, —сказала она.

— У Корфеля пропасть ни съ чѣмъ несообразныхъ идей, такъ или иначе, продолжалъ Лендри.—Онъ славный малый и мнѣ онъ нравится, только это человѣкъ, который заслужилъ репутацію талантливаго артиста, ругая всякую вещь, если она всѣмъ нравится, восхваляя какую нибудь книгу, или картину, или пьесу, про которую никто сроду не слыхалъ. Какъ только какая нибудь вещь сдѣлается популярной—Шельдонъ Корфель не можетъ говорить объ ней безъ ужаса... Онъ пойдетъ на Аргеръавенью въ лавчонку, откроетъ тамъ старый мѣдный горшокъ или кофейникъ, который выбросилъ какой-нибудь старый русскій еврей, принесетъ его къ себѣ въ мастерскую, и начнетъ разглагольствовать объ немъ и о «паденіи американскаго индустріальнаго искусства». Все это я слышалъ. Все это аффектація—вотъ это что, просто аффектація и больше ничего.

Но полка была наполнена и Лора сказала:

— Довольно, Лендри. Сюда больше ничего не уставится. — Она начала спускаться съ лѣстницы.

— Будьте осторожны,—сказалъ Лендри,—дайте мнѣ руки.

Лора подала ему руку, и пока она спускалась, Лендри обнялъ ее за талію, какъ бы для того, чтобы поддержать

ее. Онъ самъ удивился своей смѣлости, потому что онъ объ этомъ не думалъ заранѣе, и рука его, точно сама собою очутилась на ея таліи. Ему стало страшно, какъ Лора отнесется къ этому? Онъ, можетъ быть, зашелъ слишкомъ далеко?

Но Лора этого, какъ будто и не замѣтила, все ея вниманіе было направлено лишь къ тому, чтобы благополучно спуститься до низу. Она спустилась и стряхнула пыль съ юбокъ.

— Ну, вотъ и кончили!—сказала она. — Посмотрите сколько на мнѣ пыли.

Кто-то постучался въ полу-открытую дверь. Это была кухарка.

— Что надо готовить къ обѣду, миссъ Дирборнъ?—спросила она.—Дома нѣтъ рѣшительно ничего.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула Лора,—я совсѣмъ забыла объ обѣдѣ! Неужели ничего нѣтъ?

— Ничего, кромѣ яицъ и кофе,— отвѣчала кухарка, принимая такой равнодушный видъ, какъ будто все это дѣло не имѣло къ ней никакого касательства. Лора отпустила ее, сказавъ, что она подумаетъ.

— Придется пойти и купить чего-нибудь—сказала она.—Всѣ вмѣстѣ пойдемъ. Мнѣ надоѣло оставаться дома.

— Нѣтъ у меня есть планъ лучше, —заявилъ Лендри.—Я васъ приглашаю обѣдать. Я знаю одно мѣсто, гдѣ приготовляютъ самое лучшее жаркое въ цѣлой Америкѣ. Посмотрите, и дождь прошелъ,—прибавилъ онъ показывая на окошко.

— Но, Лендри, мы такія грязныя и оборванныя.

— Ничего. Пойдемте сейчасъ чтобы придти какъ можно раньше; никого еще не будетъ и мы постараемся достать отдѣльную комнату. Будьте покойны и вѣрьте мнѣ.

— Подождите, надо спросить, что объ этомъ думаютъ Педжъ и тетя Вессъ. Тетя Вессъ, конечно должна идти съ нами.

— Конечно,— сказалъ онъ,—развѣ-бы мнѣ пришло въ голову пригласить васъ, если бы она не могла идти!

Скоро обѣ сестры, м-съ Весельсъ и Лендри вышли изъ дому. Дожидаясь трамвая Лора непремѣнно захотѣла перейти на другую сторону улицы, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе производятъ гардины ея гостиной съ улицы.

— Я нахожу, что онѣ подняты совершенно достаточно,— объявила она. Лендри смотрѣлъ на самый домъ.

— Я нахожу, что у васъ самый лучшій домъ въ околоткѣ, — отвѣчалъ онъ.

И въ самомъ дѣлѣ, домъ ихъ былъ не лишенъ привлекательности. Онъ занималъ уголъ двухъ улицъ. Прямо противъ него находилась церковь Сентъ-Джемса и когда-то домъ этотъ былъ ректоріей.

Вслѣдствіе этого въ его архитектурѣ было что-то церковное, съ легкимъ намекомъ на готику въ формѣ дверей и оконъ. Онъ былъ прочно, массивно построенъ, стѣны были толсты, фундаментъ широкъ. Онъ занималъ не всю землю къ нему относящуюся, первоначальный владѣлецъ очевидно предпочиталъ имѣть мѣсто для сада, поэтому неизмѣнный задній дворикъ былъ съ трехъ сторонъ окруженъ лужайкой, что придавало дому особенный, пріятный видъ. Дикій виноградъ густо покрывалъ южную стѣну, а лѣтомъ въ переднемъ палисадникѣ цвѣли фуксіи, анютины глазки и герани; два дерева росли на лужайкѣ. Все мѣсто носило оригинальный и уютный характеръ, давало глазу пріятный отдыхъ отъ расходившихся по всѣмъ направленіямъ безконечныхъ линій домовъ этой части города, построенныхъ изъ желтаго камня.

— Мнѣ очень нравится это мѣсто,— воскликнула Лора.—Мнѣ кажется,—это самый красивый домъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Чикаго.

— Да, онъ не блеститъ, какъ съ иголочки,— поясняла Педжъ. — Видно что мы не новоиспеченные богачи, бросающіе пыль въ глаза.

Но тетя Вессъ была недовольна.

— Ты, Лора, можетъ быть знаешь,— замѣтила она,—какъ ты будешь отапливать весь этотъ домъ однимъ калориферомъ, но я этого не знаю.

Трамвай подъѣхалъ. Всю дорогу Лора

смотрѣла въ окна точно не могла оторваться отъ зрѣлища городской жизни и вида улицъ.

— Ты себя выдаешь, — сказала Педжъ.—Всѣ будутъ знать, что ты провинціалка.

— Я провинціалка и есть, — отвѣчала Лора.—Только есть разница между просто провинціей и Массачузетомъ, и я этого нисколько не стыжусь.

Чикаго, огромный сѣрый городъ, интересовалъ ее ежеминутно и при всѣхъ условіяхъ. И все-таки она не знала нравится ли онъ ей; она не могла помириться съ его грязными улицами, съ невыразимой нищетой его бѣдныхъ частей, которыя какъ страшныя язвы зіяли въ самомъ сердцѣ его красивыхъ кварталовъ. Черная мгла, застилавшая всѣ дѣловыя улицы, угнетала ее, а сажа, чернившая бѣлье и перчатки всякій разъ, когда она выходила, составляла для нея вѣчный источникъ огорченія.

Но жизнь всюду била ключомъ. Всюду, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ, огромная машина общественнаго богатства гремѣла и стучала съ утра до вечера и съ вечера до утра. И теперь, когда трамвай въѣхалъ въ дѣловой кварталъ, она слышала, видѣла и чувствовала всѣмъ существомъ трепетъ и движеніе этой машины. Зачерненныя воды рѣки, которую она увидѣла проѣзжая по мосту, были покрыты буксирами, пароходами съ озера, неуклюжими плотами сплавного лѣса изъ Шебойгана и Мокинака, хлѣбными барками изъ Дьюлута и баржами съ углемъ, которыя наполняли воздухъ мельчайшей пылью, громоздкими судами, нагруженными разными товарами, мрачными шлюпками, шмыгавшими около носовъ и бортовъ большихъ парусныхъ судовъ, тогда какъ со всѣхъ сторонъ горизонтъ закрывали красные, покрытые надписями, горбатые элеваторы.

Около моста она увидѣла станцію желѣзной дороги. Глубоко внизу виднѣлся прямолинейный, строго параллельный, квадратный паркъ. Отъ него отходила невыразимо сложная система сѣрыхъ рельсовъ и развѣтвлялась до безконечности. Всюду высились стрѣлки, семафоры, сигнальныя башенки. Поѣзда, товарные и пассажирскіе, пыхтѣли и дымились, ожидая приказанія пуститься въ путь. Свободные локомотивы выѣзжали изъ сараевъ и изъ подъ навѣсовъ, разыскивали свои поѣзда, или втаскивали тяжелые товарные вагоны на поворотные круги, они перекатывались съ мѣста на мѣсто, звенѣли, визжали, ихъ колокола звонили, а гулъ и грохотъ разносились какъ звонъ набата. Люди въ форменныхъ картузахъ хрипло кричали, размахивая руками или красными флагами; ломовики стояли у дверей товарныхъ вагоновъ, принимая кладь, а ихъ пѣгія лошади кормились подлѣ изъ мѣшковъ, привязанныхъ къ головамъ. Съ грохотомъ отъѣзжалъ поѣздъ. Около полуночи онъ будетъ за сотни верстъ, перенося черезъ большой сѣверо-западъ торговлю—живую кровь націи—въ округа, о которыхъ Лора никогда не слышала. Другой поѣздъ, устало дымясь, подъѣхалъ съ визгомъ тормазовъ и остановился, выпуская потокъ пассажировъ, дѣловыхъ людей, привозившихъ торговлю—жизненный элексиръ—со всѣхъ концовъ и угловъ континента.

А вотъ на улицѣ Сауфъ-Вашеръ давка: фургоны съ товаромъ и рыночныя телѣги столпились и оставили для остальныхъ экипажей лишь узкій, извилистый проѣздъ между безконечной линіей лошадей, такъ что можно думать, что это стоянка кавалеріи, а не улица. Весь тротуаръ загроможденъ ящиками, корзинами, плетушками съ разной провизіей, зеленью, плодами. Вся канавка завалена листьями капусты, гнилыми апельсинами, обрѣзками свеклы. Пахнетъ овощами. Пищу топтали подъ ногами, пища наполняла лавки черезъ края. Даже лошади пресытились, безпрестанно ухватывая пучки зелени съ телѣгъ, изъ переполненныхъ бочекъ, съ тротуаровъ. Весь околодокъ покрытъ урожаемъ съ сотенъ тысячъ грядъ. Плодородная земля опрокинула свои продукты на асфальтъ и булыжникъ мостовой. То былъ ротъ города, и съ огромнаго пространства земли это обиліе сырыхъ продуктовъ втягивалось сюда какъ

жадной глоткой, чтобы прокормить огромнаго великана.

И вдругъ Лора поняла значеніе всего этого. Огромный сѣрый городъ, не выносившій никакого соперничества, положилъ свое владычество на пространство земли, большее чѣмъ занимаютъ многія королевства Стараго Свѣта. За тысячи миль чувствуется его вліяніе. Далеко, далеко въ снѣгахъ Сѣверныхъ Висконсинскихъ лѣсовъ топоры и пилы опрокидываютъ столѣтнія деревья, влекомыя энергіей города. И на такомъ же разстояніи на югѣ кирка проникла до залежей антрацита, движимая его центральной мощью. Его сила двигала колеса стѣнокъ за тысячи миль разстоянія въ Іова и Канзасѣ. Его сила вертѣла винты и приводы безчисленныхъ пароходовъ, наполнявшихъ Сольтъ-Сентъ-Мари. Для него и вслѣдствіи его существованія, всѣ центральные штаты и весь большой сѣверо-западъ кишѣли торговлей и промышленностью: лѣсопилки визжали; фабрики гремѣли и пылали, затемняя небо дымомъ; колеса вертѣлись; поршни терлись въ цилиндрахъ; зубецъ цѣплялся за зубецъ; ремни охватывали вороты громадныхъ колесъ; литейни и кузницы извергали въ дымный воздухъ грязное дыханіе растопленной стали.

Это—владычество, неуклонное покореніе центральнаго міра озеръ и луговъ. Здѣсь въ серединѣ страны бьется, сердце націи, откуда неизбѣжно должно прійти ея могущество, ея безконечная, безконечная жизненность. Отсюда, и отъ всѣхъ ея городовъ, бьется настоящая жизнь, настоящій духъ и сила Америки, громадною, грубою грубостью молодости, презирающей соперничество, здоровой и крѣпкой, безчеловѣчной въ своемъ честолюбіи, надменной въ своей только что сознанной силѣ, расточительной, ненасытной въ своихъ желаніяхъ. Она безгранична въ способностяхъ—непобѣдимо храбра; она побѣдила пустыню въ одно поколѣніе людей, пренебрегла бѣдствіями и на пожарищѣ погибшаго народнаго благосостоянія внезапно возстала обновленная, страшная, титаническая.

У Лоры темнѣло въ глазахъ, въ ушахъ звенѣло, а она все неутомимо смотрѣла.

— Въ этомъ есть что-то страшное, —говорила она наполовину самой себѣ, —что-то необъяснимое. Это кажется не человѣческимъ... Это точно огромная волна прилива. Хорошо пока человѣкъ можетъ держаться на поверхности, но стоитъ ему упасть, какъ ужасно скоро онъ будетъ раздавленъ, уничтоженъ... Какъ страшно быстро и съ какимъ страшнымъ равнодушіемъ! Я думаю, что это цивилизація въ своемъ образованіи, что-то, чего не нужно видѣть, потому, что оно слишкомъ стихійно, слишкомъ первозданно... Какъ первыя слова Бытія.

Это впечатлѣніе надолго осталось съ нею и даже веселье ихъ маленькаго ужина не могло разсѣять его. Она была испугана; испугана огромнымъ, жестокимъ механизмомъ городской жизни, и людьми, которые осмѣливались ею жить и подчиняли ее себѣ. По временамъ ей казалось, что они страшнѣе самого города—тѣ люди, которымъ весь этотъ шумъ и тревога торговли не внушали ужаса. Тѣ люди, которые умѣютъ подчинить все это своимъ цѣлямъ, развѣ они сами не еще болѣе ужасны, безжалостны и безчеловѣчны? Она даже слегка вздрогнула. Что женщины знаютъ о жизни мужчинъ? Даже Лендри такой сумасбродный, молодой, открытый, съ виду наивный, и тотъ, говорятъ, хорошій дѣлецъ. И у него, стало быть, есть своя оборотная сторона. Для него уличная борьба радостна. Подъ этой мальчишеской наружностью кроется крутая грубость, мужская жестокость, притупленность, отстраняющая ударъ и противостоящая толчку и нападенію.

Что могутъ женщины знать объ этихъ людяхъ города, объ ихъ жизни, о томъ другомъ существованіи, которое они ведутъ ежедневно отъ девяти часовъ утра и до вечера, освободившись отъ вліянія жены или матери, дочери или сестры? То жизнь, гдѣ женщинѣ нѣтъ мѣста, и еслибы женщина вошла въ нее, она не узнала-бы ни сына, ни мужа, ни отца, ни брата. Приличный, чистоплотный господинъ за завтракомъ и ужиномъ—это

одинъ человѣкъ. А тотъ, другой человѣкъ—каковъ онъ? Тамъ въ чаду дѣлового квартала кипитъ битва улицы и тамъ онъ преображается, покрывается твердой броней, дѣлается эгоистомъ, не проситъ ни у кого пощады... нѣтъ, и никому ее не даетъ. Захваченный, сжатый нападеніемъ, затертый протискиваніемъ низшихъ товарищей и темныхъ союзниковъ, онъ идетъ къ побѣдѣ смѣшавшись съ арміей,—которая вѣчно кидается то впередъ, то назадъ: то на безпощадный приступъ, топча падшихъ враговъ подъ ногами, то въ одинаково безпощадное отступленіе, сшибая съ ногъ вчерашнихъ помощниковъ, въ паническомъ бѣгствѣ за спасеніемъ;—всегда жестокій, себялюбивый, безжалостный.

Невольно приходило въ голову сравненіе такихъ людей съ Корфелемъ. Она вспоминала, что для него дѣловой кварталъ былъ невѣдомой страной, онъ держался вдали отъ борьбы, его руки были незапятнаны. Онъ жилъ прекрасно, въ покойной, тихой атмосферѣ искусства, въ культѣ красоты неизмѣнной, спокойной,—рисовалъ, читалъ, или кусокъ за кускомъ составлялъ свои великолѣпные витро. Его могли знать женщины и ему онѣ могли сочувствовать. И онъ могъ всецѣло войти въ ихъ жизнь, помогать имъ, поощрять ихъ. Которое изъ двухъ существованій она предпочитаетъ—жизнь дѣлового человѣка или жизнь артиста?

Потомъ Лора удивилась сама себѣ. Въ концѣ концовъ, она была дочерью піонера, и въ ея жилахъ текла кровь тѣхъ, что боролись съ Новымъ Свѣтомъ. Да, жизнь Корфеля прекрасна, очаровательны разрисованныя окна, затемненныя мастерскія съ ихъ гармоніей цвѣтовъ и восточными украшеніями. Это влекло ее иногда противъ воли. Отдохнуть умомъ, удовлетворить чувство, жить окруженной красотой такъ пріятно. Но не къ мужчинамъ мастерскихъ влекло женщину, въ ней говорившую. Какъ ни страшна борьба улицы—это все же борьба. Только сильные могутъ отваживаться на такую борьбу, герой, говорившій ея воображенію, не артистъ, съ нѣжными руками и словами, создающій прелесть звука, цвѣты, формы, утонченный, отзывчивый, а тотъ борецъ хотя и неизвѣстный и непонятный для женщины.

Когда они вышли на улицу, быстро пообѣдавъ, оказалось, что погода снова быстро измѣнилась. Снѣгъ шелъ. Опять рѣзкій сѣверный вѣтеръ задулъ съ озера. Грязь подмерзала, а сѣверныя стороны телеграфныхъ и фонарныхъ столбовъ были покрыты льдомъ.

Они постояли нѣкоторое время въ нерѣшительности на углу улицы. Около нихъ находился огромный магазинъ галантерейныхъ товаровъ и черезъ безчисленныя окна виденъ былъ цѣлый міръ всевозможныхъ матерій, которыя блестѣли какъ въ калейдоскопѣ подъ яркимъ свѣтомъ лампъ. Со всѣхъ улицъ къ дверямъ этого магазина стекались покупатели, по большей части женщины, элегентно одѣтыя. Многія изъ нихъ оставнавливались на подъѣздѣ, поднимали воротники, плотнѣе засовывали руки въ муфту и выглядывали на улицу ожидая свои экипажи.

Одна изъ этихъ дамъ, завидя Лору, начала махать муфтой и быстро подошла къ ней. То была м-съ Креслеръ.

— Лора, моя милая!.. Вотъ ужъ не ожидала... Я такъ рада, что встрѣтила васъ!— она поцѣловала Лору, поздоровалась съ остальными, разспросила про домъ: не нужно ли имъ чего нибудь? Потомъ вдругъ взяла Лору за руку и сказала:

— Мнѣ надо вамъ сказать кое-что.

Она сжала губы и многозначительно глядѣла Лорѣ въ глаза.

— Мнѣ сказать?

— Куда вы теперь ѣдете?

— Домой; только наши трамваи остановлены, мы...

— Совершенный вздоръ! Вы, Педжъ и м-съ Весельсъ должны ѣхать ко мнѣ обѣдать.

— Но мы обѣдали,—закричали онѣ всѣ вмѣстѣ. М-съ Креслеръ ничего не хотѣла слушать.

— Карета здѣсь,—сказала она.—За Чарли я сегодня не заѣзжаю. У него какой-то человѣкъ изъ Цинцинати, и они будутъ обѣдать въ клубѣ.

Кончилось тѣмъ, что Дирборны и м-съ

Весельсъ сѣли въ карету м-съ Креслеръ, а Лендри извинился и распрощался съ ними. То, что м-съ Креслеръ хотѣла сказать Лорѣ, очевидно относилось къ ней одной. М-съ Креслеръ велѣла заѣхать въ домъ Дирборновъ, который былъ невдалекѣ отъ ихъ дома и послала лакея сказать прислугѣ что хозяева не возвратятся до утра.

Дома она предложила выпить чаю въ библіотекѣ, потому что ѣхать было холодно. Но гости ея такъ устали, что просили позволенія лечь спать сейчасъ послѣ обѣда.

— Господь съ вами, Кери,—сказала тетя Вессъ,—какой тамъ чай! Я вся разломана и сразу хочу лечь.

М-съ Креслеръ отвела ихъ въ комнату гдѣ м-съ Весельсъ должна была ночевать съ Педжъ. Не успѣла дверь закрыться какъ Педжъ начала изливать свое негодованіе:

— Лора находитъ, кажется, что это очень хорошо вотъ такъ бросить домъ на всю ночь на двухъ слугъ, объ которыхъ никто ничего на свѣтѣ не знаетъ! Какъ будто завтра ей дѣлать нечего! Совершенно не знаю,—вдругъ рѣшительно воскликнула она,—какъ мы устроимся! Этотъ Лендри Кортъ одна помѣха—совсѣмъ не помощь.—Ничего подобнаго не видѣла! Бѣгаетъ взадъ и впередъ точно все дѣлаетъ, а только путаетъ все, все теряетъ, ничего на мѣсто не ставитъ, все забываетъ... а потомъ они сидятъ съ Лорой и миндальничаютъ. Ничего подобнаго не видѣла! То Корфель, то Лендри, завтра еще кто-нибудь будетъ... Лора просто огорчаетъ меня; большая взрослая и кокетничаетъ, и заставляетъ всякаго мужчину думать, что именно онъ одинъ ей только и нравится на всемъ свѣтѣ. Это не поведеніе. А Лендри... точно онъ не знаетъ, что теперь намъ не до болтовни. Я готова его избить. Я люблю, когда люди относятся къ жизни серьезно, хотятъ достигнуть чего-нибудь, а не тратятъ свои лучшіе годы, бѣгая за женщинами, которыя имъ годятся въ бабушки!

Лора почти раздѣлась, когда м-съ Креслеръ постучала въ дверь ея комнаты.

— Я принесла вамъ капотъ,—сказала она. Повѣсивъ капотъ на постель, она сама усѣлась на нее и смотрѣла на Лору, чесавшую волосы передъ зеркаломъ.—Какіе у васъ чудные волосы,—прибавила она.

Она расположена была къ длинному разговору съ своей любимицей. Ей нужно такъ много ей сказать, но цѣлая ночь впереди и она не торопилась. Разговоръ начинался медленно, короткими замѣчаніями, которыя не требовали отвѣтовъ.

— Мнѣ говорили,—сказала м-съ Креслеръ,—что дочь Гретри каждый вечеръ, на ночь, куритъ папироску. Вы знаете, Гретри... они были въ оперѣ вчера.

Лора что-то удивленно промычала и продолжала чесать волосы. М-съ Креслеръ смотрѣла на нее съ любопытствомъ.

— Отчего вы не причесываетесь по модѣ, Лора? не спускаете волосъ ниже? Теперь всѣ носятъ такую прическу.

Въ домѣ было тихо. Въ двойныя рамы оконъ бился твердый снѣгъ. Въ корридорѣ звякнула отдушина, и опять все затихло.

— Какая красивая комната,—сказала Лора.—Я думаю, что нашу комнату для гостей я устрою въ этомъ родѣ... Волосы? Если ихъ причесывать низко, они маратъ воротники.

Опять наступило молчаніе. Лора перемѣнила рубашку, м-съ Креслеръ подала ей капотъ и пару своихъ красныхъ атласныхъ туфель. Огонь трещалъ въ каминѣ; Лора подвинула къ нему кресло и сѣла, положивъ подбородокъ на руку. М-съ Креслеръ легла на кровать заложивъ руки за голову.

— Ну, Лора,—начала она наконецъ—у меня есть для васъ новости. Я думаю, вы одержали побѣду.

— Я?—сказала Лора прикидываясь удивленной, потому что сейчасъ же поняла, что м-съ Креслеръ намекаетъ на Корфеля.

— Надъ Джедвиномъ... знаете надъ тѣмъ, котораго вы встрѣтили въ оперѣ.

На этотъ разъ Лора въ самомъ дѣлѣ удивилась и широко открыла глаза.

—М-ръ Джедвинъ!—воскликнула она. —Но вѣдь я и пяти минутъ съ нимъ

не проговорила. Вѣдь я его не знаю. вчера въ первый разъ видѣла.

Но м-съ Креслеръ сжала губы и качала головой.

— Это ровно ничего не значитъ, Лора. Вѣрьте мнѣ, когда я говорю, что влюбленъ—значитъ влюбленъ.

— О, вы ошибаетесь, м-съ Креслеръ.

— Ничуть. Я знаю Кертиса Джедвина пятнадцать лѣтъ... лучше чѣмъ кого-либо. Онъ самый старый нашъ другъ. Я въ немъ какъ въ книгѣ читаю... и я говорю, онъ въ васъ влюбленъ.

— Я надѣюсь, онъ этого вамъ не говорилъ,—сказала Лора, собираясь серьезно разсердиться. Но м-съ Креслеръ поспѣшила разувѣрить ее.

— О, конечно, нѣтъ! Но всю дорогу вчера—онъ возвращался съ нами—онъ говорилъ объ васъ, и чуть только разговоръ переходилъ на другую тему, онъ имъ не интересовался. Онъ все объ васъ хотѣлъ знать... вы знаете, какъ мужчины говорятъ. И наконецъ сказалъ, что вы самая умная дѣвушка, которую онъ когда либо зналъ.

— Ну, что-жъ...—сказала Лора смиренно, желая выразить, что это ей все равно.

— И что вы просто красавица. Онъ сказалъ, что никогда не видѣлъ болѣе красивой женщины.

Лора отвернулась и подперлась рукою. Потомъ сказала:

— Онъ... этотъ м-ръ Джедвинъ... никогда не былъ женатъ?

— Нѣтъ. Онъ холостой и очень богатъ. Онъ могъ бы насъ и купить, и продать. И пожалуйста, Лора, милая, не думайте, что я что нибудь предрѣшаю. Я достаточно свѣтская женщина, чтобы знать, что человѣкъ, которому понравилось красивое личико иумный разговоръ, еще не задумалъ жениться. Этого нельзя вывести изъ того, что говорилъ Кертисъ Джедвинъ, хотя чего, чего онъ не говорилъ объ васъ... Лора, онъ затронутъ. Это я знаю. Чарли говоритъ, что сегодня утромъ онъ опять говорилъ объ васъ. Чарли мнѣ иногда надоѣдаетъ, —неожиданно прибавила она.

— Чарли?—переспросила Лора.

— Ну, да. Я сказала ему про Джедвина и про то, какъ онъ увлеченъ вами, а онъ началъ кричать на меня.

— Онъ не повѣрилъ.

— Нѣтъ, повѣрилъ потомъ, когда я заставила его говорить серьезно и напомнила ему, что говорилъ Джедвинъ въ каретѣ, когда мы возвращались.

Лора положила ногу на ногу и молча глядѣла въ огонь, раскачивая ногу. Маленькіе, мѣдные каминные часы пріятнымъ звономъ пробили половину десятаго. М-съ Креслеръ замѣтила:

— Этотъ Шельдонъ Корфель, кажется, очень пріятный молодой человѣкъ?

— Да,—задумчиво отвѣчала Лора,— очень пріятный.

— И очень талантливый, продолжала м-съ Креслеръ.—Но не знаю почему, мнѣ всегда казалось что въ немъ ничего нѣтъ.

— О!—равнодушно воскликнула Лора, —Я не знаю.

— Онъ, кажется, очень высокаго мнѣнія объ васъ,—продолжала м-съ Креслеръ смиренно.

Лора пожала плечами и ничего не отвѣтила.

— Чарли его не выноситъ. Смѣшно, неправда ли? Какъ у мужчинъ много предразсудковъ. Чарли всегда говоритъ объ немъ, какъ о стекольщикѣ высшаго порядка. Кертисъ Джедвинъ относится къ нему хорошо... А что вы думаете объ немъ, Лора... объ м-рѣ Джедвинѣ?

— Я ничего не думаю,—сказала она, неопредѣленно глядя въ огонь.—Мнѣ кажется, онъ человѣкъ сильный—въ умственномъ отношеніи, и что онъ можетъ быть добръ... и... великодушенъ. Только мнѣ кажется, онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не нравятся женщинамъ сразу... впрочемъ, я ничего не могу сказать. Я его такъ мало видѣла. Мнѣ кажется, онъ не дамскій кавалеръ.

— Тѣмъ лучше!—сказала м-съ Креслеръ.—Кто захочетъ выйти замужъ за дамскаго кавалера! Я бы не вышла. Шельдонъ Корфель—вотъ дамскій кавалеръ. Вотъ что я вамъ скажу, Лора,— и когда вы будете моихъ лѣтъ, вы тоже скажете:—только тѣ мужчины, которые нравятся мужчинамъ—не женщинамъ!—бываютъ хорошими мужьями

Лора наклонила голову.

— Да,—сказала она,—я думаю, это правда.

— Вы сказали, что Джедвинъ показался вамъ очень добрымъ и очень великодушнымъ человѣкомъ. Это все правда. У него есть школа въ западной части для бѣдныхъ дѣтей, и, право, онъ гораздо болѣе интересуется этой школой, чѣмъ своими дѣлами. Ему хочется, чтобы это была самая большая школа въ Чикаго. Я не хочу, чтобы вы думали, что онъ добръ на показъ, Лора,—воскликнула она вдругъ,—онъ отличный человѣкъ! Я не хотѣла расхваливать его передъ вами, потому что хотѣла, чтобы вы сами оцѣнили. Никто лучше насъ —лучше Чарли и меня—не знаетъ Кертиса Джедвина, и мы оба любимъ его ужасно. Самый милый, самый сердечный малый... да вы сами узнаете его ближе и тогда увидите. Онъ собираетъ деньги въ нашей церкви.

— Въ церкви пастора Вендельса?

— Да, вѣдь вы знаете—въ пресвитаріанской.

— Я принадлежу къ епископальной церкви,—замѣтила Лора, все еще задумчиво глядѣвшая на огонь.

— Я знаю, знаю. Но Джедвинъ не ханжа. Но вотъ объ чемъ я хотѣла съ вами поговорить: Дже—такъ мы съ Чарли зовемъ Джедвина—Дже говорилъ намъ въ прошлый разъ, что онъ хочетъ устроить палату въ дѣтской больницѣ для дѣтей своей школы. У него въ школѣ болѣе 800 мальчиковъ и дѣвочекъ, и не проходитъ недѣли, чтобы кто-нибудь не заболѣлъ. Онъ говоритъ, что хочетъ заинтересовать другихъ людей въ этомъ дѣлѣ и поэтому устраиваетъ подписку. Онъ говоритъ, что сколько бы ни собрали денегъ, онъ эту сумму увеличитъ вдвое черезъ шесть мѣсяцевъ... напримѣръ: двѣ тысячи соберутъ, онъ дастъ еще двѣ тысячи... понимаете? Такъ вотъ Чарли, я и Гретри, мы устраиваемъ благотворительный спектакль и хотимъ собрать какъ можно больше денегъ. Дже находитъ, что это хорошая мысль... и вотъ въ чемъ дѣло: мы объ этомъ говорили, возвращаясь домой, и Дже спрашивалъ, не приметъ ли въ этомъ участія миссъ Дирборнъ? И всѣмъ намъ страшно хочется васъ привлечь. Такъ вотъ, скажите—да или нѣтъ, и теперь же, а потомъ ложитесь спать. Дже непремѣнно хочетъ, чтобы вы играли.

— Мнѣ бы очень хотѣлось,—отвѣчала Лора,—но мнѣ надо сообразить: устраиваться такъ трудно, такъ много работы въ такомъ большомъ домѣ, какъ нашъ, что, пожалуй, некогда будетъ. Я вамъ напишу.

М-съ Креслеръ начала разсказывать снова все дѣло подробно. Лендри Кортъ долженъ играть, и они надѣялись при помощи Лоры заручиться согласіемъ Корфеля. Педжъ уже дала слово. Но планы эти были такъ неопредѣленны, что разговоръ естественно перешелъ на первоначальную тему.

— Вы знаете,—замѣтила Лора въ отвѣтъ на восхваленіе дѣловыхъ способностей Джедвина,—я никогда ничего не слышала о немъ со вчерашняго дня.

М-съ Креслеръ быстро пустилась въ объясненія. Кертису Джедвину было около тридцати пяти лѣтъ и онъ началъ жизнь безъ копейки въ карманѣ. Онъ родомъ изъ Мичигана, его родители были простые фермеры, которые сами пахали и сѣяли. Большого образованія онъ не получилъ, потому что рано вошелъ въ одно извозное дѣло. Вскорѣ онъ купилъ это дѣло и самъ сталъ хозяиномъ. Кто-то въ Чикаго былъ ему долженъ и вмѣсто уплаты предложилъ взять два участка земли на Вабашъ-авеню. Такимъ образомъ онъ попалъ въ Чикаго. По мѣрѣ того, какъ городъ росъ, земля на Вабашъ-авеню поднималась въ цѣнѣ, онъ ее продалъ и купилъ другія земли, и эти продалъ, и опять купилъ въ другомъ мѣстѣ, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ сталъ владѣльцемъ лучшихъ мѣстъ въ дѣловой части города. Одна наемная плата за эти земли доставляла ему Богъ знаетъ сколько тысячъ доходу... Онъ сдѣлался очень крупнымъ землевладѣльцемъ въ Чикаго и уже не покупалъ и не продавалъ, потому что одно управленіе его домами отнимало у него все время. Его контора была около торговой биржи, и, можетъ быть, это сосѣдство заинтересовало его въ хлѣбныхъ дѣлахъ.

Вообще говоря, онъ не любилъ спекуляціи, но не имѣлъ на этотъ счетъ такихъ твердыхъ принциповъ, какъ Чарли. Почему-то онъ не женился. Были у него, конечно, случаи. О да, одинъ или два. Но ничего серьезнаго. Онъ просто не встрѣтилъ подходящей жерщины—вотъ и все. Онъ жилъ на Мичиганъ-авеню, въ одномъ изъ этихъ отчаянныхъ, безконечныхъ желтыхъ домовъ, со столовыми въ подвальномъ этажѣ. Хозяйствомъ его завѣдывала тетка, и безконечное число племянницъ и племянниковъ наводняли его домъ. Вѣчно цѣлыми партіями онѣ то пріѣзжали, то уѣзжали; и какъ они его эксплуатировали! Всѣхъ ихъ онъ содержалъ; никто не знаетъ, сколько ихъ... и все неотесанныя замарашки, которыя обливались одеколономъ и проводили время съ прислугой.

Становилось поздно. Наконецъ, м-съ Креслеръ встала.

— Господи, Лора, посмотрите который часъ! Я васъ столько времени продержала, когда вы навѣрное валитесь со сна.

Она ушла, но въ дверяхъ остановилась опять и сказала:

— Постарайтесь играть въ этомъ спектаклѣ. Дже заставилъ меня обѣщать убѣдить васъ играть.

— Я думаю, что смогу, — отвѣчала Лора.—Мнѣ придется только подождать, пока не наладится нашъ régime... т.-е. наше хозяйство.

Когда м-съ Креслеръ ушла, Лора сейчасъ же погасила газъ и легла, но потомъ вспомнила, что не засыпала огня золою что у нея вошло въ привычку въ ея баррингтонекой жизни. Она встала и при свѣтѣ горящаго угля насыпала золы на огонь, потомъ осталась еще у камина и, стоя на колѣняхъ, смотрѣла въ огонь, перебирая въ памяти событія послѣднихъ дней. Въ концѣ концовъ въ Чикаго она нашла большее, чѣмъ шумъ и звонъ захвата владычества, больше, чѣмъ отголоски борьбы, больше, чѣмъ переливы нѣжной музыки.

Прежде всего Шельдона Корфеля, покойнаго, вкрадчиваго, краснорѣчиваго. Потомъ Лендри Корта, съ его откровенностью и мальчишествомъ, а теперь—такъ неожидано—новый элементъ появляется въ ея жизни: этотъ человѣкъ изъ міра дѣльцовъ, котораго она едва знала. Это прелестно, говорила она самой себѣ, восхитительно. Никогда жизнь не казалась ей такой привлекательной. Она чувствовала, что невидимая поэзія окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ. А любовь, самое драгоцѣнное для нея изъ всѣхъ вещей, приходила непрошенная.

Ея первоначальное отвращеніе отъ большого сѣраго города исчезало, она видѣла его въ другомъ свѣтѣ.

— Я думаю,—сказала она наконецъ, все еще стоя на колѣняхъ у огня,—я думаю, что буду очень счастлива здѣсь.

III.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ, приблизительно мѣсяцъ спустя, Кертисъ Джедвинъ вышелъ изъ своей конторы и направился въ маклерскую и коммиссіонную контору Гретри, Конверсъ и К°.

Было около девяти часовъ утра; погода стояла теплая, солнце сіяло. Улица Ла-Саль кипѣла жизнью, у входовъ въ безчисленныя конторы маклеровъ и коммиссіонеровъ люди кишѣли. Направо въ подъѣздѣ иллинайскаго трёста безпрерывно сходились и снова расходились группы клерковъ, посыльныхъ, маклеровъ и кліентовъ. Налѣво, гдѣ фасадъ торговой биржи загораживалъ улицу, царила удивительная дѣятельность. Толпа непрерывно стекалась изъ всѣхъ сосѣднихъ улицъ и два потока людей медленно проходившихъ по улицамъ Ла-Саль и Джексонъ сходились въ этой точкѣ и расходились одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Чѣмъ ближе потокъ толпы подходилъ къ этому зданію, тѣмъ онъ становился быстрѣе. Люди, шедшіе медленно по улицѣ Ла-Саль, ускоряли шаги по мѣрѣ приближенія къ этому зданію и, дойдя до угла улицы Джексонъ, гдѣ оставалось только перейти улицу, чтобы попасть въ зданіе Биржи, они бѣжали. Молодые люди и мальчики перебѣгали улицу въ одинъ мигъ, какъ-бы желая избѣгнуть проѣзжавшихъ экипажей, задыхаясь вбѣгали на подъѣздъ

биржи, смѣшивались съ коловоротомъ толпы и исчезали, однимъ скачкомъ погружаясь въ полумракъ зданія.

Джедвинъ часто наблюдалъ эту сцену

Хотя онъ не былъ одаренъ воображеніемъ, ему всегда представлялось, что зданіе торговой биржи обладало какой-то неодолимой силой, которая управляла потокомъ улицъ то притягивая его, то отталкивая. Тамъ внутри, огромный водоворотъ, омутъ ревущихъ водъ бился и грохоталъ, всасывая живыя силы города; онъ всасывалъ ихъ въ отверстіе какой-то громадной клоаки, колоссальнаго водостока, потомъ выбрасывалъ ихъ, и снова всасывалъ при новомъ прибоѣ.

Такъ это шло день за днемъ. Безконечно громадный, неумолчно грохочущій омутъ всасывалъ и изрыгалъ, посылая свой мощный потокъ по всѣмъ улицамъ города. Ужасающій въ центрѣ, онъ казался на окраинахъ привлекательнымъ, вкрадчивымъ, тихимъ. Его теченіе было такъ тихо, что довѣриться ему, подчиниться его вліянію было пріятно и казалось не представляло никакой опасности. Окраины его не ограничивались городомъ. Весь Сѣверо-Западъ, весь центральный край пшеницы чувствовалъ движеніе и вихрь его глубочайшаго дна. Западъ сѣялъ, сѣялъ и сѣялъ, зерно двигалось въ элеваторахъ Западнаго Іова въ отвѣтъ на центростремительную силу рынка, и люди на улицахъ Нью-Іорка чувствовали, какъ его загадочная тяга захватываетъ ихъ всецѣло и несетъ ихъ неодолимо назадъ, къ омуту.

Центробѣжная сила рынка «Пита» —была также могущественна. Когда изъ вѣчнаго его коловорота внезапно вырывался какой-нибудь новый потокъ, биржи Европы охватывала паника, многіе прочные банки Стараго Свѣта трепетали и дрожали. Вслѣдствіе неожиданнаго каприза его внутреннихъ потоковъ, какіе нибудь отдаленные источники вдругъ пересыхали, и вдругъ голодъ появлялся среди винодѣловъ сѣверной Италіи или рудокоповъ западной Пруссіи. Или наполнялся другой каналъ, и крестьяне русскихъ степей, изнуренные голодомъ, или кули на берегахъ Ганга чувствовали изобиліе, и приносили благодарственныя молитвы иконамъ и идоламъ.

Здѣсь, въ центрѣ націи, по серединѣ континента, лежащаго между океанами стараго и новаго свѣта, въ самомъ сердцѣ людской работы, громыхалъ и гудѣлъ «Питъ». Казалось, пшеница, кормилица народовъ, царственно катясь съ Запада на Востокъ, задержанная въ своемъ теченіи, ринулась здѣсь какъ ніагара въ страшный, бѣшенный Мальстромъ, превратилась въ хаотическую міровую силу, первозданную энергію, стала страной съ землятрясеніемъ, съ глетчеромъ, полная гнѣва и ярости на кучку ничтожныхъ людскихъ существъ, которыя осмѣлились поставить преграду ея теченію.

Что же удивительнаго, что Кресперъ смѣется надъ мыслью задерживать продажу пшеницы? И Джедвинъ, который шелъ въ контору своего маклера въ нижнемъ этажѣ торговой биржи, видя отливъ и приливъ людей въ дверяхъ, вспомнилъ о громадной рѣкѣ пшеницы, протекавшей черезъ это зданіе отъ фермъ Іовы и ранховъ Дакоты въ мельницы и пекарни Европы.

— Пожалуй Чарли правъ,—говорилъ онъ самому себѣ,—скупить и остановить этотъ товаръ... Господи Боже мой.

Фирма Гретри, Конверсъ и К всегда вела рѣдкія спекуляціи, которыя дѣлалъ Джедвинъ. Это былъ старый домъ торговой биржи и имѣлъ репутацію фирмы консервативной, скорѣе принадлежавшей «медвѣдямъ», чѣмъ «быкамъ» *). Она не искала увеличенія деревенской кліентелы, мелкихъ спекулянтовъ, потому что они первые падали при всякомъ крахѣ, не могли уплачивать безъ сроковъ, и отвѣтственность за ихъ несчастныя спекуляціи часто падала на маклеровъ. Ихъ друзьями были могучіе медвѣди, цѣпкіе, устойчивые, способные свалить всякаго быка. Фирма не имѣла ни малѣйшаго уваженія къ «чужакамъ», къ «публикѣ»... къ «овцамъ». Овцы! робкое, невинное, слабое стадо, которому

*) „Медвѣдями“ называютъ на Чикагскомъ хлѣбномъ рынкѣ спекуляторовъ на пониженіе цѣнъ, а „быками“ спекуляторовъ на повышеніе.

столь же неумѣстно жить въ Ла-Сальстритѣ, какъ щенку въ клѣткѣ пантеръ; овцы, которыхъ медвѣди и быки не удостаивали даже вниманія, но которыхъ они давили на смерть каждымъ движеніемъ своего тѣла, въ борьбѣ когтей и роговъ.

Джедвинъ вошелъ не прямо въ главный входъ конторы Гретри, а черезъ биржу корридорами прошелъ въ залу кліентовъ. Всѣ значительныя маклерскія конторы имѣли обыкновенно два входа—одинъ съ улицы, другой изъ корридоровъ биржи, ведшій прямо въ комнату кліентовъ.

Джедвинъ вошелъ и осмотрѣлся. Онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ Гретри такъ настойчиво приглашалъ его придти въ контору въ это утро, но передъ тѣмъ какъ начать разговоръ съ маклеромъ, ему захотѣлось посмотрѣть какъ продается пшеница. Комната была обширная, но если бы не газъ, горѣвшій безъ стеколъ, въ ней было бы совсѣмъ темно. Вся стѣна, противоположная входу, была занята большой черной доской, покрытой колоннами цифръ, написанныхъ мѣломъ; ее освѣщалъ съ верху рядъ газовыхъ рожковъ съ рефлекторами. Передъ этой доской стоялъ рядъ стульевъ, занятыхъ неописуемыми, жалко одѣтыми людьми, старыми и молодыми, съ усталыми глазами, болѣзненными, которые курили и плевали, или вели нескончаемые разговоры. Передъ черной доской на платформѣ взадъ и впередъ ходилъ молодой человѣкъ въ одномъ жилетѣ. Къ самой доскѣ былъ привинченъ телеграфическій аппаратъ, и какъ только онъ начиналъ стучать, молодой человѣкъ подписывалъ мѣломъ кабалистическія, почти неразборчивыя цифры подъ колоннами, носившими разныя заглавія: «Свиньи» «Овесъ» и наконецъ крупными буквами «Майская пшеница». Воздухъ въ комнатѣ былъ душный, затхлый, пропитанный табачнымъ дымомъ. Ничего другого не было слышно кромѣ гула разговоровъ, прерывистаго стука телеграфа и постукиванія мѣла подъ пальцами маркёра.

Но никто изъ сидѣвшихъ въ комнатѣ какъ будто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на черную доску. Одна цѣна смѣняла другую, телеграфъ и мѣлъ непрерывно стучали. Людямъ, сидѣвшимъ въ комнатѣ, было все равно: нѣкоторые даже повернулись къ доскѣ спиною; одинъ, разложивъ на колѣняхъ платокъ, вытеръ очки и началъ внимательно читать старую газету. Неизвѣстно для чего собирались сюда эти неописуемые люди. Каждый день они были на тѣхъ же мѣстахъ, съ тѣми же вонючими сигарами во рту, съ тѣми же старыми измятыми газетами. И они сидѣли инертно, глупо, загипнотизированные отдаленнымъ заглушеннымъ шумомъ «Пита», доносившимся черезъ потолокъ.

Одинъ изъ этихъ людей, очень старый человѣкъ, съ больными глазами, дряхлый, грязный, въ помятой высокой шляпѣ и старомъ сюртукѣ, полинявшемъ отъ непогодъ, на плечахъ, показался Джедвину знакомымъ. Ему припоминалось что-то старое, онъ не могъ опредѣлить что именно. Ясно разсмотрѣть старика онъ не могъ—освѣщеніе было плохое, старикъ сидѣлъ отвернувъ отъ него лицо и ѣлъ сандвичъ, который держалъ дрожащей рукой.

Джедвинъ, удостовѣрившись, что пшеница продается по 94, ушелъ, съ удовольствіемъ покидая удручающую атмосферу комнаты.

Гретри находился въ своемъ кабинетѣ, куда сразу ввели Джедвина. Онъ сѣлъ около конторки маклера, и они начали разговоръ съ пустяковъ. Гретри былъ широкій, спокойный человѣкъ, съ гладкимъ лицомъ, тупоумный какъ волъ. Онъ былъ всегда одѣтъ въ синюю пару, за ухомъ у него торчала зубочистка, а въ петлицѣ виднѣлся значекъ ордена Великой Арміи. Они были очень дружны съ Джедвиномъ; оба пріѣхали въ Чикаго одновременно и вмѣстѣ поднимались до положенія богатыхъ людей, которое теперь занимали; были членами одного и того же клуба, каждый день завтракали вмѣстѣ, и поочередно катали другъ друга на своихъ рысакахъ каждую субботу послѣ полудня. Среди лѣта каждый изъ нихъ отнималъ двѣ недѣли у дѣлъ и ѣздилъ ловить рыбу въ Висконтинъ, на озеро Джинива.

*

— Я сейчасъ видѣлъ въ вашей комнатѣ покупщиковъ, сказалъ Джедвинъ, —человѣка, который мнѣ напомнилъ Харгуса. Вы помните его дѣло?.. Послѣднее передъ его смертью? Когда это было? Господи! пятнадцать... нѣтъ, двадцать лѣтъ тому назадъ.

Дѣло, о которомъ говорилъ Джедвинъ, было знаменито въ лѣтописяхъ торговой биржи. Это былъ гигантскій «корнеръ» *) сентябрьской пшеницы, организованный этимъ самымъ Харгусомъ, милліономъ, который утроилъ свое состояніе въ этомъ дѣлѣ и на слѣдующій годъ потерялъ его отъ недобросовѣстности одного изъ своихъ компаньоновъ. Онъ довелъ пшеницу почти до двухъ долларовъ, былъ въ свое время всемогущимъ королемъ рынка. Съ тѣхъ поръ дѣло Харгуса стало терминомъ. Спекуляторы говорили: «Это также плохо какъ дѣло Харгуса», или «это какъ крахъ Харгуса», или «это такое же крупное дѣло, какъ дѣло Харгуса». Харгусъ перешелъ въ область легенды, миѳа, сдѣлался героической фигурой, преображенной въ своихъ милліонахъ.

— Да, около двадцати лѣтъ, продолжалъ Джедвинъ.—Если бы Харгусъ могъ снова ожить, онъ бы удивился той разницѣ, которая произошла въ нашихъ дѣловыхъ пріемахъ. Двадцать лѣтъ... Старѣемъ мы, Сэмъ!

— Я думаю, вы видѣли Харгуса,— сказалъ маклеръ.—Онъ не умеръ. Старикъ въ шляпѣ какъ печная труба и въ засаленномъ сюртукѣ? Это Харгусъ.

—Неужели!—воскликнулъ Джедвинъ.—Это Харгусъ?

— Ну, конечно. Онъ приходитъ каждый день. Клерки ему даютъ иногда по доллару.

— И онъ не умеръ? И это Харгусъ, этотъ несчастный, разбитый... тьфу!

— Я не хочу объ этомъ думать, Сэмъ! И пораженнный Джедвинъ сидѣлъ нѣкоторое время молча.

— Да, сэръ,—мрачно проворчалъ маклеръ,—это Харгусъ.

*) Скупка пшеницы съ цѣлью искусственнаго повышенія цѣнъ.

Наступило довольно долгое молчаніе. Вдругъ Гретри живо воскликнулъ:

— Ну, вотъ зачѣмъ я хотѣлъ васъ видѣть!— Онъ понизилъ голосъ. — Вы знаете,—у меня есть корреспонденты въ Парижѣ—у всѣхъ маклеровъ есть—и мы не скрываемъ ихъ именъ. Но у меня въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ былъ особый человѣкъ и это ужъ секретно. Вамъ я хочу сказать кто:—это одинъ изъ выдающихся членовъ американскаго посольства. Время отъ времени онъ посылаетъ мнѣ то, что это репортёры называютъ «исключительными новостями».. Для этого я его и держу, а на деньги, которыя онъ получаетъ, я бы могъ купить паровую яхту... Но новости, которыя онъ присылаетъ, всегда доходятъ за день или за два раньше другихъ. До сегодняшняго дня онъ не посылалъ мнѣ ничего особенно важнаго. А сегодня вотъ что я получилъ...

Онъ взялъ со стола телеграмму и прочелъ:

«Утика—главная квартира—измѣненія—органическія — соотвѣтственныя— черезъ мѣсяцъ». А значитъ это—прибавилъ онъ—вотъ что... Я только что расшифровалъ ее, онъ подалъ Джедвину клочокъ бумаги, на которомъ было написано:

«Законъ о большомъ обложеніи импорта иностранной пшеницы пройдетъ въ Палатѣ черезъ мѣсяцъ».

— Вы поняли?—спросилъ онъ Джедвина, взявъ у него бумажку.—Не забудете?—онъ скрутилъ бумажку и тщательно ее сжегъ.

—Ну,—сказалъ онъ,—войдете ли вы въ дѣло? Мы будемъ только вдвоемъ, Дже, и я думаю, что мы сильно подкузьмимъ клику Портеуса.

—Гм...—удивленно пробормоталъ Джедвинъ.—Это дѣйствительно измѣняетъ положеніе вещей... Только по правдѣ сказать, Сэмъ, послѣ своего послѣдняго дѣла я почти рѣшилъ не спекулировать. Разъ человѣкъ начинаетъ эту игру, онъ лѣзетъ въ нее все глубже, все глубже, и не успѣетъ опомниться, какъ назадъ идти нельзя... и не хочется. Чуть ему поцарапаютъ носъ—онъ даетъ сдачи, чтобы отплатить за это, и бьетъ въ

пустую, теряетъ равновѣсіе... и тутъ ему конецъ. Денегъ наживать я больше не хочу. Съ меня довольно; мнѣ теперь передъ старостью просто хотѣлось бы жить на нихъ въ свое удовольствіе.

— Но, Господи Боже мой, Дже,— возражалъ Гретри,—это совсѣмъ не спекуляція. Вы сами видите какъ это вѣрно. Развѣ я ребенокъ въ дѣлахъ? Я вамъ говорю, Дже, это вѣрныя деньги. Продавать пшеницу на короткій срокъ, имѣя такое свѣдѣніе, все равно что заранѣе положить деньги въ свой карманъ... Глупости! Конечно вы войдете въ дѣло? Я подстерегалъ эту шайку быковъ еще задолго до банкротства Хельмика и теперь попалъ въ настоящую точку. Слушайте, Дже, вы зря денегъ не бросаете, но вѣдь вы купили бы всякій участокъ земли, еслибы знали, что его можно перепродать съ барышомъ? Теперь вотъ вамъ случай сдѣлать въ самомъ дѣлѣ хорошую медвѣжью спекуляцію. Вѣдь какъ только эта новость попадетъ на биржу, цѣны немедленно начнутъ падать, падать и падать. Что ни дѣлай Портеусъ съ своей кликой, какъ они ни поднимай цѣны, имъ отъ судебнаго пристава не уйти.

— Все это я знаю, Сэмъ,—отвѣчалъ Джедвинъ.—Дѣло не въ томъ, что я не хочу спекулировать, а въ томъ, что я слишкомъ хочу. Вотъ почему я и сказалъ, что совершенно отстраняюсь. Тутъ дѣло не столько въ деньгахъ, сколько въ удовольствіи играть. Если мнѣ немного повезетъ, я рискну бо̀льшимъ и еще бо̀льшимъ, и наконецъ рискну большой вещью, и эта большая вещь меня свалитъ... Знаете, Сэмъ, когда вы мнѣ сказали, что то несчастное существо, которое жевало сандвичъ—Харгусъ, мнѣ стало холодно...

— Но развѣ я предлагаю вамъ рискнуть всѣмъ вашимъ капиталомъ? И не пятою, и даже не двадцатою его частью! Не будьте осломъ, Дже. Развѣ мы не осторожная фирма? Развѣ я такъ говорю, когда не увѣренъ? Слушайте, позвольте мнѣ продать за вашъ счетъ милліонъ четвертей. Я знаю, что это болѣе крупный заказъ чѣмъ тѣ, которые я обыкновенно дѣлалъ для васъ. Но на этотъ разъ мнѣ хочется идти напрямикъ, внизъ головой вверхъ тормашками, и скрутить молодчиковъ Портеуса, сбить ихъ съ ногъ. Сегодня утромъ мы получили отчеты о жатвахъ, и если предложеніе дѣйствительно такъ велико какъ я думаю, цѣны будутъ подниматься и разстроятъ весь рынокъ. Я продамъ для васъ твердо по лучшимъ цѣнамъ, которыя смогу получить, а вы покроете разницу когда хотите до конца мая.

Джедвинъ колебался. Помимо своей воли онъ видѣлъ, что ему везетъ счастье. Опять къ нему пришло то странное шестое чувство, необъяснимый инстинктъ, который знаетъ только прирожденный спекуляторъ. Въ теченіе его дѣловой карьеры по временамъ у него появлялась интуиція, чутье, неясное предчувствіе, что онъ долженъ ухватиться за случай, иначе счастье измѣнитъ ему. Ему казалось и теперь, что онъ чувствуетъ въ воздухѣ присутствіе какого-то новаго элемента, новой силы. То было счастье, великая сила, великая богиня, которая вдругъ выступала изъ невидимаго и проносилась надъ его головой взмахивая блестящими крыльями.

— Съ этою вещью надо обращаться какъ со льдомъ, — замѣтилъ маклеръ задумчиво и прищуривая глаза.—Такое извѣстіе сдѣлается общимъ достояніемъ черезъ двадцать четыре часа, и времени у насъ, значитъ, не много. Я не намѣренъ сбивать цѣны, продавъ сразу болѣе милліона четвертей. Я буду давать приказы постепенно... Кромѣ того, есть, еще одно благопріятное для васъ обстоятельство. Мы сможемъ продавать по высокимъ цѣнамъ. Въ «Питѣ» разнесся нелѣпый слухъ о войнѣ и всѣ торговцы испугались, какъ институтки большой крысы. Да и безъ того рыночная цѣна дошла до высшей точки. Портеусъ мнѣ надоѣлъ. Онъ и его шайка довели цѣны до неестественныхъ размѣровъ. Майская пшеница по девяносто четыре! Это прямо нелѣпо! Они должны держаться въ предѣлахъ восьмидесяти. Малѣйшій щелчокъ свалитъ эту цѣну... Ну,—сказалъ онъ вдругъ пово-

рачиваясь къ Джедвину,—идетъ? Если ваше всегдашнее счастье везетъ вамъ, Дже, вотъ вамъ случай нажиться.

Джедвинъ засмѣялся.

— Сэмъ, сказалъ онъ,—я погадаю на орелъ или рѣшетку.

— Полноте! —запротестовалъ было маклеръ; но вдругъ въ немъ сказался инстинктъ игрока, развившійся отъ жизни въ атмосферѣ биржи, и онъ воскликнулъ.

— Идетъ! Орелъ или рѣшетка. Только дайте мнѣ слово, что не отступите. Если выйдетъ орелъ—вы входите въ дѣло, если рѣшетка—не входите. Даете слово?

— Ну нѣтъ, этого я не знаю,—возразилъ Джедвинъ, котораго занимала глупость этого способа. Но пока онъ раскачивалъ на большомъ пальцѣ монету, онъ былъ увѣренъ, что выйдетъ орелъ. Онъ подбросилъ монету въ воздухъ и пока она летѣла говорилъ самъ себѣ:—орелъ будетъ. Ничего другого не можетъ быть; знаю, что будетъ орелъ...

И орелъ вышелъ, когда монета упала

— Хорошо,—сказалъ онъ,—идетъ!

— Милліонъ четвертей?

— Да,—милліонъ. Сколько вамъ надо на задатки?

Гретри сдѣлалъ вычисленіе на конвертѣ.

— Пятьдесятъ тысячъ долларовъ.

Джедвинъ написалъ чекъ на углу стола, потомъ подержалъ его въ рукахъ и приговаривалъ, обращаясь къ чеку:

— Прощай! прощай! Никогда мнѣ не видѣть больше тебѣ подобныхъ.

Гретри же смѣялся.

— Пфа!—проворчалъ онъ.—И мѣсяцъ не пройдетъ какъ у васъ ихъ будетъ полная шапка.

* *
*

Въ то же утро Лендри Кортъ въ девять часовъ утра былъ въ нижнемъ этажѣ торговой биржи. Онъ только что вышелъ изъ конторы Гретри, Конверсъ и К°, гдѣ онъ и другіе торговцы Пита получали заказы на день.

Пока онъ покупалъ яблоки въ концѣ одного корридора, къ нему присоединился Семпль и молодой еврей Гиршъ, тоже торговцы Пита, но для маленькихъ фирмъ Ла-саль-стрита.

— Здравствуйте, Кортъ, что новаго?

— Здравствуйте, Берри Семпль! Здравствуйте Гиршъ! — Лендри предложилъ имъ по половинкѣ своего второго яблока и они остановились всѣ трое у лѣстницы, разговаривали и ѣли яблоки кончиками перочинныхъ ножей.

— Скверно мнѣ сегодня,—замѣтилъ Семпль, уплетая яблоко. — Вчера кутили до поздней ночи. Пріятель одинъ пріѣхалъ изъ Европы, товарищи ему обѣдъ давали. Всѣ мы порядочно подпили и другъ мой тоже. Онъ долго жилъ въ Константинополѣ: имѣлъ какое-то газетное дѣло. Страшная гадость кажется все это—Турція и султанъ и все прочее. Онъ говоритъ, что на улицахъ почти бунтовали по поводу инцидента «Хиггинсъ-паша», и что англійскій посланникъ высказался по этому поводу очень рѣзко. Мой пріятель говоритъ, что Константинополь ему напоминаетъ оперныя декораціи, которыя разставили среди грязи. Онъ говоритъ, Кортъ, что улицы въ Константинополѣ грязнѣе, чѣмъ въ Чикаго.

— Не можетъ быть, сказалъ Гиршъ.

— Фактъ! А собаки! Онъ говоритъ, что теперь знаетъ куда попадаютъ всѣ желтыя собаки послѣ смерти.

— Но, въ чемъ дѣло, — сказалъ Гиршъ,—въ этой исторіи Хиггинсъ—паши? Я думалъ, что все это давно кончено.

— Кончено, — увѣренно отвѣчалъ Семпль глядя на часы.—А намъ пора: половина девятаго.

Они начали подниматься по лѣстницѣ, вмѣшавшись въ толпу другихъ торговцевъ шедшихъ въ томъ же направленіи. По дорогѣ Гирша остановилъ его братъ.

— У меня есть ящикъ сигаръ для тебя.

Гиршъ остановился.—Хорошо, сказалъ онъ, а потомъ прибавилъ:—что это за исторія въ дѣлѣ Хиггинсъ—паши? Говорятъ, что англійскій агентъ очень рѣзко высказался султану на дняхъ.

Его собесѣдникъ заинтересовался:—

Неужели? спросилъ онъ. На рынкѣ это не отразилось. Это все, кажется пустяки... Но вонъ Келли... Онъ знаетъ. Онъ очень близокъ съ людьми Портеуса. Спроси его.

— Ты спроси и скажи мнѣ. Я тороплюсь на биржу. Сейчасъ будутъ звонить.

Братъ Гирша нашелъ Келли въ группѣ клерковъ.

— Скажите-ка, другъ любезный,—началъ онъ,—вы это должны знать... Говорятъ, что между Англіей и Турціей возникли какія-то недоразумѣнія по поводу инцидента Хиггинсъ-паши, и что англійское министерство иностранныхъ дѣлъ пригрозило султану ультиматумомъ. Что будетъ съ рынкомъ, если это правда...

— Все вздоръ,—отвѣчалъ Келли.— Но я узнаю для вѣрности.

Тѣмъ временемъ Лендри дошелъ до верху лѣстницы, повернулъ направо и черезъ широкія двери вошелъ въ этажъ торговой биржи.

Это была обширная зала, освѣщенная со всѣхъ сторонъ большими окнами съ цвѣтными стеклами, потолокъ поддерживался разукрашенными желѣзными колоннами. Слѣва висѣли черныя доски съ бюллетенями, а за ними, въ сѣверозападномъ углу этажа, помѣщался телеграфъ. Съ противоположной стороны залы, направо, находился рядъ столовъ, на которыхъ были аккуратно разставлены бумажные мѣшки, наполовину наполненные образцами зерна.

Центръ залы занимали «питы»—слѣва отъ Лендри «питъ» съѣстныхъ припасовъ, дальше зерновой «питъ», а на сѣверномъ концѣ этажа, почти подъ галлереей публики, большой «Питъ» пшеницы.

Прямо подъ галлереей публики, высоко на южной стѣнѣ, висѣлъ большой циферблатъ со стрѣлкой, указывавшей текущія цѣны пшеницы, которая двигалась по мѣрѣ измѣненій, происходящихъ на рынкѣ. Она остановилась на 93 и $^3/_8$ —послѣдней заключительной цифрѣ вчерашняго дня.

Всѣ «питы» были еще пусты. Лендри снялъ въ уборной шляпу и сюртукъ и надѣлъ старую куртку изъ синей фланели. Потомъ безъ шляпы и заложивъ руки въ карманы, тихо перешелъ залу и сѣлъ на одномъ изъ стульевъ, разставленныхъ передъ загородкой телеграфа. Онъ тщательно перечелъ телеграммы и заказы, которые держалъ въ рукахъ, изорвалъ ихъ на мелкіе кусочки и продолжалъ сидѣть, неопредѣленно осматривая залу, раздумывая о предстоящей на этотъ день работѣ.

Въ Лендри точно жило два человѣка. Вдали отъ Ла-Саль-стритъ онъ былъ вѣтренный, непрактичный и довольно взбалмошный малый, которому нельзя было поручить серьезнаго, отвѣтственнаго дѣла. Но биржа пробуждала въ немъ совершенно другого человѣка. Новая нервная ситема зарождалась въ немъ при звонѣ гонга въ половинѣ десятаго, новый мозгъ начиналъ работать при появленіи первой цифры рынка. И съ этого мгновенія до конца биржевого засѣданія не было продавца, не было маклерскаго клерка болѣе покойнаго и толковаго чѣмъ этотъ молодой человѣкъ, который вечеромъ того же дня перепутывалъ всѣ свои приглашенія. Лендри Кортъ, котораго знали сестры Дирборны, совсѣмъ не походилъ на молодого человѣка, который теперь сидѣлъ на биржѣ, прищуривъ глаза и размышляя о томъ, какое настроеніе будетъ на «Питѣ» сегодня.

Зала наполнялась. Въ отгороженномъ пространствѣ, гдѣ помѣщались сотни телеграфическихъ аппаратовъ, начали показываться телеграфисты группами въ два, три человѣка. Они вѣшали шляпы и сюртуки и въ холщевыхъ курткахъ или въ однихъ жилетахъ шли по мѣстамъ или, усѣвшись на столахъ, перекликались, болтали, шутили. Нѣкоторые сразу принимались за работу.

Изъ корридоровъ большими группами въ залу входили биржевики. Шумъ шаговъ начиналъ отдаваться подъ высокими сводами; посыльный мальчикъ перебѣжалъ залу, выкрикивая непонятное имя. Группы торговцевъ постепенно направлялись къ «питамъ» зерна и пшеницы. На порогѣ пшеничнаго «Пита» два человѣка серьезно и тихо разговаривали.

Винстонъ, широкоплечій малый, лѣтъ

тридцати пяти, который работаль съ Лендри для фирмы Гретри—Конверсъ, вошелъ и, не поздоровавшись съ нимъ, сразу спросилъ:

— Въ чемъ дѣло въ этой исторіи Турціи и Англіи?

Не успѣлъ Лендри отвѣтить, какъ къ нимъ присоединился третій агентъ Гретри. Это былъ молодой человѣкъ по имени Резбриджъ, худой, черноволосый, съ выраженіемъ вѣчной тревоги въ глубоко сидящихъ глазахъ.

— Знаете!—воскликнулъ онъ.—Въ этомъ что-нибудь есть! Непремѣнно что-нибудь есть!

— Гдѣ вы это слышали?—спросилъ Лендри.

— Всюду. Гиршъ, кажется, что-то знаетъ... Говорятъ, что идетъ рѣчь о мобилизаціи средиземной эскадры... Ничего не понимаю.

— Вы спросите вонъ у того «заокеанскаго» репортера. Онъ, можетъ быть, знаетъ... Я его видѣлъ... Или спросите по телефону въ «Союзѣ прессы», —совѣтовалъ Лендри.—Въ конторѣ мнѣ не сказали ни слова.

— Ну ужъ этотъ «Союзъ». Они все знаютъ! насмѣшливо говорилъ Винстонъ. —Я имъ телефонировалъ. Они «не могутъ подтвердить слуха»! И всегда они такъ. Вы можете тратить полъ милліона въ годъ на собственные провода, на особыя сообщенія и на конторы новостей, и все же первые слухи о новостяхъ вы всегда услышите здѣсь... вотъ какъ и эту новость. Помните время, когда сѣверозападные мельники продали однимъ махомъ сто пятьдесятъ тысячъ четвертей? Биржа говорила объ этомъ за три часа передъ первой телеграммой. Подумайте, что бы было, если бы мы ждали извѣстій отъ союзовъ?

— Пари держу, вы опять говорите объ инцидентѣ Хиггинсъ-Паши?—замѣтилъ Резбриджъ, и глаза его заблестѣли.

— Я слышалъ объ этомъ сегодня утромъ, — отвѣчалъ Лендри. — Только говорятъ...

— Что я вамъ говорилъ?—перебилъ Резбриджъ.—Я вамъ говорю, всюду объ этомъ говорятъ. Дыма безъ огня не бываетъ. Я ничуть не удивлюсь, если къ полудню придетъ телеграмма, что англійское военное министерство послало свой ультиматумъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Винстону разсказывалъ одинъ маклеръ, который слышалъ это отъ своего пріятеля, получившаго телеграмму отъ «освѣдомленнаго» лица, что англійскій военный министръ послалъ Портѣ ультиматумъ и что дипломатическія сношенія Турціи и Англіи будутъ скоро прерваны. Въ эту минуту вся биржа, видимо, только объ этомъ и говорила, во всѣхъ группахъ людей слышались слова: «ультиматумъ», «восточный вопросъ» «инцидентъ Хиггинса — Паши». Это былъ общераспространенный слухъ, и скоро торговцы «питовъ» начали со всѣхъ сторонъ получать депешу за депешей: приказы продавать отмѣняли или приказывали продавать только по опредѣленнымъ и очень высокимъ цѣнамъ. Маклеры телеграфировали своимъ главнымъ клеркамъ, что рынокъ обѣщаетъ быть стойкимъ и повышеннымъ.

Было почти половина десятаго. Въ отдѣленіи телеграфа стукъ и звонъ инструментовъ превратился въ непрерывный трескъ. Посыльные мальчики бѣгали взадъ и впередъ во всю прыть, ныряя среди кучекъ клерковъ и торговцевъ и непрерывно выкрикивали имена тѣхъ, которымъ они несли телеграммы. Потокъ биржевиковъ сосредоточился около «питовъ», и ежесекундно глухой гулъ голосовъ усиливался, какъ ревъ поднимающагося прилива.

Стоя около будки телефона у края «Пита» пшеницы, Лендри увидѣлъ костлявую фигуру Креслера, который хотя и не спекулировалъ, но ежедневно приходилъ на биржу. Его карманы были наполнены зерномъ, которое онъ взялъ изъ мѣшковъ съ образчиками. Онъ открылъ окно и сыпалъ зерна на подоконникъ и съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за трепетомъ крыльевъ безчисленныхъ голубей, слетавшихся отовсюду и нервно клевавшихъ зерна быстрыми ударами желтыхъ клювовъ.

Лендри посмотрѣлъ на часы — было двадцать пять минутъ десятаго. Онъ

стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ съ сѣверной стороны пшеничнаго «Пита» на верху лѣстницы. «Питъ» былъ полонъ людьми. Ниже его и около него стояли маклеры и торговцы—Гиршъ, Семпль, Келли, Винстонъ и Резбриджъ страшный Ліекрафтъ, покупавшій для себя, и у котораго было скуплено болѣе майской пшеницы, чѣмъ у кого бы то ни было на рынкѣ; ничтожный Гросманъ, еврей въ фланелевой рубашкѣ, на крики котораго никто не обращалъ вниманія; Ферчайльдъ, Патерсонъ и Гудлакъ—неразлучное тріо представителей шайки Портеуса—молчаливые пожилые люди, которымъ стоило открыть ротъ, чтобы купить или продать милліонъ четвертей пшеницы на мѣстѣ. И еще, и еще разные люди—старики-ветераны, рекруты-юноши, едва достигшіе двадцати лѣтъ, люди, которые когда-то верховодили всѣмъ рынкомъ и которые теперь рады были играть ничтожную роль, продавая и покупая въ тотъ же день, довольствуясь прибылью въ десять долларовъ. Были тамъ люди, въ эту минуту обдумывавшіе планы, которые сдѣлаютъ ихъ милліонерами черезъ недѣлю; другіе подъ маской равнодушія скрывали тревогу вчерашнихъ потерь. Всѣ стояли насторожѣ, всѣ были необыкновенно напряжены, прислушиваясь къ малѣйшему звуку, приглядывались къ малѣйшему жесту противниковъ, готовясь броситься впередъ при малѣйшей возможности, безпощадно ринуться на малѣйшую плохо защищенную точку. Гросманъ потѣлъ отъ волненія ожиданія, едва удерживался и дрожавшими пальцами вытиралъ ротъ. Винстонъ, смуглый, крѣпкій, невозмутимый, стоялъ неподвижно, заложивъ руки за спину, какъ статуя, и не спускалъ расширенныхъ глазъ съ Келли, заподозрѣвая, что у того есть какое-то «ловкое дѣльце». Тріо Портеуса, недостижимое, безстрастное, стояло спиною къ «Питу» и шутило между собою.

Оффиціальный репортеръ влѣзъ въ свою маленькую будку на краю «Пита» и затворилъ за собою дверь. Теперь крики мальчиковъ-посыльныхъ превратились въ одинъ слитый и непрерывный крикъ; они бѣгали по всѣмъ направленіямъ зданія, скрещиваясь, перегоняя другъ друга, съ кучами желтыхъ конвертовъ въ рукахъ. Изъ будокъ телефоновъ несся продолжительный, музыкальный звонъ. Въ телеграфѣ инструменты безпрерывно стучали и трещали. Молодые люди безъ шляпъ подбѣгали другъ къ другу, сравнивали свои телеграммы, совѣщались и снова разбѣгались въ разные концы. Нѣкоторые что-то кричали другъ другу съ одного конца залы надругой. Около досокъ бюллетеней клерки тщательно записывали первыя получки, количество нагруженной пшеницы, экспортъ и импортъ.

Всѣ эти звуки—стукъ телеграфа, завываніе мальчиковъ-посыльныхъ, возгласы и крики клерковъ и торговцевъ, шуршаніе и топотъ сотенъ ногъ, трескъ телефонныхъ сигналовъ—поднимались въ воздухѣ, смѣшивались на верху, образуя продолжительную глубокую ноту, которая отдавалась отъ свода къ своду и выходила изъ каждой двери, изъ каждаго открытаго окна длиннымъ раскатомъ непрерывнаго грома. На пшеничномъ рынкѣ предложенія цѣнъ вырывались, какъ первые, единичные выстрѣлы боевой линіи.

— Продаю двадцать пять, въ маѣ девяносто пять и одна восьмая.

А Келли и Семпль почти одновременно крикнули:

— Даю семь восьмыхъ на май!

Оффиціальный репортеръ высунулся изъ будки, чтобы замѣтить первыя цѣны, и смотрѣлъ на часы. Часовая и минутная стрѣлки стояли надъ прямымъ угломъ.

Вдругъ внезапно, какъ бы разсѣкая слитый гулъ зданія, раздался одинъ рѣшительный ударъ въ большой гонгъ. Мгновенно разразился страшный шумъ. Руки вытягивались въ отважномъ напряженіи, и въ пшеничномъ «Питѣ» надъ плотно сдвинутыми головами сразу поднялись въ воздухъ сотни рукъ съ раздвинутыми пальцами. Всякая членораздѣльность рѣчи исчезла въ одномъ общемъ крикѣ, когда всѣ торговцы ринулись внизъ къ центру «Пита», толкая другъ друга, кидаясь другъ на друга,

продираясь, впередъ силою. Указатель на большомъ циферблатѣ дрогнулъ и задвигался, будто гонимый вихремъ рынка, движеніе замедлилось, послѣ небольшого колебанія онъ остановился, и сотни телеграфныхъ молоточковъ застучали, возвѣщая всей странѣ отъ Атлантическаго до Тихаго океана, что на чикагскомъ рынкѣ цѣна на майскую пшеницу слегка повысилась съ 93 и $^3/_8$ до 94 съ половиною при утреннемъ открытіи рынка.

Но повышеніе не вызвало продажи. Страшный Ліекрафтъ и тріо Портеуса покачали головами, когда «Питъ» предложилъ девяносто четыре за ихъ огромныя скупки. Цѣна держалась твердо. Гудлокъ началъ предлагать девяносто четыре. При малѣйшемъ повышеніи Гроссманнъ, все съ тѣмъ же жестомъ метателя диска и тѣмъ же жалобнымъ тономъ выкрикивалъ:

— Продаю 25, въ маѣ по девяносто пять съ четвертью.

Онъ держалъ надъ головой руки, растопыривъ пальцы, чтобы показать, что продаетъ пять «контрактовъ» или партій по пяти тысячъ четвертей, каждый палецъ обозначалъ одинъ контрактъ.

Въ эту минуту агенты фирмы Гретри начали получать приказаніе продавать. Нѣкоторыя другія большія фирмы тоже начали продавать. Это движеніе казалось необъяснимымъ. При могучей кучкѣ «быковъ,» которая господствовала и при всѣхъ признакахъ твердаго рынка, кто осмѣливался такъ продавать?

Лендри также получилъ приказаніе продавать. Ему велѣно было продать триста тысячъ четвертей по всякой цѣнѣ выше девяноста четырехъ. Онъ не спускалъ глазъ съ Ліекрафта, будучи увѣренъ, что онъ повыситъ цифру. Но случилось такъ, что не Ліекрафтъ, а тріо Портеуса повысило цѣну. Патерсонъ стоявшій въ центрѣ «Пита», вдругъ махнулъ рукой и сдѣлалъ условный жестъ покупателя.

— Даю одну восьмую на май.

Лендри въ одну секунду очутился около него. Двадцать голосовъ закричало: «Продано!» и другіе торговцы кинулись къ Патерсону съ вытянутыми руками, но Лендри опередилъ ихъ.

— Продано! Продано!

Патерсонъ кивнулъ, и пока Лендри записывалъ свою сдѣлку, указатель циферблата снова двинулся и снова остановился.

Но дѣятельность рынка падала. Мало-по-малу сдѣлокъ совершалось все меньше. Лендри воздержался отъ продажи больше десяти «контрактовъ» Патерсону. Онъ чувствовалъ, что позднѣе цѣна еще поднимется. Онъ быстро составилъ планъ дѣйствія: продать еще пятьдесятъ тысячъ четвертей, если цѣна поднимется до девяносто четырехъ съ половиной, а потомъ «пощупать» рынокъ, продавая то тутъ, то тамъ маленькими партіями, и если цѣны станутъ довольно большими, быстро сбыть сразу сто тысячъ, прежде чѣмъ цѣна упадетъ. Онъ всегда зналъ почти безошибочно движеніе рынка, зналъ, какъ онъ крѣпнетъ, какъ онъ утихаетъ.

Гроссманнъ продолжалъ свой жалобный крикъ, но никто уже ничего не слушалъ. Тріо Портеуса и Ліекрафтъ держали цѣны твердо на девяносто четыре и одна восьмая, но не выражали никакого намѣренія повысить ихъ. Въ теченіе пяти минутъ ни одной сдѣлки не было совершено. «Питъ» ждалъ извѣстій о предполагаемомъ привозѣ.

Въ этомъ утреннемъ затишьѣ безсмысленный слухъ объ англійскомъ ультиматумѣ Турціи окончательно исчезъ. Онъ исчезъ такъ же, какъ и возникнулъ. Теперь всѣ единогласно смѣялись надъ нимъ. Англія объявляетъ войну Турціи! Кто это выдумалъ? Какой дуракъ пустилъ въ ходъ это старое пугало— войну? Но несмотря ни на что, не было реакціи на повышеніе. Всѣ понимали, что Ліекрафтъ и группа Портеуса не намѣрены пока поднимать цѣны, и, вмѣсто легенды объ ультиматумѣ, начала зарождаться увѣренность, что ожидаемое извѣстіе укажетъ на уменьшеніе предполагаемаго снабженія, и всѣмъ казалось вѣроятнымъ, что цѣны еще повысятся. Положеніе дѣлъ на эту минуту становилось неинтереснымъ, «Питъ» начиналъ пустѣть, даже Гроссманнъ, обезкураженный, удалился и сѣлъ на скамейку подъ галлереей публики. Какое-то шаловливое

настроеніе смѣнило общее возбужденіе. Страшный Ліекрафтъ и Патерсонъ изъ партіи Портеуса и даже самъ торжественный Винстонъ находили какъ бы неистощимое удовольствіе въ томъ, что дѣлали стрѣлы изъ телеграммъ, бросали ихъ впередъ и съ глубокимъ интересомъ слѣдили за ихъ полетомъ. Какой-то посѣтитель галлереи, очевидно путешествующій западный фермеръ, положилъ ноги на баллюстраду, и весь «Питъ» началъ кричать: «сапоги! сапоги! сапоги!»

Немного позднѣе какой-то маклеръ выбѣжалъ изъ телефонной будки, задыхаясь влетѣлъ на ступеньки «Пита», расталкивая торговцевъ локтями, и выкрикнулъ предложеніе.

— Онъ болѣнъ!—закричалъ Гиршъ. —Посмотрите, бѣдняга! у него будетъ припадокъ.

Онъ схватилъ маклера за руки и потащилъ его на середину рынка. Многіе другіе подхватили крикъ и начали толкать пришельца изъ стороны въ сторону. Его жали со всѣхъ сторонъ, развязали ему галстухъ, сбили съ него шляпу и всѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Онъ болѣнъ! Онъ болѣнъ!

Подоспѣли новые продавцы и маклеры, а Гроссманнъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, вытаращилъ глаза, и размахивая руками, крикнулъ, вбѣгая въ «Питъ»:

— Продаю двадцать пять, въ маѣ по девяноста пять съ четвертью.

Добродушная жертва, маклеръ, поправилъ измятую шляпу и снова повторилъ свое предложеніе.

— Ступай спать, говорилъ ему Гиршъ.

— Его лошадь укусила, кричали другіе,—смотрите! онъ сейчасъ сбѣсится.

Это происшествіе послужило сигналомъ новой «штуки», которая имѣла большой успѣхъ. Нѣсколько торговцевъ немедленно организовали комитетъ борьбы съ галстухами они начали бѣгать по Питу скручивать и развязывать галстухи. Гроссманнъ, возмущенный этими «обезьяньями ухватками» удалился въ центръ Пита. Онъ сталъ около Ліекрафта, повернувшись къ нему спиною и бормоча себѣ подъ носъ негодующія слова, а Ліекрафтъ продолжая вести серіозный разговоръ съ сосѣдомъ, утыкалъ ленту его шляпы стрѣлами изъ телеграммъ и,—все не переставая говорить—зажегъ ихъ.

Теперь Лендри стало казаться, что въ это утро нельзя ожидать цѣны высшей, чѣмъ девяносто четыре съ восьмой, и онъ началъ выполнять приказы продажи. Мало по малу онъ продалъ почти всю пшеницу кромѣ одной большой партіи.

И вдругъ, безъ всякой видимой причины, пшеница, среди всеобщаго гвалта и крика, прыгнула на девяносто четыре съ четвертью, и не успѣлъ Питъ вздохнуть какъ цѣна повысилась еще на восьмую, спустилась на четверть и опять поднялась до пяти восьмыхъ. То было, очевидно, вліяніе извѣстія о предполагаемомъ привозѣ, о которомъ еще не было телеграммы, но внезапный подъемъ является признакомъ, что извѣстіе близко, и что оно благопріятно быкамъ. Черезъ нѣсколько секундъ извѣстіе появилось подъ циферблатомъ и удивило всѣхъ безъ исключенія. Никто не воображалъ, что привозъ будетъ такъ великъ и такъ соотвѣтственъ спросу. Рынокъ отвѣчалъ. Пшеница начала входить тяжело. Гиршъ, Келли, Гроссманнъ, Ліекрафтъ, тупой Винстонъ и пылкій Резбриджъ боролись упорно—цѣна начала подниматься, потомъ внезапно пала. Показатель циферблата остановился на девяносто трехъ и семи восьмыхъ.

Лендри былъ внѣ себя. Этого паденія онъ не предвидѣлъ. Ничего нельзя разсчитать съ этимъ проклятымъ «предполагаемымъ», а у него оставалось еще 50.000 четвертей на рукахъ. Теперь рѣшительно нельзя предвидѣть насколько цѣна понизится еще. Надо дѣйствовать быстро и рѣшительно. Онъ продрался черезъ толпу окружавшую группу Портеуса и, черезъ плечо низенькаго Гроссманна, стоявшаго у него на дорогѣ, вытянулъ свою руку почти въ лицо Патерсона громко выкрикивая:

— Продаю пятьдесятъ, въ маѣ, по семь восьмыхъ!

Патерсонъ отрицательно покачалъ головой.

— Продаю пятьдесятъ, на май, по три четверти!

Вдругъ какой-то инстинктъ подсказалъ Лендри, что будетъ новое паденіе. Оно было въ воздухѣ. Онъ почти физически чувствовалъ новый обвалъ пшеницы, который собьетъ цѣну. Въ отчаяніи онъ схватилъ Патерсона за плечо.

— Продаю пятьдесятъ, на май, по пяти восьмыхъ.

— Беру, крикнулъ Патерсонъ.

Въ сердцѣ этой смуты, безпорядочнаго повышенія и внезапнаго паденія цѣнъ, пронеслось счастье, золотая царица, и не успѣлъ еще счетчикъ въ конторѣ Гретри отмѣтить паденіе цѣны, когда въ торговыя книги были уже занесены продажи Лендри, и Кертисъ Джедвинъ обязывался доставить въ послѣдній день мая мѣсяца, до полудня, милліонъ четвертей пшеницы представителямъ быковъ на торговой биржѣ.

На это утро настоящія дѣла были кончены. Гроссманнъ все еще стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и по временамъ, съ отчаяннымъ жестомъ, какъ во снѣ, протяжно кричалъ:

— Продаю двадцать пять, въ маѣ, по девяносто пять три четверти! Никто не слушалъ. Торговцы стояли въ выжидающемъ положеніи, глядя другъ другу въ лицо; они сами не знали хорошенько чего они ждутъ но уйти боялись: «вдругъ выйдетъ что-нибудь», какъ только они повернутъ спину. Шумъ мало по малу затихалъ, неправильно возобновлялся и наконецъ стихъ. То тутъ, то тамъ выкрикивалось предложеніе, цѣна, какъ легкое звяканье орудія послѣ окончанія перестрѣлки.

— Продаю, на май, по одной восьмой!

— Продаю двадцать, по четверти!— Даю одну восьмую на май!

На секунду крики усилились. Вдругъ раздался ударъ гонга. Торговцы начали медленно расходиться. Показался одинъ изъ служащихъ биржи, старикъ въ форменной одеждѣ, и началъ оттискивать къ дверямъ группы людей, продолжавшихъ еще совершать сдѣлки. Въ голосѣ его слышалась строгость, когда онъ повторялъ, не переставая.

— Время прошло, джентльмены. Уходите завтракать. Время завтрака. Уходите, или я запишу на васъ штрафъ. Время прошло...

Теченіе людей направлялось къ дверямъ. На галлереѣ для публики нѣсколько человѣкъ стояло, надѣвая пальто. У праваго входа, въ передней, маклеры и торговцы толкались, хватая одежду и шляпы черезъ плечи сосѣдей. Все въ увеличивающемся количествѣ они выходили въ южную и сѣверную двери, направляясь въ конторы для представленія своихъ торговыхъ листовъ. Зала пустѣла; въ «питахъ» уже никого не было, и по мѣрѣ того какъ затихалъ людской шумъ, снова сталъ слышенъ трескъ телеграфа и крикъ мальчиковъ посыльныхъ.

Полъ, чисто выметенный съ утра, теперь былъ весь покрытъ разсыпаннымъ зерномъ овса, ржи, пшеницы, ячменя, клочками сѣна, остатками яблоковъ, апельсинной кожей, перемѣшанныхъ съ изорванными газетами, кусками счетовъ, смятыхъ бумажныхъ стрѣлъ и прежде всего съ безчисленнымъ числомъ желтыхъ телеграммъ, которыя валялись тысячами, загрязненныя и затоптанныя ногами. То были остатки поля битвы, покинутыя траншеи и поломанное оружіе двухъ столкнувшихся армій.

Наконецъ, замеръ послѣдній стукъ телеграфнаго молоточка. Телеграфисты натягивали сюртуки и расходились, перекликаясь, перебрасываясь шутками. Появились женщины съ шайками дымящейся воды; чернорабочіе огромными метлами собирали соръ въ кучи.

На зерновой и пшеничный рынокъ теперь пришли клерки, производящіе разсчеты. Они должны были приводить всѣ ежедневныя сдѣлки «въ кругъ», т.-е. записать всѣ перемѣщенія каждой партіи пшеницы, которая переходитъ въ одинъ и тотъ же день черезъ многія руки. «Пшеница, распроданная Теллеру и Весту!» «Майскій овесъ, распроданный Матьюсону и Ной-Чу!» «Пшеница, распроданная Гретри, Конверсъ и К°.», раздавались ихъ крики въ почти опустѣвшей залѣ.

Сѣрая кошка, въ собачьемъ ошейни-

кѣ красной кожи, вышла изъ угла уборной комнаты и медленно пробиралась черезъ залу. Показался привратникъ и началъ длинной желѣзной палкой закрывать цвѣтныя окна. Въ одномъ углу стучалъ молотокъ и визжала пила—столяры чинили одинъ изъ столовъ съ образчиками.

Наконецъ, и разсчетные клерки ушли, и снова водворилась тишина, хотя прерываемая визгомъ пилы столяровъ да шутками привратника съ женщинами, мывшими полъ. Шаги отдавались во всѣхъ углахъ, какъ въ церкви.

Дневная кампанія была кончена. На большомъ циферблатѣ показатель стоялъ неподвижно, какъ часовой, на девяноста трехъ. Скоро ушли и женщины, и привратникъ. Тогда настало непрерываемое молчаніе, мирный, ненарушимый покой. Лучи полуденнаго солнца проникали въ окна прямыми, параллельными стрѣлами. Не было ни звука, ни движенія. Только въ углу опустѣвшаго пшеничнаго «Пита», на самомъ припекѣ солнца, сѣрая кошка тщательно вылизывала свою шерсть подъ мышкой, высоко поднявъ лапку надъ головой.

IV.

Въ большой гостиной Креслеровъ собралось маленькое общество: Лора и Педжъ съ м-съ Весельсъ, миссъ Гретри, неуклюжая и некрасивая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, одѣтая эксцентрично въ голубое шелковое платье. Джедвинъ и Креслеръ курили около камина, Лендри Кортъ вертѣлся на диванѣ, слушая безконечный разсказъ миссъ Гретри о какой-то родственницѣ, имѣвшей необыкновенный птичій дворъ. Шельдонъ Корфель, во фракѣ и съ незажженной папироской въ рукахъ разсуждалъ съ Лорой и м-съ Креслеръ о весенней выставкѣ акварелей, Педжъ вяло слушала ихъ разговоръ. Тетя Вессъ разсматривала фотографическій альбомъ и считала сколько въ немъ портретовъ м-съ Креслеръ. Подали кофе. Это была третья репетиція предполагавшагося спектакля въ пользу больничной палаты Джедвина и м-съ Креслеръ пригласила всѣхъ актеровъ къ обѣду. Теперь ждали пріѣзда режиссера, monsieur Жераpди, который всегда опаздывалъ.

— По моему мнѣнію,—замѣтилъ Корфель,—акварель, которая стремится быть большимъ, чѣмъ простой эскизъ, переходитъ за предѣлъ своихъ цѣлей. Я утверждаю, что законченная акварель должна давать столько же, сколько даетъ масляная картина. А если это правда, то отчего просто не писать масломъ?

— И при всемъ этомъ, извольте радоваться, никогда не достать яйца къ завтраку!—раздался тоненькій голосокъ миссъ Гретри. Она была смущена. Изъ всѣхъ присутствующихъ она одна не поняла настоящаго характера приглашенія и явилась въ слишкомъ парадномъ туалетѣ. Но Изабель Гретри всегда прощались такіе промахи. Она неизмѣнно дѣлала не то что надо: не то говорила, не такъ одѣвалась и всегда попадала въ непріятныя приключенія. Несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, она оставалась подросткомъ неразвитымъ и неуклюжимъ.

— Ни одного яйца при трехъ тысячахъ куръ!—продолжала она.—Вы только подумайте! У плимутской породы былъ шипунъ. А у остальныхъ... ей-Богу не знаю! Просто не неслись.

— Надо щекотать имъ подошвы ногъ,—объявилъ Лендри не обыкновенно серьезно.

— Щекотать ноги?

— Самое лучшее средство когда куры не несутся. Это извѣстно.

— Подумайте!.. Завтра же напишу тетѣ Алисѣ...

Креслеръ стряхнулъ пепелъ съ сигары и обратился къ Джедвину:

— Кажется, одинъ Ліекрафтъ потерялъ почти пятнадцать тысячъ.

Онъ говорилъ о спекуляціи Джедвина съ майской пшеницей, которая закончилась недѣлю тому назадъ. На другой день послѣ продажи за счетъ Джедвина милліона четвертей пшеницы, во время утренняго собранія биржи пришло извѣстіе о предполагаемомъ проектѣ закона во Франціи. Посреди необычайнаго крика цѣна упала. Паника охватила «быковъ». Ліекрафтъ былъ сраженъ при самомъ

началѣ. Группа Портеуса употребила героическія усилія, чтобы держать пшеницу, но это оказалось невозможнымъ они уступили и цѣна быстро съ девяносто трехъ и пяти восьмыхъ при открытіи рынка, упала до восьмидесяти восьми. По этой цѣнѣ Джедвинъ началъ покрывать разницу. Спекуляція удалась какъ нельзя лучше. Джедвинъ не зналъ какъ велика была прибыль Гретри, но самъ онъ получилъ отъ него чекъ на пятьдесятъ тысячъ долларовъ чистаго барыша.

— Поздравлять васъ я не буду,— продолжалъ Креслеръ.—Въ сущности, я желалъ бы, чтобы вы проиграли, если бы это могло удержать васъ разъ навсегда вдали отъ биржи. Теперь вы у праздника. Я знаю... Господи, мнѣ ли не знать?.. Я свою долю этого имѣлъ... Я знаю, какъ человѣкъ втягивается въ спекуляціи...

— Чарли, это не спекуляція,—перебилъ его Джедвинъ.—Это было вѣрнѣйшее дѣло, все равно что найти деньги. Если бы я зналъ, что какой-нибудь участокъ земли повысится въ цѣнѣ, вѣдь я бы его купилъ?

— Тѣмъ хуже, если вамъ удалось такъ легко и что вы дѣйствовали такъ увѣренно. Знаете ли вы,—вдругъ прибавилъ онъ, что Ліекрафтъ взялъ мѣсто бухгалтера на одной фабрикѣ?

Джедвинъ дергалъ усы. Онъ смотрѣлъ на Лору черезъ головы Лендри и миссъ Гретри.

— Я и не предполагалъ, что онъ начнетъ яхты покупать... Чарли, честное слово, какіе великолѣпные волосы... какіе великолѣпные волосы у этой дѣвушки!

Волосы Лоры были въ этотъ вечеръ высоко зачесаны и придерживались страннымъ рѣзнымъ гребнемъ изъ слоновой кости, который принадлежалъ ея бабушкѣ. На ней было черное шелковое платье, на плечѣ была приколота большая махровая роза; она сидѣла прямо, слегка наклонивъ голову въ сторону и внимательно слушала Корфеля.

Теперь домъ Дирборновъ былъ устроенъ, все стояло на мѣстѣ и жизнь вошла въ рутину. Первый мѣсяцъ жизни Лоры въ новой обстановкѣ былъ полонъ маленькими удовольствіями. Она не любила свѣтскихъ развлеченій и предоставляла ихъ сестрѣ. Какъ только кончился Великій постъ, Педжъ кинулась въ вихрь всевозможныхъ приглашеній на чай, въ «танцовальные клубы», на обѣды и въ театры. Она выѣзжала съ м-съ Весельсъ, которая переживала вторую молодость, сопровождая свою хорошенькую племянницу. Каждую пятницу она сидѣла въ галлереѣ моднаго «танцовальнаго класса», смотрѣла какъ Педжъ танцуетъ, тщательно считала танцующія пары, всегда могла сравнить присутствующихъ съ тѣми, которые присутствовали раньше и доложить Лорѣ сколько разъ Педжъ танцовала съ однимъ и тѣмъ же молодымъ человѣкомъ. Лора была серьезнѣе. Она начала читать; не романы, а серьезныя сочиненія, гдѣ много говорилось о «Человѣкѣ» и его «назначеніи», многое она подчеркивала, на поляхъ писала замѣчанія. Два раза въ недѣлю она брала уроки французскаго языка. Корфель часто сопровождалъ ее въ концерты и на лекціи. Ему удалось устроить такъ, что разъ въ недѣлю Лора проводила день въ его мастерской, гдѣ онъ читалъ вслухъ «Сордело», «Свѣтъ Азіи» и другія поэмы, которыя своими инверсіями, удивительными риторическими украшеніями до того поражали тетю Вессъ, что она едва дышала, была ошеломлена.

Лора находила эти чтенія очаровательными. Мастерская была такъ красива, величава, погруженная въ полусвѣтъ; голосъ Корфеля, заглушенный бархатными занавѣсками и коврами, доходилъ до нея тихимъ рокотомъ. Воздухъ былъ пропитанъ куреніями. Противъ воли тактъ и деликатность художника производили на Лору впечатлѣніе. Словами онъ никогда не намекалъ на ихъ разговоръ въ театрѣ, но какими-то неуловимыми оттѣнками въ обращеніи онъ показывалъ, что любитъ ее попрежнему, но что онъ терпѣливо ждетъ какой-нибудь неопредѣлимой и невыразимой перемѣны.

Лендри Кортъ приходилъ къ ней часто. Разъ онъ заставилъ ее и Педжъ поѣхать

съ нимъ на утреннее представленіе комической оперы, настаивалъ на этомъ усиленно, не замѣчая, что Лора не чувствовала къ такимъ представленіемъ никакого интереса. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ выражалъ Лорѣ свою любовь самымъ необычнымъ способомъ и постоянно увѣрялъ ее въ своемъ уваженіи съ многорѣчивою серьезностью, совершенно неумѣстною.

Скоро положеніе дѣлъ осложнилось появленіемъ на сценѣ новаго и неожиданнаго лица Кертиса Джедвина. Невозможно было отрицать того факта, что «Дже» влюбленъ въ любимицу м-съ Креслеръ. У дѣлового человѣка не было таланта Корфеля къ многозначительному умалчиванію, не было его такта; будучи старше Лоры, живя активною жизнью, онъ привыкъ держать себя во всякомъ положеніи съ неуклонною прямотою и, въ противоположность Лендри Корту, ничутъ не боялся Лоры. Съ перваго знакомства Лора заняла оборонительное положеніе. Джедвинъ нападалъ, утверждалъ и обращался къ ней съ настойчивостью и пыломъ настоящей атаки. Лендри она могла угомонить движеніемъ пальца, Корфель безпокоилъ ее только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда говорилъ о своей любви, но Джедвинъ не давалъ ей возможности и подумать о какихънибудь тонкостяхъ. Съ нимъ она постоянно нуждалась во всѣмъ своемъ женскомъ искусствѣ выжидать и уклоняться, чтобы отражать его постоянныя попытки проникнуть въ ту интимную, личную область куда она не допускала никого.

Они видѣлись всюду. Джедвинъ заручился въ своей кампаніи помощью м-съ Креслеръ и встрѣчи слѣдовали одна за другою съ изумительной быстротой. То устраивались поѣздки въ оперу, то обѣдъ, а чаще всего прогулки въ Линкольнъ-паркѣ на рысакахъ Джедвина. Онъ пригласилъ Креслеровъ и Лору на праздникъ своей воскресной школы въ день Пасхи, отъ котораго у Лоры осталось смутное воспоминаніе объ огромныхъ надписяхъ на полотнѣ текстовъ св. Писанія, о связкахъ полевыхъ лилій, о гимнахъ, которые семьсотъ раскрытыхъ ртовъ выкрикивали съ оглушающей силой, и надъ всѣмъ этимъ непріятный запахъ бѣдности и нечистоты, смѣшанный съ ароматомъ лилій и запахомъ гирляндъ изъ елей.

Такъ прошелъ первый мѣсяцъ ея новой жизни. Надъ будущимъ Лора не задумывалась; она слишкомъ радовалась своему освобожденію отъ съуженнаго горизонта Новой Англіи. О послѣдствіяхъ она не заботилась: все пойдетъ само собою, и послѣдствія разовьются безъ всякаго усилія съ ея стороны. Она никогда не спрашивала себя любитъ ли она кого-нибудь изъ людей, добивавшихся ея привязанности. Она была увѣрена лишь въ томъ, что замужъ выходить она еще не хочетъ. Въ мысли о замужествѣ для нея было даже что-то непріятное. Она очень любила Лендри Корта; находила, что дни проводимые въ мастерской Корфеля очаровательны, любила кататься въ паркѣ на рысакахъ Джедвина. Ни одно изъ этихъ удовольствій не должно было исключать другихъ. Что касается любви, она никогда не упускала случая скандализировать тетю Вессъ заявленіемъ:

— Я никого не люблю и никогда не выйду замужъ!

Немного жеманная Педжъ, любившая выставлять на видъ свои идеи о «приличномъ поведеніи», сжимая губы, называла сестру кокеткой. Но это было неправильно. Лора никогда не кривила душой съ своими поклонниками, никогда не интриговала, чтобы скрыть свои отношенія съ однимъ изъ нихъ отъ двухъ другихъ. Въ случаяхъ подобныхъ настоящему, когда всѣ трое были на лицо, она была невозмутима.

Наконецъ въ половинѣ девятаго пріѣхалъ monsieur Жерарди. Любительскіе спектакли были въ большой модѣ въ эту зиму и Жерарди сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ знаменитостью. Его всюду приглашали, и вслѣдствіе этого онъ важничалъ. Онъ ввелъ въ систему строгость, держалъ себя какъ надзиратель, неутомимый, всегда недовольный; съ актерами любителями обращался безцеремонно, надменно, бранилъ ихъ. Это былъ маленькій, нервный человѣкъ, носившій слишкомъ узкій сюртукъ, раз-

вѣвающійся красный галстухъ, продернутый въ кольцо и широчайшія манжетки съ большими запонками изъ мексикайскаго оникса. Въ петличкѣ у него красовалась неизмѣнная гвоздика, завядшая, поблекшая, жалкая. Онъ былъ всегда раздушенъ и говорилъ о себѣ какъ объ артистѣ; умѣлъ дать понять, что свободное время отъ «режиссированія домашнихъ спектаклей» посвящаетъ живописи. Корфель какъ будто не замѣчалъ его существованія.

Съ книгой въ рукахъ, monsieur Жерарди остановился посреди комнаты отпуская поклоны присутствующимъ, наклоняя только плечи, причемъ голова его выскакивала впередъ, точно у него вдругъ свихнулись шейные позвонки. Онъ говорилъ по-англійски безъ акцента, но въ рѣчи его появлялась странная французская конструкція.

— Я предлагаю начать сейчасъ же,— объявилъ онъ.—Итакъ, сегодня второй актъ, а потомъ, если у насъ будетъ время, третій актъ по книгѣ. Второй актъ долженъ идти въ совершенствѣ, въ со-вер-шен-ствѣ!—Онъ поднялъ руку какъ бы не желая принимать ни малѣйшаго возраженія.—И ничего больше ровно ничего!

Всѣ кромѣ Корфеля слушали внимательно. Художникъ, повернувшись къ нему спиною, продолжалъ разговаривать съ Лорой, не понижая голоса. Среди рѣчи Жерарди слышалось по временамъ:— Гармонія свѣта и тѣней... Составъ краски... эффекты композиціи...

Жерарди сверкнулъ глазами въ его сторону и началъ бить книгой себѣ по ладони.

— Идемте, идемте!—кричалъ онъ.— Безъ глупостей. Теперь оставьте барышенъ и за работу. Вотъ сцена. Mademoiselle Гретри, я вынужденъ васъ безпокоить!—Онъ очистилъ свободное пространство въ одномъ углу, раздвигая стулья.—Теперь вниманіе! Здѣсь—онъ поставилъ стулъ направо отъ себя, точно знамя водружалъ—ворота загороднаго дома лорда Глендаля.

— Вотъ оно что!—сказалъ Лендри, кивая торжественно на Педжъ.—Стулъ —это ворота дома.

— А здѣсь,—кричалъ Жерарди, покосившись на него и швыряя другой стулъ,—садовая скамья и столъ, на которомъ поданъ завтракъ.

Педжъ начала хихикать, закрываясь тетрадью роли. У Жерарди расширились ноздри, но онъ отвернулся. Креслеры, Джедвинъ и тетя Вессъ, не участвовавшіе въ спектаклѣ, удалились въ дальній уголъ гостиной.

— На сцену! кричалъ Жерарди, потѣя отъ передвиженія мебели. — Входитъ Маріанна застѣнчиво и нерѣшительно, съ лѣвой стороны. Начинайте... кто Маріанна? Mademoiselle Гретри, пожалуйте, и ради Бога помните свои выходы. Шш—шш! кричалъ онъ, махая остальнымъ руками.—Тишина, прошу васъ. Теперь—Маріанна.

Изабель Гретри, заложивъ палецъ въ то мѣсто пьесы, гдѣ начиналась ея роль, сдѣлала свой выходъ съ словами:

— Ахъ! вотъ опять старый домъ. Ползучія розы...

Но Жерарди сжалъ губы, какъ бы въ героической попыткѣ подавить свое волненіе, и... кинулся на стулъ, скрестивъ ноги. Миссъ Гретри, очень сконфуженная, растерянно смотрѣла на поднимавшіяся плечи режиссера.

— Что-нибудь... что-нибудь не такъ? —спросила она послѣ неловкаго молчанія.

— Великій Боже! Развѣ вы вышли съ лѣвой стороны? Наконецъ, я васъ спрашиваю, *это* лѣвая сторона? Вы прошли черезъ садовую скамью и столъ накрытый для завтрака. Великолѣпное зрѣлище въ день представленія! Маріанна перелѣзаетъ черезъ скамейку и столъ... входитъ черезъ скамью... ха, ха, ха!—Онъ началъ иронически апплодировать, не выпуская книги.—О да! вотъ это игра! Это возбудитъ энтузіазмъ публики.

Миссъ Гретри снова вышла съ лѣвой стороны.

— Ахъ! вотъ опять старый домъ Ползучія розы...

— Стойте! гремѣлъ Жерарди.—Развѣ такъ входятъ «застѣнчиво и нерѣшительно»? Еще разъ. Нѣтъ, нѣтъ! это

не то. Медленнѣе, болѣе... Смотрите на меня.

Онъ сдѣлалъ выходъ, преувеличивая жесты, волоча ноги, придерживаясь за воображаемый заборъ и бормоча фальцетомъ:

— Ахъ, вотъ старый... Еще разъ. Попробуйте сдѣлать вашъ выходъ. Не выходите слишкомъ скоро послѣ поднятія занавѣса. Вниманіе! Занавѣсъ поднимается, когда я хлопну три раза въ ладоши... разъ! два! три!

Но мисъ Гретри помня свою «игру» опять перепутала выходъ.

— Ахъ! вотъ опять старый...

— Слѣва!—перебилъ ее режиссёръ тономъ безконечнаго страданія.

— Ползучія розы...

— Съ *лѣвой* стороны.

— Ахъ да! Я забыла.

Маріанна снова вышла, а Жерарди началъ дѣлать знаки Педжъ и хрипло шепталъ:

— Леди Мери, приготовьтесь. Сейчасъ вамъ выходить. Помните свою реплику.

— Ползучій виноградъ... продолжала Маріанна.

— Розы!

— Ползучій розовый виноградъ...

— Розы! коротко и ясно. Mademoiselle Гретри, сдѣлайте мнѣ одолженіе придерживаться текста.

— Я думала, что вы сказали...

— Продолжайте продолжайте, продолжайте! Господи, возможна ли такая глупость. Леди Мери, готовтесь.

— Ползучія розы съ любовью обвили старые камни. Птицы вьютъ все въ тѣхъ же старыхъ гнѣздахъ...

— Леди Мери, гдѣ вы? Вы выходите изъ воротъ.

— Я жду своей реплики, протестовала Педжъ. Моя реплика: «вспоминаетъ ли меня кто нибудь».

— Знаете что, сказалъ Лендри, подходя къ Педжъ сзади,—было бы великолѣпно, если бы вы вышли съ сѣрой тончей.

— Вотъ что, вы пропустили реплику, mademoiselle Гретри, сказалъ Жерарди мучительно вѣжливо.—Потрудитесь сказать монологъ сначала.

— Собака на сценѣ-это будетъ шикарно, шепталъ Лендри.—Я знаю гдѣ ее можно достать.

— Гдѣ?

— У одного пріятеля. У него есть собака—красота! Изсиня сѣрая...

Они вдругъ замѣтили, что наступило молчаніе. Режиссёръ скрестивъ руки смотрѣлъ на Педжъ.

— Вспоминаетъ ли меня кто нибудь? закричалъ онъ наконецъ. — Она три раза это повторила.

Педжъ поспѣшила на сцену со словами:

— Ахъ какое дивное утро. Виноградъ покрытъ росою.—Потомъ обращаясь къ «дому» и возвысивъ голосъ:—Артуръ!

— Артуръ, повторилъ режиссеръ. Это вы, м-ръ Корфель. Приготовьтесь. Ну-съ, mademoiselle Гретри, вы еще должны что-то сказать.

— Я не могу этого сказать!—бормотала миссъ Гретри, закрывая лицо носовымъ платкомъ.

— Это еще что? Продолжайте. Вы говорите: «Меня не должны видѣть здѣсь. Это все обнаружитъ». Это его реплика.

— Я не могу, шептала миссъ Гретри.

— Не можете? Почему это?

— У меня... У меня кровь течетъ изъ носу.

Въ это мгновеніе Жерарди окончательно вышелъ изъ терпѣнія. Онъ отвернулся, схватился одной рукою за голову и поднялъ глаза въ нѣмой мольбѣ къ небесамъ, потомъ началъ потрясать книгу яростно крича бѣдной Маріаннѣ:

— Только этого не доставало! Вы должны бы были понять, что когда люди репетируютъ пьесу, у нихъ не должна течь кровь изъ носу. Это неприлично.

Миссъ Гретри быстро вышла, а Лора предложила прочесть ея роль.

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ Жерарди.

— Вы... о, если бы всѣ были какъ вы. Вы обязательны, но этого мало. Я оскорбленъ.

Всѣ остальные, совершенно изумленные, окружили режиссёра, старались

объяснить ему въ чемъ дѣло. Но Жерарди на всѣ убѣжденія отвѣчалъ одно:

— Нельзя себѣ позволить такой вещи во время репетиціи.

Лора начала сердиться. Несчастная Гретри ушла въ слезахъ въ столовую съ м-съ Креслеръ. Лора находила, что пришло время вмѣшаться въ это дѣло. Въ концѣ концовъ, что это за персона, этотъ Жерарди, чтобы принимать такой тонъ? Бѣдная миссъ Гретри ни въ чемъ не виновата. Она посмотрѣла французу прямо въ глаза; Педжъ, увидя ея лицо, узнала ея «величественную манеру» и прошептала Лендри.

— Ему слѣдовало бы придержаться. Онъ зашелъ далеко и дальше идти ему Лора не позволитъ.

— Это непристойно, — кричалъ режиссёръ.—Это непозволительно. Я обиженъ.

— Monsieur Жерарди, — сказала Лора, — объ этомъ больше разговора не будетъ, если вамъ угодно.

Наступило молчаніе. Жерарди сдѣлалъ видъ, что онъ не слышалъ словъ Лоры. Педжъ поспѣшила сказать, что въ слѣдующемъ явленіи Маріанны нѣтъ на сценѣ. Вдругъ Жерарди сказалъ совершенно просто:

— Надо продолжать. Тратить время ни къ чему не ведетъ. Леди Мери и Артуръ, готовьтесь.

Репетиція продолжалась. Лора, которая не появлялась въ этомъ актѣ, ушла на свое старое мѣсто въ углу гостиной. Джедвинъ, Креслеръ и тетя Вессъ были погружены въ разговоръ о передачѣ мысли и спиритизмѣ.

Когда Лора вернулась на свое мѣсто, Джедвинъ оставилъ своихъ собесѣдниковъ и подошелъ къ ней.

— Бѣдная миссъ Гретри!—замѣтилъ онъ. — Всегда ни изъ короба, ни въ коробъ. Я послалъ за лекарствомъ.

Лорѣ показалось, что Джедвинъ особенно интересенъ въ этотъ день. Онъ никогда не одѣвался «съ шикомъ» Корфеля или Лендри, но она почему-то и не хотѣла, чтобы онъ такъ одѣвался. Его платье никогда не было «стильно» —ей говорили, что это такъ называется,—но, по собственному опыту съ дамскими портными, знала, что оно было изъ самой лучшей и дорогой матеріи. Отсутствіе ваты на широкихъ плечахъ сюртука въ ея глазахъ вознаграждалъ галстухъ съ готовымъ бантомъ, а бѣлый жилетъ прекраснаго покроя былъ изъ пике такого узора, который она никогда не могла достать для своихъ юбокъ.

— А что если мы пойдемъ въ пріемную? — вдругъ спросилъ онъ. — Чарли купилъ на прошлой недѣлѣ часы— просто чудо. Посмотрите ихъ.

— Нѣтъ, — сказала она. — Я хочу видѣть, какъ Педжъ играетъ въ этомъ актѣ.

— Я боюсь, миссъ Дирборнъ,—продолжалъ онъ, когда они сѣли,—что вы очень скучали въ прошлое воскресенье.

Онъ заговорилъ о праздникѣ въ воскресной школѣ, съ котораго Лора уѣхала рано, жалуясь на головную боль.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—не скучала. У меня голова болѣла.—Ей было стыдно.

Джедвинъ не оставилъ по себѣ въ этотъ день восторженнаго воспоминанія. Онъ говорилъ рѣчь, правда, очень искренно, но совершенно условно и обыденно. А когда онъ управлялъ пѣніемъ, отбивая тактъ книгой, и передъ однимъ изъ куплетовъ заявилъ, что «въ слѣдующемъ стихѣ хочетъ слышать всѣ голоса», его фигура мало говорила ея воображенію. Она представляла себѣ Корфеля на его мѣстѣ и не могла не улыбнуться.

— Мнѣ жаль, что у васъ болѣла голова, — замѣтилъ Джедвинъ. — Я думаю, что мои ребятишки (такъ онъ непремѣнно называлъ своихъ воспитанниковъ) болѣе дѣлали шуму, чѣмъ музыки.

— Я нашла, что они очень интересны.

— Извините меня, но я думаю, что это неправда. Мои ребятишки не интересны: не интересно на нихъ смотрѣть, не интересно ихъ слушать. Но только знаете... я... — онъ задергалъ усы.— Мнѣ кажется, что мнѣ *подходитъ* быть съ ними, спускаться до ихъ уровня,

понимать ихъ. Меня на это дѣло навелъ Муди. Онъ былъ здѣсь пять лѣтъ тому назадъ, и я пошелъ на одно собраніе, а потомъ ходилъ на всѣ. Потомъ я съ нимъ познакомился, и, увѣряю васъ, миссъ Дирборнъ, онъ меня преобразилъ. Я не «обратился къ религіи». Нѣтъ, ничего подобнаго. Но я понялъ, что пора что-нибудь дѣлать, и мнѣ представилось, что дѣловые принципы такъ же примѣнимы въ религіи, какъ въ Ла-Саль-стритѣ, и что если вѣрующіе люди вложатъ столько же энергіи, проницательности и духа соревнованія въ дѣлѣ спасенія душъ, сколько они вкладываютъ въ дѣло спасенія долларовъ, мы достигнемъ чего-нибудь. Тогда я взялъ съ полдюжины упавшихъ, обанкротившихся воскресныхъ школъ, здѣсь, на Арчеръ-авеню, которыя вѣчно враждовали между собою, и соединилъ ихъ въ одну—настоящій трёстъ, устроилъ, будто онѣ были чугунно-литейные заводы—выпроводилъ всѣхъ неспособныхъ людей, ввелъ людей мнѣ подчиненныхъ, поставилъ все на дѣловую почву, и осмѣливаюсь сказать, что теперь нѣтъ въ Чикаго лучше *организованной* школы. Пари держу, что если бы Муди пріѣхалъ сегодня, онъ бы сказалъ: «молодецъ Джедвинъ, ты хорошій и вѣрный слуга Господа».

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, мистеръ Джедвинъ, — поспѣшила сказать Лора.—Не думайте, что я не знаю, что вы дѣлаете хорошее дѣло.

— Оно мнѣ *подходитъ*,— повторилъ онъ. — Я люблю своихъ ребятишекъ, а иногда нахожу такихъ, которыхъ выгодно толкать впередъ. Четыре года тому назадъ я напалъ на одного мальчика... Ему теперь лѣтъ шестнадцать... Бредлей Билли Бредлей. Отецъ— пьяница, мать — прачка, сестра — объ ней лучше не говорить. Онъ мнѣ показался умнымъ и готовымъ работать, я ему далъ маленькую работу въ своей агентской конторѣ. И вотъ, миссъ Дирборнъ, этотъ мальчикъ работаетъ теперь за отдѣльной конторкой, и мой агентъ говоритъ, что онъ у него лучшій работникъ. Такъ хорошо работаетъ, что я могъ отпустить двухъ служащихъ, которые только и дѣлали, что сидѣли и поглядывали на часы, не пришло ли время завтрака, а Бредлей одинъ теперь дѣлаетъ всю ихъ работу и лучше, и скорѣе; а для меня это экономія въ двадцать долларовъ въ недѣлю... тысяча долларовъ въ годъ. И то хорошо для дѣловой воскресной школы... Когда я видѣлъ Муди въ послѣдній разъ я ему сказалъ: Муди, вотъ мой девизъ: «безъ лѣни въ дѣлахъ, пылкій духомъ, хвалящій Господа». Я помню, мы тогда ѣхали на Лизеллѣ... Она почти чистокровная и можетъ бѣжать въ двѣдесять, онъ-то этого не зналъ. Такъ вотъ я ему и сказалъ свой девизъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ: «Дже, это хорошо; держитесь этого; это самый лучшій девизъ для американскаго дѣльца», и пожалъ мнѣ руку... Я этого никогда не забуду.

Лора затруднялась, что ей сказать, и, наконецъ, замѣтила довольно неловко:

— Я увѣрена, что правильно, что это лучшій девизъ.

— Миссъ Дирборнъ,—вдругъ снова началъ Джедвинъ,—отчего бы вамъ не взять на себя одинъ классъ тамъ? Ребятишки совсѣмъ не такъ страшны, когда ихъ узнаешь ближе.

— Мнѣ!—воскликнула удивленно Лора. Она покачала головой.—О, нѣтъ, м-ръ Джедвинъ. Я буду только помѣхой. Не толкуйте моихъ словъ неправильно. Я всѣмъ сердцемъ сочувствую этому дѣлу, но я къ нему не гожусь, не чувствую никакого призванія. Мое воспитаніе было совсѣмъ иное, — прибавила она улыбаясь.—Я принадлежу къ епископальной церкви «самой настоящей сектѣ фарисеевъ». Я бы учила вашихъ ребятишекъ тому что обозначаютъ свѣчи и посты, и отпущеніе грѣховъ.

— Это мнѣ все равно, — отвѣчалъ онъ. — Я думалъ о косвенномъ вліяніи... О томъ вліяніи прекрасной, чистосердечной женщины съ благородной душой, которое она распространяетъ всюду вокругъ себя. Я знаю, чѣмъ оно было для меня. Я знаю, что не только мои ребятишки, но всякій учитель, всякій директоръ школы будетъ воодушевленъ, поощренъ, переродится стоитъ вамъ

*

войти въ зданіе школы. Мужчины нуждаются въ хорошихъ женщинахъ, миссъ Дирборнъ, мужчины, которые дѣлаютъ работу міра. Я вѣрю въ женщинъ, какъ вѣрю въ Христа. Но я не думаю, что онѣ созданы для того только, чтобы заботиться о самоусовершенствованіи — послѣ извѣстнаго предѣла,—развивать свой умъ, жить въ своего рода теплицѣ, въ атмосферѣ диллетантизма, расписныхъ оконъ, въ заключеніи и исключеніи. Нѣтъ, это не годится для Соединенныхъ Штатовъ и для мужчинъ, которые дѣлаютъ изъ нихъ величайшую націю въ мірѣ. Мужчины добыли для женщинъ все—чего хочешь, того просишь,—но имъ надобно, чтобы женщины направляли ихъ, чтобы онѣ учили ихъ жить тою, иною жизнью, гдѣ не все борьба. Только съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ васъ, миссъ Дирборнъ, я понялъ, что эта другая жизнь есть, но я не могу жить ею безъ васъ. Для меня никакая жизнь, не включающая васъ, ничего не стоитъ. Я думаю, безполезно говорить, что я хочу, чтобы вы вышли за меня замужъ, я думаю, что теперь вы сами это знаете. Я васъ люблю, люблю какъ взрослый человѣкъ, а не какъ мальчишка, серьезно, глубоко. Я даже сказать не умѣю, какъ серьезно и какъ глубоко. Я хочу, чтобы вы были моей женой, Лора, дорогая моя, и знаю, что съумѣю сдѣлать васъ счастливой.

— Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, медленно отвѣтила Лора, когда онъ остановился видимо ожидая отвѣта.

— Въ чемъ же тогда? Вы не любите меня? Вы думаете, моя дорогая, что никогда не полюбите меня?

Лора колебалась. Она сняла розу съ корсажа, и обрывая ея лепестки, осторожно кусала ихъ зубами. На другомъ концѣ комнаты раздавались наставленія Жерарди. Тетя Вессъ и м-ръ Креслеръ продолжали обсуждать психическія изслѣдованія и сеансы. Послѣ нѣкотораго молчанія Лора заговорила.

— Вопросъ совсѣмъ не въ этомъ... начала она, тщательно выбирая слова.

— Въ чемъ же тогда?

— Я сама не знаю. Прежде всего мнѣ кажется, что я никогда не выйду замужъ. Я не хочу, м-ръ Джедвинъ, выходить замужъ... ни за кого.

— Я буду ждать.

— Я не хочу давать слова.

— Но вѣдь рано или поздно придетъ время, когда вы и слово дадите, и замужъ выйдете. Вы должны спросить себя когда-нибудь, любите ли вы человѣка, который хочетъ быть вашимъ мужемъ. Отчего не сдѣлать этого теперь?

— Я это дѣлаю... Я себя спрашивала... Я себя спрашиваю.

— И что же вы рѣшили?

— Этого я не знаю.

— Развѣ вы не думаете, что полюбите меня со временемъ? Я, Лора, убѣжденъ, что полюбите. Я заставлю васъ.

— Я не знаю. Это можетъ быть глупый отвѣтъ, но это отвѣтъ. Если я должна отвѣчать честно, а я стараюсь быть честной и передъ вами и передъ самой собой,—это единственный отвѣтъ. Я теперь очень счастлива. Я люблю и васъ, и м-ра Креслера, и м-ра Корфеля—всѣхъ люблю. Но, м-ръ Джедвинъ,—она посмотрѣла ему прямо въ лицо своими серьезными темными глазами,—для женщины замужество—вещь важная. Никогда мужчины не поймутъ—насколько важная. Нужна увѣренность, большая увѣренность. А я ни въ чемъ не увѣрена теперь—ни въ чемъ. Если бы я была увѣрена въ васъ, я не увѣрена въ себѣ. Иногда я говорю самой себѣ и бѣдной тетѣ Вессъ, что никогда никого не полюблю и никогда не выйду замужъ. Но мнѣ самой было бы страшно горько, если бы я знала, что это правда. Мнѣ представляется величайшимъ счастьемъ, что настанетъ день, когда я полюблю кого-нибудь всѣмъ сердцемъ и всей душой, и что я буду вѣрной женой, и буду считать любовь своего мужа драгоцѣннѣйшею вещью на свѣтѣ. Но я убѣждена, что этотъ день еще не пришелъ.

— Но когда онъ настанетъ, убѣждалъ онъ,—можете вы мнѣ сказать объ этомъ прежде другихъ?

— Я сама не буду знать, что этотъ день насталъ, пока не пойму, что люблю человѣка, который хочетъ на мнѣ жениться, а тогда, быть можетъ, будетъ поздно... для васъ.

— Но теперь, по крайней мѣрѣ, настаивалъ онъ,—вы никого не любите?

— Теперь, повторила она, — я не люблю никого.

— И я могу въ этомъ видѣть нѣкоторое поощреніе для себя?

И вдругъ Лора капризно, по какой-то необъяснимой непослѣдовательности, стала другой женщиной, непохожей на ту, которая только что такъ серьезно говорила о замужествѣ. Она колебалась нѣкоторое время, склонивъ голову въ сторону и упорно глядя на лепестокъ розы, который держала двумя пальцами, и наконецъ тихо отвѣтила:

— Если хотите.

Джедвинъ ничего не успѣлъ сказать, потому что Креслеръ и тетя Вессъ, разсказавъ другъ другу свои «случаи» и «предчувствія» захотѣли заинтересовать другихъ людей въ разговорѣ.

— Дже! — сказалъ Креслеръ, — Съ вами случались какія-нибудь странныя вещи — предсказанія, предчувствія и проч.? Мы разговаривали съ м-съ Весельсъ о спиритизмѣ. Лора, у васъ не было ли какихъ-нибудь случаевъ?

Она покачала головой.

— Нѣтъ. Я кажется слишкомъ матеріалистка для этого.

— А вы, Дже?

— Ничего особенного... я только вѣрю въ счастье, въ удачу. Недавно я гадалъ на монету въ конторѣ Гретри. Выпалъ орелъ и я почему-то все время зналъ, что выпадетъ орелъ—и онъ выпалъ.

— И вы заработали много денегъ, сказала Лора.—Я это знаю. Мнѣ это разсказалъ м-ръ Кортъ. Это было удивительно.

— Это было отвратительно, серіозно сказалъ Креслеръ.—Я надѣюсь, что когда нибудь мы всѣ вмѣстѣ справимся съ этимъ человѣкомъ и заставимъ его обѣщать больше никогда не играть.

Лора удивилась. Въ ея представленіяхъ слово «играть» всегда было подозрительно. Оно звучало непріятно, оно казалось связаннымъ съ распущенностью низшаго разряда.

— Играть! сказала она.

— Они-то это называютъ продавать и покупать, продолжалъ Креслеръ,— тамъ, въ Ла-саль-стритѣ. Но это просто игра, пари: биться объ закладъ объ условіяхъ только за недѣли, за мѣсяцы впередъ. Вы держите пари, что пшеница вздорожаетъ, я держу пари что она подешевѣетъ. Всѣ эти молодчики «Пита» пшеницы не имѣютъ, никогда ее даже не видѣли, не знали бы что съ ней дѣлать, если бы имъ ее кто нибудь далъ. Зерномъ они ничуть не дорожатъ. Но въ Іовѣ, въ Канзасѣ, въ Дакотѣ есть тысячи фермеровъ, которые дорожатъ, и сотни тысячъ бѣдняковъ въ Европѣ, которые дорожатъ ею еще болѣе фермеровъ. Я говорю есть люди, которые ростятъ хлѣбъ, и люди, которые его ѣдятъ. Для нихъ это—жизнь или смерть. И вотъ между ними является чикагскій спекуляторъ,—онъ понижаетъ и повышаетъ цѣны безъ всякой причины, для пользы своего кармана. Вы понимаете, Лора, что я хочу сказать?—Креслеръ вдругъ сталъ говорить очень серіозно. Лора слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ.—Вотъ что я хочу сказать: если мы спустимъ цѣну на пшеницу черезъ чуръ сильно—страдаетъ фермеръ, человѣкъ, который ее производитъ; если мы поднимемъ ее черезъ чуръ высоко— страдаетъ бѣднякъ Европы, человѣкъ, который ее ѣстъ. Для крестьянина континента хлѣбъ главная пища, не мясо и картофель, какъ у насъ, а хлѣбъ. Единственная возможность не приносить зла не американскому фермеру, ни европейскому мужику это — держать пшеницу на средней, законной стоимости. Какъ только вы ее вздули или сбили,—кто нибудь страдаетъ. И вотъ эти игроки только и думаютъ, что ворочаютъ цѣну то вверхъ, то внизъ. Подумайте объ этомъ: пища сотенъ и сотенъ тысячъ людей находится на милости у нѣсколькихъ человѣкъ тамъ, въ торговой биржѣ. Они создаютъ цѣну. Они опредѣляютъ, сколько мужикъ заплатитъ за свою крошку хлѣба, а если онъ этого заплатить не можетъ—пусть умираетъ. А что касается до фермера, то это прямо смѣшно. Если я построю домъ и захочу его продать, я самъ на-

значаю цѣну, а если мнѣ даютъ неподходящую цѣну, я его не продамъ. Но если я поѣду въ Іову и соберу урожай пшеницы, я долженъ его продать, хочу или не хочу, по цѣнѣ назначенной нѣсколькими господами въ Чикаго. А они, чтобы разбогатѣть, заставляютъ меня продать ее по цѣнѣ, отъ которой я банкрочусь.

Лора кивнула. Она была глубоко заинтересована. Передъ ней открывался какой-то новый міръ; въ первый разъ въ жизни она узнавала законы политической экономіи.

— И это только одна сторона дѣла, продолжалъ Креслеръ, несмотря на добродушные протесты Джедвина. — Да, я знаю, я софистъ въ вопросѣ о спекуляціяхъ и все-таки намѣренъ проповѣдовать, съ вашего позволенія. Я самъ былъ спекуляторомъ и разорился, такъ что отлично знаю объ чемъ говорю. Вотъ что я хотѣлъ сказать: Сами эти господа, игроки...—ну хорошо, называйте ихъ спекуляторами, если хотите... О Господи! Сколько я видѣлъ прекрасныхъ, много обнищавшихъ молодыхъ людей погубленныхъ, разоренныхъ спекуляціями! Начать спекулировать такъ же легко какъ черезъ улицу перейти. Они наживаютъ триста, пятьсотъ, даже тысячу долларовъ въ два часа времени, пальцемъ не шевельнувъ. Представьте себѣ что это значитъ для юноши, который служитъ клеркомъ за семьдесятъ пять долларовъ въ мѣсяцъ. Ему-бы въ девять лѣтъ не скопить тысячи долларовъ, и они у него тутъ въ одно утро. Вы думаете, что его тогда можно удержать отъ спекуляцій? Прежде всего вы узнаете, что онъ бросилъ свое скромное, скучное мѣсто—о! Я это видѣлъ сотни разъ—и торчитъ въ комнатѣ кліентовъ, тамъ, въ Ла-саль-стритѣ. Онъ входитъ въ одно маленькое дѣло, и еще въ одно и наконецъ заходитъ такъ далеко, что назадъ идти нельзя... А тутъ какой нибудь биллiонеръ, который весь рынокъ зажалъ въ своемъ кулакѣ, отпуститъ одинъ палецъ, и нашъ юноша погибъ и душой и тѣломъ. Онъ не только потерялъ вкусъ, но даже способность къ работѣ и продолжаетъ торчать на биржѣ, пока вдругъ не сдѣлается старикомъ. А иногда кто нибудь спроситъ: «А гдѣ такой-то?» и вамъ вдругъ становится ясно, что молодой человѣкъ исчезъ—пропалъ. Я вамъ говорю, что страсть къ этой игрѣ «Пита», это нѣчто такое, о чемъ нельзя имѣть ни малѣйшаго представленія пока ее не испыталъ. Я думаю, что это хуже пьянства, хуже морфія. Когда вы въ нее попали—она васъ тянетъ, и тянетъ и чѣмъ ближе вы къ концу тѣмъ вамъ легче кажется выиграть, пока вдругъ: —охъ! вотъ онъ водоворотъ... Дже! держитесь отъ него подальше дружище.

Джедвинъ разсмѣялся и поклонившись приложилъ пальцы къ груди Креслера, точно завинчивая винтъ.

— Теперь, миссъ Дирборнъ, объявилъ онъ,—мы его закроемъ. Чарли во всемъ молодецъ, но иногда кто нибудь зацѣпитъ его и откроетъ вотъ этотъ кранъ.

Креслеръ добродушно смѣялся вмѣстѣ съ другими, но улыбка Лоры была принужденна и глаза оставались серіозны. Разговоръ былъ прерванъ. Пока они разговаривали, репетиція шла своимъ чередомъ въ другомъ углу гостинной и теперь Педжъ звала Лору:

— Лора, третій актъ! Ты нужна.

— Я должна бѣжать, сказала Лора, хватая свою роль.—Бѣдный monsieur Жераръди, какъ мы ему надоѣли, я думаю.

Она поспѣшила на другой конецъ комнаты, гдѣ режиссеръ разставлялъ мебель для сцены, справляясь съ книгой.

— Здѣсь кухонный столъ, здѣсь старомодная конторка, здѣсь дверь, здѣсь окно. Кто на сценѣ? Да, молодая барышня съ больнымъ носомъ—Маріанна... При поднятіи занавѣси она вяжетъ, потомъ входитъ герцогиня. Это вы, mademoiselle Дирборнъ. Вы перебиваете—помните. Но вы! вы всегда все помните. Если бы всѣ были какъ вы... Очень хорошо—мы начинаемъ.

Миссъ Гретри довольно исправно прочла свою роль. Наконецъ, послѣ своей реплики вошла Лора со словами:

— «Извините! дверь была отворена. Могу я войти?»

— Elle est vraiment superbe!—шепталъ Жерарди.

Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ жестѣ Лора была знатной дамой, посѣщающей домъ человѣка низшаго знанія. Ничто не могло быть достойнѣе, граціознѣе, любезно - снисходительнѣе ея манеры. Она играла не только свою роль, но драматизировала все окружающее. Казалось, что вся обстановка маленькаго коттеджа стала видима съ того момента, когда она вступила на сцену.

Жерарди перебѣгалъ на цыпочкахъ отъ одной группы къ другой и шепталъ:

— А? Великолѣпна наша герцогиня. Она могла бы играть на настоящей сценѣ.

Но м-съ Весельсъ не была убѣждена. Она сперва слѣдила глазами за племянницей, а потомъ обратилась къ Корфелю:

— Это Лоринъ «важный тонъ». Честное слово, я ее знаю въ этой роли. Она такъ выходитъ въ гостиную, когда Педжъ представляетъ ей своихъ молодыхъ людей.

— Я просто умираю тогда,—сказала Педжъ, смѣясь. — Вѣдь это естественно, что мнѣ хочется, чтобы моя сестра нравилась моимъ друзьямъ? А Лора является—точно по яйцамъ ходитъ, перепутываетъ ихъ имена, будто ей все равно, зоветъ Пинкея—Пинкнеемъ, не слушаетъ, что они говорятъ... Я, право, хочу сквозь землю провалиться отъ обиды.

Репетиція приходила къ концу; Жерарди гремѣлъ и заставлялъ по нѣсколько разъ повторять однѣ и тѣ же сцены. Около десяти часовъ вечера актеры выбились изъ силъ. Подали ужинъ, и Лора вскорѣ собралась уѣзжать, спрашивая себя, кто поѣдетъ ее провожать—Лендри, Джедвинъ или Корфель.

День былъ солнечный и теплый, но около девяти часовъ вечера погода перемѣнилась и лилъ крупный дождь. М-съ Креслеръ предложила сестрамъ ночевать у нихъ, но Лора отказалась. Джедвинъ спрашивалъ Креслера, нельзя ли заложить карету, чтобы отвести сестеръ домой, въ то время, какъ Корфель подошелъ къ Лорѣ.

— Я послалъ давно за двумя экипажами,—сказалъ онъ,—и они ждутъ у подъѣзда.

Это рѣшило вопросъ. Несмотря на настойчивость Джедвина, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, художникъ занялъ лучшее положеніе.

Пока всѣ прощались въ передней, Педжъ сказала Лендри:

— Вамъ лучше всего доѣхать съ нами до нашего дома и тамъ взять одинъ изъ нашихъ зонтиковъ. Вы можете сѣсть съ тетей Вессъ и со мною. Мѣсто найдется. Вы не можете ѣхать домой въ такую бурю безъ зонтика.

Сперва Лендри высокомѣрно отказался. Онъ, можетъ быть, не довольно богатъ, чтобы набрать цѣлую кучу извозчиковъ въ околоткѣ, но слишкомъ гордъ, чтобы разъѣзжать на этихъ извозчикахъ, когда за нихъ платятъ другіе.

Педжъ его разбранила. Еще что? Вотъ идея! Нечего дѣлать такихъ глупостей. Она не намѣрена брать на себя отвѣтственность, если онъ схватитъ воспаленіе легкихъ изъ-за пустяковъ.

— Есть люди,—кончила она,—которые, кажется, никогда не въ состояніи понять, что они уже не дѣти.

— Ну, хорошо,—объявилъ онъ,—я поѣду, если мнѣ будетъ позволено дать долларъ на чай извозчику.

— Кто можетъ давать извозчикамъ по доллару на чай, тотъ могъ бы нанять этого извозчика раньше.

— Тогда семьдесятъ пять центовъ,—рѣшительно объявилъ онъ. И ни цента меньше. Иначе я буду чувствовать себя униженнымъ.

— Лендри Кортъ, будьте любезны и проводите меня до кареты,—сказала она. Лендри повиновался безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

— Если вы готовы, миссъ Дирборнъ, поѣдемте,—сказалъ Корфель. Онъ открылъ зонтикъ, защищая ее отъ дождя.

Лора усѣлась поудобнѣе въ своемъ углу, поправила юбки и сказала:

— Какой дождь! Кто бы сказалъ, что пойдетъ дождь?.. Я боялась, что вы не пріѣдете. За обѣдомъ м-съ Клеслеръ говорила, что вы на какомъ-то собра-

ніи комитета академіи художествъ... по поводу раздачи наградъ. Что это было?

— Да,—отвѣчалъ онъ безразлично,—что-то въ этомъ родѣ. Это было, кажется, довольно важно... для академіи. Но для меня въ настоящее время есть только одна важная вещь,—онъ говорилъ съ сознательной небрежностью, какъ бы о вещи, которую Лора хорошо знаетъ,—важно одно: быть съ вами. Это удивительно! Вы не знаете, какъ я распредѣлилъ всю свою жизнь сообразно съ этимъ.

— Вы, кажется, думаете, что я этому вѣрю,—сказала она.

Она знала, что эти слова вызвали бы у другихъ ея поклонниковъ бурный протестъ. Но въ поведеніи Корфеля особенная прелесть для нея заключалась въ томъ, что онъ никогда не дѣлалъ и не говорилъ обыденныхъ, ожидаемыхъ сю вещей. Такъ и теперь. Казалось, что его болѣе интересуетъ его собственное чувство, чѣмъ отношеніе къ этому чувству Лоры.

— Странно, — продолжалъ онъ, — я уже не мальчикъ; у меня нѣтъ увлеченій; я зналъ многихъ женщинъ, и я довольно видѣлъ того, что толпа называетъ любовью, чтобы понимать, какъ это чувство ничтожно, пусто, какая это суета суетъ. Мнѣ казалось, что поэты не правы, что они, идеалисты, видятъ вещи такими, какими имъ хочется чтобы онѣ были, а не такими какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ... И вдругъ,—онъ глубоко вздохнулъ, *такое* счастье... и оно *мое*. Чудо совершилось, невѣроятное здѣсь и такъ внезапно въ моемъ сердцѣ, въ моей рукѣ, какъ таинственный, великолѣпный, рѣдкій цвѣтокъ. И все же поэты не правы,—прибавилъ онъ.— Они не достаточно идеалисты. Я бы желалъ... Ну, все равно...

— Чего бы вы желали?—спросила Лора, когда онъ остановился. Она знала, что лучше было бы не заставлять его продолжать; она инстинктивно понимала, что онъ какъ-то заставилъ ее сказать эти самыя слова. Она признавала, что ея желаніе продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ было явнымъ кокетствомъ. Во всѣхъ отношеніяхъ было достойнѣе показать менѣе живой интересъ къ тому, чего желалъ Корфель. Она поняла, что дѣйствуетъ подъ вліяніемъ импульса и даже успѣла спросить себя, почему это съ этимъ человѣкомъ ея импульсы такъ часто берутъ верхъ надъ разумомъ? Съ Лендри, съ Джедвиномъ она была всегда покойна, всѣгда владѣла собою. Но Корфель пробуждалъ въ ней всю буйную, безразсудную сторону ея природы. Съ Лендри она была просто старшей сестрой, снисходительной, добродушной. Съ Джедвиномъ она чувствовала, что на первый планъ выходитъ серьезная, искренняя глубина ея характера. Но Корфель будилъ въ ней какія-то мутныя, невѣдомыя глубины, неуловимые порывы безразсудной отваги; и пока она находилась подъ его вліяніемъ, она ни на секунду не забывала, что она женщина. Ее пугало сосуществованіе этой странной второй личности въ ней самой, этого второго непреклоннаго, бурнаго *я*. Она не узнавала себя, пугалась, но чудо изъ чудесъ—это второе я не было ей непріятно. Какое-то обаяніе было въ временномъ подчиненіи этому смѣлому существу, которое все же было она сама.

— Я желаю,—сказалъ Корфель,—я желаю, чтобы вы сказали мнѣ что-нибудь... Я не знаю что именно, но что-нибудь. Какъ бы мало вы ни сказали, этого будетъ довольно.

— Но что я *могу* сказать?

— Это должно быть да или нѣтъ. Такъ дальше продолжаться не можетъ.

— Но почему? Почему?—воскликнула Лора.—Почему надо... что-то кончать? Почему не оставитъ все какъ было? Мы такъ счастливы теперь. Въ моей жизни еще не было такого счастливаго времени какъ эти послѣдніе три, четыре мѣсяца. Я ничего не хочу мѣнять. Мы пріѣхали.

Экипажъ подъѣхалъ къ подъѣзду. Тетя Вессъ и Педжъ уже вошли. Горничная стояла на порогѣ съ зонтикомъ въ рукахъ и Лора слышала, какъ Педжъ говорила горничной изъ передней, что у пріѣхавшихъ есть зонтики и что ей нечего ждать.

Извозчикъ уѣхалъ, Лора и Корфель поднялись по лѣстницѣ.

стр

15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Къ біографіи В. Г. Короленко.—Характерный документъ.—Взаимопомощь среди рабочихъ.—Библіотека въ Балаханахъ.—Шляпный промыселъ.—За мѣсяцъ. 15
16. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Образованіе»—апрѣль-іюль. «Вѣстникъ Европы»—іюль. «Русская Мысль»—іюль). 27
17. **За границей.** Балканская смута.—Въ Англіи.—Чэмберленъ и его проектъ.—Мѣры противъ иммиграціи иностранцевъ.—Смерть лорда Салисбюри.—Въ берлинской народной школѣ.—Новыя общины.—Европа и китайскіе журналисты. 42
18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Бюро даровыхъ юридическихъ консультацій для женщинъ.—Негритянская проблема.—Президентъ Рузвельтъ. 57
19. ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА ПО ОХРАНѢ ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ ВЪ БЕРЛИНѢ. (Ständige Ausstellung für Arbeiterwohlfahrt). **П. Ш—ва.** 61
20. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Славяне и ихъ физическая эволюція. Пр.-доцента **Р. Вейнберга.** 65
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы.—Исторія русская и всеобщая.—Политическая экономія и соціологія.—Философія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва. 79
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 115
23. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ **С. Степанова.** 118

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** (Продолженіе). Перев. съ нѣмецкаго **Н. Андреева.** 17
25. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейнъ** 17

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы**—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха, **въ Одессѣ** въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ Ришельевская 12, —подписная цѣна *безъ доставки* 7 р. 50 к.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку.**

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годоваго экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 3 до 4½ час., *по пятницамъ* отъ 3 до 4½ час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

AP
50
.M67
v.12
no.9

MIR BOZHII

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.12
no.9

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago
54634387